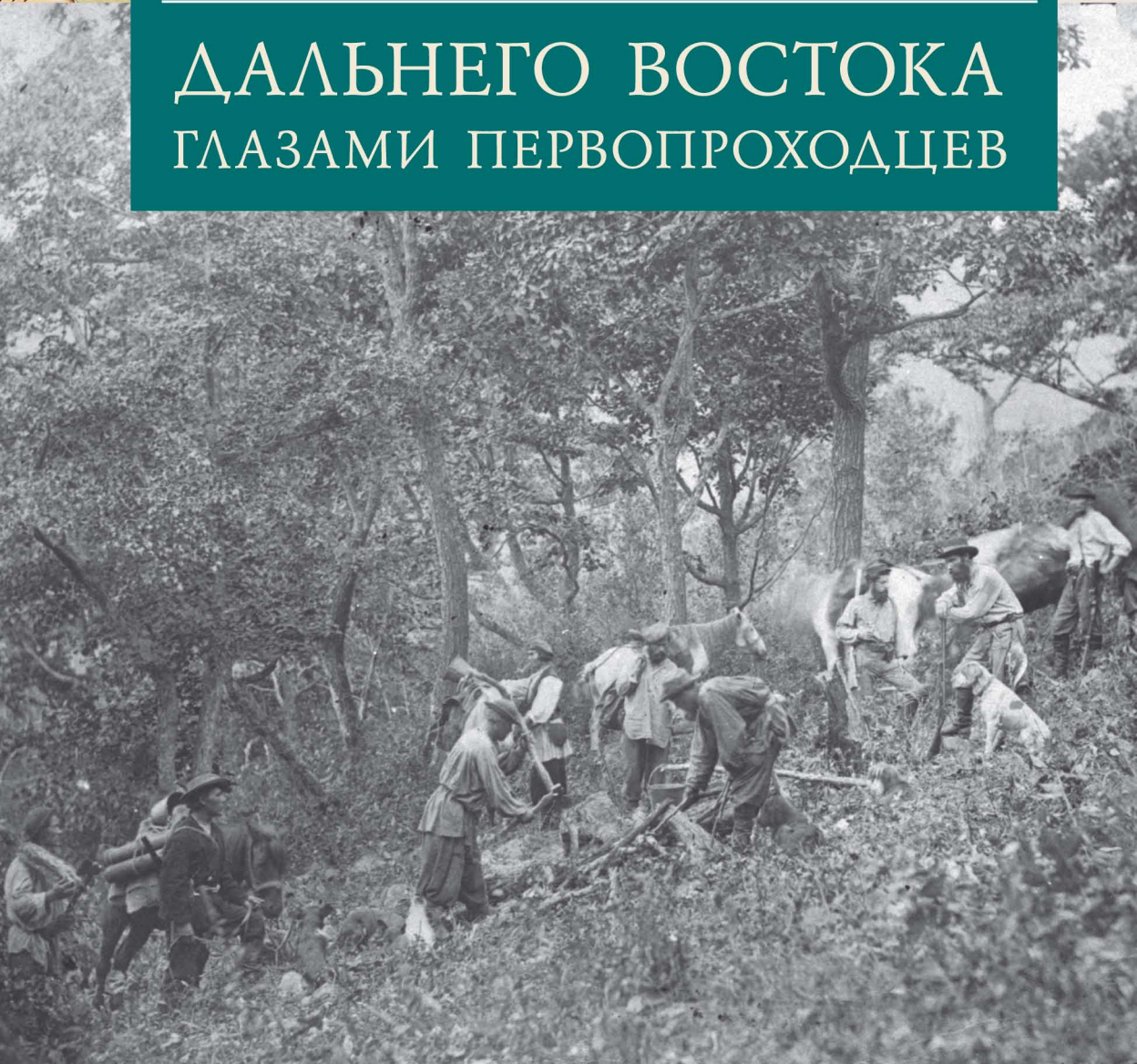

ЛЕСА

ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
ГЛАЗАМИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

ЛЕСА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ГЛАЗАМИ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Санкт-Петербург
2016

УДК 330.322
ББК 63.3(255.3)+26.89(255.3)+43.48
Л50

Л50 **Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев** / сост.: Ю.И. Манько, А.Ж. Пуреховский / под науч. ред. Ю.И. Манько. – СПб: Изд. Д.В. Львов, 2016. – 512 с.

ISBN 978-5-9908645-0-4

Настоящее издание представляет собой сборник уникальных исторических документов по исследованию лесов Дальнего Востока в период освоения этой территории после присоединения Приамурья и Приморья к российским владениям. В тематический сборник вошли издание А.Ф. Будищева «Описание лесов южной части Приморской области» (1883 г.) и впервые издающиеся «Очерк состояния лесной части в Амурской области» и «Краткое описание лесов осмотренной части Южно-Уссурийского края», составленные М.И. Пястухевичем спустя 20 лет после описания маршрутов лесоустроительной партии под руководством А.Ф. Будищева.

Показано зарождение самобытного направления в лесоведении, освещены истоки дальневосточного лесного хозяйства, оценены первые результаты заселения новой обширной территории. По рапортам и очеркам первопроходцев-лесоустроителей можно оценить их беззаветный труд и опыт в освоении новых территорий. Настоящее издание также делает уникальным впервые публикуемая карта лесов, составленная А.Ф. Будищевым в 1864 г. по итогам работы всех членов партии, характеризующая пространственное размещение древесных пород и связь их с топографическими условиями.

Для научных работников, преподавателей вузов, краеведов, аспирантов и студентов и всех интересующихся историей изучения и освоения лесов, а также становлением лесного дела на Дальнем Востоке.

В оформлении издания использованы фотография Карла Шульца (1870-е) и карта части Приморской области, составленная А.Ф. Будищевым (1864).

ISBN 978-5-9908645-0-4

- © Манько Ю.И., предисловие, вступительная статья, биографические очерки, комментарии, 2016.
- © Бабенков Н.В., список старых и новых географических названий, 2016.
- © Всемирный фонд дикой природы (WWF), Амурский филиал, издание, 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНИЮ

Присоединение Приамурья и Приморья к российским владениям окончательно произошло по Айгунскому трактату (1858 г.) и Пекинскому договору (1860 г.). Эта огромная территория была неизвестной и дикой. Естественные первобытные леса на приобретенных землях занимали обширные площади, по составу древесных пород они были не такими, как в средней полосе России и в Сибири. Аборигенное население было столь малочисленным, что край казался пустынным. Редкие стойбища размещались по долинам крупных рек и по Амуру, а в южной части края встречались фанзы – временные жилища манз (китайцев), промышлявших преимущественно охотой и поиском женьшеня.

Проживавшие здесь местные народности занимались собирательством, охотой и рыбной ловлей. На этой территории не было дорог, практически отсутствовали и населенные пункты, они только начали создаваться. Эти новые земли в административном отношении вошли в состав Восточной Сибири, генерал-губернатор которой Н.Н. Муравьев обратился в правительственные круги с просьбой направить в его распоряжение лесного офицера и топографов для приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, по Амуру и его притокам. В 1859 г. (12 мая) Министерство государственных имуществ с высочайшего разрешения командировало в Восточную Сибирь лесоустроительную партию под руководством штабс-капитана корпуса лесничих Алексея Федоровича Будищева. В состав ее вошли запасной топограф Марцеллий Мартынович Любенский и классные топографы Артур Григорьевич Петрович и Антон Иванович Корзун.

Генерал-губернатор предписал военному губернатору Приморской области П.В. Казакевичу обеспечить лесоустроительную партию инструкцией для работы, инструментами, продовольствием и выделить необходимое число нижних чинов.

Работа партии началась в 1860 г. по двум направлениям: 1) по Амуру и 2) вверх по Усури до границы с Кореей и по берегам Восточного океана. Выполнялась она в невероятно трудных условиях: при отсутствии дорог, связи, продовольственных баз, в сложной погодной обстановке, что приводило к порче продуктов и, в свою очередь, вызывало существенное изменение намеченных маршрутов. Отсутствие у членов лесоустроительной партии опыта работы на горных реках сопровождалось рискованными драматическими приключениями, едва не кончавшимися трагически. Но лесные чины были решительно настроены, чтобы выполнить возложенное на них поручение, невзирая на все трудности. Например, А.Ф. Будищев в одном из рапортов в неблагоприятное по погодным условиям лето 1861 года писал, что если дождливая погода продлится и осенью, то он готов работать зимой. А.Г. Петрович, серьезно заболев после крушения на р. Хунгари, просил задействовать его на чертежных и «бумажных» работах, которые можно выполнять и с больными ногами.

Чины лесоустроительной партии были первыми, кто, рискуя, героически познавал дальневосточные леса, стоял у истоков региональной лесной науки и зарождавшего лесного хозяйства в регионе.

В итоге самоотверженных усилий специальная лесоустроительная партия под руководством А.Ф. Будищева «искрестила Приамурский край по всей системе орошающих его рек и их водоразделов» – как отмечено в предисловии к капитальному труду «Описание лесов южной части Приморской области», позже опубликованному по результатам работы партии. Этот труд впервые был издан по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина в 1883 г. в Иркутске. В основе его лежали отчеты всех членов партии, но наибольший вклад в него внес А.Ф. Будищев. До этого в «Записках Сибирского отдела РГО» (1867) было опубликовано «Описание лесов части Приморской области», извлечения из которого были изданы на французском языке. За эту работу А.Ф. Будищев был награжден малой золотой, а А.Г. Петрович – серебряной медалью Русского географического общества.

Тираж «Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью», где были опубликованы труды лесоустроительной партии, почти весь сгорел, поэтому по распоряжению Приамурского генерал-губернатора сборник был повторно издан в Хабаровске в 1898 г. и долгое время он служил единственным источником сведений о лесах Приморья и Приамурья.

К настоящему времени оба издания стали библиографической редкостью. Необходимость переиздания этого документа очевидна. Прежде всего, он имеет непреходящую ценность как документ, подлинно свидетельствующий об исходном состоянии лесов на обширной территории Приморья и Приамурья ко времени их колонизации. На основе его можно проследить изменения в лесном покрове за прошедшее время под влиянием естественных глобальных и региональных факторов, а также в результате рубок и пожаров. Кроме того, стоящие в настоящее время многими экологами задачи восстановления биологического разнообразия в широких масштабах невозможно планировать без знания исходной характеристики лесных биогеоценозов. При этом необходимо учитывать стадийность состояния тех или других участков леса, описанных чинами лесоустроительной партии. Например, А.Ф. Будищев не обратил особого внимания на леса в бассейне оз. Кизи, поскольку на этой территории происходила естественная смена поколений древесных пород; а через столетие (1950-е годы) там сформировались пихтово-еловые древостои с запасом на отдельных участках до 900 и более кубических метров.

Ценным дополнением издаваемого труда является карта лесов, составленная в 1864 г. А.Ф. Будищевым по итогам работы всех членов партии. Она публикуется впервые и представляет высокую ценность не только с точки зрения картографии, но и как документ, характеризующий пространственное размещение древесных пород и связь их с определенными топографическими условиями. Публикация карты А.Ф. Будищева делает настоящее издание уникальным, наглядно и разносторонне характеризующим состояние и размещение лесной растительности в начале колонизации края.

Обследование лесов лесоустроительной партией под руководством А.Ф. Будищева, наряду с картографическими работами, проводимыми в то время чинами Генерального штаба, можно рассматривать как важнейшие события в познании только что присоединенного к России края.

Задумав переиздание трудов лесоустроительной партии и заручившись поддержкой коллег, мы решили активизировать поиски подлинных материалов,

относящихся к ее работе, в архивах Владивостока (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока – РГИА ДВ), Иркутска (Государственный архив Иркутской области – ОГКУ ГАИО) и Санкт-Петербурга (Российский государственный исторический архив – РГИА).

К настоящему времени обнаружено много ранее не известных документов, представляющих большой интерес и существенно дополняющих материалы, которые легли в основу описания лесов Приморской области. Кроме того, многие документы вносят необходимую ясность в личностные характеристики членов лесоустроительной партии. Подлинные рапорты чинов партии оживляют события, в том числе и драматические, возвращая нас в те давние героические времена.

Для общего представления о работе партии подготовлен небольшой хронологический очерк, основанный на документальных материалах, последовательно отражающих ход исследования лесов.

Лесоустроительная партия под руководством А.Ф. Будищева не работала на территории Амурской области. Это связано с тем, что в первую очередь руководство генерал-губернаторства интересовала территория, где предполагалось создание портов, поэтому основное внимание при работе партии уделялось выделению корабельных лесов в Приморской области.

В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, и в распоряжение Приамурского генерал-губернатора был откомандирован запасной лесничий Мечеслав Иосифович Пятушкевич. По поручению генерал-губернатора в 1885 г. он обследовал леса в юго-западной части Амурской области, в 1886 г. – в южной части Южно-Уссурийского края, а в 1887 г. – в Забайкалье. Командировки Пятушкевича заканчивались отчетами (отчет по Забайкалью в РГИА ДВ не найден), которые остались в неопубликованном виде и вследствие этого не стали достоянием специалистов и общественности. В настоящем издании впервые публикуются отчеты М.И. Пятушкевича по обследованию лесов в юго-западной части Амурской области, которое он совершил на пространстве от слияния рек Шилка и Аргунь до Благовещенска с посещением одного из приисков Верхне-Амурской золотодобывающей компании.

М.И. Пятушкевича с полным основанием следует считать первым исследователем лесов Амурской области. Опубликованный несколько ранее его работ очерк Ф. Шперка «Леса Амурского края» (1882), где содержалась также краткая характеристика основных древесных пород, был основан на материалах К.И. Максимовича, А.Ф. Миддендорфа, Г.И. Радде, Ф.Б. Шмидта, Р.К. Маака и некоторых других авторов. Самому Шперку принадлежали компиляция имевшихся сведений и замечания о времени развития листьев и цветения некоторых лиственных пород в Благовещенске, по данным его 5-летних наблюдений. Таким образом, до М.И. Пятушкевича специальных исследований лесов этой территории не проводилось. Хотя его работа не отличалась широким охватом территории, а полученные сведения, во многих случаях, глубиной и детальностью, эти отчеты были первыми документами, характеризующими леса и первоочередные лесохозяйственные проблемы в наиболее заселенной части области.

В 1886 г. М.И. Пятушкевич обследовал в Южно-Уссурийском крае местность от озера Ханка до залива Петра Великого, а на запад – до границы с Китаем, на восток – до бухты Кангауза на берегу Уссурийского залива, затем по перевалу Майхэ – Тудагоу до Лоренцевой телеграфной станции и далее – до Камень-Рыболова. Осмотренная им территория включала 3 полицейских участка (Посьетский,

Суйфунский и Ханкайский), а также земли Уссурийского казачьего пешего полубатальона.

По итогам командировки М.И. Пястушкевич представил рапорт на имя генерал-губернатора, а несколько позже «Краткое описание лесов осмотренной части Южно-Уссурийского края». Эти документы, также публикуемые впервые, дополняют сведения, полученные партией А.Ф. Будищева, и возможность оценить произошедшие изменения в лесном покрове южного Приморья со времени ее работы. Публикуя материалы по характеристике лесов, полученные М.И. Пястушкевичем, имя и дела которого оставались неизвестными даже для лесоводов, мы отдаем дань памяти одному из первопроходцев в изучении лесов Дальнего Востока и предоставляем возможность использовать полученные им сведения в научной и лесохозяйственной деятельности. Следует обратить внимание на то, что в отчетах М.И. Пястушкевича особое внимание уделено проблемам сохранения лесов в наиболее заселенных районах Амурской и Приморских областей. Он считал, что необходимо учредить лесную администрацию (специальные органы по управлению лесами – лесничества – были образованы в генерал-губернаторстве несколько позже – по закону от 1888 г.), а также составлять планы ведения хозяйства с учетом особенностей лесов.

В целом объединив в настоящем издании переиздаваемый труд лесоустроительной партии А.Ф. Будищева и впервые публикуемый очерк лесов юго-западной части Амурской области М.И. Пястушкевича, мы предоставляем возможность судить о лесах южной части Дальнего Востока, какими их увидели первоисследователи. Предлагаемая книга имеет не только научную, но и несомненную культурно-историческую ценность: в ней показано зарождение самобытного направления в лесоведении, освещены истоки дальневосточного лесного хозяйства и особенности природы обширной территории, оценены первые результаты ее заселения и намечены места для новых поселений, – благодаря самоотверженному труду первопроходцев-лесоустроителей. В конечном счете – это часть нашей истории, опыт в освоении новых территорий, кардинально отличающийся от европейской колонизации новых земель.

В настоящем издании текст дается в авторских описаниях с сохранением названия рек и местностей, а также растений. За прошедшее время произошли существенные изменения в систематике растений, поэтому, как считают коллеги-ботаники, чтобы установить современные названия многих приведенных в тексте растений, потребовались бы специальные исследования. Всех интересующихся растениями отсылаем к коллективному труду ботаников «Сосудистые растения советского Дальнего Востока», Т. 1–8. 1985–1996.

В отдельных приложениях приведены современные названия гор, рек и населенных пунктов, упомянутых в тексте, а также меры объема, длины и площади.

В настоящем издании приняла участие инициативная группа сотрудников Биолого-почвенного института Дальневосточного отделения Российской академии наук и Амурского филиала Всемирного фонда природы. Составителями и научными редакторами проделан огромный объем кропотливой исследовательской и творческой работы.

За вклад в издание этой уникальной книги благодарим:

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, директора *Александра Торопова* и заместителя директора *Наталью Троицкую* – за предоставление раритетных материалов и их реставрацию;

Государственный архив Иркутской области и его директора *Ольгу Семенову* – за предоставление копий документов по экспедиции А.Ф. Будищева;

Санкт-Петербургское городское отделение Российского географического общества и директора департамента Исполнительной дирекции Русского географического общества *Виктора Сеничкина* – за любезное предоставление единственного экземпляра карты экспедиции А.Ф. Будищева;

Наталью Батенко и ее научного руководителя д.и.н. *Викторию Андрееву* (СПбГУ) – за помощь в поиске архивных материалов и работу по расшифровке текстов;

Николая Бабенкова – за составление словаря с идентификацией географических объектов из рапортов А.Ф. Будищева, А.И. Корзуна, А.Г. Петровича, М.М. Любенского, М.И. Пястускевича;

Николая Бабенкова и Ольгу Бердникову – за составление схемы маршрутов экспедиций лесоустроительной партии;

Лидию Стрикаускас – за помощь в редактировании и корректуре текстов;

Людмилу Харитонову – за неоценимую помощь в подготовке текстов и макета этой книги;

Светлану Титову – за организацию и коммуникацию всех участников, без которой эта грандиозная работа не была бы завершена.

Ю.И. Манько,
доктор биологических наук, профессор

А.Ж. Пуреховский,
координатор информационных проектов
Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы (WWF)

ХРОНИКА РАБОТ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНОЙ ПАРТИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЛЕСОВ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ (1860–1868 гг.)

В 1859 году, буквально на следующий год после принятия Айгунского трактата о присоединении Приамурья к российским владениям, Министерством государственных имуществ с целью исследования лесов сюда с высочайшего разрешения была командирована специальная партия под руководством штабс-капитана корпуса лесничих Алексея Федоровича Будищева. В состав лесоустроительной партии входили запасной топограф Марцеллий Мартынович Любенский и классные топографы Аркадий Григорьевич Петрович и Антон Иванович Корзун. Посылка специальной партии была сделана согласно правительственному распоряжению от 12 мая 1859 г. о командировании в Восточную Сибирь лесных офицеров и топографов «для приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, на Амуре и его притоках» [8]. В фундаментальном труде, посвященном физико-географической характеристике Дальнего Востока, неверно указано, что экспедиция А.Ф. Будищева была организована Западно-Сибирским отделом РГО [4].

Это была первая специальная экспедиция по исследованию лесов Приамурья. До ее работы сведения о лесах этой территории были фрагментарными и собраны попутно с общегеографическим и флористическим изучением различных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. В частности, очень ценные сведения о лесной растительности бассейна р. Амур, Приалданья и южной части Приохотья были получены А.Ф. Миддендорфом [16]. Чуть раньше работ экспедиции Будищева в бассейне Амура и в Южно-Уссурийском крае путешествовал ботаник К.И. Максимович [12], который предложил районирование амурской флоры, выделил 8 флористических областей и привел ареалы основных древесных пород. В 1859 г. бассейн р. Усури обследовал Р.К. Маак [11], во втором томе сочинений которого, написанном совместно с Э. Регелем, даны сведения о растительности «уссурийской страны», а также деревьях и кустарниках уссурийской долины и их распространении. В 1859–1862 гг. по Амуру путешествовали Ф.Б. Шмидт и П.П. Глен [32], посетившие также заливы Св. Ольги и Посьет, остров Сахалин, реки Амгунь и Бурею.

Решение о посылке специальной лесоустроительной партии на Дальний Восток было инициировано генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым, который 26 сентября 1858 г. обратился в правительственные круги с просьбой направить топографов и знающего лесное дело офицера в Восточную Сибирь для приведения в известность лесов по берегам Восточного океана, на Амуре и его притоках с целью выявления и сохранения корабельных лесов, а также для организации правильного их использования (ОГКУ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61). В циркуляре военному губернатору Приморской области от 22 января 1860 г. генерал-майор

М.С. Корсаков писал: «Значительная потребность строевого леса, вызываемая устройством нового Приамурского края, и важность сохранения лесов, как одного из главнейших предметов внутреннего потребления и внешней торговли, **заставили главное начальство Восточной Сибири обратить особое внимание на приведение лесов Приамурского края в надлежащую известность, установление порядка пользования ими и в особенности на необходимость принятия мер к сохранению корабельных лесов**, имеющих первостепенную важность в видах будущего развития флота и портов наших на Восточном океане» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 318; выделено – Ю. М.). Одновременно он сообщал о том, что в Иркутск прибыли штабс-капитан Будищев из Петербурга (1 августа 1859 г.), Корзун из Тамбова (11 сентября), Любенский из Вологды (2 октября) и Петрович из Твери (8 октября). При прибытии членов лесной партии на Дальний Восток военному губернатору области П.В. Казакевичу было поручено определить круг их действий, снабдить инструкцией, инструментами, выделить необходимое количество нижних чинов, обеспечить продовольствием. Начать работу лесоустроительной партии было рекомендовано одновременно по двум направлениям: 1) от Хабаровки до Николаевска и 2) вверх по Уссури до границы с Кореей и по берегам Восточного океана, руководствуясь действующими в России инструкциями и нормативными документами, но сообразуясь с местными условиями; военному губернатору области предписывалось ежегодно к 1 ноября сообщать в главное управление Восточной Сибири сведения о ходе работ и расходах партии.

В предписании от 29 января 1860 г. Корсаков предложил А.Ф. Будищеву в этом году начать работы лесной партии от Хабаровки по Амуру до Николаевска и далее по берегам Восточного океана, вверх по Уссури к границам Кореи. Далее он информировал штабс-капитана о том, что сделаны необходимые распоряжения военному губернатору области и Иркутской казенной палате о финансовом обеспечении партии. Генерал-губернатор предложил А.Ф. Будищеву задержаться в Иркутске, чтобы получить отправленные из Министерства государственных имуществ в адрес партии съемочные инструменты, а также проконтролировать отъезд топографов к месту работы, посоветовав отправить Любенского прямо в Николаевск для получения от военного губернатора подробных инструкций для действий лесных партий (ОГКУ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61).

Будищев в рапорте от 1 июня 1860 г. военному губернатору Приморской области докладывал, что прибыл в Хабаровку 25 мая и доставил 3 мензулы, 2 теодолита, один нивелир, 4 компаса, один экер и 4 барометра. Одновременно он сообщал: «генерал-губернатор лично приказывал мне: на первое время ограничиться рекогносцировочной и глазомерной съемкой; обратить наибольшее внимание на лес, годный для кораблестроения; и мне отправиться к южным портам» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 322).

Подготовка работ партии на 1860 год была возложена на М.М. Любенского – ему, помимо прогонных от Вологды до Хабаровки, были выданы прогонные от Хабаровки до Николаевска и обратно. В мае, находясь в Николаевске, он постоянно обращался с рапортами к военному губернатору и в штаб Сибирской флотилии по вопросам подготовки предстоящих работ. Так, в мае (21.V) он подал рапорт на имя военного губернатора области, в котором просил инструкцию для работ лесоустроительной партии, а также писал о необходимости выделения средств, необходимого продовольствия, нижних чинов (иметь при каждом отряде 12 рабочих людей, в числе которых должны быть мастеровые люди, снабженные топорами и двумя небольшими

пилами), переводчика и средства для его найма. Кроме того, просил дать отрядам открытые предписания для оказания им содействия в пунктах, которые они будут посещать.

В другом рапорте от 23 мая М.М. Любенский писал, что поскольку отряды будут находиться в течение нескольких месяцев в отрыве от пунктов снабжения, их надо обеспечить повышенным количеством продовольствия, одеждой и другими предметами (парусиной для палаток, нитками, веревками, котелками, буравами). В рапорте в штаб командира Сибирской флотилии от 24 мая Любенский сообщал, что одно отделение лесоустроительной партии намерено направиться в порт Мей (Владивосток), осмотреть леса, а затем отправиться на шхуне «Восток» в гавани Св. Владимира, Св. Ольги, Императорскую и в залив Де-Кастри. В рапорте от 30 мая уже сообщалось, что одно отделение партии в составе Будищева и Корзуна отправляется вверх по Уссури в заливы Герен (Амурский), Св. Владимира, Св. Ольги, Императорскую Гавань и залив Де-Кастри, другое (Любенский и Петрович) – вниз по Амуру и его главным притокам до Николаевска.

Для каждого отделения требовалось выделить унтер-офицера, по 8 человек нижних чинов и продовольствия на 3 месяца. В архивной папке, связанной с подготовкой экспедиционных работ (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 322), содержатся копии распоряжений о выделении членам лесоустроительной партии необходимых материалов и людей, а также сведения о том, что 5 июня Любенским было отправлено в Хабаровку на пароходе «Граф Муравьев-Амурский» 25 пудов груза для экспедиции. В рапорте от 6 июля 1860 г. Любенский представляется как заведующий отделением Амурской лесоустроительной партии и сообщает военному губернатору о том, что, прибыв в Хабаровку 17 июня, он не застал там Будищева, который уже 9 июня отправился по Уссури, а Корзун еще не прибыл из Иркутска. Инструкции Будищеву, которые были подготовлены 30 мая, и все необходимые распоряжения военного губернатора Любенский передал командиру линейного батальона, а сам вместе с Петровичем отправился по Амуру и его притокам.

А.Ф. Будищев, прибыв в Хабаровку, не стал дожидаться инструкции от военного губернатора области, а «...решился воспользоваться удобным случаем подняться по Уссури и Сунгача до озера Ханка вместе с посылаемым от Генерального штаба офицером Доржитаровым». «От майора Дьяченко получил 5 человек с топорами, 5 лошадей с седлами для вьюков, отправленных на Ханку заранее. Люди с провиантом на 3 месяца помещаются вместе с 20 людьми Доржитарова на двух лодках, причем мы взаимно облегчаем и труды и заботы поднятия вверх по реке. Единственный расход я позволил себе сделать, это взять 45 рублей порционных для 5 нижних чинов на 4 месяца» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521, ч. 1).

Об итогах работы в лето 1860 г. Будищев докладывал военному губернатору области в рапорте № 33 (20.IX, Хабаровка), обратив внимание на то, что все работы проводились согласно инструкции, приложенной к предписанию от 30 мая. В рапорте перечислены осмотренные и описанные местности. Среди них: местность от озера Ханка (от истоков Сунгача) до Владивостока с долинами рек Лефу, Веселой, Неожиданной, Саго, Суйфуна, а также долина р. Дауби. Из Владивостока Будищев, безрезультатно прождав в течение 7 дней шхуну «Восток», на которой он должен был отправиться в Николаевск, возвращался тем же путем: вверх по Суйфуну, затем по рекам Саго, Се-Лефу, верховье Лефу, далее вверх по р. Сендо, затем вниз по рекам

Дауби и Уссури. Во Владивостоке он запасся провиантом у прапорщика Комарова для 25 человек на 15 дней.

Всего с 7 июня, как докладывал Будищев, им пройдено 2168 верст (по суше 1171, по воде 997 верст). В следующем рапорте (2.X, Мариинский пост) он докладывал, что всего описано им лесов на протяжении 1200 верст, а общая длина пути составляет 2900 верст. «Топограф Корзон в это время осмотрел леса по р. Пор, по которой он поднимался на 50 верст, и по Бикину, по которой он поднимался на 200 верст, по Уссури он поднялся до реки Има. При осмотре оказалось, что по правому берегу р. Пора есть отличный лиственничный лес и корабельная сосна. По р. Бикину отличный кедр и дуб, годные на кораблестроение. Близ Суйфуна и на полуострове Муравьев-Амурский славный кедровый лес, а также дубовый, годные на корабельное дело. В хребтах над долиною р. Лефу, а также над долиной, впадающей в р. Лефу Сендо, и еще во многих местах хребта к западу от долины р. Лефу есть большемерный мачтовый сосновый лес». Корзон водою проделал 1352 верст (Из рапорта Будищева № 33 от 20.IX // РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521, ч. 1).

Вторая часть лесоустроительной партии в составе М.М. Любенского и А.Г. Петровича совместно обследовала местность от Хабаровки до устья р. Дондон по обоим берегам и все окрестности (протоки, озера, реки) на удалении 15–40 и более верст. Петровичу было поручено обследовать правый берег, начиная от устья р. Дондон, а Любенский исследовал левый берег Амура. В рапорте № 27 от 22.VIII Любенский обратил внимание на то, что по обоим берегам Амура обнаружены протоки, не отраженные на карте. В рапорте также перечислены 15 обследованных местностей, в их числе р. Кур, оз. Синда, р. Найхен (Дондон), оз. Нори (Булон Отжал), р. Ниа (Хунгари) и другие. В рапорте от 9.IX он сообщал, что обследовал еще реки Тудур и Горин до устья р. Боктор. На всех местностях поставлены столбы с буквами или зарубками, чтобы была возможность отыскать обследованные места, сделаны подробные описания лесов. Маршруты сохраняются в черновых брульонах.

По окончанию работ обоим частям лесоустроительной партии было предписано разместиться в Мариинском посту и приступить к «единообразному» составлению отчета. В рапорте от 14 ноября Будищев сообщал, что единообразия в составлении отчета достичь не удастся, поскольку Любенский «не желает моего содействия в составлении отчета», и он просил разрешения составлять отчет в Хабаровке, где оставлен собранный им гербарий. Но ему в этом было отказано.

Работа лесоустроительной партии была под контролем военного губернатора области. Так, в январе 1861 г. генерал-губернатор напомнил военному губернатору области о необходимости представления отчета лесоустроительной партии, а тот, в свою очередь, чинам лесоустроительной партии. В феврале Будищев сообщал, что отчет будет подан в ближайшее время, однако его личный отчет задерживается по причине недоставки ему необходимых сведений из Хабаровки. 15 мая он представил отчет за 1860 год в виде одной книги и 6 карт и пояснил, что ботаническое описание древесных и кустарниковых пород, которое он должен был составить, будет выслано несколько позже из Хабаровки; 30 мая он представил военному губернатору этот труд.

В рапорте от 22 мая М.М. Любенский сообщал, что представляет карту обзора местностей Амура, его притоков и окрестностей, а также 6 маршрутов замечательных мест, осмотренных в прошлом году (оз. Булонское, р. Хунгари (Ниа), оз. Эовве, часть р. Горин, часть правого берега между ст. Хунгари и оз. Ханка, долина р. Тудур).

План работ на 1861 год был предложен уже А.Ф. Будищевым, который осуществлял общее руководство партией, ставя в известность военного губернатора и управляющего области о предстоящих работах. В этом отношении показателен его подробный рапорт № 3 от 5 марта 1861 г. на имя управляющего Приморской областью, в котором он сообщал о собственных планах на этот год и планах каждого участника партии, основанных на взаимном согласии (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328). Одновременно он просил управляющего области оказать содействие в работах – выделить необходимое количество нижних чинов, вьючных лошадей, продовольствия и снабдить документами (предписаниями), дающими возможность получать помощь и продовольствие, в том числе и в местах, куда участники партии прибудут. Сам он намеревался совершить маршрут, как и в прошлом году, от границы с Китаем для осмотра горной части вновь приобретенного края. Кроме того, планировал пройти от порта Мей (Владивосток) горами до Св. Ольги, исследуя при этом верховья и истоки рек Лефу и Дауби, и речек, текущих с хребта к морю, и, поднявшись от Св. Ольги по р. Вайфудин, исследовать речки Лифудин, Сандагоу и верхнее течение Уссури до устья р. Дауби. Предполагаемый путь, по оценке Будищева, ожидался протяженностью около 2000 верст, которые он должен описать и составить общую карту в 10-верстном масштабе. В этот объем работ он не включил подъем вверх по Уссури и Сунгача от 5-го поста до оз. Ханка (около 700 верст) и описание уремного пути от устья Дауби по Уссури до Хабаровки (около 560 верст). В итоге Будищев рассчитывал пробыть на полевых работах не менее 5 месяцев.

Для выполнения маршрутов Будищев просил отправить в верхнюю станицу Бусе 6 человек нижних чинов и провиант для них на 2,5 месяца, 3 исправные вьючные лошади с высокими седлами и сумами для провизии. Еще он просил, чтобы его с командой снабдили провиантом в Св. Ольге и порту Мей, а также в местах расположения Уссурийского казачьего батальона и в других пунктах русских владений. «Не выполнив моих заявок, – писал он, – Вы можете подвергнуть меня и команду после тяжелых походов и всяких лишений риску умереть с голоду где-нибудь в гавани» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328).

Далее А.Ф. Будищев докладывал планы работы других членов партии:

1. Топограф М.М. Любенский должен окончить начатые в прошлом году работы по обследованию берегов Амура от Мариинского поста до Николаевска, оттуда пройти сухопутно в гавань Де-Кастри, осмотреть подробно берега оз. Кизи, затем подняться по Амгуни (насколько успеет). Оставшееся свободное время он должен использовать на отыскание по Амуру мест, удобных для вырубki и вывозки древесины до места сплачивания плотов из строевого и корабельного леса. В местах, где к зимнему времени будут сосредоточены рабочие люди, должны быть построены зимовья для их размещения. Для выполнения работ Любенскому нужна лодка с парусом, одна или две лошади.

2. Топограф А.И. Корзун, как и в прошлом году, должен работать по притокам Уссури, начав с р. Бики. Поднявшись в этом году в истоки реки сухим путем, имея у себя двух лошадей и оморочку или легкую гольдскую лодку, которую с провизией для 5 человек могли бы поднять вверх по реке (как можно дальше) два человека. От истоков р. Бики Корзун должен пройти к истокам р. Пор, исследовав оба склона хребта к морю и Уссури. Вернувшись на Бики, где могли в надежном месте храниться продукты, ему следует пройти с работой до истоков р. Има, по которой затем

спуститься к Уссури. В случае позднего начала работ Корзун может ограничиться работами по Бики и Има.

3. Топограф А.Г. Петрович должен осмотреть берега Восточного океана от залива Де-Кастри до гавани Св. Ольги, пройдя этот путь горами с 5 нижними чинами и 3 лошадьми. Обрато Петрович вернется или морским путем на попутных судах в Николаевск или сухопутно через реки Вайфудин, Лифудин и Уссури в Хабаровку.

Участники экспедиции работали в невероятно трудных условиях в ненаселенной, с отсутствием дорог и связи, почти неизвестной стране. Край только начал заселяться русскими людьми, организовывались пока немногочисленные военные посты и гражданские поселения. Редкие стойбища аборигенов располагались в долинах крупных рек, и о них члены лесоустроительной партии не имели сведений, полагаясь на помощь проводников. Особенно тяжелым и драматичным для экспедиционных работ оказался 1861 год с дождливым летом и наводнениями на горных реках.

В рапорте № 33 от 20 июля на имя военного губернатора, который Будищев составлял в китайской фанзе на Уссури в районе устья р. Дзябигу, он докладывал, что с самого начала работ его преследуют неудачи (позднее – 29 мая – прибытие парохода в Хабаровку, где к началу экспедиции не было приготовлено ничего из затребованного, ибо распоряжение об этом поступило вместе с пароходом; отсутствие денег вынудило использовать старые седла и сумы для продовольствия; отсутствие лошадей в Хабаровке, постоянные проливные дожди, разливы рек и другие неурядицы). Из-за дождей вьюки были постоянно мокрыми, становясь вдвое тяжелее, провизия портилась, иногда пропадала, страдали одежда и обувь. Попытка переправить вплавь коней, утомленных предшествующим трудным путем до Уссури, на другой берег закончилась тем, что они были унесены водой вниз по течению, «один из коней был нанесен на корягу, о которую убился до смерти, остальных успели кое-как спасти, вытащив их назад на правый берег р. Дзябигу. По 16 июня непрерывно лили проливные дожди, вода прибыла страшно, Уссури тоже разлилась. [...] Во всяком случае, окончить предполагаемый мною путь в этом году мне, если удастся, то не раньше начала декабря». К складывающейся ситуации Будищев относился без паники. Он писал, что в случае, если дожди будут продолжаться все лето и в осень, следует думать о работе в зимнее время, для чего необходимо приобрести собак и корм для них, доставив его в Ольгу и Владивосток. К работе в зимних условиях Будищев был готов морально и физически. «Породы леса лиственные уже до такой степени мною изучены и усвоены, что и без листвы я сумею различить их настолько, насколько нужно для глазомерного неподробного описания лесов; а хвойные, важнейшие для лесного дела породы леса, зимою еще заметнее, нежели летом» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328).

В конце декабря (26.XII) А.Ф. Будищев докладывал военному губернатору о том, что экспедиционные работы он закончил, прибыв 29.X в 23-ю станицу Уссурийского батальона. Планируемые работы были выполнены, за исключением того, что не пройдена государственная граница по случаю поздней осени. Но взамен сделано два боковых маршрута: 1) по долине р. Сучан с перевалом в долину Дауби и 2) по Лефу с перевалом в долину Циму. Далее он писал: «По реке Лефу и близ озера Хинхай найдены большие запасы соснового леса, хотя и не махтовых размеров, но обыкновенных строевых и отчасти годных на кораблестроение. В других местах найдены обильные запасы кедрового и других пород ценного леса. Как тот, так и другой лес могут быть удобно доставляемы к портам: первый через

Уссури и Амур, второй морским путем. При развитии населения в таких местах, как близ озера Хинхай, так и вдоль берегов океана, имеющих большое преимущество во всех отношениях перед местами по Амуру и Уссури, и доставка леса облегчится и потребление усилится. В 23-й станице по случаю распутицы я пробыл до 29 ноября и по первому зимнему пути прибыл 11 декабря в Хабаровку. Отсюда же для составления отчета о работах думаю отправиться в Мариинский пост при первой к тому возможности на собаках, так как почтовые лошади не на всех станциях есть, а где и есть, то истощены и на худом корме [...] Зимней экспедиции по государственной границе я не могу совершить по невозможности достать у гольдов по Уссури собак [...] и (еще) потому, что усиленная работа в нынешний неблагоприятный год истощила мое здоровье» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328).

К рапорту была приложена «Ведомость пространств Зауссурийского края, осмотренных с целью описания леса и мест, удобных для русских поселений, в 1861 г. штабс-капитаном Будищевым». В ней приведены маршруты, с протяженностью в верстах, указано впервые описанное пространство в верстах и десятинах. В итоге в экспедицию 1861 г. А.Ф. Будищевым пройдено 2069 верст, из них 1515 впервые, и описано 948 390 тыс. десятин. Отчет о работах прошедшего года он, по сведениям А. Сердюка [23], представил в мае 1862 г. в виде: карты на двух листах, 7 черновых маршрутов глазомерной съемки и описания на 42 листах. «Гербарий же и собрание образцов здешних древесных и кустарниковых пород представляю я прямо Лесному департаменту по окончании экспедиции нынешнего года, тогда же займусь составлением свода работ всех чинов лесной партии и общего описания всех осмотренных ими мест» [23. С. 256].

Этот год был еще более неудачным для двух других членов лесной партии. Об этом писал А.И. Корзун в рапорте на имя военного губернатора Приморской области после завершения работ в 1861 г., в результате которых им были осмотрены леса и местность по притокам Уссури: по р. Бики от устья вверх на 485 верст, часть правого берега в верховьях рек Има и Пор в районе ее притока р. Кетен-Дабан. 6 июня с 5-ю нижними чинами и 2-мя вьючными лошадьми, нагруженными продуктами, Корзун отправился в маршрут из Хабаровки. Лодку он купил в окрестностях Хабаровки. Постоянного проводника и переводчика он не нашел, поскольку маньчжуры запрещали гольдам оказывать помощь русским. Поднявшись по Бики на 67 верст, он вынужден был вернуть обратно заболевшего спутника с лошадьми, одна из которых оказалась непригодной для хождения с вьюком. К тому же часть продуктов нечаянно была потоплена. Чтобы не останавливать ход работ, Корзун решил не возвращаться в Хабаровку для пополнения продуктов, а с 4-мя спутниками без лошадей продолжать двигаться вверх на лодке.

Несколько позже, на 363-й версте от устья Бики заболели еще 2 человека, один лихорадкой, другой горячкой, и их пришлось отправить на Уссури на нанятой китайской лодке. Далее изрядно поредевший отряд с большими затруднениями двигался вверх по быстрой реке. Дойдя до истоков Бики и осмотрев водораздельный хребет, Корзун намеревался перевалить на р. Пор (Хор) и по ней спуститься на Уссури. Но, как он докладывал: «переход на р. Пор сухим путем совершенно невозможен был в нынешнее лето, потому что берега р. Пор и притоков его в том месте низменные и в большинстве были покрыты водою. Для облегчения перехода на р. Пор я перешел хребет Кетен-Линь и, дойдя до речки Кетен-Дабан, предполагал по ней сплыть на плотиках в р. Пор, для чего устроил два маленьких плотика, один в 3 бревна,

а другой в 6 бревен 5-аршинных, и, нагрузив их провизией и вещами, начал спускаться. Но проплыв не больше 6 верст, один большой плотик с провизией, топорами и с разными моими собственными вещами и инструментами был опрокинут и все утонуло, *(все)* унесло под коряжник. Оставшись без провизии и топоров на берегу речки Кетен-Дабан в совершенно безлюдном месте, я должен был скорее спешить выйти в жилое место, чтобы избежать голодной смерти» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328).

Это случилось 4 августа. На следующий день Корзун возвратился к своему табору, откуда отправился с людьми к знакомому месту на р. Бики, где достал лодку, на которой отряд спустился на Усури. Как докладывал Корзун военному губернатору, из казенных вещей было утоплено 2 топора, буравчик и пила, часть вещей уцелела (5 простых кулей, парус, палатка, часть веревок), но они были оставлены вследствие тяжести перехода под постоянными дождями по местности, залитой до гор водой. «Гербарий, собранный мной нынешним летом по пройденному пространству, и некоторые мои заметки погибли вместе с сухарями и крупкою...», – докладывал Корзун. 16 августа он, будучи больным, прибыл в Хабаровку, а позже отправился в Мариинский пост.

Еще в более сложной ситуации в этом году оказался А.Г. Петрович, выполняющий маршрут из залива Де-Кастри до гавани Св. Ольги. Путь был проложен береговыми хребтами, удаляясь от берега в тех местах, где было предпочтительнее для движения вьючных лошадей. Маршрут отряда в составе 5 нижних чинов начался 29 мая. Продовольствия было взято на 3,5 месяца. По пути нанимались туземцы для перевозки части груза морем на лодках, 2 человека из отряда использовались для «прочистки пути». Несмотря на спуски и подъемы, на дождливую погоду почти в течение всего июня, к 9 июля отряду удалось дойти до ороченской деревни Хой. Из трех лошадей, бывших в отряде, одна почти не могла идти, заболел солдат, подмок провиант в суммах (в объеме почти месячного довольствия), поиски проводника для дальнейшего пути – все это вынудило Петровича остановиться в селении на довольно продолжительное время. Здесь пополнили запасы сушеной рыбой, взамен попорченного продовольствия, а также подсушили продукты.

Вот как описывал дальнейшие события А.Г. Петрович в рапорте от 5 сентября на имя управляющего Приморской области по окончании работ, находясь в с. Мылки. «Из сведений, собранных мною от туземцев, дальнейшее следование по направлению морского берега представляет еще большие затруднения и, сделав расчет продовольствия, я увидел, что дойти до гавани Св. Ольги, согласно предписания Вашего Высокоблагородия, я не в состоянии в течение того времени, на какое у меня состояло в наличности продовольствие, то для ускорения движения отряда я отклонился у деревни Хой от берега вглубь материка по направлению долины р. Хой; пересекши хребет Ситу, я вышел в верховья р. Тумджи, впадающей в Императорскую Гавань. Здесь пала одна из лошадей, находившихся при отряде, от шедших сильных дождей две сумы с сухарями, сделанных из старой кожи, промокли, прорвались во многих местах, при этом испортилась остальная большая часть продовольствия.

Не имея решительно никакой возможности спуститься к самой Императорской Гавани с той провизией, которая осталась в целости, и запастись сушеной рыбой, я предпринял сделать перевал через хребет Сихотэ-Алинь на реку Хунгари на Амур, где во всяком случае предвиделась возможность спасти людей от голодной смерти, которой следовало опасаться, так как рыбы я мог приобрести в незначительном количестве

и то за очень дорогую цену; при том же нанятые мною проводники обещали нетрудный и скорый переход от реки Тумджи к верховьям реки Хунгари. Но этот переход замедлился болезнью 2 людей из находившейся при мне 5 человек команды; кроме того, у самого перевала через водораздельные горы пала вторая лошадь и люди принуждены были нести часть тяжести на себе. Так что, вышедши на р. Хунгари, я был вынужден для предупреждения голода спуститься вперед на лодке, чтобы, купив у туземцев продовольствие, доставить его навстречу людям, которые должны были по моему распоряжению идти вниз по берегу Хунгари до устья реки Джаура, впадающей в Хунгари с левой стороны, и где, по словам моего проводника Николая Дианова, бывавшего в этих местах, представлялась возможность построить паром, чтобы спуститься ниже. Но сильный разлив воды расстроил все эти предположения; трудная для плавания в обычное время по причине быстрины р. Хунгари представляла почти непреодолимое препятствие для прохода по ней теперь от наваленного леса, камней; лодка моя разбилась, едва успели спасти меня, а все вещи, буссоль для съемки, мои бумаги, заметки, карты, деньги – все было утоплено; не имея возможности ожидать помощи откуда-либо, почти что без платья, а потом и совершенно без обуви я шел по возможности пешком со своим проводником и переводчиком и рядовым 3 роты линейного № 3 батальона Саразакымом Манасыповым по берегу Хунгари, чтобы выйти к гольдским юртам Уодоми, которые по расчету проводника должны были находиться в расстоянии 7 дней, но сильная простуда остановила меня в начале пути, ревматизм лишил меня обоих ног, проводник ушел вперед, оставивши меня с солдатом, чтобы просить у гольдов помощи, которую я действительно получил по прошествии двух недель без всякой пищи, кроме травы. В одно и то же время с прибытием гольдов спустились люди, остававшиеся сзади. Они убили последнюю лошадь. От пункта, указанного переводчиком на Хунгари, они поплыли на пароме, но в наводнение, подобное настоящему, верховья Хунгари решительно недоступны для плавания и все имущество людей погибло, а ровно и сумы, топоры, палатки, ружья; испытывавшие 7-дневный голод, бывшие на пароме 4 человека прибыли к тому месту, где я лежал. Гольды спустили меня и команду на лодках до станицы Хунгари, снабжая, впрочем, самым скудным продовольствием, и выговорили у меня за спасение всех нас 20 рублей звонкой монетой. Не имея при себе не только денег, но даже самого необходимого платья и обуви, я обещал им, что они получают (*деньги*) в Мариинске от софийского земского исправника, которому эти деньги будут переданы мной» (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 328).

Петрович заболел серьезно: «...по причине болезни я едва мог доплыть на лодке до ст. Мылок 4 сентября, но без носилок не могу иметь никакого движения, правая нога моя онемела, покрылась язвами и если в скором времени я не получу медицинского пособия, то, вероятно, лишусь ее. Несчастный случай лишил меня всех моих летних трудов: не имея возможности представить отчет [...] моих работ в законченной форме; [...] прошу назначить мне занятие на текущую зиму именно чертежную и письменную часть занятий в лесоустроительной партии, так как боль в ногах не воспрепятствует заниматься этими работами» [там же].

В последующем рапорте от 8 сентября Петрович сообщал о расходах, произведенных отрядом, и обращал особое внимание на необходимость произвести расчет с гольдами, которые спасли фактически всех участников похода. В декабре Петрович находился в Софийске, откуда он просил Любенского о необходимости приобретения для предстоящих работ серебряных денег (для расчета с гольдами) и компаса. Неудачи и болезнь не лишили его энтузиазма и рабочего настроения.

Без особых приключений прошли экспедиционные работы М.М. Любенского, судя по рапорту, который он представил военному губернатору 6 сентября 1861 г. Любенский докладывал, что 2 июня с 8 нижними чинами он отправился из Мариинского поста на осмотр лесов и местностей в низовьях Амура и по побережью Татарского пролива. Работы были окончены 1 сентября. За это время, согласно приложенной к рапорту ведомости, пройдено 2482 версты, обследованы бассейны озер Кизи, Кади, Удыль и ряда других, залив Де-Кастри и побережье до мыса Невельского, нижняя часть р. Амгунь до хребтов, лежащих близ Охотского моря (325 верст). Зимовать он остался в Николаевске и просил прикомандировать к нему одного человека.

Работа лесоустроительной партии была под контролем главного управления Восточной Сибири, откуда в октябре 1861 г. поступило указание генерал-губернатора о немедленном предоставлении сведений о работе партии. В январе 1862 г. были высланы в Иркутск информация о работе партии, отчет Будищева и два рапорта Любенского.

В ноябре (7.XI) 1862 г. в рапорте № 26 Будищев докладывал военному губернатору области об итогах работы в этом году. К рапорту была приложена ведомость совершенных им маршрутов, согласно которой работы проводились в юго-западной части области (от Сунгачинского поста вдоль государственной границы, в верховьях рек Амба и Мангу, в районах Новгородского поста, Посьета, Славянки, Сидеми, по р. Суйфун до верховьев, Амбабила и в других местах). Всего им пройдено 1493, а описано 1163 версты (728 038 кв. верст). Одновременно он сообщал о планах на 1863 год – обследование побережья (приморских берегов) от Николаевска до Посьета с краткими сухопутными экскурсами. Как он считал, намечаемый план было бы удобно выполнить в составе экспедиции, направляемой для описания берегов от Де-Кастри до Владимирской гавани. В этом году он зимовал в Софийске.

В конце 1862 г. (29.XII) Любенский представил рапорт с приложенной ведомостью осмотренных им пространств за 1860–1861 гг. Всего им осмотрено и описано 2 517 725 десятин (в 1860 г. – 1 155 225, в 1861 г. – 1 362 500). Государству обследование одной десятины, как он посчитал, обошлось в 0,07 копеек.

В конце января (30.01) 1863 г. Будищев в рапорте военному губернатору области (по указанию последнего) сообщил сведения о местностях, в которых можно заготавливать лес немедленно. Рапорт начинался с того, что Будищев заострил внимание на том, что чины лесной партии не имели возможности ни по времени, ни по данным им средствам изучить леса Амурского края настолько подробно, чтобы указать, сколько деревьев, каких размеров и какой породы может быть заготовлено в каждой местности. Опираясь на сведения Любенского и Петровича, Будищев сообщал, что дуб, ясень и другие породы, годных размеров и качеств для корабельного дела, можно добывать по Амуру, начиная от Хабаровки до Софийска, но ниже Горина большая часть пород, годных для корабельного дела, встречаются весьма редко, малых размеров и плохого качества. Лиственный корабельный и поделочный лес нигде не растет густыми насаждениями, а встречается единично, поэтому добывать его казенными служивыми людьми затруднительно. Сравнительно удобно необходимый лиственный лес можно добывать в долине Амура между селениями Орловским и Малмыжским, особенно по берегам озер Болонь и Эовве, где он встречается в смеси с хвойным лесом. Лиственница и кедр в достаточных размерах и удовлетворительного качества имеются по берегам указанных озер, по речным протокам Амура или не далее 2-х верст от берега. Сосновый лес, нужный для адмиралтейства, произрастает

только в Амурской области, его можно доставлять в Николаевск сплавом. Лиственничный корабельный лес может сплаваться как с озер, так и из других мест.

К рапорту была приложена «Записка капитана Будищева по поводу предполагаемых казенных заготовок леса по Амуру», датируемая 1. II. 1863 г. Этот документ представляет большой интерес, в нем высказано мнение специалиста, познакомившегося с «амурской жизнью» и сделавшего заключение о невозможности организации в лесах правильного хозяйства, «как понимаем его мы, лесничество в России». По его мнению, речь может идти о наведении некоторого порядка в вырубке лесов для казенных надобностей, поселенцев и отпуска леса за границу. Он отметил, что край не так богат лесами, как казалось вначале, и обратил внимание на то, что около важных пунктов леса расстроены, что весенние и осенние палы на лугах и на лесных участках приносят вред особенно хвойным лесам, что на постройки используется «сырой» свежесрубленный лес, что снижает время их службы. Далее он посоветовал, чтобы заготовки леса были выгодны для казны, следует рубить лес не далее 2–3 верст от берега, «...так как по недостатку лошадей лес вывозится людьми – труд чрезвычайно тяжелый, особенно по мартовскому снегу». Он обратил особое внимание на то, чтобы «...рабочих людей хорошо содержали, снабжали здоровой пищей, исправной зимней одеждой, бельем и обувью, чтобы за рабочими был хороший присмотр и чтобы обращались с ними не жестоко, но и без слабости». А.Ф. Будищев просил также построить зимовье, снабдить команду снастями для ловли рыбы, домашним скотом, дать мяса на все время работы, назначить добросовестного офицера, опытного в заготовке и сплаве леса, и организовать медицинскую помощь. А ведь речь шла в том числе и о лицах, сосланных на поселение, которых использовали на заготовке леса!

Будищев считал, что развитие лесной промышленности будет весьма «благодетельно» для края и будет содействовать благосостоянию поселенцев. По его мнению, полезно было бы доставить на места лесозаготовок имеющиеся в Николаевске пильные и другие лесные машины, а если их нет – заказать таковые в Америке, что при недостатке на Амуре рабочих рук было бы крайне полезно и выгодно. Далее он давал советы по заготовке (сезон, место разделки древесины) и сплаву леса, в том числе лиственничного и лиственного (отмачивать лиственничный и дубовый лес в течение 2–3 недель в неглубоких водоемах, делать подплотки из сухой осины и бархатного дерева в коре, лиственничный не отмоченный лес формировать в плоты с $\frac{2}{3}$ ели). Таким образом, в «Записке» содержалась программа развития лесной промышленности, в которой особое внимание уделено условиям содержания рабочих на заготовках леса и возможностям облегчения их труда (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521, ч. 1).

В феврале (18. II) 1863 г. военный губернатор Приморской области обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Корсакову с предложениями по сохранению лесов Приморской области, основанных в значительной степени на итогах работы лесоустроительной партии Будищева. Он писал, что работа по обследованию лесов области приближается к концу. Итоги работы партии свидетельствуют о том, что мнение о неистощимости лесов области ошибочно. Недостаток леса уже чувствуется около Николаевска, Мариинска, Софийска. Леса уничтожаются палами.

Чтобы не лишиться лесных богатств, необходимо: 1) учредить управление лесами, назначив специалистов, способных вести правильное хозяйство; 2) отделить корабельные леса и назначить за ними строгий надзор; 3) отмежевать леса для

пользования крестьян; 4) принять меры против палов и 5) поспешить с изданием правил по торговле лесом.

На эти предложения Корсаков в свою очередь сообщил об утверждении «Правил о рубке леса и лесной промышленности в Приморской области...» и предписал ими руководствоваться. Учреждение управления лесами он не поддержал («нахожу неудобным после утверждения правил»). Для выделения корабельных лесов определил использовать членов лесной партии, а выделение крестьянских лесов возложить на землемеров; он также предписал принять меры против бесполезной гибели древесины при расчистке земель под пашню и против палов.

В августе этого года генерал-губернатор, ссылаясь на доклад военного губернатора области от 14 мая о том, что работы по обследованию лесов области закончены и что вскоре ему будет выслан отчет, просил сообщить о том, все ли лесные чины необходимы для продолжения работ по выделению корабельных лесов в области, и, исходя из этого, представить смету работ на 1864 год.

В начале 1863 г. Будищев работал над общим отчетом и над составлением общей карты лесов Уссурийского края, в связи с чем в марте он просил прислать ему с первым пароходом в Софийск карту маршрутов Корзуна за 1862 год. В рапорте № 14 от 1.IV он докладывал планы работ партии на 1863 год, в частности, обратив внимание на то, что не обследованной осталась река с китайским названием Элембира, впадающая в океан между заливом Де-Суффрен и мысом того же названия. Ее должен был обследовать Любенский, но он не сделал этого, а сейчас обследование можно поручить Петровичу, который потом мог бы пройти к истокам р. Пора, впадающей в Уссури. Для этого ему необходимы 3 нижних чина, провиант на полтора месяца, две вьючных лошади с седлами и вьючными сумами, готовальня, зрительная трубка и, кроме того, исправить находящуюся у него буссоль.

Сам Будищев в прошлом году не окончил работы по р. Таудышуй, впадающей в океан севернее залива Св. Владимира, по р. Сандагу и по р. Судза. Но он «...по случаю болезни глаз, полученной от усиленных ежедневных занятий по составлению общей карты осмотренных местностей», может быть, не будет в состоянии окончить эти работы. Их можно возложить на Корзуна, которому следует выделить 3 нижних чина, на полтора месяца продовольствия, 2 вьючных коня с сумами. Сам Будищев будет заниматься составлением общего отчета, сбором семян и образцов древесных пород для музея Лесного департамента. В июне (11.VI) он докладывал военному губернатору, что получил облегчение от глазной болезни и снова может выполнять поручения.

В июне (13.VI) Будищев получил предписание отправиться в Императорскую Гавань для исследования лесных массивов по морскому берегу и внутри страны. Ему поручалось выделить лучшие леса для правительственных целей. Вместе с ним отправлялся Петрович, которому еще был поручен осмотр леса по р. Самальге, изобилующей, по словам туземцев, хорошими лесами. Кроме того, следовало отвести участки леса и площади для частной лесной промышленности. В сентябре (11.IX) Будищеву было поручено осмотреть леса около Николаевска, оценить их качество и количество вырубленного леса. В рапорте Будищева от 7.IX.1863 г. (РГИА ДВ. Ф.1. Оп. 1. Д. 521, ч. 2) содержалась информация о работах в Императорском заливе, где было заложено 12 пробных частей размером от четверти до полдесятины; пробные участки обозначены цифрами на прилагаемой карте в масштабе одна верста в английском дюйме. Отпуск леса он советовал осуществлять по площади, выборочный отпуск рекомендовал

только при незначительных по объему рубках. По его примерному исчислению, площадь лесов в 5-верстной полосе около Императорского залива около 180 тыс. десятин; при цене одной десятины 180 рублей можно выручить 1800 тыс. рублей в течение 20 лет. В рапорте от 6.XI он сообщал, что при учете лесных материалов при погрузке на суда «Эдуард» и «Буэнос» в Николаевске он простудил глаза и вскоре глазная болезнь возобновилась и ему, по настоянию врача, запрещено заниматься письменной и чертежной работой. Поэтому он не может ускорить составление отчета за текущий год и за весь четырехлетний период.

В отчете о работах в 1863 г. (19.V.1864 г.) Будищев докладывал, что за этот период обследованы леса в окрестностях Императорского залива, по р. Тумджи, в окрестностях Николаевска с вычислением на 42 пробных частях запаса и подробной таксацией их [Там же, ч. 1]. Он сообщал, что к отчету приложены 3 карты – окрестностей Императорского залива и Николаевска (масштаб 1 верста в дюйме), а также р. Тумджи (масштаб 5 верст в дюйме). Он информировал военного губернатора о том, что им уже подготовлен общий отчет за 1860–1864 гг., общая карта в масштабе 10 верст в одном дюйме. В рапорте от 3.VI Будищев сообщает, что он представляет общую карту края с обозначением качества лесов на 4-х больших листах и 3-х четвертушках, остальные 3 больших листа находятся у инженер-полковника Романова из Генерального штаба. Вместе с картами передается общий отчет о работе лесных чинов по описанию лесов и мест, удобных для поселения.

В августе 1864 г. Будищев, отбывая в Иркутск в состоянии расстроенного здоровья, просил разрешения у военного губернатора области взять с собою отчет и карту. Позже, в 1865 г. общий отчет Будищева за 1860–1864 гг. и карта на 7 листах были возвращены в край, о чем свидетельствует сопроводительное письмо из главного управления Восточной Сибири от 26 марта в адрес военного губернатора области.

В мае (2.V) 1863 г. А.И. Корзун представил в канцелярию военного губернатора области соображения о заготовках леса для Николаевского порта. В июне он докладывал, что со сдачей отчета 27 апреля выполнил возложенные на него обязанности и ждет новых поручений. Вскоре он получил задание снять на план лесную площадь в бассейне оз. Эовве и организовать там заготовку леса. Корзун посчитал, что для выполнения задания нужны 15 человек с топорами и лопатами, а также просил указать масштаб съемки, сколько вырубить леса, как его разделять и доставлять в Николаевск.

В 1862 г. А.Г. Петрович был назначен смотрителем за лесами в Императорской Гавани. Помимо наблюдения за пользованием лесами, ему поручалось в свободное время готовить корабельный лес для Николаевского порта. В связи с этим в июле Будищев обращал внимание на то, что, несмотря на назначение Петровича лесничим, его содержание должно проходить по штату корпуса лесничих как откомандированного офицера в Приморскую область.

К рапорту Будищева от 6.XI.1863 г. была приложена «Таблица экспедиционных издержек лесных чинов Приморской области за годы 1860, 1861, 1862 и 1863». Всего лесоустроительной партией было израсходовано 5266 рублей 10,5 копеек, обследовано за эти годы 6 962 000 десятин (Будищевым 2 790 000, Любенским 2 517 725, Корзуном 746 875, Петровичем 907 400 десятин). Стоимость обследования одной десятины составила 0,07 копеек. Работа лесоустроительной партии была под жестким финансовым контролем со стороны Иркутской казенной палаты, скрупулезно

проверяющей все расходы и требующей по каждому виду расходов документального подтверждения.

В конце 1864 г. А.Ф. Будищев отбыл в европейскую часть в отпуск, но уже в 1865 г. вернулся на Дальний Восток. Об этом свидетельствует письмо генерал-губернатора Восточной Сибири военному губернатору Приморской области от 3.VIII, в котором сообщалось о том, что капитан Будищев возвращается на Дальний Восток, будучи назначенным еще на 5 лет для окончания дел по приведению в известность лесов.

О пребывании Будищева в 1866–1868 гг. в крае можно судить по двум его рапортам: от 16.VII.1866 г. по поводу зрительной трубки (бинокля), которая числилась за ним еще в первые годы работы, и от 25.I.1867 г. об утерянном компасе со штативом при проезде в 1866 г. во Владивосток. Кроме того, в «Описании лесов Приморской области» есть прямые указания о том, что в 1866–1867 гг. Будищев работал в Южно-Уссурийском крае, в том числе и на полуострове Муравьева-Амурского [22. С. 2]. Работы Будищева в 1867 г. закончились в первых числах октября. По поводу своего состояния он писал: «...чувствуя себя слабым и утомленным, коней совершенно измученными, я решился воспользоваться отплывающим из станицы Буссе пароходом и спустился в станицу Казакевича, где сделал еще несколько пробных вычислений и затем остался на зимовку» [22. С. 307]. На следующий год он, по-видимому, рано начал полевые работы: в феврале, находясь в Шкотовской слободе на р. Цимухе, он отправил двух китайцев на неделю под стражу, что послужило поводом для разбирательства в Приморском областном совете (Ф. 1. Оп. 1. Д. 20).

К этому времени состояние здоровья Алексея Федоровича требовало смены места работы. Об этом свидетельствует рапорт военного губернатора Приморской области Фуругельма генерал-губернатору Восточной Сибири от 10 января 1868 г., в котором он обращает внимание на болезненное состояние Будищева и просит заменить его (ОГКУ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 40). Вероятно, это послужило основанием для подготовки Будищевым отчетов о работах. В РГИА ДВ мне удалось обнаружить рапорт подполковника корпуса лесничих Будищева военному губернатору Приморской области от 7.V.1868 г.: «Имею честь представить Вашему превосходительству отчеты о моих работах за 1866 год на 52 листах и за 1867 год на 27 листах с приложением пробных частей, выполненных в 1867 году, на 12 листах. Кроме того, имею честь представить общий отчет о работах лесных чинов за 1860–1864 годы...» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177). На обороте рапорта резолюция военного губернатора Фуругельма: «Препровождаю рапорт подполковника Будищева со всеми помянутыми в нем приложениями на законное распоряжение областного правления*. 18 мая 1868 г. Хабаровка». На рапорте надпись карандашом: «Отчеты Будищева отданы 4 марта подпоручику Петровичу», – сделанная в 1869 г. после смерти Будищева.

В том же архивном фонде имеется донесение генерал-губернатору от 29 октября 1868 г., в котором сообщалось о том, что в адрес этой высокой особы представляется 7 копий отчета Будищева за 1866 и 1867 годы и пробные площади за 1867 г. [13]. К сожалению, эти документы пока не обнаружены. Надежды на то, что они находились в деле, подлежащем реставрации (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521, ч. 1 и 2), не оправдались, их там не оказалось. Вероятно, копии отчетов Будищева могли сохраниться в Иркутске в архиве генерал-губернатора Восточной Сибири, который телеграфно

* Областное правление в составе двух отделений (распорядительного и хозяйственного) было создано согласно императорскому указу от 3 мая 1866 г. – Прим. Ю.И. Манько.

запрашивал отчеты партии в 1882 г. с целью их издания. Но, как удалось недавно установить, в Иркутском архиве отчетов лесоустроительной партии А.Ф. Будищева также не оказалось. Найден лишь рапорт Петровича о неудачной экспедиции по обследованию лесов. О высокой ценности материалов первого обследования для лесной науки может свидетельствовать мнение Б.А. Ивашкевича, который писал: «приходится пожалеть о том, что остался неопубликованным ...обширный цифровой материал, собранный Будищевым, в виде перечетов пробных площадей и обмеров модельных деревьев» [6. С. 25].

В итоге самоотверженных усилий специальная лесоустроительная партия под руководством А.Ф. Будищева «искрестила Приамурский край по всей системе орошающих его рек и их водоразделов», что было отмечено в предисловии к капитальному труду, позже опубликованному по результатам работы партии [2]. Труд этот под названием «Описание лесов южной части Приморской области» был основан на отчетах всех членов партии, но наибольший вклад в создание его внес Будищев. До этого в «Записках Сибирского отдела РГО» [1] было опубликовано «Описание лесов части Приморской области», извлечения из которого опубликованы на французском языке.

Сам А.Ф. Будищев обследовал преимущественно южную часть Уссурийского края, где он совершил более десятка маршрутов – по Уссури и ее притокам, в районе залива Св. Ольги, около озера Ханка, на пространстве от Раздольного до Посъета, по рекам Лефу, Даубихэ и Цимухэ, на полуострове Муравьев-Амурский и в других местах. Он также привел характеристику лесов в низовьях Амура на пространстве от Мариинска до Николаевска, в районе Николаевска, по р. Тумнин и по берегам Татарского пролива, в том числе и в окрестностях Императорской Гавани. В книге, содержащей описание лесов Приморской области [2], Будищев выступал как основной автор – ему принадлежит 15 описаний конкретных маршрутов и общий очерк природных условий Приморского края, а также лесов и местностей для поселения.

А.Г. Петрович работал по правому берегу р. Амур на пространстве от устья р. Анюй до Софийска, а также по р. Тумджи, в районе Де-Кастри и по берегу Татарского пролива до Императорской Гавани и даже южнее – до устья р. Ыкки. В описании лесов Приморской области, ему принадлежат три очерка с характеристикой посещенных мест [2].

М.М. Любенский исследовал леса по р. Амур от Хабаровска до устья реки [2. С. 50–75], а также по побережью Татарского пролива и в нижней части бассейна Амгуни, в бассейнах озер Кизи, Кади, Удыль и других.

А.И. Корзун проводил исследования по горным рекам Бикин, Иман, Хор и их притокам [22. С. 163–182; 183–295], а также по р. Ваку и в бассейне оз. Эовве.

В 1863 г. Будищев осуществил промышленную таксацию леса на площади более 12 тыс. десятин в районе Императорской гавани, положив тем самым начало лесоустроительным работам на Дальнем Востоке. Заложенные им совместно с Петровичем «пробные части» позволили установить основные таксационные показатели древостоев (состав, возраст, густота, запас, прирост, качество) и определить примерную стоимость лесов в окрестностях Императорского залива. Эта работа должна была продолжаться А.Г. Петровичем, исследования должны были вестись по указаниям, которые были даны ему Будищевым [2. С. 391].

При обследовании лесов в районе г. Николаевска Будищевым были продолжены лесотаксационные работы – осуществлены «пробные вычисления» в са-

мых «разнохарактерных лесных насаждениях в числе 27 полудесятин» [2. С. 118]. В результате обследования им был сделан вывод о том, что первобытные леса с господством ели и лиственницы были разновозрастными, то есть образованными деревьями разных возрастов; почти одновозрастные насаждения занимали большие пространства на местах, где лес выгорел или сплошь вырублен. Он обратил внимание на то, что в хвойных лесах много сухостоя и гнилых деревьев вследствие достижения ими физической зрелости, а также на обилие валежника. Пробные площади были заложены Будищевым и на полуострове Муравьева-Амурского, а также по маршруту Раздольное – Посыет и во многих других местах [2].

По итогам работы Будищев [2] разделил территорию Приамурья на три полосы: северную, среднюю и южную и привел общую характеристику лесов в каждой полосе. Он обратил внимание на Ханкайскую и Сунгачинскую степи, занимающие безлесную котловину. Некоторые авторы рассматривают это разделение территории Будищевым как одну из первых попыток лесного районирования Приамурья.

Основную работу партия осуществила за 4 года (1860–1863 гг.). Сотрудники ее, выполнив главную часть программы, остались на службе по лесному и межевому ведомствам [2. Предисловие]. На результаты работы этой партии возлагались очень большие надежды, связанные не только с познанием лесов, но и с развитием лесной промышленности в регионе. Помощник управляющего государственных имуществ Приамурского генерал-губернаторства П.И. Делле в докладе на хабаровском съезде лесных чинов, оценивая итоги работы партии, говорил: «...к сожалению, исследования экспедиции Будищева не дали ясного ответа о размере возможного отпуска» леса [5. С. 8].

Оценка эта, при внешней ее объективности, несправедлива по существу: могла ли партия из четырех специалистов за такой короткий срок работы на обширных пространствах почти не заселенной страны, покрытой своеобразными лесами, при отсутствии дорог и связи, ответить на поставленные перед ней задачи? В невероятно трудных условиях она положила начало научному изучению лесов, установила особенности их состава и размещения, обратила внимание на чрезвычайную сложность таксации смешанных разновозрастных насаждений, оценила некоторые территории с точки зрения возможности их заселения и отметила первый опыт удачного и неудачного размещения поселений.

В то же время Делле не отрицал научного значения трудов экспедиции, отметив, что ею получены «кое-какие таксационные сведения» о лесах окрестностей Николаевска, Императорской Гавани и Владивостока. О том, что П.И. Делле недооценил практическое значение работ экспедиции, свидетельствует и рапорт запасного лесничего М.И. Пятушкевича на имя Приамурского генерал-губернатора, в котором было предложено для дальнейшей разработки лесного вопроса в крае «...всцело принять за основание труды бывшей лесоустроительной партии Будищева и Петровича» (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 22).

По итогам работ лесоустроительной партии на основании отчетов ее участников было подготовлено «Описание лесов южной части Приморской области», которое содержало характеристику лесов по пройденным маршрутам, и, кроме этого, ботаническую характеристику 137 древесных и кустарниковых пород, произрастающих в Приамурье, и их ареалы, составленную А.Ф. Будищевым в 1861 г. [22]. При маршрутном исследовании лесов впервые в регионе применялись собственно лесоводственно-таксационные приемы: закладка пробных площадей («пробных

частей») в районе Николаевска-на-Амуре, на полуострове Муравьева-Амурского, по Уссури, в районе Камня-Рыболова и в ряде других мест, отбор модельных деревьев, на основе чего устанавливался возраст, прирост древесных пород и их качество. Одновременно с этим обращалось внимание на почвы, состав горных пород, особенности размещения растительности по пройденным маршрутам, наличие поселений и удобных мест для их дальнейшего размещения.

В целом участники экспедиции собрали большой разносторонний материал, ценный не только для познания лесов, но и для общей географической характеристики присоединенного края. Кроме того, А.Ф. Будищевым была составлена карта южной части Дальнего Востока, в масштабе 5 верст в дюйме, с подробным изображением долины Амура с притоком Уссури и южных районов Приморья. На ней пунктирной линией нанесена граница лесов и правильно оценена роль лесных массивов по отдельным районам [25].

«Труды лесной партии, кроме научного интереса, представляют богатый материал для лесоведения Приамурского края и могут послужить ценным руководством при начатом лесоустройстве в этом крае и заселении оногo» [22].

Этот труд экспедиции был опубликован после смерти А.Ф. Будищева по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина в 1883 г. в Иркутске, а в 1898 г. издан повторно в Хабаровске, уже по распоряжению Приамурского генерал-губернатора [2]. Хабаровское издание книги было разослано во все лесничества Приамурского края. «В течение долгого времени эта книга служила главным источником сведений о лесах Приамурья» [6] и не потеряла интереса до наших дней, позволяя делать суждения о динамике лесов за прошедшее время, основанные на фактических материалах.

*Ю.И. Манько,
доктор биологических наук, профессор*

А. Ф. Будищев.
КАПИТАН КОРПУСА ЛЕСНИЧИХ,
ДЕЙСТВИТ. ЧЛ. СИБИР. ОТД. И. Р. Г. О.

**ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ
ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ**

I. ПРЕДИСЛОВИЕ*

В 1859 г. Министерством Государственных Имуществ, с Высочайшего разрешения, были командированы в распоряжение Генерал-Губернатора Восточной Сибири чины лесного ведомства: лесничий Капитан Будищев и состоявший в его ведении запасный топограф Любенский и классные топографы Корзун и Петрович. Им поручено было исследование и описание лесов: в нижнем течении Амура, по реке Уссури, в Южно-Уссурийском крае и по побережью Тихого океана.

Экспедиция эта, в полном ее составе, работала до 1867 г.**, а затем, исполнив главную часть своей программы, члены ее, оставшись на службе по лесному и межевому ведомствам, продолжали свои исследования каждый в отдельности, восполняя пробелы, оставшиеся от первоначальных изысканий лесных пространств в Приморской области.

Экспедиция доставила первые материалы лесной растительности нижнего Амура и обширной полосы, заключающейся, с одной стороны, р. Уссури и южною пограничную чертою до границ Кореи и, с другой, берегом Тихого океана. Кроме того, имея в виду предполагаемую колонизацию края русскими переселенцами, она обратила внимание и на места, удобные для поселения, и составила описание некоторых из них.

Труды лесной партии, кроме научного интереса, представляют богатый материал для лесоведения Приамурского края и могут послужить ценным руководством при начатом лесоустройстве в этом крае и заселении оною.

Ботанические исследования г.г. Радде, Максимовича, Шренка, Маака и Миддендорфа только отчасти касаются лесов того края, и то лежащих по побережью р. р. Амура и Уссури, между тем специальная лесная партия Капитана Будищева искрестила Приамурский край по всей системе орошающих его рек и их водоразделов.

Представленные в Главное Управление членами помянутой Экспедиции рукописи до сих пор оставались неизданными вполне и, как не потерявшие своего научного интереса, печатаются в «Сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью».

* Текст предисловия относится к 1-му изданию книги, отпечатанной в 1883 г. в Иркутске.

** Сведения о том, что экспедиция под руководством А.Ф. Будищева работала в полном составе до 1867 года, ошибочны. А.Г. Петрович в 1862 г. военным губернатором Приморской области был назначен смотрителем за лесами в Императорской Гавани, а с января 1864 г. он уже не числился в составе лесоустроительной партии. М.М. Любенский с 1863 г., А.И. Корзун с 1864 г. уже не работали с А.Ф. Будищевым. – *Прим. Ю.И. Манько.*

II. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ГЛАВНЕЙШИЕ МЕСТНЫЕ УСЛОВИЯ ПРИАМУРСКОГО КРАЯ КАК В ОТНОШЕНИИ ЛЕСОВ, ТАК И ПОСЕЛЕНИЙ РУССКИХ

Географическое положение. Часть Приморской области, осмотренная чинами лесной партии с 1860 года по 1864 год и заключающая в себе Приамурский край, Приуссурийский и Прибрежье Восточного океана, расположена между 42° и 54° север. широты и между 148° и 160° восточ. долготы от меридиана Ферро, или между 130° и 142° от меридиана Гринвича.

Обширная страна, заключающаяся в этих пределах, состоит из местностей весьма разнообразных по климату, почве и местоположению, но есть и много общего в целом очертании края, – это именно континентальный его характер и не столь резкая разница в растительности крайних его пунктов, как бы надо было предполагать, судя по значительной разнице в широте и долготе. Еще характеристическою чертою всей этой страны служит то, что приморские места в ней, в противоположность многим другим приморским местностям обоих полушарий, не пользуются ни лучшим климатом, ни более богатою растительностью в сравнении с континентом не только на одинаковой широте, но даже и на широте значительно большей.

Границы страны. Границы наших владений, приобретенных мирным путем по Айгунскому договору 16 Мая 1858 года и утвержденных за Россией по ратификации его в 1860 году в Тянь-Цзине, обозначены в натуре комиссарами обеих договаривающихся держав и нанесены на составленной карте Генерального Штаба, отпечатанной в 1862 году. Границу от Китайской Империи составляют: река Уссури от ее устья в Амур при станции Казакевичевой до устья в нее реки Сунгача, далее р. Сунгача, озеро Ханка и сухопутные линии по хребтам и речкам до устья реки Тумень-дзянь в море южнее залива Посьета. На севере границами для описи лесов служили пределы доступного следования по притокам Амурской системы, исключая не многие реки, и в том числе систему р. Амгунь, которой осмотр произведен только на 200 вер. от устья, между тем как она доступна гораздо далее, и систему р. Кур, тоже мало исследованную.

Прибрежье Восточного океана, ограничивающее описываемую страну с В., Ю.В. и Ю., занимает протяжение морским путем около 1000 морских миль (1750 вер.), тоже далеко не все исследовано в отношении лесов, именно местность между заливом Св. Ольги и Императорским заливом составляет страну почти неизвестную, о которой имеются лишь отрывочные сведения, преимущественно от морских офицеров, изредка и случайно пристававших к этой части берега.

Топография края. В описанных границах лежит страна по преимуществу гористая и лесистая, с обширными озерами, речными и котловинными долинами

и очень редко со степями значительного протяжения. Страна в этом отношении, впрочем, представляет наблюдателю наибольшее разнообразие и довольно резкие контрасты, иногда даже на близких расстояниях от одной местности до другой.

Главным хребтом всей страны, в пределах выше указанных, следует считать хреб. Сихотэ-Алинь, отделяющий воды Амурской системы от вод приморских на протяжении от окрестностей города Николаевска до пересечения этого хребта государственную границу от Китайской Империи. Хребет этот еще очень мало известен. Мне удалось до 6 раз перевалить хребет в южной части страны, г. Любенский перевалил его 2 раза в северной части края, а г. Петрович перевалил его в вершинах р. Хунгари. Где высший пункт хребта, – этого никто не может сказать в настоящее время, но известно, что к северу он значительно понижается. Непрерывная цепь хребта прерывается только в одном месте, именно на пути к Суйфуну от озера Ханка, где хребет Сихотэ превратился в низменную и пологую степь, заливаемую дождевою водою из долин побочных речек, что составляет факт весьма странный. Эта степь, среди прерванной цепи хребта, тянется почти на 40 верст. В тех местах хребта Сихотэ-Алинь, которые были пройдены и видны при следованиях чинов лесной партии, склоны его оказывались не одинаково покатыми к морю и континенту; но преимущественно замечено, что покатость его к морю значительнее и обрывистее покатости внутрь страны, и это же подтверждается приморскими речками, которых течение всегда почти быстрее, нежели континентальных. Из последних большею сравнительно быстриною обладают реки: Пор, Дондон, Има, Ваку, Бики, Фудзи, Сандогу (Уссури) и Хунгари. Из этого можно заключить, что как высшие пункты хребта, так и наибольшая крутизна склонов его находится в средних его частях. Притоки Амура и Уссури, так же как и приморские реки и речки, текут в более или менее обширных долинах, обрамленных хребтами гор, составляющих главные отроги главного хребта Сихотэ-Алинь. В северной за-Амурской стороне (левой стороне Амура) нет такого сплошного хребта, как Сихотэ-Алинь. Здесь хребты гор, о которых имеются лишь отрывочные сведения, находятся следующие: 1) хребет Даяны, отделяющий долины р. Кур и Гарин, и потом долину Гаринскую от долины Амурской и оканчивающийся утесом Цянка близ устья р. Гарин; 2) хребет Чаятын, отделяющий долину р. Амгуни от долин Гаринской и Амурской и разделяющийся на многие отроги и ветви у устья р. Амгуни; 3) хребет Меочан, отделяющий воды притоков Амурского низовья и устья от вод, впадающих в Охотское море.

Большею частью, чем значительнее река или приток, тем обширнее и их луговые долины. Но правило это подвержено в природе частым отступлениям. Так и в здешней стране озера с их обширными котловинами и некоторые из больших рек составляют отступления от нормального порядка.

Самое замечательное в целом крае озеро есть, разумеется, озеро Хинхай или Ханка (на китайском языке это значить средиземное). Озеро это, его единственный исток, р. Сунгача и вся местность к р. Уссури на С., В. и Ю. составляют самую обширную в крае степь, около 125 верст протяжения, низменную, легко заливаемую и почти горизонтальную и безлесную. За тем следуют большие озера в Амурской долине Болён-Оджал, Удыл-Бидзи (Ухта) и, наконец, меньшие по величине и окруженные почти до берегов горами озера: Кизи, Када, Цюки, Орель, Чля и многие другие, еще меньшие.

Устье только одной реки Амгуни составляет обширное степное пространство, около 75 вер. шириною, тоже низменное и безлесное. Затем устье р. Пора в Уссури составляет тоже обширную, вер. на 50, степную равнину, но достаточно облесенную. Остальные притоки Амура и Уссури в черте описываемого края почти все текут в истоках своих в узких ущельях между крутых гор, и долины их постепенно, хотя и неправильно, расширяясь к их устью, заключают вместе с тем постепенно более луговых безлесных пространств, почти везде заливаемых водою, прибылою от весеннего таяния нагорных снегов и от летних проливных дождей.

Реки Бикин и Има, с ее притоком Ваку, представляют опять отступление от нормы. Их долины в устье не представляют ничего особенного, даже довольно узки, сравнительно с их протяжением и значительностью их водных бассейнов. Но в среднем течении они имеют довольно значительные котловинные, в несколько верст в ширину, лесом заросшие пространства, часто гораздо обширнее долины Уссури, в которую они вливают свои воды.

Степень лесистости края находится в прямом отношении к близости к источникам рек. Единственное исключение этому голые местами гребни хребтов, весьма круто обрывистых и скалистых. Впрочем эти безлесные гольцы встречаются чаще в северной части края, нежели в южной, да и вообще не нарушают правила, что лес всегда изобильнее, чем дальше от больших вод и чем ближе к большим горам, так как по большей части в хребтах здешних мало скалистых гор и даже мало выдающихся из хребта пунктов вроде Альпийских или Кавказских вершин. Большая часть перевалов чрез хребты, по проложенным первобытными обитателями страны – китайцами, гольдами, ороचनाми и т. д. – тропам, представляет самые слабые скаты, едва заметные для путника, хотя путь лежит чрез хребты, отделяющие значительные водные системы и, вероятно, чрез значительно возвышенные над уровнем моря пункты.

Климат страны. Климат страны принадлежит к умеренному и соответствует умеренному климату континентальной части Европейской России. Но принимая во внимание географическое положение страны, климат ее значительно суровее климата мест, на одной широте лежащих даже на материке России, не говоря уже о прибрежных местах как России, так в особенности Европы и Америки, где он значительно теплее. Море, омывающее берега здешнего края на таком значительном протяжении, если оказывает влияние на климат и растительность страны, то, насколько до сих пор замечено, по преимуществу вредное, а не полезное. Влияние моря и здесь, как и везде, обнаруживается увеличиванием сырости климата. К южным частям края прилегает неизмеримый Восточный океан. Средние и северные части страны омывает часть того же океана, находящаяся между двумя скалистыми берегами – Сахалинским и Маньчжурским. Из давних наблюдений здешних моряков уже положительно известно, что ветры в этих морях дуют с замечательным постоянством, напоминая пассатные ветры, или вернее муссоны, именно: летом, с мая по октябрь, дуют ветры южные, сначала умеренные, потом к сентябрю все сильнее и сильнее, но бурь при этом почти не бывает (исключением был ураган 5 августа 1863 г. в полосе между заливом Св. Ольги и Шанхаем). Южные ветры сопровождаются в мае сильным утренним туманом, который ослабевает постепенно на юге ранее, к концу мая, на севере позже, иногда к концу июня. Летом бывают по всему побережью частые дожди

после небольшого 2–3-дневного усиления южного ветра. К осени начинает с таким же постоянством на всем море дуть NO, мало изменяющийся в N, NW и очень редко в W. Около равноденствия, большею частью бывают штормы перед изменением в направлении осеннего ветра. Северные ветры тоже сопровождаются туманом еще сильнеешим и дольше продолжающимся, нежели летние туманы, и частыми штормами, разрешающимися в сильные дожди. Ноябрь месяц отличается особенно сильными штормами и туманами, такими, что в 10-ти шагах вперед ничего не видно. Плавание в это время года особенно опасно. Зимой больше дуют ветры с материка, ветер же с моря приносит оттепель (в феврале) даже в Николаевске и сильные снега, так что все приморские места, в сравнении с континентальными, снегами гораздо богаче, отчего зимою страдают леса, а весною сравнительно позже одеваются зеленью от позднего таяния обильных снегов.

От встречи морских и континентальных ветров бывают зимою сильные пурги, особенно свирепствующие в Николаевске.

На материке, в удалении от морских берегов, и вне влияния моря, т.е. в защищенных положениях, мы встречаем климатические условия более благоприятные для растительности и для человека. Здесь именно ветры бывают слабее и непостояннее, меньше дождей и снегу, раннее вскрытие весны и позднее наступление зимы, более разнообразная растительность, успешное созревание плодов, огромные размеры всех пород леса, изобилие цветов и вообще луговых растений, домашнего скота, и вообще лучшие условия для населения и для земледелия, огородничества и скотоводства. Таковую разницу можно легко заметить, если сравнить, напр., среднее течение Уссури с морским берегом на одинаковой широте, Мариинск и Софийск с Де-Кастри, западный берег озера Ханка с зал. Св. Ольги. После, мы покажем, что по растительности почвы, а, вероятно, и по выводам средней температуры, если они будут собраны, как справедливо предполагал Г. Максимович в своем сочинении «*Primitiae florum Amurensis*», изотермы опускаются от материка к морю, по крайней мере, на 2 градуса широты.

Защищенность местоположения, как выше сказано, имеет тоже важное влияние на климат и растительность местности. Это общий вывод из всех частных наблюдений этого факта во всех местностях края. Факт этот согласен и с теорией. Этим же фактом объясняется значительно лучший климат Уссури против Амура, лучшее качество земель по Уссури, лучший урожай хлебов, овощей и трав, сравнительно с Амуром. На Уссури, выше 7-й станицы, там, где долина ее суживается и менее заметно влияние Амурских сильных ветров и пург, значительно теплее, нежели в нижних станицах. На Амуре ст. Тыр, находящаяся на повороте Амура от рукава, открытого к морю, такая заметная разница в вскрытии весны и распускании зелени против Николаевска, которая не может быть ничем объяснена удовлетворительно, как только защищенным положением ст. Тыр.

Наводнения случаются во всем крае довольно часто, но их можно подразделить на периодические и чрезвычайные. Периодические начинаются весною и достигают наибольшей силы около половины мая. Второй раз воды достигают наибольшей полноты по Амуру во второй половине июля тоже довольно постоянно и правильно. Первая вода образуется от таяния снегов с ближних подручных гор; вторая большая вода образуется от накопления в Амуре стоявшей весенней воды из всех его обильных и далеко от него расположенных притоков, из которых главные в этом отношении: Зея, Уссури, Сунгари, Буря. Разумеется,

что поднятию воды в Амуре должна бы, по теории, предшествовать убыль воды в одном или нескольких его притоках. Но на деле выходит иначе, и иногда вода топит берега и на Уссури, и на Амуре, и многих других реках в одно и то же время. Этому причиной обильные дожди летом по всей стране. В Мариинске дождливых дней в году насчитывают 140, в Николаевске 150, в Хабаровске 160, из которых около $\frac{1}{3}$ части приходится на летние 3 месяца. В верховьях Уссури и ее притоках дождливых дней можно бы насчитать еще больше. От этих же летних дождей бывают чрезвычайные или случайные наводнения почти ежегодно по всему краю (исключение составляет 1862 год, знаменитый в летописях Амура засухой, почти повсеместной, и так как засуха эта повторилась во всей Европе, и даже в Америке, то и объяснение ее трудно для обыкновенного наблюдателя).

Наводнения эти так неправильны, что сказать об них что-либо общее можно только в отношении вреда, причиняемого ими поселениям нашим и земледелию. В 1861 и 1863 г.г. наводнения произвели на Амуре и Уссури нашим поселенцам большие опустошения. Самый дождь, предшествующий этим наводнениям, гноит хлеб на корне, так он бывает силен и постоянен.

Выбор высоких мест, безопасных от наводнений, спасает жителей только отчасти от бедствий оттого, что после обильных дождей стоит вода и на этих безопасных высоких, но со слабыми покатосями, возвышенностях иногда вышиною по колено. Излишняя влажность климата в особенности Приуссурийского края имеет основанием только излишнее лесообилие края при его южном географическом положении, так как полуостров Крым далеко не так страдает от наводнений, а напротив слишком часто страдает от засухи, что при одинаковой широте места объясняется только обширными безлесными степями Крыма. Способность лесов задерживать и хранить влагу (гигроскопичность) при таком обильном притоке ее со стороны океана (постоянными летними южными ветрами) делает этот край, во-первых, очень малоразнообразным по климату и, в особенности, по растительности, как мы увидим дальше; во-вторых, вся местность, находящаяся под влиянием океана, с одной стороны, через излишнее лесообилие, терпит понижение в температуре лета, не допускающей растительность, более соответствующую ее южному географическому положению, а с другой, увеличивает зимние холода через влияние континента и постоянные материковые сухие и холодные ветра, замедляющие при лесообилии вскрытие весны и таяние снегов. Только защищенное положение некоторых мест спасает их от этих постоянных вредных климатических условий. Из защищенных мест места на западных склонах гор все-таки лучше мест на восточных склонах, потому что материковые ветра зимою все-таки слабее и меньше вредят росту дерев, чем сильные и влажные морские ветра. Этим же, кажется, можно объяснить более богатую растительность Сунгари и притока ее Хульча в сравнении с Уссури, от которой они отделяются высоким хребтом Кентэй-Алинь, совершенно уединяющим их от вредного влияния моря.

Сведения о вскрытии и покрытии льдом рек и бухт описываемого края очень отрывочны и неполны. В заливе Посьета море почти не покрывается льдом всю зиму и доступно для плавания круглый год. Бухты же замерзают в конце ноября и очищаются от льда в первой половине апреля. Речки, впадающие в бухту, замерзают и вскрываются несколькими днями ранее бухты. Во Владивостоке море уже замерзает и держится под льдом около 1–1½ месяца. Река Суифун

стоит подо льдом около 4 месяцев. В заливе Ольги и Владимира море и бухта стоят подо льдом около 2¹/₂ месяцев, но река Уай-Фудзи вскрывается уже в марте месяце. В Императорском заливе бухта и море замерзают в первой половине ноября и вскрываются во второй половине апреля. В Кастри бухта и в Николаевске Амур стоит подо льдом от начала ноября до 10 мая, иногда до 20 ч., т. е. около 6 месяцев.

В Софийске Амур покрывается льдом несколькими днями позднее Николаевска, а вскрывается обыкновенно около 1 мая. В Хабаровске Амур покрывается льдом прочно не раньше конца ноября и вскрывается начиная со второй половины апреля, следовательно, Амур стоит подо льдом около 5 месяцев. В ст. Буссе на Уссури река покрывается льдом тоже в конце ноября, но езда по Уссури считается непрочною до Рождества, а уже в половине марта она обыкновенно вскрывается от льда, а иногда и неделю, или двумя раньше, следовательно зима продолжается от 3 до 4 месяцев. Быстрые речки края, а также быстрые истоки больших рек, вовсе не промерзают и текут зимою так же, как и летом, и это даже в довольно северных местностях, напр. верховья рек Хунгари, Пора, Эма, покрывающаяся льдом только местами, и то часто лед этот ломается. Но причина этому явлению физическая, а не климатическая.

Выводами средней температуры край тоже не богат. Для залива Посьета обраны сведения на месте за 1-й год наблюдения с сентября 1861 по сентябрь 1862 г.

Средняя температура года выведена	+4,8°R
... для лета ср. температура	+16,53°R
» осени	+4,9°R
» зимы	-7,62°R
» весны	+5,61°R

Для Хабаровки за 2 года с 1861 по 1863 г.

ср. температура года выведена	+2,4°R
для лета	+14,8°R
» осени	+2,73°R
для зимы	-11,12°R
» весны	+3,59°R

Для Мариинска и Софийска за 4 года 1855, 1856, 1861, 1862

сред. темп. выведена	+0,12°R
для лета	+13,7°R
» осени	+0,72°R
» зимы	-13,05°R
» весны	+0,33°R

Для Николаевска за 7 лет 1855, 1856, 1859–1864 г.

средн. темпер. выведена	-2,05°R
для лета	+12,8°R
» осени	+0,78°R
» зимы	-18,12°R
» весны	-2,1°R

Из этих выводов, хотя и неполных, можно вывести заключение, что по средней температуре лета местности здешнего края довольно соответствуют местностям России, лежащим с ними на одной широте. Но по средней температуре зимы местности здешнего края гораздо суровее и холоднее местностей России не только на одной с ними широте, но и лежащих гораздо далее к северу, напр. Архангельска. По холодной зиме здешние страны ближе подходят к климату Сибири Восточной и Западной и носят на себе отпечаток континентальный, за исключением приморских южных мест (Посьета), где зима не так сурова, и нет таких крайностей тепла и холода. И так изотермические линии (рав. температур лета) здешних местностей пройдут в России или под теми же градусами широты, или на 1–4 градуса севернее. А изотермы пройдут на 5–8 градусов севернее. Напр. изотерма зал. Посьета (под 42° 40' сев. шир.) идет в России чрез Царицын, южную часть Воронежской губ., Харьков, Полтаву, Черниговскую губ., Минск, Вильно. Изотерма же этого пункта идет чрез Таганрог, Херсон, Николаев, Одесу и Севастополь. Изотерма Мариинска и Софийска (под 51° 37' сев. шир.) идет чрез Екатеринбург, Устьсысольск, Сольвычегодск и Архангельск, а изотерма этих пунктов проходит через Самару, Симбирск, Нижний-Новгород, Ярославль и т. д. Наконец, изотерма Николаевска в север. России вовсе не находится, а в Сибири проходит чрез Иркутск, Нерчинский завод, Тобольск, и др., а изотерма Николаевска проходит чрез Вологду, Новгород и др.

Растительность края. Растительность края представляет как в древесных и кустарных видах, так и в особенности в травянистых, – много новых видов, часто даже новых родов растений, не встречающихся ни в России, ни в смежных странах Азии и нигде на земном шаре. Поэтому растительность частей Манчжурии, вошедших в состав нашей Империи, придает этой стране оригинальный отпечаток. Еще в начале наших плаваний по Амуру виноград и Амурский орех встречены в довольно северном местонахождении, именно под 51° 30' (на Борби), что и подало повод предполагать во всем крае, а в особенности в южных гаванях, очень южную растительность. Но опыт не подтвердил этих предположений. Напротив, весьма близко от самых южных пунктов края, напр. в 50 вер. от зал. Посьета, встречен тот же хвойный, смешанный с теми же лиственными породами, лес, какой находится и по Амуру, напр. в Хабаровке. Близ Владивостока встречено то же самое и найдена там же белая береза и багульник, хотя эти места лежат под 43 сев. широты. Это приводит к заключению, что растительность всего описываемого края вообще весьма односторонняя на самых даже крайних его пунктах и разнообразится в этих пределах лишь физиономией лесов, их пропорций, смеси и преобладанием тех или других пород хвойного и лиственного леса, да отчасти разнообразием травяной растительности трав и разнообразием кустарных пород в лесах, в которых они составляют большую или меньшую чащу подлеска.

В особом ботаническом описании поименованы все новые виды деревьев и кустарников, найденные и вновь описанные в здешнем крае, а также упомянуты и прежде известные в ботанике виды деревьев и кустарников, встреченные в здешнем крае. К означенным там видам впоследствии времени в южном Зауссурийском крае замечены мною еще несколько видов деревьев, именно: 1) *Ostrya mandschurica* – Уссурийский граб, дерево и деревцо, достигающее средних и крупных размеров поделочного леса; 2) *Negundo mandschurica* – клен Негундо 3-листочный – дерево,

достигающее поделочных размеров, равных с другими кленовыми породами; 3) *Acer Mono var. Parvifolium* – похожий на *Acer Mono*, но с двояко-зазубренными по краю листьями таких же размеров и качеств как и клен *Mono*; 4) *Salix pyramidalis* – пирамидальная верба, очень высокая, достигающая до 15 саж. в высоту, но годная лишь на дрова, в диаметре в отрубе не более 1½–2 фут; 5) *Juniperus excelsa* – древовидный можжевельник, достигающий размеров мелкого строевого леса; 6) *Actinidia acuminata s. Suifunensis* – разновидность с заостренными плодами, выющийся кустарник таких же размеров, как и типическая разновидность с округленными плодами; 7) *Armeniaca vulgaris* – абрикосовое деревцо, величиною с яблонь; 8) *Larix japonica* лиственница японская, как строевое дерево.

Упомянем о пределах распространения означенных пород деревьев и кустарников в здешнем крае.

Acer spicatum var. ussuriense – клён желтый – Дэдюле – попадает по всему нижнему Амуру, начиная от Хабаровского хребта до Николаевска и по морскому побережью до Императорской гавани, но по Уссури и далее к югу не попадает, либо очень редко.

Acer tegmentosum – клён белый – Мокчоль – попадает как по всему Амуру до Кизи, так и по Уссури и в Зауссурийском крае.

Acer Mono – клен Моно – попадает во всем крае от Посьета до Николаевска, включая и морское побережье.

Acer parvifolium – клен мелколистный – попадает только в Зауссурийском крае, южнее 45° с. ш.

A. tataricum var. Ginnala – клен Гинналя – попадает по всему Амуру до Кизи, но по морскому побережью он начинает попадаться только от Императорской гавани и по р. Тумджи.

Negundo mandschurica – попадает лишь в Зауссурийском крае вместе с *Acer parvifolium*.

Tilia cordata – липа мелколистная – встречается по Амуру до ст. Фокинской, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Tilia mandschurica – липа серебристая – встречается только на южном Амуре близь Хабаровска, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Phellodendron amurense – Амурское пробковое дерево – встречается по Амуру, начиная от Софийска вверх до Хабаровки, по Уссури, в Зауссурийском крае, также по р. Тумджи и ее притокам, и по морскому побережью южнее Императорского залива.

Juglans mandschurica – Амурское ореховое дерево – встречается по Амуру до окрестностей Софийска, где, впрочем, он большей частью бесплодный, далее, по Тумджи, в Приамурском крае южнее Императорского залива, в зал. Де-Тернэй, затем по Уссури, в Зауссурийском крае до границы Кореи.

Juglans stenocarpa – по Уссури и в Зауссурийском крае.

Maackia amurensis – Амурская акация – встречается по Амуру от Хабаровки до Софийска, по Тумджи, по морскому побережью, начиная от м. Ду, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Prunus Maackii – черемха Маака – встречается по Амуру от Хабаровки до Софийска, по морскому побережью, начиная от м. Ду, по Тумджи, по Уссури, и редко в Зауссурийском крае.

Prunus glandulifolia – черемха железколистная – по всему Амуру.

Prunus padus – черемха обыкновенная – тоже по всему Амуру, также по Уссури и в Зауссурийском крае.

Prunus cerasoides Maximovitchii – Амурская черешня – попадает по Уссури и в Зауссурийском крае, также по Амуру, но весьма редко, на Борби, близ Софийска и т. д.

Syringa amurensis – сирень Амурская – по всему Амуру, Уссури и Зауссурийском крае, но в Приморском крае до Императорской гавани и на Тумджи, равно и в низовьях Амура, ниже Софийска, ее не замечено.

Fraxinus mandshurica – Амурский ясень – попадает по всему Амуру, от Хабаровки до Софийска, по р. Тумджи, в окрестностях Императорской гавани, и далее по морскому побережью, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Fraxinus sinensis – Китайский ясень – встречается по Уссури довольно редко, а чаще в Зауссурийском крае.

Quercus mongolica – дуб монгольский – встречается почти по всему краю, от Посьета до Николаевска (близ м. Чныррах), включая и морское побережье, но только в северном местонахождении никогда не достигает больших размеров. Дуб в южных местностях составляет огромные протяжения леса, иногда почти чистого насаждения, но всегда посредственного качества, и только частью составляет поделочный и корабельный материал.

Ulmus montana – горный ильм – встречается по всему Амуру от Хабаровки до Софийска (по р. Ай), по Тумджи, в окрестностях Императорского залива и далее по морскому побережью, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Ostrya mandshurica – Уссурийский граб – попадает в Зауссурийском крае.

Alnus incana – белая ольха – встречается во всем крае от Посьета до устья Амура и по морскому побережью.

Alnasia viridis – ольха остролистная – встречается так же, как и белая ольха, по всему краю.

Betula alba – белая береза – встречается также по всему краю.

Betula dahurica – береза черная – встречается тоже по всему краю, за исключением низовья Амура, начиная от Софийска (даже от устья Гарина по Амуру она встречается реже), по Тумджи, в окрестностях Императорского залива она также редко попадает.

Betula Ermani – береза желтая – встречается почти всегда вместе с черною березою, хотя и реже последней.

Betula costata – береза сетчатолитная – встречается вообще довольно редко в Хинганском хребте, на хребте Хехцир, в Приуссурийском и Зауссурийском краях.

Pyrus baccata – сибирская яблонь – встречается по Амуру до устья Гарина довольно часто, но ниже до Софийска попадает в довольно редких экземплярах, по Тумджи, по морскому побережью, начиная от Императорского залива, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Pyrus ussuriensis – Уссурийская груша – находится по Амуру, но здесь предел ее распространения выше, именно близ Федоровской ст., а в окрестностях Софийска ее не замечено. Также и по Тумджи и в Императорском заливе ее не замечено; по Уссури и в Зауссурийском крае она встречается довольно часто.

Rugus sambucifolia – груша бузинолистная – встречается по морскому побережью, начиная от Де-Кастри, а также по нижнему Амуру в Николаевске, Михайловске и Кизи,

Rugus aucuparia – рябина обыкновенная – встречается довольно редко, по Амуру, Уссури и по морскому побережью, но в южных местностях не попадает вовсе.

Armeniaca vulgaris – абрикосовое дерево – попадает, начиная от окрестностей озера Ханка (в притоках р. Мо) и далее к югу во всем Зауссурийском крае (по Лефу, Та-Уса-Го, Сяу-Уса-Го, Суйфуну, Хунь-Чуну и т. д.), впрочем, всегда довольно редкими экземплярами.

Populus suaveolens – тополь душистый – по Амуру попадает довольно редко, но встречен в некоторых местах как исключение, даже по морскому побережью, по р. Хои, Ду, по Хунгари, но в Императорском заливе он не встречается вовсе, и жителям неизвестен; в Уссурийском и Зауссурийском крае он встречается часто по берегам рек вместе с ивами и ольхой.

Populus tremula – осина обыкновенная – довольно часто встречается в северных местностях, где обыкновенно составляет примесь хвойных лесов вместе с белой березой. По Уссури осина встречается как чистыми насаждениями строевого леса, так и в смеси с белой и черной березой и другими лиственными породами, но далее к югу она становится все реже и даже не попадает вместе с белой березой по опушкам гор вблизи жилья, напр. в прибрежных местах между зал. Ольги и Владивостоком. По Хунь-Чуну тоже осина очень редка, но по Суйфуну не составляет редкости.

Salix graecox – верба – попадает часто в южном местонахождении и в защищенных местностях и достигает там огромных размеров, как и тополь, до 3–4 аршин в диаметре и служит вместе с тополем для приготовления лодок, выдолбленных из цельного ствола. На севере доходит до Софийска, встречается по Тумджи и по морскому побережью от м. Ду и Хои.

Salix depressa – верботал – встречается более в северных местностях, напр. Чныррах, Николаевск, у Кизи, также Мылки и т. д., достигая до 2–3' в диаметре.

Salix amygdalina – верба миндалелистная – по всему Амуру и Уссури не достигает крупных размеров.

Salix pyramidalis – пирамидальная ива – встречается только в Зауссурийском крае по берегам рек довольно часто, достигая в высоту от 12 до 15 сажен, но в диаметре не толще 1–1½ фут. Вершина ее очень напоминает пирамидальный тополь средней России.

Salix carrea – козья ива – попадает тоже чаще в северных местностях, но и по Уссури нередко, нигде не достигая крупных размеров.

Picea obovata – сибирская пихта – встречается по всему краю, почти всегда вместе с елью.

Picea ajanensis – аянская пихта – встречается чаще в Приморском крае, в Де-Кастри, Императорском заливе, а также и по Амуру в Мариинске, Софийске, на хребте Хехцир, чаще в высоких горах. В Зауссурийском крае она не попадает.

Larix dahurica – манчжурская лиственница – встречается тоже по всему краю, как и Сибирская ель, и обыкновенно вместе с нею, но в южном побережье ее заменяет *Larix japonica*.

Larix japonica – японская лиственница – встречается как заносная, случайная порода вкрапленную или очень малыми островками в горах и долинах близ южного взморья, напр. в зал. Св. Ольги и по р. Пусунг.

Pinus mandschurica – кедр амурский – встречается по всему краю, за исключением устья Амура, ниже Софийска и Приморского края, севернее мыса Дзидюэ, где кедр почти вовсе не встречается, а заменяется кедровым сланцем, либо только попадает уродливыми экземплярами.

Pinus silvestris – сосна обыкновенная – встречается в здешнем крае гораздо скуднее всех других пород не только хвойных, но даже лиственных. Впрочем, ее местонахождения, хотя и не в большом количестве экземпляров, открыты в следующих местностях: больше всего соснового леса по берегам озера Ханка и по хребту гор, его окаймляющих, и по изобилию в сосновом лесе, названном Сосновым хребтом; по хребтам гор между р. Дауби и Лефу, Лефу и Суйфуном, по горам, окаймляющим долины р.р. Лефу, Сианхы и ее притокам, Мобилия и ее притоков, Та- и Сяу-Уса-Го, Бикину и его притоков, по Хунь-Чуну – весьма редкими и единичными экземплярами, близь р. Наэми, в верховьях р. Саньдогу (Уссурийской системы), по Уссури в верхнем ее течении (в хребте Бынг-Сунг-Сюй-Са), в вершинах р. Дзябигу (Уссурийской системы), близь 12-го станка на пути от оз. Ханка к Суйфунской долине, в притоках р. Байчи, хребте Хехцир и некоторых др. местах. Но по Амуру от Хабаровки до Николаевска и по морскому побережью от мыса Пронгэ до Посьета соснового леса не найдено, по всем дошедшим до нас сведениям. По Хунгари, Тумджи, Гарину и нижнему течению Амгуни тоже соснового леса не найдено. В верхнем течении Амура есть сведение о нахождении соснового леса по р. Зее в изобилии и кроме того по р. Кур и Бурее, в Хинганском хребте – щеках Амурских, и выше Благовещенска по Амуру. Нигде в целом крае, кроме как по Зее, сосна не составляет обширных боров чистого насаждения, а встречается либо небольшими куртинами, вкрапленными среди дубовых, либо смешанных лесов, либо породю, вкрапленную среди смешанного леса лиственных и хвойных пород, и при том в незначительной пропорции.

Juniperus excelsa – древовидный можжевельник – открыт по берегам озера Ханка редкими единичными экземплярами, в сосновом хребте, в хребтах системы р. Та-Уса-Го и Сяу-Уса-Го и дальше в хребтах, отделяющих долину р. Хунь-Чуна от долин приморских речек Амба, Мангу, Сидземи, Наэми и др.

Taxus baccata – тис ягодный – встречается деревом довольно крупных размеров (до 2-3' в диаметре и до 50' в высоту) в высоких хребтах между р. Ай и Тумджи, Хунгари и Мулидани, в хребте Хехцир, а небольшим деревцом во многих других гористых местностях низовья и средних частей Амура, по Уссури же и в Зауссурийском крае тис встречается как исключение.

Из кустарных пород, как постоянный подлесок лиственных лесов, встречаются преимущественно в южном крае, не достигая предела господства этих лиственных лесов, т. е. устья Гарина, а ниже, встречаясь только как исключение, следующие виды:

Berberis amurensis et sinensis – барбарис амурский и китайский.

Maximovitchia chinensis (вьющееся растение около больших лиственных деревьев) со съедобными красными ягодами.

Actinidia colomikta – с округленными темно-синими съедобными ягодами.

Actinidia suifunensis – с заостренными черными плодами, встречается только в Зауссурийском крае.

Cissus brevipedunculata – встречается довольно редкими экземплярами.

Vitis amurensis – амурский виноград – это, кажется, один из видов винограда, который подобно американскому виду составляет самый северный вид этого рода, и, вероятно, также неспособный к прививке южных пород винограда. Рассказывают, что в северной Америке в странах, где растет дикий виноград, виды его, вывезенные из южной Европы, переродились в 3-м поколении растений в дикорастущий виноград. На Амуре, сколько известно, опытов прививки винограда сделано еще не было. В южном крае виноград иногда составляет подлесок непроходимой густоты.

Evonymus alatus, *Maackii* – бересклет крылатый и Маака.

Celastrus flagellaris – целастр – самый большой из вьющихся кустарников, достигающей толщины до 2 дюймов.

Rhamnus dahurica – крушина амурская.

Lespedeza bicolor, *juncosa* – сорный кустарник, чрезвычайно густой и весьма обыкновенный в лиственных лесах.

Caragana altagana – встречающийся весьма редко.

Spiraea amurensis, *chamaedryfolia*, *sericea*, *salicifolia*, *sorbifolia* – таволжка, встречаются как каждый вид, так и по несколько видов вместе, по всему краю довольно часто, но никогда так густо, как *Lespedeza*.

Rubus crataegifolius, *idaeus* – малина боярышничко-листная (сильно колючая) и обыкновенная – первая более в Уссурийском и Зауссурийском краях, вторая в устье Амура и Приморском крае (Кастри, Императорском заливе), но и оба вида вместе встречаются по Амуру и по Уссуре.

Rosa cinnamomea и *acicularis* – первый вид чаще по Амуру, второй очень колючий куст по Уссуре и в Зауссурийском крае.

Crataegus sanguinea и *pinnatifida* – боярка кровавая и разрезнолистная встречаются почти по всему краю, но по Уссуре и в Зауссурийском крае достигают больших размеров и встречаются чаще.

Philadelphus tenuifolius и *Schrenki* – дикий жасмин без запаха и пахучий кустарник, довольно часто встречающиеся по опушкам лиственных лесов почти во всем крае.

Deutzia parviflora – дейция малоцветная – встречается гораздо реже дикого жасмина, на который видом несколько походит.

Ribes nigrum – черная смородина – встречается чаще по Амуру, нежели по Уссуре.

Ribes rubrum – красная смородина – довольно редка и по Амуру и по Уссуре.

Ribes atropurpureum – темно-красная смородина – встречается по Амуру (Борби, Ади, Мылки и др.), а также и в Приморском крае (Кастри, Императорском заливе и др.).

Eleuterococcus senticosus – элейтерококкус колючий – встречается одинаково часто как по Амуру, так и по Уссуре и в Зауссурийском крае.

Panax sessiliflorum – панакс 5-листочный – встречается одинаково часто в Уссурийском крае, по Уссуре и по Амуру до устья р. Дондон. Ниже по Амуру встречается как исключение.

Dimorphanthus mandschuricus – кустарник, а иногда небольшое деревцо, весь ствол которого усеян густобелыми колючими шипами, отваливающимися без повреждения косицы. Он встречается по Амуру от Хабаровки до сел. Вятского, всегда в высоких юрах, также в Хинганском хребте, по Уссури и в Зауссурийском крае вдали от жилых мест, на вершинах хребтов, куда жители ходят лишь для ловли соболя и для отыскания женсеневого корня.

Cornus sibirica – дерен Сибирский – почти по всему краю за исключением устья Амура и Приморского края до Императорского залива, где он заменяется видами *Cornus canadensis* и *suesica*.

Viscum album – омела – встречается повсюду довольно редко, но чаще в средних частях Амура близь Хабаровки, на Цянка и др. м[естах].

Sambucus racemosa – бузина красная – по всему Амуру и по Уссури довольно часто, в Кастри, в Императорском заливе, по Тумджи, Хунгари, Гарину; по Уссури и в Зауссурийском крае реже.

Viburnum opulus – калина обыкновенная – по всему краю довольно часто.

Calyptrostigma Middendorffianum – калина Амурская – встречается в истоках р. Тугура, в Императорском заливе.

Lonicera chrysantha, *Maximovitchii* – жимолость желтая и красная – встречаются как по Амуру, так и по Уссури вместе с *Xylosteum Maakii* – жимолость каменная.

Vaccinium Vitis idaea – брусника – встречается чаще в хвойных лесах по всему краю.

Vaccinium uliginosum – голубица – встречается по Амуру выше устья Гарина довольно редко, а по Уссури еще реже.

Andromeda polyfolia – чашник.

Cassandra calyculata – болот, мирт.

Rhododendron dahuricum – кашкара красная.

Ledum palustre – багульник.

Встречаются по всему краю – первый, второй и четвертый виды в болотных местах, а 3-й на каменистых горах; в южных местах они реже, а близь Владивостока встречен багульник, как исключение, вместе с другою редкостью *Betula Middendorffiana*.

Solanum persicum – паслен персидский – встречается довольно редко по Амуру и по Уссури.

Thymus serpyllum – тимьяк (богородская трава) – по всему Амуру и Уссури по каменистым горам.

Corylus Mandschurica – лещина Манчжурская – и *heterophylla* – лещина разнолистная – 1-я чаще по Уссури, 2-я по Амуру.

Salix viminalis, *stipularis* – тальник – встречается по всему краю, но в Зауссурийском крае, нежели по Уссури и по Амуру.

Juniperus dahurica – можжевельник амурский – встречается в гористых местах и по скалистым склонам береговых гор в разных местах Амура.

Juniperus communis – можжевельник казачий – встречается по Амуру и Уссури и в Зауссурийском крае, но в южных местах довольно редко.

Кроме тех из названных кустарных пород, о которых упомянуто, что они встречаются и в северных местностях: в устье Амура и Приморском крае

от м. Пронгэ до Императорского залива, этот последний край характеризуется еще следующими видами:

Atragene alpina – лютик Альпийский.

Evonymus pauciflorus и *macropterus* – бересклет скудноцветный и большекрылатый.

Spyraea betulifolia – таволжка березолистная.

Rosa rugosa – шиповник Приморский.

Rubus humulifolius – малина хмелелистная.

Ribes horridum, *procumbens* и *propinquum* – крыжовник, красная и розовая смородина.

Lonicera Chamissoi, *coerulea* – жимолость черная, Шаммиссо и голубая.

Linnaea borealis [...].

Artemisia sacrorum – артемизия священная.

Vaccinium ovalifolium и *praestans* – черника и красника.

Oxycoccus palustris – клюква.

Arctostaphylos alpina – медвежья ягода.

Cornus canadensis и *suecica* – дерень канадский и шведский.

Ledum palustre – багульник.

Rhododendron chrysanthum – кашкара желтая.

Daphne kamtchatica – дафне – ягода камчатская.

Empetrum nigrum – чернаягодник.

Salix myrtilloides – тальник черниколистный.

Salix repens – тальник ползучий.

Ulmus pumila – ильмовник, застилающий бесплодные каменистые нагорные места.

Betula fruticosa – ерник березовый.

Betula Middendorffii – ерник Миддендорфа – встречается в болотистых низменностях.

Myrica Gale – восковой куст – замеченный близь Николаевска на Каморе.

Pinus cembra var. *pumila* – кедровый сланец – на каменистых местах высоких горных кряжей.

Из представленного списка деревьев и кустарных пород, найденных в здешнем крае, видно, что весь этот край имеет много разнообразия в отношении видов деревьев и кустарников, из которых редкие не попадают во всех частях края, а свойственны только северным, или только южным его местностям. Кроме того, границы распространения, в особенности древесных пород края, в тех пределах, как он осмотрен чинами лесной партии, не могут быть обозначены чертами на карте, как предполагал это сделать Г.К. Максимович, так как беспрестанно прибывающие новые сведения о местонахождении лесных пород опровергают предположенные им границы. Но если принять, что крайнее на севере распространение лесных деревьев, попадающихся там весьма редко, как бы случайно, и при том имеющих безобразный, болезненный вид от нахождения вне границ своих естественных пределов (напр. дуб на устье Амура, кедр ниже Гарина, акация Маака и пробковое Амурское дерево в Софийске и т. п.) и теряющих плодородную способность (напр. виноград ниже устья Хунгари никогда не созревает, а встречается по Амуру еще гораздо ниже), то можно подразделить край на 3 естественно различающиеся по своей растительности полосы, именно:

1) северная полоса – Приморский край, заключающийся между Императорским заливом, р. Тумджи и Мариинском, с одной стороны, и Татарским проливом, с другой; 2-я, средняя – заключающаяся между предыдущей полосой, с одной стороны, и линией, идущей от устья р. Хунгари в Амур чрез средние течения р.р. Дондон, Пор, Бикин, Има, Ваку до залива Де-Тернэй; 3-я, южная – примыкающая с одной стороны к средней полосе, а с другой к Восточному океану.

Северная полоса включает преимущественно полосу хвойных лесов с обширными озерами и болотами и характеризуется кустарными породами выше перечисленными, отсутствием винограда и фруктовых деревьев (кроме рябины), суровым климатом, жестокими ветрами, пологими горами и вообще унылым видом природы.

Средняя составляет полосу, переходящую от северной к южной. Здесь господствуют смешанные леса с попеременным обладанием в смеси то хвойных, то лиственных пород леса; виноград и фруктовые деревья хотя и попадают, но редко вызревают, а деревья крепких лиственных пород: дуб, клен, ясень, ильм, граб, а также и кедр никогда не достигают громадных размеров; климат также теплый летом, как и в южной полосе, но гораздо суровее зимою, с довольно сильными ветрами, избытком болот и потопляемых весною и летнею водою местностей, отсутствием больших озер, кроме одного Болень-Оджал, высокими вершинами хребтов.

Южная полоса характеризуется успешным ростом винограда и фруктовых деревьев, степным характером в окрестностях озера Ханка, весьма высокими хребтами, с узкими лощинами рек, как в вершинах Амурской системы, так, и, в особенности, к стороне моря, быстрым течением рек, слабыми сравнительно ветрами на северном склоне хребта Сихотэ-Алинь, который здесь достигает наибольшей вышины и крутизны, огромными размерами, коих достигают здесь дуб, ильм, ясень, клен, кедр, липа, иногда до 4 аршин в диаметре в комле и до 15 саж. в высоту, и вообще преобладанием в долинах лиственных пород леса и умеренным теплым климатом. Следующие роды растений травянистых попадают чаще других на Амуре и служат представителями здешней флоры, так как здесь только в первый раз найдены г. Максимовичем:

Clematis mandshurica – ломонос. *Aconitum arcuatum* – дурман. *Paeonia obovata* – пион. *Caulophyllum robustum*. *Nylomecon* – золотой цвет. *Corydalis remota*. *Corydalis speciosa*. *Silene foliosa* – гвоздичка. *Lychnis fulgens* – горицвет. *Krascheninnikovia sylvatica*. *Vicia pallida* – горошек полевой, вика. *Orobus alatus* – сочевичник. *Schizopepon bryoniaefolius* – болотный огурец. *Vupleurum longiradiatum*. *Angelica anomala* – дягиль. *Callisace dahurica*. *Galium dahuricum*. *Calimeris incisa*. *Adenocaulon adhaerescens*. *Achillea ptarmicoides*. *Eritrichium radicans*. *Eritrichium myosotideum*. *Mentha davurtica* – мята. *Corispermum elongatum*. *Argyrea amurense*. *Uvularia viridescens*. *Polygonatum stenophyllum* – спорыш. *Cyperus limosus*. *Cyperus amuricus*. *Cyperus truncatus* – морской ситник. *Isolepis verrucifera*. *Alopecurus longearistatus* – лисий хвост. *Imperata sacchariflora* – царский корень. *Cystopteris spinulosa* – папоротник.

Кроме названных видов, свойственных только Амурскому краю, открыто г. Максимовичем еще много новых видов на пути в гавань Св. Ольги в верхней Уссурийской системе и по р. Таудышуй.

Кроме этих трав в лугах Амурской долины господствуют уже известные, отчасти в России встречающиеся, виды, принадлежащие преимущественно к семействам, из которых, по порядку изобилия, встречаются следующие:

Compositae – сложноцветные. Ranunculaceae – лютиковые. Gramineae – зерновые хлеба. Cyperaceae – ситниковые. Rosaceae – розовидные. Cruciferae – крестоцветные. Caryophylleae – гвоздичные. Leguminosae – мотыльковые. Umbelliferae – зонтичные. Polygonaceae – многоугольные. Liliaceae – лилейные. Labiatae – губоцветные. Scrophulariaceae – норичниковые. Asparageae – спаржевые. Salsolaceae – лебедовые. Yolarieae – фиалочные. Orchideae – орхидные. Caprifoliaceae – каприфольные. Gentianaceae – генциановые. Onagragiae – онарговые. Boragineae – бурачниковые. Primulaceae – подснежниковые.

Население страны и изменение растительности влиянием населения. До прибытия на Амур русских в 1854 году описываемый край был населен весьма мало по системам важнейших рек и по направлениям некоторых торговых и административных Манчжурских путей. При взгляде на карту, видно, что наиболее населена была южная часть края от Хунь-Чуна до Ольгинского залива по морскому побережью и прибрежным речкам на этом пути, потом река Сучан с ее притоками; все эти места заняты одинокими фанзами китайцев и изредка орочей; далее, по степени заселенности, следует устье Амура, с целыми селениями семейных гиляков рыболовов и охотников. Потом линия по Амурскому руслу, занятая не столь многочисленными селениями гиляков, мангу, ороча и гольдов.

Затем следует: Уссурийская линия, гораздо менее населенная гольдами в малом числе и редко расположенными юртами, и еще реже можно встретить здесь фанзы китайцев; поселения китайцев по р. Таудышуй; линия по сухопутному сообщению по Суйфуну до Посьета; линия по р. Дауби, линия по сухопутному сообщению от озера Ханка чрез верховье Суйфуна с Манчжурским городом Нингута; поселения китайцев по р. Саньгобери, впадающей в Восточный океан; поселения китайцев по р. Лефу; поселения орочей по р.р. Пору, Бикину, Има и Ваку, Хунгари, Тумджи, Самальга, окрестностям Императорского залива и, вероятно, по другим речкам, впадающим в Восточный океан между устьем р. Самальга и устьем р. Таудышуй, так как об этой местности даже сведений нет; поселения гиляков по р. Амгуни. Наконец малочисленные поселения разбросаны как по морскому берегу, кроме названных мест, так и внутри страны. Те из них, которые видели чины лесной партии, и те, которые прежде были известны даже те, о которых имеются верные сведения, все были нанесены на карту. Но все огромное пространство описываемого края, составляющее примерно 5550 кв. миль или 271,950 квадрат. верст, всех местных жителей едва ли насчитается более 10,000 душ обоюбого пола, считая в том числе все племена: китайцев (все мужского пола, китайских женщин в крае вовсе нет), гольдов, ороча, мангу и гиляков. Все эти жители говорят разным языком, последние 4 племени имеют женщин и живут семьями, а иногда продают своих женщин китайцам за большие деньги. Одни китайцы живут оседло, все остальные племена только зимуют в постоянных жилищах, а летом перекечывают с места на место, занимаясь рыбным или звериным промыслом, а иногда обоими вместе; этим же занимаются и их женщины и даже дети с 7-летнего возраста помогают им. Только гиляки на устье Амура, начиная от устья Гарина, и по северному взморью, строят себе бревенчатые

избы, но топят их китайскими печами, проведенными вдоль стен избы на полу и согревают свои избы только во время топки печи, отчего для русских эти избы не могут служить жильем. Китайцы строят себе мазанки из тальника и употребляют лес только на столбы и стропила самый тонкомерный. Гольды и оро-ча живут в юртах берестяных или крытых корьем, даже и зимою не строят себе теплого помещения, а отправляясь на промысел соболей зимою, ночуют в снегу у костра. Китайцы и очень немногие гольды и ороча занимаются земледелием в малом виде, или вернее огородничеством. На небольшом клочке земли, но очень тщательно возделанном, китаец сеет хлеб и овощи, необходимые для его годового продовольствия и из своих запасов еще делится и меняется с гольдами и орочами на рыбу, мясо и соболей. Скота китайцы держат мало и вовсе не плодят его, ибо не держат самок, которых им умышленно, как кажется, не приводят из Манчжурии для поддержания торга скотом на соболей. Весь промысел в крае сосредоточивается в руках китайцев, которые жестоко обирают непосредственных промышленников соболя – гольдов и орочей. В свою очередь они выменивают приходящим в край с этою целью мелким манчжурским чиновникам этих соболей на мелкие вещи, необходимые для домашнего быта китайца, на скот (быков и коней), земледельческие орудия, трубки с мунштуками, образа для их часовен, грубые картины, веера, одежду, шапки, водку (араки) и т. п. Немногие китайцы и гольды этого края сами возят на вьючных конях в манчжурские города: Сань-Синь и Нингута своих соболей. Нагорные жители занимаются тоже исканием знаменитого женсеневого корня, который ныне попадаетея ищущим его орочам и гольдам весьма редко, а потому и весьма дорого ценится, как говорят, на вес серебра и даже золота. Женсеневый корень разводят тоже плантациями из семян. Прибрежные жители занимаются ловлею ракушек, называемых хайшэнь, ловимых преимущественно на берегах Амурского залива (близь Владивостока), который отправляются ими в Пекин, жемчуга очень невысокого сорта и собиранием морской капусты (из породы *Fucus*), употребляемой ими в пищу и тоже отправляемой в дальние страны. Рыба, ловимая в озере Ханка, тоже отправляется в самый Пекин для стола императора и мандаринов.

Вот все богатства края, которыми первобытные жители страны пользуются как средствами для торговли с Манчжурией и, по видимому, торговля эта ведется ими слишком невыгодно для местных жителей, между которыми мне редко случалось встретить благосостояние. Только очень немногие промышленники, китайские купцы, делают значительные торговые обороты, причем сильно утесняют промышленников дикарей, которые найдены русскими в состоянии весьма жалком. Недостатки дикари терпели во всем: и в пище и в одежде такие, что русский глаз долго не мог привыкнуть к этой нищете.

Все племена, живущие на Амуре, Усури и в Приморском крае, мало употребляют для своих нужд лес, хотя многие из них живут среди дремучего леса. На строение лес употребляют одни гиляки на устье Амура и в северном Приморском крае. На топливо они жгут мало леса, чему причиною устройство печей их по китайскому образцу. Для поделок же в домашнем быту тоже требуют все они немного лесу. Между тем китайцы особенно любят истреблять леса вблизи своего жилья с целью облегчить себе охоту за зверем. Они ежегодно жгут лес около себя, но не всегда в силах удержать пал, который, распространяясь, при частом повторении этих палов наконец истребляет лес на далекое от жилых мест

расстояние. Сперва таким образом хвойные леса заменились лиственными: дубняком, постепенно ухудшавшим от палов свой рост, либо березником и осинником самого плохого роста, и наконец превратились в голые степи совершенно обезлесившиеся. Пример этому виден в окрестностях оз. Ханка, по р. Лефу, по р. Мо, по р. Тумджи и в устье Амура. Все деревья здешней флоры, впрочем, хорошо известны местным жителям и имеют на их языках каждое особое название. Но даже фруктами лесными местные жители как промыслом не занимаются, а собирают их лишь по пути, не делая почти вовсе запасов. Из орехов *Juglans mandshurica* китайцы готовят масло, употребляемое в кушанье, – вот единственный лесной продукт здешнего края.

Что касается до хлебных растений и огородных овощей, разводимых китайцами, то по большей части у всякого хозяина в Зауссурийском крае в огороде не более $\frac{1}{2}$ –2 – редко до 5 десятин можно встретить следующие растения: буда – просо китайское – *Setaria italica*; ячмень – *Hordeum vulgare*; овес – *Avena sativa*; бобы пестрые – *Soja hispida*; бобы большие – *Phaseolus vulgaris*; табак – *Nicotiana tabacum*; капуста – *Brassica chinensis*; редька – *Raphanus sativus*; дыня – *Cucumis melo*; огурцы – *Cucumis sativus*; арбузы – *Citrullus edulis*; морковь – *Daucus carota*; красный перец – *Piper rubrum*; масляное растение сезам – употребляется в пищу, но горьковатого вкуса (*Sesamum orientale* L. – кунжут). Фиолетовый паслен – *Solanum esculentum*; сорго – *Sorghum*, по-китайски кауля; кукуруза – *Zea Mays*; пшеница – *Triticum sativum*; рис – *Oryza sativa*, разводимый в малом количестве и при том довольно редко; картофель – *Solanum tuberosum*; лук – *Allium sinense*; чеснок – *Allium sacculiferum* и *Schoenoprasum* и др. Конопля обыкновенно растет дико близ жилых мест, но китайцы ее не возделывают, а гольды и мангу готовят из дикой конопли веревки для сетей и неводов.

Дикари употребляют в пищу некоторые из дикорастущих в крае растений, но едва ли эти растения понравятся европейскому желудку. К числу их принадлежат мелкие луковички *Fritillaria kamtchatcensis*, луковички *Lilium spectabile*, тонко нарезанные и высушенные листья *Allium Schoenoprasum*, *Cetraria islandica*. Как приправу к рыбе и мясу употребляют *Allium victorialis*, *Cacalia hastata*, *Polygonum Hydropiper*, *Chenopodium album*, *Limnanthemum nymphoides*, едят сырыми трубки полыни – *Artemisia selengensis* и *vulgaris*, стебли *Pleurospermum austriacum*, стебли *Heraclium*, молодые листья бузины – *Sambucus racemosa*, орехи – *Trapa natans*.

Трава Уля-цхао (*Suregus*) употребляется жителями китайцами, гольдами и ороча на подстилки в обувь и содержит ноги в тепле зимою и всухе летом, так как эта трава очень тонка, упруга и скоро сохнет.

Внутреннее употребление лесов местными жителями, как уже говорено выше, весьма незначительно; оно ограничивается следующим.

Гиляки употребляют на строение еловый некрупный лес, который рубят, как и все местные жители, маленькими узенькими манчжурскими топорами. Гиляки, ороча и гольды выдалбливают из дерева домашнюю посуду, делают столы и другую домашнюю утварь. Из ели же делают гиляки и гольды свои неширокие, но довольно длинные речные лодки, которые конопатят мхом и поднимают вверх по реке бичевою, приготовленную из луба вербы, или липы. В других местах, где растет кедровый лес, лодки делают из кедровых досок.

Кора лиственницы и кедра служит для покрытия зимних и летних юрт гильяков, гольдов, орочей и мангу; они кладут эту кору на остов юрты из таловых прутьев.

Из стволов тополя и вербы (*S. graesox*) выдалбливают ороча и гольды свои байдарки или оморочки, на которых втроем или вчетвером, большею частью целыми семьями с детьми, они быстро плавают по маленьким быстрым речкам, и при этом весьма искусно управляют оморочей на самом быстром течении вниз по речке и весьма ловко и скоро поднимаются вверх по течению, упираясь дружно на сухие таловые шесты.

Из древесных губок делают трут для добывания огня, запасы трута делают большие, ибо все лето ни китаец, ни дикарь не выйдет в лес без дымящейся губки, повязанной вокруг головы, которая спасает их от комаров и мошек. Трут готовят еще из высушенных или даже обожженных у огня листьев *Rhaponticum atriplicifolium*, также иногда за недостатком и из вербовой гнилой древесины, и из вербовых корневых мочек.

Из белой березы, от ее бересты, местные дикари извлекают для себя наиболее пользы: гладкую бересту сдирают с дерева на вышину 2 сажень весною, соскабливают внутренние древесные слои и наружную поврежденную кожицу, потом связывают в трубка, и размягчают в кипучем пару. Потом тонкие и упругие пластины бересты шивают вместе по длине и получают таким образом непромокаемые берестяные ковры для своих юрт, которые при кочевьях дикари всегда возят с собою. Под таким покровом даже в холодную дождливую осень дикарь не боится в лесу ни мокроты, ни холода, раскладывая в своей юрте очаг. Правда, от постоянного дыма дикари страдают очень часто глазами. Из бересты же дикари делают себе иногда оморочки для одного человека, на которых смело плавают не только по маленьким речкам, но даже по Амуру в порядочное волнение, между тем как для непривычного довольно одного неосторожного движения, чтобы опрокинуть эту угловую ладью. Между русскими было несколько несчастных случаев на этих берестяных оморочках. Берестой укрывают жители летом от дождя, как все свое имущество, так и свои запасы рыбы. Из бересты делают ведра, разные искусные коробки и туязки, блюда и чашки, даже головной убор.

Из коры пробкового дерева делают поплавки для неводов.

Крепкая древесина дуба, ясения, акации и др. лиственных пород, за недостатком хороших инструментов для их обработки, мало употребляются дикарями, но идут в дело там, где они необходимы, напр. для рукояток к железным инструментам, копьям и т. п.

Из ясения дикари делают очень хорошие лыжи, на которых ходят очень далеко и скоро по снегу, по таким горам и снегам, куда попасть без лыж невозможно.

Из молодых ясней делают хорошие луки.

Из жимолости делают стрелы. Некоторые местные растения служат местным дикарям для окраски как рыбьих кож, которые они удивительно выделывают, так и звериных кож и полотен (дриль и дабы), покупаемых ими от китайцев. Так, кора лиственницы дает им грязно-розовую краску; раздавленные цветочные листья *Commelina communis* дают голубую краску, довольно красивую; в бурожелтую красят настоем коры *Alnaster viridis*; из камыша делают гольды, а преимущественно манчжуры, отличные ковры для подстилки на печных нарах в китайских фанзах и на полах юрт дикарей.

Везде вблизи гиляцких и гольдских деревень, где немного хотя вырублено лесу для их построек и для дров, на образовавшихся прогалинах всегда появляются растения, не растущие в диком лесу, а свойственные или опушкам лесным того края, или более южным местностям, так напр. всегда можно встретить черемху, крапиву и коноплю среди густого луга полыни (*Artemisia vulgaris*), а на юге кроме того хмель, фруктовые деревья, яблонь, груша, черешня, абрикос, а вырубленный на дрова хвойный лес часто заменяется молодым березником.

Луга близъ жилых мест тоже подвергаются изменению в растительности после пускаемых местными жителями по ним палов для отыскания яиц водных и луговых птиц. Трава после пала растет гораздо гуще, вновь появляются виды растений зонтичных, мотыльковых, лилейных, *Thalictrum*, *Imperata* и др., которые много украшают луга своими разнообразными цветами. Но эти изменения были слишком незаметны, в слишком малом масштабе, от незначительности поселений туземцев края до прибытия в него русских. С прибытием же сюда русских, требовавших как для своих поселений, так и для других своих нужд лес в гораздо большем размере, произведших в нескольких пунктах страны довольно сильное опустошение лесов и еще более усиливших лесные и степные палы для своих пашен, растительность этих местностей изменилась гораздо заметнее. Так напр., в Мариинске показались: *Eritrichium myosotideum*, *Lathyrus palustris*, *Iris setosa*, *Anemone dichotoma*, *Thalictra* и др. виды, в изобилии покрывшие луга, прежде поселения здесь русских невиданные далеко южнее по Амуру. На осушенных болотах, по вырубке на них леса, показались тоже густые цветы там, где прежде росли только весьма редко: *Spiraea betulifolia*, *Lonicera coerulea*, *Ledum*, *Cassandra*. В Хабаровке, по мере истребления лесов в ее окрестностях, появилась на лугах растительность ничем не хуже растительности южных портов наших Посыета и Владивостока, хотя прежде, до прихода русских, Хабаровку окружали болота, почти тундры. Даже растительность Николаевска на лугу левого берега стала заметно разнообразнее, после истребления леса для постройки и отопления города.

Можно с достоверностью предполагать, что со временем и лесные породы тоже последуют за травянистыми с южных частей края на северный. Поводом к этому предположению служило то обстоятельство, что в заселенных прежними обитателями края местах уже замечено неоднократно замещение хвойных лесов лиственными более южных пород леса, именно вследствие прежних систематических лесоистреблений.

Леса и их физиономия, и степень важности. Леса, как выше уже было замечено, имеют различную физиономию в различных полосах описываемого края. В северной полосе преобладают хвойные леса, состоящие либо из чистой лиственницы, либо из ели с пихтою, ее постоянною спутницею, либо чаще из трех этих пород, перемешанных между собою в различных пропорциях. Хвойный лес имеет вид очень густого леса, но на деле большею частью выходит, что эта густота обманчивая, половину чащи обыкновенно составляют деревья сухоподстойные, или с гнилою сердцевиною от достижения ими физической зрелости. Валежника в лесах тоже обыкновенно много, и в удаленных от жилья местах, также на открытых ветрам высоких горах валежнику так много, что в лесу трудно ходить. Близкие к берегам рек леса чище от валежника и доступнее, нежели как можно бы ожидать от лесов первобытных. Часто в защищенных

от ветра местах на западных склонах гор встречаются великолепные насаждения хвойных лесов в среднем возрасте от 140 до 180 лет и запасами в 50–70 куб. саж. (в 250 куб. ф. плотной массы) и со строевым лесом, составляющим от 50 до 70% общей массы. Единично в таких насаждениях попадаются огромные деревья до ⁴⁵/₁₀₀ сажени в диаметре у сруба и 12–16 сажень в длину бревна совершенно правильного образования. Таких деревьев встречается на 1 дес. редко более 4–10 лиственных и еловых. Лучший в крае лес такого сорта и тех же хвойных пород попадает в окрестностях Императорского залива и Николаевска (Личи, Кизи, Камора и правый берег Амура против Николаевска). Лес в Императорском заливе достигает наибольших размеров и может быть считаем лучшим хвойным лесом всей северной полосы.

Многие места в северной полосе гораздо чаще, чем строевым лесом, бывают покрыты мелким древесником, напр. большая часть приморских мест покрыты лиственницей корявого роста, не достигающей размеров строевого леса, равно и места, где лес истреблен пожарами или ветровалами. На последних местах часто тоже попадаются или густые заросли хвойного молодого леса с примесью иногда и лиственных пород вновь поселившихся, либо совершенно обнаженные свежие гари.

Важными для края лесами можно считать только те хвойные леса, которые состоя преимущественно из строевого леса, т. е. заключая на наименьшем пространстве наибольшее число потребных на строение бревен, доступны для разработки по их близкому и удобному расположению вблизи сплавных рек и по местным условиям для вырубki казенными людьми (матросами, солдатами и поселенцами), которые за недостатком в лошадях сами же вывозят лес к сплавным местам. Эти только леса и заслуживают охранения и введения в них более правильной вырубki, и притом надо бы предварительно отделить из лесов запасы для удовлетворения без оскудения лесов потребности в корабельном и строевом материале, для важнейших административных целей, и затем уже в остальных лесах допустить частную лесную промышленность. Выдел запасных рощ на первый раз можно сделать на бумаге, не отграничивая лесов в натуре, что потребует много времени и большие издержки, которые не скоро окупятся, но предварительное указание заказников в местах особенно важных, напр., в окрестностях г. Николаевска, есть мера необходимая в предотвращение будущего оскудения лесов, так как в удобных местах для рубки, вывозки и сплава, строевых и корабельных лесов в здешнем крае не так много, как кажется поверхностному наблюдателю.

В средней полосе лесных пространств гораздо более, чем в северной полосе, но важность из них имеют те, которые находятся вблизи русских поселений, так как опыт в небольшом размере показал уже, как невыгодны казенные заготовки на стороне, т.е. сопряженные с перемещением рабочих людей вне мест их оседлости. Нужда во всем встречается рабочими людьми в таких случаях, и многие издержки, потребные как для помещения их, так и для содержания, во время работ, делают их как нельзя более невыгодными для казны. Поэтому хотя по сплавной реке Гарину с его притоками и по системе р. Хунгари (которая притом в средних частях для сплава неудобна по причине быстрины), так и по средним течениям р. Пор, Бикин, Има, Ваку и Самальга, встречаются великолепные строевые хвойные леса, даже гораздо лучше, находящихся в северной полосе, но важными

для края я их не считаю, и вряд ли третье поколение русских поселенцев на Амуре доберется до их разработки. Те леса, которые по своему качеству и положению заслуживают внимания в этой средней полосе, заселенной немногочисленными пока русскими поселениями, подробно перечислены в описании лесов, составленных лесными чинами во время их экспедиций. Здесь же заметим только, что немногие только местности (оз. Болень, Поддали (Орловская), Синда) могут быть выгодно разработаны в отношении леса казною, но гораздо выгоднее было бы для казны поселить в этих местностях на наиболее выгодных и безопасных от наводнения пунктах поселенцев с семьями (даже и ссыльных благонадежных) на оседлость и чрез них под наблюдением г. исправника, добывать лес требуемых для казны пород за назначенную по соображению стоимости цену и потом сплавать этот лес по Амуру до Николаевска, под наблюдением опытного в сплаве офицера. Лес крепких лиственных пород, требуемый для Николаевского порта и не произрастающий в северной полосе, может быть тоже заказываем чрез исправника поселенцам крестьянами, между которыми это разовьет выгодный для них промысел, и потом сплаваем в Николаевск. Так как корабельный и поделочный лиственный лес нигде почти не растет в густом насаждении, т. е. на малом пространстве нельзя встретить много поделочных и корабельных деревьев, то и заготовки через крестьян или поселенных оседлых ссыльных окажутся непременно гораздо выгоднее заготовок такого леса казенными людьми, нарочно для того отсылаемыми далеко от их оседлости. Выше уже сказано было, что в этой полосе крепкие лиственные породы никогда не достигают огромных размеров, каких они достигают в южной полосе, но и встречаются они реже и в меньшем количестве, а в особенности дуб редко является в средней полосе корабельною породою и редко преобладающею породою, и то, если господствует дубняк, то процент в насаждении поделочного материала невелик, а корабельного ничтожен. К хвойным лесным породам в этой полосе присоединяется кедр, который к северной ее границе редко попадает строевым деревом и только далее к югу встречается крупнее. Лиственница здесь встречается господствующею породою реже ели. Из лиственных пород господствуют береза и осина. В южной полосе, которой границы от средней не так резки, хвойные породы постепенно, но не исключительно, уступают господство в лесах лиственным породам в долинах, и только забираясь дальше в горы к источникам, можно встретить опять хвойные леса, напоминающие леса северные. О распространении соснового леса в этой полосе уже говорено выше. Но кроме сосны, в других полосах не встречающейся, здесь хвойный лес другой, чем в северной полосе. Кедр здесь является в своем естественном местоположении великолепным деревом огромных размеров в 2 и 3 обхвата, до 2 аршин в комле, при высоте до 18 саж. Рядом с кедром, и тоже больших размеров, в нагорном лесу, можно найти великолепные ильмовые, ясневые, дубовые, липовые деревья, лиственные, еловые растут тут же, немного мельче их клен, орех. Вообще лес так разнообразен в смеси, что пропорцию смеси на глаз даже приблизительно определить невозможно. От хвойных лесов, спускаясь в долины, большею частью непосредственный переход к березнику, или дубняку. Последний занимает протяжения иногда нескольких десятков верст через горы и долины и чередуется с такими же необозримыми лесами хвойно-лиственными, либо лиственно-хвойными названных и многих других пород. Кустарники, перечисленные мною особо и составляющие своею

чащею такую характеристическую особенность южных лесов, сопутствуют как смешанному, так и дубовому нагорному лесу и разрастаются до непомерной густоты в надречных полосах с лесом, преимущественно крепких лиственных пород. В этих-то надречных полосах ильмового, ясеневого, кленового, орехового, липового, пробкового, акациевого леса преимущественно попадаются фруктовые деревья, приносящие обильные плоды. Таковы преимущественно леса Зауссурийского края, т. е. от берегов океана примерно до 45° сев. шир.

Ханкайская и Сунгачинская степи составляют совершенно безлесную котловину вер. с лишком на 100 в длину и ширину. Эта степь, если б не подвергалась ежегодным наводнениям, наравне со степью между Суйфунскою и Лефунскою долинами, в месте перерыва в хребте Сихотэ-Алинь, была бы отличным местом для промысла скотоводственного в обширных размерах, но опыт нескольких лет доказал, что наводнения делают эту местность слишком опасною для больших поселений. Есть в этих степях несколько оазисов незатопляемых, по сведениям местных жителей, но изобильные в этой полосе дожди делают то, что вода стоит на слабых покатосях не только степей, но даже и гор на 1–2 фута, что составляет тоже большое неудобство для земледелия и скотоводства. По Уссури мало хвойных лесов, они изобилуют только в ст. Казакевичевой близь ее устья, и хотя встречаются в других местах хвойные породы леса, то либо они вкраплены островками небольшой величины, либо в редкой примеси среди лесов лиственных. Из лиственных пород леса здесь по Уссури встречаются все свойственные именно этой полосе, но господство принадлежит либо дубу (большею частью плохого качества и дупловатому), либо чаще березам белой и черной, и осине. Леса по Амуру от Хабаровки до устья Хунгари имеют с Уссурийскими лесами одну физиономию.

Степень важности лесов в южной полосе в настоящее время довольно трудно определить, так как кроме Уссури, заселенной Уссурийским пешим казачьим батальоном (до 3000 душ обоего пола), южный край еще не начат заселением*. Важность южных портов и гаваней тоже еще не определена окончательно. Уссури пока важна только для Амура по легкости сообщения вниз по воде. Уссурийские казаки тоже могли бы найти выгоду для себя от лесного промысла, добывая из знакомых им мест корабельный и поделочный лес за назначенную цену для Николаевского порта под надзором своего начальства. Сплав леса по Уссури не представляет никаких затруднений, казакам по станицам уже нарезаны земли в их полную потомственную собственность за их казачьи повинности.

Далее, в Зауссурийском крае важны все строевые корабельные и поделочные леса, находящиеся вблизи будущих административных центров (напр. близь Владивостока) и во всех местах приморских и близких к приморским пунктам; подробное перечисление этих мест следует в описании лесов. Самые крупные леса, находящиеся в источниках рек и по вершинам хребтов, имеют мало важности в близком будущем, оттого что по причине недостатка сплавных рек (в целом Приморском крае лишь одна сплавная река Суйфун на 90 вер. от устья), и при недостатке в людях и лошадях, о заготовках в этом крае командированными партиями рабочими нечего и думать. Даже при заселении края и при большом числе лошадей, или другого вьючного скота, нужно проложить хотя бы

* 1866 г. – *Прим. А.Ф. Будищева.*

деревяннорельсовые дороги от мест лесообильных к сплавному путям, или к морю; но и эти самые негодные по местности дороги будут стоить слишком дорого и не скоро окупятся. Залив Посыета и вся его окрестность вер. на 40–60 почти вовсе безлесна (или поросла редким дупловатым дубом), и очень нуждается в лесе. Место для поселения, в особенности жителей из южного края, там великолепное, но недостаток в лесе будет весьма ощутителен. Не возможен ли там сплав леса по Хунь-Чуну и Тумень-Дзянь?

О будущей колонизации края. Вместе с осмотром лесов на чинов лесной партии было возложено и описать местности, ими виденные, в отношении их удобств для будущих в крае поселений. В общем описании о каждой местности, лесными чинами виденной, есть вместе с описанием лесов также и характеристика ее удобства, или неудобства для поселений русских. Здесь постараюсь в общих чертах выразить главные удобства и неудобства в различных частях края русских поселений, как на основании указаний опыта там, где русские поселения уже произведены, так и по обсуждению местных условий там, где опытные выводы сделаны на основании поселений не русских, но например китайских, тоже земледельческих.

В северной полосе края вообще мало удобств для поселений земледельческих. Суровый климат этой полосы, бедная вязкая глинистая почва, иногда при том сильно каменистая, поздняя холодная с утренниками весна, дождливое лето и иной год ранние, даже в августе, морозы, или ранний, в начале сентября, снег – делают эту полосу странною отнюдь не земледельческою, а скорее удобною для заселения промышленным и при том бродячим населением. Огородничество и в этой полосе, впрочем, идет довольно успешно, даже в Николаевске и в Де-Кастри урожаи овощей бывают обильные, и это нельзя приписать одному богатству лесным удобрением девственной почвы, но, вероятно, и климатическим условиям, благоприятствующим росту овощей. Хлеба же вообще рождаются худо; часто не возвращают посеянных семян и никогда, кроме первых лет, не приносят урожая более сам третий. Поселены в этой местности крестьяне из Сибири (Иркутской губернии) и вновь поселяются кое-где освобожденные ссыльнопоселенцы. Такие именно поселяне и нужны для здешней суровой местности. Как те, так и другие, привычны к скудной северной природе, и вообще народ склонный ко всякой промышленности. Крестьяне занимаются, кроме земледелия, рыболовством, пушным товаром, охотой и звериной ловлей, и во многих из этих промыслов почти не уступают в искусстве дикарям-гилякам, разве в ловле соболя они далеко ниже их. Но соболь так дик, что коротко с ним мог познакомиться только дикарь-гиляк, из поколения в поколение его промышляющий. Кроме того, жители рубят лес на продажу для постройки домов, в Николаевск и в селениях для чиновников, купцов, духовных лиц и своих братьев зажиточных крестьян, занимаются извозом на своих уже привычных к климату и довольно хороших конях (пород Сибирской и Забайкальской) и занимаются торговлей, большею частью мелочной и перекупной и притом по предметам очень разнообразной. Главный предмет торговли, разумеется, спиртные напитки, до которых такие охотники сибиряки и ссыльные.

Мне кажется, что эта северная полоса способна лишь для фермерского хозяйства в совершенном его виде, и для тех пород хлебов, какие могли бы быть

разведены в этой полосе, напр.: пшеницы, гречихи, озимой ржи, овса и т. п., но что для крестьянского хозяйства в этой полосе обеспечен урожай лишь для яровой ржи и ячменя. Также и некоторые овощи, напр. арбузы, дыни, а также табак и другие подобные, разводимые с успехом в поле в Западной России под 52–53° с. ш., – здесь не могут вынести суровости климата и удаются лишь в парниках, или только при особенно тщательном уходе, при фермерском хозяйстве.

В этой полосе 6-ть крестьянских селений: Воскресенское (Личи), Малое Михайловское, с. Ново-Михайловское, Богородское, Мариинско-Успенское и под г. Софийском (в послед. 2-х крестьяне Вятской г.) и все они немногочисленны. Много увеличивать населения в этой местности не стоит, в видах усиления земледельческого класса, ибо здешнее население теперь едва прокармливает самого себя своим хлебом и никогда не обеспечит им г.г. Николаевска и Софийска, если б население последних даже не усиливалось против настоящего. Надежды на улучшение земледелия в будущее время мало, так как, при всей заботливости начальства, поселенные здесь крестьяне, уже с 1854 г., если и приобретают благосостояние, то отнюдь не от земледелия, но от промышленности, либо торговли.

В средней полосе заселено 8 селений крестьян, переселившихся сюда из России, именно селения: Зеленый Бор (поселенцами, освобожденными из ссыльных), Жеребцовское, Нижне-Тамбовское, Тамбовское, Верхне-Тамбовское, Пермское, Оханское и Орловское. Хотя климат и почва в этой полосе значительно лучше для земледелия, но условия быта крестьян в этой полосе тоже во многом неблагоприятны. При этом надо вспомнить, что переселенные сюда крестьяне большею частью люди, убежавшие из России или от наказаний за совершенные ими там проступки, или от рекрутского набора, и при том польстившиеся на льготы здешнего края. Прибыв сюда, эти люди встретили много неприятных условий для своей оседлости, или место было подвержено наводнению (все ныне существующие селения уже не подвержены наводнению при самой большой воде, но прежде им были указаны другие), либо места были отведены среди густых лесов, неудобных для расчистки, либо падеж скота вследствие того, что для него не был припасен на зиму корм, либо недостаток в пище, так как пайки выдавались крестьянам на половинном положении для их жен и детей до 15 лет, а своими пайками они кормили еще свой скот, либо недостаток в земледельческих орудиях, платье и обуви и всегда следующее за дальним сухопутным переселением разорение и потери. Население до настоящего времени мало привычно к Амуру; по безнравственности своей и свойственной русским лени и беззаботности, мало успели устроиться оседло на Амурской земле. Бедность и недостатки во всем; и только немногие крестьяне добрались до безбедного существования и то преимущественно через промышленность. Хлеба здесь (рожь, ячмень, овес, гречиха, озимая рожь) и овощи роятся хорошо только у немногих хозяев, большею же частью крестьяне мало сеят хлеба, съедая его в зерне и отговариваясь трудностью обработки земли. Действительно, почву Амурскую, при плохих земледельческих орудиях, трудно возделывать: ее нужно очищать от пней и корней в большей части случаев, густая трава, иногда кустарник с своими мелкими густыми корневыми мочками, нелегко уступают сохе. Но главное, что для оторопелых от первых неудач крестьян, по природе ленивых и беспечных, есть готовый хлеб казенный кажется выгоднее, нежели в поте лица приобретать насущный хлеб. Поселения русские в этой средней полосе могут быть значи-

тельно усилены до нескольких тысяч душ, ибо ежегодно вновь открывают и сами крестьяне, и чиновники места, удобные для земледелия и оседлости и безопасные от наводнения, при том безлесные и не кочковатые; но при будущих поселениях необходимо иметь в виду, чтобы доставить крестьян в край неразоренными, а с возможно большими запасами хлеба и скота, и орудий земледельческих, и всякого домашнего скарба, и, кроме того, иметь для них в готовности в запасе для продажи крестьянам всего им необходимого по казенным, заготовительным ценам в первое время их заселения. Хорошо выбрать места для будущих поселений крестьянам, или лучше всего позволить выбранным депутатам добровольных поселенцев самим выбирать места для своего поселения; позволять им самим, без надзора чиновников сплавлять по Амуру свое имущество и скот, и при этом не отказывать им от казны ни в каком пособии, хотя бы за деньги, в крайне необходимых случаях.

Край этот еще не устроенный, торговля в нем еще не развита правильная, и поэтому вмешательство правительства в нужды местного населения и пособие ему от правительства во всех нужных случаях будет весьма полезно для процветания будущих земледельческих колоний. Много уже сумм потрачено русским правительством на устройство крестьян, переселившихся на Амур из России, но эти издержки смело можно считать потерянными навсегда, именно от того, что крестьяне эти в 1-й год своего пребывания здесь не встретили никакого пособия от казны и ниоткуда деятельной помощи в своем крайне затруднительном положении в новом для них пустынном крае. Всего вероятнее, что целое поколение этих поселенцев не опомнится от полученного удара в первый бедственный год, проведенный ими на чужой и негостеприимной земле. Полезные затраты правительства на переселенцев всегда скоро вознаграждаются процветанием колоний и благосостоянием края. Мне кажется, что полезнее было бы выдавать денежные пособия крестьянским семействам на руки перед сплавом по Амуру, предоставить им самим организовать сплавы и выбрать места для своего поселения, не стесняя их вмешательством чиновников в дело переселения, а только по прибытии ими на места их будущей оседлости, не отказывать им ни в помощи людьми для заготовки построек, ни в помощи пароходства для более спешных сообщений, или для разных непредвиденных случаев, ни в помощи снабжения их всем необходимым в земледельческом быту, так как заочно нельзя всего предвидеть и, может быть, трудно всем запасть; разумеется выдавать эти пособия только тогда, когда поселенцы настоятельно того требуют и действительно в пособиях нуждаются и, притом, непременно за наличные деньги, чтобы поселенец знал цену получаемому им пособию и не укреплялся в столь свойственной русскому народу беспечной надежде на неистощимость русской казны и не упирался на свое, ни на чем не основанное, право на опеку русского правительства во всех его делах и на бесконечные безвозмездные пособия от него, непременные последствия этой опеки.

Только при заселении Амурского края на таких условиях добровольными переселенцами из России или Сибири можно ожидать здесь цветущих колоний, которые могли бы снабжать своим хлебом не только городское население края, но и экипаж флота и войска. Время, когда мы дождемся этой вожеленной цели, колонизации Амурского края, кажется еще очень удаленным. До сих пор крестьяне здешние едва прокармливают самих себя.

В южной полосе до Хабаровки поселены те же крестьяне из России, как и в средней; их 7 селений весьма малочисленных, именно: Малмыжское, Троицкое, Сарапульское, Вятское, Малышевское, Петропавловское и Хабаровка. Здесь условия быта те же, как и ниже по Амуру, и все, что сказано относительно тех поселений, имеет применение и к этим. В Хабаровке был поселен и батальон линейных войск, но ныне он передвинут и располагается от озера Ханка по пути к гавани Владивосток. По Уссури расположен поселением Уссурийский пеший казачий батальон, долженствующий составлять и земледельческую оседлую колонию и вместе кордонную линию пограничной стражи вдоль китайской границы. Климат по Уссури гораздо способнее для произростания самых нежных хлебов и овощей, почва гораздо плодороднее и часто черноземная, или содержащая чернозем суглинистая; гораздо более, нежели по Амуру, безлесных мест, или перелесков, очень легких для расчистки под пашни, обильные луга, богатые цветами и нежными травами, составляющими вкусную пищу для домашнего скота, так что скот нелегко привыкает к затопленному Амурскому селу после богатого Уссурийского корма; все эти условия могут быть задатками будущего благосостояния в Уссурийском крае земледелия и скотоводства и, кроме того, здесь возможно виноделие, садоводство, шелководство, рыбный промысел, звериный промысел, пушной, а промышленность и торговля, находящаяся ныне в руках мелких торгашей, разъезжающих по Уссури в лодках, может перейти в руки более богатые и более добросовестные (ныне товары Николаевские и русские продаются по Уссури вдвое дороже, нежели в Николаевске). Кроме того, ныне Уссури заселена Сибиряками, далеко не привычными к теплomu климату, а напротив выросшими среди суровых степей верховья Аргуни и не видавших никогда ни винограда, ни фрукт, ни даже гречихи, а Уссури нуждается в поселенцах, прибывших из южных стран, напр. Малороссии, Литвы или Польши, для того, чтобы эти опытные в южном хозяйстве люди могли извлечь полную пользу из благоприятного климата и богатой почвы и растительности Уссурийского края.

Много мешает успеху земледелия по Уссури зачисление в казаки большею частью штрафованных линейных нижних чинов. Они уже своей испорченностью заразили и Уссурийских казаков и не только не сделались сами оседлыми земледельцами, но и своим пребыванием между казаками деморализовали их.

Неопытность поселявших Уссурийский батальон была причиною, что многие устроенные уже станицы подвергались наводнениям; некоторые станицы должны были выселиться на новые места, так же как и крестьяне по Амуру. Вследствии неуспеха в земледелии, так как большая часть пашен тоже пострадали от наводнений, от дождей, а в 1862 г. и от засухи, жители здесь почти каждый год испытывали недостаток в пище (к весне каждого года). Подъем провианта вверх по Уссури сопряжен был для казны с большими расходами. Но ныне нужда заставила самих казаков разыскать почти по всей Уссури места, безопасные от наводнений и более удобные для земледелия. По моему мнению, не следует стеснять даже казаков в переселении их, хотя бы отдельными хуторами, на новые места, которые им нравятся, и где они обещают себе более обильные урожаи хлебов. Сибиряки казаки с Аргуни преимущественно земледельцы, а не промышленники. С удалением их от Уссурийского русла хозяйство их непременно выиграет, а пользы от их поселения при большой реке существенной мало. Казаки сами нуждаются в большой реке для рыбного промысла и не желают

совершенно покинуть свои старые поселения при Уссури, по крайней мере те, которые не подвержены наводнениям. Свобода и отсутствие стеснений в земледелии еще нужнее, нежели в промышленности, или торговле.

Что касается до будущих поселений по Уссури, то количество поселенцев может быть очень большое без стеснения их, так как землями удобными для возделывания Уссурийский край изобилует. Но кроме свободы в выборе мест, здесь будущим поселенцам нужно большее пособие от правительства, поднятие их вверх по реке с помощью казенного пароходства, даже без вознаграждения, было бы лучше, так как плата за первоначальное поселение иначе была бы слишком чувствительна для переселенцев. Полезно было бы завести несколько казенных ферм по Уссури, с целью научить несведущих поселенцев южному хозяйству, и следовало бы раздавать премии от правительства за доброе хозяйство лучшим из настоящих хозяев в виде лучших пород скота, земледельческих орудий и машин (пока край еще так беден людьми, земледельческие машины, с которыми население может ознакомиться на фермах, принесло бы несомненную пользу), и т. п., подобно тому, как премии раздаются и раздавались в южной России, где они принесли огромную пользу.

В Уссурийском крае очень успешно могут расти: пшеница, кукуруза, сорго, буда (просо), гречиха, табак, дыни, арбузы, садовые фрукты, виноград и т. д.

Степь Ханкайская и Сунгачинская мало способна для оседлых земледельческих поселений, но отлично удобна для скотоводства в обширном смысле, разведения лучших пород рогатого скота, тонкорунных овец, лошадей и т. п., если этот скот угонять в горы при наступающих наводнениях. Впрочем, в настоящее время нечего и думать о заселении этой степи, когда еще так много незаселенных мест гораздо удобнее этой степи, которой наводняемость почти ежегодная по несколько раз делает эту степь совершенно бесполезною для края.

В пологих возвышенностях близ оз. Ханка, у поста Турий-Рог, в 1863 году переселились малороссияне из Воронежской губернии, прежде поселенные на Амуре близ Хабаровки, но об успехе этого переселения до сих пор известий я не имел.

Недостаток в лесе и иногда в воде составляет весьма важный недостаток для будущих поселений в крае, лежащем по направлению сухопутного пути от оз. Ханка к гавани Владивосток!.. Но земли и климатические условия здесь так же хороши, как и по Уссури. Не лучше ли было бы изменить эту линию поселений, выбранную администрацией, и указать будущим вольным поселенцам следующие линии для выбора: от Камня-Рыболова чрез р. Лефанчи и через систему Мо к кит. дер. Та-Лефан-Хоуза, на р. Лефу, а потом к р. Цимухэ, впадающей в Уссурийский залив Японского моря, и еще линию вверх по Уссури и Дауби и потом по системе р. Сучан, впадающей в море в зал. Америка. По этим путям уже существуют китайские поселения, успешно занимающиеся огородничеством и пашнями в малом виде, особенно по р. Сучан и Дауби, где есть так много свободных земель, и так мало неблагоприятных для поселения условий. Линия по Уссури выше Дауби, по Фудзи, Таудышуй и Ле-Фудзи с Уай-Фудзи, не так удобна для многочисленных поселений, как вышеназванная; тут более каменистая почва, либо непроходимые болота (по р. Таудышуй) и частые наводнения.

Суйфунская долина, вследствие своей затопляемости, своих обширных болот, возможности перерыва в сообщении от наводнений, не может быть названа

очень удобною для земледельческих поселений. Впрочем и здесь можно найти много мест, где может быть и будут со временем цветущие колонии, но малочисленность здесь китайских поселений побуждает сперва опытом удостовериться на малочисленных поселениях русских о всех неудобствах этого края.

Приморские речки Амба и Мангу, а также Сидземи, Наэми представляют самые благоприятные условия для земледельческих русских колоний. Высокие долины этих рек, наводняемые по-видимому только весьма редко (напр. в 1861 г.), благоприятный климат, близость моря, обильный рыбный промысел, достаточное обилие в лесе строевом и для промысла делают эти места самыми привлекательными для будущих колоний.

Линия между Владивостоком и зал. Св. Ольги, по административным соображениям, должна со временем быть заселена и имеет к тому удобства, а судя по китайским поселениям, ныне по этой линии существующим, и наши русские колонии там должны быть цветущими. На первое время для опыта хорошо бы было растянуть по этой линии казачий пеший батальон, или конный полк.

Вообще во всем южном Зауссурийском крае переселения должны обойтись правительству и частным лицам гораздо дороже переселений на Амур, или на Уссури. Сообщение водою прекращается с истока Сунгача из озера Хинхай (по озеру плавание вследствие частых бурь ненадежно) и с устья Дауби в Уссури. По некоторым морским речкам возможно подниматься только в лодках и то не далеко вверх по речкам (20–40 вер., и только по Суйфуну на 90 вер.). Сухопутное же переселение по ненаселенному краю стоит дорого и много затрудняет переселенцев.

Поэтому добровольным поселенцам из России в южный приморский край выгоднее следовать сюда морским путем, как предполагали сделать чехи, желавшие прежде заселить Зауссурийский край, и нельзя не пожалеть о том, что это переселение чехов не осталось.

Будищев

А. ПО НИЖНЕМУ ТЕЧЕНИЮ АМУРА

III. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ПО РУСЛУ ДОЛИНЫ АМУРСКОЙ, ОТ ХАБАРОВКИ ДО УСТЬЯ АМУРА

Правый берег Амура от Хабаровки вниз до Гольдской дер. Колбо (селен. Вятское). Местность правой стороны р. Амура от Хабаровки до протоки Парэ-ерги, мыса Брусяного, круто береговая; во многих местах каменные глинисто-сланцевые утесы или висят, или врезаются в Амур. На этом протяжении почти 20 верст только две речки: Какдевирен и Хаусман вливаются в Амур и немного лощин водосточных могут дать возможность для подъема на крутое прибрежье. Поднявшись на гору, местность представляется более ровною, с слабою покато-стью, с почвою черноземно-супесчаною и суглинистою на далекое расстояние от прибрежья, – только невысокие горы Хаусман и Мулюр возвышаются над общим уровнем хребта.

Лес этой местности повсюду лиственный, густого насаждения, состоящий из самых разнообразных лесных и кустарных пород, как напр. липы, дуба, тополя, белой и черной березы, ясеня, акации, орехового дерева, ильма, клена нескольких видов, пробкового дерева, груши, яблони, сирени, боярки и других пород. Из показанных пород леса очень мало строевого. Дуб и липа, хотя отличаются своею толщиной, но кривы и дупловаты; ясень, орех и ильм, а также акация, иногда попадаются толщиной в комле до 12 вершков при диаметре верхнего отруба 8 вершк., на длине 3 и 4 сажень, но таковые деревья редки, средним числом на десятину 1 и 2 штуки. Осина и береза в этой местности не достигают размеров строевого леса на значительном расстоянии от берега; на втором уступе терраса хребта Хехцыр-Хурин попадаетея строевой хвойный лес: кедровый и еловый.

У устья р. р. Какдевирен и Хаусман, а также по прибрежью Амура, против острова Кокен-беца, можно найти несколько удобных местностей для заведения первоначальных небольших поселений, семейств в 10 или 15. От мыса Брусяного пологий горный материк поворачивает на восток дугообразно и далеко отходит от русла Амура, примыкая опять к Амуру у ст. Колбо (ныне сел. Вятского). Между Амуром и материком залегла широкая долина лугов ровных, низменных с кустарником и чистых. Со 2-го станка, довольно глубокою протокою Дюми, следуя постоянно на З. и пройдя верст 15, у юрты Гади протока разделяется на две, из которых одна идет на НО, другая в озеро Сундакы, довольно обширное, но неглубокое (в малую воду). В большой же разлив многими протоками,

выходящими из Амура от мыса Брусяного, это озеро наполняется глубокою водою, и тогда по нем могут ходить пароходы. В сухое же время воды озера подерживаются только водою речек: Сундакы, имеющей исток свой из подошвы хребта Хехцир, небольшой р. Стрелки и некоторых горных источников.

Долина р. Сундакы довольно широкая, а чрез ее вершину недалекий перевал на р. Уссури. По р. Сундакы можно подняться на лодке не далее 5 верст от устья только в большую воду, далее она мелка, камениста и принадлежит к разряду мелких несплавных речек.

Озеро Сундакы в сухое время неприступно, с некоторых сторон окружено широкою полосою песчаных или иловатых наносов.

Все береговое пространство от мыса Брусяного до утесистого мыса Озерного (Стрелки) малопокатное, пологое к долине. Только две или три возвышенности поднимаются над общим уровнем; их вершины обширны и покрыты густым лесом и кустарником, преимущественно из пород лиственных. Лес всего этого озерного прибрежья такого же качества и сорта, какой покрывает подошвы гор Хаусман и Мулльюр, т. е. лес поделочный и дровяной лиственный.

От истоков р. Сундакы почти до устья, а также и по р. Стрелке, все пространство поросло лесом смешанным лиственно-хвойным, насаждения довольно густого, поделочным, дровяным и строевым. Довольно здесь елового и кедрового леса в примеси. По правому берегу р. Стрелки, восточному берегу озера Сундакы, до начала протоки Дюми, лес поделочный, строевой и корабельный, преобладающая порода кедр, достигающий в комле от 15 до 20 вершк. и в верхнем отрубе от 10 до 15 вершк., на длине бревна 5 и 7 сажень; ореховое дерево и акация в комле от 9 до 14 верш. при 2 и 3¹/₂ саж. длине бревна, в верхнем отрубе от 6 до 11 вершков; липа, клен, ильм, дуб, осина, береза белая и черная встречаются тут в значительном количестве. Из кустарных пород элейтерококкус, панакс, жимолости, таволожники, виноградник и другие попадают здесь так же часто, как и по Уссури.

По самой протоке озерной и далее склоны гор пологие, с почвою земли черноземной или супесчаной, так что эта местность может со временем вместить значительные селения, коим достаточно будет пахотных земель и изобилие в сенокосах и лугах ровных, в большую воду, незатопляемых. От истоков протоки из озера Сундакы одна протока направляется ко 2-му станку (Сепсики), другая к гольдской дер. Колбо (сел. Вятскому). Эта последняя придерживается постоянно матерого берега, с левой стороны отделяет и принимает несколько значительных проток, а с правой принимает несколько незначительных речек и ручьев. Малое число незначительных утесов с правой стороны врезывается в протоку, но все же нельзя назвать эту местность прибрежно-гористою. На расстоянии 25 верст от исхода протоки из озера Сундакы до гольдской деревни Колбо (селения Вятского) местность на далекое расстояние пологая и удобная для поселений земледельческих. Впоследствии здесь основались два селения: Петропавловское и Малышевское. Лес здесь поделочный и дровяной лиственный, не очень густого насаждения, средних размеров, с обильным кустарником разнообразных пород.

Преобладающие здесь породы береза, осина, липа, клен, яблонь, груша и отчасти акация, пробковое дерево, сирень, амурская черешня и другие лиственные породы. Осина и береза здесь доброкачественны и достигают размеров строевого леса.

По протоке много островов не насыпных, но как будто бы оторванных от главного материкового побережья, покрытых деревьями лиственных пород довольно больших размеров поделочного и дровяного леса. Глубина протоки на фарватере не менее 10 и 15 ф., ширина от 30 до 80 сажень у самого входа в Амур, у селения Колбо протока значительной ширины, правый ее берег утесистый и каменистый.

Левая сторона Амура от р. Кур до озера Боленского (Нори-Оджал). Подошва гор левой стороны Амура, по протяженности от р. Кур до утеса Оджал у озера Болень, далеко отступила от Амура. Между подошвою гор и Амуром везде простирается более или менее широкая долина, состоящая из наносных песков, глины, мергеля и чернозема.

Большие участки ровных возвышенностей иногда поднимаются над общим уровнем долины и представляют как бы оазы или луговые острова с плодородною почвою, иногда заросшие кустарником, по большей части редкого насаждения; иногда же на этой долине кое-где произрастает и лиственный поделочный и дровяной лес не в значительном количестве перелесками. Эта ровная луговая местность вся подвержена наводнениям, а потому и неудобна для оседлых поселений, а разве для временных распахек в очень сухие годы, когда в Амуре стоят воды низко. Такой характер имеет местность как по Амuru, так и по его протокам с левой стороны от Хабаровки до утеса Оджал.

Горы Эморон. В одном только месте протоки Гибельной, с левой стороны ее по течению, примкнуло несколько крутых утесов, возвышенностей, небольшие группы гор Эморон. Эта возвышенность небольших гор, простирающихся в длину на 15 и ширину не более 8 верст, примкнула к протоке небольшими утесами, с прочих сторон возвышенность поката и составляет отдельный хребтик, окруженный с других сторон луговою низменностию. Почва земли черноземно-супесчаная, или хрящевато-суглинистая, образовавшаяся из разрушившегося твердого глинистого сланца. По всей этой местности лес поделочный и дровяной лиственный: осина, дуб, липа, клен, береза 2-х видов, отчасти ореховое дерево, ясень, акация, черемха 2-х видов, ольха и много кустарников густого насаждения разных пород и видов, тождественных с растительностию озера Сундакы.

Как на отлогостях этой возвышенности, так и в окрестностях их, изобилие сенокосов ровных с тучными травами; местность эта удобна для заселений только на пологих возвышенностях, безопасных от наводнения, каковых мест здесь можно найти в изобилии, достаточном для многочисленных поселений.

Подошвы и склоны гор Курских, составляющих рубеж всей долины левобереговой Амурской и Боленской, покрыты преимущественно лесом дровяным, поделочным и строевым лиственных пород; в небольшом количестве, на самых возвышенностях и более удаленных местах, попадаются изредка кедр, ель и пихта. И так, в отношении лесов, эта местность не имеет особой важности, как по сорту леса, так и по удалению его от Амура.

Колбо и Уксюми. От гольдского селения Колбо до гольдского селения Уксюми береговая местность гористая, в особенности до утеса Мадодзи, несколько крутых утесов врезывается в Амур. По этой береговой возвышенности в двух луговых падах находятся сенокосные долины: у устья р. Маре и Синду; несколько небольших ручьев и лощин дают возможность подняться на побережье покатою с хорошей почвой земли. От утеса Мадодзи береговая возвышенность несколько

понижается, однако ж все еще представляет крутобережье, состоящее из желто-белого сланца.

За утесом Уксюми, с правой стороны Амура, отделяется значительная протока Хуэмэ; крутое побережье заменяется пологими скатами, далеко отходящими от берега Амура и проток, образуя широкую долину Синду.

Лес Уксюмийской местности преимущественно поделочный и дровяной лиственный; главные преобладающие в нем породы: осина, береза 2-х видов, липа и дуб. Верст за 10 от побережья, на уступах гор Хехцыр, попадает в незначительном количестве лес хвойный строевой кедровый, а также лучшего сорта и качества лес лиственный.

Несколько пунктов этой местности, напр. на склонах гор у устья р.р. Сахачи, Маре, Синда, у мыса Уксюми, можно избрать места для небольших селений, а более значительны селения на скате гор долины Синда.

Озеро Синда. Долина Синда примыкает к озеру Синда и значительной р. Немпту, вливающейся в озеро небольшое и мелкое. Р. Немпту берет свое начало из южных склонов хребта Хехцыр. Все ее течение простирается на 100 верст. Верст 25 от устья с обеих сторон река окаймлена луговой долиною, затопляемою в полную воду; река на этом протяжении сплавная и тихого течения, в ширину в иных местах до 50 саж., глубину не менее 10 ф. С левой и правой стороны принимает она несколько глубоких речек, с правой более значительную р. Току, коей глубина в сухое время не менее 4 фут.

По береговой возвышенности, более ровным скатам гор р. Немпту, лес поделочный, строевой и дровяной лиственно-хвойный, между коим встречаются частыми насаждениями участки лиственницы с древесиною хорошего качества, но не составляющей сорт строевого леса, а только заборник и жердняк.

Правый берег озера Синда, протоки Оро и левый берег р. Пексо и озера Гасе составляют небольшие возвышенности подошвы гор Хозо. Эту всю местность нельзя назвать гористою: она состоит из покатых склонов невысоких холмов, годна для пахотных земель как по качеству почвы, так и по местным своим условиям; покрыта лесом поделочным и строевым лиственно-хвойным. Из пород лиственных преобладающие – береза и осина, но в довольно количестве также липы, клены, ореховое дерево, дуб, ясень и другие; из хвойных пород кедр попадает посредственного качества.

Озеро Гасе и протока Дондонская. Озеро Гасе в сухое лето имеет только вид обширного болота, принимает две незначительные речки Пехса и Хор, вытекающие из пологих вершин хребта пограничного р. Дондону. Протока озера Гасе сливается с протокою Оро и, извилисто пройдя несколько верст, впадает в Амур против гольдской деревни Сереме. От протоки Гасе отделяется по течению вправо значительная и глубокая протока Дондон с подразделением на несколько мелких проток.

От деревни Гасе весь правый берег протоки Дондонской, на всем протяжении его до слияния с Амуром у долины р. Дондона хотя выше левого берега, но не составляет еще подошвы горного материка, а только ровную островную возвышенность над общим уровнем Амурской луговой долины. Самая же горная возвышенность материка отстоит от протоки на расстоянии 15 и 20 верст, и это береговое пространство покрыто или степными лугами, заросшими густым крупным кустарником, или редким дровяным и поделочным лесом, на местностях никогда не затопляемых водою.

На этом пространстве много найдется мест с хорошою почвою земли, удобных для поселений; особенно хороши места близ устья р. Дондона и протоки в Амур в окрестностях гольдских деревень Дорейерга и Найхен.

На противоположной стороне Амура, против селения Малмыжского, вершины гор Оджал, или Одзял, крутыми утесами врезаются в Амур. От утеса Маэ на северо-восток, омывая довольно возвышенное побережье, изливается в Амур широкая и глубокая протока из озера Болонского. Русло этой протоки имеет в длину до озера не более 5 верст, при истоках из озера уменьшается до того, что не превышает в сухое время глубины 3 фут.

Озеро Болонское – Нори Нергуль-Болен-Оджал. С обеих сторон протоки расположены гольдские деревни, числом до 7-ми; из них самые большие дер. Болон и Нергул; каждая имеет более 15 юрт. Последняя деревня по озеру д. Хунку. Далее постоянных деревень по озеру, на протяжении более 100 верст, нет, а только множество летних рыбацких юрт как по озеру Болонскому, так и на островах его.

Самое озеро Болонское (Нори-Оджал-Болен) от утеса Хунку, расширяясь в обе стороны, имеет направление на SW, длиною от 60 до 70 верст, поперечной ширины до 20 верст, при глубине в сухое лето 5 и 8 ф. На озере три острова: 1) Гиудольги, близ северо-западного берега, с утесами каменистыми с озерной стороны; 2) остров Ядже, посредине озера, со всех сторон каменистый и утесистый; 3) остров более низменный в вершине озера, Цеули. Все эти острова покрыты или кустарником, преимущественно черемхи, или дровяным и поделочным лесом: осиною, березою, ольхою, кленом, ясенем и другими лиственными породами.

По озеру много мелей, отчего проход по нем на большой лодке в сухое лето очень затруднителен, иногда даже невозможен. Почти все озеро окаймлено мелями, так что на несколько верст от берега глубина не превышает 1 фут.

По разным направлениям в длину и ширину, на небольшой гольдской лодке, нигде не отыскано глубины, превышающей 8 ф. В бурное время напор волн в какую-либо сторону увеличивает значительно подъем воды и заливают низменные иловатые побережья мели и низменности на протяжении многих верст. Левая сторона озера гориста, правая луговая – обширная степь.

Левого побережья хребет Ганка опускается несколькими отрогами в озеро, кои ниспадают или пологими мысами, или крутыми утесами. От р. Болонки до мыса Дюйга местность береговая более пологая, покрытая лесом дровяным и поделочным, редкого насаждения и малокустарная. С мыса Дюйга побережье более круто-береговое утесистое, но не лишенное пологих скатов и лощин межутесных. Побережье протоки покрыто лесом лиственным, преимущественно поделочным. Самое же побережье всего озера покрыто лесом более смешанным поделочным, дровяным, строевым и корабельным лиственно-хвойным. Не в дальнем расстоянии от побережья на возвышенностях и котловинах можно найти достаточное количество строевого и корабельного хвойного леса, иногда без примеси лиственных пород.

Здесь попадаются деревья кедра, имеющие в комле от 14 до 20 вершков, в отрубе 6 и 9 верш., при длине бревна 6 и 8 саж.; лиственница от 10 до 14 верш. в комле, от 4 до 8 верш., в отрубе, при длине бревна 7 и 9 саж. Возраст этого леса 150 до 200 летний. Ель и пихта достигают больших размеров и имеют доброкачественную древесину. Такого сорта лес занимает целые площади густым насаждением на большие пространства вглубь.

Береговые возвышенности утесов Сахта-яна и др. покрыты преимущественно лиственным лесом поделочным всех выше упомянутых пород, за исключением больших деревьев орехового дерева и акации. Однокачественный добротный строевой лес занимает все, как северные так и южные скаты отрогов гор Ганка и Пыри до истоков р. Хылги, текущей в озеро Поддали.

Северо-западные склоны гор Ганка пологи, покрыты лесом более дровяным и валежным. Вершины гор Хуроце составляют перевал на р. Кур, покрыты гарью, камнями и кустарником преимущественно кедровым сланцем, так же как и самый хребет Даянский (Гаринский).

От утеса Оджал, состоящего из разных твердых горных пород камня: колчедана, слюды, диорита, кремнеземных и глинистых сланцев, гористое побережье левой стороны Амура, протянувшись по берегу не более 5 верст, у устья р. Хорсоман удаляется от берега постоянно и, уклонясь от него на значительное расстояние, образует обширную долину небольшого озера Эльбин и более значительного Поддали. Почти на половине долины, к берегу Амура, версты на две протяжения, небольшими утесами, примыкает возвышенность Онмэ (Онгмуи).

Возвышенность Онмэ. Возвышенность Онмэ со всех сторон окружена долиною лугов и степных кустарников, иногда на расстоянии более 12 верст. Самая возвышенность примыкает к протоке небольшого озера Эльбин и Амуру несколькими небольшими утесами, между которыми есть луговые пади для удобного подъема на ровное побережье, кажущееся с Амура крутою, но когда поднимется на эту местность, она оказывается холмистою степью со слабыми покатолями и с небольшим числом лоцин и оврагов, пологих на Северо-Запад. Почва в этой местности черноземно-суглинистая.

Лес дровяной и поделочный лиственный негустого насаждения с прогалинами и мелким кустарником и гарью. Из сортов поделочного леса, по своей добротности, заслуживают внимания черная береза и ольха значительных размеров.

На всей этой возвышенности нет строевого хвойного леса, но лес лиственный – осина и береза – достигают размеров строевого. Почва земли очень плодородна, как это должно заключать по ее виду и растительности древесной и травяной. На всей этой местности выгодно можно расположить несколько селений довольно значительных.

Р. Хунгари. Почти противоположно возвышенности Онмэ правый берег Амура представляет широкую долину с устьями р. Хунгари.

Р. Хунгари своими истоками падает из западных склонов хребта Сихотэ-Алинь; с правой и левой стороны принимает много значительных горных речек, хотя довольно широких, но не сплавных, по причине их быстрого течения и засорений русла. Не доходя до Амура верст 50 от р. Гарма, долина Хунгари значительно расширилась, в некоторых местах ширина ее превышает 20 верст. По этой долине река разбивается на много значительных протоков, довольно широких (иногда от 30 до 60 сажен ширины), средней глубиной от 1 до 3 саж., но есть такие места и ямы, коих глубина превышает 5 сажен. С расширением долины быстрота течения несколько уменьшается, но все еще представляет затруднения для подъема больших лодок на веслах. С трудом, посредством бичевы, шестов и весел, можно подняться на гольдской небольшой лодке от устья вверх по реке на 35 верст до утеса горы Наар; отсюда возможен вверх по реке только переход пеший, с одной вершины гор на другую. Острова, образуемые протоками р. Хунга-

ри, довольно возвышенные с ровными чистыми лугами; в 15 верстах от устья они покрыты кустарником разных пород, преимущественно черемхою, тальником, яблонью, боярышником и друг. породами. На некоторых островах, более возвышенных, находятся в изобилии: ореховое и пробковое деревья, ясень, ильм, акация 2-х видов, тополь и другие лиственные породы, большими деревьями и хорошего качества. С устья р. Цей р. Хунгари постоянно может быть сплавной для опытных сплавщиков.

Лес по правой стороне склонов гор пологих строевой, дровяной, поделочный и корабельный, лиственно-хвойный; по всему горному хребту другой стороны реки, на склонах гор Тауруль и Сарку-Боки, только с большою примесью хвойных пород: ели, лиственницы и кедра. По рассказам туземцев и маньчжур, от устья р.р. Иодоми, Хозяла и Хореля, по горам и лощинам, довольно нередко встречается тис крупных размеров, из которого гольды выделывают доски до 2 ф. шириною, древесина его красная.

По правую сторону склона гор, на их отлогостях у устья р. Хунгари, местность была бы по качествам почвы и другим условиям удобна для значительных поселений, если бы не ежегодно повторяющиеся наводнения; заливающие всю луговую низменность.

Озеро Поддали. Против скалистого острова Омуа, единственного на всем нижнем Амуре, долина левой стороны Амура оканчивается у утеса Муху протокою и значительным озером Поддали. Озеро это наполняют р.р. Хылги, Сеуль, Сендзя, кроме менее значительных ручьев; в высокую воду они сплавные и не очень быстрого течения. Озеро Поддали имеет протяжение в длину до 15 верст, в ширину от 2 до 4, глубина постоянная на середине озера не менее 5 фут.; в сухое время берега его отмелы с луговой стороны, с левой – в иных местах имеют глубины от 1 до 3 футов, в удалении от берега на 15 и 20 сажен. Впадающие в озеро реки берут начало из горных возвышенностей, но скоро, разливаясь по долине, быстрота их уменьшается и они способны для сплава в разное время года при прибылой воде.

Вся местность Поддальской обширной долины почти со всех сторон защищена от сильных ветров: с севера и запада заслонена отрогами хребта Даянского (Гаринского), с юго-запада горами Оджальскими, с юго-востока возвышенностью Онмэ, и потому озеро это не подвержено сильному волнению, а окрестный лес ветровалу.

Всю местность прибрежной левой стороны озера Поддали можно назвать местностью возвышено-равною; от озера верст на 10 и 15 нет гор возвышенных, крутых и покрытых лесом.

При входе в озеро протокою Муху на версту от Амура, береговая местность левой стороны возвышенная с несколькими небольшими утесами, выходящими в протоку. Далее берег отходит от протоки каймою луговою и самые возвышенности теряют свою крутизну, заменяясь пологими ровными скатами. Версты на три только от Амура отстоит озеро; при истоках Поддальской протоки из озера, оно имеет глубины, в сухое время, не более 8 футов.

Весь угол от гольдской деревни Муху (Поддали) до половины р. Ерега, утеса Сибя, покрыт лесом лиственным, белою и черною березою хорошего качества, дубом, осокорем, липою, ясенем, ильмом, кленом, акациею, небольшими деревьями ольхи, черемхи, сиренью и другими породами; почва земли преимущественно черноземная, по качеству и местности годна для больших заселений.

Далее все почти пространство левого берега озера пологое, ровное, заросло преимущественно хвойным лесом, или лиственницей сплошного насаждения и одинаковой спелости, возраста и густоты, или же в смеси с елью и отчасти с пихтой. Лиственница здесь особенной доброты: деревья ровные прямые без сучьев, от 120 до 175-летнего возраста, насаждения довольно густого, не засорены кустарником и валежником; иногда попадаются деревья, имеющие в длину бревна от 6 до 8 сажень, в отрубе верхнем от 6 до 9 вершков при диаметре отруба нижнего не более 16 вершков. Ель и пихта попадают в толщину гораздо больших размеров; по качеству древесин и размерам лес этот годен для более значительных сооружений. Уступы гор и их макушки покрыты лесом смешанной породы: черною и белою березою (можно найти черную березу бревном до 3 саж. в длину, при толщине верхнего отруба 3 и 4 верш., белую – в длину до 4 с.), дуб, ясень, клен (таких же размеров).

Лес кедровый занимает побережье скатов гор у истоков р. Хылги по отрогам гор Эльбин, Пыри, а также горное побережье Амура до устья р. Хурбу.

Все побережье от утеса Саба до р. Хурбу крутобереговое, утесистое, перерезано множеством лоцин, с лесом хвойным строевым хорошего качества. Кедр, лиственница и ель, а иногда пихта, достигают тут размеров, превышающих размер леса приозерного; но вывозка этого леса не так удобна, по причине крутобережья Амура и возвышенных сопок, окаймляющих Амур однообразною грядою гор. Итак лесную местность озера Поддали можно определить таким образом: береговое побережье левой стороны озера пологое – ровное с лесом строевым и корабельным хвойным, преимущественно лиственным по небольшим речкам от р. Малой Ереги до р. Сендзя. Лес смешанный строевой, на скатах гор р. Хылги – строевой, дровяной, поделочный и корабельный, хвойно-лиственный по возвышенностям и крутизнам гор прибрежных амурских Саба; лес дровяной и строевой лиственно-хвойный по возвышенностям луговых пространств между р. Сеуль и Хылга, а также по логу Тигровому; лес поделочный и дровяной лиственный по всему углу мыса Муху.

Озеро Поддали есть самое удобное место в отношении лесном и хозяйственном: тут лучший запас леса, по его сорту, качеству и количеству; озеро Поддали может служить хранилищем сплавного леса из других местностей, как напр. р. Хунгари, озера Боленского и других пунктов не в дальнем расстоянии от этого места, изобилующих породою и сортом лесов особенно хорошего качества и добротности.

Весь мыс Муху и побережье протоки Поддальской по своему положению и качеству почвы годны и должны быть заселены при первой возможности.

Окрестности станка Мылки и гольдской дер. Джон-мэ. От устья р. Хурбу по всему береговому протяжению Амура в ширину на многие версты, иногда до 35 верст, залегла опять луговая долина. У станка Мылки (сел. Пермского) и деревни Гольдской Джон-мэ низменная подошва гор удаленного хребта Гаринского примкнула на протяжении нескольких верст (2–3) к берегу Амура, и только при отделении протоки Сергольмской горы подходит к побережью и постоянно с этого места не удаляется от него на большое расстояние.

Вся эта местность левой стороны Амура не замечательна ни в отношении леса, ни мест для поселений, – открыта свободному разгулу восточных и северо-восточных ветров, а потому и растительность этой местности довольно скудна,

почва серая холодная, также и лес по низменным подошвам гор больше горелый, валежный, или дровяной.

Необширная береговая возвышенность у станка Мылки и гольдской деревни Джон-мэ, хотя на вид кажется местностью удобною для заселений, но ни по пространству своему ни по качеству земли и положению, в сравнении с другими местностями, не предвещает хорошей будущности, так как место низменное, удаленное от склонов гор настоящего материка и с скудною почвою.

Ниже деревни Джон-мэ, верст 12 не доходя протоки Сергольмской, вливается в Амур небольшая протока из озера Утиног (Гаси-хуын). Это озеро вблизи берега Амура наливается водою, истекающею из вершины окрестных гор двумя небольшими речками – Сахатиной и Заячьей; все озеро окружено от Амура лугами, а от горной стороны кустарником по довольно возвышенному иловатому грунту, сплывшему на долину из разрушенных глинисто-сланцевых отрогов хребта гор Гаринского, приблизившегося с этой стороны к озеру верст на 5-ть.

Вершины и скаты гор этой местности покрыты лесом строевым, поделочным и корабельным хвойно-лиственным хорошего качества и больших размеров; только по своей удаленности от Амура и неимению сплавных речек, озеро не составляет большой важности в настоящее время.

Р. р. Варег и Сергольм. У устья р.р. Варег и Сергольм в значительную протоку Сергольмскую, горы приблизились к самой протоке, береговые возвышенности облегли Амур до р. Они, находящейся близь станка Цянка. С этой реки подошва гор поворачивает прямо на север и против р. Хондоха, впадающей в Гарин, а с левой стороны замкнула долину Гаринскую. Между устьем р. Гарина и Амуром, верст в 25 длины и 15 ширины, образовались луговые места, иногда довольно возвышенные, состоящие из наносных песков и ила, на коих могут быть временные большие запашки. Такова местность у ст. Цянка. Вся местность по протоке Сергольмской покрыта лесом строевым, дровяным и поделочным, лиственно-хвойным, посредственного качества, засорена валежником и иногда прерывается горою.

У устья реки Сергольм и небольшого залива, горы довольно отлогие, с почвою земли хорошего качества, где удобно можно поместить селение.

Р. Гарин. Река Гарин вытекает многими истоками из хребта гор Уньмских и Амгунских, извилиста, постоянно держит направление на восток, у станка Гаринского двумя главными протоками впадает в Амур.

На протяжении 100 верст река редко течет одним руслом, а более разбивается на протоки, меж коими от наноса песка, камня и леса образовалось много островов, иногда довольно возвышенных, покрытых лесом дровяным и поделочным, лиственно-хвойным. Гаринская долина не так широка; от гольдской деревни Хандоха до устья р. Боктор, не превышает шириною 10 верст; далее самая долина, по рассказам туземцев, расширяется на значительное расстояние.

Горы левой стороны Гарина, за исключением немногих мест, подходят к самому берегу, или же висят утесами, состоящими преимущественно из глинистого темного сланца. Подошвы гор правой стороны более удалены от берега и самые возвышенности береговые не так круты, как с левой стороны. Течение реки почти повсюду быстрое от д. Бицю до р. Боктор и далее; выше – течение, по словам туземцев, имеет меньшую быстрину. Ширина главного русла Гарина не превышает 50 и 70 сажень, а иногда суживается до 25 и 30 сажень; глубина же различна: есть ямы сажень в 7-мь и более, другие места, так напр., у устья р. Хандохан,

Кальпа, Мандоли и других, глубина фарватера в сухое время едва доходит до 4 и 5 футов; дно завалено камнями, деревьями, илом и песком, с быстрым падением вод, где с трудом можно поднять лодку посредством бичевы и шестов. Несмотря однако ж на таковые преграды, р. Гарин может быть причислена к разряду рек сплавных, а в большую воду и время дождливое – судоходного для небольших баркасов и лодок.

Верст 30 и более вверх от устья Гарина, во всякое время года река доступна для пароходства: на этом же протяжении левая сторона Гарина до гольдской деревни Бицю и Хандохан представляет много мест выгодных в отношении пахотных, сенокосных и выгонных земель, для размещения нескольких значительных селений, в особенности по мысу Бицю и его окрестности.

В отношении леса в Гарине, река не заслуживает особенного значения при настоящих обстоятельствах; речек боковых сплавных Гарин не имеет на дальнее расстояние от устья. Береговой лес заключает следующие породы: кедр, ель, лиственница, которые хотя и попадают в больших размерах, годных для строений, а также и как хороший корабельный материал, но выборка его очень сложна и вывоз на реку труден, по случаю или крутобережья, или множества валежника и гари.

Из лиственных пород здесь попадаются: ясень, ильм, ореховое и пробковое деревья, тополь и другие, преимущественно по островам и побережьям крутым, хотя достигают больших размеров, но не в большом количестве.

Во многих местах с обеих сторон реки Гарина на многие десятки верст примкнули полосы с редким кустарником, или совершенно обнаженный с каменистою почвою разрушившаяся камня, скудно покрытою растительностию трав, или состоящие из гари прежних времен.

С гольдской деревни Бицю подошва гор, хотя несколько отступила от берега, но пологие их скаты, невдалеке от русла р. Гарина, не лишены удобств для будущих поселений. Лес по оным более строевой, поделочный и корабельный: ель, кедр и дуб, отчасти лиственница, найдет в свое время потребителей и возможность вывозки на реку.

При устье р. Гарина, склоны гор узкою полосой приблизились к Амуру; местность же на расстоянии от берега Амура версты на $1\frac{1}{2}$ низменная; содержащая много болот и покрыта лесом тощим и валежным, гарями и мелколесьем, преимущественно породы хвойной; по почве земли мало способна к заселению.

Озеро Хур (близь Гарина). Версты за 3 от станка Гаринского образовалось озеро Хур, с речками того ж имени, вытекающими из довольно высоких гор, отстоящих от озера не более как на 10 верст. Правая сторона как р. Хур, так и озера, более низменная сенокосная; в верхнем течении речка камениста и завалена иногда сплошным лесом разных пород, более лиственных: ясенем, ильмом, осокорем, осиною, ореховым деревом и др. Ясень здесь попадает по побережью речки, в отрубе верхнем до 9 верш., при длине бревна от $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ саж.; дуб в отрубе до 4-х вершков при длине бревна 3 и 4 сажень, в возрасте 100 лет; лиственница в отрубе 6 и 8 вершков при длине бревна 6 и 7 сажень; кедр в верхнем отрубе 8 верш, при длине бревна 5 и 6 сажень. Таковой лес занимает все пространство склонов гор Хур, Селасу и Хаер. Вершины самых гор покрыты более лесом лиственным: березою 2-х видов, дубом, липою, кленом, ясенем и другими небольших размеров породами, годными для поделочного материала.

Горы Хоми, по-видимому, кажутся возвышенными и неприступными, но покатые склоны и подушки допускают подъем на них даже на лошадях.

Правый берег речки и озера Хур, а также притоков в Амур: р. р. Хасекта, Эмур, Гяця более пологий составляет подошву гор, удаленных от побережья Амура верст на 8 и более; все это пространство покрыто лесом редким и не так крупных размеров. Во многих котловинах на скатах побережья всего этого пространства, приозерного Хурского, можно разместить значительные поселения. Почва земли этих местностей глубокая, черноземно-суглинистая и легкая для расчистки и осушки лесных пространства. Сенокос и выгон можно найти по материку побережья или около речек.

Подошва гор Панго. Прибрежье Амура от речек Геу-Ходзей, по всей протоке Гайта, р. Кургу, р. Оанда, имеющих свои начала с гор Панго, коих подошвы пологие, кое-где представляет небольшие возвышенности, покрытые лесом смешанным, строевым, и дровяным, хвойно-лиственным, с частым валежником и гарью. По означенным речкам, у береговых их склонов растет преимущественно ель, кедр и пихта хорошего сорта и качества.

Вся протока Гайта, озеро Оанда и речки того же имени, окаймлены сенокосом ровным с хорошими и тучными травами. Материк обеих сторон р. Оанда не столь гористый, а чаще довольно покатый, простирающийся до береговой крутизны р. Кульгу. Все это пространство преимущественно выгоревший лес до подошвы гор Гайтор, место пологое, ровное, с почвою плодородною и впоследствии времени может быть заселено несколькими значительными деревьями.

Р. Кульгу (Кургу). Р. Кульгу (Кургу), при устье своем в Амур, образует небольшое озеро, довольно глубокое. Долина этой речки имеет направление на северо-восток. Верст на 5 от устья по обеим сторонам речки луга, далее кустарник и валежник.

Берег левой стороны слабо покатый, склоны гор покаты на юго-запад и покрыты лесом смешанным, редкого насаждения; с удалением от этого побережья, не более одной версты, начинаются горы и валежный лес, проходящий полосую до горы Кадор, и истоков речек Хали и Больдзе.

Прибрежье Амура ниже устья р.р. Кульгу, Сили, Нуксу до р. Хильга – покрыто преимущественно лесом не густого насаждения, смешанным, по месту более ровному, или удобоскатистому. Самый берег Амура песчаный; у устья речек повсюду сенокос в незначительном количестве; в истоках речек лес валежный хвойный, не имеющий никакой ценности, как по своему сорту, так, главное, по удаленному его от Амура положению.

Р. Хили (Сили). У устья и долины р. Хили (Сили) место ровное, сенокосное, верст на 5 вглубь леса.

Далее долина Хили суживается, речка течет по камням и низменностям, покрытым лесом хвойным хорошего качества. Ель по низменностям попадает толщиною в нижнем отрубе до 20 вершк., в верхнем от 8 до 10, при длине бревна в 7 сажень. Кедр по склонам побережья таких же размеров попадает редко. Ближе к вершинам и истокам р. Хили лес строевой хвойный; в котловинах и горных падушках преимущественно попадают лиственницы больших размеров и доброкачественной древесины, имеющие в верхнем отрубе 8 и 9 вершков, при длине бревна 6 и 8 сажень. Кедр по макушкам гор и скатов бывает обыкновенно размеров не много меньших.

Р. р. Большой и Малый Дуран. Береговое пространство от р. Хили, Большому и Малому Дурану до р. Силясу крутобереговое, состоящее из разных пород камня, глинистого сланца темно-бурого цвета и гранитов. Вся эта береговая

полоса представляет прибрежную береговую группу возвышенностей, покрытых лесом, строевым, поделочным и дровяным, хвойно-лиственным, негустого насаждения. При устье р.р. Большого и Малого Дуранов в значительном количестве ровные луга, далее в логах этих речек лес хвойный, по побережью и скатам кедр в изобилии, хорошего сорта и качества. Дуб, ясень, липа, клен здесь почти не встречается, а если встречается какая-нибудь из этих пород, то единичными деревьями небольших размеров.

Из вершин и склонов гор Адзи можно вывезти значительный запас кедрового строевого леса только сухим путем, а не сплавом или к побережью Амура, или к устью и озеру р. Сиясы.

Р. Сиясу. Р. Сиясу падает многими истоками из вершин скалистых гор хребта Каменистого, отстоящего от Амура на 40 и более верст. С правой и левой стороны принимает р. Сиясу несколько небольших горных речек, воды коих то ниспадают по обломкам разрушившихся каменных груд, то скрываются под ними. У устья своего, верст на 5 в длину и $1\frac{1}{2}$ ширину, р. Сиясу образует долину и небольшое озеро, проточкою соединяющееся с Амуром. Сплавную речку может быть в высокую воду не дальше как на 12 верст, до соединения с р. Хуаси. От верхнего течения р. Сиясу вся лоцинная местность, а также и береговая, покрыта лесом хвойным, преимущественно елью, не превышающею в верхнем отрубе 4 и 6 вер., при длине бревна от 5 до 6 саж. С правой стороны, от соединения р. Сиясу с речками Большой и Малой Дальдзе, побережье покрыто строевым, дровяным и корабельным хвойно-лиственным лесом, меж коим значительное количество кедр средних строевых размеров.

Горы и склоны р. Сиясу и ее вершин покрыты скудно елью, березою и отчасти кедром; много гари и валежника непроходимого; вообще лес тут, не достигнув своей зрелости, сохнет и стареется на почве каменистой, состоящей из громад рассеянных повсюду горных валунов, каменных глыб, падших когда-то из больших вулканических сопок, остатки коих и теперь представляют по всему каменистому хребту утесистые скалы разных фигур и величин; так наприм. одна из них: Утес Муравьев (г. Оанта-священный) достигает размера от своего основания на самой макушке высокого хребта до вершины утеса более 30 сажень, при диаметре в основании более 40 сажень и кажется с Амура фигурою гилеяка в сидячем положении. Почему туземцы той местности на 100 и более верст на северо-восток и запад мало посещают эту пустынную местность, почитая утес неприступным жилищем демонов и несчастий, обиталищем постоянного грома и молний, дождей и вихрей.

С вершины утеса и множества ему подобных окрестных скал видны горы Джайские, направление нескольких вершин хребта Сихотэ-Алинь и хребтов водораздельных Амгунских.

На север горы террасообразно повышаются постепенно; все они кое-где только по уступам и логовинам покрыты тощим горелым смешанным лесом и кедровым сланцем, а более горами камня и разрушившимися высокими сопками, со скудною растительностью и изобилием каменистых пород крупно-зернистого, бело-желтого и зеленоватого гранита.

По скатам гор р. Сиясу, в лощинах и по побережью Амура этой местности в первый раз на Амуре мне встретился тис (*Taxus baccata* L.), который не достигает размеров дерева строевого, а только небольшого деревца или крупного кустарника, от коего из комля можно получить отрубок, длиною не более $2\frac{1}{2}$ аршина, толщиною 2 и 3 вершка, очень годный по своей древесине на поделку, особенно

токарную; эта порода встречалась после по обеим сторонам Амура до д. Кизи, но не в большом количестве.

Береговая часть Амура у устья речек Большой и Малой Эджеу, Мадохи, Симасу также крутобереговая; окрестные горы и вся местность покрыта лесом строевым и дровяным, хвойно-лиственным, между коими попадает кедр, иногда в значительном количестве и довольно больших размеров.

Р. Симасу. Вершины гор Симасу каменисты, утесисты, кое-где покрыты кедровым сланцем. По обеим сторонам речки Симасу побережье хотя возвышенное, но с слабою покатостью и ближе к устью довольно ровное, где можно поместить небольшое селение.

Р.р. Ючи, Писой, Сидзяпи и Яуци все берут начала свои из гор, лежащих на севере, протекают пространства от 10 до 30 верст, состоят из множества притоков, по коим лес преимущественно состоит из ели и пихты и лиственницы, изредка попадающейся в низменностях и при этом плохого качества. На половине от истоков речки образуют довольно широкие долины, по коим береговые скаты довольно крутые с левой стороны по течению, а с правой довольно пологие. Лес этой местности по речкам и побережью Амура можно причислить к лесу строевому и поделочному, насаждения густого, из коего можно выбрать кедр толщиною в отрубе от 5 до 12 вершков при длине бревна до 8 саж., возраста от 125 до 200 лет; ель толщиною в отрубе 7 и 8 вершков при длине бревна 7 и 8 саж., белую березу в отрубе от 4-х верш. при длине бревна 4 саж., черную березу больших размеров в толщину, осину строевого размера и хорошего качества; прочих пород здесь мало: попадает дуб, ильм, липа, клен, тополь и другие небольших размеров.

По удалении от берега на возвышенностях гор лес более горелый, валежный, или переспелый сухой; к устью речек сенокосы ровные, чистые, но не в значительном количестве; при устье почти каждая речка образует небольшое озеро, довольно значительной глубины.

Р. Писхони. Из всех означенных речек речка Писхони больше других; она берет свое начало в трех притоках из подошвы гор Сидзяпи; при слиянии этих притоков подошвы гор Сидзяпи более пологие, и река образует долину, разделяется на многие протоки, но не глубокие; они катятся по камням и завалены валежником: только верст за 7 от устья речка становится сплавною и окаймлена лугами ровными. К устью речки Писхони побережье более круто-береговое, прерванное только многими ручьями, текущими в главную речку Писхони. На всем пространстве р. Писхони лес более валежный, или горелый, по котловинам и низменностям более лиственный.

Со среднего течения на левой стороне лес строевой: кедр, ель, но с большою примесью берез и осины. На правой стороне лес по крутобережью весь почти выгорел в недавнее время и только теперь видны пни и сушняк хорошего строевого кедра.

По длине верхнего течения речек до луговой полосы устья р. Писхони лес более лиственный поделочный: попадает ясень в отрубе вершин 5 и 6 вершков, при длине бревна 4-х саж., тополь в комле по диаметру до $2\frac{1}{2}$ арш.; ильм в отрубе верхнем 6 вер., при длине бревна 3 и 4 сажени; береза и осина крупных строевых размеров; по побережью липа, ель и кедр, – последний иногда достигает толщины в отрубе верхнем 8 и 10 вершк. при длине бревна 6 и 7 саж.

Таковой же характер местности и такие же леса по побережью у устья р. Хорпо, коей крутизны, примкнув к Амуру, образовали утес Ходар, от которого

береговые местности материка приняли вид гор пологих, отступивших от Амура на небольшой промежуток, меж коим место низменное и луговое у устья р.р. Чильчи, Хоркой и Боллер; пологие склоны гор примыкают к самому Амуру и делают эту местность выгодною для помещения нескольких селений. Береговой лес этой местности нельзя назвать строевым и только можно причислить к хорошему разряду леса дровяного и поделочного. В расстоянии от берега нескольких верст попадаются пространства строевой ели, пихты, лиственницы и даже кедра, но таковые пространства перемежаются частым валежником и гарью.

Горы Хой. Преобладающие породы всей местности суть белая береза и осина. Таково все пространство до крутобереговых каменных гор Хой, у коих Амур идет одним руслом, шириною не более 1½ версты. Горы отвесно почти висят над водою, или врезаются в Амур утесистыми высокими скалами. Несколько логовин небольших речек и ручьев разрезают это крутобережье, так напр. логвина р. Сидаха, Дарми и другие менее значительные. Устья речек состоят преимущественно из горных пород: афанита, доломита и значительного количества известняка, особенного качества у утеса Дзегдадзело (что по-гольдски значит – каменная юрта). Подножия горы Эри и Ходзяу состоят из известняка, которого вообще много в этой местности. От крутобережья г. Хой до устья р. Хотя и притока ее Ляби не может быть больших поселений, и только у устья речек и ручьев места годны для небольших заимок и починков.

Леса повсюду более горелые, валежные и сушняк по местам пологим и низменным; небольшими участками попадает лес смешанный дровяной, между коим, если встречаются строевые деревья ели и лиственницы, то с древесиною посредственного качества, кривые и дупловатые, вообще как лес тощей каменистой почвы.

По удалении от Амура, на несколько верст тянутся гряды гор в разных направлениях и главная цепь их направлена к хребту Каменистых гор, огибающих левый берег Амура и р. Гарина. Характер этих гор, местности и леса общий с характером гор хребта Каменистого; лесов хороших мало, почва каменистая бедная, гарь, кустарник и изобилие каменных груд и высоких сопок.

Долина Нуммульская. От р. Хотя горные скаты более пологие, нежели возвышенности г. Гау и Дедуль, и постепенно удаляясь от берега Амура, иногда на расстояние 50 и более верст, образовали обширную луговую долину Нуммульскую. Истоки р. Нуммуль выходят из возвышенностей Амгунских гор Сэтха; с левой стороны р. Нуммуль принимает более значительную р. Дзерми и Малый Нуммуль; обе речки берут начало из небольших возвышенностей Дзерми и Хондока, составляющих водораздел рек, текущих в озеро Удыл-Бидзи (Ухта). По всему луговому течению река Нуммуль сплавная и тихая, довольно широкая, имеющая глубины в верхнем течении до 3 фут., а ниже озера Дорокта 5 и 10 ф.; к правой стороне течения р. Малого Нуммуля примыкает низменная подошва гор Хонок, покрытая лесом смешанным дровяным, строевым, хвойно-лиственным, с изобилием валежника. Порода леса: ель, лиственница, белая береза, осина и кедровый сланец здесь в большом количестве; множество болот и кустарников, багульника и мха.

Таковой же лес, с небольшими изъятиями, окаймляет долины Холсенскую и Дедульскую.

Из озера Дорокта протокою Холан, в значительный подъем вод, посредством множества соединений разных озер и проток этой долины, на большой лодке можно свободно выйти на главное русло Амура у гиляцкой деревни Дидаль.

Правая сторона Амура и озера Хывань. Противоположно крутобереговой и безлесной левой стороне Амура, правый берег от станка Фокинского вниз по течению пологий, подошва гор удалена от берега, горы пологие, на берегах попадает лес строевой, дровяной и поделочный, хвойно-лиственный. Породы леса: ель, лиственница, кедр, белая и черная березы, осина, отчасти ясень, клен, липа и другие.

У станка Фокинского вливается в Амур протока озера Хывань (Силасу). Озеро довольно значительно по величине и глубокое, составляется из вод, текущих в озеро, и главной р. Силасу, которая многими истоками вышла из высоких каменистых гор Оци и Хонята; за хребтом этих гор падают притоки р. Тумджи, текущей в море по направлению к Императорской гавани.

Из вершин р. Силасу перевал на р. Томи – значительный приток р. Тумджи, затруднительный по крутизнам гор, но все-таки возможный и самый кратчайший из этой части Амура в Императорскую гавань.

С утеса Джайского террасовидная гряда гор дугообразно огибает протоку горную, ниспадая своими отрогами к устью р. Ай (Яй), текущей в Кизинское озеро.

Версты на четыре от Амура и протоки, вглубь, против разделения Амура на 2 русла, Халанское и Мариинское, горы Джай-окды спускаются ровным пологим прибрежьем, на коем расположен *г. Софийск*. С юго-запада и юга окружает его группа высоких гор. Первая группа, за исключением самых макушек, лесиста, покрыта строевым лесом, преимущественно елью, осиною и белою березою. Вторая группа гор Циули (Циуль-Джай) очень возвышенна и может быть причислена по высоте к разряду высочайших в этой местности гор, возвышающихся над уровнем вод до 3000 фут. Горы эти состоят или из утесистых громад каменистых, или из пологих вершин гор каменистых, состоящих из разных пород гранита, железняка и мышьякового колчедана и других твердых каменных пород.

Растительность этих гор очень скудна, повсюду только видны камни и сопки, меж коими кое-где кедровый сланец, мелкий лиственник, гари и сушь.

Эта гряда гор, несколько отклонившись на юго-запад, одним отрогом сепляется с Приморским хребтом. С северных склонов этого отрога текут истоки р. Ай, с южных истоки р. Тумджи.

В р. Ай с правой стороны втекает р. Комаровка, вершины коей почти сходятся с вершинами р. Сомон, текущей в залив Де-Кастри (по-гиляцки Нянгмор), и только небольшой перевал, версты 4 шириною, чрез невысокий Приморский хребет, отделяет их.

Р. Ай, при слиянии своем с р. Хойль, может быть сплавною от устья своего верст на 20. Сначала она течет по низменной болотистой долине, заваленной деревьями, к устью же по луговой и течение ее становится тише и правильнее.

Лес, покрывающий отроги и склоны высоких гор Джайских и Циульских, более смешанный: ель, лиственница, пихта, белая береза, осина и несколько кустарных пород или небольшими деревьями клен, дуб и ольха. В отношении строевого, дровяного и поделочного леса эта местность вполне может удовлетворить всем нуждам г. Софийска и его окрестностей, но для вывоза отсюда леса здесь его недостаточно.

IV. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО ПРАВОМУ БЕРЕГУ АМУРА ОТ УСТЬЯ РЕКИ ДОНДОНА ДО ГОРОДА СОФИЙСКА

Часть береговой стороны Амура, заключающаяся между устьями реки Дондона и границами города Софийска, имеет следующий общий характер. Около берега Амура, по всему этому протяжению, идут хребты гор, врезающиеся в реку своими узловатыми соединениями; там, где хребты удалились на значительное расстояние, склоны их образуют береговые возвышенности, перемежающиеся низменными пространствами только в местах, составляющих бассейны значительных рек или озер. Вообще же местность гориста и имеет довольно большую высоту над уровнем реки. Главную растительность этого пространства составляют хвойным породы; лиственные же встречаются в незначительном количестве, как спутники господствующего лесонасаждения и вообще суть не более, как исключение, допускаемое местными условиями. Лиственные породы в этом пространстве встречаются преимущественно по покатолям горных, береговых возвышенностей и в лощинах, разделяющих их, но очень редко удовлетворяют условиям хорошего строевого леса.

Река Дондон (Хадзюда или Соле), значительнейшая из рек вышеозначенного пространства, впадает в Амур пятью рукавами: Дальдзо, Онда, Толгун, Хадзюда и Даурово. Она замечательна по своей необыкновенной быстрине, множеству каменных мелей и порогов, встречающихся даже в незначительном расстоянии от места впадения ее в Амур. Средняя ширина Дондона достигает до 50 саж.; глубина до 4 ф. Устья его образуют несколько низменных островов, представляющих большую частью кочковатые луговые пространства, по берегам поросшие козьей ивой (*Salix caprea*), изредка осиной (*Populus tremula*) и мелким березняком (*Betula palustris*); встречается белая береза (*Betula alba*) небольшим деревом и в незначительном количестве. Осина более попадается по левому берегу р. Дальдзо и по правому р. Даурово. В расстоянии 20 верст от места впадения р. Дондона в Амур, там, где он разделяется на устья, по направлению к верховьям, правый берег его начинает несколько возвышаться; левый же по-прежнему низмен. Здесь по мокрому, отчасти кочковатому грунту растут: осина (*Populus tremula*), ясень (*Fraxinus mandshurica*), вяз (*Ulmus*) липа (*Tilia cordata*); в весьма незначительном количестве встречаются: ореховое дерево (*Juglans inandshurica*) и пробковое дерево (*Phellodendron amurense*). Все эти породы составляют поделочный лес, довольно редкого насаждения, который полосую, имеющую от 1 до 1½ версты средней ширины, тянется по обоим берегам реки. Ясень и вяз, при незначительной, впрочем, высоте, достигают от до 1 ф. в нижнем отрубе, имея от 75 до 110 лет средним числом. Хотя в верхних частях долины р. Дондона и должны находиться хвойные породы, судя по тому, что южные покатоли хребта Гиона, покрытого хвойным лесом, составляют правую береговую

возвышенность р. Дондона, – но эта река, вследствие своих частых мелей и порогов, неудобна для сплава леса.

В 9 верстах ниже крайнего устья р. Дондона-Даурово левый отрог хребта Гиона врезывается в Амур мысом Джаури; им заканчивается возвышенность, идущая на север от Дондона и ограничивающая с востока ровное луговое пространство, которое тянется по берегу Амура от места впадения в него р. Даурово. Это луговое пространство имеет возвышенное местоположение; на нем растут: вика, дикая сурепица, кашка и другие травы, составляющие прекрасный подножный корм; местами эту местность можно с большим удобством разработать под пашни для незначительного поселения. От мыса Джаури хребет поворачивает на восток и, постепенно понижаясь на протяжении 5 верст, сливается с береговой возвышенностью, на которой расположена дер. Доле. Береговые скаты поросли лесом, состоящим из осины, ясеня, липы, мелколиственного клена (*Aser Mono*), дуба (*Quercus mongolica*) и белой березы.

Из трех последних пород клен растет в виде кустарника, а дуб и береза редкими особями и имеют малые размеры; осина, ясень и липа годятся для поделок. В хребте, который заканчивается мысом Джаури, кроме вышеозначенных пород встречаются: ель, кедр – последний большею частью не слишком высоким, разветвленным деревом и редко хорошего качества (гниль сердцевины); попадаются также лещина (*Corylus mandshurica*) и виноград (*Vitis amurensis*).

Ст. Доле (сел. Троицкое). По направлению на SW 10° в расстоянии 1½ версты за гольдскою дер. Доле (сел. Троицкое) береговая возвышенность понижается и начинается лиственный лес, довольно густого насаждения, по мокрому, отчасти кочковатому, грунту; к нему в незначительном количестве примешана ель и пихта. Лиственница средним числом имеет, при длине бревна в 4 саж., от ½ до 1 ф. в отрубе и встречается деревьями от 75 до 125 лет; она представляет здесь строевой, среднего достоинства лес; рубку приходится производить, выбирая отдельными деревьями; лес неоднородный, а перерезанный полосами мелкой болотной лиственницы, не годящейся почти что ни на какое употребление. Береговая возвышенность, на которой расположена ст. Доле, представляет довольно удобное место для незначительного, впрочем, поселения, по небольшому количеству удобной для разработки под пашни земли.

Р. Гион. В 24 верстах ниже ст. Доле береговая возвышенность, на которой она расположена, сливается с правым отрогом хребта Гиона, который, приблизившись в этом месте к Амуру на довольно незначительное расстояние, поворачивает на восток и, углубившись в сторону к материку, по направлению SO, образует левую покатость долины, ограниченной с правой стороны хребтом Челачи. Эта долина перерезывается двумя незначительными речками Хойдур и Нучи. Здесь точно так же, как и у мыса Джаури, подошва, а отчасти и покатости Гиона, покрыты лесом, в котором преобладает осина, а остальные его составные части: липа, белая береза, ясень и дуб встречаются в самом незначительном количестве. Гребень хребта и покатости его представляют довольно однообразную полосу смешанного строевого леса, имеющего насаждение средней густоты и состоящего из лиственницы, ели, кедра с примесью осины, кустарного мелколиственного клена, липы и белой березы. Преобладающие породы: лиственница и ель, которые растут почти что в одинаковом количественном содержании, составляя хороший строевой лес. Кедр растет редкими особями и достигает значительных размеров, а именно встречаются деревья от 85 до 135-летнего возраста, имеющие

в нижнем отрубе $1\frac{3}{4}$ ф. и при длине бревна в 6 саж. от $\frac{3}{4}$ до 1 ф. в верхнем; лиственница попадаетея меньших размеров, чем кедр, и больших, чем ель.

Прибрежье Амура, до впадения в него р.р. Хойдура и Нучи, представляет пространство, большею частью низменное кочковатое, поросшее осиною, ивой (тальником) и местами может служить для сенокосов. При устье вышеозначенных двух рек они имеют вид совершенно ровной, луговой топи, заливаемой водою во время разлития Амура.

Реки Хойдур и Нучи. Реки Хойдур и Нучи, обе одинакового характера, имеют чрезвычайно быстрое течение, извилистое русло; среднюю глубину, от 2 до 3 ф., ширину самую незначительную, местами не более $1\frac{1}{2}$ саж. Обе они текут в низменной долине, будучи отделены одна от другой незначительно возвышенностью, покрытою смешанным строевым лесом густого насаждения; точно такой же лес тянется по обеим сторонам рек, по покатолям хребтов Гиона и Челачей. Берега рек, в особенности при устье, низки; местами переходят из кочковатого травяного болота в кочковатый сенокос, поросший у прибрежья тальником, редкой осиною и низкорослой белой березой. Но, по мере удаления от устья, в расстоянии 15 или 17 верст от него вверх, берега обеих рек, вместе с суживанием лощин – места нахождения их русла, – становятся выше; здесь местами они покрыты лесом, идущим по сторонам рек. Вообще, как река Хойдур, так и река Нучи, имеют характер незначительных горных речек с отмелями в верховьях, завалены деревьями, преграждающими путь по ним, но по необходимости могут служить для сплава леса, который здесь имеет очень хорошие качества. Состав его следующий: лиственница, ель, кедр, осина, мелколистный клен, белая береза и дуб незначительных размеров. Между лиственными породами, составляющими преимущественно опушку леса, преобладает осина. Лиственница достигает значительных размеров, и именно от $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{3}{4}$ ф. в нижнем отрубе, при совершенно ровном прямом стволе; кедр представляет также хороший строевой лес, но растет очень редкими особями; ель уступает им своими качествами. Количество растущего здесь леса приблизительно представляет следующие цифры: лиственница 0,2; ель 0,1; кедр 0,075; осина 0,2, остальное мелкая поросль; – грунт земли преимущественно мокрый.

Хребет Челачи. Хребет Челачи, покатоли которого ограничивают долину р. Нучи с правой стороны, идет в незначительном расстоянии от берега Амура, но за мысом Челачи, скалистыми уступами которого он врезывается в реку, горы удаляются по направлению на OSO; около покатолей их тянется довольно большое луговое пространство, доходящее до берега Амура, с постепенными склонами к озеру Саргу. У берегов этого озера оно низменно и местами переходит в топкое болото. Хребет Челачи средней высоты над уровнем реки; он в $1\frac{1}{2}$ раза ниже хр. Гиона; по его откосам и в лощинах гор, составляющих его, растет смешанный хвойный лес, состоящий из ели, лиственницы и кедра; лиственные же породы, покрывающие подошву гор, а отчасти и вершину их, в незначительном количестве; между ними преобладают, – осина, липа, мелколистный клен, встречаются тоже дуб и белая береза. Содержание хвойных пород местами равняется с количественным содержанием лиственных. К вышеозначенным лиственным породам здесь примешиваются еще: лещина, очень редко ясень, низкоствольная рябина (*Sorbus aucuparia*), которая на всем протяжении, правой береговой стороны Амура, начиная от устья р. Дондона, растет деревцом не выше 5 ф: Этот смешанный лес годится для поделок разного рода и встречается преимущественно в низменных

частях горных покатостей. Строевой хвойный лес этого пространства преобладает по внутренним покатостям хребта, обращенным к материку (от Амура); ель и лиственница главные составные его части; кедр встречается редкими деревьями.

Ст. Челачи. Низменное луговое пространство, которое тянется от берега Амура до подошвы хребта Челачи, составляет собою южную границу незначительного залива Унса и озера Саргу; к северной части последнего спускаются постепенную покатостью отроги хребта Сарку-Бокки. Залив Унса наполняется водою только во время высокого стояния ее в Амуре и тогда он разливается на значительное протяжение; в обыкновенное же время он чрезвычайно мелок. От озера Саргу залив Унса отделяется узкою полосой земли, по ровному и сухому грунту, по которой раскинут довольно хороший участок сенокоса.

Озеро Саргу. Озеро Саргу имеет среднюю глубину до 2 ф. и вместе с протокою, соединяющею его с Амуром, около 15 верст протяжения в длину; берега его топкие; северо-восточный берег представляет собою кочковатое травяное болото. К этой болотистой полосе с севера прилегает смешанный лес, растущий по мокрому, частью поросшему мохом, грунту. Он состоит из белой березы, осины, лиственницы; последняя чрезвычайно густого насаждения, встречается прямыми тонко-ствольными деревьями, не могущими быть употребленными на строевой матерьял. Около восточного берега озера идет смешанный хвойный лес, состоящий преимущественно из ели, лиственницы и осины; местами он представляет деревья, годные для вырубки.

Хребет Сарку-Бокки, спустившись своею южною покатостью к правому берегу протоки Саргу, в месте впадения ее в Амур, врезывается в реку несколькими скалистыми выступами и потом идет на северо-восток по направлению к реке Хунгари, оставив пред собою кочковатое, болотистое пространство, которое прилегает к правому берегу Амура и идет по обоим берегам незначительной речки Уалла. Горы, составляющие линию хребта, покрыты смешанным лесом; по берегу протоки Саргу и около мыса Маэ этот лес имеет характер поделочного. Он состоит из осины, липы, белой березы, мелколиственного клена, кедра, ели, ясени, растущих по покатостям хребта вместе с виноградом, смородиной (*Ribes rubrum*) и др. кустарными растениями, густым насаждением. Внутренние же лощины и покатости хребта, обращенные к Амuru, представляют смешанный хвойный лес строевой, густого насаждения, состоящий из ели, лиственницы, кедра, пихты, осины, липы; к ним примешиваются белая береза, мелколиственный клен и небольшой дуб. Осины встречается очень много у подошвы гор. В составе смешанного леса, преобладающею породою встречается ель, которая растет хорошим строевым деревом; кедр, по-прежнему отдельными, редкостоящими деревьями и часто имеет от $1\frac{3}{4}$ до 2 ф., в нижнем отрубе, при довольно высоком и прямом стволе. Около подошвы этих гор, из болот вытекает незначительная речка Уалла, которая в устье имеет до 6 саж. ширины, и от 2 до 3 ф. глубины; левый берег ее, несколько возвышенный, отделяет от нее болотистое пространство, прилегающее со стороны Амура к этому берегу; он порос тальником и покрыт густою травою. К правому берегу реки выходит полоса дровяного леса, состоящего из осины, редкого насаждения, растущей по кочковатому пространству; к ней примешиваются, в незначительном количестве, белая береза и ель.

За речкой Уалла начинается долина реки Хунгари. От места впадения р. Хунгари в Амур тянется незначительная береговая возвышенность, крутой стороной обращенная к Амuru, а покатой – к материку. Эта береговая возвышен-

ность, состоящая из нескольких холмообразных площадей, отделяющихся одна от другой небольшими, болотистыми лощинами, покрыта лесом, состоящим из осины, белой березы, липы, мелколиственного клена; ель, кедр и пихта встречаются отдельными малыми группами. Из означенной хвойной породы только ель имеет хорошие качества, а из лиственной – осина. За береговой возвышенностью, которая имеет среднее протяжение до 4-х верст, считая вглубь материка, идет кочковатое моховое болото, поросшее лиственницею и лиственничным кустарником. Лиственница представляет хороший строевой лес; деревья от 75 до 120-летнего возраста, при $1\frac{1}{2}$ ф. в нижнем и $3\frac{3}{5}$ ф. в верхнем отрубках дают бревно длиною до $4\frac{1}{2}$ саж.; впрочем, она растет довольно редким насаждением и хорошие качества имеет только растущая ниже береговой возвышенности за гольдской дер. Дзенгда; при том же доставка к берегу Амура этого леса не слишком удобна: он растет на низменной болотистой местности и не в слишком близком расстоянии от Амура.

По вычистке леса можно будет с большим удобством пахать по береговой возвышенности; сенокосу очень много и он хорошего качества на острове, лежащем ниже деревни Диепу (Дзяфу); также остров, отделенный от берега Амура протокой Сенда, представляет ровное луговое пространство, с которого можно собрать сено в огромном количестве; вообще около места впадения Хунгари в Амур удобно будет поселить 10 или 12 семей. Береговая возвышенность, идущая от устья р. Хунгари, заметно понижается, приближаясь к протоке Дипу; она здесь прервана выходящею к протоке болотистой топкой лощиной, по обеим сторонам которой растет мелкий осинник, березняк. Сзади этой возвышенности, по левому берегу лощины, тянется значительное моховое болото с березовым и лиственничным кустарником. Ниже лощины по возвышенности, спускающейся к правому берегу протоки Дипу, растет прекрасный еловый лес. Ель здесь встречается с лиственницею и местами почти что в одинаковом половинном количестве общего содержания лесонасаждения; но ель вообще преобладает; вместе с нею растут в незначительном количестве: кедр, ясень, вяз, липа, пихта и наиболее осина. Сзади этой полосы леса, имеющей среднюю ширину до $3\frac{1}{2}$ верст, считая к материка, тянется на значительное протяжение по мокрому грунту строевой лиственничный лес, почти однородной, сплошной массой густого насаждения. Ближе к Амуру, по направлению к протоке Сенда, по покатолям здесь начинающихся гор, в составе смешанного леса, их покрывающего, встречается ель, но незначительными островками.

Протока Сенда, впадающая в озеро Хоми, имеет в некоторых местах до 20 саж. ширины при 4 ф. средней глубины; левый берег ее низмен; от него внутрь острова, образуемого протокой, идет прекрасное сенокосное пространство. Правый берег протоки представляет собою покатошь хребта Хоми, идущего своим главным направлением на NO и ограничивающая собою восточный берег озера Хоми, поросший осиною, к которой изредка, в незначительном количестве, примешиваются: белая береза, липа и всего реже ясень и дуб. Ель здесь встречается в хребте вместе с кедром и отчасти лиственницею, составляя с вышеозначенными лиственными породами смешанный строевой лес среднего достоинства. Точно такой же лес растет и по восточному берегу озера Хоми.

Озеро Хоми. Северный берег озера Хоми огражден утесистым хребтом Хонко, который, выйдя к Амуру мысом Хонко (Дап-Шанку), тянется по берегу его цепью высоких обрывистых гор, вплоть до впадения в Амур озера Бэльго. Озеро Хоми, имеющее не более 6 верст в длину и наибольшую ширину до 3 верст, считая эти

протяжения в высокую воду, чрезвычайно мелко – не более 2¹/₂ ф. средней глубины; берега его топки, в особенности южный и та часть северного, где хребты Хоми и Хонко разделяются озерной болотистой впадиной. Лес, покрывающий покатости гор северного берега озера, смешанный, состоящий из ели, лиственницы, пихты, кедра, осины, липы, белой березы, мелколиственного клена; местами попадаются выгоревшие участки, преимущественно по западной стороне озерной впадины. Лиственница и ель здесь растут почти что в равном количестве, каждая до 0,3 всего довольно густого насаждения; кедр попадает в незначительном количестве. Этот смешанный лес может служить хорошим строевым материалом. Лесные породы, растущие по пространству, заключающемуся между верховьем протоки Дипу и мысом Хонко, можно подвести под следующие средние размеры: ель от 75 до 120-летнего возраста, при 1¹/₆ ф. в нижнем и 0,8 в верхнем отрубе, дает бревно длиною в 6 саж., лиственница – от 87 до 130 лет, при 1⁵/₁₆ в ф. в нижнем и 0,5 ф. в верхнем отрубе дает бревно в 7 саж. длиною (лиственница 52-летнего возраста достигает здесь всего до 0,3 ф. в нижнем отрубе); кедр до 100 лет и более, при 1⁵/₁₆ ф. в нижнем и 0,8 в верхнем отрубе дает бревно в 5 саж. средней длины. Этих размеров лес можно вырубить в большом количестве, особенно ели и лиственницы, по протоке Дипу, которая представляет и место к удобному сплаву его на Амур.

Берег Амура от мыса Хонко идет утесами, покрытыми смешанным лесом, в котором большею частью преобладают хвойные породы. Горы, составляющие берег, перерезаны множеством ущелий, долин, служащих руслом небольшим и мелким ручьям, по которым хотя с затруднением, но можно подниматься на эту скалистую береговую возвышенность. В ¹/₂ версте ниже ст. Цумбирань (ныне село Пермское) в долине, образуемой покатостями хребта; смешанный лес, растущий по ней, представляется состоящим из следующих содержаний: ели 0,3; пихты 0,2; кедра 0,1; лиственницы 0,1; осины 0,2; мелкого дубняка, мелколиственного клена, липы и изредка ясеня; ель и кедр имеют качества хорошего строевого леса; пихта достигает также значительных размеров.

Перелесками еловый лес в хребте встречается отдельным, чистым насаждением, но чаще всего вместе с пихтою, кедром, а около береговых покатостей хребта преимущественно в соединении с густою порослью следующих лиственных пород: осины, липы значительных размеров, белой березы, невысокого дуба, мелколиственного клена. По всей этой береговой возвышенности древесные породы сохраняют прежний характер; они составляют мешанный лес, свойственный вообще этой полосе. В состав лиственных пород входит еще: черная береза (*Betula dahurica*), попадающаяся по покатостям гор, в 18 верстах выше соединения озера Бэльго с Амуром; она имеет небольшие размеры и встречается в незначительном количестве, преимущественно вместе с белой березой и отчасти осиною. Все лесные породы вышеозначенного пространства распространены, начиная от подошвы до самого гребня гор, составляющих хребет; но некоторые горы на вершине своей представляют пространство, покрытое только лещиной, редкорастущим березняком, елью и иногда кедром, и если бы не значительная возвышенность гор, крутизна подъема их и удаление от Амура, то многие из них удовлетворяли бы условиям, необходимым для хлебопашества, после очистки их от леса. Более удобным для обработки земли представляется пространство, которое тянется за ст. Бэльго до гольдской дер. Хальбо, у подошвы хребта, а частью и по покатости его, обращенной к Амуру; оно поросло лещиною, пихтой, изредка лиственницею и кедром; сырость может быть спущена поперечной ка-

навой, которая пресечет доступ воде, стекающей на покатую поверхность этого пространства с горных возвышенностей, к нему прилегающих, частью она уничтожится и вырубкою растущего здесь леса. Вообще распространение хвойных пород в хребте неравномерно; в некоторых горах они растут в следующем содержании общего количества лесонасаждения: лиственница 0,3; кедр 0,2; пихта 0,1; ель 0,1; в других же местах ель преобладает над прочими породами и достигает количества 0,5; в особенности по покатолям внутренних возвышенностей хребта. Вместе с увеличением количества ели, возрастает и содержание пихты в общей массе насаждения; чаще всего эти две лесные породы встречаются в количестве 0,3 каждая, и тогда лиственница в составе леса попадает в незначительном количестве, а кедр растет редкими отдельными деревьями, представляющими в сложности цифру 0,07 всего лесонасаждения.

В полосе хребта, лежащей немного выше озера Бэльго (по течению Амура), между вышеозначенными хвойными породами, образующими смешанный лес, попадает дуб довольно большим деревом, имеющим от 0,8 до 1½ ф. в нижнем отрубе и дающим иногда ровное бревно в 3 саж. длиною; впрочем эта наибольшая цифра его величины, и нужно заметить при том, что когда он достигает здесь значительных размеров, то имеет или дряблую сердцевину, или частые изгибы древесного ствола. Вышеозначенная береговая возвышенность, идущая по правой стороне Амура, имея довольно значительное протяжение в ширину, местами достигающее от 7 до 10 верст, постепенно понижается к материку. Покатости ее ограничивают большое низменное, по преимуществу моховое, кочковатое пространство, поросшее еловым лесом, с незначительной примесью пихты; это пространство перерезывается мелкою, извилистою речкою Бэльго, берущую свое начало в береговой возвышенности, в 15 верстах ниже ст. Цумбирань. Приближаясь к этой реке, еловый лес сменяется лиственничным лесом и кустарником той же породы; лиственничный лес здесь растет довольно чистым от всякой посторонней поросли густым насаждением, деревьями от 75 до 160 лет значительных размеров и составляет хороший строевой материал; к нему примешиваются в малом количестве ель, пихта. Содержание лиственницы здесь доходит до 0,7.

Невысокие берега р. Бэльго покрыты смешанным лесом, состоящим из ели, лиственницы, пихты, осины; по окраинам берегов встречаются: тальник и ольха; обе породы в кустарном виде; преобладающие составные части этого леса: ель 0,3; лиственница 0,2. Река Бэльго имеет среднюю длину около 85 верст; наибольшая ширина ее от 3 до 5 саж., при глубине 1½ и 2½ ф.; извилистое русло ее завалено деревьями, а встречающиеся на ней частые мели решительно делают ее неудобною для плаванья не только в мелкосидящей гольдской лодке, но даже и на простом плоте. Обогнувши южную покатошь Амурской береговой возвышенности, она впадает в озеро одинакового с ней названия; по мере приближения к нему берега р. Бэльго освобождаются от смешанного леса, который заменяется березовым кустарником по моховому, кочковатому пространству; около самого берега озера тянется незначительная луговая полоса.

Озеро Бэльго. Озеро Бэльго заключено между ветвями хребта, составляющего Амурскую береговую возвышенность, разделенными значительной ложбиной, в которой и пролегает устье одноименной с ним реки. Оно чрезвычайно мелко; покатости гор, спустившиеся к его низменным берегам, покрыты осинным лесом, составляющим опушку смешанного характеризующего это про-

странство; при соединении с Амуром озеро образует небольшой остров лугового пространства, поросшего тальником.

Вообще полоса леса, лежащая между мысом Ханка и озером Бэльго, имеет густое насаждение; наибольших размеров достигает лиственница; кедр встречается также хорошими деревьями от 83 до 140 лет; ель достигает до 130-летнего возраста; пихта, годная к употреблению в строение, встречается от 80 до 110 лет, при $1\frac{2}{12}$ ф. в нижнем и 0,5 ф. в верхнем отрубе, давая бревно длиною в 5 саж. Рубку леса здесь можно производить довольно удобно в хребте за дер. Хальбо, где покатоности гор не так круты, как в верхних частях хребта (по Амуру), где приходится подниматься в него по лощинам и то с большим трудом. Но доставка хорошей лиственницы вообще затруднительна, по причине удаления ее за хребтом. Наилучших качеств лес этой породы растет по пространству, прилегающему к речке Бэльго, не могущей служить местом для сплава леса.

За озером Бэльго береговая возвышенность, спускающаяся к нему своею южною покатостью, идет по берегу Амура, постепенно понижаясь, по мере приближения к Амурской протоке, выходящей в главный фарватер реки немного выше впадения в него реки Тудура. По берегу протоки тянутся небольшие горные возвышенности; они разделены болотистыми лощинами, в котловинные углубления которых протока врезывается заливами, наполняемыми водою ручьев, берущих начало из проходящих здесь гор. Цепь гор начинает опять значительно возвышаться от места впадения в протоку небольшой речки Нучи, в 8 верстах выше соединения протоки с Амуром. Горы идут по окраинам берега высокими обрывистыми уступами, образуя хребет Эндокса, покатоностями которого ограничивается левый берег долины реки Тудура. Протока Амура, проходящая здесь, удобна для плавания только в высокую воду. Правый берег Амура до начала ее покрыт смешанным лесом, состоящим из ели, лиственницы, пихты, осины, липы, белой березы, в котором преобладают хвойные породы; он высок и состоит из нескольких горных площадей, идущих по направлению нормальной к берегу. Большая полоса леса, который опушкой своей выходит почти что к самому берегу Амурской протоки, раскинута по холмообразному пространству, местами покрытому кочками и мхом; и вообще имеющему мокрый грунт земли. Это пространство, приближаясь к р. Нучи; значительно возвышается, и, обогнувши левый берег долины, где проходит ее русло, удаляется вглубь материка. Растущие здесь лесные породы образуют смешанный лес; распространение их по этому пространству приблизительно следующее: около верховья протоки, по болотистому грунту, в составе смешанного леса преобладает лиственница; к которой отчасти примешивается и ель; количественное содержание обеих пород при густом насаждении простирается: первой до 0,4; второй до 0,2. Опушку леса составляют: пихта, осина, белая береза, пушистый клен, которые вместе с таволжкой спускаются к окраинам лощин, пересекающих это пространство; осина часто растет по берегу протоки отдельными островками, вместе с белой березой. Вообще по всему этому пространству встречается довольно хорошего качества лес. Особенно хороший лес и удобный для вырубki и доставки на Амур представляет левый берег долины речки Нучи возвышенный, но не слишком крутой, поросший елью, кедром и пихтой, а в глубь к матерiku к вышеозначенным породам примешивается и лиственница, составляющая здесь с елью преобладающую породу. Относительное количество этих лесных пород, при густом насаждении, достигает следующих размеров: ель до 0,3 и встречается деревьями

от 97 до 160 лет; по берегу долины она всего чаще растет с пихтой и кедром; содержание первой не превышает 0,2, а второго 0,075. Лиственница и ель вместе растут в количестве, доходящем до 0,3 каждой породы. Кедр здесь попадает от 95 до 127-летнего возраста и часто деревьями, имеющими до 2 ф. в нижнем отрубе, лиственница от 86 до 180 лет и пихта, постоянный спутник ели в этом пространстве, растет деревьями, имеющими от 76 до 104 лет и средней величины. Речка Нучи имеет вид ручья; она мелка, протекает между болотистыми, кочковатыми берегами, устье ее образует залив в $\frac{3}{4}$ версты длиною и шириною до $\frac{1}{3}$ версты, при средней глубине $2\frac{1}{2}$ фут. Отсюда с большим удобством можно доставлять лес на Амур.

С правой стороны залив речки Нучи огражден покатостью хребта Эндокса, который идет по берегу Амурской протоки вплоть до устья реки Тудура, откуда он поворачивает на юго-восток, образуя левую береговую возвышенность последней реки. Хребт Эндокса состоит из нескольких высоких гор, обращенных крутою покатостью к берегу протоки; по мере приближения его к главному фарватеру Амура горные покатоности делаются более пологими, оставляя у подошвы пред собою узкую полосу бечевника. Этот хребт имеет значительное протяжение в ширину, пересечен множеством низменных лощин, из которых берет начало несколько незначительных ручьев, впадающих в Амурскую протоку. Распространение древесных пород по пространству хребта неравномерно одинаково: покатоности его, идущие вдоль протоки, покрыты смешанным лесом, состоящим из ели, пихты, отчасти лиственницы и кедра в незначительном количестве. Из лиственных пород здесь встречаются: осина, липа, березы белая и черная, мелколиственный клен. Некоторые вершины гор или совершенно обнажены, или покрыты лещиною, кустарной осиною и низкоствольной белой березой, как напр. покатость и вершина горы, лежащей между ручьями Сидин и Гедза. Эта гора имеет пологие, довольно ровные склоны, с редкою растительностью, и может служить для обработки земли под пашню. За ручьем Гедза цепь гор хребта Эндокса представляет очень высокие вершины, также покрытые лещиною, березой и отчасти кедром; но их немного. Вообще же хребт порос смешанным строевым лесом, с преобладающими в нем хвойными породами; состав его следующий: ель в количестве 0,3, кедр 0,2, пихта 0,2, лиственница 0,1, дуб 0,05, береза белая и черная, осина, липа, мелколиственный и пушистый клены, тис (*Taxus baccata*); в лощинах гор к пихте и осине примешивается также ольха. По линии, имеющей направление параллельное к берегу Амура, встречаются в хребте: кедр очень хорошего качества, растущий прямоствольным высоким деревом, достигающим до 2 ф. в нижнем отрубе, и дуб до $1\frac{1}{2}$ ф. в нижнем отрубе; последний имеет лучшие качества, чем деревья этой породы по всему протяжению вышеописанного пространства. Ель и пихта растут густым насаждением; последняя имеет незначительные размеры; кедр по-прежнему редкостоящими деревьями.

В 13 или 15 верстах от берега Амура из лощины, образуемой двумя отрогами хребта, за деревню Гедза, берет свое начало река Тудур, занимающая второе место по величине после р. р. Дондона и Хунгари. Вначале она протекает по широкой долине, образуемой покатостями хребта Эндокса, между низменными берегами, покрытыми густым насаждением хвойного леса, состоящего из ели, пихты и незначительного количества лиственницы; на протяжении 35 верст берега ее сохраняют тот же характер, и она течет на юго-запад; но далее начинает постепенно возвышаться правый ее берег, а там, где она поворачивает на восток, до-

лина течения суживается и по левому берегу идет обрывистыми уступами, разделенными лощинами, береговая возвышенность, сливающаяся ближе к устью реки с отрогами хребта Эндокса. В 60 верстах ниже своего устья река Тудур принимает в себя с правой стороны значительную притоку р. Бимир; отсюда она направляется на северо-запад и сохраняет это направление до места впадения в Амур, огражденная по-прежнему с левой стороны береговой цепью гор. Правый берег Тудура имеет здесь среднюю высоту и сливается с покатостями гор, идущих по направлению на С.В. вдоль берега Амура, в расстоянии 35 верст от него, недалеко от устья реки: там, где в нее впадает небольшая речка Качема, правый берег врезывается в нее скалистыми уступами невысоких гор, с отлогою покатостью на восток. Здесь же левая береговая возвышенность сливается с хребтом Эндокса и, удалившись от русла реки, расширяет долину ее течения. Река Тудур имеет среднее протяжение в длину от 135 до 145 верст; на протяжении 20 верст от верховья своего она имеет вид ручья с весьма извилистым течением и очень небольшой глубиной; ниже она заметно расширяется и местами имеет до 20 саж. ширины при весьма значительном падении и средней глубине $1\frac{1}{2}$ ф. По мере приближения к устью р. Бимир, Тудур разбивается на множество низменных островов; русло его завалено деревьями, местами встречаются пороги небольших каменистых гряд. Здесь река Тудур неудобна для плавания, но направляясь к Амуру, фарватер реки делается чище; она достигает значительной ширины при средней глубине 4 ф. Вообще р. Тудур доступна для плавания на протяжении 25 или 30 верст от устья ее. Распределение древесных пород в долине реки Тудура представляет следующее содержание: по береговой возвышенности левого ее берега тянется густым насаждением смешанный строевой лес, состоящий из ели, в количестве 0,3, пихты 0,3, лиственницы от 0,1 до 0,18; кедр встречается в незначительном количестве. Лощины, разделяющие горы, а также и прибрежья реки, в местах, где горные покатости удалились от них, покрыты тальником, черемухой, осинкой, мелколиственным кленом. По островам реки встречаются тальник, черемуха, изредка ольха; по скатам гор попадают также белая береза и лещина, но в незначительном количестве. В месте впадения в Тудур р. Бимир, по обоим берегам реки в числе прочих лиственных пород растут ясень и вяз деревьями средней величины. Содержание осины в составе смешанного леса довольно значительно ближе к устью реки; она здесь растет и по правому и по левому берегу часто отдельными островками. Правый берег Тудура порос также смешанным лесом, имеющим те же самые составные части, как и покрывающий левую береговую возвышенность реки; только лиственница попадает здесь в большом количестве, именно до 0,3 всего насаждения. Берега реки Тудура при устье представляют ровное сенокосное пространство, большею частью заливаемое водою во время высокого стояния ее.

Около берега Амура, по направлению С.В. тянется цепь гор, спускающихся южными покатостями к правому берегу реки Тудура, в расстоянии 35 верст от устья этой реки. Этот хребет, пройдя значительное пространство, приближается к горам Ады и с отрогами их образует большую горную долину, обращенную склоном ее к берегу Амура. Долина представляет собою ряд возвышенностей средней величины, которые разделены между собою системою горных речек, орошающих это пространство; местами она имеет от 10 до 15 верст ширины, считая по направлению к хребту, ограничивающему ее с С.В. Но за речкою Сюсу, приближаясь к горам Ады, составляющим северную границу долины, она значи-

тельно суживается и образует низменную плоскость, в которой находятся озера: Хольсан и Сурхэ, незаметно возвышающуюся около подошвы горного гряды, идущего по северной ее стороне. Речки, текущие по этому пространству, имеют вид ручьев с узким, извилистым, большею частью каменистым руслом; они заключены в низменных ложбинах, расширяющихся только при их устье, к которым прилегал полоса кочковатого сенокоса, идущая по самому берегу Амура. Это луговая полоса от устья р. Уангаль до устья р. Хагдун незначительна; ниже к месту впадения в Амур р. Хоптор, она увеличивается и, протянувшись оттуда по окраине Амурского берега, спускается за устье р. Сюсу, образуя левый берег озера Хольсан (Дай-хуэ). Более значительные размеры представляют ложбины, в которых пролегают русла речек Симфу и Хоттор: они составляют низменные берега этих речек, к которым возвышенности, ими ограничиваемые, спускаются пологою, постепенною покатостью. По всему протяжению, начиная от устья р. Тудура до долины озер Сурхэ и Хольсан, растет довольно однообразною, густого насаждения массою смешанный лес, в котором лиственница составляет преобладающую породу; в состав его входят кроме лиственницы, ель, пихта, осина, белая береза, мелколиственный клен, липа. Означенные лесные породы растут вообще по кочковатому, моховому пространству, местами переходящему в моховое болото, исключительно покрытое лиственницею, имеющее насаждение средней густоты, как напр. в полосе, заключающейся между р. р. Тудуром и Оня. Берега р. Уангаль, Хагдун и Оня в верховьях их покрыты смешанным лесом ели, пихты, лиственницы, осины, составляющим опушку лиственничного леса, а с Амурской стороны, ближе к устью по лощинам, пересекаемым их руслами, растут тальник, белая береза и иногда ольха. Содержание лиственницы в этой полосе доходит до 0,5 всего насаждения, она представляет деревья средних размеров и невысокого достоинства. От правого берега р. Оня до долины р. Симфу, по кочковатому моховому грунту тянется смешанный лес, состоящий из лиственницы в количестве 0,3; ели 0,3; пихты 0,2; осины, мелколиственного клена, изредка кедра в самом незначительном количестве и липы.

Опушка этого леса, состоящая преимущественно из осины и кустарника белой березы, большею частью выгорела со стороны Амура; по окраине возвышенности, спускающейся к долине р. Симфу, в состав вышеозначенных пород смешанного леса, входит еще лещина и белая береза.

Довольно высокая площадь, заключающаяся между р. р. Симфу и Хоттор, покрыта лиственничным лесом деревьями густого насаждения, могущими быть употребленными для строевого материала. Здесь лиственница растет довольно чистою от посторонней поросли в количестве 0,7; ель и пихта, встречающиеся в самом незначительном количестве с преобладающею между ними примесью осины, растут преимущественно по покатостям этой площади. По берегам обеих речек, ограничивающих это пространство, встречаются: ясень, вяз, липа, белая береза, мелколиственный клен, тальник и изредка ель и пихта. Доставка леса отсюда к Амуру не представляет больших удобств; она может быть произведена только сухим путем, потому что как р. Симфу, так и р. Хоттор не могут служить для сплава. За речкой Хоттор, по площади, орошаемой р.р. Чувча, Кулгу и Сюсу, вплоть до долины озера Хольсан, растет смешанный лес лиственницы, ели, пихты; по бережьям вышеозначенных речек в состав его входят осина, белая береза, мелколиственный клен и липа; встречающийся здесь лес среднего достоинства.

Озеро Хольсан. Озеро Хольсан, соединяющееся с Амуром небольшой протокой, при впадении отделяется от него узкою полосой кочковатого пространства, покрытого редко-растущею осиною. Эта коса примыкает к левому берегу озера, которое чрезвычайно мелко, незначительной величины и во время высокого стояния воды разливается по окружающему его кочковатому сенокосу. Восточный берег озера Хольсан огражден небольшою возвышенностью, имеющею покатость в сторону Амура; она тянется от правого берега р. Сюсу и покрыта около нее продолжением смешанного леса, растущего по левой стороне этой реки; но приближаясь к озеру, представляет собою ровную, сухую, разделенную незначительными лощинами горную поверхность, на вершине поросшую редкою лиственницею, большею частью выгоревшею, и густым насаждением кустарника белой березы и отчасти лещины по покатостям ее; по окраинам лощин встречается осина. Возвышенность имеет суглинистую почву и может быть обработана под пашни; по берегу Амура, около нее, ниже деревни Хольсан, идет полоса чернозема с суглинистым подзолом, могущая служить местом для огородов будущего небольшого поселения. Впоследствии здесь поселено сел. Верхне-Тамбовское. Правый берег озера представляет кочковатое луговое пространство, прилегающее к левому берегу котловинного озера Сурхэ, соединяющегося с Амуром немного ниже впадения в него озера Хольсан. Это пространство, приближаясь к отрогам гор Ады, местами возвышается холмообразными выпуклостями, с незаметными склонами к берегу Амура; оно покрыто горелым лесом лиственницы, осины и густым насаждением кустарника белой березы. Покатости гор Ады отделяются от этой полосы горелого леса ручьем Сурхэ, впадающим в одноименное с ним озеро; ручей Сурхэ, берущий начало из вышеозначенных гор, протекает между низкими берегами, покрытыми перелесками ели, пихты, осины; по левому берегу его тянется полоса горелого леса, идущего от озера Хольсан, а к правому – подходит кочковатое моховое болото, отделенное от Амура песчаною возвышенностью, на которой расположена дер. Адзи, покрытое лиственничным лесом, идущим вдоль Амура, около подошвы гор Ады, по направлению к небольшой горной речке Джонмэ. Хребет Ады, ограничивающий западную свою покатостью верхнюю часть долины, идущей от устья р. Тудура, приближаясь к р. Джонмэ, тянется в незначительном расстоянии от Амурского берега цепью высоких гор, рассеченною лощинами, из которых берут начало реки: Джонмэ, Уальчи, Тотьхо и Са; за последнею речкою начинаются горы Псю.

Западная часть хребта Ады представляет каменистые вершины, большую часть обнаженные, у подошвы покрытые белой березой, осиною; по покатости их попадаетея низкоствольный, мелкий дуб. Сторона хребта, обращенная к Амуру, по подошве поросла смешанным лесом, состоящим из ели, пихты, лиственницы; а спускаясь по поверхности, ограничиваемой речками Джонмэ и Уальчи, представляет полосу лиственничного леса, который однообразною массою идет по левому берегу первой речки; за ней же по направлению к р. Уальчи он попадаетея перелесками чистого насаждения средней густоты, смешанным лесом, растущим по площади, составляющей левый берег означенной речки. В состав смешанного леса, встречающегося по пространству, заключенному между этими двумя вышеназванными речками, кроме лиственницы, ели, пихты, входят еще: осина, белая береза; последние встречаются особенно около Амура, где значительное количество леса выгорело, преимущественно в полосе лиственничного

леса, прилегающего к левому берегу р. Джонмэя; за нею, вдоль Амура, тянется участками также горелый лес по сухому пространству, имеющему почву суглинистую и могущему служить для пашни. По левому берегу р. Уальчи встречается дуб, достигающий до 140-летнего возраста и имеющий до 1¹/₃ ф. в отруб, и растущий непрямоствольным, довольно низким деревом. Покатости гор, за топкой кочковатой долиной последней речки, становятся более крутыми и идут по самой окраине Амурского берега, пересекаясь маленькой речкой Тотьхэ, с постепенными склонами к горам Псю, с отрогами которых образуют довольно широкую, низменную плоскость, орошаемую речкой Са. Вплоть до нее тянется смешанный лес густого насаждения, покрывающий покатости и подошву гор Ады, а ниже он идет перелесками по берегу Амура до устья речки Писой. Этот смешанный лес состоит из ели, пихты, осины, белой и черной березы, липы, мелколиственного клена; по правому берегу р. Уальчи встречается в опушке леса между осинкой и березой ясень и в незначительном количестве дуб; по берегам р. Тотьхо в верховьях ее растет кедр хорошим строевым деревом, а в долине р. Са в составе смешанного леса попадаются: черная береза и ясень. Вообще ель и пихта составляют преобладающие породы растущего здесь смешанного леса.

Горы Псю идут цепью средней высоты, в незначительном расстоянии от Амурского берега, разветвляющегося двумя отрогами. Один из них, левый, врывается в Амур невысокою скалистою береговою возвышенностью Хундо; правую же ветвь ограничивается с юго-востока низменная долина, заключенная между речками Мои и Каргэ. Пространство, идущее от долины р. Са к р. Писой, представляет собою пологую горную покатость, имеющую почву черноземную с хрящеватым подзолом, поросшую редкой березой и в самом незначительном количестве лиственницей. Здесь можно будет пахать по расчистке леса. Около берега Амура, по направлению к р. Са, тянутся перелески смешанного леса ели, пихты; а вершины гор, образующих эту покатость, крутою стороною, обращенною к горам Ады, покрыты низкоствольной лиственницей и березовым кустарником. За р. Писой, имеющей характер общий всем речкам этого пространства, т.е. мелкой, с незначительной глубиной и шириной даже в устье, горы Псю своими склонами образуют невысокую, холмообразную площадь, спускающуюся к Амуру; она ограничивается возвышенностью Хундо и покрыта у берега Амура осинкой, березой с примесью лиственницы в малом количестве, которая встречается и по вершинам гор, прилегающих к этому пространству; некоторые вершины или обнажены или крыты горелым лиственничным лесом.

Возвышенность Хундо состоит из двух площадей, из которых одна, более крутая, идет по левому берегу р. Хакса, а другая ограничивается речкой Мои. Обе они покрыты лесом невысокой лиственницы, белой березы и осины, имеющим насаждение средней густоты; ель и пихта встречаются недалеко от устья р. Хакса, а местами попадаются и по внутренним покатостям этой береговой возвышенности незначительными полосами. Долина, простирающаяся между р.р. Мои и Каргэ, покрыта моховым болотом, ограниченным с юго-восточной стороны правым отрогом гор Псю, идущих в расстоянии 9 или 10 верст от берега Амура; от него она отделяется узкою грядою холмообразных возвышенностей, которые тянутся по обеим сторонам долины, у берегов речек, между которыми она заключена. По покатости проходящих здесь гор Псю растет смешанный лес, в котором преобладают: ель и пихта. Из прочих пород, входящих в состав его,

встречаются: кедр, белая и черная береза, осина, мелколиственный клен, липа; лиственница только у подошвы гор. Количественное содержание этих пород, могущих служить строевым материалом, следующее: ели 0,5, пихты 0,3, лиственницы 0,1, кедра 0,05. Доставка леса к берегу Амура может быть произведена только сухим путем по низменной долине р. Мои. Моховое кочковатое болото, идущее от подошвы гор Псю, покрыто редко растущей, низкоствольною лиственницей, выгоревшей около возвышенности, идущей по берегу Амура; лиственница лучшего качества и имеет средние размеры в участке, лежащем на северо-восточной оконечности болота; здесь лиственница растет однородной массой густого насаждения в количестве 0,7. Возвышенность, окаймляющая берега Амура, р. Мои и устье р. Каргэ, имеет суглинистую почву; частью она покрыта горелым лесом лиственницы, осины, а местами елью, пихтой и кустарником белой березы, растущими в незначительном количестве. Эта береговая полоса может служить для пашен. Вообще все пространство, заключающееся между р.р. Джонмэя и Каргэ, покрыто лесом, не имеющим хорошего достоинства; к вырубке для строевого материала могут быть годны только: лес, прилегающий к берегу р. Джонмэя, участок, заключавшийся между долинами р. р. Уальчи и Са, и распространенный по покатолям правой ветви гор Псю, идущей ниже возвышенности Хундо.

За р. Каргэ берег Амура становится значительно выше, и в 5 верстах от места соединения с Амуром озера Хеласоми, он крутыми обрывистыми утесами идет до стан. Фоминской, образуя покатолями своими левую сторону значительной долины, по которой протекают р. р. Силасу и Силакта, впадающие в вышеозначенное озеро. Лесные породы, покрывающие это пространство, составляют смешанный лес, который имеет следующий общий характер: береговая возвышенность, прилегающая к правому берегу р. Каргэ, покрыта горелым лесом ниже – по Амуру он заменяется: елью, пихтой, кедром, лиственницей, белой и черной березами, осиной, растущими густым насаждением, деревьями от 50 до 125-летнего возраста; преобладающие породы этого смешанного леса – ель и пихта; кедр растет редкостоящими деревьями; лиственница имеет среднее достоинство. смешанный лес, встречающийся здесь, представляет собою строевой материал не слишком высоких качеств. Углубляясь к материку по направлению долины р. Силасу, смешанный лес представляется состоящим из следующих пород, растущих довольно густым насаждением: лиственницы, ели, пихты, березы, осины: последняя преимущественно встречается в опушке леса. Точно такой же лес покрывает и правый берег верховья долины р. Силасу.

Река Силасу протекает на довольно значительное расстояние по кочковатой, низменной, поросшей кустарником долине; место истока ее – подошва хребта Оци, идущего в 70 верстах от берега Амура; из ложины этого же хребта берет начало река Тумджи, впадающая в Татарский пролив. Река Силасу значительной быстрины, имеет чрезвычайно извилистое течение, при каменистом русле и очень небольшой глубине; она неудобна для плавания; – пройдя 60 или 65 верст, река Силасу впадает в озеро Хеласоми. Это озеро имеет фигуру трапеции, в левый угол которой впадает р. Силасу, правый же образуется устьем небольшой, мелкой речки Силакта; озеро имеет довольно значительную глубину только около правого его берега, где проходит борозда течения р. Силасу.

Ниже озера Хеласоми берег Амура опять понижается; местами к нему входят незначительный холмообразный возвышенности, как напр.: около ручья

Самагду; к правому берегу долины небольшой речки Нята спускаются покато-сти горы Куты; далее береговая возвышенность, имея незначительную высоту, тянется около самого Амура, пересекаясь небольшими луговыми долинами, и заканчивается утесом Борби.

Все это пространство покрыто густым насаждением смешанного леса, который вообще имеет следующий характер: вплоть до р. Нята его преобладающие породы суть: лиственница, ель, пихта; в опушке растут: белая береза, осина, а около ручья Самагду по небольшой возвышенности, идущей около правого его берега, в составе смешанного леса встречается мелколиственный клен, липа и кедр, но в незначительном количестве. Лиственница здесь большею частью растет по мокрому кочковатому грунту, переходящему местами в моховое болото и не отличается хорошим достоинством. Ниже р. Нята содержание лиственницы в составе смешанного леса незначительно, преобладающие его породы: ель и пихта; осина, береза по-прежнему растут по окраине леса. Здесь встречается очень много горелого леса, так напр.: немного выше ст. Федоровской по береговой возвышенности выгорел также лес, покрывающий правую покатость горы Куты; ниже горы Куты, в незначительном расстоянии от Амура, вдоль его берега встречаются участки горелого леса. Левая покатость горы Куты, около устья р. Нята, покрыта смешанным лесом, между составными частями которого, общими всему этому пространству, встречаются кедр и черная береза.

Приближаясь к утесу Борби, берег Амура имеет значительную высоту; за этим скалистым утесом береговая возвышенность уходит вглубь материка, образуя с северными покато-стями гор Циур, и с левыми отрогами гор Джай долину, ограниченную с правой ее стороны небольшим ручьем Када; между этим ручьем и речкой Нюреми заключена возвышенная плоскость, врезающаяся в Амур утесом Када, и прилегающая с северо-востока к покато-стям горы Джай-Оксы, составляющим границу города Софийска.

Прибрежья Амура покрыты здесь густым насаждением смешанного леса, в опушке которого преобладают: осина, береза; они встречаются и отдельными островками по возвышенностям, идущим выше утеса Борби вдоль Амурского берега; состав смешанного леса имеет характер, общий всей вышеозначенной местности; ель и пихта преобладающие породы; лиственница встречается в незначительном количестве; кедр не более как исключение; изредка встречается дуб небольшим деревцом. Состав смешанного леса не изменяется по всему пространству, идущему до утеса Када.

Возвышенность, заключающаяся между р.р. Када и Нюреми, покрыта смешанным лесом: осины, березы, лиственницы, составляющим границу строевого хвойного леса, прилегающего к покато-стям горы Джай-Оксы; этот хвойный лес, состоящий из ели, пихты, лиственницы, растет деревьями густого насаждения от 50 до 150-летнего возраста и может служить довольно хорошим строевым материалом.

Петрович

V. ОТ МАРИИНСКА ДО Г. НИКОЛАЕВСКА И ЛИМАНА. ЛЕСА ПО РЕКЕ ХУНГАРИ

Общий взгляд на местность от Мариинска до г. Николаевска и Лимана. Горы Джайские, истоки р. Тумджи, как бы положили предел лесов лучшей породы и сорта. От г. Софийска и сел. Мариинско-Успенского по всей окрестности правой и левой стороны Амура до берегов моря не встречаются кедр манчжурский, ореховое и пробковое деревья, акация большими деревьями, клен, липа, ильм, дуб и если встречаются некоторые, то в малом количестве, слабых размеров и вообще в жалком виде и часто болезненные единичные деревца этих пород.

Вообще лес этой местности ни качеством, ни количеством не может быть сравнен с лесом местности от Хабаровки до Софийска. Там большими участками попадаются леса первобытно, коих еще ни человек, ни огонь, ни ветра не истребляли.

Озера Када, Кизи и побережье морское от Лазарева мыса до залива де-Кастри. С озера Када все побережье Амура, за исключением немногих небольших участков строевого случайно оставшегося леса более по сырому грунту, или лесным падам и лощинам, представляет лес или дровяной или сухой валежник, или необозримые полосы гарей.

Подробное описание лесов этой местности было бы только повторением одного и того же изъяснения. Самый лес не заслуживает в настоящее время особенной важности и значения в отношении лесного хозяйства; в больших размерах его недостаточно для вывоза в другие места и едва ли может удовлетворить нуждам и потребностям местных жителей и г. Николаевска.

И так, не входя в подробности описания этой местности, замечательнейшие участки лесов и их положение можно кратко обозначить следующим образом:

От Мариинского поста по окрестностям озера Кизи, по речкам Перебоевке, Большой и Малой Хоцеого и Даба до ее верховья. Местность эта не очень гористая, со множеством болот и низменностей, покрыта лесом преимущественно хвойным строевым, но большая часть коего уже истреблена русскими от неправильных вырубок и небрежных покосов. Почва земли суглинистая, в низменных местах иловатая.

От истока р. Даба чрез хребет гор Приморских, по берегу морскому до мыса Арке. Местность возвышенная, утесистая с самого подъема на Приморский хребет Сихотэ-Алинь, а далее не столь гористая; много мест ровных и пологих, как вершины гор, так и их подошвы покрыты лесом дровяным мешаным: елью, лиственницею и кедровником. Из лиственных пород тощая береза, осина, ольха и мелкокустарная рябина. Вообще растительность этой местности скудная – от влияния густых туманов и северо-восточных ветров.

По береговой окрестности моря от мыса Сущева до поста Александровского в заливе Де-Кастри. Местность по характеру та же, как сказано выше, лес хвойный, мало строевого, много сухолесья.

От залива Де-Кастри, по береговым окрестностям моря, по р. Сомон, бухте Арбот, р. Арбот, мысу Клостер-Камп (Ульмиэ) до мыса Дугу. Прибрежный лес этой местности или вырублен или выжжен; лучший лес не в большом количестве по р. Сомон и Арбот. Почва земли камениста, большие утесы отвесно падают в море, климат сырой-холодный, растительность скудная.

От мыса Дугу через вершины истоков речек: Арбот, Торай, Сомон, речкою Грошевкою (Хальби), по берегу левой стороны озера Кизи до истоков р. Комаровки. По р. Ай и заливу Айскому, по подошве гор Джайских и Циульских до Мариинского поста. Лес смешанный дровяной, ближе к побережью озера Кизи попадает лес строевой: ель и лиственница; большое количество такового лесу истреблено пожарами. Горы довольно пологие; перевал чрез Приморский хребет не высокий; почва земли суглинистая, в низменных местах иловатая, холодная.

Долина р. Ай низменная холодная; подошвы гор, окружающие р. Ай, покрыты лесом преимущественно лиственничным; на возвышенных местах: ель и лиственница размеров строевого леса с доброкачественною древесиною. Почва земли суглинистая с щебнем.

От Мариинского поста по луговой долине Холанской, разными протоками и озерами до гор Холанских, по подошвам и вершинам Халайских гор до озера Пульса и по речкам того же имени. Группа гор Холанских со всех сторон окружена необозримою долиною лугов, болот и озер; самые горы не столь возвышенны, несколько только сопки сланцово-каменистых, или гранитно-сиенитовых, утесами возвышаются над общим уровнем обширных пологих мест и возвышенно ровных пространств, которые покрыты лесом, преимущественно смешанным дровяным и поделочным. Почва земли хрящеватая, покрыта довольно изобильною растительностию трав и кустарников.

Окрестными горами обеих сторон озера Када через хребет гор: Кукда-Кадоми и Приморский хребет, окрестностию взморья до мыса Екатерины, против острова Глазенапа. Горы, смежные с озером и рекою Када, пологие; как подошвы их, так и вершины покрыты лесом строевым, преимущественно хвойным лиственницею, елью и изредка пихтою. Кедр в этой местности уже не встречается, а только в изобилии кедровник. По берегу морскому лес преимущественно смешанный дровяной. Долина с обеих сторон р. Када низменная лесная, по коей хотя встречаются деревья лиственницы строевых размеров, но худого качества, коряжные и дупловатые. Почва земли состоит из каменистых пород разрушенного сланца, суглинистая, довольно изобильна растительностию к стороне озера, скудна по берегу моря.

По протоке озера Када, береговою окрестностию Амура, озером Оты, Иомэ, Ацу и речками, вливающимися в эти озера. Местность береговая возвышенная, каменные сопки и утесы окаймляют Амур непрерывною грядою, – только к озерам подошвы гор пологие и довольно ровные. Лес преимущественно смешанный дровяной; много гари, сухолесья и валежника. Почва земли суглинистая с валунами булыжника, твердых пород камня; однако ж растительность и на этих местах не бедная.

Береговою окрестностью Амура, от озера Ацу, озером Хасему (Богородским), р. Хасемо, ее притоком р. Солерн, чрез хребет Сихотэ-Алинь (Приморский); р. Дими до устья ее в море, окрестностями взморья к вершинами гор, образующими Лазарева мыс. Местность гористая. Перевал Приморского хребта Сихотэ-Алинь невысокий и пологий, водораздел составляет в ширину не более 5 верст. Сухопутное сообщение Амура с морем в этом месте удобно. Лес, за исключением самых макушек гор, строевой, поделочный, растительность трав удовлетворительная по всей местности. Почва земли на пологих местах черноземная, на возвышенных хрящевато-суглинистая.

По р. Большой Уй (Ухта), озеру Удыл-Бидзи (Ухта), по р. Пильду, Бидзи и Саласу, побережьем обеих сторон этого озера, по вершинам гор Бойбу, Бока, Дзенска, Бинку, Бидзи, Селасу, Кальцеми и другим. Прибрежье левой стороны, как озера, так и р. Уй, не столь возвышенное. Пологие подошвы гор иногда подходят к самому берегу р. Уй. Правая сторона р. Уй, от Амура до истоков ее из озера, луговая низменная на большое расстояние. Прибрежье правой стороны озера гористое и утесистое. Главная порода камня темные сланцы, похожие на аспидный сланец. Лес правой стороны преимущественно лиственный, дровяной и поделочный, левой стороны озера лес смешанный; строевого леса мало. Почва земли суглинистая, по котловинам и подушкам черноземная с большою травяною растительностью. Вся местность по климату соответствует местности города Софийска.

По береговым окрестностям левой стороны Амура, по озерам и речкам: Оны, Пусу, Гера, Тлалс и по возвышенностям этой местности. Прибрежья обеих сторон Амура означенных мест гористы, утесисты, с макушками гор голого камня разных видов гранита; лес дровяной, гарь, сухолесье и мелкий кустарник, только до озер на склоне гор найдется небольшой запас строевого леса, а на противоположной стороне небольшими участками поделочный дуб небольших размеров по крутизнам кварцовых гор (тутоорит).

По обеим сторонам Амура, от р. Тлалс и озеру Гусиному до р. Юсис и оз. Хилки (Богородского), по р. Юсис и ее окрестностям. Правая сторона Амура гористо-утесистая, с лесом тощим дровяным, гарью, кустарником и камнями; левая, составляющая подошву высоких каменистых гор Тих, Пояр и Юсис, пологая к Амуру, покрыта лесом смешанным дровяным с примесью строевого лесу; почва земли каменистая по удалении от прибрежья Амура на несколько верст, поднимаются группы высоких гор, макушки коих составляют груды голого камня разных пород: гранита, кварца, железняка, колчедана, сланцев и других; самые склоны гор на большое расстояние кажутся пустынными и безлесными.

По озеру Хилки (Михайловскому), р. Хилки, Нончир до верхнего течения р. Хилки, по подошвам гор Приморского хребта Сихотэ-Алинь, по побережью Амура, заливу Макаровскому (Мхель) до протоки озера Акчи. Подошвы окрестных гор р. Хилки пологие, покрыты лесом смешанным строевым, дровяным и поделочным, по долине р. Хилки попадает довольно крупных размеров ильм, доброкачественный ясень, по опушкам дуб и береза добротные. По р. Нончир у ее устья значительное пространство заросло чистого насаждения дубовым лесом хорошего качества, здоровым и размеров годных для поделок.

Пространство от озера Хилки до оз. Мхэль ровное, берега возвышенны над Амуром, с почвою земли суглинистого; от озера Мхэль и протоки озера Акчи побережье Амура круто-береговое утесистое с лесом тощим и каменистое.

По озеру Акчи и реки того же имени до ее истоков, протокам и озерам Тыльм, береговою окрестностию гор Тырских до деревни гиляцкой Кабац-бах. Правая сторона побережья озера Акчи гористая, мало покрытая лесом, преимущественно гарью, кустарником и пустолесьем; левая сторона пологая. Обширное пространство по протоке и озеру местоположения ровного с почвою земли черноземно-суглинистою и лесом лиственным.

С обеих сторон р. Акчи, почти до среднего ее течения, хорошие луга; далее верст 20 от устья р. Акчи, долина ее заросла лесом смешанным, между коим попадаются: ильм и ясень; окрестные горы высокие и безлесные, макушки коих утесисты и каменисты. Озеро Тыльм со всех сторон окружают низменные луга. От протоки этого озера до гиляцкой деревни Кабац-бах все побережье Амура гористо-утесистое, мало строевого леса; из лиственных пород попадаются единичными деревьями и кустарником горный ильм и небольшими участками дуб, плохой древесины и небольших размеров.

Рекою Амгунью по многочисленным протокам и озерам долины Амгунской до подошвы гор Чальбуха, Челяха, оз. Дольдзя, Алпак, Цюки до ее вершин, хребтам гор перевальных к Охотскому морю (Усальгинской губы) и по окрестным вершинам означенной местности. С обеих сторон трех главных устьев р. Амгуни простирается широкая долина лугов, низменностей и озер; подошвы гор начинают только приближаться к руслу реки на расстояние нескольких верст; при крутом повороте этой реки на W у горы Чальбуха – озеро Цюки, с обеих сторон окруженное горами. Долина р. Цюки от устья верст на 30 низменна и местами имеет в ширину от 5 до 13 верст; у верховьев реки невысокие горы стесняют долину; перевал Приморских гор не так возвышен, но даже можно назвать его низменным. Переход с верховья реки Цюки к Охотскому морю может быть совершен в 1¹/₂ дня летним ходом.

Все почти подошвы гор, окружающих долину р. Амгуни, покрыты лесом смешанным дровяным и редко строевым; хребты гор состоят из разрушившихся масс сланцев и других пород камня, некоторые покрыты растительностью из тощего кустарника и трав, другие представляют вид разноцветных гольцов.

Прибрежье долины Цюки покрыто лесом более лиственным; много ровных пространств с почвою плодородною.

Низменные обширные равнины по материку, а также большое количество вод долин Амгунской и Цюкской, увеличивают сырость климата этой местности. Есть некоторые признаки предполагать в долине Цюкской присутствие каменного угля, вероятно, самого низкого сорта бурого угля.

Протокою Якутскою (3-е устье Амгуни), протокою Тальвляк (Орель), озером Орель, протоке Калх, озером Чля, – по р. Мырх, протокою Пальво до гиляцкой дер. Маго. Озера Орель и Чля, это большие междугорные котловины, наполненный водою Амура. Окрестные горы, окружающие эти озера, ниспадают к водам их то небольшими утесами, то пологими мысами. На ровных и пологих подошвах гор лес смешанный, преимущественно дровяной и только изредка попадаются небольшие участки строевого – лиственницы и ели. Хребты и макушки гор почти безлесны, с тощим кустарником и горным багульником. Климат

этой местности более сырой – туманный. Переход из вершин озер Орель и Чля к Охотскому морю может быть совершен в 1¹/₂ дня летом пешим ходом.

Береговую окрестностью Амура левой стороны, от р. Иомэ, по р. р. Ченда, Ноквах, Вирзи, Сабачай до верховьев р. Личи и по ее окрестностям. Окрестные горы береговые, как Амура, так и небольших этих сплавных речек покрыты лесом смешанным, между коим довольно количество лесу строевого. Весь прибрежный хребет гор между р. р. Личь и Сабачай покрыт лесом строевым хорошего качества, еловым, лиственничным и отчасти пихтовым. По крутобережью этой местности попадаются небольшие участки дуба; лес небольших размеров, но годный для поделки; также единичными деревьями клен 2-х видов и кустарная яблонь сибирская, боярышник, рябина, черемха, кизиль и другие. Почва земли суглинистая со щебнем и камнями. Трава низкая, растительность удовлетворительная.

По р. Каморе, окрестностям г. Николаевска, чрез вершины гор по истокам речек, текущих в Охотское море, речкам Патха и окрестностями мыса Чныр-раха и Чадбаха. Все горы по истокам речек Личи, Камора, Патх и Чадбах, а также и рек, текущих в Охотское море, покрыты лесом, преимущественно хвойным строевым, хорошего качества ели и лиственницы, и это обширное пространство лесов, пограничное Амуру и побережью Охотского моря, при благоразумном распределении и употреблении лесного строевого материала, могло бы постоянно удовлетворять всем нуждам г. Николаевска и его окрестностей, но небрежное обхождение с этим лесом, в особенности пожогои, с каждым годом причиняют быстрое его истребление.

По правому побережью Амура от гиляцкой дер. Кабац-бах по р. Гейс, протоки Кахы, заливу Кичер до мыса Вассе. Все побережье Амура, за исключением пологих скатов гор, вдоль протоки Кахы и всего залива Кичер, где найдется достаточный запас хорошей строевой ели, – прочие пространства покрыты лесом, преимущественно смешанным дровяным. Высокие вершины гор и их первые уступы покрыты или тощим кустарником кедровника, или же совершенно безлесны и каменисты. Таковой характер местности всего побережья устья Амура этой стороны.

Против самого Николаевска и дальше по лиману есть на ближних горах достаточный запас строевого и корабельного леса лиственничного и елового, с примесью белой березы и осины, но крутые берега Амура затрудняют несколько его рубку и вывозку.

Все почти побережье взморья от р. Дугу по заливу де-Кастри, бухте Таба, мыса Арке, Екатерины до р. Псю покрыто лесом более дровяным: малорослою елью, лиственницею, березою, осиною и ольхою, кедровым сланцем и кустарником рябины; багульник и мох в долинах и по вершинам гор показывает скудность почвы этой местности. Несколько небольших речек и ручьев, падающих в море, не составляют долин, а только небольшие лощины, по коим часто подъем с моря на побережье недоступен.

Залив Де-Кастри, при устьях речек Арбот, Торай, Сомон, Дульдзи, есть одно из лучших мест для заведения первоначальных поселений, хотя и эти места по своей скудной растительности, холодному климату и местоположению не предвещают особенных выгод в будущем для сельского хозяйства и лесной растительности.

В лесном отношении более замечательна местность в удалении от морского побережья к Амуру, возвышенности и склоны гор между озерами Кизи и Када. Все они покрыты преимущественно хвойным строевым лесом: лиственницей, елью больших размеров; но вывоз этого леса в настоящее время затруднителен; от сплавных речек Када и Даба удален на значительное расстояние. Лучший береговой лес около – озерный или уже вырублен, или сожжен, или завален валежником так, что с этих мест, если и возможно сделать какой-либо выбор строевого леса, то именно с верховьев озера Кизи, или с правой стороны озера Када.

Прибрежье правой стороны Амура от озера Када преимущественно крутобереговое и только при слиянии озер и речек представляет пологие скаты гор, на коих уже или помещены поселения, или оставлены для будущих времен. Из таковых местностей, в хозяйственном отношении, более выгодны местности у оз. Оты, Иоми, Гусином, Макаровском, Акчи, Тылм, Чильва, у речек Херемив, Кабац-бах и Гейс.

Левая сторона Амура этого протяжения более луговая, низменная. Здесь удобны для заселения только некоторые местности: побережья возвышенностей и склоны ровных гор Холанских и Дидальских, а также левая сторона значительной реки Уй (протока Ухта), окрестности озера Окто, у дер. гиляцкой Ухта и склоны возвышенных гор у устья рек Тлалс и Юсис.

Далее горы отходят далеко от Амура, и все левое побережье представляет обширную долину Амгунскую и котловинные озера Цюки (Любенское), Орель и Чля.

Эта удаленная местность материка ни в хозяйственном, ни в лесном отношении на многие годы не может представить желаемых выгод и пользы для жителей Амура; только сообщение с другими местностями и путь по Амгуни может быть полезен и сблизить Амур с Охотским морем и Якутской областью.

Более чем на 200 верст от Амура осмотрены окрестности р. Амгуни и хребты гор, отделяющие Охотское море от озер Чля и Орель, нигде здесь не видно лесов строевых в значительном количестве и доброкачественных, а только попадались леса смешанные, дровяные, валежники, гари, тундра, кустарник и каменистые горы, с тощею растительностью и гольцами.

Правая и левая стороны Амура от поворота местоположением, климатом и растительностью много уступают прочим местностям. На этом береговом протяжении, по некоторым, только небольшим, ровным склонам гор, в местах уютных, защищенных от влияния северо-восточных морских ветров, могут быть небольшие поселения: заимки и починки; так напр. у проток Кады и Пальво, у устьев речек Эм, Чанда, Сабачай, Личи, Камора, Патха, Кичер, Силинки и Кукля. Лес лучший строевой: ель и лиственница по протоке Кахы, заливу Кичер, а также по всей протоке, огибающей окрестности г. Николаевска, от истоков р. Сабачай до взморья, по речкам Личи, Каморе, Патх, Чадбах, Искай-Коль и зал. Петровскому.

Леса по реке Хунгари. Речки Хур и Джаур, сливая свои воды, дают начало замечательно быстрой и глубокой реке Хунгари, протекающей в широкой, ограниченной высокими горами, долине, образующей собою низменную равнину при впадении Хунгари в р. Амур. Пространство, заключающееся в бассейне Хунгари, представляет собою прекрасные участки строевого, корабельного, поделочного и фашинного леса. Дровяник сплошь покрывает собою побережья

р. Хур чрезвычайно густым насаждением ели, пихты, с примесью желтой березы; качество леса улучшается в долине р. Джаур; в верховьях последней реки и в горах много толстомерного тиса; кедр попадает также очень часто. Последней древесной породы очень много по р. Удоми; эта порода достигает в этом пространстве размеров корабельного леса и вместе с елью растет прекрасными, большемерными деревьями. Лиственница составляет собою сплошные участки дровяного и строевого леса в нижней полосе в горных прибрежных р. Хунгари покатостей, обращенных в сторону от реки. Она имеет значительные размеры, но большемерные деревья ее страдают от слишком сырого грунта земли, что проявляется дряблостью сердцевины даже в молодых особях лиственницы.

По берегам Хунгари, по островам, образованным ее быстрым течением, в средней и нижней полосе долины этой реки много красной вербы значительных размеров, тальнику, черемхи, боярышника, встречается местами ясень, *Phellodondron amurense*, акация, сибирская яблонь и по скатам гор виноград. Вообще река Хунгари доступна для плавания на незначительное расстояние от ее устья; в верховьях ее много порогов, больших подводных камней, опасных для плавания, по причине слишком большого падения реки. Эта река замечательна по большому количеству растущего в ее долине кедра, достигающего здесь очень больших размеров.

Будищев

VI. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. НИКОЛАЕВСКА

Лучший строевой материал для бывшего Николаевского порта нарубался из близких окрестностей г. Николаевска, первоначально у городской черты с северной стороны его, а потом, по мере вырубки, не только лучшего, но и вообще всякого леса из этой части, стали заготавливать лес для порта по р. р. Личи и Каморе, по протоке Кахы, а также с противоположном городу правого берега Амура и из разных других мест.

Леса строевые, и в особенности лиственничный, годные на корабельное дело, находятся в окрестностях Николаевска в довольно изобильном количестве и часто на местах, удобных для разработки их и доставки в Николаевск. Кроме того, важность этих лесов увеличивается еще тем, что лесные рабочие, употребляемые для казенных заготовок леса, в Николаевске очень многочисленны, имеют здесь удобные готовые помещения и легко могут снабжать себя всем необходимым относительно пищи и одежды за цену более дешевую, нежели на других пунктах Амура. Важное неудобство для работы леса представляет местный климат и в особенности зимние жестокие пурги, продолжающиеся иногда по нескольку дней и всегда опасные для здоровья и даже жизни рабочих людей. По недостатку в крае рабочего скота, вывозка леса к местам сплава производится людьми, что тоже замедляет работу и влияет на ценность издержек производства.

Между тем по осмотру лесов в окрестностях Николаевска оказалось, что там, где была вырубка леса, в особенности там, где она производилась в течение нескольких лет сряду, в лесу произведены большие опустошения; много лесу стоячего на корне портится сдиранием коры для крыш городских строений, чрез что деревья подсыхают и впоследствии легко делаются добычею ветра; лес засоряется валежником даже и оттого, что рубки производятся неправильно на выбор на больших расстояниях, причем изреженные леса засоряются корой, щепой, сучьяком и вершинником и т. п. сором, и чрез то подвергаются тоже опасности ветровала и пожара. Бывшие в 1863 г. лесные пожары уже показали на опыте, как невыгоден и даже опасен для Николаевска такой способ вырубki лесов, и опыт этот положительно убеждает изменить способ вырубki леса на выбор всеми казенными ведомствами и даже частными лицами, где им вздумается и как попало. Вся местность к северу от Николаевска почти до самых гор уже вырублена наголо на расстояние 1 версты и даже более. Далее к горе и по горам тянется смешанный лес, состоящий из ели, лиственницы, пихты, белой березы и осины, изобилующий строевым материалом, большею частью некрупных размеров, достаточно густого насаждения.

По речке Каморе растет тех же пород лес с попеременным преобладанием в смеси то лиственницы, то ели. На р. Каморе в 1863 году нарублен был, но еще

не вывезен из лесу, крупный лиственничный и еловый строевой материал, заготовленный для Николаевского порта, но еще много такого же леса по Каморе осталось на корне, хотя очень крупные лиственницы уже стали редки по самой Каморе вблизи ее берегов, а надо их искать в стороне, или в верховьях речки.

По р. Личи такой же лес, как и по р. Каморе, но вблизи самого селения Сергиевского уже трудно найти лес очень крупных размеров, а нужно искать такой лес верстах в 5 выше по речке, хотя строевой лес средних размеров попадает и ближе. Между речками Камора и Личи совершенно наголо вырублено близь берегов пространство в 280 десятин, зарастающее молодую порослью лиственницы, березы, ели, осины и пихты. Выше, между означенными речками, встречается необыкновенный хвойно-лиственный лес с преобладанием в смеси лиственницы.

За речкою Личи вдоль по холмистым возвышенностям, по направлению к станции Сабах, тянутся леса больше еловые с примесью тех же пород, редко с преобладанием лиственницы на небольшом протяжении; еще реже попадают здесь деревья очень крупных размеров. На 7-й версте этого пути, к станции Сабах, начинается горелый лес, и только за 2 версты от этой станции виден опять строевой смешанный лес.

На правом берегу Амура, против Николаевска, опять тянутся леса очень однообразные, состоящие из тех же пород с попеременным преобладанием в смеси лиственницы и ели – строевые и дровяные, иногда и очень крупных размеров, в особенности лиственница. Но лес этот расположен по очень крутому берегу Амура, а местами он слишком редок и неудобен для рубки, вследствие скалистых обрывов гор к стороне реки.

В заливе Кичер (Кэчир) нет очень крупного леса, кроме как в одном только месте на 2 версты ниже устья р. Кэчи, где рублен лес для промышленности по заказу американского купца Дикмана. Еще на горе к углу, между заливом Кэчир и Амуром, выше нового поселения освобожденных ссыльных (в 5 домах), есть довольно крупный преимущественно еловый лес. Близь самого этого поселения и далеко к востоку и юго-востоку тянется лес более дровяной, состоящий из лиственницы с белою березою и осиною, при этом очень редкого насаждения. Верст на 5 далее к югу от залива Кэчир идет полоса старой гари, заросшей молодым березняком, осинником, лиственницей, елью, пихтою. Только по левому берегу р. Кэчи версты на 3 есть наполовину строевой и дровяной средних размеров лес, состоящий из лиственницы и ели с малою примесью других пород. Тут уже начата была вырубка крупной лиственницы. По остальному берегу залива от устья р. Кэчи тянется смешанный лес с преобладанием лиственницы в некотором расстоянии от берегов залива, где долину прибрежную занимает луг с кустарником и мелким лесом. Потом на самом берегу залива место, изобилующее крупных размеров густым лиственничным лесом, где рублен лес для купца Дикмана в 1863 году, а далее по самому берегу залива – средний лес лиственнично-березовый, а на горе густой преимущественно еловый строевой лес средних и крупных размеров с примесью в малом количестве лиственницы, березы и осины.

Такой же лес и таких же размеров, с преобладанием в смеси ели, тянется и по берегу Амура до гияцкокого селения Кахы и по протоке Кахы. Лиственницы здесь вообще в примеси мало. Этот строевой и дровяной еловый лес доходит только на 1 версту ниже заимки, устроенной когда-то для сенокосения, а ныне заброшенной. В этом лесу вдоль берегов протоки Кахы местами уже в 1863 году

начата вырубка леса то сплошная, то выборочная, и при этом уже попорчено сдиранием коры много стоящего на корне лесу.

Итак, из всего сказанного о лесах в окрестностях Николаевска, расположенных от города вверх по реке, видно, что в лесе строевом и корабельном, – еловом и лиственничном, – здесь еще пока недостатка нет, даже если бы такой лес потребовался в усиленном количестве для экстренных надобностей города и порта, но там, где уже начата рубка, везде она производилась и до сих пор производится без надлежащего надзора и учета, весьма неправильно и не экономно, много при рубке портится хорошего леса бесполезно; остающемуся на корне лесу, чрез неправильное изреживание его, угрожает опасность ветровала и пожара, который легко может распространиться по обильно повсюду разбросанному сучьяку и вершиннику, коре и щепе и валежному лесу до самого города и сжечь его, чему он едва не подвергся летом в 1863 году.

Во всех осмотренных местах окрестностей г. Николаевска взяты в лесу пробные части, и на них исчислен стоящий на корне как сыро-растущий, так и тот сухоподстойный лес, который еще годен на строение, или на дрова. Вычислена математически чрез измерение модельных деревьев, разделенных по размерам на классы, их кубическое содержание и определена древесная масса пробных частей (в $\frac{1}{2}$ десятины каждая величиною); этими вычислениями положено основание оценки лесов в окрестностях Николаевска подесятинно как материальной, так, если понадобится, и денежной. На основании выводов из вычисления пробных частей видно, что насаждения с господством ели и лиственницы найдены большею частью смешанных возрастов, как и надо было ожидать от диких первобытных лесов, в которых до прибытия на Амур русских не было почти никаких вырубок, а сама природа только истребляла достигшие естественной зрелости, либо болезненные деревья, либо ветер вырывал случайно попадавшуюся ему добычу. Большею частью средний возраст насаждений (дерев господствующих в насаждении) колеблется между 130–190-летним, причем встречаются в насаждении деревья и других возрастов, исключая молодого подростка, которого нет в очень густых насаждениях. Затем реже попадаются насаждения, в которых преобладают деревья в 80–100–120-летнем возрасте, причем в насаждении почти всегда находятся в большем или меньшем изобилии и деревья старших возрастов до 250 лет. Редко случается встретить несколько десятин кряду с насаждением почти одновозрастным, что здесь составляет большую редкость, но за то молодые заросли, как на местах сплошь вырубленных, так и на местах, где лес выгорел, занимают обыкновенно большие пространства насаждений почти одновозрастных. Густота насаждений обыкновенно колеблется между совершенно полным насаждением и $\frac{6}{10}$ полного. Меньшая густота насаждения до $\frac{4}{10}$ образовалась чрез неправильную выборку из него крупного леса. Древесные запасы по кубической массе изменяются от 27 до 66 куб. саж. на 1 десятину, полагая в каждой, как это принято при казенных таксационных работах в России, по 250 куб. фут. плотной древесной массы, что составит 7000–16500 куб. фут. плотной древесной массы на 1 десятину. Меньшие древесные запасы найдены были в насаждениях, изреженных выборочно рубкою. Средний ежегодный прирост леса изменяется обыкновенно от 50 до 120 куб. фут. (в одном только насаждении найден средний ежегодный прирост леса в 160 куб. ф.) на 1 десятине; и в этом

отношении здешние леса похожи на хвойные леса, произрастающие в северной и средней полосе России.

Самый сильный средний прирост найден в насаждениях 80–100-летних, но так как 60–80-летние насаждения в пробных частях не попадают и которые притом были бы почти одновозрастными, то надо полагать, что и здесь, как и в России, наибольшей силы прирост леса достигает в 60–80-летнем возрасте; но уменьшается прирост леса с возрастом здесь не так быстро в хвойных лесах, как в северной и средней России, потому что природа, очищая леса от деревьев зрелых и с помощью ветра, и при огромности лесом насажденной площади в здешнем крае, тотчас же дает возможность выгоднее развиваться деревьям молодых возрастов, чрез что общий прирост леса тех насаждений не подвержен такому колебанию, как если бы эти насаждения были менее разновозрастными.

Процент строевого леса, от преобладания в диких первобытных лесах возрастов старших бывает довольно силен, именно доходит до 80% и редко бывает ниже 50% в насаждениях, не изреженных выборочно рубкою. Кроме строевого леса здесь много лиственничных деревьев, употребляемых на кораблестроение; на мачты же здесь употребляют еловый лес за недостатком соснового. Поделочного леса здесь, кроме белой березы, нет. Мебель здесь иногда делают из березового, или даже из елового леса.

Здесь лиственничный лес крепок, тяжел (тяжелее воды), но имеет недостаток скоро щелиться и колотиться, что можно приписать вязкой и мокрой глинистой почве долин, где он был вырублен. По той же причине здешняя ель значительно хуже по качествам древесины против ели русской и сибирской и далеко не так прочна, как эти. Впрочем лиственничный и еловый лес, выросший в горах, а в особенности в защищенных от ветра, преимущественно морского, местах имеет гораздо больше достоинств, нежели лес, выросший в топких и болотистых местностях, или на горах, очень открытых действию ветра.

Часть этих лесов в окрестностях г. Николаевска предположена на нарезку выгонной земли для города. В 1864 году было разрешено лес на городской земле продавать промышленникам за посаженный и погонные деньги для отпуска этого леса за границу.

На основании пробных вычислений, на взятых в самых разнохарактерных лесных насаждениях в числе 27 полудесятин, сделан вывод, что леса здешней местности по их ценности можно разделить на 4 разряда:

I разряд леса, коих 1 десятинна стоит.....175 руб.

II разряд леса, коих 1 десятинна стоит.....125 руб.

III разряд леса, коих 1 десятинна стоит..... 75 руб.

IV разряд состоит из лесов молодых, либо вырубленных в большей части насаждения, либо содержащие только дровяной материал плохого качества.

Исчисление это основано на точных математических измерениях на пробных частях, а денежная оценка на таксе, утвержденной временно г. военным губернатором Приморской области для Императорского залива. При этом принято, как и в Императорском заливе, что при подесятинной продаже леса строевой лес и дрова ценятся вполтину дешевле, против цен таксы, за которые лес отпускается промышленникам враздробь. До устройства Николаевского лесничества лучше было бы отпускать лес для заграничного торга вне пределов,

предположенных для отвода городской земли, так как в черте городской земли находятся лучшие леса, весьма важные в будущем и для Николаевского порта, и для самого города, а лучше позволять промышленникам вырубку леса для заграничного торгового дела вне черты городской земли выше по Амуру, или в его низовьях. Место для загрузки отпускаемого за границу леса на морские суда – самое удобное, находится против самого города на правом берегу Амура в пади, где прежде строился частный пароход. Здесь на берегу много леса можно держать в складе, а стоянка для судов здесь спокойная и совершенно безопасная. Можно выбрать пристани для загрузки леса на суда и в других местах, напр. против гилияцких деревень Альво и Пыгво.

Так как бедные жители города всегда имеют надобность в лесе как для своего потребления, так и для промысла на продажу более зажиточным городским жителям, которые также постоянно нуждаются в лесе строевом и дровяном, то полезно было бы отвести для свободного пользования бедных жителей города такие леса, которые не имели бы большой важности для города и порта, вместе с тем изобиловали строевым и дровяным материалом, были расположены близко к городу. Такова именно местность с северной стороны Николаевска, прилегающая к вырубленной наголо площади, имеющая 3 вер. в длину и 1 вер. в ширину до самой р. Камора. Эта местность еще тем более удобна для постоянного пользования бедных городских жителей, что если производить здесь учет вырубленному лесу, то трудно будет уследить в такой близости от города за неизбежными злоупотреблениями.

Будищев

Б. ПО РЕКЕ УССУРИ И ЕЕ ПРИТОКАМ

VII. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО ГЛАВНОМУ РУСЛУ РЕКИ УССУРИ И ЕЕ ИСТОЧНИКАМ И ПО ПРИТОКУ ЕЕ Р. ДАУБИ

Уссури есть один из важнейших притоков Амура в пределах Приморской области, как по своей величине и протяжению, так и по умеренному климату, богатой почве и растительности, делающих ее берега наиболее удобными для оседлых земледельческих поселений. Началом этой реки можно считать место слияния рек Фудзи и Саньдогу, и отсюда река Уссури течет сперва несплавною, быстрою горною речкою по узкой горной лощине тремя коленами: на север, запад и опять север на протяжении 90 верст довольно извилистого течения до устья в нее довольно значительной р. Дауби. Отсюда Уссури уже становится доступною для пароходов, мелкосидящих в воде, каковы речные пароходы, ныне ходящие по Уссури. Река течет уже менее быстро ниже устья Дауби, долина ее становится шире, изобилует лугами, порогов на реке меньше, а ширина изменяется между 50–100 саженьми, причем она часто разделяется на протоки, образующие мелкие и крупные острова. В 135 вер. от устья Дауби Уссури принимает р. Сунгача, вытекающую из озера Ханка и тихо протекающую. На половине расстояния между устьями Дауби и Сунгача горы левого берега Уссури прекратились и удаляются довольно далеко к устью р. Лефу, образуя обширную Ханкайско-Сунгачанскую степь, в большую воду подверженную наводнениям почти повсеместно, за исключением небольших оазисов высоких непоемных мест. От устья р. Сунгача Уссури стремится почти прямо на север; немного на северо-восток вплоть до своего устья в Амурскую протоку близ станицы Казакевича, пробегая около 465 верст, а всего течения ее составляют от слития Саньдогу с Фудзи около 700 верст. В нижнем своем течении она также разделяется часто на многочисленные протоки, образуя малые и большие, в несколько верст длиною острова, поросшие тальником, и чистые луговые. Течение ее от устья Сунгача довольно тихое, около 3 вер. в час и значительно тише течения вод амурских. Только принимая в себя быстрые воды Има, Бики и Пора, ниже их устьев на несколько верст, Уссури становится довольно быстрою рекою. Но вскоре опять течение ее становится обыкновенным. Ширина Уссури, постепенно увеличиваясь, достигает у стан. Казакевича в ширину более 1 версты, но местами и в нижнем течении русло ее сужено до ширины 50–70 сажень. Долина ее также постепенно к низу становится обширнее, а близ устья принимает вид обширной степи, затопляемой большою водою и тогда принимающей вид огромного озера на 100 и более верст

протяжения. Между устьем р. Море, или р. Мурень (левый приток) и несколько ниже устья р. Бики (правый приток) Уссури пробегает по довольно узкой долине, и горы обоих берегов, спускаясь более или менее крутыми уступами иногда к самой реке, иногда отстоят между собою не далее 5 верст, и отнюдь не далее 15. Но выше и ниже этой полосы долина Уссури гораздо обширнее. В большие наводнения, как, например, в наводнение, бывшее в 1861 г., и, как слышно, также в 1863 г., вся долина Уссури затопляется прибылою водою, что составляет большую помеху для здешних поселенцев. Не только пашни и сенокосы их, но и самые дома, несмотря на свое довольно высокое положение, затопляются водою в большей части станиц, а наиболее пострадали от воды из прежних станиц 9-я (Кедровая), 21-я (Верхне-Никольская), 16-я (Ларионовская), 17-я (Крутобереговая), 12-я (Козловского), 4-я (Дьяченко), 5-я (Киселева), 6-я (Кукеля) и т. д. У многих казаков, хотя дома их, по причине высокого положения на горе, не затоплялись, зато пашни были долго потоплены и сена, уже накошенные, уплыли вниз по реке. Часто случалось, что даже на высоких местах пашни страдали от дождя, продолжавшегося целые недели почти беспрерывно, и хлеб сгнивал на корне от излишней сырости.

Из этого видно, что наводнения по Уссури и дожди причиняют этому краю бедствия, которые устранить довольно трудно и которые значительно уменьшают выгоды здесь земледельческих поселений. Разумеется, при поверхностных обзорах страны первоначально и при спешном почти в одно лето заселении всей Уссури почти до устья Сунгача, казалось, что эти поселения должны здесь благоденствовать на этих богатых черноземом землях, еще нетронутых человеком, покрытых роскошною растительностью трав с самыми пестрыми и разнообразными цветами, казалось, что эти земли должны приносить самые обильные урожаи, и что с тем вместе Уссурийское население, составляющее свыше 2000 душ мужского пола, могло бы легко прокормить своим хлебом все Амурское население, т. е. городских жителей, войска сухопутные и морские. Но сплав хлеба из Забайкалья и кругосветным путем и до сих пор еще продолжается, а Уссурийские казаки сами еще пользуются до сих пор казенным хлебом.

Конечно, есть и другие причины неуспеху земледелия на Уссури, так напр. поселение там казаков, уроженцев Забайкалья, где климат страны, растительность и условия для жизни совершенно другие; а потому насильственное их поселение здесь изменило совершенно их привычки, а неразлучные со спешным переселением потери в имуществе и в особенности в домашнем скоте, а равно и бедствия первых лет переселения, были причиною того, что казаки смотрели на новый край неприязненно. Кроме того, перечисление в казаки только для умножения их численности желающих из нижних чинов линейных батальонов, большая часть которых перешла из штрафованных и совершенно испорченной нравственности, не только не сделавшихся земледельцами, но и отбивших всякую охоту к земледелию у старых казаков, мешало много своим вредным на них влиянием. Первый год переселения 1860-й все казаки терпели к весне недостаток в пище, которую добывали у китайцев в верхних станицах по страшно высокой цене и при этом многие лишились своего последнего имущества. Затем голод у Уссурийских казаков повторялся почти ежегодно, хотя не повсеместно и не такой сильный, как в первый год. У казаков, вследствие этих бедствий и потом наводнения 1861 года, истребившего прекрасный урожай того года,

потом засухи 1862 года, сделавшей самый скудный урожай только ранних посевов собственного хлеба, а семенной хлеб на посев того года в полном числе прибыл в верхние станицы весьма поздно, в конце июня, в самую засуху, явилась привычка пользоваться казенным хлебом, который они прежде не имели, и привычка эта весьма вредно подействовала на ленивых от природы, грубых, невежественных и преданных пьянству казаков. Многие зажиточные хозяева совершенно разорились в несколько лет после прибытия на Уссури. Одно что еще поддерживало некоторых из них, это продажа продуктов домашнего хозяйства молочных скопов, огородных овощей, яиц, домашней птицы, кедровых орехов, домашнего скота – в Хабаровку и далее и пассажирам пароходов, часто плавающих по Уссури летом. Поставка дров на пароходы тоже составляет заработок заботливым казакам. Но все эти ничтожные барыши скоро поглощаются купцами, или вернее барышниками, развозящими свои товары (одежду, обувь, домашний скраб и преимущественно спиртные напитки) по Уссури во всякое время года и берущих в особенности зимою с казаков тройные цены против николаевских. Лесной промысел мог бы составить значительную поддержку для Уссурийских казаков, тем более, что теперь они имеют достаточное количество лошадей и быков для перевозки леса до сплавных мест и хорошо успели ознакомиться с лесными богатствами края. Для Николаевского порта всегда есть потребность в поделочном листовом лесе: дубовом, ильмовом, ясневом, ореховом, кленовом, акациевом и т. п., которого такое изобилие по Уссури. В таком же лесе нуждается николаевское городское население, и такой лес может быть с большою выгодною возим частными промышленниками за границу. Развить лесную промышленность между Уссурийским населением составляет вопрос первой важности относительно улучшения их быта. Распространение между ними земледельческих орудий и устройство одной или нескольких образцовых ферм много содействовало бы успехам земледелия. Наконец, поселение между станицами казачьими добровольных переселенцев из средней и южной России и при том достаточных хозяев с обильными запасами по всем отраслям хозяйства, чрез возбуждения соревнования в уссурийских казаках, могло бы сделать из Уссурийской долины настоящую житницу всего Приамурского края.

Опыт научил нас тому, что переселение в неведомую и мало обитаемую страну сопряжено с большими трудностями, которых заранее вполне нельзя было предугадать, ни отвратить вполне впоследствии; поэтому, руководясь этими неудачными опытами первых в этом крае переселений, можно извлечь несколько правил для руководства при дальнейшей колонизации края, именно:

1) Следует всегда предпочитать добровольных переселенцев тем, которые идут на переселение невольно по принуждению, от правительства, или от своих крестьянских обществ;

2) Не заселять край более лицами штрафованными, которых и без того в крае слишком много, едва ли не более, чем лиц одобрительного поведения;

3) Следует заселять новые места исподволь небольшими колониями, как бы для пробы, и потом усиливать колонизацию на местах, которые на опыте окажутся более успешными для земледелия, и которые менее подвержены вредным климатическим и вообще местным влияниям;

4) Следует как можно осторожнее удалять колонии от центров хранения хлебных запасов, дабы не подвергать на первое время колонистов бедствиям и лишениям, так вредно действующим иногда на целое поколение переселенцев.

Затем приступлю к описанию лесов в Уссурийской долине, начиная от ее устья, и предварительно опишу берега протоки Амурской между устьем Уссури и селом Хабаровкою, так как в просторечии устье Уссури полагается в Хабаровке, куда доходит мутная Уссурийская вода, резко отличаясь от вод Амурских синих.

Весь берег Амурской протоки до ст. Казакевича – гористый, занятый крутыми и пологими склонами хребта Хехцир, составляющего отдельную группу гор, простирающуюся от ст. Невельского до озера Синда (Члиба) ниже селения Вятского. Хребет этот иногда пологими скатами, иногда обрывисто спускается почти к самому берегу Амура и Амурской протоки, оставляя лишь узкую полосу сенокосного луга, иногда весьма топкого. Другую своею стороною хребет Хехцир примыкает к обширной равнине устья р. Пор (Хоро), или Быстрой речки. По всему хребту Хехцир встречается лес смешанный хвойно-лиственный и лиственно-хвойный, содержащий в смеси почти все породы деревьев и кустарников, попадающихся во всем крае, так что хребет Хехцир может быть представителем растительности как северной полосы края (Амурской), так и южной (Зауссурийской). Определить пропорцию смешения этих пород на глазомер невозможно даже и приблизительно. Преобладающею пороною в хвойно-лиственных лесах почти всегда является ель, за нею всегда сопутствует пихта, потом кедр; лиственница встречается редко и в высоких пунктах хребта; можжевельник довольно обыкновенный; сосна и тис встречаются, по слухам, как исключения в самых высоких местах. Из лиственных пород еще труднее назвать преобладающую. Тут можно встретить клены, березы, дуб, ильмы, ясень, ореховое дерево, осину, тополь (по островам и в речных лощинах), акацию Маака довольно крупных размеров, деревом до 4 саж. длины при 3–4 вер. в верхнем отрубе, пробковое дерево тех же размеров, яблонь, грушу, черешни, рябину, панакс, элейтерококкус, аралию, диморфантус, боярку, сирень, дерен, лещину, виноград и много других.

Весь этот лес может доставить материал строевой, поделочный и дровяной и в горах он еще довольно густого насаждения, но близь Хабаровки и станиц Казакевича и Корсакова лес сильно истреблен усиленными вырубками, как для местных потребностей, так и для продажи вниз и вверх по Амуру.

Станица Казакевича. От ст. Казакевичевой до Хабаровки расстояние 38 вер. водою, а сухим путем по проложенной дороге в 40 вер. Выше ст. Казакевичевой еще довольно много густого хвойно-лиственного строевого, дровяного и поделочного леса, где преобладает в смеси ель. Потом попадают лиственно-хвойные леса, иногда куртины с изобильным кедровником по берегу, с густым хвойно-лиственным насаждением на вершинах гор. Потом по берегу на 6-й версте идет дубняк довольно мелкий, а другие породы попадают лишь очень редко, и почва здесь вся усеяна камнями, а подле дороги крутой утес частью обнаженный, частью поросший тоже мелким дровяным дубняком. С половины дороги (10-й версты) лес смешанный, внизу горы лиственно-хвойный, вверху хвойно-лиственный всех возможных древесных пород и на горе очень много крупного кедра и изредка лиственницы. Вообще лес строевой, поделочный и дровяной здесь в изобилии.

Ст. Чирная и Невельская. За заливом р. Чирной, чрез который в малую воду ходят вброд, а в большую переплавляются на лодках до обеих станиц Невельской и Чирной, начинается обширный кочковатый, заросший тальником и березовым ерником, луг, затопляемый в большую воду и неудобный для возделывания под пашни, а только для сплава. Станицы Невельская и Чирная стоят на оазисах довольно возвышенных над общим уровнем болотной тундры и безопасной от наводнения, хотя иногда вода подступает к ним очень близко. Пашни казаки имели (в 1860 году) за рекою на китайском берегу Уссури очень удобные с богатою землею и не затопляемые, кроме как в очень большую воду (1861 г.), но это было им запрещено. Для огородов около дома земли достаточно и огороды растут успешно, как и везде по Уссури.

Расстояние до ст. Чирной (у Гольдской дер. Дзаодза) от ст. Казакевичевой 12 вер., а ст. Невельская от нее на 3 вер. выше. От ст. Невельской до устья р. Пор (Хоро) все луговые места безлесные по обоим берегам Уссури. Характер этих мест степной, но большая часть степи низменна и кочковата, обильна озерами, болотиста, и только малая часть ее лежит оазисами выше общего уровня. Вся эта местность затопляется в очень высокую воду и представляет чрез это местность к заселению оседлому неудобную, хотя в обыкновенные года здесь земля очень хороша, с примесью чернозема, суглинистая, сероватая и обещает обильные урожаи. На этом пространстве поселены станицы Дьяченко, Киселева и Трехсвятительская.

Станицы Дьяченко, Киселева и Трехсвятительская. Расстояние между ними по воде 13, 11 и 12 вер., а сухопутно 12, 11 и 10 вер. Станицы и их пашни лежат на довольно высоких местах, но в большую воду их чуть не затопило. Луга окаймлены к стороне материка лесами, состоящими из смеси лиственных пород, тех же что и на хребте Хехцир, только здесь преобладают в смеси осина, белая и черная березы и дубняк, больше дровяной. Здесь изобилие в осиновом строевом лесе, по легкости охотно употребляемом казаками на постройки. Хвойного леса здесь мало заметно, за исключением островков с крупною и среднею высокою и прямоствольною лиственницею ближе к берегам р. Пор. Вывозка этого лиственничного леса зимою не представляет затруднения, но до глубокого снега невозможна, так как эти островки лиственницы окружены кочковатою тундрою, почти непроходимую даже в сухое время года. От ст. Трехсвятительской до устья Пора 10 вер. и места луговые чистые, либо заросшие тальником, березником, ольхою, дубняком, осинником, вообще лесом мелким дровяным.

Между ст. Дьяченко и Киселева в Уссури впадала незначительная р. Кий (Кин), впрочем, довольно глубокая и имеющая течение, по словам туземцев, около 200 верст.

Кроме р. Кий, речек в Уссури до р. Пора нет, но много заливов из озер и глухих протоков, пересыхающих только в очень сухие года к осени.

Река Пор (Хоро) или Быстрая речка. Река Пор (Хоро), или, по названию русских, Быстрая речка, впадает в Уссури в 61 верст, от ее устья. В малую воду видны 5 или 6 устьев р. Пор в Уссури и самое главное русло (в 1862 году) имело вид речки весьма незначительной, но замечательной своею быстротою, в чем она превосходит все быстрые реки Амурской системы. По р. Пор, которого долина очень широка в устье, или вернее представляет обширную безгорную степь, около 60 верст в ширину и столько же в длину, очень немногие поднимались вверх

по причине ее быстрого течения. Немногие, бывшие на р. Пор, сообщали сведения, что Пор течет по сплошь лесной равнине лиственного леса с куртинами лиственницы и кедра, что русло его очень извилисто; первое поселение китайское находится от устья в 60 верстах, что оттуда уже близко видны горы, составляются оконечность хребтов, окаймляющих верхнюю часть его долины, что в горах этих в довольно изобильном количестве попадает сосновый лес крупных размеров. Нахождение соснового леса по Пору не составляет большой находки для края, так как сплав его по быстрой реке представляет большие затруднения, а лес, приплавляемый с верховьев Пора, доходит к устью в жалких обломках и корягах, застревая по пути и засоряя его русло, едва ли доступное чрез то летним путем. Если бы этот сосновый лес был найден в верхних рассошинах источников Пора и Кия по соседству с Амуром (селением Сарапульским) и предстояла туда вывозка леса сухопутно вер. на 25, то это было бы при увеличении на Амуре количества рабочего скота гораздо выгоднее, нежели сплав леса по Пору. Река Пор, по словам туземцев, до своих источников имеет протяжения около 400 верст: течение ее направляется почти с востока на запад. Немного выше Пора (на 3 вер.) в Усури впадала незначительная р. Сим (Хим), с очень извилистым руслом и довольно мелкая в малую воду; течение ее направляется с юго-востока на северо-запад и составляет протяжение, по словам туземцев, около 200 верст, как и р. Кий.

Станица Кукеля. От устья р. Пора до ст. Кукеля 9 вер., и местность луговая, отчасти кочковатая в углу между реками Усури и Пора; а дальше от берега лес смешанный лиственный с преобладанием осинового строевого леса.

Против ст. Кукеля начались низменные и весьма пологие горы, идущие от Усури в расстоянии 2–5 вер. и только у станицы Будогосского подходящие к самому берегу реки. Возвышенности эти кажутся издали горами, но собственно состоят из холмистой почти ровной степи, возвышенной над общим уровнем и постепенно переходящей в настоящий хребет.

Станица Будогосского. От станицы Кукеля до станицы Будогосского лес смешанный лиственный тянется по самому берегу реки, оставляя на второй половине пути узкую полосу сенокосов обеих станиц. В смеси леса преобладает осина и береза белая и черная. Лес дровяной строевой и поделочный. Здесь встречаются и другие лиственные породы леса, но не хвойные; вообще же поделочного леса довольно мало. Расстояние от ст. Кукеля до ст. Будогосской 18 вер. водою и столько же сухопутно.

Станица Венюкова. От ст. Будогосского до ст. Венюкова горы тоже пологие, частью далее отходят от берега, частью тянутся пологими скатами по самому берегу Усури. Вдоль берега частью (на 7 в.) узкая полоса сенокосов, и среди них пашни ст. Будогосского. Лес по всему берегу смешанный лиственный: белая и черная береза, осина, дуб, клены, липа, ясень, ильм, акация Маака, пробковое дерево, виноград и орешник, и др. отчасти строевой и поделочный, а местами очень мелкий дровяной, почти кустарный. Почва земли здесь суглинистая, серая, довольно твердая и мало чернозему, притом довольно трудна для обработки. Расстояние от ст. Будогосского до ст. Венюкова водою 22, а сухопутно 25 верст.

Близь ст. Венюкова есть в изобилии хвойный строевой лес, еловый и пихтовый с примесью кедра, на пологих скатах гор вер. в 2 от станицы.

В 1^{1/2} вер. от станицы вверх по реке, в Уссури впала маленькая и мелкая речка Да-Ауа, вытекающая из смежных пологих гор. Потом за второй речкой Ауа вер. на 3 узкая полоса возле реки Уссури – казачьи сенокосы кочковатые. На остальном пространстве лес тянется по самому берегу реки смешанный лиственных пород, состоящий из осины, ясня, клена, берез, липы, орехового дерева, ильма и разнообразных кустарных пород, в том числе лещины и винограда.

Станица Кедровая. Ближе к прежней станице Кедровой в примеси попадает кедр некрупным строевым деревом, но дальше на пологих горах, отстоящих от Уссурийского берега на 1–2 вер., кедровый лес находится в изобилии и довольно крупных размеров. Прежняя ст. Кедровая стояла на довольно низком берегу Уссури, но после наводнения 1861 г., залившего до половины казачьи дома, казаки перебрались на 4 версты выше, где берег выше, хотя место такое же луговое, и там поселились.

У старой станицы протекает маленькая р. Кэчи. От ст. Венюкова до новой ст. Кедровой расстояние водою 17 верст и сухопутно тоже 17 верст.

Между ст. Венюкова и ст. Кедровой два китайских поселенца занимаются огородничеством. Между старой и новою станицею тянется неширокою полосою луговое кочковатое безлесное пространство, а леса удалены от берега вер. на 2. Но в 1-й версте за новою станицею лес опять потянулся по самому берегу и состоит из клена, белой березы, осины, липы, дуба и черной березы и изредка ясня, ильма и ореха и разнообразного кустарника. Затем в Уссури впади три незначительные речки, из которых последняя несколько больше других (на 7 верст), а потом горы подошли к самому берегу Уссури, куда спускаются более или менее крутыми каменистыми утесами. На горах лес больше дубовый и черноберезовый, а также липовый, белоберезовый и осиновый и других пород, дровяной, поделочный и строевой лиственный; по кручам гор он совершенно мелкий, почти кустарный. Горы состоят из глинистого и аспидного сланца темно-бурого цвета.

Стан. Шереметева расположена на площадке в полугоре на высоком месте и в красивом местоположении. Пашни ее разработаны в пологих скатах гор вер. в 2–3 от станицы, имеют земли плодородные и всегда приносили хороший урожай. Эта станица заселена казаками, спустившимися сюда из верхних станиц Верхне-Никольской и Верхне-Михайловской в голодный год весною 1860 года.

Подле станицы дом китайца, занимающегося огородничеством.

От станицы Шереметевой до ст. Кедровой расстояние водою 15 верст и сухопутно тоже 15 верст.

От ст. Шереметевой дорога идет через не очень крутую гору, спускающуюся к Уссури у протоки почти отвесным утесом. Лес на горе смешанный лиственный тех же пород: между ним попадает поделочных размеров и достоинства доброкачественная – ясень, клены и ильм. Далее залив р. Тапхоуза-Кэчи переезжают и переходят в малую воду, а в большую сухопутное сообщение прекращается. За речкою между горами и Уссурийскою протокою обширный луг низменный, кочковатый, отчасти поросший кустарником тальника и вербами, также как и Уссурийские острова между протоками. По лугу идет высокая гряда сухого места, заросшая осинником, березником и отчасти кленом, ильмом и дубом поделочных размеров и качеств. Горы с лесом смешанным лиственных пород отошли далеко даже от сухопутной дороги. На них видны те же породы леса, какие обыкновенно встречаются по Уссури. Отдаление этих гор с очень пологими скатами

от воды уменьшает их важность. Этот хребет гор опять выходит на Уссури у станции Видной.

Станица Видная. На этой пологой горе почва земли суглинистая с черноземом, довольно плодородная, но трудная для обработки от засорения травами и кустарником. Лес здесь больше березовый и осиновый, довольно густой, но некрупный – дровяной и строевой. От ст. Шереметевой до станицы Видной расстояние водою 23 в., а сухопутно 25 верст.

Река Нор. Между станицами Уссури отделяет две длинные, извилистые, но мелкие протоки, а по главному руслу на половине этого расстояния между станицами впала в Уссури с левой стороны значительная р. Нор тремя глубокими устьями, ниже их лежит гольдская деревня Норо-Гитху. Река вытекает из Манчжурского высокого хребта Кентэй-Алинь, протекает около 200 вер. по гористой стране, а ближе к устью по обширной луговой степи, подверженной затоплению в большую воду. Говорят, что от устья р. Нор у гольдов есть сухопутное сообщение с устьем р. Сунгари в Амур по долинам между гор и чрез пологие в этом месте скаты хребта Кентэй-Алинь, и говорят, что по этому направлению в сухой год возможно сообщение на колесах. Если это справедливо, то весьма облегчило бы наше сообщение с Уссури, напр. при прогоне скота тем, что сократило бы расстояние по крайней мере на 300 верст; по этому направлению можно было бы устроить и почтовое сообщение, тем более, что расстояние от устья р. Нор до устья Сунгари не превышает 100 с небольшим верст.

От станицы Видной до станицы Лончаковой берег Уссури луговой, но довольно высокий над уровнем воды. Места больше безлесные и по большей части кочковатые, потопляемые в большую воду с небольшими изредка куртинами и островками леса по высоким местам и грядам. Пашни той и другой станицы имеют землю сероватую супесчаную с большим количеством чернозема на большей глубине, легкую для обработки; урожаи были хорошие. Породы леса: дуб, белая и черная березы и осина, другие породы редки; лес довольно редкий прутняковый, а вдоль по р. Абдери (за 4 вер. от ст. Лончаковой) дровяной, поделочный и строевой лиственный лес разных пород, довольно густого насаждения. Тут, против самой станицы, стоящей на высоком незатопляемом берегу, горы низкие и пологие окаймляют долину р. Сипку, впадающей в Уссури близ самой станицы и протекающей по довольно обширной болотистой и кочковатой долине. Речки Сипку и Абдери обе незначительны, протяжения имеют в несколько десятков верст извилистого течения, в малую воду мелки, а в наводнения разливаются по всей долине, и течение их довольно тихое.

От ст. Видной до ст. Лончаковой расстояние водою 15 вер. и сухопутно тоже 15 вер.

Далее берег на 2 вер. луговой безлесный и кочковатый, по которому казачий сенокос, а далее 1 вер. лиственным лесом, потом вдоль крутых утесов у самого берега Уссури берег каменистый тянется на 6 верст, далее опять кочковатые луга с болотами, озерами и заливами, а горы удаляются от берега версты на 3 и более. По мокрым лугам этим попадает только кустарный тальник и изредка березник и осинник, редко достигающий мелких строевых размеров (не выше 4 саж. и 4 вер. в верхнем отрубе). На горах лес крупнее и кроме березника и осинника состоит из дубового, большею частью плохого качества, годного на дрова и редко

поделочных размеров, кленового, липового, ясеневое и орехового леса – размеров поделочного леса.

Станица Рождественская. От станицы Лончаковой до станицы Рождественской расстояние водою 18 вер., а сухопутно более 20 верст.

Ст. Рождественская стоит на луговом месте не слишком высоко над уровнем воды и в большую воду заливается до самых домов, так что казаки в это время из дома в дом отправляются на лодках по улицам, превращенным в реку. Земли здесь очень плодородные, обильные черноземом, пашни расположены на пологих склонах гор, на местах, безопасных от наводнений.

От ст. Рождественской до самого устья Бикина горы почти вплоть спускаются к берегу Уссури большею частью крутыми утесами, состоящими из глинистого сланца и твердых песчаников темных цветов. Лес, на горах смешанный лиственный, местами довольно густого насаждения, дровяной поделочный и строевой средних и крупных размеров, с редкою примесью кедра, ели, пихты средних строевых размеров. Преобладающие породы в насаждении этих гор: осина, березы и дуб, а в редкой примеси попадают липа, клены, ясень, ильм и ореховое дерево, также акация и пробковое дерево. На крутых и очень каменистых скатах гор, попадающихся с берегу местами, растет лишь скудный дубняк и черноперегородник очень мелкий дровяной и прутяковый, иногда же части их представляют обнаженные от растительности камни и гольцы.

Устье Бикина представляет неширокую луговую затопляемую долину, большею частью кочковатую, с редкими рядами более высоких незатопляемых мест.

Река Бики (Бикин). Бики или Бикин глубок, недоступен для брода и довольно быстр даже на устье, где вода его цветом и быстротою отличаются от вод уссурийских. Он впал в Уссури одним широким (саж. до 80) устьем, отделяя лишь одну мелкую протоку у самых гор. Между Уссури и Бикином идет в устье последний узкий мысок лугового кочковатого пространства, поросшего тальником, а к стороне Уссури на этом лугу 4 вер. выше устья была поселена станица Покровская, которая в 1861 году была затоплена водою, и потому перенесена еще на 2 вер. выше на берег более высокий и непоемный. Но и здесь вся луговая долина кругом станицы затопляется в большую воду, потому казаки пашни свои перенесли на р. Бики в 7 вер. от его устья и просились туда переселиться, но это им, кажется, не разрешено еще.

Станица Покровская. От станицы Рождественской до ст. Покровской (новой) расстояние водою 28 вер. и столько же сухопутно.

На китайском берегу в этом месте живут несколько гольдских деревень и один китаец, занимающийся огородничеством.

Дальше по берегу Уссури все луга низменные, кочковатые и безлесные, с частыми озерами, заливами и болотами, тянутся вер. на 14, а далее к берегу подошли вплоть горы хребта, окаймляющего Бикинскую долину. Не вся Бикинская долина в этом месте безлесна; линия лесов все время с берегу в виду. Леса в Бикинской долине смешанные лиственные с хвойными тех же, как и обыкновенно, лесных пород, только в горах чаще попадают хвойные породы, в особенности кедр хорошим строевым деревом средних размеров, а также ель и пихта. В долине эти породы леса – кедр, ель и пихта – попадают только в редкой примеси и притом мелких размеров (бревнами до 5 саж. и 4 вер. в верхнем отрубе).

Дальше, там, где горы пологими скатами спускаются к самому берегу Уссури, кедровый и еловый лес встречаются чаще близь самого берега, но не крупные. Дальше в горах хвойного строевого леса очень много.

На 7-й версте пути вдоль гор, на повороте хребта от берега Уссури к материку, устроена станица Зарубина, выселенная из следующей Луговой станицы. Место здесь очень хорошее, безопасное от наводнений и с плодородною черноземною почвою, но под пашни приходится частью расчищать лес. До этой станицы от Покровской расстояние водою и берегом 20 верст.

Ст. Луговая. До ст. Луговой тянутся кочковатые, низменные затопляемые полою водою луга, всегда перерезанные заливами и наполненные озерками и болотинами. Минуя дом китайца, среди луга находится небольшая отдельная крутая горка с дровяным дубовым и черноберезовым лесом, и по лугам попадаете только тальник, редко березник, или осинник. За горкой в Уссури впадает маленькая речка, переходимая вброд в малую воду, а там опять луга с кустарником до самой станицы. Земля здесь плодородна, но в большую воду затоплялись луговые казачьи пашни, поэтому они разработали пашни на пологих горах, отстоящих от станицы вер. на $1\frac{1}{2}$ –2. Лес по горам и в долине обыкновенно смешанный лиственных пород, с преобладанием осины, березы или дуба – дровяной, строевой и поделочный довольно густого насаждения.

Станица Луговая стоит на довольно высоком безопасном от наводнения берегу, весьма близко от пологого ската горы с лесом.

Дальше, до станицы Верхне-Михайловской, горы правого берега Уссури идут близко от берега, иногда спускаясь к нему крутыми утесами, иногда пологими скатами, перерезаны тремя узкими лощинами речек Харкули, Хофеля и Дзионза, по величине и глубине очень незначительных, а далее по Уссури, против устья р. Доман (с китайской стороны), горы удаляются от берега Уссури, образуя кочковатый, болотистый, изобилующий озерами и заливами луг десятин в 200. Лес на горах довольно крупный смешанный и лиственных пород, весьма разнообразный. Здесь встречаются почти все породы лесов и кустарников лиственных, но многие в весьма редких экземплярах. К станице Луговой в смеси преобладает березняк и осинник, к станице Верхне-Никольской преобладает дуб, довольно часто поделочных размеров и доброкачественный, у гольдской деревни Дзионза преобладает высокий строевой осинник; в горах Хофеля и по р. Хофеля много ясеня, ильма и орехового дерева. Вообще здесь лес довольно густого насаждения – поделочный, строевой и дровяной.

Ст. Нижне-Никольская. От ст. Луговой до ст. Нижне-Никольской расстояние водою 14 верст, а сухопутно 10 верст.

Ст. Нижне-Никольская расположена на высоком месте в полугоре и в довольно красивом местоположении. Станица эта поселена весною 1860 года, после голодного года, из казаков, спустившегося сюда из станиц Буссе, Верхне-Михайловской и Верхне-Никольской. От станицы Нижне-Никольской до станицы Нижне-Михайловской горы идут по самому берегу Уссури очень крутыми почти отвесными утесами, подле которых даже в малую воду путь очень трудный, а в большую вовсе пройти нельзя. Поэтому казаки проложили путь между станицами через хребет, причем подъем на горы и спуск с них вовсе не круты, а расстояние не более 6 вер., как и водным путем. Горы эти к стороне Уссури по кручам и гольцам или вовсе обнажены, или покрыты дрянным и мелким дровяным

дубовым и чернопереберовым лесом; а далее от берегов в горах растёт поделочный, дровяной и строевой смешанный лиственный лес довольно густого насаждения, состоящий из дуба, осины, черной и белой березы, ясеня, клена, липы, ильма, акации, пробкового дерева и разнообразных кустарников. На кручах гор тоже мелкий дубняк и чернопереберник.

Станица Нижне-Михайловская. Станица Нижне-Михайловская стоит на ровном, но довольно высоком берегу и не подвержена затоплению, пашни ее расположены на пологих склонах гор вдоль пади, идущей ниже станицы между горами. Земля здесь плодородная, обильна черноземом и легкая для обработки.

Станицы – бывшие Ларионовская и Крутобереговая, а ныне оставленные. Следующие, прежде поселенные, станицы Ларионовская и Крутобереговая были расположены на ровном и низменном берегу, а потому подвергались наводнению в 1861 году, казаки же из этих станиц частью сплыли вниз в ст. Нижне-Михайловскую, частью поднялись вверх в станицы: Чупрову и Красную Горку. Горы главного Уссурийского – Бикинского хребта (Сумур) здесь удалились на значительное расстояние от Уссури, иногда более 15 верст, подходя близко к Ларионовской станице (на 3 вер.), и потом опять удаляются и идут параллельно с Уссури в расстоянии от нее 15 и более верст, и так доходят до долины реки Има, поворачивая здесь на восток. На всем этом хребте Сумур виден лес смешанный, более или менее из обыкновенных по Уссури пород леса лиственных, и изобилующий материалом дровяным, поделочным и строевым. Горы эти имеют покато-сти весьма слабые, хотя издали кажутся крутыми, как сообщено о том местными жителями, ходившими туда на соболиный и вообще звериный промысел.

Вся обширная долина Уссурийская в этом месте состоит преимущественно из лугов кочковатых, полных озер и болот и перерезанных частыми заливами и ложбинами стоячей воды. По лугам попадают леса, которых контуры глазомерно очерчены на карте. Кроме того в нескольких местах этого пространства попадают отдельные небольшие пологие горки и хребты, или лучше холмистые цепи, так наприм.: горы Цыфеку между гольдскими деревнями Чуйбаху и Цыфеку, лежащими на берегу Уссури; горка близ станицы Ларионовской каменная и бесплодная, холмистая цепь очень пологая близ залива Бульди, который шириною равен Уссури, но мелкий и в сухое время вовсе пересыхает; холмистая цепь близ станицы Чупровой, высокая каменная гора недалеко от этой цепи, отдельная горка ниже устья реки Има на 4 вер. по берегу Уссури. Все эти горки и холмистые цепи покрыты лесом лиственных разных пород, дровяным, строевым и поделочным, довольно густого насаждения, в котором преобладают либо осина, либо дуб, а в примеси попадают все лиственные породы леса и разнообразные кустарные породы, из коих преобладают леспедеца, панакс, жимолости, лещина и виноград. Расстояние от станицы Нижне-Никольской до ст. Чупровой составляет водою 72 версты, именно: до ст. Ларионовской 29 вер.; до ст. Крутоберегой 23 версты и до станицы Чупровой 20 верст; сухопутное сообщение здесь вовсе прекращается в большую и среднюю воду, по причине низменного местоположения, а в сухое время тоже составляет около 70 верст (23+25+22 вер.)

Телеграфную просеку для безопасности от наводнений предположено провести горами, начиная от Нижне-Никольской станицы до долины р. Има.

Речка Цыфеку или Черная. На всем этом протяжении в Уссури с правой стороны впадала одна р. Цыфеку (Черная по русскому названию, по цвету ее воды). Длина ее течения, очень извилистого, составляет в прямом направлении не более 20 верст. В малую воду ее легко перейти вброд, но в большую воду вся обширная долина Уссури от гор до гор бывает покрыта водою. Р. Цыфеку, вытекая из хребта Сумур, отделяющего воды Бикина от вод Уссурийских, впадает в Уссури близ Гольдской дер. Цыфеку у подножия хребта того же имени.

С правой стороны в Уссури впадают: р. р. Мокан, Дускали и Абки, незначительные луговые речки, берущие начало из недалекого от берегов Уссури хребта и впадающие в Уссури: Мокан – выше бывшей ст. Ларионовской, Дускали и Абки – выше бывшей ст. Крутобереговой. Между речками Дускали и Мокан лежат две отдельные невысокие горки, носящие название Дуз-Хелэ. Речка Сихулин значительнее предыдущих, вытекая из большого хребта Кентэй-Алинь, вливает свои воды тремя устьями на несколько верст выше р. Абки; в верхнем течении ее, она течет в горных лощинах, а с устья горы видны в расстоянии 5–10 верст.

Станица Чупрова. От ст. Чупровой, расположенной на пологом откосе горы из отдельной холмистой цепи, в месте, безопасном от наводнения, до станицы, названной Красною Горкою, местность луговая низменная, за исключением небольшой отдельной горки на берегу Уссури. На горке этой, а также островками в долине, попадает лес смешанный лиственный, с попеременным преобладанием дровяной и строевой осины, либо дровяного и поделочного дуба, в смеси; попадает и других пород смешанный лиственный лес довольно редкого насаждения дровяного, строевого и поделочного материала. Близ ст. Чупровой много хорошего дуба и здоровой осины, которого часть уже вырублена казаками.

Ст. Красная Горка. Расстояние от ст. Чупровой водою до устья Има 9 вер. и отсюда до ст. Красной Горки 5 вер., а сухопутная дорога к переправе чрез быструю и глубокую р. Има в 4 вер. от ее устья по луговой долине и перелескам на расстоянии 15 вер., от переправы до ст. Красной Горки 8 вер.

Гора, называемая Красною Горкою, от красного цвета глинистого сланца, из которого она состоит, есть северная оконечность хребта невысоких пологих гор, отделяющих воды Уссури от вод, протекающих к р. Ваку, притоку р. Има. В Красногорских горах и вообще в окрестностях р. Има заметно присутствие беловатого камня, состоящего из породы известняка и способного к обжиганию из него извести.

Станицы Красногорская, Ильинская, Верхне-Никольская, Верхне-Михайловская и Буссе. Хребет гор, отделяющий систему Ваку от Уссурийского русла, простирается далее к юго-западу вдоль течения р. Ваку, не имея вовсе высоких пунктов, а, напротив, состоя из ровных пологих и невысоких возвышенностей, поросших смешанным лиственным лесом, отделяет от себя еще низкие и еще более пологие холмистые цепи по направлению к Уссури, идущие параллельными рядами и оканчивающиеся за 2–5 верст до русла р. Уссури. По всем этим холмистым цепям лес смешанный лиственный, довольно редкого насаждения дровяной, поделочный и строевой или дровяной, строевой и поделочный, смотря по преобладанию в смеси дуба или осины. Дуб здесь достигает размеров бревна 2–4 саж. при 3–7 вершк. в верхнем отрубе, осина 4–7 саж. при 5–6 вершк. в верхнем отрубе; редко размеры леса бывают крупнее этих. Кроме этих пород в смеси попадают: черная и белая береза, липа, клены, ильмы, акация, ясень, ореховое

дерево, яблонь, черемха, груша, черешня Амурская, пробковое дерево и густой разнообразный кустарник всех пород.

Такова местность до ст. Верне-Михайловской. Уссури течение здесь имеет довольно тихое, значительно тише, нежели ниже впадения быстрой р. Има; луговые места состоят из мест кочковатых и поемных и очень редко способных для разделки под пашни, что доказывает опыт прежних лет, так как, несмотря на большую плодородность почвы, пашни страдали ежегодно от низменного своего положения среди лугов и были затопляемы. Гораздо удобнее пашни по склонам пологих гор, где есть отчасти места, расчищенные от леса самою природою, а другие места требуют только легкой расчистки от редкого леса и кустарника. Такие места по южным склонам казаки очень уважают, охотно распахивают и зовут солнопеками. Среди лугов попадаются куртины, островки и перелески (с чистыми прогалинами) разных пород лиственного леса дровяного, строевого и поделочного достоинства, преимущественно дуба, черной березы и осины с переменным их преобладанием.

С правой стороны в Уссури впадают две незначительные речки: одна несколько выше станицы Ильинской, другая ниже станицы Верхне-Никольской; обе вытекают из цепи невысоких гор, идущих вдоль р. Ваку, и обе доступны для брода в малую воду, даже иногда почти пересыхают, напр. в 1862 году осенью; но в большую воду они сливаются с водами всей Уссурийской долины.

С левой стороны Уссури принимает довольно значительную р. Моле (по-китайски), или Море (по-манчжурски), или Мурень (по-монгольски). Эта речка вытекает из хребта Кентэй-Алинь, протекает по обширной луговой степи к северу от озера Ханка и вливается в Уссури тремя руслами, из которых левое называется Параскему и находится близ ст. Ильинской (в 3 вер. ниже ее), среднее называется Сеуля и находится близ ст. Верхне-Никольской (на 2 вер. выше ее) и, наконец, третье устье есть незначительная мелкая проточка, отделившаяся от глубокого правого русла. Все протяжение ее течения составляет в прямом направлении ее долины около 300 вер., а источник ее находится близко от источника р. Малого Суйфуна, и в верхнем течении р. Море имеет вид быстрого горного потока. По долине р. Море китайскими поселенцами Уссури проложены два важные для них торговые пути в Манчжурию, которыми и русские впоследствии времени могут воспользоваться: один идет от среднего течения р. Море через хребет Кентей-Алинь и потом по долинам речек Курэн и Бокэн к торговому и главному городу Манчжурской провинции Сань-Синь-Чен, другой путь идет чрез вершины р. Море, р. Малый Суйфун и Большой Суйфун к важному торговому пункту – городу Нингута.

Станица Красноярская стоит на высоком берегу Уссури и до сих пор затопляема не была; но высота воды в Уссури изменяется так необыкновенно, что нельзя ручаться, чтобы и эта станица не была когда-нибудь затоплена. Прибыль воды до сих пор обнаруживалась более чем на 5 сажень выше против низкого стояния их в засуху, или при убыли воды осенью.

Расстояние от ст. Красной Горки до ст. Красноярской составляет водою 16 вер., а сухопутно 11 верст.

От ст. Красноярской до ст. Ильинской, расположенной на высокой горе, расстояние водою 12 вер., а сухопутно 8 верст.

От ст. Ильинской до ст. Верхне-Никольской, стоящей хотя на высоком берегу, но в 1861 году затопленной до самой улицы селения, расстояние водою 33 версты, а сухопутно 20 вер. Течение реки Уссури здесь очень извилистое; по берегам много озер, заливов и болот.

От ст. Верхне-Никольской до ст. Верхне-Михайловской, расположенной на не очень высоком берегу, отвесно падающем к реке и не затопляемому, расстояние водою 17 вер., а сухопутно 7 верст. Берег здесь также изобилует озерами, болотами и заливами и имеет низменное положение, в особенности в местах долины, прилегающих к покатым холмам, ее перерезывающим.

Такова же местность и до ст. Буссе, последнему по Уссури поселению Уссурийского пешего казачьего батальона. Станица Буссе тоже стоит на очень высоком берегу и все-таки в 1861 году вода была в казачьих огородах, лежащих немного пониже других.

Расстояние до ст. Буссе от ст. Верхне-Михайловской составляет водою 10 верст, а сухопутно 7 верст. Все эти верхние станицы заключают по числу душ около третьей части всего населения Уссури и потому, удаленные от всех хлебных запасов, в 1860 году терпели недостаток в пище в первый год после своего поселения, а от неудачи в земледелии, вследствие то потопления водою, то засухи, то недостатка хлебных семян, и до сего времени почти ежегодно терпят недостаток в пище.

К счастью, река Уссури, а в особенности малые речки, изобилуют всякою (больше мелкою) рыбою, которую казаки ловят почти круглый год и весьма охотно употребляют в пищу. В лесах здешних водится много дичи, медведей, кабанов, козуль, оленей (изюбров), лосей (сохатых) и т. п., которую бьют очень немногие из казаков – охотники-зверовщики, на их языке. Остальные, по непривычке к этому промыслу и недостатку в порохе и свинце, лишены и этого провианта.

Устье рек Дам и Сунгача. Таковой же характер имеет местность выше ст. Буссе до устья рек Дам (с правой) и Сунгача (с левой стороны). С обеих сторон Уссури – с левой от устья правого рукава р. Море, а с правой от ст. Верхне-Михайловской – началась обширная и по большей части безлесная степь, простирающаяся довольно далеко на запад до гор у поста Турий Рог на озере Ханка, на юг до пологих гор в устье реки Лефу и до источников речек большого и малого Дамаку. Так как правый берег Уссури до устья названных рек низменнее, болотистее и изобилует озерами и топкими заливами, то дорожка к р. Сунгача и вверх по Уссури идет по более возвышенному левому берегу мимо 2-х китайских фанз, называемых Дамхо, где живут купцы, ведущие на Уссури с гольдами и русскими торговые обороты на значительные капиталы. Один из них по имени Лихуй снабжал просом казаков в голодный год, за высокую впрочем цену. Расстояние от ст. Буссе до китайских фанз Дамхо 7 вер., и от них до устья р. Сунгача 8 вер. Устье р. Дам находится ниже устья р. Сунгача на 4 вер. Контуры лесов в этом месте состоят из редин, перелесков с частыми прогалинами смешанного лиственного леса, пород – черной березы, дуба, осины, белой березы, липы, между которыми только весьма редко можно встретить единичные деревья крепких лиственных пород: ясня, клена, ильмов, ореха, акации, или фруктовые деревья: яблонь, грушу, черемху, черешню. Лес здесь дровяной, поделочный и строевой осинового средних и весьма редко крупных размеров.

Речка Дам степная, тихого течения, узка и извилиста, течет в болотах и среди низменных по большей части лугов, вытекая из хребта Иба-тунг, отделяющего воды Уссури от вод Ваку. В верховьях речки Дам по пологим склонам этого хребта казаки видели много мест, удобных для распахки, с отличною черноземною почвою и безлесных. Образчик таковых мест представляют распаханные казаками верхних станиц места вер. в 10–12 от своих станиц по склонам тех же гор.

Через р. Сунгача узкую, тихую, но глубокую, переправляются в лодках, берега ее очень вязки и топки. На правом берегу р. Сунгача китайский дом Хух-Хоуза и 2 гольдских юрты. Китаец имеет огород и занимается торговлею в небольших размерах. Выше Уссури становится значительно мельче, хотя сохраняет почти ту же ширину; но, по лишении вод, стремящихся по р. Сунгача и приливающих сюда из всех многочисленных и занимающих огромный район притоков озера Ханка, естественно, что Уссури становится рекою менее значительною, хотя она еще удобна для сплава и доступна пароходству, требующему не более 2 ф. воды.

Долина Уссури луговая и отчасти лесная. Породы лесов те же, как и ниже устья Сунгача: в полосе леса близь самого русла попадают и лучшие породы леса довольно часто, также и по частым островкам реки можно найти лес в довольном количестве и размерах поделочного и строевого. Но в долине преобладают дуб и черная береза плохого качества и роста, преимущественно годные лишь на дрова. Полоса леса близь реки имеет ширину от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вер. по обе стороны реки.

Вся долина Уссури и с лесными куртинами подвержена наводнениям, так что в 1861 году сообщение по долине было прекращено до убыли воды, что продолжалось более 3 месяцев. В сухое время года здесь удобно идти по проложенному русскими следу до устья Дауби. По этой тропе расстояние от устья Сунгача до устья р. Дауби составляет 135 вер. и столько же наберется при следовании водою по Уссури. На этом расстоянии Уссури принимает в себя следующие притоки: Кубур (35 вер. выше устья р. Сунгача), Гарма (36 вер. выше устья Кубура), Ситухэ (в 27 вер. выше устья Гарма), Сяу-Ситухэ (в 14 вер. выше р. Ситухэ) и р. Та-Ситухэ (в 11 вер. выше р. Сяу-Ситухэ) и наконец реку Дауби (в 12 вер. выше р. Та-Ситухэ).

Речки Кубур, Гарма, Ситухэ и Сяу-Ситухэ суть горные быстрые потоки, вытекающие из соседнего хребта Иба-Тунг, который в верховьях р. Кубур имеет одну только высокую гору, далеко выдающуюся над общим уровнем хребта и далеко видную с Уссури, как бы отдельною горою. На этой горе, по словам очевидцев гольдов и русских, растет между прочим хвойный строевой лес кедровый, еловый и даже лиственничный и водится много диких зверей; гольды ходят туда за соболем.

Значительнее прочих притоков р. Та-Ситухэ, которая, по словам гольдов, имеет течение от источников на протяжении 200 вер. (10 дней ходу) и по которой вверх много хвойных строевых лесов. Все эти пять речек впадают в Уссури правой стороны, а с левой до устья Дауби в Уссури не бежит ни одна речка, а только разбросаны по лугу озерки и заливы, в которых вода в сухое время почти пересыхает, а в большую воду вся долина сплошь заливается водою; земли здесь черные и весьма плодородные и если бы не было наводнений, то они были бы весьма удобны для значительных поселений, но повторение наводнения в 1863 году, после большого наводнения 1861 года, заставляет быть осторожными

в заселении подобных низменностей. В 1861 году фанзы на р. Та-Ситухэ и фанзы Лендофу ниже устья Дауби и многие другие, напр. на р. Наутухэ, по р. Таудышуй, были смыты водою и заставили поселенных старожилов китайцев вытерпеть многие бедствия и потери.

Чем выше по Уссури, тем гуще, крупнее и разнообразнее надречная полоса с лесом, имеющая значительную ширину, а иногда лес с прогалинами занимает всю долину одного из берегов реки, напр. у деревни китайской Ситухэ. В этой подречной полосе можно встретить клены, ясень, ильмы, липы, ореховые и пробковые деревья, акацию, осинник, дубняк, березы, фруктовые деревья, тополь, вербу иногда очень значительных размеров, до 8 саж. в длину при 4–6 верш. в верхнем отрубе. Но хвойного леса в долине и на горах нет. Он становится заметен на горах Бын-Сунг-Сюй-Са (что по-китайски значит сосновые), в самом скудном количестве по нескольку десятков деревьев сосновых, кедровых, еловых и пихтовых среди господствующего дуба и черной березы на вершинах гор. На горах между устьями Гарма и Та-Ситухэ те же породы хвойного леса встречаются чаще и более крупных размеров, так же как и в горах между устьем р. Дауби и рекою Уссури. На этих горах, вместе с хвойными породами, встречаются и лиственные деревья крепких пород: ильм, клены, ясени, орех, акация, пробковое и достигают здесь средних поделочных размеров и даже иногда очень крупных; вообще здесь славный лес. На холмах левого берега Уссури господствует довольно плохого качества дровяной и изредка поделочный дуб и черная береза, с примесью лучших пород только местами, при том лиственных, но не хвойных.

Недалеко от устья р. Дауби, выше по ней, лежит китайская деревня Фомагу (из 5 фанз), у которой находится переправа через р. Дауби и отсюда же идет сухопутная дорога вверх по р. Дауби.

Река Дауби. Река Дауби есть самый значительный приток Уссури в верхнем ее течении. Она имеет всего протяжения от своих источников из хребта Сихотэ-Алинь около 250 верст, принимает на пути много притоков, в вершине и среднем течении довольно быстра, а при устье в Уссури имеет вид судоходной реки, которой русло шириною до 75 саж., так же как и самой Уссури. По Дауби расположены китайские поселения очень незначительные своею численностию и малолюдные. Китайцы эти занимаются огородничеством и земледелием в малом виде для себя и живут, как везде в этом крае, отшельниками без женщин. Скота у них довольно только для своих полевых работ (волы и быки), а для разъездов зимою они держат собак. Это народ очень тихий, миролюбный и гостеприимный. К русским они очень расположены.

Долина Дауби шириною не уступает Уссурийской долине ниже ее устья, и изменяется между 5 и 15 верстами в ширину. Долина вся состоит из лугов, часто болотистых, но также часто высоких и сухих, весьма пригодных для разработки под пашни. Не удалось видеть эту долину в наводнение, но судя по наводнениям в Уссурийской долине, вероятно, и здесь вода разливалась от подошвы гор одного берега до подошвы гор другого берега, по крайней мере в очень высокую воду. Это, впрочем, не должно мешать устройству здесь значительных поселений со временем, так как для оседлых поселений здесь везде найдутся удобные места на более пологих скатах гор, а по положению реки между 44 и 45 градусами широты и по уменьшению количества водных источников, по мере приближения к верховьям реки, можно с уверенностью предполагать, что вода прибылая здесь

не стоит долго и скоро убывает, следовательно, не будет так вредить пашням, как в средних частях Уссури нашим казачьим пашням. В 1860 году урожай хлебов и овощей, обыкновенно засеваемых китайцами: проса, ячменя, гречухи, кукурузы, сорго, также дынь, арбузов, бобов, картофеля, паслена и т. п., везде был очень хорош. Только отдаленность р. Дауби могла бы быть препятствием к ее заселению, если бы не было надежды устроить до ее устья по Уссури пароходное сообщение, а по Дауби судоходное для небольших легких, но много поднимающих груза, длинных лодок, на манер гольдских.

Китайцами проложена сухопутная дорога по Дауби по левому ее берегу до деревни Хонтуфанза, потом она переходит на правый берег до деревни Чужлинза, а оттуда вверх до источников идет левым берегом до источников р. Дауби.

Близь деревни Фамагу оба хребта правого и левого берега Дауби сошлись близко, образуя так называемые здесь щеки, дальше долина постепенно расширяется и самые широкие ее места в устье речки без имени, впадающей в Дауби справа ниже деревни Сятуози, и у устья тоже безыменной речки против фанзы Хонтуфанза. От деревни Фамагу, расположенной по обоим берегам небольшой речки того же имени, краем гор с смешанным лиственным лесом в обыкновенной по Уссури смеси пород, среди которых преобладающею породою является дуб. Качества леса – дровяной и поделочный, и на горных кручах прутьяковый; размеры – средние и выше по горам крупные. Ближе к фанзе Угыдинза на горах лес лучших пород: ясеня, клена, ильма, ореха, акации, липы, а также примесь, чем выше по горе, тем более значительная, кедра, ели и пихты строевых размеров средних и крупных. Дальше за фанзою Угыдинза этот хвойный лес является преобладающим в смеси, и тех же пород лес только в меньшем количестве встречается и в подречных полосах леса, как по долине р. Селенхы, так и по Дауби. Расстояние от деревни Фамагу до фанзы Угыдинза 18 вер. В фанзе Угыдинза разводится корень женьшеня из семян на особой плантации, как для продажи манчжурам, приходящим сюда нарочно для покупки этого корня, так и соседним поселенцам китайцам, очень его уважающим и ценящим высоко, но все-таки далеко ниже дикого женсеневого корня, который составляет большую местную редкость, хотя и находится только в здешнем крае. Растение женсень (*Panax Zinseng*) принадлежит семейству *Aralliaceae* и растет дико в лесу в высоких горах в густой тени маленькою травкою о 5-ти сложных листочках, с сложнозонтными цветами и красными мелкими ягодами, когда они зрелы. Его корень, листья и плод употребляются китайцами и манчжурами как лекарство, заживляющее раны и возбуждающее жизненную деятельность организма. Самое дорогое в нем это корень желтоватого цвета и тонкий (тоньше карандаша), который высушивают и готовят особым образом, здешним жителям одним известным. Густой навар этого корня дают пить больным истощением сил. Но медицина европейская отвергает целебные свойства этого корня. Растение это в плантации требует особенно тщательного ухода и сбережения от излишней солнечной жары и от излишней сырости, почему над грядами делаются навесы из полотна (дабы) и от дождей гряды закрываются досками с отверстиями для воздуха. Однако не видно у жителей особенного благосостояния от устроенной ими женсеновой плантации. Китайцы здесь живут зажиточно по-крестьянски, но не более.

После брода через р. Селенхи (в 5 вер. от ее устья), которое имеет очень быстрое течение и ширины до 30 саж., и доступна для брода только в малую воду, дорога идет по луговой долине Дауби, местом сильно кочковатым, потом подымается в горы для брода чрез небольшую речку с топкими берегами, потом после 3-верстового перехода горами опять спускается в луговую долину Дауби. В этом месте Дауби уклоняется понемногу от первоначального направления от устья прямо южного к юго-западу. На этой горе лес больше дубовый и черноперегородный, мелкий – дровяной и прутняковый, с редкою примесью других пород. На горах же на предыдущем пути виден был и лес смешанный лиственный обыкновенных твердых и мягких пород средней густоты – дровяной, строевой и поделочный лиственный. В береговой полосе виден самый разнообразный смешанный лес лиственный и хвойный поделочный, строевой и дровяной довольно густого насаждения. Луга здесь очень хорошие, кажется не поемные, с черною землею, удобные для распашки, только близь залива стоячей воды местность несколько кочковата и болотиста. От деревни Угыдинза до фанзы Сятуанза расстояние 43 версты.

Против деревни Сятуанза на обеих сторонах хребта отличный крупный смешанный лиственно-хвойный лес довольно густого насаждения, самых разнообразных пород деревьев и кустарников. Только на очень крутых скатах гор лес дрянной, дупловатый, годный лишь на дрова дубовый и черно-березовый. По речке хвойного леса в этом месте нет, а обыкновенный смешанный лиственный разнообразных пород, – дровяной и поделочный.

Близь фанзы небольшое озеро, за ним в Дауби впадала речка Сятуанза, довольно значительная и мелкая. Тут на берегу Дауби стоит отдельная невысокая, но крутая горка с дровяным лесом. Дальше путь идет кочковатою долиною Дауби, минуя еще небольшое озерко, и поднимается в гору для обхода очень болотистого берега Дауби, заросшего лесом и заваленного колодником. На горах по всему пути и на том берегу Дауби лес смешанный лиственных пород и довольно густого насаждения, строевой и дровяной, много крупного прямоствольного строевого осинника. Спустиась с гор, в долине близь берега р. Чоусунгоуз стоит фанза, носящая название речки.

Расстояние от фанзы Сятуанза до фанзы Чоусунгоуз 22 версты. Речка Чоусунгоуз довольно значительна и недоступна для брода, несмотря на малую воду.

Против фанзы Чоусунгоуз на горах правого берега Дауби виден лес смешанный, лиственно-хвойный, крупный и густой.

От фанзы Чоусунгоуз путь идет горами в обход болотистых топей в долине. На горах лес, преимущественно дубовый и черноперегородный, преимущественно дупловатый и дровяной и в малой части годный для поделки. Спустиась с гор, открывается долина р. Дабая, которой смежные горы покрыты лесом смешанным, густым, из лиственных и хвойных пород, весьма разнообразных, дровяным, строевым и поделочным. Поделочным материалом больше всего изобилуют горы левого берега р. Дабая. Через р. Дабая довольно узкую, но глубокую, переправляются на лодках из соседних на ней двух фанз, носящих название речки. Дальше, до фанзы Хонтуфанза дорога идет по отличной высокой и непоемной луговой долине с плодородною черною землею, весьма удобною для распашек. Расстояние от фанзы Чоусунгоуз до фанз Дабая 9 вер., и от фанз Дабая до фанзы Хонтуфанза 16 верст.

На горах лес дровяной, строевой и поделочный, смешанный лиственно-хвойный, довольно густого насаждения. Породы: дуб, белая и черная березы, осина, клен, липа, ясень, ильмы, орех, акация, пробковое дерево, кедр, ель, пихта, фруктовые деревья средних и крупных размеров и разнообразный кустарник. Против самой фанзы на левом берегу больше дубняк и черноберезник с примесью некоторых лиственных пород. На противоположном правом берегу реки на горах очень густой и крупный смешанный лиственно-хвойный лес – дровяной, поделочный, строевой и корабельный.

В надречной полосе леса – поделочный, строевой и дровяной лес тех же лиственных пород.

Выше есть еще фанза, называемая Туасанза на левом же берегу р. Дауби, но путь по правому берегу считается удобнее, так как на левом много озер, заливов и болот. Лес на горах левого берега дровяной, поделочный и строевой довольно густого насаждения с преобладанием в смеси дуба, или осины средних и крупных размеров. По долине правого берега в начале тоже много болот и кочковатых мест, но близь фанзы Саньдогу опять места высокие, непоемные и плодородные. На горах этого пути лес сперва дровяной, строевой и поделочный лиственный, довольно редкого насаждения, с преобладанием дуба, часто дупловатого, или строевого осинника; далее по пути и на всех дальнейших горах к этим преобладающим породам в значительной примеси примешаны кедр, ель и пихта средних и крупных строевых размеров, и хвойный лес является преобладающим, тут же можно встретить очень крупные дубы, годные на кораблестроение. Миновав 2 фанзы Саньдогу и небольшую мелкую р. Саньдогу, в горах встречается тех же пород, размеров и густоты лес, но с преобладанием лиственных пород: дуба, берез, осины, клена, ясеня, липы, ореха и др. В горах ближе к фанзам Дятогу лес уже стал смешанным лиственным без примеси хвойных пород. Породы леса, размеры и густота одинаковы с лесом предыдущего пути.

Китайская деревня Дятогу расположена в луговой долине с отличными черными землями по обоим берегам речки Дятогу, через которую устроен пешеходный мостик. Речка довольно мелка в сухое время года, но в половодье разливается по всей обширной долине. Устье речки Дятогу заросло тальником и вербовым кустарником и ольхою – болотисто и кочковато. Выше стоит отдельно фанза на правом же берегу реки Дауби. Расстояние от фанзы Хонтуфанза до фанзы Саньдогу 11 верст, до последних фанз Дятогу 29 вер. до безыменной фанзы 33 вер. и до фанзы Чуфаньлинза 40 верст.

На последнем пути только в речной долине Дауби в надречной полосе растет смешанный лиственно-хвойный лес, кедр, ель и пихта строевых размеров, а по горам обоих берегов встречается лишь смешанный лиственный лес поделочный, дровяной и строевой средних и крупных размеров, пород: дуба, берез, осины, тополя, ясеня, клена, ильма, ореха, акации, фруктовых деревьев, пробкового дерева, липы и очень густой повсюду разнообразных пород кустарный лес. Везде много лещины и виноградника, дающего здесь весьма вкусные плоды.

Выше по Дауби есть еще фанза, в которую зайти не позволило время, но до которой расстояние от фанзы Чуфаньлинза, по показаниям китайцев, 20 вер. Это уже последнее поселение по Дауби, откуда начинаются вверх все хвойные крупные и густые леса до ее источников. В высоких горах там есть сосновый и лиственничный лес, по словам жителей; луговых пространств в долине

весьма мало, большею частью вся долина покрыта лесом, много коряжнику и валежных деревьев, затрудняющих сообщение по этому пути с рекою Сучан, впадающею в море, где тоже многочисленны китайские поселения.

В другой раз нам случилось проникнуть в верховье одного из источников Дауби, именно при следовании вверх по реке Сучан от моря с обратным путем к морю. Показания китайцев подтвердились: в этом источнике Дауби изобилие густого и крупного хвойно-лиственного леса самых разнообразных пород, но дороги здесь редко посещаются китайцами и очень завалены валежным лесом, затрудняющим ходьбу. Там вверху находится в 20 вер. от вершины хребта Сихотэ-Алинь пустая малая фанза полуразвалившаяся, устроенная для заходивших сюда на звериный промысел китайцев.

От фанзы Чуфаньлинза есть путь на р. Лефу, нами пройденный через хребет гор, отделяющих воды рек Лефу и Дауби. Путь этот идет вверх по Дауби, вброд через 2 маленькие речки и потом вверх по второй из них р. Васильева. По всей долине этой речки растет густой хвойно-лиственный лес – строевой и дровяной, с преобладанием пихты и ели. На других горах растет смешанный лиственный лес с преобладанием дуба, который имеет успешный рост и достигает средних размеров на горах левого берега ниже р. Васильева. В примеси к дубу встречаются и другие породы: клен, ясень, липа, ильм и др., достигающие иногда огромных размеров до 12 саж. в высоту и более 1½ аршина в комле, как и в других частях течения Дауби.

На самом хребте Сихотэ-Алинь лес смешанный лиственно-хвойный очень густой и очень крупный – поделочный, корабельный, строевой и дровяной.

Река Дауби у фанзы Чуфаньлинза течет очень быстрою струею, имеет ширины около 40 саж. и глубины более 1 саж. в малую воду, бывшую во время следования нашего этим путем.

Уссури выше устья Дауби. Выше устья Дауби Уссури становится значительно меньше, хотя сохраняет почти ту же ширину, и мало отделяет от себя проток, образуя только малые островки; вместе с тем долина ее чаще суживается в узкую лощину, по которой река стремится гораздо быстрее, так, что плавание по ней на пароходах, даже сидящих в воде не более 2 фут, становится опасным, а в большую воду даже в маленьких гольдских оморочках по ней ловко управляют местные жители гольды и орочны, а из китайцев редкий отваживается плавать по Уссури в большую воду.

От дер. Фамагу при устье Дауби дорога идет левым берегом Уссури до фанзы с женсеневою плантацией на расстоянии 30 верст. Во время следования нашего вся долина Уссури была затоплена избылою водою; путь по долине был весь под водою более 1 фута и надо было идти горами, по проложенной лесом китайцами тропе. Даже переправиться к фанзе с женсеневою плантацией было невозможно, а переправу через Уссури удалось сделать выше фанзы Чингхоуза с помощью проплывавших мимо гольдов. Долина луговая с черноземною почвою, удобною для распашки, если бы не было наводнений. Лес на горах обоих берегов Уссури довольно редкий, дубовый, часто дупловатый, и черно-березовый с редкою примесью других пород в речных долинах и выше по горам: ясеня, клена, липы, ильма, ореха, акации, пробкового дерева, тополя, вербы, фруктовых деревьев, средних размеров и обильного кустарника леспедца, орешника, виноградника, панакс, элейтерококкус, диморфантус, жимолости и др.

Надречная полоса с лесом из тех же пород, как и ниже по Уссури, но они в более редком насаждении, и самая полоса большею частью уже, а иногда берега реки обнажены от леса, или поросли только тальником.

Такой же лес находится по обоим берегам реки и выше до фанзы Дзябигу-хоуза на р. Дзябигу – редкого насаждения – дровяной, большею частью дупловатый дуб, редко поделочных и еще реже корабельных размеров, и чернопереберник с малою примесью других пород лиственных. По реке Уссури смешанный лиственный лес самый разнообразный и густой.

Близь фанзы с женсеневою плантациею заметны развалины прежнего китайского города.

Расстояние от фанзы с женсеневою плантациею до фанзы Бай-Дзынь-Тхунг 2 вер., а до фанзы Дзябигу падами незначительных притоков Уссури 18 вер. от фанзы Бай-Дзынь-Тхунг.

По Уссури есть еще 2 фанзы Танхоуза и Чингхоуза на левом ее берегу. Между ними в надречной полосе леса попадаются редкие единичные деревья кедра и сосны строевых размеров. У фанзы Танхоуза в Уссури впадала быстрая небольшая р. Вэн.

Далее путь идет около крутых гор, почти отвесно ниспадающих к Уссури на обоих берегах, и там, где путь подле реки очень труден, в обход через горы. В горах такой же дубовый и чернопереберниковый лес, довольно редко насажденный, дровяной и поделочный, а на второй по пути маленькой речке – есть строевой еловый, пихтовый и кедровый лес.

По р. Дзябигу вверх в 15 вер. от фанзы есть малая часть крупного соснового строевого леса в высоких горах. До дер. Наутохоуза на устье р. Науту расстояние от фанзы Дзябигу 15 верст.

Речка Науту значительнее и быстрее р. Дзябигу, она имеет течение, по словам китайцев, на 60 верст и направляется с северо-востока на юго-запад.

Деревня Наутохоуза расположена отчасти на устье правого рукава р. Науту, отчасти на острове на высоких незатопляемых даже в высокую воду местах между обоими ее рукавами. Левый рукав мельче правого и в сухое время года пересыхает. Лесную растительность обоих берегов р. Науту составляет преобладающие в этой местности дуб и черная береза с редкою примесью других лиственных пород, в особенности встречающихся по лощинам побочных речек, и в надречной полосе леса. Правый рукав р. Науту имел в прибылую воду шир. до 20 саж.

Всего в деревне Наутохоуза 12 фанз, жители коих китайцы занимаются земледелием, огородничеством и торговлею с гольдами и орочами. Пашни их даже в несчастный 1861 год дали половинный урожай, так как половина полей были затоплены водою. Земля здесь отличная и изобилует черноземом.

Дальше дорога идет берегом Уссури к фанзе Лиан-Иинг и оттуда к устью р. Фудзи сперва луговою долиною Уссури, а потом лесом по краю и пологим скатам гор. Но в 1861 г., во время стоявшей большой воды в лугах, дорога эта была недоступна, и надобно было идти краем береговых гор правого берега Уссури, удаленных от реки верст на 5–7, а на дорогу можно было выйти за развалинами города на берегу маленькой речки. На горах по их окраинам и пологим скатам по маленькой отдельной возвышенности, а равно и по кручам высоких гор лес дубовый и чернопереберниковый, дровяной и поделочный довольно редкий, а дальше

в горах, по мере удаления от Уссурийской долины, лес смешанный лиственно-хвойный, лучших пород – поделочный, дровяной и строевой. Также и по левому берегу Уссури, где горы спускаются круто почти прямо к берегу Уссури, заметны хорошие густые лиственно-хвойные леса, поделочные, строевые и дровяные. Дорога выходит к опустелой вследствие наводнения фанзе Син-Сиен-дунг на левом берегу Фудзи в 3 верстах выше ее слияния с речкою Саньдогу, откуда река Уссури получает свое название. До этого места слияния реки Фудзи и Саньдогу расстояние от деревни Наутухоуза 30 верст.

Речки Саньдогу и Фудзи. Обе речки Саньдогу и Фудзи еще мельче и уже до своего слияния и в малую воду имеют частые перекаты через всю речку, что делает их доступными для брода. По причине быстрины их лес сплавать по ним очень затруднительно и рискованно. Речка Саньдогу была пройдена русскими в 1859 году на расстоянии 70 вер. Тут есть еще китайские земледельческие поселения, но уже дальше начинаются по всей долине густые хвойно-лиственные леса, обыкновенные во всех верховьях рек в этом крае. По словам туземцев, р. Саньдогу имеет течения около 250 вер. до слияния с водами Фудзи. Через вершины р. Саньдогу китайцы имеют сообщение с живущими по морскому побережью жителями по речкам Та-Уу-хы, Судза-хы и реке Сучан. Китайцы говорят, что в верховьях Саньдогу много соснового крупного леса. Русские, бывшие по Саньдогу в 1859 году, говорили, что видели сосновые деревья только единичные по верхушкам гор и некрупных размеров, но кедр видели огромных размеров.

По речке Фудзи есть сухопутное сообщение с морем через ее верховья, хребет Сихотэ-Алинь и потом по р. Таудышуй (или Лифулэ). Русские проходили этим путем в 1858 и 1859 годах, но нам время не позволило видеть эти местности. По сообщению академика Максимовича, по р. Фудзи выше фанзы Шуэйладза (в 36 вер. от устья) идут огромные смешанные хвойные леса по глинистому топкому болотистому грунту; перевал через хребет Сихотэ-Алинь удобный и пологий; по р. Таудышуй хвойно-лиственный густой лес продолжается верст на 50, а далее идет луговая долина, в которой до самого устья многочисленные китайские земледельческие поселения, очень зажиточные. Лес отсюда до самого устья р. Таудышуй в море большею частью с преобладанием белой березы, а иногда дуба и черной березы, с небольшою примесью других пород лиственных. Все эти поселения по р. Таудышуй в 1861 году сильно пострадали от наводнения.

Протяжение этого пути по Фудзи и Таудышуй до берегов моря составляет около 180 верст. Наш путь лежал вверх по Фудзи до фанзы Сяу-нандза, а потом по прямому направлению к заливу Св. Ольги по речкам Ле-фудзи и Уай-фудзи.

Фудзи у фанзы Син-Сиен-дунг отделяет от себя протоку, идущую подле гор и образующую низменный, затопляемый полою водою остров.

Река Фудзи. Долина Фудзи заметна уже пройденной перед тем Уссурийской долины, которая выше дер. Наутухоуза расширяется иногда до 6 вер.; на Фудзи же ширина долины вообще не превышает 3 вер., обыкновенно же бывает еще менее; лугов и здесь много, но почва пересыпана множеством более или менее крупных камней, заносимых в долину, вероятно, с гор наводнениями; луговая растительность кажется еще богаче, нежели на Уссури, как яркостию цветов, так и разнообразием видов; многие из здешних видов растений были здесь встречены мною в первый раз в жизни. Ботаник Максимович обещал по возвращении в Петербург окончательно определить виды эти и издать в свет

описание их в виде прибавлений к своему изданию: «Primitiae Florae Amurensis». Пройдя дер. Чингхоуза, состоящую из 3 домов, из которых один за рекою и недалеко оттуда, миновав еще вал – место бывшего здесь когда-то города, мы поднялись по крутому откосу горы, обходя таким образом разлив р. Фудзи, доходящий вплоть до самой горы. Идучи все по тому же откосу, мы подошли к разливу на устье притока р. Фудзи, поднялись несколько вверх по нему до удобного брода, а пройдя брод, шли сперва горами, а потом по низкому холму, с редким смешанным дровяным лиственным лесом, и вышли на прямую дорожку через фанзы Лопедзю и Ландза-Хыдза, расположенные за рекою, причем Фудзи переходят 2 раза вброд, если вода в ней по жаркому лету бывает малая, но теперь при большой воде от стоявших с весны больших дождей эти два брода не проходимы. На горах правого берега Фудзи смешанные лиственные и лиственно-хвойные леса, а на горах левого берега заметна большая примесь хвойных пород: ели, пихты и кедра. Дер. Яувайза состоит из 4 очень богатых и многолюдных фанз с богатой для земледелия почвою и исправным хозяйством жителей. Еще не доходя деревни, мы встретили низменную логовину с текущими по ней протоками прибылой от дождей воды: к 2 домам можно было попасть только по устроенному через одну из проток крепкому мосту. Дома и пашни этой деревни потоплены в этом году не были по высокому положению выбранных ими для своих поселений мест.

На обоих хребтах как правого, так и левого берега р. Фудзи все высшие пункты заняты смешанным хвойно-лиственным, а иногда и чисто хвойным лесом, где господствует крупный строевой смолистый кедр: его видно было тоже довольно много в береговой лесной опушке ниже дер. Чингхоуза, но выше этой дер. хвойные деревья мелькали только за рекою, сосны нигде не видно и в дер. Яувайза жители ее не знают близко, а сказывают, что много соснового леса вверх по р. Саньдогу, далеко от них. В дер. Яувайза узнал я от одного ороча о прямом пути через Ле-Фудзи и Уай-Фудзи к морю в Ольгинский залив; он же меня перевез через Фудзи в легкой оморочке, выдолбленной из тополевого ствола; хотя р. Фудзи в этом месте в малую воду очень мелка и дает брод, и теперь глубины было не более 1½ саж., но сила течения здесь так велика, что ее трудно себе вообразить, не выдавши. За Фудзи мы нашли еще один китайский дом, имеющий название Сяу-нандза. От дер. Яувайза мы оставили на правом берегу Фудзи дорогу, по которой русские уже не раз достигали Ольгинского залива, через р. Таудышуй, впадающую в Восточный океан к северу от залива Св. Владимира (у китайцев Хумо Уай).

Расстояние от фанзы Син-сиен-дунг до фанзы Сяу-нандза 16 верст.

Река Таубы. От дома Сяу-нандза мы вскоре повернули в долину притока Фудзи р. Тауби; его долина с узенькой по ней луговой полосой и обильным хорошим качеством и довольно крупных размеров лесом: кедровым, ясневым, пихтовым, еловым, ореховым, кленовым, липовым, осиновым, белоберезовым, черноберезовым, тополевым, акацией Маака, пробковым, таловым и всех других пород, уже поименованных мною в ботаническом описании, и принадлежащих Уссурийской флоре кустарников, здесь с прекращением дубово-черноберезового насаждения тоже большое изобилие и разнообразие. Из новых пород по системе Фудзи мною замечены: особая разновидность клена мелколистного с зазубренными по краям листа (*Acer Mono var. ussuriensis*), одна из пород ив, еще

не определенная мною, замечательная высоким ростом и пирамидальностью вершины, два вида кустарных пород, которые по не нахождению экземпляра с семенами, я тоже не успел определить. Все эти экземпляры находятся в представляемом мною гербарии. Виденный мною экземпляр деревца с листьями, похожими на листья вяза, и с плодами, похожими на плоды хмеля, по ближайшем изучении оказался видом граба, именно *Carpinus ostrya* var. *Mandshurica*, и встречается тоже по верхнему Уссури и Фудзи, но также весьма редкими одиночными экземплярами, как и прежде было замечено. Собраны мною семенные и цветковые кисти *Dimorphanthus mandshuricus*, видны зрелые ягоды женсеня, наливные мелкие светло-малинового цвета, но уступить их мне нашедший из китайцев не захотел и за дорогую цену, считая их за особенно редкую и ценную находку.

На р. Тауби, пройдя 18 вер. от Сяу-Нандза, находится шалаш кочующих для промысла китайцев из дер. Яувайза.

Впоследствии я узнал, что здесь именно в верховьях рек из системы Уссури и в верховьях некоторых из приморских рек Судза, Та-Уу, Уай-Фудзи и некоторых из их притоков находится страна, где преимущественно развиты китайские промыслы. Промыслы эти состоят в искании корня дикорастущего женсеня, который только и встречается в высоких нагорных лесах, в отыскании семян женсеня для разведения его домашних плантаций; отыскании и ловли соболя, которого постепенная заселенность как южной приморской линии, так и некоторых поречных линий, загнала в самые глубокие леса и дикие места у источников речных систем близь водораздельных гор (по-китайски Лоо-Линг). Третий важный из промыслов: это ловля зверей и охота за ними как с целью заготовить запасы мяса для пищи, так и для их ценных шкур; преимущественно охотятся они на кабанов, изюбров (красных оленей), козуй, выдр, енотов, гуралов (диких козлов), но иногда и за медведями, лисами и не пренебрегают барсучками, мясо которых очень вкусно умеют готовить, обманывая сколько раз этим лакомым блюдом брезгливых русских. Из птиц мне чаще других случалось видеть у них глухарей, тетеревов, рябчиков; тигров же убивают очень редко и весьма боятся, беспрестанно пугая этим страшным зверем и рассказывая про частые похищения им у них домашнего скота. Промышленники эти принадлежат преимущественно племени ороча, славящемуся зорким глазом, меткостью в стрельбе и отличным знанием местности; иногда между ними есть ороча, происходящие от китайских отцов, и еще реже этим занимаются природные китайцы.

Речка Ле-Фудзи. От шалаша на р. Тауби дорога идет через хребет, отделяющий долину этой реки от долины р. Ле-Фудзи, хребет очень невысокий и узкий, хотя с крутыми подъемом и спуском; лес в этом месте хребта дубовый в смеси с черною и белою березою и строевым осинником и ельником, но на север и юг от тропы на хребте виден в изобилии кедровый строевой лес. Таковой же лес виден и на заречном хребте по правому берегу р. Ле-Фудзи. Спустясь с гор, в долине находится малая фанза с небольшим огородом, в 6 верстах от шалаша на р. Тауби. Отсюда вдоль берегового хребта, вверх по р. Ле-Фудзи, попадают 3 мелких притока р. Ле-Фудзи, удобно переходимые вброд; наконец в 10 верстах от фанзы брод через бурный и шумный Ле-Фудзи, текущий в этом месте в 5 протоках. Наваленный с берегов и нанесенный сверху огромный лес и шумящая с ревом, еще быстрее Фудзи бегущая, вода Ле-Фудзи, имела грозный вид, и надо было перебраться на ту сторону по этим нагроможденным одна на другую

колодам, на 5 до 7 саж. над водою поднятым. На берегу Ли-Фудзи устроен китайцами шалаш для прохожих с сухими дровами. Впоследствии я познакомился с этим человеколюбивым и вместе эгоистически-практичным обычаем китайцев доставлять самим себе и по возможности друг другу дорожный комфорт. Везде почти, где есть торные китайские дороги, как я заметил на моем дальнейшем пути, китайцы устраивают подобные шалаша для прохожих, в особенности, если расстояние между соседними фанзами превышает 20–25 верст. Расстояние между шалашами бывает иногда около 12, а иногда около 7 вер., а иногда на том и другом расстоянии есть шалаша по одному и тому же пути; первые для путников с вьючными конями, вторые для путников с вьючными волами. Шалаша эти по большей части крыты кедровым корьем, для постели на земле тоже наслано корье, так что и в проливной дождь здесь можно спать; везде почти при них заготовлены сухие дрова, любимые китайцами ореховые, либо кедровые, ясневые; обыкновенно также нащеплен кедровый смольник, одним словом, такой комфорт, какого лучше в лесу и ожидать нельзя. Шалаш обыкновенно состоит из двух наклонных крыш, а между обеими крышами кладутся дрова, и поддерживается ночью огонь; шалаша всегда близко от воды; дым и без ветра, а при ветре еще более отгоняет от ночлега комаров и мошек; везде от шалашей недалеки хорошие пастбища для скота и лошадей.

Насколько позволяет дикость местной природы, китайцы умеют отлично соблюдать свою привычную любовь к порядку и комфорту. От миссионера, долго жившего в пределах Китайской империи, я впоследствии слышал, что на своей родине китайцы сделали чудесные успехи в отношении удобств, к обработке и в самой обработке земель в сельском домашнем хозяйстве, и что в этих отношениях они мало уступают и трудолюбием далеко превосходят европейцев. Но здешние поселенцы китайцы как бы подавлены дикостью природы и, в течение стольких веков существования их здешних поселений, они далеко еще не успели передать населенной ими стране вид страны цивилизованной. В безмерном изобилии лесов во всей здешней стране, по моему мнению, заключается истинная причина наводнений, низкой средней температуры, излишне влажного климата и сравнительно бедной растительности этого края в отношении к местам, лежащим под одною широтою, но расположенных при лучших местных условиях и менее лесобильных. Влияние на климат вод Восточного океана есть, по моему мнению, тоже положительно вредное. По рассказам жителей китайцев и по наблюдениям русских, живущих в Ольгинском посту, всю весну и лето ветры дуют с моря по преимуществу и навевают постоянно излишнюю влагу, задерживаемую лесами разрастающуюся почти тропическими дождями, продолжающимися ежегодно более или менее долгое время; леса же, которыми страна так изобильна, служат как бы резервуаром, постоянно задерживающим излишнюю влагу, разрешающуюся дождями при самом незначительном понижении температуры, иногда как напр. в 1861 году, от излишне дождливого лета был везде почти всеобщий неурожай плодов, в особенности лесных растений и нежных огородных овощей. Виноград, груши, яблоки, арбузы и дыни, которыми так богата страна в другие годы, в этом же году приходилось есть счетом. Мало-численным китайским поселенцам здешним, как они ни ненавидят лес, в особенности же лесную чащу, далеко не под силу бороться с лесобилием страны и стараться восстановить близкое к правильному отношению между лесною

и нелесною площадями. Да и русским поселенцам едва ли это скоро удастся, и пока не уменьшится лесная площадь страны, долго еще напрасны будут усилия европейской цивилизации покорить дикость местной природы. От шалаша у брода через р. Ле-фудзи мы скоро покинули долину Ле-фудзи, а повернув в сторону вверх по ее притоку, пришли по терявшейся беспрестанно малоторной тропинке к его вершине, перевалили хребет и спустились вниз по течению другого притока той же системы р. Та-Тита и по ней спустились к фанзе Та-Тита-Хоуза, отстоящей на 22 версты от фанзы на р. Ле-фудзи. Леса здесь все более густые и крупные, встречаются ясневые, кедровые, ильмовые, ореховые, липовые деревья в полтора, два и даже три обхвата, соразмерной при том вышины 12 и более саж. Хвойный лес в верховьях речек все чаще являлся преобладающий, в примеси, а на разделяющих эти воды хребтах виднелся даже чистый хвойный лес; в этих местах, крутых и скалистых, множество соболиных грубого устройства ловушек из толстых колод кедровых, а лес завален многочисленным валежником.

От фанзы Та-Тита-Хоуза* далее лес становится крупнее и гуще, но состоит из тех же пород. На р. Тю-Гуань-догу пустой дом, покинутый жившим тут одиноким ороча; потом далее шалаш Тюгуань-догу. На последнем переходе до перевала водораздельного хребта в двух местах пришлось нам сперва прорубать и прочищать дорогу, ибо следовать прямо с вьючными конями было нельзя по причине большого количества валежника, наваленного целыми площадями среди сухостойного леса. В этих оголенных площадях есть малинник, большая редкость местная, которая, впрочем, далеко не так вкусна, как наша русская. Перевал через горы был очень покатый, с подъемом едва заметным из сплошной лесной долины в горы. Расстояние от устья р. Сунгача в Уссури до часовни на перевале хребта Сихотэ-Алинь на этом пути составляет прямого пути около 320 верст.

Будищев

* Близь фанзы Та-Тита-Хоуза есть мраморная ломка и мрамор довольно хороший – розового цвета – образец, взятый мною в фанзе, затерян. – *Прим. А.Ф. Будищева.*

VIII. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО ПРИТОКАМ УССУРИЙСКОЙ СИСТЕМЫ РЕКИ БИКИНА И ПО ВЕРХОВЬЯМ РЕК ПОРА И ИМА

Река Бики или Бикин, Пор (Хоро) и Има (Ниман) довольно большие притоки реки Уссури с правой ее стороны. Смотри от устья, эти притоки имеют среднее направление на восток. Они вытекают из общего хребта (Сихотэ-Алинь). Река Бики по величине средняя из других двух притоков Уссури и протекает около 600 верст. Река Бики, вливаясь в Уссури, принимает на своем пути воды, текущие из болот и с гор, рассеянных по краю, заключающемуся между водораздельными хребтами других притоков реки Уссури, рек: Пора и Има и хребтам Сихотэ-Алинь, посредством маленьких речек и ручейков, которые, соединяясь между собою, образуют довольно большую реку Бики. Река Бики в лето 1861 г. и вообще в большую воду может быть доступна для судоходства даже для мелко-сидящих пароходов, но не более как на 137 верст своего течения от устья до того места, где река, разделяясь на несколько больших проток или рукавов, становится местами слишком извилистою, быстрою и мелкою. На этом пространстве глубина реки довольно значительная, ширина средняя до 200 сажень и самая меньшая в главных протоках 60 сажень, и течение не очень быстрое, но главное, на этом пространстве нет опасных порогов и карчей. Следует заметить, что только нижняя часть реки Бикина и интересна как в отношении лесов, так и для будущих поселений. Далее от разделения на большие протоки плавание не только на пароходах, но и на лодках больших и малых, по причине частых проток, крутых поворотов, порогов, карчей и быстрого течения реки, можно сказать, совершенно невозможно даже и в большую воду. Там с трудом можно плавать на маленьких и легких лодочках, называемых у русских оморочками, приспособленных здешними жителями для плавания по такому трудному пути, какой представляет река выше. Нельзя сказать, чтобы невозможно было улучшить путь по этой реке. Стоило бы только заселить этот край, и берега реки были бы расчищены, отчего меньше было бы на реке карчей и мелей, и открылся бы очень хороший бичевник. Многим знакомая река Ингода гораздо меньше и уже реки Бики и имеет пороги и опасные для плавания места, довольно быстра и извилиста, однако представляет довольно хорошее сообщение, или, по крайней мере, служит иногда хорошим путем для сплава по ней груза. Вероятно, и Ингода в былые времена представляла трудный путь для плавания по ней даже в маленьких лодках. Можно ожидать, что Бики, когда заселится со временем, будет хорошою судоходною рекою на довольно большое расстояние. Нижняя часть Бикина, своими хорошими и удобными для заселения местами привлечет много охотников, желающих завести там скотоводством и пашнями. Верхняя часть Бикина только богата лесом и болотами и к тому же лес не так разнообразен, как в нижней части Бикина.

В средней части Бики дубу меньше встречается, нежели в нижней, а в верхней он попадает очень редко и притом малорослый и корявый. Верхняя часть Бикина изобилует преимущественно лесом хвойных пород: ель, лиственница, белая береза, осина, ива, верба, местами ольха, кедр, пихта, небольшая примесь липы, ясень, ореховое дерево, тополь, ильм и много других пород леса, густо покрывают горы и равнины верхних частей рек Бики, Пора и Има. Сосны на Бикине, можно положительно сказать, совершенно нет даже в его вершине и в хребте Сихотэ-Алинь. Также утверждают жители, что и по Пору и по Има ни в одном месте нет даже ни одного соснового дерева. Единичными деревьями встречаются здесь редко: акация Маака (чаще и крупнее встречается в нижней части Бикина), и тис (в верхней). Здешняя акация не очень тверда и не крепка. Она несколько хрупка и не может быть употребляема при кораблестроении для делания нагелей и для других предметов, требующих особенной прочности. Гольды, однако, часто употребляют это дерево на нагеля к своим лодкам и уверяют, что эти нагеля переживают самые лодки и не повреждаются ни от воды, ни от сырости, и не ломаются. Здешняя акация может быть с пользою употребляема лишь на мелкие столярные и токарные поделки. Самую крупную акацию можно встретить на горах Дзягомо, хребте Сумур, Хамхеца, стволы которой весьма прямые и толстые достигают иногда до $1\frac{1}{2}$ фута в диаметре. Впрочем крупных размеров это дерево очень редко можно встретить. В верхней части Бикина акация реже встречается и притом кривоствольная и меньших размеров.

Тис редко встречается в нижней части Бики, где он только замечен, мелкий на высоких горах. В верхней же части Бикина, а также и в верховье притоков Пора и Има, хотя также единично, тис бывает довольно значительных размеров до $1\frac{1}{2}$ фута в диаметре. Местные жители уверяют, что на хребте Сихотэ-Алинь тис бывает огромных размеров до 5 фут в диаметре. Местные жители очень уважают это дерево, хотя и не имеют от него никакой пользы. Орочены делают из этого дерева очень красивые дощечки, на которых они вырезают из бересты разные узорчатые украшения для головных шляп и для коробочек. Другого употребления этого дерева орочоны и китайцы не знают. Тис имеет твердую древесину розового цвета с красивыми слоями. Токарные изделия из этого дерева очень красивы. Господствующие породы по Бикину в нижней его части дуб и черная береза, где они часто составляют чистые насаждения на небольшие пространства. В нижней части реки эти породы преобладают в смеси, в средней же они составляют примесь в лиственных лесах, а в верхней части как Бикина, так и притоков Пора и Има, дуба совершенно незаметно, а черная береза попадает только единично. Дуб, встречающийся в нижней части Бикина, растущий в смешанных и хвойных лесах, достигает крупных размеров до 70 ф. вышиною и до $4\frac{1}{2}$ фут в диаметре. В нижней части Бикина очень много ясеня и орехового дерева, которые часто составляют чистые насаждения, на небольшие, впрочем, пространства. Ясень здесь заметно два вида: ясень манчжурский и ясень китайский, последний из них встречается реже. Оба вида ясеня годны на разные столярные поделки, в особенности на мебель. Ореховое дерево любит более места, защищенные от севера и востока, а также по берегам крутых речек между крутых и высоких гор. Растет обыкновенно в смеси с другими лиственными породами. В средней и нижней частях Бикина попадает чаще, а в верхней реже. Деревья достигают до 50 и более фут вышины и до $2\frac{1}{2}$ ф. в диаметре. Самое большое

количество орехового дерева можно встретить у устья реки Арчи, в других же местах оно только находится в небольшой примеси. Древесина этого дерева может идти на разные поделки, на мебель и на отделку кают пароходов. В нижней и средней частях Бикина в большом изобилии растет ильм, коего встречается три вида: обыкновенный ильм, горный ильм (вяз) и пробковый ильм (берест). Первый вид более распространен и растет в смешанных лиственных и хвойных лесах, а иногда и чистыми насаждениями на небольших пространствах. Пробковый ильм встречается реже и бывает меньших размеров противу первого вида. Достоинства древесины обоих видов одинаковы.

Горный ильм встречается только в небольшой примеси в хвойных и смешанных лесах. Ильм любит хорошую черноземную почву, сухое, защищенное местоположение. Размеров достигает до 60 и более фут вышины и до 4 фут в диаметре. Ильм имеет качества корабельного и артиллерийского леса. Реже и в меньшем количестве встречающиеся древесные породы по Бикину и верховьям притоков Пора и Има, суть следующие: липа, коей встречается два вида – липа манчжурская, заметная повсеместно, иногда даже в большой примеси в смешанных лиственных и хвойных лесах, и липа мелколистная в весьма небольшой примеси или единично в тех же лесах. Клена встречается здесь четыре вида, только единично. Пробковое дерево (бархатное) довольно часто встречается единичными деревьями в лиственных и смешанных лесах.

Боярка красная, Амурская черешня, вишня, черешня, черемха Маака, рябина, диморфант (шип-дерево), сирень (коей древесина белая, твердая, употребляется ороचनाми для делания рукоятей копий). Все эти породы встречаются всегда единично во всех местах Бикина, верховьях притоков Пора и Има в смешанных лесах. Черемха обыкновенная в большом количестве распространена по средней части Бикина на ровных местах и на островах, но также встречается повсеместно и на горах в смешанных лесах. Яблонь Сибирская, коей древесина годна на столярные и токарные поделки, реже встречается в верховье рек; в нижней части Бикина яблонь очень часто заметна по берегам речек. Кустарных пород встречается здесь весьма много до 70 разных видов кустарников, но более всего распространены следующие: повсеместно по островам и мокрым местам – ивы, тальники, лозы; по ровным местам и по горам в лесах орешники, дерн (кизиль), араллия, таволожка, шиповник, леспедеца, целастр, бересклет, виноградник, боярка, дикий жасмин, синий изюм, панакс, элейтерококкус, калина, брусника, голубица, клюква, багульник, богородская трава. Повсеместно по горам растет дикий виноград, плоды которого не созревают. Из других плодовых деревьев и кустарников здесь более всего заметно черемхи, ягоды которой как свежие, так и сушеные служат в пищу ороचनाм. Сибирские яблоки и калина, растущие здесь в изобилии, не употребляются жителями в пищу. Орехи и ягоды голубицы, красной смородины, малины не собираются жителями для заготовления их впрок, а только свежие эти плоды употребляются для лакомства.

Весь описываемый край, то есть долины реки Бики и верховья притоков рек Пора и Има, так обильные лесами и вообще растительностью, весьма мало населен или, лучше сказать, мало обитаем. Постоянные здесь жители – это оседлые

китайцы, имеющие свои дома, огороды и пашни, и кочующие орохоны, не имеющие ничего более, кроме подвижного своего дома, состоящего из нескольких берестяных ковров, либо листовенных корин и небольшой легкой лодочки. Некоторые, впрочем, из орохонов имеют свои постоянные юрты с небольшими при них огородами, но таких орохонов очень немного, – не более шести семейств по всему Бикину. Китайских домов по всему Бикину и его притокам можно считать не более 12, а орохонов, кочующих и оседлых, – до 35 семейств. По реке Кхетэн-Дабан, притоку Пора, жителей гораздо меньше; китайских домов там всего 2, а орохоновских семейств до 10-ти. Замечено, что живущие здесь китайцы все семейные, имея жен из здешних орохонок, между тем китайцы, живущие по Усури, все большею частью одинокие, без жен. По реке Тайдзибери, притоку р. Има, жителей совершенно нет, только на устье этой реки есть два дома китайских. Местные жители говорят, что по реке Има невозможно им жить, нет удобных для них мест на той реке. Трудно поверить, чтобы по р. Има не было тальниковых островов, которые так нравятся всем здешним дикарям.

Река Тайдзибери, приток р. Има (Ниман), весьма быстра, извилиста и мелка и ни в каком случае неудобна для плавания по ней в лодках. Местность по р. Има весьма гориста, и лесная. Река Пор (Хоро) гораздо больше, шире и глубже реки Бики, а также и долина ее гораздо шире и обширнее долины реки Бикина. Местность также многолесистая, но не так гористая, как местность других двух рек. Река Кхетэн-Дабан, один из притоков р. Пора (Хоро), мало извилистая, но зато очень быстрая, и плавать по ней весьма трудно. Все здешние китайцы имеют при своих домах огороды и пашни. Китайцы преимущественно занимаются огородничеством и торговлею. Кроме огородничества и торговли здешние китайцы занимаются еще отыскиванием целебного корня дикорастущего растения женьшень (по-китайски памчуэй, по-гольдски орхота – орхоэт)*. Целебное это растение встречается очень редко и растет всегда по берегам маленьких и крутых горных речек. Это растение дикорастущее, достигает до 2-х аршин вышиною стебля. Растение женьшень не только корни имеет целебного свойства, но и листья, семена и стебли. Листья женьшеня очень хорошо залечивают гноящиеся раны на теле.

Самое большое количество возделанной земли находится у одного китайца в деревне Чамудындза под огородами и под пашнями до пяти десятин. У прочих китайцев, а также и у орохонов оседлых, во всех местах реки Бикина и по его притокам, как можно судить по расспросам и по соображению, не более 15 десятин возделанной земли. Огороды засаживаются у них преимущественно картофелем, фасолью, тыквами, луком, чесноком и прочими овощами, а также табаком и коноплею; пашни же засеваются ячменем и будою или просом. В нижней части Бикина китайцы сажают еще на огородах огурцы, дыни, кукурузу и сеют на полях рис. Предполагая всего жителей мужского и женского пола, как китайцев, так и орохонов в 47 семьях, проживающих в разных местах по Бикину и его притокам, примерно до 200 душ, количество возделываемой ими земли всего 20 десятин будет недостаточно на прокорм проживающего там народа. Недостающее количество пищи из огородов и пашен пополняется рыбою и мясом диких зверей и птиц. Орохоны преимущественно занимаются звериными промыслами; до-

* Женьшень – есть китайское название этого корня и значит человек-жизнь, по-монгольски называется хунубусу – человек-трава. – *Прим. ред. первого изд.*

бываемым мясом они кормят свои семейства и снабжают ими китайцев, не любящих заниматься звероловством. Из лесной дичи птиц и зверей во множестве водятся здесь: дикие утки, гуси, рябчики, журавли, зайцы, соболи, дикие козы, олени (изюбри), сохатые, медведи, дикие кабаны и редко тигры, барсы и рыси. Реки Бикин, Пор и Има с их притоками не изобилуют рыбою, и потому здешние жители не очень много на нее рассчитывают, а питаются мясом диких зверей и птиц, огородными овощами, будую и ячменем. В мелководье орононы ловят рыбу сетками, острогами и удочками в заливах реки, но добыча ее бывает весьма незначительная. Сетями ловить на реке очень трудно по причине карчей и быстрого течения воды. По причине недостатка рыбы жители здесь держат очень небольшое количество собак и то только охотничьих, а не ездовых. На корм для небольшого количества собак жители или выменивают сушеную рыбу (юкалу) у гольдов на Уссури, либо сберегают кости диких зверей, именно ноги изюбрей и сохатых, которые в зимнее время и употребляются на выварку. Единственное сообщение между жителями этого края производится по рекам и речкам, по которым летом плавают, ежели возможно, на лодках, а зимою ходят пешком на лыжах. Как ни извилисты здесь реки, но ни в каком случае не сокращают зимнего пути, а ездят и ходят с нартами, по фарватеру реки и редко по протокам их. Везде по материке чаща и валежник, а по протокам наносы лесу не допускают прокладывать пути более прямого.

Описываемый край, т. е. долина реки Бики и верховья притоков Пора и Има, не имеют недостатка в лесе, так как весь он состоит из лесных и болотистых мест; при всем том надобно заметить, что хорошего строевого леса мало, да при том он и невысоких качеств, недолговечен, срубленный скоро портится и гнивает, как это видно на китайских, а также и на русских домах, которые очень часто исправляются.

В верховьях Бики и притоков Пора и Има заметна ощутительная разность климата сравнительно с Уссурийским под теми же градусами широты. В верховьях Бики, начиная от деревни Чамудынзда, в июле месяце бывают часто холодные дни и особенно ночи, так что без теплой меховой одежды там обойтись невозможно. Туманы бывают там частые и в пасмурные дни облака носятся очень низко и падают на землю. В это время невозможно бывает различать предметы на расстоянии 5 сажень. Что же касается до природы страны, то нельзя ни под каким видом сравнить этот край с Уссурийским. В последнем встречаются частые и обширные луга и редколесья и кое-где деревни с возделанною землею. По Бикину, именно – в верхней его части, куда ни помотришь, везде чаща, горы и болота, не видно ни чистых лугов, ни даже редколесий. По островам реки, на отмелях берегах, кое-где временные юрты орононов и местами очень незначительное количество китайских домов с маленькими при них огородами. От избытка леса воздух в этой стране сырой и суровый. Теплые ветра не оживляют и не согревают земли. Этот, весьма малонаселенный, край изобилует преимущественно лесом, для сплава которого нужно было бы расчистить пороги, хотя на столько, чтобы с весенним приливом воды спускать его в Уссури. Не имея никакого употребления, лес, единственное богатство этих мест, служит только к образованию болот, которыми и без того обилён этот край.

Устья реки Бикина, с правой его стороны, небольшой ровный луг, на котором расположены огороды и пашни и самая деревня китайская, называемая

Бикидайнэ. Ближайшие горы (хребет Бокумаша) у самого устья реки Бикина покрыты дровяным хвойным лесом, и в том месте, где эти горы прилегают выше к Бикину, лес дровяной и строевой. Преобладавшие здесь породы: ель, кедр, дуб, черная береза, осина и белая береза – всегда с большею или меньшею примесью липы, орехового дерева, ясеня, ильма и других пород. Левый берег Бикина от его устья до речки Джазанку ровный и луговой с редколесьями черной березы и дуба, дровяного достоинства. По этой части луга кое-где расположены пашни казаков Покровской станицы Уссурийского казачьего батальона. Местами по лугу есть значительные куртины или островки черноберезового, дубового, осинового и белоберезового лесу строевого. Близлежащий хребет Сумур ближе к устью р. Бикина покрыт лесом дровяным, а выше к речке Джазанку лес лучших качеств. Речка Джазанку вытекает с хребта Сумур и впадает с левой стороны в протоку р. Бикина. По обе стороны этой речки местоположение ровное, луговое; с левой стороны луг обширнее и чище, чем с правой ее стороны, который более порос лесом и кустарниками. Большой остров, что лежит против устья речки Джазанку, луговой с множеством маленьких озерков. По берегам этих озерков и по маленьким проточкам лес прутняковый. Луга здесь тоже покрыты редколесьем или куртинами строевого, дровяного и поделочного леса, пород: дуба, черной и белой березы, осины, ильма с примесью других лиственных и редкохвойных пород.

Река Бики до устья речки Джазанку имела среднее направление на восток, а от этого места река повернула круто на юг, каковое направление удерживает на расстоянии 100 верст. Против устья речки Джазанку, на правой стороне реки Бикина, лежит небольшой лужок с редколесьем, окруженный горами, обильными лесом строевым, дровяным и поделочным хвойных и лиственных пород. Далее, с той же стороны реки Бикина, т. е. с правой его стороны, впадала речка Нучь-Гуми, по обе стороны коей находятся обширные луга. С правой стороны этой речки луг больше, нежели с левой, и покрыт редколесьем, местами чистого ильма и местами черною березою и дубом и разным смешанным лесом. С правой стороны речки Нучь-Гуми местоположение ровное, – редко покрытое разным лесом, а выше устья той же речки на одну версту место гористое, покрытое строевым, дровяным, поделочным и прутняковым лесом дубовым, еловым, березовым и орешником или лещиною и кустарниками. Речка Нучь-Гуми вытекает из лощины между гор Бокумаша и Гуми. Выше устья речки Нучь-Гуми, верстах в семи с той же стороны реки Бикина, впадала небольшая речка, по которой по обеим сторонам лежит довольно обширный луг, покрытый кустарниками, дровяным и поделочным смешанным лесом. На противоположной стороне Бикина, несколько выше устья вышеупомянутой речки, впадала в Бикин речка Кангули. По левой стороне речки Кангули луг покрыт маленькими озерками и мокрыми местами. По лугу редколесье черноберезнику, дубу, местами куртины, или маленькие островки лесу белой березы, осины с примесью других лиственных пород дровяного и строевого достоинства и кустарника разных пород. По правой стороне речки Кангули луг более поросший лесом и кустарниками. Местами по лугу встречаются небольшие площади, покрытыми ильмом. В вершине этой речки хороший строевой лес еловый и кедровый с примесью дуба, черной березы, орехового дерева, ильма и прочих пород. Выше устья речки Кангули впадала с правой стороны в Бикин речка Дай-Гуми, которая протекает по совершенно чистой и луго-

вой равнине. На правой стороне речки луга обширнее и лучше, нежели на левой ее стороне. Вдоль по левому берегу этой речки, в расстоянии около двух верст залегает отрог гор Гуминских, покрытый преимущественно дубом и кедром дровяного достоинства. У устья речки Дай-Гуми луг по обе стороны этой речки покрыт поделочным строевым и дровяным смешанным лесом, а на противоположной, т. е. на левой стороне Бикина, против устья р. Дай-Гуми, мокрый низовой луг, довольно обширный, покрытый разным лесом. Посредине этого луга лежит небольшое озерко. Выше этого места с левой же стороны р. Бикина тянутся луга до устья речки Силян. У речки Фондауери, что пониже р. Силян, луг несколько возвышеннее близлежащего луга у озера. Ниже устья реки Арчи (Алчи) с правой стороны Бикина, а также и по Арчи с правой ее стороны, лежит подгорная равнина, покрытая хорошим строевым поделочным и корабельным лесом. Эта подгорная равнина местами мокрая, местами несколько возвышенная – сухая. На сухих местах растет смешанный лес; крупный и прямоствольный кедр, ель, дуб, лиственница, ясень, ореховое дерево, ильм, пробковое дерево, липа и еще многие другие, и все деревья достигают здесь крупных размеров и хорошего достоинства. Близлежащий хребт Алчидаане покрыт крупным хорошим строевым и поделочным лесом смешанным.

Верхняя оконечность хребта Сумур, т. е. та часть, которая лежит против устья реки Арчи, особенно богата строевым, дровяным, поделочным, корабельным и мачтовым лесом: еловым, дубовым, ильмовым и другими породами. Таких же достоинств и еще лучший и также разнообразный лес на близлежащих высоких горах Хамхеза. На горах Хамхеза и на соседних горах хребта Сумур, что против устья речки Арчи, леса лучшие из всех до селе осмотренных; без сомнения, может быть и ближе к устью р. Бикина, есть подобные места с таким же лесом, но вывозка его труднее к воде, к удобному месту для сплава. С этих мест очень легко можно было бы сплавливать лес плотами, только в большую воду по Бикину в Уссури, если бы представилась для этого надобность. Река Арчи есть самый большой приток р. Бикина и впадает в него с правой по течению стороны. Эта река протекает по широкой низменной, многолесной равнине, приближаясь во многих местах довольно близко к р. Бикину. Арчи довольно близко подходит к горе Дзяуготай или к китайскому дому Дзягомо, почему жители, путешествуя зимою для сокращения пути, вместо того, чтобы ходить по Бикину, который, при многих извилинах, имеет еще большее протяжение, обыкновенно от устья Арчи покидают Бикин и отправляются на юго-восток по Арчи и потом, завидя гору Дзяуготай, переходят лугами к Бикину, следуя уже дальше вверх по Бикину. Вторично река Арчи, или ее вершина, близко подходит к вершине речки Тоголо, притока реки Бикина. Главные притоки реки Арчи суть: Тоудохеза (Хульдуки), Банихеза, Кальчи. В вершине речки Кальчи есть солонцы, на которых всегда находится множество диких зверей, почему жители из деревни Чамудынзда, Тоголо и из соседних юрт, по речке Тоголо и по другим им известным дорогам, часто отправляются для ловли зверей на солонцы в вершину речки Кальчи. По реке Арчи два или три дома китайских и очень часто эта река посещается ороचनाми, постоянно переменяющими свои места жительства. По речке Тоудохеза есть китайский дом Ирца-Гундин, а у устья речки Бонихеза китайский дом Дзионгбухузо. По р. Арчи есть, впрочем, довольно много чистых хороших и сухих лугов и много редколесий, удобных для заселения. Выше устья реки Арчи на правой

стороне р. Бикина, равнина покрыта лесом дровяным и поделочным лиственничным, а на левой стороне местоположение гористое, покрытое, как уже было выше сказано, самым богатым и разнообразным лесом. Выше, где кончается хребет Сумур, у реки Бикина по левой его стороне до хребта Дзягомо, а по правой до хребта Чаумуинза, местоположение ровное, частью луговое с редколесьями, частью лесное, мокрое и болотистое. На этом пространстве гор не было видно по обе стороны реки на довольно большое от нее расстояние. От хребта Сумур до речки Камхеза лес по ровному и мокрому месту дровяной и строевой осиновый, березовый лиственничный, еловый с примесью других пород деревьев. Выше устья речки Хамхеза, т. е. по правой ее стороне, лес по мокрому же месту преимущественно осиновый и березовый с примесью лиственницы и других пород. На правой же стороне Бикина, против устья речки Хамхеза, довольно хороший луг с редколесьями ильма, орехового дерева, черной березы, ясеня и других пород. Луг только заметен у берега реки, а дальше от реки густой смешанный дровяной, поделочный и строевой лес. Выше по Бикину, до хребта Дзягомо, местность довольно однообразная ровная, местами луговая, а местами лесная, мокрая и болотистая. Особенно замечательно на этом пространстве одно место на левой стороне реки Бикина у изгиба реки, в самом колене, откуда река приняла направление на восток. Там ровный совершенно чистый и возвышенный довольно обширный луг с хорошею землею и душистыми травами. Почти посредине этого луга близь реки плоская тоже чистая безлесная возвышенность. Это место весьма удобно для русских поселений. Вблизи этого луга, среди смешанного строевого и дровяного леса, заметны куртины превосходного строевого, даже мачтового леса, елового кедрового. Верстах в 15 ниже хребта Дзягомо, на левой стороне реки Бикина, среди редколесья кедрового, орехового ясеня и других пород смешанного поделочного, дровяного и строевого леса, находится первое поселение от устья Бикина, с возделанною землею, состоящее из одного китайского дома. На левой стороне реки Бикина, верстах в 20 от китайского дома Дзягомо, начинается хребет гор, называемый Дзягомо, который тянется от Бикина на юг.

С восточной стороны у подошвы этих гор протекает маленькая речка того же имени, как и хребет. По этому хребту растет превосходный дубовый, кедровый, ясеневый и других пород лес, строевой поделочный и корабельный. Верстах в двух выше устья речки Дзягомо в Бикин с левой же стороны впадала речка Нючъга, которая протекает по обширной лесной и болотистой равнине. Эта равнина у берега реки Бикина, полосой версты на три, сухая, покрытая хорошим лесом строевым, поделочным и корабельным, пород: кедр, ильма, ели, ясеня, орехового дерева, липы, черной березы и других; далее же от берега р. Бикина места мокрые и болотистые, покрытые белою березою, осиною, лиственницею и елью дровяного и строевого достоинства. На правой стороне Бикина от устья речки Нючъга начинается хребет Чаумуинза, который от берега крутой, каменистый и рассыпчатый: камни черного цвета неплотной, а разрыхляющей массы. По горе везде мелкий дубняк, а в лощинах между гор хороший поделочный лес, строевой и местами мачтовый, еловый, ореховый, ясеневый. Далее вверх по Бикину множество на реке проток и порогов. На правой стороне реки лес более хвойный-строевой, не очень крупный; в смеси попадаются хорошие и крупные ильмовые и ясеневые деревья. Осина и белая береза часто попадаются чистыми насажде-

ниями на больших пространствах. По островам реки большое разнообразие в растительности: здесь ивы и тальнику много, также довольно не крупной ольхи. Верстах в 12 от хребта Чамуинза правый берег несколько возвышен, покрыт невысокими горами. В этих горах, а также и выше в горах Мочсыза, есть слои глинистого сланца, который может быть употребляем на точила. Впрочем, следует заметить, что сланец очень мелок и твердый и при том он находится здесь в небольшом количестве в жилах твердой и каменной породы. Горы Мочсыза и Гаануманза местами оголены, местами покрыты лесом лиственным строевым и дровяным. Здесь на горах много осины и белой березы, а дубу очень мало. Ильм и тополь встречаются более на низких ровных местах и на пологих склонах в довольно крупных размерах. Черной березы, липы и пробкового дерева и ясеня не очень много в этих местах. Черная береза даже мало заметная. По берегам реки много черемхи, калины и красной смородины, а иногда малины. Целастр и виноградник повсеместно по горам и даже по ровным местам сильно распространены. Акация Маака очень часто попадает, но не крупная; ель и кедр в смешанных лесах достигают довольно крупных размеров. Лиственница более заметна в низких местах. От гор Гаануманза до гор Боголяза местоположение по обе стороны реки Бикина ровное, местами сухое, а местами мокрое, болотистое, покрытое еловым, лиственничным, березовым и осиновым с примесью других пород лесом дровяным и строевым. По островам реки много ильму, черемхи, яблони сибирской, тополя и часто даже лес разных пород и крупный и хороших достоинств. Горы Боголяза у устья р. Ситуха на левой стороне Бикина, и немного выше устья речки Ситуха на правой стороне горы Олондзындза покрыты разным лесом хороших достоинств. Речка Ситуха после р. Арчи есть второй по величине своей приток реки Бикина. Ситуха впадает с левой стороны в Бикин и в большую воду для ороchonских лодок судоходна на четыре дня ходу, т. е. на 80 верст вверх.

Орочоны и китайцы часто зимою отправляются по этой речке на р. Има, до которой от устья Ситуха считают ходу 8 дней или 160 верст. По речке Ситуха в ее вершине есть два дома китайских, но китайцы там живут бедно и не имеют хороших огородов и пашен. На правой стороне Бикина, против устья речки Ситуха, на берегу реки построено несколько зимних ороchonских юрт. Высокий хребет гор Сиха-дай-дзиндза весьма обилён разным лесом и также богат им, как и хребет Хехцир, что на устье р. Усури, только доступ к этому хребту более труден, потому что у подошвы этих гор болота. По северо-восточной стороне гор Олондзындза у подошвы этих гор протекает речка Олондза, и у устья ее есть один дом китайский с пашнею. Этот дом пустой, а только пашня засеяна китайцами, живущими выше в дер. Чамудындза. По обе стороны вверх по Бикину до китайского дома Дзяусендза, по ровным местам и по островам реки, хороший лес кедровый, еловый, лиственничный, пихтовый и лиственный лес разных пород, только кроме дуба, которого совершенно почти незаметно. Китайский дом Дзяусендза с огородами и пашней лежит на правой стороне р. Бикина среди редколесья хорошего смешанного леса строевого, поделочного, дровяного и корабельного. Выше этого места, на той же стороне р. Бикина, находится деревня Чамудындза, состоящая из двух китайских домов с огородами и пашнями и из нескольких ороchonских юрт. Этот пункт на Бикине более всего населен жителями, потому что здесь более всего водятся диких зверей, что и доказываем присутствием по близости солонцеватых мест. От деревни Чамудындза вверх на правой

стороне р. Бикина горы Быйдзуиндза, покрытые хорошим лесом, а на левой стороне у берега реки возвышенная равнина луговая, или покрытая редколесьем, а далее от реки чаща смешанного строевого и поделочного лесу. С восточной и северо-восточной стороны гор Быйдзуиндза у подошвы протекает речка Тоголо, по которой жители ходят на солонцы, находящиеся в вершине этой речки и реки Арчи. От деревни Чамудындза р. Бикин становится еще более извилистою и более быстрою. В малую воду чрезвычайно трудно по ней плавать: пороги и наносы лесу повсюду на реке и в ее притоках запруживают реку. Горы Пончалаза и Амба по правой стороне, а Бомдындза и Метанхеза по левой стороне р. Бикина, обильные лесом строевым, дровяным, поделочным и корабельным смешанным, покрывающим береговое пространство реки вверх по Бикину до устья речки Кхэтен. Горы эти крутые, крышеобразные, во многих местах упираются грядями в р. Бикин. По ровным местам, а также в лощинах гор много ильма, тополя, орехового дерева, ясеня: кедра на этих горах более заметно, чем на других горах. Лиственница находится на этих горах в примеси только, преимущественно господствует здесь ель. Здесь мало заметно дуба и черной березы, которые только попадаются единично. Желтая береза встречается, но очень редко. Мало также заметно здесь осины и белой березы. От деревни Чамудындза до устья речки Кхэтен есть два небольших поселения орочей; одно из них выше речки Тоголо на правой стороне р. Бикина, состоящее из 4 юрт оседлых орочей, имеющих небольшие при юртах огороды; второе же поселение находится на левой стороне Бикина у подошвы гор Бомдындза, состоящее из одного покинутого дома китайского и трех юрт кочевых орочей. Кочевые орочи или орочоны, во время лета, повсеместно по Бикину и по его протокам и притокам постоянно кочуют с одного места на другое. Выше устья речки Кхэтен, в верстах восьми на правой стороне р. Бикина, есть едва заметная тропинка, по которой жители переходят с реки Бикина на р. Пор. Эта тропинка сначала идет горами прямо на север версты полторы, а потом левым берегом речки Кхэтен до перевала чрез водораздельный хребет Кхэтен-линь, и от вершины речки Кхэтен сначала по водораздельному хребту Кхэтен-линь, а потом по болоту тоже все на север до речки Кхэтен-Дабан, впадающей в реку Пор (Хоро). По речке Кхэтен-Дабан орочоны поднимаются и спускаются в своих лодочках, называемых у русских оморочами. Нужно особого навыка и ловкости, чтобы плавать в орочонских лодках, которые сделаны из целого тополевого или ветлового ствола, выдолбленные, легкие и тонкие, непрочные, верткие; при малейшей оплошности, плавая на этих лодочках, очень легко можно опрокинуться в воду, либо разбить лодку об коряжник и карчу, либо камни, которыми так богаты все здешние реки и речки. Течение речки Кхэтен-Дабан весьма быстрое и извилистое, но речка не глубока, только местами в крутых поворотах есть глубокие ямы с уловами. Сухопутная дорожка от реки Бикина до речки Кхэтен-Дабан 15 верст, а по речке Кхэтен-Дабан до р. Корзона 27 верст. По речке Кхэтен, впадающей в р. Бикин, у ее устья горы покрыты разным смешанным лесом, а несколько выше по этой речке горы с правой ее стороны пологие почти до ее вершины, с левой же стороны горы покрыты таким же лесом, лежат у самого берега этой речки. Хребет Кхэтен-Линь в том месте, где пролегает дорожка, не очень высок, пологий, покрытый хорошим хвойным лесом кедровым, еловым и разным лиственным. Дубу на этих горах совершенно незаметно; ясеня, орехового и пробкового дерева очень мало заметно. Болотистая равнина, что по

правую сторону речки Кхетен-Дабан, покрыта елью и лиственницей строевого достоинства. Речка Корзона в лето 1861 года в этом месте была недоступна сухим путем по причине большой мокроты болот и лесов не только по ровным местам, но даже и на горах. По речке же Кхетен-Дабан спуститься не было никакой возможности на плотках, потому что на реке во многих местах запруды из наносов и так как речка имеет ширины не более 6 саж., то упавшее дерево на одном берегу этой речки ложится вершиною своею на другой берег, образуя таким способом своего рода пешеходный мост через речку, только разве для диких зверей. Так как подобных препятствий по этой речке очень много, то ни в каком случае невозможно по ней плыть ни на плотках, ни даже в лодках. Река Корзона, приток Пора, как это можно было заметить с ближайших гор, на довольно большее расстояние протекает по широкой низменной равнине, покрытой густым лесом. Местные жители рассказывали, что речки системы р. Пор текут большею частью по широким низменным лесным равнинам и по гористым местам, тоже покрытым лесом, таких же пород и достоинств, как на Бикине. Река Корзона гораздо более, шире и быстрее р. Бикина, но не так извилиста, как последняя, и более течет одним руслом, не разделяясь на многие протоки как Бикин. Жителей по р. Корзона очень немного; первые жители тоже орочны или орочи, могущие встретиться на реке Поре не ближе от устья речки Кхетен-Дабан как за 60 верст. От устья р. Кхетен-Дабан у орочей есть путь вверх по Бикину до устья речки Дай, вдоль которой лежит тропинка на реку Има; местоположение по правой стороне р. Бикина ровное, порытое строевым, дровяным, поделочным и корабельных лесом, еловым, лиственничным, ильмовым и разным смешанным. Река на этом пространстве весьма извилиста, разделяющаяся на множество мелких проточек, очень быстра и мелка. С правой стороны реки Бикина впади в этом пространство речки Соне-Тале и Гондзагу.

Речка Дай или Дааи впадала в Бикин с левой его стороны в 400 слишком верст от устья реки Бикина. На устье р. Дай есть три юрты орочей. От устья этой речки есть сухопутный переход на реку Има, который от того места идет на юг и юго-запад по той же речке, с перевалом водораздельного хребта рек Бикина и Има, а потом по тому же направлению по притоку р. Има, извилистому тоже на юг и юго-запад до правого берега р. Тайдзибери. По обе стороны речки Даае, от ее устья вверх верст 15, местоположение ровное, сырое, покрытое разным смешанным лесом; выше же местоположение гористое и тоже лесное. На водораздельном хребте, между реками Бикин и Има, лес более хвойный еловый, лиственничный и смешанный лиственных пород, кроме дуба, которого совершенно незаметно, крупный и хороший и при том в изобилии. Спускаясь вниз по притоку р. Има, местность тоже покрыта разным лесом и у устья этой речки на горах заметно присутствие дуба, но он здесь корявый, дупловатый и малорослый. У устья этого притока и по р. Има на ровных местах ель, лиственница, осина и береза, а на горах ель, кедр и дуб с примесью других пород деревьев строевого, дровяного поделочного достоинства. Река Тайдзибери протекает по местности весьма гористой и лесной; она чрезвычайно извилиста, быстра и мелка, и ни в каком случае неудобна для плавания по ней в лодках, даже ороchonских; жителей по реке Има совершенно нет. От устья р. Дай до самой вершины р. Бикина или до сухопутного перевала, до верхних пунктов хребта Сихотэ-Алинь, как можно судить по расспросам, около 60 верст расстояния. Постоянных или оседлых жителей выше устья речки

Дай по Бикину нет, а только изредка орочны поднимаются туда и то на короткое время для ловли диких зверей. Река Бикин выше устья речки Дай местами течет между крутых и высоких гор в узких ущельях и местами по небольшим равнинам. Пространство это покрыто дремучим лесом, как и самый водораздельный хребет Сихотэ-Алинь, на котором, говорят, много огромных деревьев разных пород, встречающихся по Бикину и Уссури. Хребет Сихотэ-Алинь очень высокий, и во многих местах он и его ветви обнажены совершенно от леса и всякой почти растительности, представляя одни только голые камни и скалы.

У устья речки Дай на Бикине есть пункт, выше которого жители не ездят на лодках, а от этого места отправляются сухопутно и то, разумеется, только зимою к берегам Восточного океана, попадая сначала с вершины реки Бикина на вершину маленькой речки Кутунгу, по которой и идут вниз к берегам океана; от устья речки Дай ближайший путь к океану лежит на юго-восток по р. Бикину по хребту Сихотэ-Алинь, а потом по речке Кутунгу до ее устья, считая это расстояние на 8 дней ходу или 160 верст русских. На устье речки Кутунгу есть жители орочны и дальше к югу от этой речки на 1¹/₂ дня ходу другая речка Аэмгу, а от этой еще на 1¹/₂ дня ходу речка Кемугу, а от последней на 2 дня ходу р. Сангобери. По всем этим речкам, впадающим в Восточный океан, живут орочны, а на последней реке китайцы, имеющие там дома, огороды, пашни и винокуренные заводы.

Один из тамошних китайцев, по имени Сунзанай, имеет на реке Бикине в деревне Чемудындза дом с огородами и пашнями, а на реке Сангобери, что впадает в Восточный океан, имеет винокуренный завод, пашни и скотоводство до 40 голов рогатого скота и 10 штук лошадей. Китайцы рассказывали, что от устья реки Сангобери на 6 дней ходу по берегу Восточного океана к югу живут русские, вероятно, подразумевая наши поселения в Ольгинском заливе.

По речке Кутунгу, в горах Уанктен, китайцы, путешествующие там, нашли камень, в котором предполагали присутствие серебра и хрящеватый песок с блестками, которые принимались китайцами за золото. Образчик этого камня, содержащего не серебро, а свинец, доставлен мною горному инженеру Баснину, командированному в лето 1861 года для разыскания золота по реке Уссури. Песок, хрящ с блестками, который находили китайцы на речке Кутунгу, есть ни что иное, как разрушившийся гранит, который, как известно, содержит слюду. Горы по реке Бикину: Бьйдзуындза, Тоголо, Бомдындза и Амба форму имеют острую, крышеобразную и, кажется, содержат кварцевую породу – обыкновенный спутник золота.

IX. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТНОСТЕЙ ПО РЕКАМ ИМА И ВАКУ И ПО ИХ ПРИТОКАМ

В 357 верстах от устья реки Уссури, то есть от станции Казакевича, с правой ее стороны, впала река Има, которая светлыми своими водами резко отличается от беловатого цвета вод реки Уссури. Ближайшее поселение от устья реки Има в 17 верстах ниже по Уссури, есть станица Чупрова или Благодатная, а в 10¹/₂ верстах выше устья реки Има по Уссури лежит казачья станица Красноярская. Против устья реки Има на левом китайском берегу реки Уссури расположен маньчжурский караул и несколько китайских купеческих домов и два конфуцианских храма. Ширина реки Има у ее устья простирается до 60 сажен, что составляет третью долю ширины реки Уссури в том же месте. В 1861 году весною переселены были казаки из Чупровой станицы на устье реки Има, которые уже начали было строиться на правом ее берегу у самого устья реки, но, испытав наводнение, бывшее в том же году, переселились обратно на прежнее свое место. Здесь же, на хороших и чистых от леса местах, разделаны пашни станицы Чупровой, а также поля и огороды китайцев, живущих выше по реке Има в 8-ми верстах от ее устья.

Правый берег реки Има у устья и выше, до впадения в нее реки Ваку, ровный, сухой, луговой, только в самую большую воду потопляемый, покрыт изредка у самого берега реки лесом, а далее от реки только единичными деревьями. Точно также и правый берег реки Уссури до станицы Чупровой ровный луговой, покрытый единичными деревьями. Равнина эта у реки Има более возвышенная и сухая с черноземною хорошею почвою, годною для пашен, а к станице Чупровой низменная и местами поемная, удобная лишь для сенокосения и пастбищ. На левом берегу реки Има, у ее устья, лежит небольшая низменная равнина, которая ограничивается рекою Има вверх по ее течению на 2¹/₂ версты, рекою Уссури вверх на 3 версты и горами Красногорскими. Равнина эта покрыта редколесьем смешанным лиственным дровяным, поделочного, строевого и прутнякового достоинства и густыми хорошими кормовыми травами, свойственными почвам богатым и черноземным. Горы Красногорские выходят крутыми выступами к берегу реки Уссури и тянутся вверх по ее течению крутыми обрывистыми выступами и оврагами. В реку Има эти горы упираются только в одном месте, в трех верстах от устья, тоже крутыми и обрывистыми выступами, и это место у китайцев известно под именем Цацырь. От выступов Цацырь Красногорские горы отходят от реки Има на юго-восток и тянутся несколько в параллель руслу реки Ваку в расстоянии 7 верст от берега реки.

Горы Красногорские, с удалением от берега реки, имеют большею частью пологие скаты и плоские нагорные возвышенности с толстым почвенным слоем

земли черноземной, между тем как эти горы у берегов рек крутые, скалистые и обрывистые и местами обнажены от растительности. Выступы гор Красногорских на реке Уссури обрывистые, глинистые, цвета красного, почему и названы эти горы русским именем по их цвету. Под этим же именем эти горы известны и соседним гольдам и китайцам. Красногорские горы имеют в многих местах превосходные нагорные равнины с редколесьем и даже чистые поляны, весьма удобные для надежных пашен, не потопляемых водою. Новые, поселившиеся на Красной горке из линейных солдат, перечисленных в казаки и из вновь переселившихся из Забайкалья казаков, будущие хлебопашцы, разыскали удобные для легкой обработки места под пашни и некоторые из них успели самыми скудными средствами возделывать часть земли и убедиться в ее плодородии. Красная горка считается завидным для хлебопашества по Уссури местом у казаков соседних станиц.

Лес, покрывающий равнину у устья реки Има с правой стороны, дровяного и прутьякового достоинств, лиственных пород смешанный черный и белый. Как сказано, эта равнина луговая и покрыта только единичными деревьями и редко куртинами или небольшими лесными островками. Лес ближе к реке Има заметно лучших качеств, попадаются деревья строевого и поделочного достоинств, но с удалением от реки Има и вниз по берегу реки Уссури ближе к станции Благодатной или Чупровой, лес реже и мельче и местность более низменная, годная для сенных покосов; между тем как места, ближние к реке Има, могут быть с пользою возделываемы под пашни, хотя и потопляются водою, но только в самые большие разливы, как подобно разливу, бывшему в 1861 году, который, по уверению старожилов китайцев и гольдов, бывает весьма редко, примерно через 30 лет. Породы деревьев, произрастающих на описываемом лугу суть: по преимуществу на лучших сухих и черноземных местах ильм и дуб, перемешанные черною березою, ореховым деревом и ясенем; на местах несколько низменных, чаще приметны осина, белая и желтая березы. По берегам рек и речек и проток и по островам в множестве распространены ивы, тальники разных видов, черемха, тополь или осокор душистый, осина и часто примеси других пород леса и кустарники разных видов. Все вообще породы деревьев и кустарников перемешаны и растут повсеместно. Луг на левом берегу реки Има, у ее устья, тоже возвышенный и сухой и покрыт теми же породами лесу, как и противулежащий луг, но только поросль гораздо гуще и крупнее, годная на сельские постройки и на поделки. Этот небольшой луг хотя и удобен под пашни, но с большею выгодой может быть оставлен под пастбище поселившимся и поселяющимся на Красной горке жителям.

Поселяющиеся на Красной горке найдут поблизости на Красногорских горах удобные под пашни места, ни в какую воду не потопляемые. Красногорские горы покрыты лесом строевого, поделочного, дровяного и даже местами корабельного достоинств лиственных пород, смешанных, и только в юго-восточной оконечности этих гор есть примесь хвойных пород леса кедрового, елового и редко лиственницы. Юго-восточная оконечность этих гор у казаков соседних станиц известна под именем кедровой сопки, куда в зимнее и осеннее время казаки станиц Красноярской и Ильинской отправляются для собирания кедровых орехов. Кедровая сопка лежит от помянутых станиц в расстоянии 15 верст. На Красногорских горах породы растущего леса весьма разнообразны,

но преобладания породы суть: осина, черная береза, дуб, ясень, ореховое дерево, ильм, белая береза и в виде примеси другие породы леса, свойственный этой местности.

Осиновый лес, растущий здесь и вообще по всей Уссури, считается самым способным и самым употребительным у всех почти уссурийских казаков и у всех инородцев строительным материалом, так как эта порода более преобладает в смеси лесов и растет повсеместно, притом стволы осины довольно прямые и подбористые, и добывание его из лесу, как и работа из него же, по мягкости и легкости древесины, удобны, что и заставляет предпочитать на первый раз новопоселяющимися казаками эту породу пред другими лучшими породами. Другие породы леса, хотя и растущие в изобилии, как например: дуб, ясень, ореховое дерево, ильм и прочие, но не составляют предмета важности у казаков и употребляются ими для незначительных их нужд в поделках и на дрова. На дрова, как для пароходов, так и для домашнего обихода, лес рубится обыкновенно без всякого разбора его достоинств и только одно имеется обстоятельство в виду – близость доставки дров к пароходной пристани, или к дому.

Строевой лес хвойных пород на Красногорских горах находится только в весьма незначительной примеси; в более заметной же примеси он находится на Кедровой сопке; но добывание его оттуда затруднительно по причине дальности расстояния от реки и от жительство. Дуб, растущий в примеси на этих горах, а также и на дугах, не есть доброкачествен, малорослый, кривоствольный и дупловат. Дуб любит земли рыхлые, несколько влажные и тучные, глубокочерноземные, никак не может достигнуть хороших качеств дуб, растущий на болотных или заливных местах и каменистых грунтах, на которых деревья бывают дупловаты, кривоствольны и многосучны. Местами дуб попадаетея хороших достоинств и годен на корабельное дело.

Породу лесов, произрастающих в описываемых местностях по рекам Има, Ваку и по их притокам, можно разделить на следующие виды и качества: 1) черный твердый лес, 2) белый мягкий и 3) красный высокоствольный. Лес первых двух статей есть лиственных пород, то есть на сучьях имеет листья; третьей статьи лес есть хвойных пород, который на сучьях вместо листьев имеет иглы. По достоинствам же, на какое употребление может быть годен лес, он называется: корабельным, артиллерийским, строевым, поделочным, дровяным и фашинным или прутняковым лесом.

1. Черный и твердый лес заключает в себе: дуб, ильм, вяз, клен, ореховое и пробковое дерево, акация Маака, ясень, береза черная и желтая, красная боярка, кизиль, жостер, дикая яблонь, груша уссурийская, диморфант.

Дуб есть господствующая порода леса по реке Ваку с ее притоками и в нижней части реки Има. По свойству почвы, на которой дуб произрастает, есть двоякого рода лес: рослый и здоровый – годный на строения и на корабельное дело, и малорослый – корявый и низкосучный, годный лишь на незначительные поделки и на дрова. Дуб любит землю рыхлую, тучную и несколько влажную, на которой он вырастает хорошо. По реке Ваку хорошего дуба неприметно. Годного на корабельное дело дуба можно найти весьма незначительное количество по реке Ваку на горах Красногорских и Пейленза. По реке Има дуба хороших качеств встречается больше. На горах Сидаха, Сахалин и Чаншинза дуб произрастает хороших качеств. В некоторых местах по горам Сахалин в смешанном лесу дуб

вырастает до восьми сажен длины бревна и 10 вершков в верхнем отрубе, но таких незначительное количество.

Ильм растет, составляя иногда чистые насаждения на долинах, хороших возвышенных лугах и в смешанных лесах на хорошей земле. По распространению своему в этом крае ильм занимает второе место после дуба. Ильм полезен на разные употребления; добротный ильм весьма сходствует с дубом, как в крепости, так и в прочности. Из этого дерева делаются лафеты к пушкам, спицы, ступицы для колес и разные столярные изделия. Ильм по реке Ваку произрастает только в смеси с другими деревьями на лугах и в лесах; составляя чистые насаждения по реке Ваку только в немногих местах и на небольших пространствах, он бывает тогда строевого и поделочного достоинств. По реке Има ильмовый лес более распространен, и качествами своими замечается превосходнее ильм, растущий на нагорных равнинах и пологих их скатах в смешанных лесах и весьма разнится от ильма, растущего на низменных местах и на лугах. У устья речки Чинза, на возвышенных лугах ильм составляет чистые насаждения редколесья и произрастает там хорошо. Вяз произрастает только в весьма редкой примеси, почти единично в смешанном черном лесу. Свойства и употребление вяза почти одинаковы, как ильма; кроме того из вяза гнутся хорошие дуги.

Клен, годный для столярного изделия, встречается здесь очень редко и в незначительной примеси в лиственных лесах.

Ореховое дерево растет по реке Има повсеместно; по реке Ваку, на горах Красногорских и Пейленза в значительной примеси, в остальных же местах по этой реке мало его заметно. Ореховое дерево растет обыкновенно в смешанном лиственном лесу и чаще замечается по берегам рек и речек. Ореховое дерево очень годно на мебель и на разные столярные и токарные поделки. Из корней орехового дерева можно делать довольно крепкие и красивые ружейные ложки. Древесина орехового дерева довольно крепкая.

Пробковое дерево, растущее единично, но довольно часто в смешанных лесах, имеет ствол прямой 40–50 футов вышины и 1–1½ фута в поперечнике. Древесина высушенная довольно крепка и годится на мелкие столярные поделки.

Акация Маака по свойству почвы бывает весьма различная. На сырых и мокрых местах растет худо, и древесина ее бывает тогда хрупка и некрепкая; растущая же на горах и возвышенных местах на хорошей земле достигает 15 дюймов в поперечнике, имея тогда древесину крепкую и твердую. Это дерево встречается в небольшой примеси в смешанном черном лесу в разных местах по реке Има; по реке Ваку оно очень бывает редко замечается и то только в нижней ее части.

Ясень составляет значительную примесь в смешанных лесах, но более приметно его на влажных и береговых местах. На хороших землях ясень вырастет толстым, прямым и высокоствольным деревом. Он замечен повсеместно на реке Има по пологим склонам гор и по ровным местам. По реке Ваку этого дерева весьма немного. Древесина его довольно крепка и красива; она годна на разные столярные изделия – на мебель.

Черная береза встречается повсеместно, составляя господствующую породу в смешанных лесах; иногда чистыми насаждениями, но более в смеси с дубом, покрывает обширные пространства по рекам Ваку и Има. Желтая береза встречается редко только в небольшой примеси в смешанных лесах. Белая береза растет в значительной примеси в лесах, но более в верховьях реки Има, в смеси

с осиною, и в верховьях реки Тайдзибери на пологих сырых местах в смеси с лиственницей и осиною.

Красная боярка растет в незначительной примеси по берегам рек и по пригоркам в смешанном лесу. Дерево ее очень крепко и годится на токарные работы и на винты.

Кизиль, жостер, сибирская яблонь, груша уссурийская, диморфант шип-дерево, все эти виды встречаются на горах и на ровных местах в смешанных лесах, но довольно редко, кроме сибирской яблони и кизиля, встречающихся чаще. Груша уссурийская есть местная редкость, замечаемая только единично.

2. Белый и мягкий лес состоит из липы, осины, ветлы, ивы, вербы, ольхи, березы белой, рябины, осокора, тополя.

Липа встречается повсеместно в смешанных лесах, составляя незначительную в них примесь. Она заметна более в лесах по реке Има во всех местах, а по реке Ваку более в нижней ее части на левом берегу. Липовое дерево по мягкости своей превосходит другие породы и древесина ее может идти на разные столярные, токарные и резные работы. Изделия из лык и коры липовых деревьев, как то лапти, цыновки, рогожи, кули, лубья и прочее, во многих местах внутри России составляют значительный промысел для крестьян.

Осина в большом количестве произрастает повсеместно, но более заметна на влажных местах. Хотя древесина этого дерева очень мягка и непрочна, неспособна на строения, но по Уссури у казаков и во всех местах в Зауссурийском крае у здешних инородцев считается общепотребительным строительным материалом. Ветла, ива, тальник, верба и ольха растут по всем сырым местам, по берегам рек и речек и по островам.

Береза белая растет повсеместно в лесах, составляя в них примесь; в верховье притоков реки Има и, в особенности по реке Тайдзибери, заметна более нежели в других местах.

Рябина весьма редко встречается в смешанных лесах единично, составляет местную редкость.

Осокор-тополь растет по берегам рек и на островах, а также в небольшой примеси в смешанных лесах. Орочоны выделывают из осокорowego дерева довольно красивые, легкие и удобные для плавания по быстрым и мелким речкам баты или оморочи.

3. Красный высокоствольный лес заключает в себе ель, пихту, лиственницу, кедр и сосну.

Ель произрастает по реке Ваку только в незначительной примеси в лесах на Красногорских горах, на Кедровой сопке и несколько больше на горах Пейленза. По реке Има в нижней ее части ель мало заметна. На горах Сидаха–Сахалин растет не в весьма большой примеси, но на горах Найшенза, Чаншинза, Чигобоуза и выше по обе стороны реки Има и, в особенности по реке Тайдзибери, составляет почти господствующую породу, заменяя в тех местах дуб. Ель есть превосходный строительный материал, и за неимением в тех местах сосны, вполне заменяет ее. Даже высокие еловые деревья бывают годны на мачты и на все части строения корабельного, где требуется сосна. Ель может быть распиливаема на доски.

Пихта весьма редко замечается по реке Има, как единичные деревья в смешанных лесах. По реке Ваку пихты совершенно не имеется.

Лиственница растет более в верхних частях реки Има и ее правых притоков на ровных и низменных местах в смеси с осиною и белою березою, а на возвышенностях с елью и также в смеси с разным лесом. По реке Има до устья реки Тайдзибери лиственница растет в небольшом количестве, но по реке Тайдзибери в ее средней и верхней частях лиственница произрастает в изобилии; по реке Ваку она заметна в примеси на Кедровой сопке и горах Пейленза и в их окрестностях на равнинах в весьма небольшом количестве. Древесина лиственницы имеет твердость и крепость превосходнее других хвойных пород. Она не портится ни в воде, ни в земле и потому с пользою может быть употребляема на разные подводные части строений и на кораблестроение.

Кедр по реке Ваку на Красногорских горах и на горах Пейленза растет в незначительной примеси; на Кедровой сопке тоже в примеси с другими породами леса, но в большем количестве. По реке Има кедр хорошо растет на высоких горах, достигая огромнейшей величины, так что можно из него выпилить доски до двух аршин ширины. Древесина этого дерева мягче ели и годна на разные плотничные и столярные работы.

Сосна местными жителями была замечена на горах Сидаха–Сахалин, в количестве не более трех деревьев, находящихся на высоких ее пунктах. Присутствие сосны по реке Има только некоторым старожилам этого края известно. По рассказам старожилов, известно, что на горах Софантай, составляющих водораздел реки Има и речки Софантындза, впадающей в Восточный океан, есть несколько сосновых деревьев, растущих на самых высших местах тех гор. Сосна здесь составляет местную редкость.

Произрастающие по рекам Има и Ваку кустарники суть: ивы, тальник, орешник (лещина), богородская трава, паслен, багульник, рододендр, жимолости, кизиль, аралия, панакс, элейтерококкус, дикий жасмин, таволожка, леспедеца, виноградник, бересклет, синий изюм, коломикта, целестр, малина, красная смородина и многие другие породы. Все эти кустарники растут повсеместно в лесах, составляя в них местами густую непроходимую поросль.

Особого замечания заслуживают растущие в этих местах: дуб, лиственница, ильм, ореховое дерево, ясень и ель, могущие принести значительную пользу для края. Дуб и лиственница, так дорого ценимые для кораблестроения в России и за границу, не имеют почти никакого употребления в здешнем крае, сгнивая на месте. По огромной массе лесов, полезных в Амурском крае, лежащих на сплавных реках и по берегам Восточного океана, следовало бы ходатайствовать о разрешении устраивать казенные и частные лесопильные заводы (подобно заводам пильным в Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях, расположенным в казенных лесах) для заготовки брусьев, разных досок, батансов, весел, жердей, шестов и разных материалов и изделий для заграничного торга лесом, а также и для русских портов Восточного океана и Балтийского моря. Через введение заграничного торга лесом на Амуре край должен обогатиться, потому что он будет вместе с тем и потребителем и производителем. На место наличных денег, выходящих до сих пор ежегодно за границу с Амурского края, за потребляемые привозные товары платил бы лесом, а не монетою, и тогда капиталы амурских жителей по большей части оставались бы для оборотов в крае. Без сомнения, с введением заграничной торговли лесом на Амуре, можно было бы ожидать и значительного удешевления привозимых товаров. До сих пор суда,

привозившие товары, разгружались на Амуре и уходили обратно пустыми. Издержки на обратное плавание судна всегда раскладывались на привозимый к нам на этом же судне товар. С введением же торговли лесом обратно идущие с Амура суда охотнее бы, вместо камня, нагружаемого для балласта, брали бы лес, который с выгодами сбывали бы в других местах. Отпуск леса за границу, кроме пользы краю и государству, не причинил бы вреда истреблением лесов. Только рубка леса должна была бы производиться правильная, не превышая ежегодного прироста, и чтобы на вырубленных местах вырастал новый и улучшенный лес, что можно достигнуть, соблюдая правила лесного хозяйства.

Ежегодный прирост на таком огромном пространстве, покрытом почти сплошным лесом (судя наглядно только $\frac{1}{10}$ доля всего Амурского края не покрыта лесом), должен быть весьма огромный. Числительной цифры как запаса, так и прироста леса, даже приблизительно невозможно определить по причине малоизвестности края. Теперешнее население Амурского края своими потребностями на лесной материал, вырубая его ежегодно, положительно не делает никакого уменьшения в запасе. Большая часть жителей, поселившихся на Амуре и Уссури, жалуется на избыток леса, не находя свободных от него мест для своих пашен и огородов. Видим еще, что при беспощадном уничтожении в окрестности города Николаевск леса, где сплошная порубка его, производившаяся совершенно произвольно, несколько лет сряду в одних и тех же местах, не успели еще удалить лес на 5 верст от центра города. При таком огромном количестве лесов на Амуре и его притоках, удобных водяных сообщениях, незаметно было бы уменьшение леса при ежегодной правильной вырубке разных его сортов и пород, как для внутреннего употребления, так и для отпуска за границу. От таковой вырубki, производимой ежегодно в крае, с соблюдением правил лесного хозяйства, лес не оскудел бы, а еще бы улучшался; между тем отпуск такого количества леса доставил бы казне значительный доход, а краю заметное оживление и промышленную деятельность.

Река Има у устья имеет довольно быстрое течение, но еще сносное для плавания в лодках. Берега реки Има с устья обрывистые, крутые, поросшие тальником по обе стороны, луговые. В трех верстах от устья на левом берегу реки Има лежит скалистый выступ гор Красногорских, называемый у китайцев Цацырь, на котором заметно остались следы нескольких юрт и часовен китайских. Вслед за этим выступом на пологом скате горы разделана русскими казаками под пашню земля и засеяна гречихой. В трех верстах выше выступа Цацырь река разбилась на много протоков и в том месте, по причине быстрого течения воды, делает трудным переход на лодках вверх. Перейдя эти пороги, на правом берегу реки Има, лежит небольшая деревня, заселенная китайцами и гольдами. Эта деревня состоит из трех китайских и четырех гольдских домов и расположена на островах реки, покрытых разным смешанным дровяным, прутняковым и частью поделочным и строевым лиственных пород лесом. На этих островах много черемховых деревьев и лоз винограда, плоды которых жители этой деревни собирают для лакомства. Растущий здесь виноградник хотя и дикий, но дает плод спелый и довольно вкусный. Жители этой деревни, как китайцы, так и гольды, занимаются огородничеством и хлебопашеством, разделявая земли на островах реки около домов и поблизости на материке правого и левого берега реки Има. Собственно земледелием занимаются только одни китайцы, а гольды, имея небольшие

только собственные огороды, служат китайцам как наемные работники. Землю под пашни разделяют китайцы сохой, имея для сей работы лошадей. Гольды, имея собственных лошадей, зарабатывают ими у китайских купцов наймом возделывать земли и возить груз с устья реки Има в манчжурские города и обратно. Груз возят летом на вьюках, а зимою на лошадях и на собаках в запряжке в санях. Китайцы иногда отправляются зимою путешествовать по реке Има на лошадях, но подобные путешествия по такому пустынному краю, как по реке Има, возможны только на манчжурских лошадях. Эти лошади довольно крепки, сильны и долго переносят голод, довольствуясь всю зиму, даже во время тяжелой и трудной работы, подножным кормом и подачками всяких рыбных, мясных и хлебных помы, вполне согласуются с своими хозяевами, питаются почти одними и теми же яствами. Описываемая деревня называется Има-Ваку и лежит в 8-ми верстах от устья реки Има и на 1 версту ниже устья реки Ваку. Китайцы и гольды этой деревни имеют не более 12 лошадей рабочих и жеребят, кроме того держат иногда рогатый скот, не оставляя однако его на зиму, а убивают на мясо. Раннею весною, по стаянию снегов, пока земля не покрылась зелеными травами, гольды часто отправляются верхами на лошадях вверх по реке Има для звериных промыслов за дикими козами и изюбрами.

В 9-ти верстах от устья реки Има находится устье реки Ваку, которая впала в первую с левой ее стороны. Устье реки Ваку находится на В. от устья реки Има. Река Има имеет среднее направление своего течения на З., а река Ваку с устья идет, смотря против течения, на Ю.В., потом на В., а потом круто поворачивает и имеет направление на Юг, несколько склоняясь к Западу. Река Ваку имеет чистую светлую воду, но несколько различную от воды реки Има, в которой она имеет несколько синеватый отлив. Река Ваку течет извилисто, но не быстра и неглубока, имея в некоторых местах небольшие пороги с быстрым течением воды. Местами по реке Ваку наносы лесу загораживают русло во всю его ширину, делая через это плавание по ней невозможным. От устья реки Ваку, вверх по ее течению, по левому берегу лежит большой сухой луг, покрытый единично и куртинами лесом лиственных пород. Этот луг простирается до Красноярских гор и вверх по реке на 40 верст. Во многих местах по этому лугу есть совершенно чистые небольшими площадями возвышенные места, не покрытые лесом и кустарниками. Больших же площадей чистого лугу на расстоянии 40 верст от устья можно указать два места, из коих один сухой несколько возвышенный, а другой низменный мокрый и местами кочковатый. Единичные деревья, а также в куртинах растущие на этом лугу, суть черная береза, ясень, ильм, осина, ореховое дерево, тальники, ивы, белая береза, дубняк и кустарники. Лес, растущий на этом лугу, преимущественно дровяной, но попадаются также деревья хорошие, годные на постройки и на поделки. Лесное пространство, находящееся выше упомянутого луга, покрыто теми же породами и таких же достоинств лесом, как и единичные деревья на ниже лежащем лугу, местность только несколько низменнее и поэтому сырая и частью болотная. В 65 верстах от устья реки Ваку на правом ее берегу находится оронская юрта Пейле. От этой юрты по обе стороны реки вверх на 10 верст, а вниз по левой ее стороне на 4 версты и по правой на 35 верст, лежит довольно обширный луг, единично и куртинами покрытый лиственных пород смешанным лесом: чернопоберезником, ильмом, дубом, осиною, ясенем и другими породами дровяного и поделочного достоинств.

Луг по левой стороне реки сухой с лесом, а по правой, против близлежащей нижней ороченской юрты, чистый мокрый, а дальше сухой с лесом. В ближайшем расстоянии от юрты Пейле, а вместе с тем и ближайшем расстоянии от реки Ваку в 7-ми верстах, на левой ее стороне, лежит хребет гор, называемый Пейленза. Эти горы довольно высокие с пологими скатами, густо покрыты разным лиственным лесом, перемешанным разными породами хвойного лесу. Лес, произрастающий на этих горах, строевой хороший, годный на лучшие сооружения, также лес поделочный, дровяной и изредка корабельный. Строевой лес здесь более лиственных пород. Горы Пейленза, по количеству и качеству произрастающего на них леса, могут считаться самым богатым лесным пунктом по реке Ваку. По преобладанию пород, произрастающих на горах Пейленза, можно считать дуб, черную березу, ильм и ель. Дуб большею частью растет некрупный, но можно встречать там хорошие дубовые деревья, имеющие прямой и здоровый ствол, толщиной до 10 вершков в отрубе. Лиственницы очень немного на этих горах; она только заметна примесью в лесах на низменных около гор местах и в котловинах, имея впрочем довольно крупные размеры. Ель хотя редко, но произрастает хорошо; мало замечен здесь кедр, составляя незначительную примесь, более замечен на возвышенностях гор. Растущие на этих горах ясень и ильм прямоствольны и достигают 8 вершков в верхнем отрубе и до 6 саж. длины бревна. Горы Пейленза в некоторых местах представляют голые, непокрытые лесом, пространства и местами покрытые только скудным дубовым дровяного лишь достоинства лесом. На местах, имеющих толстый почвенный слой земли, лес произрастает лучший. Лесную поросль на этих горах составляют преимущественно орешник, дикий виноградник, целластр и прочие кустарники.

Выше юрты Пейле, на 20 верст по реке Ваку, лес произрастает худших достоинств, но все еще заметны деревья строевого и поделочного достоинств; далее же вверх по реке лес по обе ее стороны на горах и по ровным местам дровяного и прутнякового достоинств, преимущественно дубовый и чернопоберезовый, а по островам, по берегам речек и по мокрым местам тальниковый и ивовый. По ровным местам в лесах заметна примесь осины, ильму, осокоря и других пород леса, но не в большом количестве. Вверх от юрты Пейле, левый берег реки Ваку, до того места, где река делает крутой поворот на юг, покрыт лесом лиственных пород смешанным дровяного прутнякового достоинств. Правый же берег реки на этом пространстве состоит из лесных и луговых с лесом мест ровных, но лес здесь несколько лучший, нежели на левом противоположном берегу, видна даже примесь лесу поделочного и строевого достоинств. Горы Пейленза состоят из невысоких и иногда довольно пологих небольших хребтов и отдельных небольших горок о нескольких вершинах. Только две отдельные горки Пейленза прилегают к берегу реки, на которых могли бы удобно устроиться небольшие селения хлебопашцев и скотоводов, имея поблизости и луга для пастбищ и под пашни. Лес на этих горах очень редкий и состоит из мелкого, низкосучного и корявого, дупловатого дубняку и черной березы. По горам Пейленза есть также и хороший лес, но он замечен в небольшом количестве только в падах и на некоторых местах на горах, где образовался более толстый и рыхлый грунт земли почвенной. Вообще горы Пейленза каменисты и покрыты очень тонким слоем почвы, почему лес хорошо произрастать на них не может.

Выше вверх по реке Ваку, где она течет с юга на север, или, смотря вверх против течения, где река повернула на юг, по правой стороне ее течения местоположение ровное, луговое с лесом и чисто луговое, местами мокрое, а по левой у ее колена – луговое с лесом, далее же гористое, покрытое лесом дровяным. Лес, произрастающий здесь на ровных местах, значительно лучше растущего на горах. Простирающиеся вдоль левого берега реки Ваку горы, именуемые Иба-Тун, – каменисты, круты, но не очень высоки, у берега реки обрывисты, утесисты и в многих местах совершенно обнажены, не имея никакой растительности. На горах редколесье дубовое с незначительными примесями черной березы, единичных деревьев липы и других пород леса, и поросль орешника и других кустарников. Лес, растущий на этих горах, есть дровяного только достоинства. На ровных же местах заметны: ильм, черная береза, осина, ясень, ореховое дерево, годные на постройки и на разные поделки. На лугах единичные деревья, а также растущие в куртинах, суть: ильм, осина, черная береза, ясень, липа, тальники, черемха, ореховое дерево, осока и кустарники; вообще лес дровяного и прутьякового достоинств, и редко заметны деревья, годные на постройку и поделку. Берега реки и острова покрыты ивами, тальниками и черемхой. От устья реки Ваку вверх по ее течению на 270 верст не было заметно никаких в нее притоков, или побочных речек, кроме небольших ручейков, изливающих воды с лугов и с маленьких озер болотного свойства, во множестве находящихся на лугах. Первая речка, на этом протяжении замеченная, есть Тундза, текущая с окрестных гор и впадшая в реку Ваку с левой ее стороны. От впадения этой речки, которая имеет свое течение с запада на восток, река Ваку приметно уменьшившись, изменяет и направление своего течения, идя вверх по реке от речки Тундза на юго-восток. Выше устья речки Тундза, по реке Ваку даже на малых лодках, по причине ее мелководности, наносов лесу валежного и запруд частых от такого же лесу, плавать невозможно в маловодье, в полноводье же орочны умеют хорошо плавать и выше речки Тундза, в доказательство чего могут служить стоящие во многих местах выше юрты или летники, также зимние жилища. У устья речки Тундза есть три ороchonские юрты, в которых живут люди, между тем юрты, попадавшиеся ниже, по реке Ваку, были на это время брошены. По реке Ваку выше вверх от устья речки Тундза на 2 дня ходу, по рассказам туземцев, есть 3 китайских дома и несколько ороchonских юрт. Живущие там китайцы занимаются в зимнее время звериными промыслами, а летом огородничеством и хлебопашеством; орочны же рыбную ловлю и звероловством. Здешние орочны обычаями, наружным видом, формою их жилищ и одежды совершенно различны от ороchonов, живущих по реке Бикину. Здесь даже неизвестно им название ороchon, а они сами и китайцы их называют *ламукан*, что означает приморский: так, по крайней мере, объясняют китайцы, что эти жители пришли на реку Има с берегов моря. Весьма замечательно, что здешние орочны имеют на голове волосы рыжие и иногда только можно заметить темно-русых. Здешние ламуканы строят всегда свои зимние юрты и амбары из кольев, установленных конусом и покрытых травой; между тем у других ороchon по реке Бикину и Пору юрты неостроконечны, а двускатные и покрытые корьем. Летние юрты так же, как и других инородцев, делаются ламуканами из вареной бересты и имеют такую же двускатную форму, как у гольдов.

Все почти луга по реке Ваку, в бывший в 1861 году разлив, были потопляемы водою, почему и не могут считаться надежными для хлебопашества местами. Ровные на горах места и пологие их скаты, не покрытые лесом, большею частью каменисты и не имеют достаточного для хлебопашества почвенного слоя земли. Местность по реке Ваку большею частью ровная, низменная, малогористая и малолесная. По рассказам местных жителей, река Ваку от впадения в нее речки Тундза протекает еще до 150 верст по местности более гористой и лесной, нежели в нижней ее части. В верхней части реки Ваку есть и хвойные строевые леса и хороший дубовый лес.

Река Има извилисто протекает от ее устья вверх на 100 верст по направлению на восток, а далее, также извилисто, имеет направление на северо-восток. Река Има имеет течение весьма извилистое и быстрое, разделяясь часто на многие протоки и рукава и при том же, протекая по диким и лесным местам, имеет много карчей, островов наносного лесу, мелей и порогов, почему плавание по ней не всякому доступно, только при хорошем знании этой реки и особой сноровке, свойственной здешним жителям инородцам, возможно плавать, впрочем не без опасности, на легких лишь ороchonских батах (оморочах) и то совершенно налегке. Лучшие баты, на которых можно плавать по реке Има, не могут быть более нагружены 16 пудов вместе с работающими на них людьми, причем для поднятия такой лодки вверх по реке Има должны усиленно и непрерывно работать с необходимою ловкостью два человека, подвигаясь вперед при самом успешном ходе в нижней части реки Има до 15 верст в день, а в верхней несравненно менее. По реке Има местность более гористая и лесная, нежели по реке Ваку. Правая сторона реки Има в нижней ее части и обе стороны реки в верхней ее части гористы и многолесны; левая же сторона нижней ее части луговая, ровная и малолесная. По реке Има в разных ее местах и по ее притокам находится до 25 китайских домов и до 45 ороchonских, или ламуканских юрт с семьями. Китайцы, проживающие по этой реке, занимаются торговлею, в малых размерах хлебопашеством, огородничеством, звериными промыслами, рыболовством и отыскиванием дикого корня растения жень-шеня. Ламуканы занимаются рыбной и звериной ловлею и работами по хозяйству у китайцев. Ни по реке Има, ни по Ваку живущие китайцы и орочоны не имеют никакого животного хозяйства, кроме незначительного количества собак, кур и случайно пойманных диких кабанов, откармливаемых дома.

От устья реки Ваку вверх по реке Има до речки Пейшехо, по левому берегу реки, местоположение ровное, луговое с лесом и чисто лесное, сухое, но в самые большие разливы, подобные разливу 1861 года, покрываемые водою. Лес на лугах растущий единично и на чистых лесных местах, состоит из ильма, черной березы, осины, ясеня с примесями прочих пород леса и кустарников дровяного и поделочного, строевого и прутнякового достоинств. Правый берег на этом пространстве лесной и только в некоторых местах луговой. Между устьями реки Ваку и речки Пейшехо, на правом берегу реки Има лежат три отдельные горки, из коих первая, лежащая ниже, называется Сиверга, а две другие – Панзенза. На этих горах лес лучше растущего на ровных в окрестности местах, и много находится на этих горках хорошего строевого и поделочного дубу, ясеню, ильму и других пород леса лиственного. Горы Сиверга и Панзенза довольно крутые и покрыты густым лесом, растущим на хорошей черноземной, местами хрящевой

и глубокой почве, лежащей, однако, на твердом каменистом грунте. Выше второй горы Панзенза на ровном берегу правой стороны реки, на небольшом чистом и возвышенном лугу, находится китайский дом с небольшим при нем огородом и пашнею. Речка Пейшехо впадала в реку Има в расстоянии 69 верст от ее устья с правой стороны. Эта речка протекает у подошвы гор Сидаха–Сахалин и имеет не быстрое, но извилистое течение. По обе стороны этой речки, по мокрому и ровному месту, лес строевой, дровяной, поделочный и прутняковый лиственных смешанных пород и в весьма небольшой примеси, заметной только по левой ее стороне, хвойных пород. Против устья этой речки, на левой стороне реки Има находится значительный чистый, но мокрый луг, окруженный луговым с лесом пространством, также весьма низменным и мокрым.

Несколько выше устья речки Пейшехо, на левой стороне реки Има, есть три временные ороchonские юрты с жителями, а на правой стороне реки Има, у подошвы гор Сидаха–Сахалин, два китайских жилых дома с небольшими при них огородами и пашнями. Горы Сидаха–Сахалин, расположенные по правому берегу реки Има, очень высоки, круты и многолесны. Лес, произрастающий на этих горах, весьма разнообразен и здесь можно найти деревья и кустарники всех пород, которые произрастают по Уссури и ее притокам. Эти горы, в отношении растущего на них леса, весьма сходны с горами хребта Хехцир, находящегося у устья реки Уссури, но лиственные леса являются преимущественно преобладающей породой.

Хвойные породы: кедр, ель, лиственница и пихта растут в примеси в лиственном лесу и иногда небольшими площадями на этих горах составляют чистые насаждения хвойного леса. По уверению некоторых китайцев можно заключить, что на горах Сидаха–Сахалин попадаются сосновые деревья, но весьма редко. При осмотре местности никогда не удавалось видеть на этих горах растущую сосну: но один старожил, китаец, живущий на реке Има, в течение многих лет странствования по этим горам видел всего не более трех сосновых деревьев. Хвойный, растущий на этих горах лес строевого и корабельного достоинств. Лиственницы на этих горах мало, а еще менее пихты, которая только в некоторых местах заметна малою примесью.

Дуб, ясень, ильм, ореховое дерево и разный лес произрастают на этих горах весьма различных достоинств, смотря по достоинству почвы, и бывает строевой, поделочный, корабельный и дровяной. Левый берег реки Има, противулежащий горам Сидаха–Сахалин, ровный, на половину луговой и лесной. На лугу раскинуты деревья большею частью дровяного достоинства и в малом количестве поделочного и строевого, лиственных смешанных пород и примеси единичных деревьев хвойных пород. Поднимаясь вверх выше по реке Има, более оказывается примеси в лесах хвойных деревьев, хотя количество их в сравнении с лиственными породами деревьев весьма незначительно. От устья реки Ваку, на расстоянии 130 верст, первый приток в реку Има, с левой ее стороны впавший, есть речка Найшехо, протекающая по низменной и ровной лесной местности. Второй затем приток с той же стороны реки Има, впавший на расстоянии от речки Найшехо в 10 верстах, есть речка Чинза. Она, имея течение довольно быстрое, протекает по ровной, у устья луговой, а выше лесной местности более 30 верст, а еще выше она течет по малогористой, но тоже лесной местности. У устья речки Чинза по обе ее стороны и по правую сторону реки Има, против устьев речек Найшехо и Чинза,

находится довольно обширный и возвышенный с черноземною почвою луг, сухой, покрытый редколесьем, годный для разделывания на нем пашен. На устье речки Чинза и поблизости находится несколько китайских домов, занимающихся с успехом сеянием буды и других хлебных растений. Возделывание китайцами земли производится посредством разных лопаток и заступов, а потому они и не могут возделывать большего количества земли, как тройной пропорции годового на свое семейство продовольствия, вследствие чего и не имеют достаточного количества хлеба для продажи ороочонам. Около устья речки Чинза и вверх по ее течению, по обе ее стороны, – хорошие под пашни земли, годные для заселения. Редколесья по лугам и по ровным местам по речке Чинза и в окрестности по реке Има состоят преимущественно из ильму строевого с примесями других пород хорошею черного леса. Выше по реке Чинза по ровным местам, а также и на близлежащих горах лес смешанный лиственных пород дровяной, строевой и поделочный. Горы Найшенза и Чаншинза, расположенные на правой стороне реки Има, покрыты строевым, поделочным, корабельным и дровяным лиственным с небольшою примесью хвойных пород лесом смешанным. Горы Найшенза местами скалисты и обнажены, безлесны; горы Чаншинза упираются в реку высокими утесистыми скалами. На ровных местах между гор и у подошв их часто приметны болота, покрытые скудным дровяного лишь достоинства лесом. На ровных же местах около реки, так же на горных равнинах и на пологих горных скатах, часто заметен примесью в лиственном лесу хороший еловый лес. На этих же горах на хорошей, глубокой и черноземной почве произрастает крупных размеров корабельный дуб и местами вяз.

Левый берег реки Има от устья речки Чинза, до впадения в первую реку Тайдзибери, имеет местоположение ровное, и только в значительном отдалении от реки заметны невысокие горы. Все пространство это покрыто лесом от речки Чинза до речки Чиншахо лиственным смешанным, а далее до речки Тайдзибери и по последней лиственно-хвойным мешенным. На этом пространстве только ниже реки Чиншахо, по левому берегу реки Има и вверх на 10 верст по речке Чиншахо, местоположение несколько возвышенное, сухое, ровное, покрытое редколесьем лиственно-хвойным, удобное для пашен. Остальное пространство представляет дикий непроходимый лес с густою порослью кустарников, строевого, поделочного и дровяного достоинств. При впадении в реку Има р. Тайдзибери на правом берегу реки ровное пространство до гор Чаншинза и по прилегающей к нему части гор Чаншинза покрыто лесом лиственных пород, с весьма малою примесью хвойных, строевого дровяного и поделочного достоинств. Речки Найшехо, Чинза и Чиншахо мелки, узки, засорены валежным лесом и потому не могут быть способны для плавания по ним в маленьких даже лодках. Ниже устья речки Чиншахо на правой стороне реки Има есть два китайских дома, занимающихся в малых размерах хлебопашеством и огородничеством.

В расстоянии 239 верст от устья река Има приняла с правой стороны значительный приток Тайдзибери. Река Тайдзибери протекает с востоко-северо-востока, а река Има с юго-востока. По показаниям жителей, река Тайдзибери гораздо больше реки Има с места их слияния, и протекает от своей вершины до впадения в Има более 300 верст. Вверх по реке Тайдзибери, по обе ее стороны, местность весьма гористая и многолесная; по реке же Има до ее вершины местность менее гориста и менее лесная, нежели по реке Тайдзибери. Река Тайдзибери

служит зимою сообщением жителей реки Има с жителями р. Бикина и берегами Восточного океана. Жители реки Има идут обыкновенно зимою по реке Тайдзибери до перевалов на реку Бикин в 4-х местах: на речку Ситуха, р. Байдзигоза, р. Метанхеза и на речку Дай – все притоки р. Бикина, а потом с Бикина отправляются вверх до перевала на речку Кутунгу, впадающую в Восточный океан.

Перевал с реки Има на реку Бикин считают самым лучшим и удобным и коротким по речке Дай. С русла реки Има на берега Восточного океана есть и другой путь. Иногда только некоторые звериные промышленники отправляются по реке Има до ее вершины и потом делают переход через высокие горы Софантай на реку Софантындза, впадающую в Восточный океан. Обыкновенно жители русла р. Има на реку Софантындза отправляются по р. Тайдзибери, выходя на Бикин и на р. Кутунгу, а потом берегами Восточного океана достигают реки Софантындза, путь по которой хотя и длиннее, но считается у жителей более удобным, нежели через горы Софантай.

Добыча лесов, растущих в долине реки Има, по ее притокам и на горах, прилегающих к этой долине, по причине весьма быстрого течения реки, заваленной колодником, карчами и наносами лесу, по дикости также места, не может быть производима без особенных трудов и больших издержек. Также места в том крае, удобные для заселения, по той же трудности сообщения, не могут быть заняты без особых на то издержек. Для извлечения пользы с этого пустынного края, необходимы: во 1-х, спрос на лесной материал, и во 2-х, спрос на удобные для хлебопашества и скотоводства земли, без чего не имеется никакой надобности устраивать по дикому месту сообщения. Не смотря на дикость страны и быстрое течение реки, возможно было бы провести сухопутные дороги, ибо местоположение позволяет это сделать, и, расчистив от валежнику и наносов леса реку, возможно было бы иметь по ней сплав добываемых вверх по реке материалов. Следует также заметить, что река Има не имеет опасных каменистых порогов, и по долине реки нет больших и топких болот.

Корзун

Х. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ПО Р. УССУРИ, ВЫШЕ УСТЬЯ В НЕЕ Р. СУНГАЧА, ДО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕРВОЙ ИЗ РЕЧЕК ФУДЗИ И САНЬДОГУ

В 1861 году отправился я сухопутно из 20-й станицы Уссурийского казачьего батальона 20-го числа июня, имея в своем распоряжении 5 человек нижних чинов линейного №3 батальона и 4 выючных лошадей, из коих одна моя собственная под мой выюк, а три купленные на казенную сумму под своз провианта для 5 нижних чинов и разного их имущества, исключая одежды и обуви, которую каждый должен был нести весь путь на себе. Вода в Уссуре в то время с самой весны стояла гораздо выше уровня предыдущего лета, когда почти около того же времени я поднимался вверх по Уссуре в лодке, между тем как теперь совершил этот путь на казенном пароходе до 20 станицы, употребив на этот переезд 10 дней от Хабаровки. Весь май и июнь по Уссуре продолжались дожди почти ежедневно и часто шли сильными ливнями. Во время пути от 20 станицы до 21-й, а потом до 22 и 23 казаки этих станиц предсказывали мне, что все лето будет сильно дождливое и что много горя доставит нам наш поход. Рассказывали о том, что местные жители гольды предупреждали казаков не сеять в этом году никаких хлебных растений, а лучше употребить их в пищу, грозили предстоящим повсеместным голодом. Но мне тогда будущее представлялось гораздо в лучшем виде, и я полагал, что тогда продолжались обыкновенные здесь периодические, около месяца продолжающиеся дожди, и я ждал им скорого конца и затем начала жарких дней. Во время моего отправления из 20 станицы была последняя четверть луны и с новолунием, обыкновенно сопровождающимся большими ливнями, предстояла перемена погоды к лучшему, по верной народной примете, и что тогда начнутся опять жаркие и сухие дни, как и в прошлом 1860 году, когда я в тот же день 23 июня отправился в экспедиции из 23 станицы. И теперь мы переплыли р. Уссуре против самой станицы и р. Сунгача на ее устье в Уссуре, а от дер. Хух-Хоуза отправились дальше луговым с редкими перелесками левым берегом Уссуре в некотором от ее русла расстоянии.

Лес нам встречался по пути смешанный лиственный разных не важных пород и посредственного качества, преимущественно же дубовый и черноберезовый, дровяной и между ним малая часть годна на мелкие поделки. Направление нашего пути было юго-юго-восточное, но мы часто должны были уклоняться от него в обход образовавшихся от ливших в то время больших дождей проток и заливов по всем низменностям обширной луговой Уссурийской долины. Иногда приходилось нам искать брода через эти протоки и заливы, если обход их казался нам слишком далеким. Кое-где нам попадались низменные места, где вода стояла по колена, а обойти эти низменности было невозможно.

Время тогда стояло больше пасмурное, каждый день перепадали дожди, иногда ливни, и только изредка проглядывало солнце, но тогда уже настаивала непомерно душная жара, от которой даже беспрестанное купанье не могло спасти. В эти жаркие минуты мы высушивали наши сухари, беспрестанно промокавшие в плохих и старых выючных сумках, и тем спасали от порчи нашу главную пищу.

Ближе к реке, влево от нашего пути, тянется узкая полоса (от $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ вершиною) с лесом лучших пород и лучшего качества, нежели встреченный нами на пути. Этот надречный лес был виден мною во время плавания вниз по р. Уссури в 1860 году и тогда уже описан. Нам же по пути изредка встречался иногда мелкий молодой ясень, орех и клен и в примеси к главным породам здешнего насаждения дубу и черной березе, попадались местами осина, ольха, белая береза средних размеров, и повсюду самый разнообразный кустарник всех тех пород, которые поименованы уже неоднократно в моем прошлогоднем описании. 20 июня лил сильный ливень в течение 7 часов сряду и нам пришлось спастись от прибывавшей в долине воды на покатоности одного из холмов, сопровождающих здесь левый берег Уссури, начиная от места впадения в нее р. Гарма. После этого ливня вода стояла по всей луговой долине, где выше, где ниже. Но, поравнявшись с устьем р. Та-Ситу, я счел за лучшее держать путь подалее от русла Уссури вдоль края холмов, окаймляющих ее долину, во избежание необходимости идти целые дни по колена в луговой стоячей воде, начинавшей уже оказывать вредное влияние на здоровье наших и конских ног, и уже погубившей много нашей обуви.

И по холмам здесь растет редколесье с частыми и обширными прогалинами тех же пород и тех же средних и мелких размеров, как и вышеописанный, большей частью дровяной, изредка годный на мелкие поделки.

С самого начала пути все ночи мы проводили страшно дурно, пользуясь самым коротким отдыхом, так как от постоянно дождливой погоды ужасно размножились комары и в особенности мелкие мошки.

Поравнявшись с устьем р. Сяу-Ситу, я удалился от речной долины Уссурийской, подавшись еще далее в горы и здесь, поднявшись довольно высоко, увидел лес великолепных размеров и лучших пород: величественные ясени, ореховые деревья, ильмовые, кленовые, дубы, осины и кедры достигают здесь вышины 12 и более сажень и около 10–14 и более вершков в диаметре на высоте груди. И здесь на склонах гор везде дождевые потоки, а в лощинах вода стоит лужами, превратившимися местами в топкие и труднопроходимые для выючных коней дождевые болота. Здесь 30 июня нас застигла ночь в вершинах гор, и мы попали в другую крайность: воды у нас не было вовсе, зато мы провели здесь первую спокойную ночь на чистом и продуваемом ветерком горном воздухе, где нас не беспокоили ни комары, ни мошки. Отсюда, пересекши в прямом направлении горный хребет, мы падью вышли к фанзе Лендофу, расположенной на берегу залива Уссури, немного выше, исчезающего в болотах. Вся низменная лощина вокруг этого залива в то время была наполнена стоячею и текучею водою, и добраться до фанзы нам стоило немало труда: в низменных падах этой луговой лощины образовались дождевые потоки до $1\frac{1}{2}$ аршина глубиною, через которые должно было людям перетаскивать сумы на себе, дабы не подмочить сухарей. Впоследствии я узнал, что фанзу эту, а равно и фанзы на р. Ситу совершенно смыло водою, а все хлеба и огородные овощи их совершенно затопило. Выйти на р. Дауби по прошлогодней

дороге тоже оказалось невозможным, а у китайцев проложена на случай наводнения обходная дорога, по которой мы и отправились по их указанию; обе эти дороги показаны мною на карте. И по этой новой дороге мы переходили вброд дождевые ключи и небольшие речки в их вершинках, но здесь броды были проходимые, на устьях же эти речки для брода недоступны. Миновав на полудороге одинокую фанзу со скудным хозяйством, мы дошли благополучно до дер. Фамагу на р. Дауби, посещенной мною уже в предыдущем году. По этой дороге встречался лес хороших пород и средних размеров, довольно густой, а в горах виднелся лес такой же крупный, как и виденный на предыдущем горном пути до дер. Лендофу. Воды дождевой было повсюду так много в тот очень жаркий день, что она бежала по самой тропе быстрым потоком, иногда шириною более 1 сажени. 2-го июля переправились мы через р. Дауби в лодке, которую достали в дер. Фамагу, и далее шли чистыми лугами с перелесками из весьма редкого мелкоколосья и кустарника по обходной тропе, иногда погружаясь в стоячую воду по колена, а главную тропу вдоль Уссурийского русла совершенно затопило водою, также как и тропу из д. Лендофу в д. Фамагу. Пройдя вер. 5 от переправы, мы подошли к самой Уссурийской протоке, а дальше пошли краем хребта левого берега Уссури, долина которой здесь стала заметно уже и местами шириною не более 1½ верст, напротив того места, где на карте показаны первые развалины города, по сведению ботаника Максимовича, посещавшего их в 1860 году. Тут же вблизи он видел устроенную при одной фанзе плантацию из женьшеневого корня и во всем подобную, по его отзыву, виденной мною такой же плантации при фанзе Угы-динза на р. Дауби. Но мне осмотреть эти развалины и плантацию в этом году не удалось, так как дорога к сказанной фанзе и даже дорога к фанзе Бай-дзынь-тхунг, расположенной несколько выше предыдущей, на правом же берегу Уссури, были затоплены водою, и идти по ним оказалось невозможным. Надеюсь попасть за Уссури выше, где только это окажется возможным, я следовал и дальше все вдоль края берегового хребта, пока не вышел к фанзе Танхоуза на левом берегу Уссури, которой протока средней глубины быстро и шумно протекает подле самой фанзы. Жители этой фанзы объяснили мне, уже начинавшему лучше понимать язык их, что попасть в дер. Бай-дзынь-тхунг от них невозможно, по неимению у них лодки и из-за глубоких от дождей проток, а что дальше береговой путь по левому берегу Уссури они считают невозможным. Но нам все-таки неизбежно было следовать далее и искать особого случая попасть на ту сторону Уссури. До фанзы Танхоуза лес по горам встречался все больше дровяной дубовый и чернопереберовый, а местами только лучших пород, вкрапленных среди господствующего дубово-чернопереберового насаждения. От фанзы Танхоуза есть тропинка к фанзе Чингхоуза, но у первой же речки мы должны были бросить эту дорожку, ибо по дороге перейти вброд речку было невозможно, а надобно было подниматься по ней выше, и в фанзу Чингхоуза попасть тоже оказалось нельзя. Речка эта называется Вен и по ней впервые после устья р. Дауби встретил я в примеси кедровый и малую часть соснового леса; последний замечен больше в горах, а первого много в долине. Как эти хвойные породы, так и лиственные – ясень, орех, клен, ильм – встречаются здесь очень крупных размеров и хорошего качества. Долина Уссури в этом месте почти вся лесная, так как и в лесу образовались потоки дождевой воды, затруднявшие нам ход, то мы направили свой путь горами, в этом месте высокими и круто обрывистыми. Около каждой

горной пади нужно было делать обходы, отыскивая удобный брод через протекавшие по ним глубокие от дождей потоки, делать непрерывные подъемы и спуски по страшной крутизне; вдобавок нас ежедневно мочил дождь, портя наш провиант, а по ночам комары и мошки решительно не давали нам отдохнуть более 1–2 часов в сутки.

В редкие промежутки между дождем сильно пекло и парило солнце. О подобном неутешительном положении никто из нас, уже бывалых в походах людей, не имел даже понятия, и страдания наши еще увеличивались опасением голода, так как сухарей много было попорчено и выброшено в лесу, а попасть в Уссури не скоро предвиделась возможность. Таким образом, левым берегом Уссури дошли мы до места на 5 в. водяного пути ниже фанзы Дзябигу, но продолжать путь оказалось совершенно невозможными по причине крутизны гор, ниспадающих местами отвесными утесами непосредственно над рекою Уссури, выйти же к жилью и запастись провизией была настоятельная необходимость. Только счастливая случайность спасла нас от ожидавшихся бедствий.

По Уссури проплывали в то время на двух лодках кочевые рыболовы орочи. Мы подали им голос, и они перевезли нас за реку в удобном месте и рассказали путь на дорогу, ведущую из д. Бай-дзынь-тхунг в д. Дзябигу. На горах и частью по долине левого берега Уссури встречается редкий дубовый и чернопереберовый лес с редкою примесью других пород, преимущественно дровяной и малая часть поделочного. Крупный поделочный материал здесь редок и больше находится по берегам р. Уссури и ее притоков. Ближе к фанзе Дзябигу есть 2 места, неудобных по крутизне, впрочем, неопасных для привычных к горным тропам лошадей. Через быстрый поток Дзябигу, шириною в ту пору не более 2 саж., мы перешли по перекинутому через него бревну, а измученных коней оставили за рекою пастись на роскошном лугу и поправляться силами. Первый наш ночлег в Дзябигу-хоуза был 9 июля. На следующий день пошел страшный ливень с утра, отчего вода в р. Дзябигу прибыла вдруг на 1 аршин, а потом еще прибывала; сообщение с тою стороною речки прекратилось, вода выступила из берегов, началось наводнение китайских полей, несмотря на то, что китайцы выбрали здесь для своего поселения очень высокое место, оставив прежнее ближе к речке, которое уже в прежние годы было затопляемо. Боясь еще большей прибыли воды в речке и опасаясь быть отрезанными надолго от наших коней, которые без присмотра легко могли сделаться добычею тигра, или далеко уйти от нас, посоветовавшись с китайцами, я приказал переплывать коней на эту сторону в месте, где укажут китайцы, но поток оказался слишком быстр для слабых коней, хотя такой силы в нем никто из нас не предполагал. Двое из коней переплыли речку, в которой ширина глубокого места все же не превышала 2 саж.; двух других коней унесло течением вниз по воде, где они попали под перекинутое через речку бревно и, получив ушибы от подводных коряг, унесены водою вниз; дальше одного из них убило до смерти о подводную большую колоду, а другой хотя спасся, но был уже так измучен и обессилен, что стал совершенно неспособным к работе. Оставшись с 2 только годными к работе конями, я должен был решиться, переждав начавшееся тогда наводнение в фанзе Дзябигу, отправить потом 2-х из нижних чинов в Хабаровку, потому что везти провиант для 5 человек на 1-й оставшейся лошади было невозможно. Переждать наводнение и дожди нам пришлось долго, именно 28 июля только оказалось нам возможным продолжать путь. Вода в это время из Уссури

разлилась по всей ее луговой долине от покатости гор правого берега до покатости гор левого берега. Шумно ревела быстрая масса воды, разрушая все на пути своем. Плыть по главному руслу реки даже вниз по воде и думать нельзя по причине страшной быстрины течения. Дожди все это время стояли периодически, перемежаясь очень удушливо жаркими днями, в которые вода везде убывала заметно быстро. Бывали дни, когда вода убывала в р. Дзябигу на 1 аршин в день и потом в одну ночь после сильного ливня опять прибывала до прежнего уровня.

Во время моего пребывания в Дзябигухоуза, от китайцев узнал я, что вер. в 15 от них на НО есть малая часть соснового леса крупных размеров; из этого леса сделан их обеденный стол. Они утверждали еще, что в горах у них есть плоды Ли-чи (*Euphorbia Litchi*), рисунки которых они увидели в бывшем со мною ботаническом сочинении. Но и Ли-чи, дикорастущего женьшеня, здесь много, и он очень дорого ценится местными жителями; равно дорожат им и приезжающие сюда из Манчжурии манчжурские чиновники и китайские торговцы, для которых этот корень едва ли не составляет главной цели их посещений этой дикой тесной пустыни. 26-го июля отправил я 2 нижних чинов обратно в Хабаровку, так как перед тем прибыл к нам из дер. Бай-дзынь-тхунг пеший китаец и поднялись водою оттуда же 2 лодки с знакомыми уже нам ороча. Я снабдил людей провизией и в первых числах августа они благополучно достигли 23 станицы Уссурийского казачьего батальона. Разузнав предварительно о возможности следовать дальше, и так как погода с новым месяцем устанавливалась хорошая, поэтому 28 июля в числе 4 человек на 2 конях, мы отправились в дальнейший путь, направляясь к заливу Св. Ольги.

Расстояние от устья р. Сунгача пройденным мною путем составляет около 210 вер., но при правильном сообщении в малую воду оно не должно превышать 186 вер. Все виденные мною места только близь самого русла Уссури обильны лесом, высоки и кажутся отчасти удобными для русских поселений, обладая богатою черноземною почвою, прекрасно возделываемою китайцами, напр. в Ситухэ, Лендофу, Фамагу, Дзябигу, где жители жили богато; по крайней мере до наводнения этого года эти поселения можно было назвать цветущими по изобилию в хлебе, овощах, скоте и во всем, к чему привычен китаец, где бы он ни поселился. Но такой большой воды в Уссури, какова была в этом году, старожилы китайцы не запомнят уже более 10 лет; поэтому они и понесли большие потери и в земледелии. Многие места, выбранные ими для своих поселений с опытностью старожиллов этого края и признанные безопасными от всяких наводнений, нынешний год очутились под водою; даже самые фанзы их (Ситуха, Лендофу, Чингхоуза) совершенно снесло водою, о чем нам передали прибывшие снизу туземцы. Поэтому я считаю места по верхнему течению Уссури вовсе неудобными для многочисленных русских поселений деревнями и станицами. Мне кажутся здесь возможны поселения хуторами по 1, 2 и 3 семейства, по крайней мере на первый раз опасно было бы оставить здесь поселения более многочисленным. Польза поселений в этих местах может быть та, что поселенцы эти могут облегчить правильность сообщения с приморским постом в заливе Св. Ольги и со временем будут доставщиками ценного лесного материала, который в удобное время можно сплавить вниз по Уссури. Но куда гораздо важнее упрочить наши поселения в низовьях Уссури, в этом году от наводнения тоже много пострадавшие, и устроить правильное сообщение по Уссури в легком речном пароходе, которому

плавание будет возможно, я полагаю, до устья р. Дауби. Кроме небывалой воды, как в этом году, по Уссури периодически тоже бывает, по рассказам местных жителей, большая вода, хотя уровнем и ниже нынешней, но все-таки опасная для незнакомых с краем русских поселенцев, а спасать их здесь было бы опасно даже в лодке; пароходу же едва ли суждено когда либо заходить в Уссури выше устья р. Дауби. Местоположение и природа этого края, взамен других неудобств, оригинальны и дикопрекрасны: почти на каждом шагу можно встретить великолепные виды и самую богатую луговую, а иногда и лесную растительность.

Породы горных кражей здесь состоят преимущественно из дикого камня и других глиносодержащих каменных пород. О сплавах по Уссури теми средствами, какими они производятся в настоящее время на Амуре, мне кажется, и думать невозможно. Плавание в лодке выше устья р. Дауби, в особенности в прибылую воду, небезопасно, и чем выше по Уссури, тем оно труднее. Китайцы имеют у себя мало лодок и управляют ими только люди опытные; преимущественно же плавают по Уссури полудикие гольды и ороча, редко, впрочем, заходящие по реке выше Дзябигухоуза и Наутухоуза. Но ведь гольды и ороча в плавании весьма искусны. Китайцы здесь транспортируют нужный им лес сухопутно на волах, более полезных в этом, чем лошади, во всем хозяйстве, как китайском, так и русском. От Дзябигухоуза до Наутухоуза расстояние 15 вер., которые мы прошли, встречая на каждом почти шагу следы опустошений, причиненных наводнением. Неизвестно откуда были занесены целые огромные деревья, или обломки их.

Первую половину дороги мы встречали дуб и черноберезовый дровяной лес, а вторую – крупный смешанный лес с елями и кедрами строевых размеров и дубняком только по крутостям гор. Тут два довольно крутых подъема и очень крутой спуск в долину р. Науту и прямо к дер. Наутухоуза. В этой деревне мы провели день, разузнавая как лучше переправиться через р. Науту, которая еще быстрее р. Дзябигу и также выступила из берегов, шире и значительнее Дзябигу и имеет в устье другую протоку. На другой день, подговорив старого перевозчика китайца, живущего за рекою, мы переплыли реку около 20 саж. шириною. Фанз в этой деревне очень много и везде живут зажиточно. Наводнение не сильно повредило поля, но смыло 3 дома на правом берегу главной протоки Науту. Перейдя вторую протоку р. Науту, мы далее шли не по торной тропе на фанзу Лианг-Иинг, местами затопленной, а пошли краем берегового хребта Уссури, спускаясь 2 раза в долины Уссурийских незначительных притоков. В 18 вер. от Наутухоуза мы вышли на берег Уссури и вместе на тропу из фанзы Лианг-Иинг; еще через 2 вер., видели вал, оставшийся от бывшего здесь когда-то укрепления, или города; потом поднялись в гору, пересекли еще неважный приток Уссури и горами же вышли опять на берег, но уже не Уссури, а р. Фудзи, против опустелого дома Цин-Циень-Ладза, откуда жители выжиты водою, которой опустошения везде свежо приметны. Слияние рек Фудзи и Саньдогу, составляющих Уссури, ниже этого дома на $2\frac{1}{2}$ вер., течет рукав той же р. Фудзи.

Лесная растительность последнего пути дуб с редкою примесью других лиственных пород, по кручам и окраинам гор, – и смешанный лиственно-хвойный лес поделочный и строевой – дальше от окраины и выше в горах.

ХІ. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ПО РЕКАМ: ФУДЗИ, ЛЕ-ФУДЗИ И УАЙ-ФУДЗИ, ПО ПРЯМОМУ СООБЩЕНИЮ Р. УССУРИ С ЗАЛИВОМ СВ. ОЛЬГИ

От китайцев в дер. Чингхоуза на р. Фудзи узнал я, что, переправясь через Фудзи у дер. Цин-Циень-дунг, можно найти дорогу, ведущую вверх по р. Сандогу к морю, на различные приморские речки, которых названий они приводили несколько. Но, не отступая от предположенного маршрута, я должен был прежде сделать путь к заливу Св. Ольги и при этом попытаться открыть прямой путь туда, минуя болотную и лесную пустыню долин в верховьях р. Фудзи и р. Таудышуй, путь, уже пройденный русскими неоднократно.

Об этом прямом пути через долины Ле-Фудзи и Уай-Фудзи я слышал в первый раз от ботаника Максимовича в 1860 году, но им тогда была пройдена только часть этого пути от моря по Уай-Фудзи до водораздельного хребта Сихотэ-Алинь.

Долина Фудзи, заметно уже пройденной перед тем Уссурийской долины, которая выше дер. Наутхоуза, расширяется иногда до 6 вер., на Фудзи же ширина долины вообще не превышает 3 вер., обыкновенно же бывает еще менее. Лугов и здесь много, но почва пересыпана множеством, более или менее крупных, камней, заносимых в долину, вероятно, с гор, наводнениями. Луговая растительность кажется еще богаче, нежели на Уссури, как яркостью цветов, так и разнообразием видов; многие из здешних видов растений были здесь встречены мною в первый раз в жизни. Максимович обещал по возвращении в Петербург окончательно определить виды эти и издать в свет описание их в виде прибавления к своему изданию: *Primitiae Florae Amurensis*. Пройдя дер. Чингхоуза, состоящую из 3 домов, из которых один за рекою и недалеко оттуда миновал еще вал, – место бывшего здесь когда-то древнего городка, мы поднялись по крутому откосу горы, обходя таким образом разлив р. Фудзи, доходящий вплоть до самой горы. Идучи все по тому же откосу, мы подошли к разливу на устье притока р. Фудзи поднялись несколько вверх по нему до удобного брода, пройдя который, шли сперва горами, а потом по низкому холму с редким смешанным дровяным лиственным лесом и вышли на прямую дорожку через фанзы Лопедзю и Ландза-хьдза, расположенные за речкою, причем Фудзи переходят 2 раза вброд, если вода в ней, по жаркому лету, бывает малая, но теперь при большой воде от стоявших с весны больших дождей эти два брода непроходимы. На горах правого берега Фудзи смешанные лиственные и лиственно-хвойные леса, а на горах левого берега заметно большая примесь хвойных пород: ели, пихты и кедра. Дер. Яувайза состоит из 4 очень богатых и многолюдных фанз с богатою для земледелия почвою и исправным хозяйством жители. Еще не доходя деревни, мы встретили низменную

логотину с текущими по ней протоками прибылой от дождей воды. К 2 домам можно было попасть только по устроенному через одну из проток крепкому мосту. Дома и пашни этой деревни потоплены в этом году не были по высокому положению выбранных ими для своих поселений мест. Погода все это время стояла бесподобная, – было ясно с небольшим ветерком, который вместе с непрерывными испарениями прибылой воды делали нам более сносно стоявшую тогда жару.

На обоих хребтах, как правого, так и левого берега р. Фудзи все высшие пункты заняты смешанным хвойно-лиственным, а иногда и чисто хвойным лесом, где господствует крупный строевой смолистый кедр; его видно было тоже довольно много в береговой лесной опушке ниже дер. Чингхоуза, но выше этой дер. хвойные деревья мелькали только за рекою, сосны нигде не видно и в дер. Яувайза жители не знают близко, и сказывают, что много соснового леса вверх по р. Саньдогу, далеко от них. В дер. Яувайза узнал я от одного ороча о прямом пути через Ле-Фудзи и Уай-Фудзи к морю в Ольгинский залив; он и меня перевез через Фудзи в легкой лодке, управляясь очень ловко на страшной быстрине, в чем ему помогала его старая мать и, признаюсь, без их помощи едва ли бы переправились мы благополучно. Хотя р. Фудзи в этом месте в малую воду очень мелка и дает брод и теперь глубина была не более $1\frac{1}{2}$ саж., но сила течения здесь так велика, что ее трудно себе вообразить, не выдавши. За Фудзи мы нашли еще один китайский дом, имеющий название Сяу-нанзда. От дер. Яувайза мы оставили на правом берегу Фудзи дорогу, по которой русские уже не раз достигали Ольгинского залива, через р. Таудышуй, впадающую в Восточный океан к северу от залива Св. Владимира (у китайцев Хумо-Уай). Путь этот я предположил осмотреть в текущем 1862 году.

Все это время следовавшие со мною 3 нижние чина питались только будю, покупаемую мною у китайцев на серебряную монету; это продолжалось до прибытия в русский пост Ольгинского залива, с тем исключением, что местные жители делали иногда людям угощение своим столом и рисовой водкой (по-китайски сяу-дзю), всегда впрочем безвозмездно, отказываясь от всякой платы; только эта возможность попробовать изредка свежих и соленых овощей, да запить их крепким и вкусным согретым вином поддерживала все время здоровье людей. От дома Сяу-нанзда мы вскоре повернули в долину притока Фудзи – р. Тауби и направились по ней. Эта луговая полоса обильна хорошего качества и довольно крупных размеров лесом: кедровым, ясневым, пихтовым, еловым, ореховым, кленовым, липовым, осиновым, белоберезовым, черноберезовым, тополевым, акацией Маака, пробковым, таловым и всех других пород, уже поименованных мною в ботаническом описании и принадлежащих Уссурийской флоре. Кустарников здесь, с прекращением дубово-черноберезового насаждения, тоже большое изобилие и разнообразие, но повторять их названия считаю не уместным. Из новых пород по системе р. Фудзи мною замечены: особая разновидность клена Моно с зазубренными лопастями листа (*Acer Mono var. Fudziensis*), одна из пород ив, еще не определенная мною, замечательная высоким ростом и пирамидальностью вершины; два вида кустарных пород, которые по ненахождению экземпляра с семенами я тоже не успел определить. Виденный мною экземпляр деревца с листьями, похожими на листья вяза, и с плодами, похожими на плоды хмеля, по ближайшем изучении оказался видом граба, именно *Carpinus Ostrya*

var. *Mandshurica* и встречается тоже по верхнему Уссури и Фудзи, но также весьма редкими, одиночными экземплярами, как и прежде было замечено. Собраны мною семенные и цветковые кисти *Dimorphanthus manshuricus*, видены зрелые ягоды женсена, наливные, мелкие, светло-малинового цвета, но уступить их мне нашедший их китаец не захотел и за дорогую цену, считая их за особенно редкую и ценную находку.

На р. Тауби, пройдя 18 вер. от Сяу-нандза, мы нашли шалаш кочующих для промысла китайцев из дер. Яувайза. Как впоследствии исподволь узнал я, что здесь именно в верховьях речек из системы Уссури и в верховьях некоторых из приморских речек: Судза, Та-Уу, Уай-Фудзи и некоторых из их притоков, находится страна, где преимущественно развиты китайские промыслы. Промыслы эти состоят в искании корня дикорастущего женсена, который только и встречается в высоких нагорных лесах, в отыскании семян женсена, для разведения его на домашних плантациях: отыскании и ловли соболя, которого постепенная заселенность как горной поморской линии, так и некоторых поречных линий, загнала в самые глубокие леса и дикие места у источников речных систем близ водораздельных гор (по-китайски Лоо-Линг). Третий важный их промысел: это ловля зверей и охота за ними как с целью заготовить запасы мяса для пищи, так и для их ценных шкур. Преимущественно охотятся они на кабанов, изюбров (красных оленей), козуй, выдр, енотов, гуранов (диких козлов), но иногда и за медведями, лисами и не пренебрегают барсуками, которых очень вкусно умеют готовить, обманывая сколько раз этим лакомым блюдом брезгливых русских. Из птиц мне чаще других случалось видеть у них глухарей, тетеревов, рябчиков; тигров же убивают очень редко и весьма боятся, – меня беспрестанно пугали этим страшным зверем и рассказывали про частые похищения им их домашнего скота. Промышленники эти принадлежат преимущественно к племени ороча, славящемуся зорким глазом, меткостью в стрельбе и отличным знанием местности; иногда между ними есть ороча, происходящее от китайских отцов.

От шалаша на р. Тауби дорога идет через хребет, отделяющий долину этой реки от долины р. Ле-Фудзи; хребет очень невысокий и узкий, хотя с крутыми подъемом и спуском; лес в этом месте хребта дубовый в смеси с черною и белою березою и строевым осинником и ельником, но на север и на юг от тропы по хребту виден в изобилии и кедровый строевой лес. Таковой же лес виден и на заречном хребте на правом берегу р. Ле-Фудзи. Спустясь с гор, мы увидели малую фанзу с небольшим огородом. Отсюда мы шли вдоль берегового хребта вверх по р. Ле-Фудзи, пересекли долины и перешли вброд 3 мелких притока р. Ле-Фудзи, иногда поднимаясь в гору, в обход низменных логотин с потоками постепенно убывающей дождевой воды; как наконец в 10 вер. от фанзы пришли к броду через бурный и шумный Ле-Фудзи, текущий в этом месте в 5 протоках. Наваленный с берегов и нанесенный сверху огромный лес и шумящая с ревом еще быстрее Фудзи бегущая Ле-Фудзи, – имели грозный вид. Перебраться на ту сторону по этим нагроможденным одна на другую колодам, на 5 и 7 саж. над водою, было делом малопривычным, но таскать по этим воздушным мостам на плечах тяжелые сумы и плавить коней, которые ежеминутно подвергались опасности либо быть унесенными водою вниз по течению, либо запутаться между подводными корягами и сучьями древесными, либо обессилев не подняться на крутой берег из глубокой воды, под отвесною стеною берега, все это было делом нелегким и

стоило моей малочисленной команде немало труда. Вкусным показался после этих трудов обед из одной буды, а для обеда китайцами устроен за речкою шалаш, укрывающий путника от жары и непогоды, да еще припасли при нем сухих ореховых и ясеневых дров, – все это удобства не малые в особенности для нас, приученных ценить в особенности те удобства, которыми сокращается работа и выгадывается хотя бы ничтожное время отдыха.

Впоследствии я познакомился с этим человеколюбивым и вместе эгоистически практичным обычаем китайцев доставлять самим себе и по возможности друг другу дорожные удобства. Везде почти, где есть торные китайские дороги, как я заметил на моем дальнейшем пути, китайцы устраивают подобные шалаша для прохожих, в особенности если расстояние между соседними фанзами превышает 20–25 верст. Расстояние между шалашами бывает иногда около 12, иногда около 7 вер., а иногда на том и другом расстоянии есть шалаша по одному и тому же пути: первые для путников с вьючными конями, вторые для путников с вьючными волами. Шалаша эти по большей части крыты кедровым корьем, для постели на земле тоже настлано корье, так что и в проливной дождь здесь можно спать насухе, везде почти при них наготовлены сухие дрова, любимые китайцами ореховые, либо кедровые, ясеневые, – обыкновенно тоже нащеплен кедровый смольник, – одним словом, такой комфорт, какого лучше в лесу и ожидать нельзя. Шалаш обыкновенно состоит из двух наклонных крыш, а между обеими крышами кладутся дрова и поддерживается ночью огонь; шалаша всегда близко от воды. Дым и без ветра, а при ветре еще более отгоняет от ночлега комаров и мошек; везде от шалашей недалеко хорошие пастбища для скота и лошадей. На сколько позволяет дикость местной природы, китайцы умеют отлично соблюдать свою привычную любовь к порядку и комфорту. От миссионера, долго жившего в пределах Китайской империи, я впоследствии слышал, что на своей родине китайцы сделали чудесные успехи в отношении удобств сообщения по стране, увеличения пространства земель, удобных к обработке, и в самой обработке земель, сельском и домашнем хозяйстве и в этих отношениях они мало уступают, а трудолюбием далеко превосходят европейцев. Но здешние поселенцы-китайцы как бы подавлены дикостью природы и в течение стольких веков существования их здешних поселений, они далеко еще не успели придать населенной ими стране вид страны цивилизованной. В страшном изобилии лесов во всей здешней стране, по моему мнению, заключается истинная причина наводнений, низкой средней температуры, излишне влажного климата и сравнительно бедной растительности этого края в отношении к местам, лежащим под одною широтою, но расположенных при лучших местных условиях и менее лесообильных. Влияние на климат вод Восточного океана есть, по моему мнению, тоже положительно вредное. По рассказам жителей китайцев (они сами себя называют мандза) и по наблюдениям русских, живущих в Ольгинском посту, всю весну и лето ветры дуют от моря по преимуществу и навевают постоянно излишнюю влагу, задерживаемую лесами и разрежающуюся почти тропическими дождями, продолжающимися ежегодно более или менее долгое время. Леса же, которыми страна так изобильна, служат как бы резервуаром, постоянно задерживающим излишнюю влагу, разрешающуюся дождями при самом незначительном понижении температуры. Иногда, как напр. нынешний год, от излишне дождливого лета был везде почти всеобщий неурожай плодов, в особенности лесных растений и нежных

огородных овощей. Виноград, груша, яблони, арбузы и дыни, которыми так богата страна в другие годы, в этом же году мне приходилось есть счетом.

Малочисленным китайским поселенцам здешним, как они ни ненавидят лес, в особенности же лесную чащу, далеко не под силу бороться с лесообилием страны и стараться восстановить близкое к правильному отношение между лесною и нелесною площадями. Да и русским поселенцам едва ли это скоро удастся, а пока не уменьшится лесная площадь страны, долго еще напрасны будут усилия Европейской цивилизации покорить дикость местной природы.

От шалаша у брода через р. Ле-Фудзи мы скоро покинули долину Ле-Фудзи и, повернув в сторону вверх по ее притоку, пришли по беспрестанно терявшейся малоторной тропинке к его вершине, перевалили хребет и спустились вниз по течению другого притока той же системы к шалашу промышленников, которых на месте не застали, а видно было, что они провели ночь здесь. Тут мы сделали ошибку в выборе пути, в которую вовлекли меня посланные мною для разведки нижние чины; настоящая дорога идет прямо на юг, но люди уверяли, что дорога эта кончается за 1 версту у нарубленных там дров, и поэтому я пошел по другой тропе, более торной с свежезобновленными затесями на деревьях; но тропа эта завела нас по восточному направлению еще к другому притоку той же системы, которых здесь очень много и которые бегут и извиваются по самым противоположным направлениям между крутыми и высокими горами, так что трудно разобрать даже с высокого пункта направления их течения, а без проводника еще труднее было угадать по долине которого именно из этих притоков существует проложенный китайцами на Уай-Фудзи путь. Между тем на пути нашем леса попадались нам все более и более густые и крупные, встречались ясеневые, кедровые, ильмовые, ореховые, липовые деревья в полтора, два и даже в три обхвата, соразмерной при том вышины 12 и более саж.; хвойный лес в верховьях речек все чаще являлся преобладающим в смеси, а на разделяющих эти воды хребтах виднелся даже чистый хвойный лес; в этих-то местах, крутых и скалистых, тропа часто терялась, являлось множество соболиных грубого устройства ловушек из толстых колод кедровых, которые обходить с вьючными конями было затруднительно, по причине крутости гор и засоренности хвойного леса многочисленным валежником. Так подвигались мы вперед очень медленно, кони и люди одинаково мучились, а провианту оставалось уже мало и едва ли предстояла скорая возможность вновь запастись им, так как населения близко нельзя было предполагать. Но, разыскивая дорогу и стараясь попасть на следы жилья, людям моей команды удалось найти фанзу, которая называется Та-тита-хоуза*. Придя туда и не нашед там ни одного китайца, мы по крайней мере получили надежду скоро увидеть людей и может быть достать от них провиант. Проискав еще 2 дня настоящей дороги на Уай-Фудзи и сделав еще напрасный ход по торным только вначале дорожкам в хребты по соболиным ловушкам, мы вернулись опять к фанзе Та-тита-хоуза. Там мы на этот раз нашли 3-х манз и 1-го ороча, тоже собиравшихся в поход на промысел. От них мы купили немножко буды, которой у нас к тому времени совсем почти не было. Одного из манз я подрядил, чтобы он служил мне проводником до первого поселения на Уай-Фудзи, до которого он считал

* Близь фанзы Та-тита-хоуза – есть мраморная ломка и мрамор довольно хороший розового цвета. – *Прим. А.Ф. Будищева.*

от своей фанзы до 200 ли (около 100 в.). Так мы отправились все вместе русские и мандза в дальнейший путь. Лошади наши за это время были страшно утомлены трудными переходами по каменистым и крутым горам, по едва приметному местами следу, заваленному почти на каждом шагу соболиными ловушками, о которые одна из лошадей проколола себе живот.

Далее на нашем пути лес становился крупнее и гуще, но состоял из тех же пород. Прошли пустой дом, покинутый жившим тут одиноким ороча; потом около шалаша Тю-гуань-догу расстались с 3 мандзами. На последнем переходе до перевала водораздельного хребта в двух местах пришлось нам сперва прорубать и прочищать дорогу, ибо следовать прямо с вьючными конями было нельзя по причине большего количества валежника, наваленного целыми площадями среди сухостойного леса.

В этих оголенных площадях нам случилось есть малинник, большую редкость местную, которая впрочем далеко не так вкусна, как наша русская. Перевал через горы был очень покатый, с подъемом едва заметным из сплошь лесной долины в горы, но спуск к воде загорной системы несколько круче. По дороге густой ельник с пихтой и кедром, лес мрачного вида, и везде множество валежника и перестойных суховершинных деревьев, но редкие здесь огромные деревья по красоте, здоровому состоянию, а также по качеству древесины, в особенности же кедровые, не только не уступают, но даже превосходят русский лес, а последние могут заменить в кораблестроении сосну. К сожалению, доставка этого леса всегда будет составлять немалое затруднение. Самое устройство постоянного сообщения по этому направлению составит задачу нелегкую, так как прорубить просеку здесь недостаточно, надо расчистить почву от лежащих на земле по несколько лет валежных деревьев, которые сгниют Бог знает когда, а они здесь валяются повсюду; кроме того, надо постоянно поддерживать эту просеку в порядке и чистить ее от чрезвычайно густо разрастающихся кустарных пород: *Lepedeza*, орешника, *Panax*, *Eleuterococcus* и др. Зимний путь по этому направлению тоже, полагаю, будет не без затруднения: во-первых, санный путь здесь едва ли возможен более 2 месяцев в году, во-вторых, речки по быстроте своей едва ли замерзают в течение круглого года, в-третьих, едва ли здесь могут быть снега, достаточные для санной езды, по крайней мере, у китайцев я не видал ничего похожего на русские сани ни по Уссури и Фудзи, ни по Уай-Фудзи и морскому берегу, хотя и видел у них гольдские саночки, ездовых собак и лыжи. Устройство домов их с одною печкою, проведенною обыкновенно вокруг стен фанзы и согревающей нары, на которых спят китайцы, только недолгим теплом, и недостаток у китайцев зимней одежды, доказывают, что стужи зимние здесь не жестоки.

Сообщение же по этому пути пешком или верхом, имея вьючных коней для провизии, не представляет больших затруднений, и, во всяком случае, ближе и удобнее пути чрез Фудзи и Таудышуй; только путь этот вовсе недоступен во время половодья в марте и апреле (третий месяц китайского года, по словам мандза), и во время наводнений, случающихся после больших дождей. Для постоянных оседлых земледельческих поселений ближайшая к водораздельному хребту страна неудобна вовсе. Здесь можно поселить разве небольшие караулы солдат, если в том будет когда-нибудь надобность. Расстояние от д. Дзябигу на Уссури до часовни на перевале водораздельного хребта Сихотэ, пройденным мною

путем, составляет 175 вер., но мне пришлось делать большие обходы, а для знающего тропу и в удобное время года это расстояние уменьшится до 127 вер.

На спуске хребта от часовни, до первого шалаша, продолжался такой же лес, как и описанный мною на противоположном склоне, но уже по мере приближения к шалашу он постепенно редел, а затем превратился в смешанный лиственный с поделочными ясеневыми, ореховыми, дубовыми, ильмовыми, кленовыми, пробковыми деревьями; еще далее, в особенности когда, покинув тропу к одинокой лачуге на левом берегу путевой речки Си-гуань-догу, мы перешли на правый ее берег, чаще и чаще стали попадаться луговые места, редколесье из березы и осины, а ели и пихты мелькали только на вершинах гор, кедровый же лес скоро и вовсе исчез; такой же в долине и по скатам гор растет лес и по непосредственным берегам речки, крупный же строевой лес виден в горах не ближе 5 вер. от нашего пути. Левый берег сопровождается хребтом невысоким, по отчасти скалистым и круто спускающимся к речной долине, а правый берег, пройдя р. Кэн-чин-гоу, – невысокими же и более покатыми холмами. Через р. Кэн-чин-гоу удобный брод, и дальше дорога идет отчасти по пологости холмов, отчасти луговою безлесною долиною. Тут мы заметили очень много свежих звериных следов, между прочим тигровых, которых и на южном склоне хребта Сихотэ также много, как и на северном. Хребты обоих берегов р. Туодогу, которая после соединения с р. Си-гуань-догу, принимает название Уай-Фудзи, даваемое, впрочем, китайцами безразлично всей системе вод, вливающихся в океан в заливе Св. Ольги (у китайцев Фудзин-Уай), – невысоки, но местами круты и скалисты и поросли дровяным, частью поделочным и редко строевым лесом, пород: дуба, клена, черной березы, липы, ильма, пробкового дерева, ели, пихты, осины и белой березы. Замечательно, что осина здесь порода редкая и ближе к заливу Св. Ольги встречается все реже и реже и заменяется названными выше неопределенным еще мною видом ивы и тополем (*Populus suaveolens*). Брод через Туодогу не глубже 1 аршина, но я с проводником отправился по наваленным через реку деревьям, составляющим род моста, которым китайцы избегают брода через быстрые и глубокие речки. На берегах Туодогу растет смешанный лес тех же пород с примесью редкого строевого кедра. Пройдя еще 6 вер. отчасти лесом, отчасти лугом, мы перешли вброд р. Уай-Фудзи, так как проложенная китайцами дорога идет на левый берег реки, но я этого не мог понять у проводника, вероятно, по правому берегу реки много валежника в лесу, ибо лугов на этом берегу далеко вперед не было видно. Вброд через Уай-Фудзи, текущей здесь в 4 протоках, мелкий (по пояс) и нетрудный, но течение почти также быстрое, как и течение Фудзи; переходить реку можно только упираясь в дно длинным шестом, иначе вода сносит человека, да и с шестом в глубоком месте трудно было удержаться. Дно реки наполнено крупной галькою, уносимую водою с горных хребтов. По Уай-Фудзи породы гор резко отличаются от гор северного склона хребта Сихотэ; тут больше масс трахитовых, конгломератов и пород метаморфических, окаменелостей же мне встретить не удалось. Почва лугов обильна черноземом и плодородна, но забросана крупными камнями, оставляемыми на лугах в весеннее половодье и после наводнений. Следы наводнения нынешнего года, которые были еще свежи, внушали невольный ужас: река бежала как видно, по всей долине в бесчисленных протоках, легко прорывая слабую суглино-черноземную почву. Нижние уступы хребтов обоих берегов и ближайšie к ним места долины поросли

преимущественно дровяным дубовым лесом: дальше и выше, также и в долине лес смешанный лиственный с дровяными, часто сухостойными и редкими елями и пихтами, малогодными, как строевой лес. Каменистые места гор изобилуют кустарником, похожим на *Andromeda*. На горы мы поднялись, пройдя за бродом через Уай-Фудзи лугами 2¹/₂ вер. В обход очень крутого утеса, опасного для наших слабых коней, есть тропа с небольшим крюком, ведущая на р. Тю-гуаньдогу, с лесною сплошь долиною и с изобильным запасом орехового леса. Потом мы шли лугами по долине Уай-Фудзи, а на горах по их покатым отлогостям видели больше дубовый дровяной лес, имея тот же смешанный с елью и пихтою лес в отдаленной перспективе, т. е. вер. на 5–6 от нашего пути.

Перешли вброд незначительную речку Тьягоу, шли потом по роскошному и не очень каменистому лугу, а не доходя р. Хытхомогу, названной так по особенному изобилию на берегах ее орехового леса (по-китайски Хытхо-мо), который там встречается чистыми насаждениями и также вместе с ясенем, ильмом, кленом и др., повернули опять к броду через Уай-Фудзи. Не доходя этого брода, мы покинули влево дорожку, ведущую к броду через р. Хытхомогу и далее левым берегом Уай-Фудзи, но по этой тропе ходят, как нам сказал проводник, только тогда, когда Уай-Фудзи в разливе, ибо на левом берегу много крутых и скалистых мест, для коней трудно проходимых; поэтому мы решились перейти на правый берег Уай-Фудзи, тем более что брод через нее оказался удобным, хотя и здесь с быстринною течения трудно было нам сладить, но мы уже к этому стали привыкать; впоследствии редкий из нас на брое падал в воду, что вначале случалось часто. За бродом около 3 вер. шли мы чистым лугом; потом, сделав небольшой обход горами с мелким дубняком, перешли вброд речку 1 саженой ширины, и далее шли по скату гор с таким же лесом, а наконец за 2 вер. перед фанзою чистым лугом. Фанза называется Эрдогу, по речке того же имени, притоку Уай-Фудзи. Здесь живут два старика, из которых один совершенно дряхлый; хозяйство у них самое маленькое. Оба берега Уай-Фудзи представляют в этом месте довольно обширные луговые пространства, удобные для немногочисленных русских поселений. Вверх по р. Эрдогу тоже протянулись обширные луга. Близость строевого леса, обилие в реке рыбы, более мелкой, хотя попадаются иногда некрупная калуга, осетрики и др., и отличная суглино-черноземная почва, с меньшим количеством наносных камней, — отличают местность низовьев Уай-Фудзи; но с другой стороны обилие озер, заливов, и проток и опасность от затопления и наводнений предудказывает заселять эти страны с возможною осторожностью, небольшими массами; кроме того, плавание по Уай-Фудзи, как по причине ее быстрины, так и по мелководию и обилию в ней камней, иногда до того огромных, что они далеко превышают уровень воды, — весьма затруднительно, если невозможно, так что все доставки, как отсюда разных естественных богатств, напр. леса, так и разных съестных и других припасов, должны будут производиться сухим путем.

От часовни на перевале хребта Сихотэ до фанзы Эрдогу расстояние составляет около 73 вер. Тут в фанзе Эрдогу мы расстались с нашим проводником, сделавшим с нами около 100 вер. в 4 дня. Через него мы достали еще несколько буды, чтобы нам хватило ее до недалекого уже русского Ольгинского поста.

Через р. Эрдогу мы перешли вброд без затруднения: она мелка, быстра и замечательна своею очень холодною и чистою водою; в малую воду, в сухое лето, эта речка течет очень узенькою ленточкою, но теперь имеет ширины до 23 саж.

Через 2 вер. дальше мы опять перешли вброд Уай-Фудзи в широком месте, перед разделением ее на 2 протоки; на броде река не глубже 1 аршина, а в сухое лето бывает и совсем мелкая; дно реки покрыто мелкою и скользкою галькою. На берегах лес смешанный лиственный, некрупный, много тополевых, ивовых, ольховых и ясеневого деревьев. За бродом мы оставили влево дорогу к одинокой небольшой фанзе, ныне опустелой. Далее шли лугом в близком расстоянии от реки, или ее протоки с постепенно убывающею от сильных жаров прибылою от прежних дождей водою; местами же русла этих проток уже были наполнены только стоячею, тинистою, как бы озерною водою. Миновали широкую долину речки Аввакумовки, по названию русских, которая соединяется с р. Уай-Фудзи. или вернее в которую Уай-Фудзи впадает. На половине дороги до деревни Уай-Фудзи (иначе Саньдогу) мы встретили одинокую малую фанзу, покинутую одиноким жившим тут дряхлым стариком и перешедшим доживать свою старость в дер. Уай-Фудзи; у него оставлен здесь ничтожный по величине огород, на котором пропали от излишне сырого лета все овощи, кроме картофеля; но хлеба: кау-лиа (*Sorghum*), сяу-ми-дза (*Panicum mandshuricum*, у гольдов буда) и ячмень (*Hordeum sinense*) – уродились порядочно. Отдохнув здесь часа два и дав отдых лошадям в самое жаркое время дня, мы успели в тот же день окончить этот длинный переход до дер. Уай-Фудзи (30 вер.), идя от фанзы отчасти лугами и отчасти краем берегового хребта с редким по ним дубняком. В одном месте последнего перехода нам пришлось идти саж. 150 над пропастью по тропинке, пробитой по боку отвесного почти и весьма каменистого утеса; но видно и кони наши стали привыкать к разным путевым трудностям, только ноги их были страшно избиты о камень, так часто встречавшиеся и на горном, и на луговом пути, так что, сбив и потеряв подковы, лошади шли, как пьяные, поминутно шатаясь от слабости. Здесь в дер. Уай-Фудзи бесподобная земля и прекрасное хозяйство у живущих холостыми артелями в 4 домах и 3 хуторах мандз, женщина здесь только одна из племени ороча. Изобилие у жителей во всем и большое радушие к русским, которых они видят у себя довольно часто. Против этой дер. по р. Сыдогу лежит путь на дер. Пусунг. Долина нижнего течения Уай-Фудзи полна заливов и проток и в большую воду совершенно недоступна; но зато отсюда вниз уже возможно плавание по реке в лодке, или на плоту. Пройдя 6 вер. по плоскости низменного хребта, мы перешли вброд р. Та-дун-гоу, в то время совершенно мелкую с берегами крупно хрящеватыми, еще недавно бывшими под водою. Потом, идя то лугом, еще очень мокрым, со многими озерами и заливами, то по площади низкого холма, отдельно от берегового хребта лежащего, мы миновали, в виду устья Уай-Фудзи, шалаш одного семейного китайца, перейдя перед тем вброд ничтожный ручей. От шалаша только 5 вер. до русского Ольгинского поста, вдоль берегов самого залива Св. Ольги. Приятен был вид русских построек на очень эффектном высоком месте, в особенности для нас, так давно уже их не видавших. Здесь в русском посту я пробыл с 11-го по 28 августа отчасти с тем, чтобы дать здесь отдых людям и коням, отчасти чтобы отремонтировать все дорожные припасы наши, и отчасти по причине болезни своей и людей, делавших со мною поход. Во время моего пребывания в Ольгинском посту на рейде простоял около суток английский корвет *Encounter* с капитаном Roderik Dew; на этом корвете находился знаменитый по последним событиям в Печилийском заливе адмирал Sir Jamer Hope.

Окрестности залива Св. Ольги довольно печальные: в самом устье Уай-Фудзи обширное болото, а по горам везде дубняк большей частью плохого качества, но по необходимости, за неимением другого леса, постройки в Ольгинском посту произведены по большей части из дуба и только малая часть из здешней лиственницы. Лиственница эта растет здесь по окрестным горам и на склонах их больше редкими деревьями, иногда островками большей или меньшей, впрочем, незначительной, величины. По своим курчавым ветвям, по форме шишки, лиственница эта, по мнению Максимовича, ближе всего подходит к виду *Larix japonica*; ствол ее имеет кривой вид, а древесина неправильного спирального образования и скоро щелится. Здесь эта порода достигает средних строевых размеров, но в 1859 году офицер генерального штаба Елец видел очень крупный лиственничный лес, вероятно, той же породы к северу от устья р. Таудышуй, на приморских береговых горах. Судя по тому, что порода эта видна только на близких к морскому берегу горах, можно предположить, что она не составляет местной породы, а произрастает здесь случайно занесенных из-за моря семян.

На морском же берегу, при выходе из залива Св. Ольги, найдена ломка мрамора, незавидного качества, едва ли годного на строения; до сих пор его употребляли на выжигание извести в Ольгинском посту.

Еще замечательны здесь особый вид морской звезды (из рода *Stellaria*), но мне не удалось видеть твердой скорлупы, а только мясистую часть этого животного, полужидкую и светло малинового цвета.

Во время пребывания моего здесь, сюда приезжало на довольно хороших шлюпках множество китайцев из разных приморских пунктов для заготовления себе годового продовольствия морской капусты, здесь особенно обильной, с толстыми мясистыми листьями, употребляемыми в пищу, как в сыром, так и в вареном виде.

По берегам залива довольно часто встречается раковистый известняк в обломках большей или меньшей величины.

Будищев

В. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ В СИСТЕМЕ РЕК ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ

ХII. ОПИСАНИЕ ОЗЕРА ХАНКА, ЕГО ПРИТОКОВ И ИСТОКА Р. СУНГАЧА

Озеро Ханка. Озеро Ханка, или Хинхай – по другому выговору, означает по-китайски средиземное, есть самое замечательное озеро этого края; оно занимает огромное пространство именно около 5000 квадратных верст или 520,000 десятин, имея наибольшую длину 90 верст (от 6 поста до устья Лефу) и от 40 до 80 верст в ширину. Подробных промеров его не сделано, но по нескольким поперечным промерам оказалось, что оно вообще очень мелко и глубина его нигде не превышает 5 сажень, а от берегов Ханка почти повсюду на 1 версту имеет глубину $\frac{1}{2}$ аршина. Вода в нем пресная, и бассейн его наполняется 7 речками, вливающими в него свои воды со всех стран, кроме северной. Из этого видно, что русла этих притоков озера Ханка занимают довольно обширное пространство, заключающееся между хребтами Кентэй-Алинь, Сихотэ-Алинь и Хух-Хоуза. Притоки озера Ханка суть следующие: 1) *Беленхы* или по русскому названию р. Тур; 2) *Усачихы*; 3) *Сианхы*, впадающая двумя рукавами; 4) *Мо-бия*, (или Мо) тоже вливающаяся двумя рукавами; все эти речки впадают в озеро с западной стороны; 5) *Лефу*, вливающаяся 5-ю отмельными устьями с юга; 6) *Сандоха* и 7) *Топкая*; последние две впадают в озеро с восточной стороны. С восточной же стороны вытекает из озера Ханка одна только р. Сунгача.

Озеро Ханка со всех сторон окружено степями безлесными и большею частью поемными в полную воду весною и после наводнений от обильных дождей летом, когда вода стремится в него из всех его притоков. Тогда вся эта котловина превращается в одно огромное озеро с небольшими только оазисами незатопленных мест. В 1861 году пароходы, сидящие в воде 2 ф., ходили не по руслу р. Сунгача, а прямо степью без затруднения. Горы подходят к берегам озера только в двух местах: 1) вблизи поста Турий-Рог и 2) между устьем р. Сианхы и постом Камень-Рыбалов. В других местах подошвы гор удалены от его берегов на более или менее значительное расстояние, образуя более или менее обширные степные пространства по берегам озера. На северной стороне озера параллельно с берегом его, от середины озера на восток и юго-восток, тянется малое озеро *Аски-Ханка* (или *Сэухая*), имеющее до 30 верст в длину и 2–5 верст в ширину, отделяющееся от большего озера на всем протяжении своей длины узким перешейком, от нескольких десятков сажень, до 1 версты шириною. Горы с этой стороны удалены от озера не более как на 10 верст и против середины озера кончаются,

отделяя таким образом Ханкайскую степь от широкой долины р. Море (Мурень). С восточной стороны озера горы видны в расстоянии от берегов его от 7 до 30 верст и не составляют сплошного хребта, но образуют отдельные пологие горки, с перерывами, достигающие почти до 3-го поста на р. Сунгача. Сплошной же хребет Хух-Хоуза виден с берегов озера так далеко, что мог быть показан на карте только по догадке, примерно; один из его отрогов подходит к устью р. Лефу пологою горою близь того места, где сливаются протоки Лефу в одно русло. Окрестности озера Ханка не богаты лесами, по крайней мере, на ближних горах нигде нет хорошего строевого, корабельного и поделочного леса; но зато в дальних его окрестностях и по самым его берегам в узкой прибрежной полосе встречается редкая в этом крае древесная порода – сосна, изобилующая в особенности на высоком хребте гор, идущих с западной стороны озера; хребет этот имеет направление с севера на юг и идет в прямом расстоянии около 15 верст от его берегов и параллельно с ними, и который назван нами хребтом Сосновым. По притокам системы р. Сианхы тоже изредка можно встретить куртины соснового леса, имеющего размеры дровяного, строевого и иногда корабельного. По берегам озера встречается сосняк, наполовину как строевой лес, и наполовину дровяной в следующих местах: 1) по пути от 5 поста к 6-му, начиная с 24 версты на протяжении 8 вер.; потом 2) начиная за 4 вер. до 6 поста на протяжении 15 верст; далее 3) начиная с 16 версты от 6 поста на протяжении 11 вер.; 4) близь поста Турий Рог на протяжении 1 версты; 5) между выдавшимися мысами южнее гавани Тихой на протяжении 5 верст; 6) близь 8 поста Камень-Рыбалов на протяжении 6 верст. Везде по берегу и в горах сосновый лес встречается вместе с дубовым по большей части дупловатым, дровяным и только частью годным на поделки. Примесь других пород лиственного леса очень редка и незначительна. По берегам озера встречен в 1-й раз в редких экземплярах древовидный можжевельник *Juniperus arborescens* – деревцом средних и мелких строевых размеров.

На хребте с северной стороны озера Ханка которого скаты, как и большей части хребтов, окружающих озеро, очень пологи, растет лес смешанный лиственных пород, состоящий из дуба, берез, осины, липы, тополя, клена, ильма, ясеня, акации, пробкового, орехового и фруктовых деревьев с разнообразными кустарником. Лес этот дровяной и отчасти поделочный и строевой довольно густо насаждения.

Горы, на пологих местах вдоль пути от 7 поста к 9, называемому Камень-Рыбалов, покрыты лесом смешанным лиственных пород довольно редкого насаждения, преимущественно дубовым дупловатым и черноперегородковым дровяным и отчасти поделочным и даже иногда прутьяковым. Долины речек Беленхы и Усачихы – луговые, подвержены наводнениям; но пологие горы, их окружающие, отчасти безлесные, отчасти покрытые редколесьем, представляют местности, весьма удобные для заселения русскими, обладая в изобилии черноземною почвою, весьма плодородною. Берег озера Ханка от р. Усачихы до р. Сианхы и далее по луговым долинам, простирающимся до Камня-Рыбалова и южнее его, представляют местность, подверженную наводнениям, менее удобную для пашень, нежели для скотоводства в обширном объеме. На горах, ближе к реке Сианхы на левом и правом ее берегах и дальше до фанз Эрдиамань, среди господствующего дубово-черноперегородкового редкого насаждения леса, попадаются

единично и малыми куртинами сосновые деревья низкорослые и кривосучные, годные на дрова и на смольник, редко – мелких строевых размеров.

Южнее поста Камень-Рыбалов сосны не встречаются на горах далее 2 в. от поста, а господствующее там насаждение дубово-черноберезовое с примесью других лиственных пород: клена, липы, ясеня, ильма и фруктовых деревьев – лес дровяной и поделочный редкий. Таковой же весьма однообразный лес находится и по всем горам окрестным, окаймляющим долину р. Мо у ее устья; даже здесь примесь крепких лиственных пород еще реже, нежели вышеописанный.

На р. Мо был расположен в 1862 году пост № 10 по сухопутному сообщению озера Ханка с постами в заливах Владивосток и Посьета. Пост № 8-й расположен между Турьим-Рогом и Камень-Рыбаловом на берегу озера Ханка и служит для зимнего сообщения по льду озера. От Камня-Рыбалова до Турьего-Рога две дороги: одна, проложенная китайцами по фанзам Усачихы, Сианхы, Эрдиамань и оттуда через хребет по р. Лефанчи, ведет вверх по р. Мо и далее к городу Нингута и на р. Лефу; другая дорога проложена русскими для сообщения с южными гаванями.

Между Турьим Рогом и 5 постом у истока р. Сунгача из озера Ханка дорога идет все берегом озера. Расстояние русским путем между постом № 5 и постом № 6 – 43 вер; между постом № 6 и Турьим Рогом – 42 вер.; между Турьим Рогом и Камнем-Рыбаловом – 65 вер.; между Камнем-Рыбаловом и № 10 постом на р. Мо – 22 версты.

Горы между устьями речек Мобилия и Лефу поросли таким же дубово-черноберезовым лесом редкого насаждения, с редкою примесью других лиственных пород; здесь в особенности встречается довольно пробковых деревьев некрупных размеров и акации Маака, большею частью в кустарном виде. Много мест в этих пологих горах совершенно обнажены от леса на значительное расстояние и представляют по своему возвышенному положению удобства для разработки под пашни. Ближайшие к озеру берега между устьями Лефу и Мобилия представляют местность, затопляемую даже в среднюю воду, болотистую и кочковатую и вовсе недоступную во время разлития рек. Таковы же берега в устьях Лефу, совершенно недоступные, разве только в самый сухой год после долгих жаров, когда многочисленные здесь озера, заливы, болота частью пересыхают.

Восточный берег озера Ханка довольно высок, но почти совершенно безлесный на обширное расстояние вглубь материка, за исключением узких полос кустарника и мелкого дровяного леса в двух местах вдоль берега на несколько верст. Берег этот доступен не только в сухие года, но и в сухое время года в летние жары, а также зимою этот путь восточным берегом озера к гаваням Владивостоку и Посьета гораздо ближе пути кругом озера Ханка. Но в большую воду можно плыть в лодке по всему этому пути до самой речки Лефу. В дополнение к сказанному нужно прибавить, что озеро Ханка очень бурное и ненадежное для постоянного плаванья по нем. Несколько случаев разбития лодок, баркасов, канонерки удостоверяют в этом. Хотя пароходное сообщение с озером Ханка легко, но плавание по озеру и для пароходов по его мелкости небезопасно. Волнение в озере большею частью перпендикулярное – сверху вниз, кроме неправильного бокового, и редко случается, чтобы озеро оставалось тихим в течение нескольких суток, большею частью затишье продолжается в нем несколько часов. Причина частых волнений озера и нередких штормов на нем состоит в том, что его

обширная котловина окружена со всех сторон падыми междугорными, откуда ветер дует при малейших переменах температуры к середине озера, часто одновременно, и противоположные ветры, встречаясь между собою, образуют вихри, наподобие ураганов.

Водяное сообщение по озеру, если бы оказалось возможным установить его в правильном виде, было бы очень важно для будущей колонизации южного края, хотя все притоки озера довольно мелки, судоходны на небольшое расстояние для мелких лодок, подымающих груза не более 250 пудов. Сухопутное переселение всегда неудобнее и дороже стоит против водяного и гораздо медленнее. Кроме того, сухопутное сообщение в этой местности имеет еще неудобство, состоящее в частых наводнениях. Исследование и опыт должны со временем разъяснить, которое из этих сообщений, сухопутное или водяное, заслуживает предпочтения.

Река Сунгача. Река Сунгача, единственный, как это всегда бывает, исток из озера Ханка, протекает очень извилистым руслом степное пространство между озером Ханка и рекою Уссури, где впадает у фанз Хух-Хоуза. На истоке ее из озера устроен русский пост № 5 и расположена китайская фанза Лон-Мяо – первый на правом, вторая на левом ее берегу. Все течение р. Сунгача составляет свыше 250 верст водного пути и около 105 верст сухопутного вдоль ее берегов. Вода часто выступает из берегов Сунгача и затопляет степь; иногда это повторяется несколько раз в году и тогда пароходы и лодки могут ходить по степи, что продолжалось в 1861 году около 2 месяцев. По р. Сунгача расположены еще 4 поста, между коими расстояние: от 5-го до 1-го водою 67 верст, а сухопутно 25 в.; между 4-м и 3-м – 63 вер., а сухопутно 30 вер.; между 3-м и 2-м водою 33 в., а сухопутно 12 в.; между вторым и первым 75 вер., а сухопутно 33 вер.; между 1-м и устьем Сунгача водою 15 вер., а сухопутно 6 вер.

Леса по Сунгача попадают весьма редко узенькими полосками и маленькими островками, состоящими большею частью из осинника, частью строевого, либо из дуба в смеси с другими крепкими и мягкими лиственными породами: ясенем, ильмом, кленом, орехом, пробковым деревом, акацией, липой, березами, осиною, фруктовыми деревьями и обильным кустарником разных пород. Лес этот частью поделочный, притом довольно крупных размеров, но количество его так ничтожно, что даже посты по Сунгаче нуждаются в строевом лесу, который далеко и трудно возить, и в дровах недостаток не только для плавающим здесь пароходов, но для солдат в постах.

Река Лефу и ее притоки. Река Лефу по своей ширине и своему протяжению составляет самый значительный приток озера Ханка. Она вытекает из хребта Сихотэ-Алинь очень недалеко (в 50 верстах прямого направления) от залива Уссурийского и побережья Японского моря, а притоки ее системы занимают очень обширный бассейн – между бассейнов рек Мо-бия и Дауби. Все источники Лефу находятся в высоких горах, покрытых густыми хвойными или дубовыми, перемежающимися между собою, лесами, кроме источников той местности, где хребет Сихотэ-Алинь как бы прерывается и приток Лефу с этой стороны речки Сыдзахы (болотная) находится в степи малохолмистой, или почти ровной и безлесной, как на водоразделе от Суйфуна, так и на разделе вод от р. Мо-бия. Среднее течение р. Лефу тоже изобилует лесами смешанными лиственно-хвойными и хвойно-лиственными; и только устье Лефу бедно лесом и также, как приток

ее р. Сыдзахы, или болотная, изобилует только кочковатыми лесами, затопляемыми в полоую воду и неудобными для поселений.

Менее 3 верст от устья, состоящего из мелких протоков, почти непроходимых для лодки по причине густой тины и ила, в сухие года р. Лефу образует озеро Лефу, тоже мелкое и тинистое, разлившееся по низменному месту луга, имеющее до 7 верст в длину и около 2 вер. в ширину. Берега этого озера топки, болотисты и недоступны даже в сухое время года, а с прибылью воды, вся долина эта и вся степь наполняются водою, по которой можно плыть в лодке. На берегу озера Ханка маленькая горка, на склоне которой стоит одинокая фанза китайца, носящая название Чхонь-миг-динза. До входа в озеро река Лефу тихо струит свои воды узкою, около 20 саж. шириною, и с частыми мелями речкою, если стоит сухое время года; по берегам ее много озер и заливов, число которых уменьшается по мере поднятия вверх по Лефу. В 7 вер. выше озера р. Лефу уже становится гораздо значительнее, так как в этом месте она разделилась на две протоки, из которых одна идет через озеро Лефу, а другая впадает в южный залив озера Ханка, левее описанной маленькой горки на берегу озера Ханка; эта последняя протока в сухое время года еще мельче и незначительнее правой протоки. Дальше, на протяжении 20 верст, река Лефу не разделяется на протоки, а принимает в себя справа р. Тихую, вытекающую из соседних гор. Ширина долины Лефу при устье р. Тихой не превышает 7 верст, но выше по реке долина ее значительно расширяется и снова суживается лишь при устье р. Хомяго, где имеет ширины не более 3 вер. Середина этой долины имеет ширины 20 верст и более. Вся эта долина состоит из поемных луговых, почти безлесных, за исключением куртин, полос и островков с лиственным лесом в несколько десятин величиною и весьма редко и далеко друг от друга расположенных. Горы правого берега Лефу в этом месте состоят из смешанного лиственного довольно редкого насаждения с густым подлесником кустарных пород, – дровяным и отчасти поделочным и строевым с преобладанием в смеси, или дуба, или сосны и с примесью берез, клена, ильма, ясеня, орехового и пробкового дерев, акации Маака и других. Горы левого берега Лефу в этом месте гораздо удаленнее от русла реки и покрыты тех же пород некрупным и редким лесом, большею частью дровяным, отчасти поделочным и очень редко строевым, перемежающимся с совершенно безлесными местами на покатости пологих холмов этого берега Лефу.

По части этой долины протекает извилистая речка Болотная с своими многочисленными и незначительными притоками; устье речки Болотной находится близ фанзы Уечи-динза, подле отдельной горки на берегу Лефу имеет на последнем устье крутой поворот с прежнего направления южного или немного к юго-востоку изменяется в З.Ю.З. направление, которое и сохраняет до устья в нее р. Канхода.

По высокому месту холмов, из которых берут начало источники р. Болотной, китайцами проложена дорожка, ведущая к р. Мо и далее через р. Лефанчи к озеру Ханка. Этой тропой следовали мы в 1861 году осенью после наводнения, и тогда только по этому направлению можно было добраться сухопутно до озера Ханка, так как по всем другим направлениям местность к озеру была затоплена, а китайский путь выбран по местам от больших наводнений безопасным. Путь этот идет на расстоянии 130 вер. до поста Камень-Рыбалов на озере Ханка и составляет большой крюк против прямого пути к тому же пункту, но зато имеет

преимуществом то, что более безопасен от наводнений и от перерыва по нему сообщений.

Русскими с 1862 года, когда стояло очень жаркое и сухое лето, проложен путь от поста Камень-Рыбалов к посту Верхне-Суйфунскому. В районе системы реки Лефу путь этот начинается от места раздела вод Лефу и Суйфуна, в том месте, где хребет Сихотэ-Алинь, по-видимому прекращается, образуя лишь пологие, стенообразные, слабые возвышенности.

От места раздела вод системы Суйфуна от системы Лефу спуск по весьма незаметной покатости к р. Сызда, которую я уже имел случай видеть на ее устье в р. Лефу в 1860 году и в ее истоках на пути к верховьям Суйфуна в 1862 году. Длина этой обширной долины по направлению от востока к западу около 60 верст, ширина ее очень незначительно изменяется, но наибольшая несколько к западу от нашего пути, по направлению с С.С.В. на Ю.Ю.З. – около 30 верст. Она имеет общий вид очень продолговатого овала, но горы и холмы по краям ее в ясную погоду очень явственно видны.

Вся долина состоит из низменностей, с рассеянными почти повсеместно кочками: в полоую воду она вся должна быть подвержена наводнениям и тогда р. Сызда бежит в нескольких довольно глубоких протоках, которые мы видели в октябре 1861 года уже при значительной тогда убыли воды. Сообщение здесь в будущем сопряжено с большими затруднениями и, вероятно, несколько раз в году будет прерываемо. Даже высокие места, смежные с долиной, после продолжительных проливных дождей, часто случающихся в здешнем краю, должны превращаться в непроходимые топи, чему я видел уже много примеров во время своих путешествий по стране.

Брод через р. Сызда легкий и вода в ней осенью 1862 года гораздо ниже берегов, но по обеим сторонам русла низменности и топи, в особенности в безводивших руслах обеих проток, так что добраться до брода даже в засуху можно только окольными путями. В 6 в. от брода стоит на краю пологой горы пост № 12, выстроенный из мелкого осинника, растущего не ближе 3 вер. Расстояние от поста № 14 до поста № 13 – 16 в., от поста № 13 до поста № 13 – около 33 вер. На этом пути, на 7 вер., лес редкого насаждения, дубовый, черноберезовый, тальниковый, дровяной, с редкими куртинами строевого осинника. Тут мы видели в 1½ вер. фанзу Тхаолебэ и пересекли китайскую тропу на р. Пичи, по которой шли в 1861 году. Местность гориста, но горы не высоки и весьма пологие, в особенности ближе к речным долинам. Есть места довольно изобильные камнями и чрез то неудобные для возделывания под пашни и огороды. Противоположный скат к стороне озера Ханка состоит из мест, более удобных к земледелию, очень пологих, но безлесных, или только с редкими куртинами осинника, дубняка и черноберезника. Пост № 11 стоит на слабой покатости у долины одного из истоков р. Болотной, притока Лефу. Вода в истоке совсем пересохла и люди с поста для воды прорыли себе колодезь. Это, впрочем, почти единственное неудобство в этой местности, именно безводие в очень сухую осень, но как такое время есть по всем вероятностям редкость в этом краю, то и неудобство можно считать не важным. Лес не только для топлива, но и для строения, осиновый и малая часть соснового, находятся в окрестных горах.

Для поста рубили осинник очень недалеко. Я слышал, что это именно место избрано для поселений своих депутатами чехов, прибывшими в 1862 году

для выбора мест. Если этот народ привык к бережливому употреблению лесов, то эта местность обещает по плодородию почвы обильные урожаи и отлично пригодна для скотоводства в большом размере, а по климату страны здесь возможны виноделие и шелководство. Расстояние от поста № 12 до поста № 11 – 18 верст.

Путь к посту № 10 лежит по такой же прекрасной волнистой степи, по которой изредка узкие гряды с дупловатым дровяным дубняком, черною березою, тальником, ольхой, и очень редко осинником строевых размеров. За исключением недостатка в лесе, эта местность также удобна для обширных русских поселений, в особенности для больших распахек и обширного скотоводства. Станок № 10 расположен на берегу р. Мо и, кажется, будет подвержен затоплениям. С одного места, первоначально выбранного, люди уже перебрались, вытесненные прибывшею в июле водою. Вся долина Мо подвержена наводнениям и в этом месте для поселений неудобна.

Расстояние до 10-го поста от поста № 11-го – 37 верст.

Путь к посту Камень-Рыбалов лежит луговой долиною побережья озера Ханка из редких островков леса; среди этих обширных кочковатых и наводняемых лугов солдаты с трудом набрали лесу для одной избы. Прилегающие горы спускаются в долину пологими скатами и состоят из редин дубняка и чернобрезника дровяных; мест, очень удобных для расчистки под пашни для будущих поселений, мало. Дальше в горах можно найти всяких пород лес и в изобилии строевой материал, но доставка его (не ближе 15 верст) возможна только сухим путем. Близь самого поста Камень-Рыбалов есть строевой сосняк и годный на поделки дубовый лес, кроме леса других пород реже встречающихся. Расстояние от р. Мо (ныне очень мелководной) до поста Камень-Рыбалов 23 версты.

Речка Хомяго или Веселая. Речка Хомяго или Веселая, по которой мы следовали в 1860 году на пути к Суйфуну и Владивостоку и потом в 1861 году были на той же речке на обратном пути от верховьев Лефу к озеру Ханка, есть довольно значительный по протяжению своему приток Лефу. Она берет свое начало близ источников р. Сяу-Лефу (малого Лефу) из высоких пунктов хребта Сихотэ-Алинь. В источниках ее находятся различные леса, как дубовые, так и хвойные, различного качества, между тем иногда попадают там корабельные, поделочные, строевые деревья в большом количестве, как это показано на карте. Но леса эти не имеют большой важности для края по трудности их сбыта и удаленности от водного сплавноного пути. Речка Хомяго имеет на устье тихое течение и бывает сплавною в среднюю и большую воду, а в сухое лето доступна броду по своему маловодию. Чем выше подниматься по реке, тем она мельче и быстрее и наконец в источниках ее близь пути от р. Саго (или Чаго) к деревне Та-Лефан-Хоуза она в сухие годы совершенно иссякает, а после дождей имеет вид горных потоков. Речка Хомяго окаймлена очень невысокими и пологими горами близь устья, образующими долину в 3 вер. шириною, и выше по речке сохраняется местами та же почти ширина. Путь к Суйфуну, пройденный нами в 1860 году, лежит по левому притоку р. Хомяго, как показано на карте. По этому пути виден был лес дубовый, черно и бело-березовый, ильмовый и изредка осиновый с обильным кустарником *Lespedeza*, орешника, винограда и других пород. Лес дровяной, отчасти поделочный и строевой. Подальше по притоку р. Хомяго лесу заметно меньше, а больше безлесных пологих скатов, с плодородною богатою черноземною землею; места эти отлично удобны для распахки и здесь со временем должны

образоваться многочисленные земледельческие колонии. Сообщение этих мест с Суйфуном очень удобно и близко; заселять эти места даже удобнее будет с моря и при помощи Суйфунского водного пути. Луга эти в долине и нагорные изобилуют в настоящее время роскошною растительностью дикорастущих трав и цветов. Наилучшими местами мы считаем те, которые ныне поросли густо вязелем разных видов (*Vicia*). По положению своему эти луга всегда выше, а по почве всех богаче черноземом. Еще выше по реке попадаются куртины строевого осинника и дровяной, с частью поделочного, лес дубовый, черноперегородковый, ильмовый, ореховый, ясенево-липовый, кленовый. У истоков этого притока р. Хомяго лес тех же пород с преобладанием дуба гораздо крупнее и гуще, и между деревьями дупловатыми нередко встречаются здоровые дубы, годные на корабельное дело. Лучшие дубовые деревья имеют размеры от 10 до 15 вершк. в верхнем отрубе при 3 до 5 с. длины бревна без сучьев. В высоких горах хребта Сихотэ-Алинь виден здесь, кроме такого же смешанного лиственного леса с господством дуба, – крупных размеров также лес хвойный: еловый, пихтовый, кедровый тоже крупных размеров строевой и корабельный, который иногда является в смеси преобладающим над лиственными породами. Из лиственных пород в хребтах и долинах заметны еще: ольха, тополь, пробковое дерево, акация Маака, яблонь, грушевое дерево и другие; из кустарных пород: целастр, араллия, диморфант, кроме того, панакс, элейтерококкус, лещины, леспедецы и виноградник, встречавшиеся и по Хомяго.

Лес этот может иметь сбыт, удобный лишь к стороне Суйфуна, либо для будущих колоний по р. Хомяго.

Путь от Суйфуна к дер. Та-Лефан-Хоуза. Путь от Суйфуна к р. Лефу у деревни Та-Лефан-Хоуза пройден был уже в 1860 году. Он начинается по р. Саго или Чаго и ее притоку, потом идет по источникам речек Хомяго и Сяу-Лефу, всего на протяжении 52 вер. от дер. Суан-чинза на Суйфуне до дер. Та-Лефан-Хоуза на Лефу. В верховьях Хомяго находится фанза Индеу, а в верховьях Сяу-Лефу фанза Тэа-санза в расстоянии 8 верст одна от другой и 25 вер. до фанзы Тэа-санза от дер. Та-Лефан-Хоуза. В верховьях притоков Хомяго и Сяу-Лефу перемежаются насаждения дубовые с черною березою и другими лиственными породами и лиственно-хвойные и даже хвойно-лиственные, состоящие из крепких лиственных пород: клена, ильма, ясеня, дуба и ореха с липою, белою березою и осиною и из хвойных: кедр, ель, пихта и, куртинами по округленным макушкам высоких гор, сосна. Лес этот имеет размер и качество строевого, поделочного и частью корабельного и мачтового материалов. Сосны хорошей попадает больше на переходе от Тэа-санза к Лефу и в долине Лефу в некотором расстоянии от края прибрежных гор, а по краям хотя и есть еловый лес, но он мелок и редко достигает строевых размеров. Вдали же можно выбрать много сосновых мачт. Сбор этого леса, при постепенном заселении этого края, может удобно производиться по речке Лефу сплавом в весеннее половодье. Река Лефу довольно быстра у деревни Та-Лефан-Хоуза, но еще может быть сплавною россыпью и небольшими плотами.

В долине Лефу много фруктовых дерев: яблонь, груша, вишня, черемха и абрикос.

Путь от дер. Та-Лефан-Хоуза к Дауби. Путь этот пройден нами тоже в 1860 году и проложен китайцами издавна, так же как и путь от Суйфуна.

Долина Лефу в этом месте имеет ширины около 10 верст. Обширный луг правого берега кочковат и низмен и должен быть подвержен наводнениям, хотя в сухое лето 1860 года был совершенно сухой. На горах этого берега лес дровяной, поделочный и строевой лиственный, довольно редкий, а иногда средней густоты, состоящий из пород белой березы, осины, черной березы, дуба, клена, ильма и других. На перевале к р. Сандогу такой же лес, но большей густоты. В долине р. Сандогу, по которой тропа идет на протяжении 21 вер. до вершин хребта Хух-Хоуза, отделяющего воды системы Лефу от вод системы Дауби, лес попадает разнообразный, гуще и крупнее достигает нередко размеров строевого, поделочного и корабельного материала. Здесь встречаются здоровые и крупные деревья: ильмовые, ореховые, дубовые, липовые, кленовые, кедровые, еловые, пихтовые, акации Маака, черемховые, яблоневые, осиночные, ольховые, вербы, черная и белая березы и кустарник орешника, максимовичии, виноградника, боярки, жимолости, кизилы, панакса, араллии, целастра, коломикта, элейтерококкуса, диморфанта, калины и др., как в горах, так и в долине. Близь вершин речки на горах встречаются куртины в несколько десятин чистого сосняка строевых и дровяных, но не корабельных размеров. Ильм, липа, дуб и ясень иногда достигают огромных размеров от $1\frac{1}{2}$ до 2 аршин у комля и до 16 саж. в высоту, но при этом почти всегда дупловаты. Вверху по долине хвойный лес местами является преобладающим в смеси, но не особенно хорошего качества еловый и пихтовый строевой; местами же хвойный лес снова заменяется лиственным березником и осинником.

Лес этот неудобен для сплава в отдаленные места, так как р. Сандогу мелководна и несплавная, а вывозка его сухопутно отдалена. Но в случае основания по Лефу поселений этот лес может принести пользу поселенцам для их первоначальных построек и обзаведения.

Путь по р. Сандогу очень каменистый, среди гущи лесной, довольно болотистой, несмотря на сухое время года, и еще неудобен тем, что завален валежником и колодником; в большую воду весною и после дождей вся долина Сандогу затопляется.

Устья р. Сандогу находятся почти на середине расстояния между устьями Сяу-Лефу и Хомяго. Вся долина р. Сандогу очень узка, горы спускаются к обоим берегам круто, за исключением левого берега ее низовья; ширина долины изменяется $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ вер.

Река Лефу от устья Сяу-Лефу до устья Хомяго. Долина Лефу в этом пространстве довольно узка (менее 3 вер.) и имеет довольно прямое направление с В.С.В. на З.Ю.З. Краем прибрежных гор левого берега идет мало приметная китайская тропа к пустой фанзе на устье р. Сяу-Лефу и оттуда к устью Хомяго. Речка Сяу-Лефу течет по узкой, очень низменной кочковатой долине, подверженной наводнениям и состоящей из частых лугов, неудобных для заселений. Лес по горам как левого, так и правого берега Лефу, и по обоим берегам Сяу-Лефу смешанный, лиственный дровяной и частью поделочный – дубовый и черно-березовый, с обыкновенной редкой примесью других лиственных пород довольно редкого насаждения. По берегам рек (Лефу, Сяу-Лефу, Сандогу и др. незначительных горных ключей) попадают кленовые, ильмовые, ольховые, ореховые, яблоневые, пробковые и другие деревья.

Верховья реки Лефу и речки Канхода. За хребтом Сихотэ-Алинь, пройдя часовни на пути от р. Цимухэ, в 1861 г. мы увидели такую же лесную долину р. Канхода, принадлежащей к системе р. Лефу, как и по ту сторону хребта. Идучи все лесом и не видя даже хорошего пастбища для лошадей, мы сделали несколько бродов через постепенно расширяющуюся и увеличивавшуюся путевую речку Канхода и ее многочисленные протоки, наконец, вышли на широкую луговую долину самой р. Лефу, текущую здесь почти по прямому направлению с севера на юг. Только близ самой этой луговой долины р. Лефу стали показываться по долине р. Канхода мягкие породы лиственного леса, как то: березы, осины, тополя, ивы, липы, ольхи и пр.; прежде же, весь путь наш, виден крупный лес крепких пород с густым и разнообразным подлеском кустарных пород, а чем выше по речке, тем с большею примесью хвойных пород: пихты, ели, кедра строевых размеров, средних и иногда даже очень крупных.

Отсюда вверх по р. Лефу чрез 35 вер. лежит тропа к перевалу через тот же хребет Сихотэ-Алинь, если не ошибаюсь, то в том именно месте, где с противоположной стороны хребта находятся истоки р. Цимухэ, впадающей в Уссурийский залив Восточного океана; другие же истоки Лефу оставлены мною в стороне и расходятся с одной стороны к пройденному мною пути по рекам Циму и Маэ, с другой же к системе реки Дауби, где хребет Сихотэ-Алинь особенно высок и величествен. Здесь по пути встречаются все леса первобытные, состоящие из весьма разнообразной смеси хвойных и лиственных пород, но с заметным преобладанием первых над последними. Издали мне видны были единичные и небольшими островками сосновые и большемерные деревья, подобные виденным мною в экспедицию 1860 года в среднем течении р. Лефу, и тоже по дороге от р. Лефу к р. Дауби. Чем ближе мы подвигались к водораздельной линии хребта Сихотэ-Алинь, тем лес становился крупнее, гуще, диче, изобильнее валежником, и тем труднее становился наш путь. Без проложенной тропы ходить по этим хребтам, если не опасно для близко знакомого с походами по лесу, то по крайней мере очень затруднительно. Через 3¹/₂ вер. от устья р. Канхода в Лефу, идучи вниз по р. Лефу, мы достигли первой фанзы – деревни, называемой Та-Лефан-Хоуза, и дальше шли все частыми лугами мимо других фанз той же деревни.

Луга здесь высоки и удобны для поселений, но в 1861 году в них большею частью везде стояла вода, а в низменных котловинах образовались лужи и даже озера. На горах виден смешанный лиственно-хвойный лес, и среди него нередко мелькают сосновые не крупные деревья строевых размеров. Через 10 верст пути от первой фанзы мы достигли последней фанзы той же деревни, откуда есть поворот пути к р. Саньдогу, притоку Лефу и к р. Дауби по правому берегу Лефу, и другой поворот тропы к р. Суйфуну в сторону от долины р. Лефу, вдоль долины ее притока Сяу (Малой) Лефу.

Речка Мобилия в ее устье и ее притоки Пича и Лефанчи. Речка Мо впадает в озеро Ханка двумя устьями, из которых одно в сухое время года пересыхает, а в очень большую воду река разливается по всей обширной долине. Первый рукав (настоящее русло) р. Мобилия образует при впадении в озеро Ханка широкий залив верст на 5 длины против устья р. Лефу, отделяющийся от озера узкою песчаною косою. В 7 вер. выше залива р. Мо течет в довольно высоких берегах и тут в 1862 г. строился станок № 10, но место это затопляется и потому станок впоследствии, вероятно, снят. Вся эта часть устья лежит в низменной котловине

озера Ханка. Выше на обоих берегах р. Мобилиа видны горы, а долина, такая же низменная, имеет ширины до 4–6 верст. Горы спускаются в долину очень пологими скатами и становятся несколько круче по мере поднятия вверх по реке, но и далеко выше все-таки не имеют слишком крутой покатости в долину. В 10 верстах выше станка находится устье р. Лефанчи, впадающей в Мобилиа слева, еще на 6 вер. выше устья р. Пича, впадающей справа, и наконец еще 7 верст выше – устье р. Байсы (или Байчи-хы), впадающей тоже с левой стороны. Все эти три речки довольно значительны по длине своего течения, но несплавные в мелководие, а в большую воду имеют очень быстрое течение и тоже не только для судоходства, но и для сплава неудобны. И через реку Мо и через ее притоки: Пича, Байсы и Лефанчи, там, где есть поселения по ним, китайцы имеют либо места удобные для брода, либо устраивают через них мосты из стволов деревьев или досок, либо имеют маленькие лодки, выдолбленные из цельного ствола вербы, или тополя для перевоза через воды речек в большой разлив.

Истоки Лефанчи находятся в описанном выше Сосновом хребте, идущем параллельно с озером Ханка.

Истоки речек Мобилиа и Байсы находятся в хребте Сихотэ-Алинь южнее источников р. Сиан.

Вершины речки Мо почти безлесные.

Источники речки Пича находятся близ источников р. Сыдза, впадающей в Лефу.

Таков обширный бассейн системы реки Мо.

Речка Лефанчи. Лефанчи течет сперва ничтожным горным потоком, из расхошин хребта Соснового и в этой части изобилует лесом преимущественно строевым. Направляясь с севера на юг, она принимает несколько неважных притоков с обеих сторон и близ устья довольно круто поворачивает на запад и в этом месте течение ее тише, русло несколько шире и долина луговая, тоже постепенно расширяясь в устье, сливается с низменной долиною р. Мобилиа. По р. Лефанчи находятся 4 фанзы на боковых ее притоках в расстоянии от 1-й до 2-й – 14 верст, от 2-й до 3-й – 10 вер., от 3-й до 4-й – 6 вер. и от 4-й до фанзы Эрдиамань – 5 верст. Путь проложен либо краем гор, либо через пологие их скаты по местам высоким и незатопляемым даже в очень большую воду, между тем как долина Лефанчи заливается в высокую воду. Тут есть места удобные и для русских поселений по плодородию почвы и другим условиям, в особенности же поблизости от озера Ханка. Для незначительных на первый раз поселений, здесь места очень удобны. По Лефанчи на устье лес плохой и большею частью выжженный палами, пускаемыми китайцами с осени для удобнейшей охоты за дичью. Оставшийся здесь лес дубовый и черноберезовый с обыкновенною примесью других лиственных пород, дровяной и частью поделочный, довольно редко насажденный. Против 2-й фанзы на высоком хребте Сосновом густой и крупный хвойно-лиственный лес, в котором много сосны, – качества имеет строевого, поделочного и корабельного материала. При заселении этого края разработка этого леса не представит больших затруднений. Сосны попадают и в долине Лефанчи на спусках гор, но некрупные и в малом числе. Лес в верховьях Лефанчи смешанный, лиственно-хвойный и на водоразделе Соснового хребта хвойно-лиственный, состоящий из очень разнообразной смеси дуба, сосны, клена, липы, ясеня, ореха, кедра, ели, пихты, яблони, пробкового дерева, акации, груши и много других и также

разнообразных кустарных пород. Качеством лес составляет материал строевой, дровяной, поделочный и корабельный и довольно густого насаждения. От 1-й по р. Лефанчи фанзы дорога идет не к устью Лефанчи, а прямо к р. Мобилия через невысокий увал с плохим, большею частью дубовым лесом и по луговой долине незначительного притока Мобилия. Потом р. Мобилия переходят вброд в малую и среднюю воду, а в большую воду здесь долину Мобилия надо переплывать.

По руслу Мобилия попадают поделочные деревья крепких лиственных пород вместе с ольхою, вербою и тополем. Речка имеет ширину русла в берегах от 12 до 15 сажень. Дальше дорога направляется вверх по течению речки Пича не по самой ее долине, которая гораздо уже и притом возвышеннее долины Мобилия, но по горам в пересечении ее притоков сперва левой, а потом правой стороны. Здесь в притоках р. Пича расположены 3 фанзы (и 4-я горелая) в расстоянии: 1-я в 19 вер., от 1-й фанзы на Лефанчи, 2-я от первой в 7 вер. и 3-я от 2-й в 11 вер., а от 3-й путь лежит к фанзе Тхаолебэ в истоках р. Болотной и далее к Лефу. На горах по этому пути нет особенно важных лесов, везде почти преобладает дуб, часто дупловатый, черная береза, осина, белая береза, верба и по речным руслам ясень, ильм, клен, липа, – дровяной, поделочный и строевой лес лиственный довольно редкого насаждения. Много лесной площади здесь выжжено палами и представляет либо вовсе обнаженные пространства, либо с самым плохим и весьма редким годным лишь на дрова лесом.

Будищев

ХIII. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО ПУТИ ОТ УСТЬЯ Р. СУНГАЧА ДО ВЛАДИВОСТОКА (ПОРТ МЕЯ)

От последней по Уссури казачьей станицы Буссе до устья р. Сунгача мы плыли водою; водою же поднимались вверх по течению р. Сунгача до ее истока из озера Ханка. Весь этот путь не заслуживает внимания в лесном отношении. Совершили этот путь мы в 6¹/₂ суток в тех же, русской работы, легких лодках, идя все почти на бичеве. Река Сунгача, как в истоке, так и на устье, имеет почти одинаковую ширину и глубину, именно: ширины от 10 до 15 сажень, а глубину везде значительную, так что у самого берега и не далее 3 шагов от него глубина реки до 1 сажени. Воды Сунгача очень мутны и заметно отделяются, на устье и вер. на 1¹/₂ по Уссури ниже ее устья, от вод Уссурийских своим мутно-белесоватым цветом. Течение Сунгача очень извилисто, число кривуль или поворотов реки превышает сотни саж., а некоторые из них так малы, что занимают не более 50 сажень. В двух местах излучины реки образуют острова, хотя Сунгача нигде не разделяется на протоки и постоянно течет в одном русле. Эти соединяющиеся в узел излучины при плавании из пути выкидываются. Даже заливов р. Сунгача имеет весьма мало. Расстояние по воде от истока Сунгача до ее устья превышает путевое берегом ее расстояние почти в три раза: первое составляет около 260 верст, а последнее около 100 верст. На этом расстоянии, в июле 1860 года, было 5 русских постов, последний у самого истока Сунгача из озера Ханка; 6-й пост находится еще впереди последнего на 60 верст на западном берегу озера и называется *Турий-Рог*; другие же посты называются последовательными номерами, 1-й пост расположен в 6 вер. сухопутного расстояния выше устья Сунгача; 2-й в 30 верстах выше 1-го; 3-й в 13 вер. выше 2-го; 4-й в 24 вер. выше 3-го; 5-й в 28 вер. выше 4-го. Водою же эти расстояния увеличатся до 18 вер. между устьем Сунгача и 1-м постом; до 67 вер. между 1-м и 2-м; 23 вер. между 2-м и 3-м; 72 вер. между 3-м и 4-м и 80 вер. между 4-м и 5-м постом. Каждый пост состоял из 1 избы, в которой помещалось 5–6 человек линейных солдат 3-го батальона, а в 5-м посту в избе есть офицерская половина для помещения офицера; в сентябре команда эта была усилена линейными же солдатами и казаками.

Оба берега Сунгачи, по всему ее течению, чистые луговые и ровные. Начиная с 3-го поста, на правом и левом берегу ее видны невысокие холмы не ближе 20–30 вер. от берегов Сунгачи. Лес на этих холмах по осмотру оказался плохой дровяной дубовый, черноберезовый и осиновый; малая часть осинового леса годна на строение; других пород дерева очень редки на этих холмах. Ниже 3-го поста по Сунгачи обширная луговая степь. Болот и озер довольно много по этим безлесным равнинам на обоих берегах Сунгачи и местность, издали кажущаяся роскошным лугом, часто обманывает, и если идти берегом, то попадешь

в непроходимые болота. Травы здесь огромные и делают ходьбу чрезвычайно затруднительною. Среди этих огромных луговых пространств, как оазисы, разбросаны самые мелкие куртинки или узкие полосы с лесом, расположенные или по самому берегу, или в расстоянии от него на 1 до 5 и более верст. В этих островках леса главный породы дуб очень крупных размеров, но часто дупловатый, иногда же корабельный; такой же крупный сырораствующий ильм, дровяная черная береза, осина – отчасти строевая; осина иногда встречается и чистыми куртинами без примеси других пород. Некоторые лесные островки удивляют разнообразием своей растительности. Так, в 40 вер. выше 1-го поста, на самом берегу всего 1¹/₂ дес. лесу, но здесь есть ореховые, ясеневые, дубовые, ильмовые, липовые, кленовые, березовые большемерные деревья от 16 до 20 вершков в диаметре на высоте груди человека и саж. на 4 до 8 вершк. голые от сучьев, но с совершенно здоровым стволом; тут же есть пробковое дерево, акация Маака, панакс, жимолость, груша, яблонь, черемха, араллия, и мног. друг. Винограда здесь много и он достигает значительных размеров, обвивая огромные деревья до значительной вышины. Близь 2-го поста есть немного крупного осинника, вершк. до 7 в верхнем отрубе при 3 и 4 саж. длине. От 2-го поста грядка с лесом идет вер. на 3 узкою полосою. Несколько таких же узких полос с лесом видны были и на левом берегу Сунгачи по направлению к озерку Сиаху.

Слева Сунгача не имеет притоков, а справа только один – речку Большой Дам, вытекающую из хребта высоких гор, разделяющих воды р. Лефу от вод р. Дауби. Речка Дам в устье не шире 10 саж., но глубина ее значительна, а потом брод чрез нее вер. на 4 выше устья. Речка Дам имеет, вер. в 7 выше своего устья, приток справа незначительной ширины и глубины. Речка Дам имеет всего течения, надо полагать, не более 100 верст, ибо долина ее верхнего течения видна была с горной оконечности озера Ханка.

Река Сунгача обильна рыбою: осетрами, калугою, китою и красной рыбой. Больших зверей в Сунгачанской степи большое изобилие, что заметно по множеству к водопою следов – тигровых, барсовых, медвежьих, кабаньих, лосьих (сохатый); также много гуранов (дикий козел), изюбров (красный олень), лис, барсуков, козуль и др.; дикой птицы тоже большое изобилие. На многих озерах мы видели целые тысячи уток, сотни гусей, также много куликов разных пород, гагару совершенно черную, невкусную, водяных кур, болотных куронок, тетеревов и мн. др. На озерах мы любовались прекрасным растением – озерный орех (Тора *patans*) с огромными в несколько четвертей в диаметре листьями, большим махровым малиновым цветком с очень фигурными, пестрыми и красивыми половыми органами и неправильно-угловатым, коричневатого цвета, весьма твердым орехом, с очень вкусным зерном. Украшение лугов составляют цветущие почти в течение целого лета лилии разных пород, колокольчики, кувшинчики, ноготки, полевая гвоздика, и др. Большое разнообразие пород мотыльковых растений из родов: *Lathyrus*, *Orobus*, *Vicia*, *Hedysarum*, *Astragalus*, и др. Трава почти всегда выше роста высокого человека. Мест сухих и неочковатых, удобных для поселений и для распашки, здесь наберется довольно много, значительно больше чем по Уссури. Но недостаток в лесу для постройки и иногда в речной воде должен составить немалое затруднение для оседлых поселений. По моему мнению, здесь можно селить только привычных к степной жизни людей, но не переселяющихся из лесных мест, которым недостаток в лесу будет слишком тягостен.

Первые легко обошлись бы без лесных построек, ограничившись мазанками из глины и прутья, отоплялись бы кизяком или торфом, а из окружающих степей скоро извлекли бы богатую жатву, так как степь эта отменно хороша для скотоводства, а воды стоячей везде много. В последнем отношении Сунгачанская степь превосходит степи Самарские и Новороссийские, где часто много солончаков и совершенно безводных мест, на которых без прорытия иногда напрасно артезианских колодцев трудно предпринимать переселение. Здесь же обилие стоячей воды, несмотря на совершенное безлесие и сильные летние жары. Вероятно, скоро найдутся охотники заселить этот край, начиная в первый раз с берегов р. р. Сунгача и Дам.

Но время заселения Сунгачанской степи еще не близко, так как Уссури еще заселена мало, а Уссури представляет большие удобства для земледельцев, переселяемых преимущественно из лесных мест.

Плыть по Сунгаче было совершенно несносно: здесь такое множество комаров, мошек, слепней и сумеречных бабочек, чтодохнуть нельзя без того, чтобы они не залезли и в рот, и в нос, и в уши; все мы были искусаны до крови и спасения от насекомых не могли найти. Мелкие мошки проникали сквозь самую частую сетку, сквозь самые незаметные отверстия в платье. По Сунгаче большею частью тихо и безветрено, изредка подует самый слабый ветерок; это затишье придает еще большую дерзость и злость насекомым, то регулярно сменяющим друг друга, то нападающим соединенными силами, и тогда горе бедному путнику!

Исток р. Сунгача находится от устья ее на Ю.В., но при извилистом течении это главное направление течения часто изменяется, иногда в совершенно противоположную сторону.

Между руслами рек Уссури и Сунгача, начиная от места слияния их по направлению почти прямо на юг, на протяжении около 100 верст, тянется такая же обширная безлесная степь. Она доходит до подножия высоких гор, сопровождающих левый берег р. Дауби, тоже впадающей в Уссури. С востока и запада эта равнина окаймляется невысокими холмами, которые отдельными группами, с промежутками от 1 до нескольких верст, составляют прерывающуюся цепь в форме подковы. Расстояние между этими цепями холмов, или ширина равнины, изменяется между 25 и 40 верстами, по прямому направлению с З. на В. Кроме этих холмов, окаймляющих обширную равнину, среди ее отдельных возвышенностей незаметно. Вся эта местность усеяна озерами и болотинами, включает много кочковатых мест, но более таких, которые удобны для распашки и поселений, в особенности же для скотоводства, и притом разведения лучших пород скота. Для поселений она имеет те же неудобства, как и степь Сунгачанская. Такова же степь, лежащая дальше к р. Море. Нижнее течение р. Море отстоит от Сунгача на 17–20 вер. пространства степного с небольшими перелесками. Выше обе реки расходятся более и более; р. Море огибает озеро Ханка с западной стороны, и только к северу от озера по ее течению видны большие, высокие горы, далее продолжающиеся непрерывным хребтом, соединяющимся с хребтом Сихотэ-Алинь.

По западному берегу оз. Ханка лес располагается отдельными куртинами. Здешняя сосна не похожа на Забайкальскую; рост ее корявый, ствол неправильный, кривой, вершина кудреватая в виде зонтика. Вышина деревьев не превышает 6–7 саж., толщина 7–8 верш, на высоте груди человека. Малая часть этого

сосняка годна на строение; преимущественно же это хороший материал для смолокурения, или же дровяник. Берега озера песчаны и крепки, за исключением устьев нескольких речек, впадающих в озеро; устья эти топкие и иловатоболотисты. Куртины вообще незначительной величины с дровяным лесом находятся по всему берегу. Породы леса: корявый, дупловатый дуб, редко годный на мелкие поделки, дровяной чернопоберезник и осинник, на половину годный на стройку. Самый значительный из притоков озера, после Лефу, есть речка Мо, которая берет свое начало из бесконечного множества горных источников в разных и отдаленных между собою местах хребта Сихотэ-Алинь. С западной стороны отрога хребта Сихотэ-Алинь находятся тоже многочисленные горные источники, составляющие р. Море. Между речками Лефу, Мо и Сиян, за исключением узкой полосы по самому берегу озера, местность низменная, болотиста и недоступна. Путевое сообщение с западным берегом озера может быть только на расстоянии 10–15 вер. от озера, на каковом расстоянии местность суше и возможны броды через речки, в устье довольно глубокие. На таком только расстоянии от берега возможны поселения, ибо там земля удобна, нет недостатка в лесе, а речки и самое озеро изобилуют рыбою, как мне известно от поселенной по озеру команды и очевидцев, совершивших путь кругом озера с г. Усольцевым в 1859 году. На восточном берегу озера места для поселений очень хороши, хотя и безлесны. Степные жители, снабженные всем необходимым для начала хозяйства, скоро могли бы здесь обогатить себя и быть поддержкою для поселенцев Приамурского края. На северном берегу озера Ханка лежит малое озеро Сиаху, отделяющееся от него узкою полосою земли около $\frac{1}{2}$ вер. шириною, а протяжением до 24 вер. Ширина озера Сиаху от 2 до 3 верст. Озеро Ханка имеет наибольшую длину (по направлению от крайней западной протоки Лефу до крайнего западного конца озера Сиаху) около 85 верст; наибольшая ширина его (по направлению от устья Сунгача до устья небольшой речки южнее р. Кача) около 45 верст. Самая меньшая ширина озера около 25 вер. (тоже по направлению с В. на З., немного южнее устья р. Сиан, между выдавшимися с обоих берегов мысками).

От 5-го поста, на истоке Сунгачи, мы отправились к Владивостоку, который полагали в расстоянии не менее 350 вер. Дорога с самого начала пошла по твердому черноземно-песчаному грунту плодородными местами и, за малыми исключениями, путь наш продолжался до последнего мыска перед устьем Лефу. На правом берегу Сунгачи ниже 5-го поста дом одинокого китайца рыбака и земледельца. Во время нашего прохода через 5 пост туда явился еще один китаец, объяснивший нам с помощью знаков, что он бежал с р. Дауби от притеснения маньчжур. Я сразу принял этого китайца за шпиона, что и подтвердилось тем, что в августе он скрылся, а вслед за тем маньчжурский найон (чиновник) прислал к начальнику русских постов требование явиться на Турий Рог, куда он приходил с отрядом из 50 человек конных и пеших маньчжур. Бродяга-китаец сообщил нам разными знаками и малопонятными нам словами, что между китайскими поселенцами и маньчжурами были схватки за золотые прииски на речках, текущих по горному склону хребта Сихотэ-Алинь к морю, (вероятно, речки Пусун, Тарфун и другие между ними лежащие). Остальные же слухи, сообщенные нам китайским шпионом, между прочим, то, что на р. Суйфун сосредоточены маньчжурские войска в значительных силах, снабженные притом

артиллерии, оказались чистою выдумкою, хотя об этих слухах из других источников нас уведомляли в Хабаровке.

Несмотря на очень густую траву, мы тронулись в путь довольно легко и делали в сутки около 30 верст. Местность здесь ровная, кочковатых и болотистых мест почти нет. Протяжение берега Ханка от истока Сунгачи до последнего мыска перед устьем Лефу составляет около 65 вер. Местность эта очень однообразна, составляя безлесную степь. В 15 вер. от устья Сунгачи в озеро впала речка; чрез нее мы переправлялись в $1/2$ версте от ее устья, речка узка и мелка и переправа продолжалась не более $1/2$ часа. Для постоянного сообщения здесь следует устроить мост, но лес для него придется буксировать пароходом по Сунгаче. Дно речки вязко, берега ее отвесны. Мы переправились через речку вброд. За 1-юю речкою тянется по берегу озера вер. на 6 узкая полоса с дровяным черноберезовым лесом до выдавшегося мысом берега на протяжении 4 вер. Дальше вер. в 25–26 от истока Сунгачи недалеко от Ханка небольшое в 2 кв. версты озерко, названное на карте Ген. Шт. Лебяжьим. Озерко имеет положение весьма низменное, берега его топкие и болотисты. Тут множество гусей и уток; некоторые из них составляют новые породы, еще невиданные. Путь близь озерка трудный, топкий на протяжении около 1 версты, хотя воды в нем много убыло в бывшую в то время засуху. Далее берег опять крепкий вер. на 14 до устья 2-го притока Ханка. Речка эта шириною в устье до 30 саж., глубиною в середине до 1 саж., к берегам отмели, так что на лодке саж. на 3 нельзя подойти к берегу.

На том берегу видно много скелетов рыб, выброшенных озером. Речку мы переезжали почти на устье, на несколько вер. выше она не шире 5–6 саж., но берега ее там очень топкие. Через речку необходимо устроить мост, но здесь еще большее затруднение в лесе. К востоку невысокие холмы видны вер. в 12–15. Они начались еще на Ю.В. от первой речки и идут прерывающеюся полукруглою цепью на Ю. и Ю.З., где сливаются с горами, сопровождающими р. Бол. Дам и правый берег Лефу. В лесу на этих холмах видно много полян и лесных рединок, судя по этому, они должны быть удобны для земледелия и скотоводства. Лес по ним дровяной дубовый и черноберезовый, едва ли найдется там строевой осинник, едва ли даже хороший мостовняк. За цепью низких холмов видна долина р. Дам; там опять цепь невысоких холмов, а за ними уже синеют высокие горы, сопровождающие р. Дауби, по-видимому очень близко, но действительно отнюдь не ближе 50–60 верст от нашего пути. В 10 верстах за устьем 2-й речки есть незначительный залив озера Ханка, но летом в сухое время канал, соединяющий его с озером пересыхает, и образующееся таким образом озерко, лишаясь почти всей воды, представляет незаметную за высокою травую топь. Ожидая встретить значащуюся по карте Ген. Шт[аба] речку, мы едва обратили внимание на ничтожное озерко. Верст 15 за устьем второй речки тянется узкая полоса с лесом преимущественно ильмовым, иногда довольно толстых размеров верш. 12–15 в диаметре на высоте груди человека. Вместе с ильмом попадаются изредка: липа, яблонь, молодой орех, жимолость, боярка, разные породы ив, виноградник, панакс и густой кустарник леспедеца. К концу этой полоски с лесом господствует кустарный, тальниковый, который продолжается узкою же полоскою еще вер. на 10 до последнего выдавшегося мыска перед устьем Лефу. Сделав 65 вер. берегом озера Ханка, мы наконец повернули к правому рукаву Лефу, думая пройти вдоль него к показавшимся на горизонте 3 невысоким горкам, где предполагали

найти сухую и ровную дорогу вдоль горок, сопровождающих правый берег Лефу. Но местность устья Лефу нас жестоко обманула, оказавшись почти неприступною, проходимую только в сухое время и только для пеших людей и легковьючных лошадей.

С поворота от озера вер. 4 еще довольно сносной дороги, но дальше $1\frac{1}{2}$ вер. болото и топь страшные. Несмотря на самое сухое время и бездождие и стоявшие жары, пеший человек вязнет в этом болоте на целую $\frac{1}{4}$ аршина, а бедным коням каждый шаг давался не иначе, как с боя. Затем вер. $1\frac{1}{2}$ еще выбрали мы довольно сносного пути, потом опять залезли в густой камыш по очень топкому болоту, местами с вечно стоячею на $\frac{1}{2}$ аршина водою, где мы рисковали погубить коней совсем. Здесь, сделав вер. 3 самого дурного пути вдоль правого рукава Лефу, а всего с поворота от озера 10 вер., должны были остановиться за невозможностью продолжать путь. Между тем с лодки, шедшей вслед за нами, известия тоже были неблагоприятные, так как ее совершенно заволокло тиною и подвигаться вперед по этой тине оказалось невозможным; левой протокой Лефу идти было также худо, тогда попробовали пройти средней протокой и прошли благополучно, хотя и с трудом, до озера Лефу, в которое разлилась река в 4 вер. от устья. Озеро Лефу также тинисто и состоит скорее из грязи, чем из воды. Наконец мы достигли р. Лефу, впадающей в озеро одним рукавом средней глубины. Озеро имеет в длину с С.В. на Ю.З. около $5\frac{1}{2}$ вер., в ширину от входа до выхода Лефу $1\frac{3}{4}$ вер., наиболее мелко и тинисто в самой середине. Вход и выход Лефу расположены в северной его части, и южная часть озера заворачивается к западу и в этом месте очень узка, не доходя до горки, расположенной между правым и левым рукавами Лефу на $1\frac{1}{2}$ вер. В северной части озера есть два залива, вытекающие из озера, а потом сливающиеся вместе и расплывающиеся по болотистому низменному месту; течение в заливах весьма слабое, так что воду можно назвать стоячею; один из заливов заворачивает на Ю.В. и Ю.; параллельно его течению мы впоследствии вышли на сухое место к горкам. Речка Лефу (правый рукав) выше озера течет в одном русле в 3–4 фута глубиною, местами глубина доходит до 8–10 фут; через 2 вер. в нее впал справа небольшой приток; далее течет она тоже в одном русле очень извилисто на протяжении около 10 вер. до места, где из одного главного русла выливаются разом три рукава Лефу. Западный и средний рукава скоро сливаются в один, но перед устьем опять разбиваются и такими же, как и в правом восточном рукаве, заболотившими и обмелевшими, разлившимися по болоту, 2 притоками впадают в южный конец озера немного к западу от названной выше горки. Вся эта огромная низменная котловина, содержащая воды устья Лефу, вливающиеся в озеро Ханка в 5 местах и даже местность вправо и влево, т. е. вне крайней правой и крайней левой проток, усеяна озерами и так заболотела, что вполне составляет местность недоступную. Во время весеннего водополья вся эта местность должна составлять одно большое озеро и, вероятно, была когда-то неразрывною частью озера Ханка, потом обмелевшего и выставившего на вид такую же почти безобразную местность, как залив Сиваш в Крыму. Вся южная береговая полоса по озеру Ханка и отчасти юго-западная имеют такой же характер. Здесь шел с командой и лошадьми в 1859 году г. Усольцев и только с большею трудностью мог перебрести Лефу на устье и с горы обрисовал окружающую местность.

Затем, вернувшись к отряду, г. Усольцев, с людьми и грузом, должен был следовать вдали от берега озера, ближе к горам. Сведения эти сообщены мне солдатами, бывшими с г. Усольцевым.

Итак, можно положительно сказать, что устье Лефу недоступно, в чем мы убедились горьким личным опытом.

Проведя целые сутки на одном месте, где мы остановились для предварительной разведки пути, которым бы нам можно было выбраться из нашего неловкого положения без пожертвования лошадьми, а в это время лошадям мы дали отдохнуть и выкормиться, хотя и на плохом корму. Наконец узнавши, что мы только в 1 версте расстояния от озера Лефу, по осмотренному уже пути мы отправились далее; сперва дали крутой поворот почти на С. на 1 версту по большим кочкам и малой воде, потом 2 версты шли на С.В. меньшими кочками, по более топким местам, причем сделали 2 брода через 2 залива, вытекающие, как выше описано, из озера Лефу; заливы эти заболотевшие, мелкие и тинистые. Переправа была трудна, коней оба раза выпрягали и развьючивали, груз перетащен был людьми; трудно было, но наконец мы выбрались на более сухое и высокое место, где можно было двигаться вперед, не подвергая опасности людей и лошадей в самом почти начале нашего долгого пути. Даже зимний путь по этим непроходимым болотам в здешнем теплом климате едва ли будет надежный, едва ли по крайней мере продолжительный. Беда в том, что и к востоку от пройденного нами пути местность также низменна, хотя это низкое место становится уже, по мере удаления от Лефу, но оно мне показалось еще более низким, что подтверждает падение воды в ту сторону, почти неприметным. Этот путь начинается от островка с лесом, стоящим среди обширного луга вправо от длинного залива Лефу, идет к востоку от нашего пути и выходит на озеро Ханка к узкой полоске с тальниковым кустарником, составляя всего около 11 верст. По топкому месту на 2 вер. для сообщения по этому пути, дабы не потопить тяжелых возов, необходимо настлать фашиннику, который здесь под рукою, и сверху сделать настилку земли; если этого окажется недостаточным, то вместе с фашинником можно настлать мостовняк, нарубив его в горах. Для постоянной же дороги необходимо местность эту осушить канавами, перпендикулярными и параллельными к стоку воды и сделать на 2 вер. топкого места земляную насыпь, чрез канавы устроить прочные мосты, что уже составляет работу инженерную и дорожную. Другой путь от левого берега Лефу кругом озера Ханка не представляет вовсе выгод в военном отношении, притом гораздо длиннее прямого пути восточным берегом озера, хотя и не имеет тех физических неудобств, как последний. Длина первого пути от устья р. Тихой в Лефу (в 12 вер. выше того места, где Лефу разделяется на три рукава) до 5-го поста на озере Ханка у истока Сунгачи составляет более 200 верст, между тем как длина прямого пути между теми же пунктами составляет всего 80 верст. На первом пути необходимы постоянные мосты через речки: Мо, Сиян, Кача, Тур и Сунгача, все довольно значительный; а по второму пути нужен один большой мост через Лефу ниже устья р. Тихой. Недостаток в лесе составит затруднение к устройству мостов, впрочем, его можно подвести из гор, хотя бы за 12–15 верст.

До сих пор плавание по озеру Ханка было неудачно. Первые на озере лодки наши показались в 1859 году с экспедициею г.г. Будогосского и Усольцева для проведения границы от Китайской империи. Лодки эти, хотя легко

нагруженные, были совсем разбиты волною на коротком расстоянии между 5 постом на истоке Сунгача и устьем р. Тур, где тогда же заложен был пост Турий Рог. Состоявший в распоряжении г. Будогосского г. Доржитаров в то же время успел благополучно доплыть до Турьего Рога из 5 поста кругом озера на лодке без груза. В 1860 году нам удалось провести тоже лодку без груза от 5 поста до устья Лефу и также благополучно возвратиться на ней в Хабаровку. В этом же году производил промеры по озеру лейтенант Любицкий в легкой килевой шлюпке с парусами и якорем, но продольного промера озера он не мог сделать, несмотря на все усилия, а в большую бурю в самом начале плавания едва не погиб. У берегов озера Ханка отмели повсюду на большое расстояние, так что местами в 1 версте от берега глубина озера не более 2 фут. О плавании по Ханка в больших пароходах и думать нельзя, так как они не могут пройти чрез извилистую Сунгачу; по крайней мере, до сих пор ходил по Сунгаче только один слабосильный пароход «Механик», не могущий буксировать ни одной лодки с грузом. Кроме того, на озере постоянные ветры, часто друг другу противоположные в разных частях озера, в середине же озера ветер часто крутит как ураган со всех сторон. Качка на озере необыкновенно сильна, перпендикулярна к воде, что при частых по берегу отмелях и при твердом песчаном с голышем дне, для мелких судов чрезвычайно опасно. Во время плавания по озеру нашей небольшой лодки, в бывшую тогда несильную бурю, качка была так сильна, что лодка трещала и сильно гнулась на глубине 3–4 фут, а на мели немилосердно билась о голыши, так что спасли лодку только тем, что вытащили ее на берег. Судя по этим фактам плавания по озеру Ханка, можно сказать, что озеро это не судоходно, по крайней мере, очень опасно, или недоступно для плавания на имеющихся у нас в настоящее время судах. Можно устроить для этого паровые катера, или малосидящие в воде пароходы, более сильные, чем «Механик», но мало чем длиннее его, так чтобы они могли свободно изворачиваться по извилистой Сунгаче. Но, принимая в уважение, с одной стороны, что берега озера очень мелки и далеко не подпустят самого мелкосидящего парохода, с другой же, то, что горный берег озера совершенно недоступен, по причине болотистой низменной местности, которую при самых больших трудах и пожертвованиях едва ли через 10 лет можно будет осушить и сделать доступною. Поэтому сухопутное сообщение, по моему крайнему убеждению, между 5 постом и Лефу гораздо надежнее и легче сообщения водяного; тем более, что настилка дороги для сообщения летом всего на протяжении 2 вер., если в тех местах сосредоточится 2–3 роты линейных солдат, требует, в сравнении с издержками водяного сообщения по озеру, весьма мало издержек, меньше времени и труда, что при спешном в 1861 году переселении войск на устье Лефу составляет обстоятельство весьма важное. Переселяющимся командам нужно будет иметь как можно большее число лошадей и другого скота, который принесет пользу переселенцам, не только как средство для переезда тяжестей, но и как их продовольствие и залог их будущего благосостояния. При этом не лишнее будет озаботиться тем, чтобы на новом месте можно было плодить скот. Места для скотоводства здесь так привольны, сена так богаты, что на труд и пользу скота здесь больше можно рассчитывать, чем где-либо по Амуру. 80 верст пути до устья р. Тихой, где есть довольно мест, удобных для поселений и есть близко строевой лес, составить для тяжело нагруженных возов не более

3 дней пути, при нынешнем диком его состоянии, только в сухое время года, а при искусственном исправлении его не более дней легкого пути.

Итак, перебродивши 2 залива озера Лефу, мы вышли на сухое место с твердым черноземно-песчаным грунтом к островку с лесом, от которого на обратном пути проложена прямая дорожка к кустам на озере Лефу; до этого островка с лесом от последнего брода около 4 вер. Лес здесь больше ильмовый и березовый на богатой почве, длина ствола до 10 саж., а толщина на высоте груди человека 7–11 вершков; (кроме того здесь есть молодые ясень и клен, также жимолость, панакс, виноград, яблонь и много вьющихся растений). В этом леску, после 3 ночей, проведенных среди камыша и полыни, служивших нам и для сварения чаю из вонючей болотной воды, и для согревания в холодные росные ночи, тут нам удалось сварить себе обед на настоящих дровах и из вкусной холодной воды из ближнего озерка. Еще через 6 вер., за частыми озерками, весьма извилистыми и скрытыми в камыше и осоке, есть славные здоровые и крупные деревья липы, дуба, осины, ореха и ясня, много черемховых деревьев, кустарника леспедеца и других кустарных пород и вьющихся растений. Липа здесь особенно крупных размеров и годится на рогожное ремесло. Особенно поражают здесь огромные листья ореха в $1\frac{3}{4}$ аршина в длину от основания черешка до вершины последнего листочка и около $2\frac{1}{2}$ четвертей в ширину листа, т. е. между концами двух противоположных листочков сложного листа. Вообще вдоль склона этих холмов есть лес и вода и вообще места удобные для поселений. Здесь можно развести отличные огороды.

Скоро мы нашли нашу лодку, поднимающуюся по р. Тихой и нас ожидавшую. Пройдя около 2 вер. краем горы, мы спустились в долину с намерением переправиться на тот берег Лефу, где дорога, по словам бывших в экспедиции 1859 года, ровнее и лучше, кроме того и ближе к цели нашего путешествия – реке Суйфун. Самый спуск в безлесную луговую долину болотистый только на 30 саж., дальше путь сухой. Через 4 вер. мы подошли к руслу р. Тихой, шириною саж. 7 и глубиною до 1 саж., а вниз по речке через 2 вер. дошли до устья ее в Лефу, которая течет здесь в одном русле. Река Лефу на переправе, ниже устья р. Тихой, имеет ширины около 30 саж., а глубины до 10 фут; берега реки крепкие песчаные. Мы переправились в лодке, сгрузив в нее после переправы около половины груза, который она подняла до устья р. Веселой вверх по Лефу, для облегчения лошадей. Для постоянного сообщения здесь чрез Лефу необходимо устроить мост на сваях, так как течение воды здесь небыстрое. Около устья р. Тихой долина Лефу имеет наименьшую ширину, именно около 7 верст между горами правого и левого ее берега. Долина эта на вид весьма обманчива: издали она кажется прекрасным зеленым шелковистым лугом, но по пути мы часто были задерживаемы неожиданными препятствиями – или озерами, или болотинами, или сухими местами, заросшими целым лесом камыша, чрез который трудно пробраться пешему, невозможно проехать и на конях. Несколько раз нам приходилось ворочаться по нашим следам, делать значительные обходы; иногда, если застигал в пути утренний туман, или вечерний сумрак, приходилось посылать вперед людей для разведки, или же стоять на месте, пока не прояснит. Поэтому мы должны были подвигаться вперед очень медленно, так что переход в 27 верст от озера Ханка мы сделали в 5 суток. Выше устья р. Тихой в Лефу долина ее идет, постепенно расширяясь, и потом опять суживается постепенно до второго узкого места, или горла в долине

Лефу, находящегося близ устья в Лефу р. Веселой. Отсюда р. Лефу поворачивает довольно круто на Ю.В., между тем как до этого места она течет почти прямо с Ю. на С. В самом широком месте ширина долины доходит до 20 слишком верст, а против устья р. Веселой опять уменьшается до 3 вер. Наш путь за переправой на левый берег Лефу продолжали мы по луговой равнине, не подходя к горам, потому что знали по опыту г. Усольцева, что у гор можно остаться на ночь и к обеду без воды. Лес по горам левого берега, которых склоны обращены к реке, очень пологи, почти такой же, как и на горах правого берега Лефу, с тою разницею, что здесь преобладает редкий дупловатый дубовый лес, отчасти же средних поделочных размеров, а в смеси с ним встречаются чаще других ильм, берест и черная береза, довольно часто осина, отчасти некрупных строевых размеров, реже липа, клен, ясень, орех, пробковое дерево, яблонь, груша, черемха средних поделочных размеров и мелких размеров акация Маака, разнообразные кустарники, виноград, орешник, леспедеца, калина, жимолость и мн. др. В дубовом редколесье этих гор не так обильны кустарные породы, составляющие подлесок, но чем смешаннее породы леса, тем гуще разрастается подлесок; особенно непроходимым кустарником обладают встречающиеся изредка куртинки чистого осинника. По всем горам левого берега лес довольно однообразный, изменяется только преобладанием в смеси или дуба, или черной березы, или осины. На 4 вер. от переправы через Лефу, пройдя небольшую куртину с лесом, мы напали на озерко в самой его вершинке, перешли его почти посуху, по причине стоявшей засухи, захватив только несколько саж. топкого места, на котором должны были выпрячь коней, а везы перевезти людьми. Далее вер. 6 мы шли все вдоль того же озерка, которое становилось постепенно шире, не превышая однако же 25 саж. Затем, идя все тем же безлесным луговым местом, мы вышли к протоке Лефу, сливающейся с главным руслом вер. на 10 выше р. Тихой. Главное русло Лефу очень изменяется в своей ширине, именно между 10 и 35 саженьями, что составляет отличный характер этой речки; глубина ее изменяется между 4 и 8 футами, некоторые же места на несколько саж. по реке так обмелели от засорения русла, осыпкою берегов, наносом сверху реки карчей и береговых кустов, что легко нагруженная лодка наша едва могла пройти эти места.

Протока Лефу гораздо уже и мельче главного русла, но имеет один с ним общий характер в том, что урывками изменяется в ширине и глубине. Главное русло заметно издали, резко обозначаясь линией кустов и деревьев, преимущественно ивы и ольхи, растущих по ее берегам. Протока же этой наружной приметы своего течения не имеет, и хотя ближе к нашему пути, но иногда трудно уследить извилины ее течения из-за высоких в 3–4 аршина камышей, попадающихся островками среди луговой равнины. Вдоль протоки, в виду ее, мы шли вер. около 5, а дальше протока ушла от нас влево, а мы шли вдоль длинного озерка, придерживаясь направления на невысокую горку с лесом, давно уже видневшемуся впереди по нашему пути. Здесь в самом широком месте долины горы правого берега Лефу образуют промежутки шириною около 3 вер., наполненные очень отдаленными и высокими горами. Горы эти должны принадлежать левому берегу р. Дауби; на них синеют большие леса. Промежуток между горами правого берега показывает обширные луговые равнины, будущие места многочисленных поселений. В долине этой течет р. Тихая, близ устья которой мы делали брод через Лефу.

Дорога наша до давно уже замеченной нами горки не могла дойти, озерко служило нам непреодолимым препятствием, оно так извилисто и столько имеет низменных, болотистых от себя разветвлений, что я с 2 спутниками едва добрался до горки, не нашедши впрочем на ней ничего замечательного. Лес по ней тонкий липовый, дубовый корявого сложения, черноберезовый, много боярки, жимолости, винограда и орешника, изредка есть тонкомерная акация Маака и колючий шиповник. Почва на сопке каменистая, травы почти нет. Еще около 5 вер. шли мы вдоль протоки, причем нам попадались не очень топкие болотины – одна в 5, другая в 15 саж., потом пришли к куртин с лесом в несколько десятков десятин, с тонкомерным вязом, бояркой, жимолостью, акацией Маака, виноградом и орешником.

Горы левого берега подходят к нашему пути все ближе, но скоро хребет этот прерывается, а образующейся при этом промежутком между цепью гор, непрерывною почти от самого устья Лефу и невысокими холмами ближе к реке, занят отдаленными вер. на 35 горами, вероятно, одним из отрогов хребта Сихотэ-Алинь, разделяющим воды рек Лефу и Мо; отрасли этого отрога мы с реки видели синюющими над береговою цепью хребта левого берега Лефу. От куртины с лесом путь наш направился по-прежнему почти прямо на юг; через 6 вер. пути по безлесному лугу мы подошли к невысоким и пологим горкам, которые здесь уже очень недалеко от р. Лефу и ее притоки, тоже постепенно сблизившихся, а вместе с тем и горы правого берега подошли близко, так что русло речной долины здесь не шире $3\frac{1}{2}$ вер. Дорога наша краем холмов стала поворачивать на юго-запад и даже почти на запад, так как узкое место долины полно болотин и сухих камышовых мест, почему путь долиною неудобен. Через 7 верст пути вдоль гор, расположенных отдельно одна от другой и с очень покатыми спусками, мы приблизились к дому китайцев, поселившихся здесь одиноко на пологом скате горы. Китайцы по обыкновению живут в чистой и опрятной фанзе, занимаются земледелием, огородничеством, но скота имеют мало: их здесь двое, с ними работник гольд, бывалый по Уссури и знающий по-русски и 1 гольдская женщина. Не доходя фанзы, в низменном логу болотистый, развилыстый весенний разлив р. Лефу, ниже на $1\frac{1}{2}$ вер., слившийся с своей протокой в одно русло; разлив этот мы встретили почти пересохшим и безводным, по случаю засухи в июле, но в 1859 году в нем воды было более, чем на аршин. Мы же до фанзы прошли совершенно посуху. По горкам в этих местах линия лесов извивается не параллельно их подошвам, как это замечалось прежде; много по скатам голых мест без леса, из коих многие составляют отличные места для распашек, но недалеко за фанзою есть много мест каменистых, либо заросших корявым и мелким дубняком и черноберезником, либо совершенно обнаженных. Таких же пород лес, только покрупнее и отчасти годный на поделки, занимает остальные горы; в смеси этого леса заметен очень изредка строевой осинник. Еще 3 вер. пути вдоль горных подошв по сухому черноземно-супесчаному грунту по направлению юго-восточному и мы вышли в долину р. Веселой, притока Лефу, которая одним руслом, не шире 20 саж. и доступным для брода, отсюда поворачивает круто на юго-восток. Течение Лефу здесь довольно быстро и река порядочно шумит даже на расстоянии 1-й вер. Здесь между устьем р. Веселой и весенним разливом команда Усольцева перешла бродом р. Лефу в 1859 году; здесь же пристала и наша лодка и мы опять положили весь груз на одноколки. Далее мы решились направить свой путь по

долине р. Веселой, окаймленной очень невысокими горами, предполагая, что этот путь будет ближе и, вероятно, удобнее пути г. Усольцева через р. Лефу очень крутыми и высокими горами, составляющими северные отрасли хребта Сихотэ-Алинь. Всего расстояния от устья р. Тихой до китайской фанзы против устья р. Веселой около 35 верст.

Как по долине р. Веселой, так и по долине Лефу и между этими долинами сплошная масса гор, все еще невысоких и с отлогими большею частью спусками, но горы эти незаметно и постепенно поднимаются до высшей части хребта Сихотэ-Алинь и составляют с ним одно неразрывное целое. За китайской фанзой дорога пошла на Ю.В. по направлению к р. Веселой и ее долине; вверх по р. Веселой мы стали подниматься по направлению почти южному, следуя вдоль подошвы гор. Через 2 вер. долина разделилась на 3 отдельные долины, так как в р. Веселую впал слева приток, имеющий тоже свой ничтожный приток. Долины притоков разделяются между собою низкими и пологими холмами при их слиянии, но дальше виднеется обширная равнина, простирающаяся вер. на 35 до подножия высоких гор, кажется того же самого отрога, который мы видели в промежутке между береговыми горами Лефу, еще не доходя до кит[айской] фанзы. Оставив в стороне долины притоков, мы пошли левым берегом р. Веселой, сделав легкий брод через проток в его устье в Веселую. Долина р. Веселой постепенно суживается и горы становятся подчас очень круты. Горы обоих берегов р. Веселой покрыты лесом, которого линия неправильно извивается по горам. Лес на них большею частью дровяной: дубняк, отчасти и редко поделочный, черная береза, берест, вяз. Такой же лес с примесью иногда куртин осинника виднеется и над р. Лефу, но чем дальше по р. Веселой, тем лесу на горах становилось меньше; одни вершины гор покрыты лесом. Горы имеют почву рассыпную с хрящем и гольшами, но подножия их богаты черноземом и составляют чудные места для распахов и огородов будущих поселений. Склоны же гор и некоторые обнаженные от леса горные площадки отлично пригодны для скотоводства и в этом отношении превосходят Крымские скалистые в горах пастбища. Через 10 вер. пути по р. Веселой мы встретили китайскую торную дорожку, по которой и повернули на правый берег речки, сделав легкий брод через мелкое и узенькое здесь русло. Во время нашего обеда после брода, при нас прошел транспорт из 9 вьючных лошадей, которых вели 3 китайца; лошади китайцев легки и красивы, и очень напоминают горскую крымскую породу лошадей, по статям своим они мало им уступят. Несмотря на дальний путь, что заметно было по виду китайцев, лошади были в добром теле. Вьюки на лошадях не превышали 6–7 пуд, но седла так прекрасно устроены, что нисколько не дают спину лошади. Это были китайцы из д. Лефу, как мы после узнали, и везли себе годовой запас буды и других семян для посева, ездив за этим на р. Море. Правый берег р. Веселой сопровождается здесь горами с очень мягкими склонами, по подошвам которых мы шли, встретив только 2 раза низменные мокрые места всего саж. на 40; остальной путь сухой по высокому месту, обильному черноземом. Горы левого берега несколько круче и подходят очень близко к ручью, который становится все мельче, быстрее, ничтожнее. Прошли мимо небольшого озера; в лугах здесь много цветов: тюльпанов, золотой цвет (*Rhexia*), станициславов крест *Potentilla Spiraea*, колокольчиков, лилий и др.

Лес по горам обоих берегов извивается тою же неправильною линиею, то приближаясь, то удаляясь от горных вершин. Породы леса все те же: дуб, черная береза, осина, вяз, орешник и т. п. Размеры леса и качество его те же как и прежде. Впрочем, хороший ровенький некрупный строевой осинник, а выше в горах есть поделочные дуб, клен и ильм. После 8 вер. пути правым берегом р. Веселой, мы видели на 7-й вер. от брода довольно большую куртину с крупным строевым осиновым лесом.

Снова перейдя бродом р. Веселую, мы снова встретили топкие места. За бродом вер. 2 еще шли мы богатым сухим черноземно-суглинистым лугом с незаметным подъемом в гору. В полгоры тянется линия леса из пород дуба, черной березы, осины средних размеров; потом подъем в гору стал круче, но хотя гора очень высока, все-таки здесь удобно проложить проездную дорогу; в конце 5-й версты от брода, перейдя небольшой овраг, мы остановились на горной площадке, с которой открылась часть хребта Сихотэ-Алинь. По площади же горы и по склонам ее растет довольно редкий крупный дубовый лес, часть его составляет корабельный материал, часть крупный поделочный, но большая часть деревьев перестойные, окончившие свою зрелость, дупловатые. Лучшие деревья имеют размеры от 10 до 15 вершков на высоте груди человека, от 3 до 5 саж. в длину ствола без сучьев. Впереди видны еще два яруса того же хребта, отделяющиеся друг от друга глубокими горными лощинами; который из этих ярусов составляет собственно перевал хребта, решить трудно, хотя, по-видимому, течение вод на юг мы должны были встретить скоро.

Высматривая местность с высоких деревьев, мы наконец заметили лощину поглубже к западу. Не ожидая найти нужное нам течение вод на юг так скоро, так как лощина была совсем близко, мы все-таки решились воспользоваться долиной речки для облегчения предполагаемой дороги. Около 2 вер. мы спускались в лощину довольно пологим для проезжей дороги спуском, причем нам попадались большемерные здоровые дубы. Нижняя часть спуска безлесна, так же как и узкая долина речки. Встретив эту речку с течением на С.В., по неожиданному облегчению нашего пути, мы назвали ее *р. Неожиданною*. Над самой речкой славный крупный лес узкою полосой по берегу: ольховый, ясеневый, ореховый, кленовый, яблоневый, пробковый средних и крупных поделочных размеров. Сделав брод через речку, мы пошли вверх по ее течению по прекрасной, богатой черноземом, узкой долине, окаймленной крутыми, отчасти каменистыми, высокими горами. Вправо от нас горы выше и круче. На вершинах гор виден крупный хвойный лес: еловый, пихтовый и кедровый. Впереди нас мелькает за высоким хребтом глубокая долина, в которой надеемся уже встретить попутное нам течение вод. Через 4 вер. за бродом через р. Неожиданную нам попала китайская дорожка, вероятно, тоже из д. Лефу к верховьям р. Море. Пересекши Море, мы стали поворачивать немного на Ю.З. для легчайшего подъема на высокие горы, составляющие раздел вод, текущих на север и на юг. Неожиданная стала очень быстра и шумна и исток ее из хребта уже виден близко вер. в 7–10 от пересечения нашим путем кит. дорожки. Подъем и спуск с высшего пункта гор оказались удобными для проезжей дороги. При этом подъеме и спуске всего на 4 вер., мы огибали крутые овраги, идя отчасти гребнем горы, откуда великолепные виды. Наконец мы спустились к речке из системы Суйфунской, хотя первоначальное ее течение направляется на С.З., но скоро она поворачивает круто

на юг. На горах тот же редкий, но менее крупный дубовый лес, а над речкою славный и крупный лес ясеневый, ореховый, пробковый, яблоневый, акации Маака, осиновый, ольховый, ветловый и чернопереберовый. Полагая, что речка, очевидно принадлежащая к системе р. Суйфун, завлечет нас к верхнему течению Суйфун, мы решились продолжать путь горами, пока найдем еще ближайший к нашей цели приток р. Суйфун; поэтому, сделав легкий брод через речку, мы опять стали подниматься в гору, постепенно удаляясь от речки. На 5-й версте этого пути, плохим, по большей части дубовым редколесьем, мы встретили вновь кит. дорожку, по которой и повернули прямо на юг, державшись до того юго-западного направления. Тут после 1½ вер. горного и каменистого пути, хотя без крутых подъемов и спусков, мы вступили в луговую долину речки, впадающей непосредственно в Суйфун, которого глубокая и широкая долина стала видна на запад от нашего пути. Речка, как нам после объяснил встретившийся нам китаец, называется *Саго*. Мы не отказались от попытки поискать брода чрез Саго против того места, где к ней вышли, хотя китайский след тут прекратился. Брод пройти нам удалось по случаю убыли воды от стоявшей засухи. На бросе глубина ½ аршина, между тем как несколько саж. выше и ниже речка глубже 2 аршин. Речка быстра и шумна не шире 3 саж., вода в ней холодная ключевая. На горах правого берега р. Саго лес однообразный, больше дубовый плохого качества, а по вершинам хребта видны редкие еловые и кедровые деревья. На правом берегу Саго узкая полоса ветлового и чернопереберового леса, а на левом лес крупный ясеневый, ореховый, кленовый, пробковый, акации Маака тянется такую же узкою полоскою. Луговая долина р. Саго кочковата и мокра, но среди них можно выбрать и не кочковатые сухие места, удобные для распашки малочисленных поселений. Приблизившись к горам левого берега р. Саго, наша дорога пошла вдоль них; через 8 вер. мы увидели приток Саго справа, очевидно, тот же самый, который мы перешли вброд и которого долину покинули, думая, что она нас заведет к верхнему течению р. Суйфун. Приток этот мы назвали р. *Желанною*. Расстояние между устьем р. Желанной и нашим бродом через нее составляет около 11 верст и на половине пути есть еще брод через приток ее; впрочем, этот путь удобнее пути горами и ближе его. Горы, заключающиеся между р. Желанной и р. Саго, имеют пологие, к речкам обращенные, спуски, поросшие редколесьем дуба и черной березы дровяных, редко поделочных размеров. Такой же лес и на левом берегу Саго, с примесью осинника, отчасти строевого, и фруктовых дерев, растущих по спускам более крутым. Здесь на Саго, ниже устья р. Желанной, необходимо устроить мост на сваях; лес для этого найдется недалеко. Еще через 3 вер. пути по Саго есть брод через ничтожный ручей, в летнее время пересыхающий, а дорога здесь очень камениста. Над ручьем, впадающим вер. 3 ниже р. Желанной, много разнообразного леса тянется вверх по его руслу неширокою полоскою; тут есть орех, ясень, черная береза, осина строевая, белая береза, липа больших размеров, яблонь, груша, черемха, акация Маака, боярка, жимолость, сирень, дерен, виноград, целастр, плющи, панакс, орешник и др. Тут я нашел очень красивую гусеницу бабочки *Tortrix* на листе калины; у гусеницы снежно-белая шерсть бархатистая и завитая как у овцы, отрывающаяся клочками, а рыльце и брюшко зеленоватого цвета с телесным отливом. Здесь же, равно как и в других местах, я видел огромных пауков, жуков, ос, пчел и др. Дуб здесь и в горах поврежден часто огромными дырками, как бы прострелен пулею; повреждения эти, вероятно,

произведены Рогачом (Сeramбух) огромной величины, которого найти, однако, не удалось. Вода в речке стоит только лужами, но все-таки свежа и чиста. Речка течет в узенькой с версту шириною долине, и исток ее лежит очень недалеко.

В стороне от нашей дороги по р. Саго мы заметили землянку, а в ней увидели китайца с ружьем; это был охотник из здешних поселенцев, посланный маньчжурским нойоном за дичью для его стола. Оборванный китаец стал умолять нас, чтобы мы не ходили на Суйфун, где, по его словам и знакам, нам всем головы отрубят. Мы на это не обратили никакого внимания, но он долго еще завывал нам в дорогу, заклиная нас вернуться. Что меня больше всего удивило во время всего пути, это панический страх, ощущаемый массою китайцев, иногда вооруженных, против ничтожного числа маньчжур, иногда против одного бошхо (урядник) маньчжурского. Подобные господа заезжают к китайским поселенцам, бесчинствуют и грабят там бесконечное время перед всегда безмолвною и дрожащею перед ними публикою. Одно имя маньджу (по выговору китайцев) наводит на китайца страх, не покидающий его, пока маньджу у него перед глазами. Это объяснить можно не иначе как большою природною трусостью китайцев, которую ловко эксплуатируют маньчжуры, могущие здесь делать им только одни пустые, зато весьма хвастливые угрозы.

За бродом через приток Саго наша дорога поднялась постепенно в гору, сперва по чистому месту, а с 5-й версты дубовым лесом; по всей дороге много камней принадлежащих, как и везде в горах, к породе глинистого сланца. На 7-й версте, мы достигли высшего пункта горы, откуда открылся великолепный вид на Суйфунскую долину и на обширную равнину за р. Суйфун. Кроме близких и невысоких гор на правом берегу р. Суйфун, ниже китайской фанзы Чондысань, виден хребет высоких гор по нашей государственной границе, покрытых огромными лесами, которыми он спустился по р. Хубту в Суйфун. Между госуд. границей и р. Суйфун прямо перед нами обширная низменная луговая равнина, по которой узкой ленточкой вьется извилистая р. Шуфань, приток р. Суйфун, со своими незначительными притоками – луговыми тихими речками. За р. Саго, которой устье от нас вер. на 4, видны три вала, вновь выкопанные, или возобновленные маньчжурами, так как в прошлом году солдаты, доходившие до этих мест, ища брода через Суйфун, никаких валов здесь не видели. Валы эти окружают три прямоугольника, как видно, развалины прежде бывшего здесь города, который, вероятно, маньчжуры хотят возобновить.

В лугах, на левом берегу р. Суйфуна, видно голов до 200 скота: быков и лошадей; ниже по Суйфуну вер. на 10 заметны тоже следы земляных работ; под горою в долине кит. фанза Чондысань, а под нами фанза Суанчинза, мимо которой нам следует пройти. На самой вершине горы дуб стал крупнее и больше попадает дерев здоровых; размеры их от 12 до 20 вершков в диаметре на высоте груди, при 3–6 саженой вышине ствола без сучьев. Тут же на горе я в первый раз увидел нашу северную землянику, но без ягод. Спуск с высокой горы довольно крут, но все же он не препятствует проложению проезжей дороги, хотя на обратном пути подъем в гору нам показался самым трудным из всего пути. После 2-верстного спуска с горы и 1½ вер. пути по луговой равнине Суйфуна, мы дошли до фанзы Суанчинза, где нас встретили сигнальными криками, разлетевшимися по всей долине от часового к часовому, которых мы в густой и высокой траве с горы не приметили, а поселенец фанзы Суанчинза вышел как вежливый хозяин нас

проводить и указать дорогу; нам бросилось в глаза, что все время, провожая нас около версты, на китайце лица не было, и он весь дрожал. Странно было объяснить это одною трусливостью, но мы догадывались, что ему, вероятно, порядочно досталось от маньчжурского нойона за его прошлогодние сношения с русскими, и мы своим появлением напомнили ему прежние страдания. Или может быть не ожидал бедный дикарь появления большего числа русских пришлецов и неизбежного столкновения их подготовленными здесь для встречи маньчжурами. От фанзы на р. Лефу до фанзы Суанчинза на Суйфуне расстояние около 65 вер. Перед фанзою Суанчинза нам пришлось сделать брод через мелкий ручей, вытекающий из ближних гор и впадающий недалеко от фанзы в Суйфун. За фанзой Суанчинза в долине Сйфуна дорога пошла вскоре лесом, а потом невысокими холмами тоже с лесом, оставляя влево обширную луговую равнину, отчасти кочковатую, но все же весьма удобную для русских поселений, местами с богатою плодородною почвою. Равнина эта занимает около 4 кв. вер., и по ней протекает приток р. Суйфуна, через который мы делали брод у фанзы. Равнина окружена горами с лесом. Как на горах, так и на узкой береговой полосе в равнине, расстоянием от берега Суйфуна на $\frac{3}{4}$ вер. и дальше на холмах лес разнообразный смешанный черный с белым; преобладает в смеси дуб, отчасти поделочный некрупных размеров, осиноый отчасти строевой, кленовый, ильмовый, ясеновый, липовый, и изредка белая береза, молодой орех, акация Маака, пробка и др.; в лесу густой кустарник и много винограда. Через 7 вер. пути таким лесом мы вышли на безлесную дес. в 60 полянку к озеркам с вонючею водою, а Суйфун стал виден за озерком в $\frac{1}{2}$ верст от нас. Дальше опять пошел густой тех же пород лес, а дорога идет по спускам с гор, непрерывно подымаясь и спускаясь через глубокие овраги, по которым протекают после дождей горные ключи. Далее лес здесь еще лучше и крупнее: ореховый, ясеновый, дубовый саж. на 7 оголенный от сучьев и верш, до 20 в диаметре на высоте груди человека; есть крупный ильм, берест, клен, фруктовые деревья, пробка, акация Маака, последние 2 породы достигают до 8 вершков в диаметре на высоте груди и до 10 саж. в высоту ствола. Кустарные породы в лесу очень разнообразны. Только хвойного леса не видно по пути, но его много должно быть выше в горах. Дубовый лес изредка составляет превосходный корабельный материал; много строевого крупного осинника; молодой орех зарастает по всем случайно образовавшимся прогалинам, подобно как в северной России осинник. Таким лесом путь лежит горами вер. $7\frac{1}{2}$ и наконец спускается к речке, впадающей в Суйфун. Спуск удобный, а речка не шире 3 саж. и совершенно мелка. Суйфунская протока, в которую вливается речка, тоже совершенно мелкая, но в 1859 году здесь воды было на 1 аршин. У самого устья речки в логотину занесло с Суйфуна много поломанного леса и карчей, которые теперь лежат совершенно на суше. Долина р. Суйфун здесь не шире 3 вер., а река течет в щехах, т. е. сжатая горами, которые поочередно, или вместе на обоих берегах, подходят к самому руслу реки.

Берегом Суйфунским по причине крутых спусков с гор и камней нельзя идти, поэтому мы сделали небольшой крюк горами, огибая очень крутые овраги и выбирая удобные для проезжей дороги места; через $2\frac{1}{2}$ вер. мы вышли опять к берегу Суйфуна от устья прежней речки в прямом направлении всего на 1 версту. Здесь устье речки мелко и почти безводно. Спуск к ней легкий и подъем нетрудный. Как прежде по пути так при подъеме от брода в гору, лес на них таких

же, как и прежде разнообразных пород, но значительно мельче и корабельный материал сыскать здесь трудно; чаще стала попадаться черная береза и др. пород дровяной лес. Здесь, поднявшись в гору, мы стали постепенно удаляться от Суйфуна, текущего в узких щеках, а путь там по каменистым и крутым скалам вовсе неудобный. Через 2 вер. подъема мы вышли на горную площадку, весьма длинную и слабо покатую, по которой шли первые 2 вер. дубовым редколесьем, отчасти с корабельными и поделочными деревьями, большею же частью дубы дупловатые и перестойные на корне, которые постепенно редеют, так что последние 3 версты гор, сжимающих Суйфун, представляют безлесную поляну, составляющую отличное нагорное пастбище. Гора эта оканчивается к югу очень крутым спуском, а с вершины ее открылся великолепный вид на южную часть Суйфунской долины: под горою обширная луговая равнина вер. на 8 в ширину, а впереди через 7 вер. долина опять суживается.

Далее же от Суйфуна отделилась протока, в которую впадает слева речка. Спуск с горы довольно пологий, если дать поворот влево, куда мы и направили свой путь. Пройдя 2 вер. редколесьем дуба и черной березы, мы спустились в безлесную луговую равнину и шли по месту мало кочковатому, а на 3-й и 6-й верстах сделали 2 брода через малые речки, сливающиеся вместе и впадающие в Суйфунскую протоку. Первая из речек пересохла, а во второй есть вода; берега ее круты.

Между речками в логотине большое кочковатое и топкое болото, которое мы обогнули вправо почти посуху, а к горам это болото постепенно понижается и становится более топким. На горах лес дубовый больше мелкий, редко попадаетея поделочный материал; с дубом чаще других пород попадаются липа и клен средних размеров. Не доходя брода через вторую речку, мы напали на кит. дорожку, направляющуюся вдоль северного склона гор с лесом; по ней мы еще сделали брод через ничтожную речку, вливающуюся в предыдущую, и потом через пересохший почти в самом начале один ручей, всего на расстоянии 1 в. Логотина последнего узка, но весьма топкая; далее, обходя болотистое место с железною рудою, вышли на мысок горы, оставляя вправо длинное озерко. За мысом мы сделали вер. 3 около подошвы гор краем дровяного и изредка поделочного дубового с черною березою леса и пришли к броду через речку, тоже приток Суйфунской протоки. Речка эта у своего устья шириною в 3 саж., глубиною около 1 саж., с крутыми берегами, течение воды в ней почти незаметное. На броду речка не шире 1 саж. и глубиною с $1/2$ аршина; мы сделали брод без затруднения, настлав фашиннику на дно речки. За бродом мы пошли опять краем гор с лесом все по той же кит. дорожке. Лес здесь преимущественно дубовый, нередко крупных размеров, но часто дупловатый; с ним перемешан чернопережик, липа, пробковое дерево, акация Маака; деревья последних пород средних размеров и здоровые. Дорога довольно каменистая, кочек нет, места ровные, удобные для распашки малочисленных поселений. Так дошли мы до мыска береговых гор, у которого находится длинное озерко. Долина реки здесь шириною около 3 вер., против озерка сжата горами, а ниже она опять расширяется. Берега протоки Суйфунской, а также и самой Суйфун недоступны: чем ближе к реке, или ее протоке, тем местность ниже и наконец близь самых руслов топкие непроходимые болота. В течение нашего пути мы несколько раз пробовали добиться до протоки, но всегда безуспешно.

По направлению кит. дорожки к броду через протоку, а потом и через Суйфун на его правый берег, место топкое, но все-таки проходимое для пешего человека и вьючного коня. По этой дорожке в 1859 году г. Усольцев с командой перешел вброд через Суйфун с правого берега его на левый. По словам очевидцев, на правом берегу Суйфуна нет большой разницы в лесах против левого берега: такой же лес дубовый, иногда поделочный и корабельный, липовый, кленовый, пробковый, акация Маака, ильм, осина, берест и т. п., изредка ясеневый и ореховый, чаще попадающийся по речкам.

Дорога до озера отчасти камениста, отчасти кочковата, но больше идет по твердому черноземно-суглинистому грунту. Вдоль подошвы гор тянется только узкая полоса с лесом; самый же лес и прогалины дают надежду служить впоследствии местами для распашки будущих русских поселенцев этого края и составляют места плодородные. Что же касается луговой долины Суйфунской, то она слишком еще обильна болотами, озерами, мокрыми местами, слишком низменна и сыра, чтобы новые поселенцы могли приняться за них для своих пашень. Для превращения этой низкой долины в плодородную нужно много времени и много труда. Долина Суйфунская между озерком и двумя фанзами, которых общее название Чоуфанза, сохраняет почти одну ширину, т. е. около 4 верст. Напротив озера, образовавшегося в 5 вер. за протокою, не доходя до него, между горами образовалась глубокая падь, впрочем безводная, на южной стороне которой высокие и крутые горы, а на вершине их хвойный, еловый, пихтовый и кедровый лес, находящийся в малой примеси с отличным большемерным смешанным лиственным лесом. Хвойный лес растет, начиная с полугоры, но весь почти поврежденный короедом и сухостойный, хотя и очень крупный.

Зато на самой вершине горы прекрасные ясеневые, ореховые, дубовые, ильмовые, осиновые деревья саж. 7 вышины без сучьев и от 10 до 12 вершков в верхнем отрубе. Дубы часто гнилы, но найдутся и корабельные деревья. Еловые деревья, саж. 4 выше окружающего леса, в высоту достигают до 15 саж. и более 1 аршина в диаметре на высоте груди человека. Здесь много довольно редких пород: *Arallia*, *Dimorphanthus*, *Celastrus*, *Pittosporum* и др., большею частью попадающиеся малыми деревцами, но этих же пород деревья были видены Доржигаровым по государственной границе нашей с Китаем в высоких горах большими деревьями, не уступающими в размерах другим деревьям внутри края. Одна из этих пород, по догадке Максимовича, была принята Усольцевым за пальму, именно *Dimorphanthus mandshuricus*, который в высоких горах лишается нижних сучьев, имея широкие и большие развесистые сложные листья на самой вершине ствола. Замечательна кора этого деревца, густо усеянная белыми колючками до того, что деревцо трудно срубить, не попортивши себе рук; сердцевина его мягка, древесина средней крепости, а колючки у лежалого дерева опадают, и это деревцо может годиться на приготовление чубуков. *Arallia* листьями похожа на клен, но имеет шипы по всему стволу, чем без цветов и его можно отличить от клена; древесина его к центру темнее, средней крепости. *Celastrus* имеет вьющийся стебель, в два пальца толщиной, обвивающий иногда 2–3 больших дерева. *Pittosporum* листьями похож на вяз, а плоды имеет как у хмеля; древесина его довольно твердая, но мягче дуба. На самой вершине гор я нашел дикий жень-шень (*Panax Ginseng*), растущий мелким полукустарником, но мне не удалось видеть его ни с цветами, ни с плодами; корни его тверже и желтее, чем у разведенного.

Сделав по горам около 8 вер. по весьма крутым обрывистым каменистым спускам, густо заросшим кустарником леспедеца и орешником, глубокою падью я спустился прямо против 1-го дома Чоуфанза, а через версту пришел к другому китайскому дому. Дорога к нему от озера идет почти все лесом до 1-й фанзы, а там луговым местом, всего на расстоянии 6 вер. Всего расстояния от дома Суанчинза до 2 дома Чоуфанза будет около 47 верст. Во 2-й фанзе мы встретили кроме 2 китайцев еще человек 10–12 маньчжур, которых я скоро узнал по физиономии и по их выговору. Здесь отличный крупный скот, вероятно, приведенный маньчжурами, также как и скот в Суанчинзе. Но здесь скота гораздо меньше, и, вероятно, отряд маньчжур в двух фанзах незначительный. Маньчжуры очень любопытны, но, впрочем, весьма вежливы; однакож не продают съестных припасов вовсе, и как видно, это им запрещено маньчжурским нойоном, живущим на Суанчинза. Лес по дороге от озера к фанзам вер. $1\frac{1}{2}$ до протоки редкий и плохой: дуб, липа и черная береза, изредка яблонь, груша, вишня (кислая и горьковатая), акация Маака, пробка и виноград. На правом берегу р. Суйфун горы гораздо выше, чем на левом, а р. Суйфун извивается уже довольно широкой лентой под самыми горами правого берега. Протока Суйфунская отстоит от фанз на $1\frac{1}{2}$ вер. Далее дорога наша шла опять горами и ниже с таким же, как и прежде, лесом вер. 3 до озера: потом 2 вер. до поворота горы влево, где мы поднялись вверх по речке до брода, и, настлавши фашиннику, перешли речку, которая глубиною $\frac{1}{4}$ аршина, а шириною до 3 саж.; берега ее очень пологи, чрез нее нужно устроить мост. Против устья этой речки, несколько ниже, в Суйфун впадала справа довольно значительная река, протекающая по долине в несколько верст шириною. Отсюда за поворотом горы, дорога наша по краю леса, тех же пород и такого же качества, повернула почти на запад, а через $1\frac{1}{2}$ вер. мы дошли опять до брода через р. Кривую и ее приток, русла которых разделяются невысокою горкою, а течение их очень извилисто. Следуя по тропинке $1\frac{1}{2}$ вер., мы сделали 2 брода и подошли к 3-му, но здесь покинули дорожку, которая ведет слишком на запад, вероятно, в долину р. Фульдзя; наш же путь пошел невысокими и пологими горами с редколесьем дуба, черной и белой березы, между тем как по руслам речки и по притоку ее тянется узкая опушка из славного ясеневоего, ольхового, орехового и кленового леса. От Суйфуна за горами лес пошел гуще и крупнее; попадаются поделочные дубы, клены, ясни в смеси с осиною, черною и белую березою, вязом, пробкою и др. На 10 вер. пути, продолжавшегося все горами и таким же лесом, постепенно удаляясь от Суйфунской долины, мы зашли в непроходимую чащу густых кустарников орешника, леспедеца и винограда. Взятые нами направление пути должно было бы привести прямо к тому месту Амурского залива, где уже начинается полуостров Муравьев-Амурский, и мы избегли бы рискованного и неудобного пути морским берегом по северной части Амурского залива. Но работа по очистке кустарника была так тяжела для людей, и притом мы подвигались так медленно вперед, что, рискуя во время не кончить нашего пути, мы решились его пока оставить и исследовать уже на обратном пути от Владивостока.

Поэтому, оставив начатый путь, мы вернулись к долине р. Суйфун сделав до нее 3 вер., то по косограм, то по луговым, богатым черноземом и пригодным для земледелия, местам. Выйдя на равнину, мы повернули опять вдоль гор с лесом по Суйфунской долине, сделав около 8 вер. до брода через р. Кривую, а на 1-й же версте брод через р. Долгую, тоже впадающую в Суйфунскую протоку.

В Суйфунской долине множество озер и болот; местность низменна и почти неприступна. Долина эта еще против отдельной горки сузилась значительно и сжата горами не более как на 4 вер. Немного выше этого горла ширина р. Суйфун доходит до 75 саж., и она принимает справа еще один значительный приток.

Для брода через речку мы сделали обход горами на 1 версту по гребню гор с редким лесом, огибая очень крутые и частые овраги, и через 5 верст спустились к последней на нашем пути к морю речке. Тут с гор показался Амурский залив и за горами широкое устье Суйфуна. Протока, отделившаяся от реки вер. на 60 выше, здесь соединилась с рекою, но затем от нее отделяется, а Суйфун вливает свои воды в Амурский залив двумя широкими рукавами: в 250 и 150 саж. ширины. Правый рукав принимает в себя, в 6 вер. от своего устья справа, р. Дзяфику и в этом месте отделяет от себя еще 3-ю протоку, которая однако до залива не доходит, а соединяется с правым рукавом. Наш путь до залива продолжался горами с незаметными склонами. Через 3¹/₂ вер. мы вышли на безлесную гору, покрытую только густою травой и кустарником леспедеца и орешника по твердому черноземно-песчаному грунту, а еще через 2¹/₂ вер. подошли к очень крутым оврагам, почти с отвесными, и затем спустились к берегу Амурского залива. Лес по пути между двумя последними речками, впадающими в Суйфун, в падах при подъеме в гору от 2-й речки, по крутым оврагам, обращенным к морю, и узкою полосой вдоль русла самых речек, – хороший крупный и разнообразный: дуб, липа, белая и черная береза, осина, клен, ясень, пробка, акация Маака, орех; между ними обилие поделочного материала. На вершинах же гор последнего пути к Амурскому заливу дуб крупный, белая и черная береза дровяных размеров, и липа, годная на рогожное ремесло.

Суйфун может быть сплавною рекою только тогда, когда осушатся его берега, очистится русло и заселится край. По Суйфуну проплыл в 1859 году один военный топограф, с малым числом людей, в легко нагруженной лодке и встречал много препятствий, плывя вниз по реке, по причине частых мелей, запруд и обвалов, непосредственные берега его крепки, но за ними все пространство до гор и между рекою и протокою низменно и болотисто, вовсе неудобно для первоначальных заселений. Поселения здесь возможны и удобны только немногочисленные и располагаются как вдоль нашего пути от дома Суанчинза к морю, так и в сторону от него вверх по многочисленным здесь речкам, впадающим в Суйфунскую протоку; эти места, как по богатой и плодородной почве, так и по благоприятному климату страны, по обилию лесов и другим удобствам, не уступают местам по р. Лефу и Веселой, также как и по речкам Неожиданной, Желанной, Саго и их притокам, и своими успехами должны вскоре превзойти Уссурийские поселения. Но поселения эти отнюдь не должны быть многочисленны, и вообще дело заселения следует вести осторожно: довольно на первое время расселить по 2–3 и не более 5 семейств в одном селении на расстоянии 20–25 вер. друг от друга, и то за год до переселения земледельцев линия этого пути должна быть занята рабочими солдатами, которые должны будут подготовить постройки, пустить по лугам палы, разыскать места, удобные для распахек и огородов и вообще покороче ознакомиться с новыми и дикими местами, дабы потом быть в состоянии оказать энергическую и деятельную помощь переселяющимся земледельцам. Сухопутное сообщение, как бы оно ни было удобно, все-таки далеко не может сравниться с сообщением водяным, а даже при удобном водяном

пути нельзя уберечься от несчастий и неудач. Поэтому предварительное поселение солдат не должно быть слишком удалено от провиантских центров и расстояния их от заселенных русскими мест не должны превышать на первое время 100 верст, пока новые поселения не утвердятся оседло. Если бы поселить на 1-й год 2 роты линейцев близ устья Лефу и 2-же роты близ устья р. Суйфун, или по берегу Амурского залива, то они в течение не более как 2 лет устроятся сами основательно, освоятся и ознакомятся с удобными для поселений местами, подготовят постройки для переселенцев земледельцев и сделают весь путь удобным для постоянных сообщений между пунктами Владивостоком и 5 постом на озере Ханка. Для первых 2-х рот место удобное найдется близ устья р. Тихой в Лефу, а для других 2 рот – по Амурскому заливу между р.р. Прямой и Короткой. Количество переселенцев земледельцев в 1862 году не должно превышать на весь путь около – 50 семейств, которым следует дозволить селиться, где захотят, соблюдая только примерное расстояние около 20 верст между селениями, и уже в 1863 году, когда новые поселенцы успеют окрепнуть, тогда только можно будет начать усиливать переселения по мере удобства и средств, никогда не стесняя их в выборе мест для поселения; ибо никто не угадает выгоды и удобства места для земледелия, как сам земледелец. Есть много других мест в наших Уссурийских владениях, каковы напр.: верховья Усури до устья Дауби, долины рек: Дауби, Лефу, Бики, Има, Лефудин и мн. др., которые ждут переселенцев и где поселения должны достигнуть, при заботливом пособии от правительства, в короткое время цветущего благосостояния, а чрез 2–3 года этот край делается житницею всего Амурского края, или вести заграничную торговлю хлебом. Тут может быть разводима пшеница лучших сортов, кукуруза, рис (для последнего Суйфунская мокрая долина, при своем горном положении, представляет отличное поле). Да и один ли хлеб может служить источником богатства края? Скотоводство, виноделие, садоводство, естественные богатства страны, еще далеко не вполне исследованные. Леса по Суйфуну могут составить тоже обильный источник богатства края, хотя не столь важный, как другие источники, но по крайней мере почти повсеместное обилие лесов может служить ручательством, что будущие переселенцы нового края из стран, в которых они привыкли большею частью к растительному употреблению лесов, здесь избегнуть недостатка в нем. Во всяком случае и до разработки богатств лесных дойдет своя очередь, когда и они будут содействовать благосостоянию нового края и административным целям, но пока они только обеспечат новых поселенцев в необходимой для них потребности.

Всего расстояния от фанзы Суанчинза на р. Суйфуне до места нашего выхода к берегу Амурского залива составляет 90 вер., а от Чоуфанза 43 вер. до берега Амурского залива.

На малом полуострове лес смешанный лиственный, отчасти крупный подерочный и строевой, но по морскому берегу на крутых горах лес больше мелкий дровяной: дуб, белая, желтая и черная береза, черемха, яблонь, кустарный клен. На береговых горах до р. Широкой отчасти такой же лес, а часть гор совершенно гола и безлесна. Речку Широкою мы перебродили, заходя далеко в залив, где образовалась против устья речки мель, по которой мы полукругом и обошли устье речки. Берега речки очень топкие и к ее руслу подойти нельзя, остальной же берег залива твердый, песчаный, с густою травою в 5 саж. от берега, а по самому берегу толстый нанос морской тины, мягкой для пути в сухое время, но после

дождей весьма топкой. За р. Широкой мы повернули влево на север, обогнули озеро, оставшееся у нас вправо и по небольшой, нетопкой болотине вышли на сухой путь по твердому супесчаному грунту чистыми лугами за р. Широкой по склону невысокого и пологого холма, и по вершине холма неправильной линией идет лес мелкий и плохого качества: дуб, черная береза, остролистная ольха, акация Маака. Миновав горку, мы перешли три болотистый пади, из которых средняя шириною по нашему пути около 200 саж., остальные 50 и 80 саж.; через 1¹/₂ вер. пришли к маленькому ключу, а еще через 1¹/₂ вер. к броду через р. Прямую, идя все чистым луговым местом; всего же от выхода к Амурскому заливу сделали вер. 9. По речкам Широкой и Прямой узкая полоса хорошего леса: орехового, ясеневое, кленового, липового, иногда довольно крупных размеров.

За бродом через р. Прямую мы опять попали на кит. дорожку, идущую с верховьев р. Прямой, перебрадили ничтожный ручей, вливающийся в ту же речку и пошли с версту чистым лугом, а дальше таким же лугом, но вдоль подошвы невысоких гор в расстоянии от берега залива на 1 и 2 версты. Через 8 в. пути от брода чрез р. Прямую мы достигли кит. фанзы, расположенной на горе в лесу в ¹/₂ версте от нашего пути. На левом берегу р. Прямой, против ее устья в залив, вправо остались 2 отдельные горки невысокие, пологие, отчасти безлесные, отчасти с редколесьем липы, дуба, клена, ясны, акация Маака, ореха (больше молодого) и всех пород берез. Среди лугов и по р. Прямой попадаются изредка кустарные породы: жимолость, клен, виноград, малина, калина, акация Маака в кустарном виде, остролистная ольха, *Phellodendron* без пробковой части на коре. Второй полуостров залива, средний по величине, весь в довольно крутых горах, заросших крупным лесом: кленовым, ясеневым, ильмовым, берестовым, ореховым в смеси с строевым осинником и березами всех пород. За фанзою китайская дорожка через 2¹/₂ в. поворачивает вверх по долине р. Короткой и оттуда переваливает горы, здесь очень высокие и разделяющие воды Амурского залива от вод р. Фульдзя.

Перейдя поперек долину р. Короткой, мы отправились далее предгориями хребта, которого высший пункт от нашего пути виднеется в 3-х вер. Ширина долины р. Короткой около 2 вер. Гребень хребта направляется почти прямо на юг, а 7 вер. дальше он поворачивает на Ю.З. и идет ближе к восточному берегу полуострова Муравьев-Амурский, оканчиваясь посредине последней ветви залива Владивосток. Весь полуостров состоит из предгорий этого главного хребта и оба берега его, восточный и западный, крутогористы. Долины текущих в море горных ключей очень узки и составляют собственно короткие ущелья, а овраги, в особенности в южной части полуострова, либо очень круты и образуют горные теснины, либо горные перекаты, очень высокие над уровнем моря и неспособные для постоянной проезжей дороги, хотя и доступные для вьючных коней и для проезда двухколесных телег. По крайней мере проезжая дорога должна прекратиться от кит. фанзы, расположенной на западном берегу полуострова в середине его, немного к северу от восточного острова. В 1¹/₂ вер. от р. Короткой мы сделали брод через ее приток 4 с. шириною, по глубину более 1 аршина и с очень холодной водою, а через 6 в. пути горами, лес на них средних размеров поделочный строевой кленовый, липовый, дубовый, осиновый, березовый, ольховый с примесью всех прежде виденных кустарных пород, также Мааковой акации, пробки и изредка ильма и береста, мы вышли к р. Глубокой. Брод через нее легкий, хотя

речка шириною 10 саж., глубиною в 1 арш. и тоже с очень холодною водою. Через 2 вер. перешли вброд приток р. Глубокой, немногим уже и мельче первой, а еще через 3 вер. пути горами, повернув на запад, мы вышли к берегу Амурского залива. По берегу мы шли под горами, с мыска на мысок, пока не вышли к устью речки, очень глубокой, через $5\frac{1}{2}$ вер. пути и, поднявшись по речке с $1\frac{1}{2}$ вер., нашли 2 кит. фанзы, расположенных одна на правом, другая на левом берегу этой речки, а между ними по дорожке легкий брод через речку, прозванную нами Китайскою. Все эти речки: Широкая, Прямая, Глубокая с ее притоком, Короткая с своим притоком и Китайская, в устье имеют ширину от 20 до 30 саж. и глубины 2 и 3 арш., а ниже устья их по заливу есть броды. По берегу залива за средним полуостровом попадаются осколки блестящего каменного угля, совершенно отличного и гораздо лучшего сорта, нежели найденный в заливе Посыета; месторождение его должно быть где-нибудь на восточном берегу Амурского залива, но оно еще не открыто. По берегу также много разных красивых раковин и крабов. В нескольких местах замечены признаки хорошей болотной руды. Близь р. Глубокой наш обратный путь соединяется с путем передним. В долине между Глубокой и ее притоком кочкарное болото с кустарного березою (*Betula Middendorfii*) и багульником (*Ledum palustre*), растительность Вологодской губ. под 43° широты. В 1 вер. от этих болот растет прекрасный орех, корабельный кедр и виноград. Трудно объяснить такие прихоти природы и такие резкие контрасты растительности.

На левом берегу р. Глубокой и дальше к югу по Амурскому заливу много крупного кедрового и дубового, годного на корабельное дело, леса, а также поддельного и строевого орехового, ясеневое, кленовое, пихтового, елового, ильмового, осинового леса и в смеси с ним береза всех пород, ольха, ива, пробковое дерево, акация Маака, максимовичия, панакс, *Schizoporon*, *Arallia*, *Eleuterococcus*, *Dimorphanthus*, *Celastrus*, сирень, яблонь, вишня, черемха, груша, орешник, виноград, леспедеца и мн. др., одним словом, растительность самая разнообразная. Берег залива твердый песчано-каменистый. Горы состоят из конгломератов, песчаников и глино-сланцевой породы. Близь фанзы на р. Китайской попадают: гринштейн, аспидный сланец, точильный камень. Окаменелости все растительные: попадались чаще других окаменелые изображения папоротников и хвощей.

У китайцев земледельческое и огородное хозяйства замечательны. Недалеко от фанзы мы перешли вброд 2 мелких ключа с холодною водою, а дальше шли уже без пресной воды до р. Комаровки, по берегу Амурского залива.

Путь берегом Амурского залива до р. Комаровки на протяжении 14 вер. разнообразился только тем, что там, где горы спускаются к берегу почти отвесно, мы поднимались на горы и шли горами, или обходили заливом под утесом, если глубина его это позволяла. Лес на самом берегу залива у спуска с гор дубовый дупловатый и, чем круче горы, тем лес мельче. Выше же на горах и по падям отличный уже описанный смешанный лес; кедровый и еловые деревья есть до 15 и даже до 18 саж. вышины. Вообще здесь по берегу богатства лесные неистощимы. Так мы дошли до р. Комаровки, последней на нашем пути, так как отсюда мы решились перевалить через гору и выйти прямо к порту Мея, дабы не огибать длинный мыс. Горы над портом Мея очень высоки, но подъем на них оказался не очень крутым, также как и спуск горы. Мы стали подниматься по притоку р. Комаровки; на горе смешанный лиственный и хвойный лес с очень крупными кедровыми, еловыми и ореховыми деревьями в самой разнообразной смеси

древесных и кустарных пород. Скоро на спуске мы увидели следы русского топора, а потом дорожку, проложенную русскими за черемшой, как мы после узнали; по этой дорожке мы пришли прямо к русскому поселению в Владивосток. Спуск с горы покрыт смешанным лиственным лесом, преимущественно дубовым, иногда корабельных размеров, но часто дупловатым. Последний перевал составляет около 4 вер. от брода через р. Комаровку. Весь же путь от брода через р. Прямую 47 вер. Во Владивосток мы пришли 2-го августа, употребив на переход от устья р. Тихой в Лефу 20 дней (приблизительно до 30 вер.). Средним числом делали мы по 15 вер. в сутки, производя съемку и осмотр лесов. Часто на этом пути нас задерживали густые туманы, проливные дожди, продолжавшиеся иногда почти целые сутки, и многочисленные броды через речки. Весь путь от 5 поста на истоке Сунгача у озера Ханка до Владивостока составит чрез Суйфунскую долину 326 вер., а через р. Прямую 312 вер.

Кроме дуба по склонам хребта есть крупных и средних размеров: клен, липа, черная береза, а по оврагам ольха, ясень, орех, белая и желтая береза, осина, акация Маака, пробковое дерево, *Dimorphantus*, *Arallia*, *Panax*, жимолость и мн. др. Хвойный лес в редкой примеси заметен на правом и левом берегах р. Прямой. Начиная с полугоры, на обоих хребтах, растет хороший строевой лес, только очень редкий, а далее к северу по главному хребту примеси хвойного леса не видно.

Во Владивостоке я пробыл 7 суток, в ожидании судна, на котором бы я мог сделать осмотр лесов по берегам Восточного океана, но, как мне после стало известно, шхуна «Восток», имевшая назначение принять меня для этой цели, не дошла до порта Владивостока. Не имея в то время никаких сведений о плавании этой шхуны, которая, как я узнал после, в сентябре месяце возвратилась в обратный путь из залива Америки, не доходя 200 вер. до Владивостока. 4-го августа прибыл во Владивосток пароход-корвет «Гридень», которого командир отказался доставить меня с командой 5 человек в гавань Св. Ольги, отговариваясь неимением на то предписания от своего начальства. Поэтому я решился отправиться к Уссури, а по пути осмотреть леса по горной тропе от Суйфуна к Лефу и Дауби и в долине Дауби. Из Владивостока я ездил в шлюпке осматривать лес на острове Русском; в заливе Дондас я нашел массу елового строевого леса. Лес этот растет по склонам гор, обращенных на север к заливу Дондас; тут самая разнообразная смесь хвойных и лиственных пород, именно: клен, дуб, ясень, орех, ильм, берест, черная и белая березы, ель пихта, кедр, осина, липа, пробка, маакия и всевозможные кустарные породы: максимовичия, целастр, диморфант, орешник, леспедеца, виноград, жимолость, малина, смородина, шипишник и мн. др. Таковой же лес заметен и выше на горах всего острова, кроме сухой луговой полосы его северного мыса, к северу от залива «Дондас». Другие малые острова, также, как и острова Восточный и Речной в устье р. Суйфуна, голы и каменисты. Весь западный берег Амурского залива к северу от залива Славянского, по сведениям, полученным от г. Максимовича, лесистый, но преимущественно там лиственные породы леса, а хвойные породы видны выше в хребте далеко от берега. К югу же от залива Славянского берега Амурского залива и вся местность окрест залива Посьета низменна, болотиста и безлесна. Климат там должен быть нездоровый, по причине болотных испарений.

От Владивостока до берега Амурского залива, куда вышла наша Суйфунская дорога, я с 5 человеками моей команды доплыл на лодке; потом вышел

прямым путем по р. Прямой на нашу прежнюю дорогу. Место для пристани на берегах Амурского залива выбрать трудно, так как берега ее очень отмелы на далекое расстояние; впрочем, самым удобным местом для пристани может быть пространство берега между устьем р. Китайской и тем местом, где дорога с гор выходит на берег Амурского залива. Если есть надежда устроить здесь пристань, то проезжая дорога от р. Суйфун через р. Прямую может быть доведена до самой пристани. Во время нашего пребывания в Владивостоке и обратного пути шли почти непрерывно сильные дожди, отчего все берега Амурского залива и даже многие высокие места по пути стали очень топкие; вода в речках значительно прибыла и все наши гати разрушило.

При проходе через Чоуфанза ночью нас стали пугать маньчжуры выстрелами, сделанными на воздух. Мы спросонку было приняли ночные взрывы пороха за отдаленные пушечные выстрелы, но скоро разгадали маньчжурскую хитрость и хвастовство. Желая напугать нас и не имея артиллерии, а только одни плохие фитильные ружья, маньчжуры ночью стали жечь порох, производивший довольно громкие взрывы. Из команды нашей никто даже не слышал произведенных ночью взрывов. Маньчжуры сделали нам еще одну неприятность, завалив нашу дорогу за 1 версту до Чоуфанза срубленными деревьями. Объехав без труда заваленные места по очень редкому лесу, мы отчасти оставили завалы, дабы не подать поводу к невыгодному для нас столкновению с неизвестными нам по числу маньчжурами. Отправляясь из Чоуфанза, мы встретили 27 маньчжур без ружей, но с горящими фитилями, намотанными на руке. Старший из них, вероятно, Бошхо (урядник), обратился вежливо ко мне, умоляя знаками и мало мною понимаемую речью, уходить скорее в свою сторону на Уссури и не делать вперед засек на деревьях, за что их нойон обещался им всем отрубить головы. На его речь я тоже знаками дал им знать, что исполняю волю начальства. Еще умолял тоже не ходить за р. Суйфун, где их нойон с большим войском и артиллериею. Я на это отвечал им, что не имею нужды идти за Суйфун, а иду на Уссури. Посидев около меня с $1\frac{1}{2}$ часа и передав солдатам благодарность за то, что они не убрали их завалов, иначе-де нам бы угрожала война, изображаемая маньчжурами двумя скрещенными указательными пальцами. Надо сказать, что завалы эти сделаны китайцами по приказанию маньчжурского нойона весьма неохотно, потому что китайцы почитают лес священным и рубят деревья только в случае крайней необходимости, кроме того рубить дубовый лес китайскими маленькими узенькими топорами стоило немало труда, да и работа оказалась излишней, ибо не помешала нам пройти, а линию нашего пути еще яснее обозначила; прибрать же завалы можно теперь заставить их самих. Судя по этим фактам недоброжелательства, я отсоветовал г. Доржитарову строить предписанные ему от штаба зимовья в 2 местах, которые наверно были бы сожжены маньчжурами, подобно тому, как был сожжен после Турий Рог зимою 1860 года, покинутый русскими. Строить эти зимовья пришлось бы людям голодным, за неимением провианта, да кроме того напрасно потерять труды и время, а у китайцев даже буды нельзя было купить ни за какую цену. Придя в д. Суанчинза, мы узнали, что маньчжурский нойон с своим отрядом, вскоре за нашим проходом, отправился в город Хунь-Чун на р. Тумень-Ула, пограничный с владением Кореи.

XIV. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТНОСТИ НА ПУТИ
ОТ ВЛАДИВОСТОКА ЧЕРЕЗ ПОСТ РАЗДОЛЬНЫЙ ДО ПОСЬЕТА,
ОТТУДА ЧЕРЕЗ ВЕРХНЕ-КОРЕЙСКОЕ СЕЛЕНИЕ НА ТИЗИНХЭ,
Р. ТУМЕНЬ И ВЕРХНЕ-КОРЕЙСКОЕ СЕЛЕНИЕ, ПО Р. МАНГУГАЙ
ДО ПОСТА РАЗДОЛЬНОГО; ДАЛЕЕ НА САНЬДОГУ ЧЕРЕЗ ВЕРХОВЬЕ
ДАУБИХЭ, ПО УССУРИ ДО СТ. БУССЕ И ОКОЛО ОЗЕРА ХАНКА

14-го июня 1867 года я отправился из Владивостока для осмотра лесов по сухопутной дороге, проложенной до постов Речного и Раздольного. Во время 3-го путешествия моего в этом году по дороге к станку Угловому были взяты и вычислены мною пробные части леса в 10-ти местах. Но прежде всего скажем о лесах на полуострове Муравьев-Амурском. Полуостров этот насажден лесом следующих хвойных и лиственных пород: кедр, пихта, дуб, ясень, клены 4-х видов, ильм, липа, грабь, черная и белая береза, ольха; все эти породы являются в разных местах поочередно в смеси между собою, в пропорции около $\frac{1}{10}$ насаждения каждой породы, а преобладают в смеси чаще других – дуб, клен, ясень, липа, пихта и редко кедр. Лиственно-хвойные и хвойно-лиственные насаждения чередуются между собою по полуострову, причем заметно преобладание лиственных пород в местах низменных и на утесах, близких к морю; преобладание же хвойных пород заметно в горах приморского берега, редко в долинах речек близко к морю, но в удалении от моря всегда чаще встречается преобладание пород хвойных, или же равновесие между породами хвойными и лиственными. Проезжая в шлюпке морем, можно видеть весь главный хребет полуострова, и заметно, что он везде покрыт лесом преимущественно с преобладанием хвойных пород. Из прилагаемых таблиц вычисления пробных частей видно, что насаждения попадают весьма разновозрастные, но большею частью преобладают в насаждении деревья в старшем возрасте; древесные запасы изменяются на 1 десятине от 14 до 45 куб. саж. (в 250 куб. ф. плотной массы), а средний прирост изменяется от 40 до 135 куб. ф. на 1 десятине, но большею частью колеблется около 100 куб. ф. на 1 десятине. Строевой лес хвойных пород, наиболее нужный для Владивостока и Посьета и всего южного края, находится на большей части полуострова, но не везде в одинаковом изобилии. Еще в 1860 году на полуострове начались рубки строевого леса для построек как во Владивостоке, так и отчасти для Посьета. При этом ближние к Владивостоку места были вырублены первые, а затем, при недостатке строевого леса вблизи, стали посылать нижних чинов для рубки леса и в другие места, по выбору, преимущественно вдоль берегов Амурского залива. Из этих-то мест, еще не оголенных рубкою, особенно обильны строевым пихтовым и кедровым лесом следующие места: 1) в 5 верстах от Владивостока, на речке первой, у первого зимовья, довольно строевого леса, как в речной

долине, так и в прилегающих горах; но за вырубкою ближайших к морю пространств, ныне можно набрать здесь бревна не ближе 3-х и 5 верст от берега моря, следовательно, вывозка этого леса самими рабочими трудна, но зато лес хороший и есть мачтовые деревья; 2) в 8 верстах от Владивостока, по речке второй; у второго зимовья, лес строевой, но мелкий вблизи берега, а в 3–5 вер. от берега есть и крупный лес, больше пихтовый, кедрового мало; 3) урочище Татарина и смежные с ним бухты на 2 вер. ближе к Седанке, – здесь большое изобилие пихтового крупного строевого леса; 4) Артиллерийская заимка, – в 16-ти вер. от Владивостока. Здесь, по самому берегу, в речной долине, лес вырублен, но выше и ниже Седанки есть довольно пихтового, и изредка кедрового леса не далее 1 версты от берегов моря, более же крупный лес и кедровые большемерные деревья набираются в горах верстах в 4–6 от морского берега; 5) дальше Седанки, до устья речки Лян-чихи, есть довольно строевого леса не по самому берегу взморья, а в 2-х и более верстах поднявшись в гору, где много и кедровых большемерных дерев; 6) артиллерийский лес, которым до сих пор пользовалась артиллерия для своих специальных надобностей и домашних построек, – это единственный целый лес вблизи Владивостока верстах в 2–3-х от артиллерийских построек. Вот все доселе известные места, из которых удобно и выгодно вывозить строевой хвойный лес к морю и потом сплавлять до Владивостока.

Для удешевления казенных заготовок леса командами нижних чинов все-таки теперь уже необходимо завести еще рабочего скота в особенности мандзовских быков для возки леса. Относительно учета заготовленного материала, урок по 1 бревну в день на человека с вывозкою этого бревна к берегу очень мал и легко в настоящее время может быть удвоен. Относительно заготовки леса частными лицами ныне приняты уже меры весьма полезные, к которым, по моему мнению, благовременно было бы добавить еще следующие: дозволять купцам Владивостока покупать казенный лес, приплавленный в Владивосток, если таковой окажется в излишке, но отменить дозволение рубки и сплавки леса самим лесопромышленникам на всем полуострове, так как их сделка на счет леса с нижними чинами поведет к злоупотреблениям казенного интереса; посторонних вольных рабочих в Владивостоке почти нет. Есть строевой хвойный лес и по берегу полуострова Муравьев-Амурский, прилегающему к Уссурийскому заливу, но там его до сих пор не рубили; это во всяком случае имеет ту пользу, что со временем, если казне понадобится лес для Владивостока и Посыета, то берег Уссурийского залива составит запасный участок.

Вообще по берегам полуострова лесу еще много строевого, как хвойных пород, так и лиственных, именно: дуба, клена, ясны, ореха и много других ценных; но имея в виду наши средства рубки, вывозки и сплава, где люди морем тащат лес десятки верст, идя сами в воде, надо сберегать этот лес всеми мерами для предстоящих надобностей.

Дальше речки Лян-чи-хы путь к посту Угловому идет по берегу морского круглого залива, в 3-х верстах от которого на север устроен пост Угловой, служивший заимкой для линейных войск, так как тут есть отличные дуга и вкусное сено. Здесь место глухое, тихое и водится много разного зверя, в особенности тигр здесь часто гуляет летом и зимою.

Хвойный лес прекращается от р. Лян-чи-хы и его можно найти только в больших хребтах; заготавливать же этот лес вовсе неудобно по дальности его

от берегов залива. Зато здесь в изобилии – дубовый, кленовый и грабовый и других пород лес.

Горы по всему пути пологие с сырою глинистою почвою и путь после дождей почти не проезжий, так как много есть мест сырых и низменных, затопленных дождем, в особенности в Суйфунской водной системе ближе к посту Раздольному.

Расстояние поста Раздольного от поста Углового 34 версты, Углового от Седанки 25 верст и Седанки от Владивостока 16-ть верст.

От Углового до Раздольного дорога идет прямо, оставляя в стороне Речной пост. Горы здесь почти малолесны.

Преобладающие породы леса – дуб плохого качества и черная береза.

Исключение составляет речка, впадающая в Уссурийский же залив с запада, на которой стоит единственная по этому пути фанза. По этой речке встречается владивостокская пихта; это самый крайний предел ее распространения на север, и кроме того по берегам этой речки и на горах видны клен, граб, орех и других лучших пород отдельные деревья.

Ближайшие окрестности поста Раздольного тоже почти безлесны: виднеются только дуб, береза и осина; но на горе выше поста и далее к Верхне-Суйфунскому посту, верстах в 4-х, есть даже хвойный строевой лес. Такой же лес есть и в Суйфунских ущельях, в расстоянии 5–7 верст от Раздольного. Дальше путь к п. Верхне-Суйфунскому идет верст на 10-ть местами почти безлесными, с редкими дубом и черно-березником и лучших пород деревьями только по берегам речек и в защищенных местах гор, как вообще в Суйфунской долине.

В июне, из Раздольного поста я, продолжая брать пробные части для вычисления запаса и прироста лесов, ходил в пост Посьет и вернулся обратно уже другим путем. Путь этот был уже мною описан в 1862 году, поэтому, не делая подробного описания этого пути, я ограничусь только указанием мест, пройденных мною вновь по проложенной телеграфной просеке и другим местам, добавляя к тому выводы пробных вычислений. Первая станция от Раздольного на пути к гавани Посьета выстроена на речке Эхдогу, на которой несколько китайских фанз; одна из них принадлежит богатому мандзе, имеющему здесь женсеневою плантацию. До этой фанзы расстояние от Раздольного 22 версты. Путь идет сперва к фанзе за рекою (2 вер.), потом Суйфунскою долиною и лугами (5 вер.), до устья р. Сыдогу, потом полубезлесными горами до речки Саньдогу, и на этой речке есть примесь хвойного леса ели и пихты с кедром, и так с перерывами продолжается до долин речек Эхдогу с ее притоком Джафику.

По вычислениям, на 1 десятине среднее число около 16-ти дерев хвойных, но чем выше по речкам, тем число таковых больше. Запас около 27 куб. с. на 1 десят. Средний прирост 110–140 куб. ф. на 1 десятине.

Второй телеграфный станок расположен на речке Мангугай и отстоит от первого на р. Эхдогу на 43 вер.

Путь идет круто в гору на (7 вер.), потом спускается к речке Туодогу, тоже Суйфунского притока, все лесными местами с разнообразною смесью пород и частью примесью хвойного леса, который, впрочем, чем дальше, тем реже. За речкой Туодогу перевал к системе р. Ампабиля, на которой хорошие луговые места в более широкой долине и есть фанзы. Пробное вычисление к Туодогу и Ампабиля дали на первой почти такой же, как и на Эхдогу, а на второй лучший результат; здесь хороший запас поделочного разных пород леса, но его вывозка

не представляет неудобств. От речки Ампабиля до речки Мангугай путь идет тот же, что и прежде, только в конце несколько поворачивает влево, в обход круглого спуска с горы.

На речках Ампабиля и Мангугай долины широкие и плодородные, удобные для русских поселений, хотя после проливных дождей они обе разливаются, так что переезд по ним прекращается, но это однакож не вредит земледелию.

Третий телеграфный станок расположен на речке Сидземи в 2–3 вер. от корейского поселения. Корейцы прибыли сюда недавно, но сеют хлеб и овощи, хотя первую зиму они провели в сильной нужде. Судя по распашкам и по удобству местоположения, корейцы должны иметь много хлеба и жить хорошо. Путь к речке Сидземи проложен по телеграфной просеке прямо на 2 вер. выше корейского поселения, так как низовье р. Сидземи низменно и часто затопляется. Расстояние по новому пути ближе, чем по прежнему, именно на 24 вер.; между тем как береговым морским путем 32 вер. Лес в горах порядочный и много поделочного и корабельного материала. Долина же Сидземи луговая, с перелесками. В разных местах верховьев Сидземи есть кое-где редкость – сосновый лес, но довольно мелкий, в 22 вер. от корейского поселения по одному из притоков со стороны р. Мангугай.

Китайцы мне говорили, что строевой сосновый лес можно рубить на Мангугайском склоне хребта, куда пройти отсюда нельзя, по причине очень крутых гор этого хребта. Вообще на речках Сидземи, Мангугай, Ампабиля и Туодогу леса далеко не из лучших, и только один дуб хороших качеств и вывозка его удобна к морю.

Запасы здесь вычислены от 19 до 26 куб. саж. на 1 десятине, прирост от 60 до 90 куб. фут. на 1 десятине. Следующая телеграфная станция на р. Туляму отстоит от Сидземи на 40 вер. Путь к ней проложен по китайским тропам через хребты и броды, через речки Хуонмихы-Эдза, Адеми и Туляму-Кенгингоу; на последней должен быть устроен станок. Весь путь очень крутогорист и изобилует лесом; к вершинам же хребтов встречается больше и чаще примесь хвойных пород ели, пихты и кедра, которого вывозка к морскому берегу удобна и не превышает 5–7 вер. Близь станка место луговое, лес дрянной, а по пути к следующему станку Гладкому и далее к Посьету места почти безлесные, с очень редким дубняком плохого качества, черноберезником и деревьями лучших пород только у берегов речек.

Пробная часть, взятая в вершинах Туляму, дала при вычислении 39 куб. саж. запасу и 100 куб. ф. прироста, причем оказался строевой хвойный и много поделочного леса. Расстояние от станка Туляму до Гладкого 20 вер. и от Гладкого до Посьета 21 верста.

От поста Гладкого я не пошел прямо в Посьет уже знакомую тропую, а направился к посту на р. Тынзенхы, в которую впадает р. Лючихы-эдза, на которой расположен пост Гладкий. Расстояние до поста Тынзенхы от Гладкого 9 вер.; на последних 2–3 вер. расположены части фанзы заселившихся здесь корейцев. Они хотя еще не устроились окончательно, но тщательно пашут и, наверное, будут здесь иметь хлеб в изобилии. От поста Тынзенхы я отправился на р. Яньчихи, на которой тогда была расположена одна рота 1-го линейного батальона, и предполагалось поселить весь 1-й батальон. Расстояние до Яньчихи 18 вер. и путь, устроенный линейными войсками, превосходный, идет по твердому

грунту и окопан канавами так, что можно по нем ездить в экипаже. Путь этот проложен по китайской тропе и идет мимо устья р. Тъизенхы к китайской фанзе и потом предгорьями залива Посьета к устью р. Яньчихи, по которой, в 2 вер. от устья расположены постройки (около 20) одной роты 1-го батальона. Лес для этих построек нарублен по берегам р. Яньчихи вер. на 4 выше, но вообще строевого леса в этой стране очень мало, а на строения солдаты употребляют лес всяких пород, и здешние домики выстроены из ильма, ясны, клена, ореха и других пород. В 12 вер. от своего поселения, по дороге к городу Хуньчуну солдаты разыскали сосновый лес, хотя и в малом количестве и некрупных размеров, но однакож успели добыть столь необходимую для них сосновую смолу.

На р. Лючихыэдза тоже корейские фанзы, расположенные как на горах, так и в удобных местах в долине и на протяжении около 5 вер. В Посьете постройки теперь на северном берегу гавани Новгородской; есть уже несколько домов каменных, очень красивых снаружи, и 2 деревянных, но постройки далеко уступают в этом отношении владивостокским, имеющим уже вид селения и очень красивым с моря.

Вверх по р. Яньчихе есть в 8 в. от роты 1-го батальона еще одно корейское поселение, самое бедное и наиболее потерпевшее за ту зиму.

Обратный путь к посту Раздольному я сделал по р. Хунь-Чуну через верховье Мангугай и по Ампабиля, по более короткой и удобной дороге, тем более, что во время моего пребывания на Яньчихи были 3 суток проливные дожди, продолжавшиеся во время пути по р. Хунь-Чуну. Путь этот был мною уже пройден в 1862 году, но в этом году от фанзы в 5 вер. за фанзой Лючихы-эдза я повернул боковой тропой, так как, по отзывам мандз, 2 брода через Хунь-Чун, по причине дождей, были недоступны по глубине. Против фанзы Лючихы-эдза – мы переправились на лодке, а коней переправили вплавь. До фанзы Лючихы-эдза на Хунь-Чуне расстояние от корейского поселения на Яньчихи 17 вер., а от 1-го батальона 25 вер. К броду через Хунь-Чун мы сделали 25 вер. от фанзы Лючихы-эдза, пройдя по пути 3 фанзы. Брод был довольно трудный, хотя вода уже убывала. Дальше шли левым берегом Хунь-Чуна и потом повернули вправо и по его притоку перевалили невысокий хребет, а затем круто спустились в долину притока системы Мангугай. В месте перевала много хвойного леса; вся большая гора вправо от нашего пути поросла елью, пихтой, кедром и лиственницей, но, к сожалению, сплав этого леса невозможен по быстрине течения, а вывозка его далека и трудна. Вниз по притоку мы спустились к китайской фанзе Уизго, где поселилось много корейцев в очень удобном и плодородном месте. Расстояние от брода через Хунь-Чун до корейского поселения у фанзы Уизго 30 вер. От Уизго, знакомым уже путем, мы перевалили на р. Ампабиля (12 вер.) до первой верхней фанзы, а там вниз по Ампабиля спустилась к телеграфной просеке (20 вер.) и через фанзу Эхдогу достигли поста Раздольного. Весь этот путь от 1-го батальона на Яньчихи составляет около 160 вер., и следовательно ближе телеграфного верст на 20 и притом гораздо удобнее и суше.

Я успел также посетить некоторые местности в стороне от моего пути, так, например, – по притоку Сидземи, в направлении р. Мангугай, вверх по Туляму и по Эхдогу от последней верхней фанзы пройдено по 15 вер., всего 45 верст. Результаты пробных вычислений, взятых на $\frac{1}{4}$ десятины деревьев, которых я

выбирал как представителей местной лесной растительности, отчасти уже упомянуты, а частью находятся в особо составленном вычислении.

Из поста Раздольного я отправился во Владивосток с почтовой шлюпкой, отвозившей туда почту, а моя команда с лошадьми последовала сухопутно. На обратном пути я точно так же брал пробные вычисления по берегу полуострова, о которых много уже сказано выше, и благополучно вернулся в Раздольный. Путь мой лежал к телеграфному станку Верхне-Романовому, в верховье р. Дауби, по вновь пролагаемой и исправляемой тогда сухопутной дороге. Направление ее изменено несколько против китайского пути только до р. Саньдогу, притока Лефу, а там уже идет снова по китайской тропе. До Лефу от Верхне-Суйфунского поста путь очень удобный, идет больше безлесными местами; на нем устроены мосты и расстояние это можно проехать с удобством на колесах. Виденный мною на горах сосновый мачтовый лес остался в стороне от настоящего пути вер. на 2. От станции на Лефу до Саньдогу путь идет местами безлесными, болотистыми, но по Саньдогу вся долина и горы лесистые, начиная с 3-й вер. от фанзы Саньдогу, и чем выше по речке, тем лес гуще; только вывозка и сплав его представляют немало затруднений, в особенности пока еще край не заселен крестьянами.

По Саньдогу обилие лесу и путь каменистый, а местами болотистый – неудобный: расстояние от фанзы Саньдогу до фанзы Чуань-Инг 36 вер. Место здесь совершенно сухое; по пути часто попадаются следы тигров, медведя и других зверей. Перед подъемом в гору есть небольшая полянка в лесу, на которой было бы удобно устроить промежуточный станок, а иначе на этом длинном пути может предстоять много затруднений. Пробные вычисления дали на Суйфуне 28 куб. саж. запаса и 70 куб. ф. среднего прироста на 1 десятине.

На Саньдогу вычислено место с сосновым лесом на крутой горе; оказалось запаса 17 куб. саж., приросту 60 куб. ф. на 1 десятине; на ручье Васильева, притоке р. Дауби, 40 куб. саж. запаса и среднего прироста 110 куб. ф. на 1 десятине; в верховьях долины Саньдогу оказался точно такой же запас. Речка Саньдогу к сплаву леса неудобна – слишком быстра, извилиста, мелка и течет по густому лесу. Если здесь нарубить мачтовых сосен, то вывоз их будет далек и труден.

Все расстояние от Раздольного поста до телеграфной станции Верхне-Романовой составляет 133 версты.

От фанзы Чуань-Инг проложены мандзами две дороги к морю; одна из них идет на Туодогу и Сучан, а другая через Тун-пай-ча и Си-пай-ча к верховью Сучана, и оттуда на Уу-хы, Судза-хы и в другие приморские места. По обоим этим дорогам, по рассказам очевидцев, есть хорошие крупные строевые леса, но вывоз и сплав их весьма затруднителен и неудобен. Поэтому я и предпочел пройти китайскою тропею на Саньдогу – Уссурийской системы, так как Дауби и Уссури дают надежду быть со временем заселенными: первая до ст. Верхне-Романовой, вторая до китайской деревни Саньдогу и тогда леса этих мест могут иметь сбыт, вывозом до сплавных рек и сплавом вниз к Уссури.

Близ самой Чуань-Инг взято пробное вычисление на р. Васильевой и оно дало 40 куб. саж. запаса и 110 куб. ф. приросту на 1 десятине. Вся окрестность Чуань-Инг изобилует строевым, поделочным, корабельным лесом, который можно сплавать по р. Даубиху.

К р. Саньдогу путь лежит сперва на ту сторону реки у фанзы Чуань-Инг, потом к фанзе Сяу-Саньдогу, далее мимо фанзы Та-Саньдогу, которая на 1 вер.

в стороне, к деревне Чуань-санза, и наконец после двух бродов через притоки Даубиху к последней фанзе деревни, которая носит особое название Шингдоуза и отстоит от Верхне-Романовой на 22 в. Путь все время удобный и торный, долина отчасти луговая, отчасти с лесом смешанным лиственным-хвойным. Следующая затем фанза названа Хоа-ладза, что значит *красивый утес*, по горе того же имени, возвышающийся в виду фанзы. Близь Хоа-ладза и по пути к ней место лесное со строевым хвойным лесом, поделочного и корабельного достоинств. Расстояние до Хоа-ладза от фанзы Шингдоуза 12 вер. Пробное вычисление дало близь фанзы Хоа-ладза 27 куб. саж. запаса и 85 куб. ф. среднего прироста на 1 десятине. Путь дальше идет вверх по р. Чингоудза, потом сворачивает в гору, довольно крутую и с подъемом верст в 5, и таким же спуском к р. Хонгмихыэдза к фанзе того же, как и речка названия; речка впадает прямо в Даубиху, долина которой с гор ясно видна. Расстояние от Хоа-ландза до Хонгмихыэдза около 20 верст и путь весь лесной с примесью хвойных пород, которых чем дальше вверх по речке, тем больше в примеси. Лес отсюда удобно сплавать в Даубиху.

Путь и дальше идет все сплошным лесом, так как луга в долине окончились. Верстах в 15, пройдя несколько хребтов гор, мы спустились к фанзе, называемой Пай-ца по р. Сяу-пай-ца, втекающей уже в р. Саньдогу; потом опять через крутую, но невысокую гору, перевалили к устью р. Сяу-пай-ца в р. Та-пай-ча, довольно значительный приток Саньдогу, долина которого довольно широка и с редким лесом тех же лиственных пород, но с меньшею примесью хвойных. Пройдя вброд р. Та-пай-ча, мы опять поднялись в гору слабыми подъемами и, переваливши пологий невысокий хребет, спустились к р. Яше-т'инг-дза, впадающей тоже в р. Та-пай-ча. На этой речке стоит на небольшой лужайке с малым огородом фанза, где мы застали одинокого старого мандзу. Расстояние от фанзы Сяу-пай-ца до фанзы Яше-т'инг-дза около 20 вер. и лес здесь хуже, чем на прежнем пути, потому что горы пологие и мы шли низкими местами сырыми и топкими. Последний переход к китайской деревне Саньдогу идет тоже через довольно высокую с слабым подъемом в гору и по пути пересекает еще два притока Саньдогу. Расстояние от фанзы Яше-т'инг-дза до деревни Саньдогу 28 вер. Лес на последнем переходе отчасти в горах смешанный лиственный довольно крупных размеров, строевой, поделочный и корабельный, а в речках отчасти в смеси с березой и осинником редкого насаждения. Саньдогу (Уляхы) есть тоже источник Уссури; в сухое время он мелководен, но в дождливое лето сильно разливается и очень быстр, так, что сплав по этой речке леса возможен только по средней воде. Ширина долины Уляхы не превышает $3\frac{1}{2}$ – 4 вер., а местами значительно уже и течение речки часто распадается на несколько протоков, и притом очень извилисто, часто подходя под тот или другой край долины. Выше по Саньдогу есть поселения мандзов, которые хотя и имеют огороды и пашни, но они преимущественно занимаются исканием женсеневого корня, которого здесь природное отечество. До истоков Уляхы, от деревни Саньдогу, считают мандзы, еще верст 70 и даже более и говорят, что все верховье изобилует громадными и крупными хвойными труднопроходимыми лесами.

Здесь в верховьях Уляхы две дороги к морю: одна на Сучан, а другая на Судзихы, Уухы и Пхусунг. На р. Туодогу, из системы Уай-Фудзи, когда-то была тропа для прохода лошадьми и быками, но теперь весь путь надо прорубать, чтобы по ней пройти в Ольгу.

Пробные вычисления дали близь Пай-ца 52 куб. саж. запаса и 130 куб. ф. среднего прироста на 1 десятине. Впрочем, это наибольшие цифры. Строевых бревен наибольшее 120 на 1 десятине, поделочных штук 80 на 1 десятине.

Спускаться по Уляхы можно правым берегом от самой деревни Саньдогу, а также и левым, перейдя вброд р. Уляхы на 11 вер. ниже, у китайской деревни Пайтун-хыэдза, расположенной на левом берегу Саньдогу (Уляхы). Я выбрал этот последний путь и шел горами левого берега, по малохоженной тропе; причем лес только в низовых спусках с гор плохой дубовый, черноберезовый, с редкою местами примесью других пород, особенно хвойных; чем дальше в горы, тем больше встречается примеси хорошего и крупного леса.

Впрочем и в долине, среди редких лугов, видно много леса, в том числе и хвойного. В обеих деревнях мандзы живут зажиточными земледельцами и сеют в числе прочих хлебов пшеницу. Перебравшись вброд через Саньдогу в 1½ от последней деревни, мы скоро вышли на большую тропу и шли то долиною, то горами правого берега все такими же местами вниз по реке и, придя к слитию реки Фудзи и Саньдогу (Уляхы), повернули долиною вверх по первой. Перебравшись чрез Фудзи, пришли к фанзе Куандоху.

Пробные вычисления дали на Уляхы (Саньдогу) и на Фудзи запаса 42 куб. саж. на 1 десятине и среднего приросту на первой 100, а на второй 150 куб. саж. на 1 десятине.

Все расстояние от китайской деревни Саньдогу до телеграфной станции Верхне-Бельцовой составляет не более 146 вер., из коих 50 вер. приходится на долину Саньдогу (Уляхы), и весь путь довольно удобный в сухое время года, но недоступный во время разлива вод после дождей весною.

Пробные вычисления дали по Уссури у фанзы Дзябигу в редине 15 куб. саж. запаса и 50 куб. ф. среднего приросту на 1 десятине. Впрочем, здесь лес был наполовину вырублен мандзами из соседних фанз, так что средний запас и прирост можно считать равно вдвое больше. У фанзы Пай-дзынь-тхунг запас 24 куб. саж., средний прирост 115 куб. ф. на десятине. В горах левого берега Даубиху близ фанзы Фамагу запас 36 куб. саж., средний прирост 115 куб. ф. на 1 десятине.

Расстояние водою по Уссури до ст. Буссе 130 вер., а сухопутное оно не более 110 вер. Прибыв в станицу Буссе и дождавшись коней, пришедших туда 4 дня после нас, я должен был ехать на пароходе в Хабаровку и, запасясь удовольствием, вернулся в пост Камень-Рыбалов на пароходе, чтобы взять пробные части растущего по берегам озера Ханка леса. От поста Камень-Рыбалов мы отправились сухопутно до поста № 4-го, причем брали пробные части в местах с отчасти рубленным лесом, (лучшие сосны выбраны уже повсюду). По вычислению оказалось запаса 21 куб. саж. на одной и 28 куб. саж. на 1 десятине на другой пробной части; среднего прироста на первой части 75 куб. ф. на 1 десятине и на второй 60 куб. ф. на 1 десятине.

Затем, в первых числах октября, чувствуя себя слабым и утомленным, коней совершенно измученными, я решился воспользоваться последним отплывавшим из станицы Буссе пароходом и спустился в станицу Казакевича, где сделал еще несколько пробных вычислений и затем остался на зимовку.

XV. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО ПУТИ ОТ Д. СУАНЧИНЗА НА Р. СУЙФУН, ЧЕРЕЗ Д. ЛЕФУ НА Р. ЛЕФУ ДО РУСЛА Р. ДАУБИ И ПО ЕЕ РУСЛУ

От д. Суанчинза прежним путем с топографом Доржитаровым мы дошли до устья р. Желанной в р. Саго. Здесь мы расстались. Он взял с собою 20 чел. команды и 6 лошадей с 5 только одноколками. Мой отряд состоял из 5 чел. команды.

От переправы через р. Саго мой путь направился правым берегом р. Саго по самому редкому у подошвы гор лесу, потом против нашей прежней переправы я поднялся в гору прежним путем, а на горе вскоре повернул направо по торной китайской дорожке, по следам г.г. Усольцева и Васильева, проходившим здесь в 1859 году. Сделав 4 вер. от поворота, мы встретили одинокую фанзу на истоке р. Желанной. По дороге к фанзе тянется сплошной дупловатый дуб, редко имеющий качества поделочного леса и почти без примеси других пород. Речка здесь совершенно мелкая и узкая, над нею узкая полоса ильмового, ясеневого, орехового и ольхового леса с единичными фруктовыми деревьями; кустарника здесь мало, но винограду довольно много. Китайцы угостили моих людей лапшой и дали еще на дорогу 10 ф. свежей сохатины; хозяйство у них исправное, но скота мало; отличный ароматный табак и плохой чай. Фанза эта отстоит от нашего брода через р. Желанную всего на 6 вер., а от д. Суанчинза на 23 вер. Отсюда мы продолжали путь все крутыми горами по весьма каменистым местам, беспрерывно подымаясь с горы-на-гору и через 5 в. добрались до 2-й фанзы. На половине этого пути влево открылась глубокая долина р. Неожиданной, которую с высоких гор видно было на очень далекое расстояние. По направлению этой долины я удостоверился в своем первоначальном предположении, что р. Неожиданная не принадлежит к системе р. Суйфун, ни к системе р. Лефу, но, по всем вероятностям, составляет приток р. Мо. Вправо от нашего пути видны 2 высокие гребня гор, из которых дальнейший кажется выше всех, по крайней мере, на нем только заметна большая примесь хвойного леса: ели, пихты и кедра, но сосны в горах все еще не видно. Как на близком параллельном, так и на самом придорожном гребне редкий дубняк, большею частью дупловатый, на кручах же и на каменистых обрывах совершенно мелкий, вообще редко имеющий качества поделочного, а еще реже корабельного материала. По глубокой долине р. Неожиданной и речки у 2-й фанзы, составляющей уже приток р. Се-Лефу из системы р. Лефу, попадают клены, ясени, ореховые деревья, липы и ильмы, вообще хороший поделочный лес узкою полосой вдоль самых речек, а долины чистые луговые. Акация Маака, пробковое дерево и все другие кустарные и древесные породы, составляющие непременную принадлежность смешанных лиственных лесов, здесь даже по оврагам речек составляют редкость; кусты леспедеца и орешника здесь очень редки

и мелки. Один дуб царит в здешних лесах и притом большая часть его не годится ни к какому важному употреблению. С китайцами 2-й фанзы мы долго говорили, не понимая друг друга, но потом я догадался, что они хотели объяснить, что видели меня на р. Суйфун, куда их всех переселенцев и даже с р. Дауби сгоняли, чтобы временно разыграть роль войск и такую обманчивую числительностью ложного войска запугать и удивить русских. Китайцы эти очень удивились, увидев, что нас так мало против виденного ими числа на р. Суйфун, спрашивали про товарищей. Они живут бедно, видно мелкая и бесплодная почва гор мало вознаграждает их примерное трудолюбие, а поселены они здесь, вероятно, по распоряжению маньчжур, с целью иметь здесь вроде станции по пути на р. Дауби, куда они ежегодно отправляются для грабежа трусливых поселенцев, неизвестно за какие преступления сюда сосланных. Вообще китайские поселенцы, встреченные на всем нашем пути, – народ кроткий, тихий, ласковый и гостеприимный, но хитрый и страшно любопытный. По их приемам и некоторым понимаемым мною словам можно было догадаться, что на русских они возлагают надежды, основанные на слухах с Амура и Уссури об обращении их с инородцами и на наблюдениях над проходившими здесь командами, что русские будут их защитниками против ненавистного им ига маньчжурских чиновников. Но надежды китайцев на русских слабы, они видят нас и прежде видели русских всегда питающихся сухарями, иногда голодающих и всегда оборванных.

По их понятиям, да и по понятиям всех народов, это признаки бессилия, и вот опять они ощущают панический страх при виде маньчжурского взяточника нойона, или бошхо, хотя тоже оборванных, но имеющих по их понятиям исправные съестные припасы: рис буду и пшеничную муку, не чета русскому, и кин-лен (т. е. черный сухарь), слово, произносимое китайцем всегда с презрением. Кроме того, заезжий нойон-маньчжур перед китайцами всегда важничает и хвастает (китайский признак ума и находчивости), запугивает наивных и трусливых в высшей степени людей воображаемыми и неисполнимыми угрозами, – действуя таким образом на самые слабые стороны китайского характера – это их трусливость и при этом слишком пылкое воображение. Поселенцы здешние народ заметно южного происхождения, склонны к фантазии и поэзии подобно народам восточным, живы, легки и проворны и суетливы в высокой степени, совсем не религиозны, но очень суеверны. Судя по незнанию ими некоторых предметов, заподлинно известных в высшем и даже среднем классе китайского общества, как напр. часов, называемых ими тем же словом, как и буссоль, лоань-дзинь, и по их грубым привычкам, можно наверное предположить, что большая часть их принадлежит к низшему земледельческому классу китайского народа, но многие из них не всегда были пролетариями, а пользовались когда-то на родине достатком.

Они в высшей степени вспыльчивы и имеют большую страсть к картам и природное расположение и способности к торговле, которая в 1860 году всем китайцам воспрещена маньчжурским начальством, о чем многие из них сожалеют; не жалеют только те, которые замечательно ловко были обмануты русскими, так напр. в одной фанзе на Уссури китаец проторговал 10 соболей за 1 кусок дабы, которая ему была крепко нужна; подобные поступки со стороны русских очень недобросовестны и могут испортить только начинающиеся международные и торговые сношения наши с китайцами во вновь приобретенном нами крае. Подобные же поступки русских заставили и китайцев действовать также

недобросовестно, так по Уссури с умиравших от голоду казаков и казачек брали по серебряному рублю за маленькую чашку буды не более 1¹/₂ ф. весом. На таких основаниях торговля развиваться правильно не может.

За 2-й фанзой путь наш был такой же гористый, каменистый и неудобный, таким же плохим дубовым лесом, как и прежде. Горы здесь еще выше предыдущих; в пересекаемых дорогою оврагах даже мало пересохших русл речек, а только одни луговые лощины с струйкою воды после сильных дождей. Даже подेलочного дуба почти нет, не говоря уже о корабельном, а из других пород заметна только одна дровяная черная береза. Так сделали мы 12 вер. и наконец достигли до воды в речке, приток р. Се-лефу, в которой вода стоит только в лужах и ямах между камнями, а речка почти пересохла. Долина речки со многими разветвлениями чистая луговая. Лугом мы прошли до речки последние 3 вер. Отсюда видна на север глубокая долина р. Се-лефу, а высокие гребни гор на юге ушли от нашего пути далеко и все бесчисленные вершины гор, доступный глазу, покрыты таким же плохим мелким дровяным дубняком. Мест, удобных для русских поселений, здесь вовсе нет, а есть такие в долине р. Се-Лефу, но, разумеется, для самого малого числа переселенцев и места эти не скоро еще могут быть заселены. За речкою мы поднялись вверх по ней вер. 2, по косогору очень крутых и неудобных для подъема на них гор. Обошедши их, дорога опять пошла в лес, покинув ровную луговую, но безводную и неплодородную долину. Лес становился все хуже и мельче, а горы все выше. Через 7 вер. пути мы снова спустились в долину речки, притока Лефу; здесь вода уже течет в русле глубиною с ¹/₂ арш., а долина средней ширины луговая и кочковатая, либо бесплодно-каменистая. Тут в 1 вер. от дороги на вершине горы, на площадке не более 2 дес., в первый раз в этом крае найдена сосна. Сосновые деревья числом около 200, большемерны, прямоствольны и очень высоки, но, к несчастью, подожжены у комля, вероятно, молнией, иначе это был бы хороший, почти все мачтовый лес, таковых деревьев и найдется еще на горе около десятка. С этой же горы, очень крутой, открылся обширный вид во все стороны, а на юге виднеются множество горных вершин, также как и эта, покрытых сосновым большемерным лесом. Наибольшие размеры виденных сосен – 15 саж. вышины и верш. до 20 в диаметре на высоте груди, следов. на 8–10 саж. вышине от 7 до 10 верш. в верхнем отрубе; таких деревьев и мачт здесь по горам должно набраться значительно. Хребет Сихотэ-Алинь здесь разделяется на множество отраслей. В передний путь по р. Веселой мы перешли самое низкое и самое узкое место этого хребта. Ближе к нам на юго-восток от узла хребта Сихотэ-Алинь, где соединяются системы рек – Суйфун, Лефу и Мо. На вершинах высоких гор есть сосновый лес, который на первом пути к Суйфуну был закрыт от нас близким гребнем гор. Горы между местом наблюдения и этим узлом тоже имеют достаточное число вершин, поросших сосновым лесом. Везде сосна далеко превышает окружающий лиственный и даже хвойный лес, почему с вероятностию предполагать должно, что сосна везде большемерная корабельная и мачтовая. На ближних к месту наблюдения горах крупный сосновый лес виден очень явственно. Хвойного строевого леса кедра, ели и пихты тоже неисчерпаемое богатство. В верховьях Лефу видны тоже очень высокие горы, где тоже нужно ожидать сосновый лес в изобилии. В верховьях р. Дауби горы еще выше, которых высоту, должно полагать, между 4 и 5 тысячами фут над уровнем моря, так как вечных снегов по всему хребту не видно.

Одна гора вер. на 20 ниже истоков Дауби командует над всем хребтом Сихотэ-Алинь, и, вероятно, на ней лесное богатство неисчерпаемо; другая такая же высокая гора вер. на 50 ниже истоков Дауби, и три горы немногим ниже этих видны в хребте между истоками Дауби и Лефу. Гребень водораздельного хребта Сихотэ-Алинь идет, начиная от узла, соединяющего системы рек Суйфуна, Лефу и Мо, полукружием через истоки Лефу и Дауби, и здесь на видном горизонте прекращается; остальная часть его скрыта очень высоким хребтом правого берега Дауби, составляющим, также как и хребты по Лефу, отрасль главного хребта Сихотэ-Алинь. Между Лефу и Дауби отрасль хребта значительно ниже как главного гребня, так и его отрасли, идущей по правому берегу Дауби. На север видны высокие цепи гор, сопровождающие оба берега Дауби. По Лефу горы ниже, а по правому ее берегу ничтожны даже в сравнении с хребтом ее левого берега. В вершинах р. Мо видна еще одна высокая гора того же хребта Сихотэ-Алинь, но остальные его горы постепенно понижаются, приближаясь к истокам р. Мо и р. Море. Озеро Ханка и обширная равнина вправо от него между ним и Уссурийскими горами, с ничтожными едва заметными холмами, окаймляющими эту равнину, видны как на ладони.

Из этого описания можно заключить, что гористый край к югу от д. Лефу, т.е. от 41-го градуса сев. широты представляет такой богатый запас корабельного, мачтового и строевого леса хвойных пород, а также поделочного и отчасти корабельного дубового, который истощить нет возможности, и который уступит разве одним американским лесам. Вопрос, как добывать этот лес с вершины крутых гор, и как доставлять его к портам, есть вопрос времени. Реки Лефу и Дауби могут служить сплавными реками далеко не по всему их течению, ибо слишком быстры: первую можно считать сплавной от д. Лефу. вторую от д. Хонту. Впрочем, все будет зависеть от того, как значительно и как успешно заселится новый край русскими поселениями. Народная смелость и предприимчивость русских, руководимая наукою, рано или поздно доберется до этих лесов. Леса эти и земные богатства нового края составляют драгоценное приобретение для нашей отдаленной окраины, вид всей этой горной страны необыкновенно величествен и картинен. Вернувшись с горки с сосновым лесом на прежний путь, я скоро догнал опередившую меня команду, сделав 2 брода через речку и ее приток и отдохнул у последнего под тенью великолепных ясеней, кленов и ореховых деревьев. От этой речки мы опять поднялись на высокие горы, сперва сделав вверх по речке $1\frac{1}{2}$ вер. до удобного подъема в гору. Дорога очень крута и камениста, лес дровяной мелкий дубняк. Дальше по дороге к Лефу, выше по горе, пошли стройные, здоровые, крупные дубы; многие из них годные на корабельное дело. Далее на 4-й версте от речки, вправо и влево от пути на голых без травы горках опять много сосновых деревьев (около 500 на каждой), из коих половина мачтовые. Возраст деревьев более 200 л., длина деревьев до 16 саж., диаметр на высоте груди человека от 12–20 вершков. Приятно было слышать шум соснового леса столь здесь редкого. За сосновым лесом начался спуск с горы и через 2 в. уже долина Лефу, в которой стоит д. Лефу. Тут всего 4 фанзы. На горах левого берега Лефу видна сосна, не столь крупная, впрочем, как прежде виденная, но строевая.

Долина Лефу луговая с редкими фруктовыми (между ними изредка дикорастущие абрикосовые, вишневые, яблоневые, грушевые и черемховые деревья), ольховыми и ивовыми деревьями, рассаженными самую природою в правильные

ряды вроде садов. Через 2 вер., сделав легкий брод чрез мелкий ручей с топким дном, мы пришли ко 2-й фанзе на берегу Лефу. Китайцы здесь имеют отличное хозяйство, много скота и живут зажиточно, занимаясь тоже охотою, звериною и рыбною ловлею. Везде нас признали за бывших на р. Суйфуне, но приняли очень дружелюбно. Брод через Лефу, шириною 30 саж., быструю и шумную с каменистым дном и крепкими берегами, мы совершили благополучно по глубине не более аршина. Лефу обильна разнообразною рыбою. Долина реки в этом месте не шире 3 верст, выше кажется такой же ширины, или немногим уже, а ниже постепенно расширяется до устья р. Се-лефу, где она опять сжата горами в узкое горло. За рекою мы шли серединою обширного дуга в расстоянии от невысоких плосковерхих холмов правого берега Лефу в 2–3 вер., и почти в таком же расстоянии от Лефу, сопровождаемой по левому берегу средней вышины горами. Дале р. Лефу от устья Се-лефу на обоих берегах сопровождается хребтами невысоких гор с весьма слабыми скатами и вершинами в виде плоских кровель. Лес по окаймляющим р. Лефу до устья р. Веселой, как сообщено г. Усольцевым, редкий дубовый, отчасти дупловатый, отчасти поделочный, с примесью черной березы, липы, вяза, клена, береста, пробкового дерева, акации Маака и густого кустарника леспедеца, орешника и винограда. Через 7 вер. пути по луговой долине мы перешли бродом пересоший ключ, впадающий в Лефу, а еще через 6 в. пришли к другому ручью, идя все чистым лугом, по самой слабой возвышенности, начавшейся за 1-м ключом. Брод через ручей здесь тоже легкий, хотя русло ее несколько болотисто. Отсюда путь Усольцева направился на С.В., к броду через р. Сендо, а мой – по следам Васильева по китайской дорожке тоже к долине Сендо, но вер. на 7 выше брода Усольцева. По пути к долине р. Сенды начался мелкий дровяной лес: дубовый, липовый, кленовый и березовый в смеси с кустарною акациею Маака и кустарников орешника, леспедеца и винограда, впрочем, не очень густым. Покатости холмов по пути самые слабые, едва заметные. Дальше по пути лес ровнее и крупнее, попадаются славные куртинки строевого осинника, поделочные ясени, клены, ореховые деревья и даже порядочный дуб. Мы миновали несколько безлесных прогалов, с хорошею плодородною землею, удобною для поселений, между тем как по Лефу между устьем Се-лефу и Веселой таких мест мало. Правый берег Лефу от д. Лефу до гор с лесом тоже удобен для поселений и имеет плодородную черноземно-суглинистую почву. По китайской дорожке мы постепенно стали поворачивать к В. и шли немного вверх по р. Сендо, огибая болота в ее долине, до удобного спуска в нее на 6-й версте от последней речки. Долина р. Сендо от 1 до 1½ вер. шириною, сопровождается круто спускающимися к долине хребтами гор на обоих ее берегах. Отсюда дорожка пошла все вверх по реке до ее истоков из хребта левого берега р. Дауби, очень высокого и все время пути нам видного из-за близких гор, по причине значительной их вышины в сравнении с последними. Путь долиною р. Сендо до ее истоков составляет 21 версту, извиваясь по крупному и густому лесу все по правому берегу реки после брода через нее вслед за выходом дорожки в долину. Путь этот разнообразился то частыми бродами через протоки и заливы р. Сендо, или ее притоки справа, быстрые ключи, попадающие с ближних гор; таких притоков заметно только 2, в остальных падах вода бежит только после продолжительных дождей. Лес в долине однообразный и крупный поделочных и строевых размеров, и даже корабельный: породы леса: ясень, ильм, дуб, липа, клен, орех, кедр

(орех и кедр часто встречаются и в молодом возрасте), ель, пихта, акация Маака, пробковое дерево, Максимовичия, панакс, черемха, яблонь, осина, ольха, черная и белая береза, орешник, виноград, боярка, жимолость, кизиль и многие другие. На 9-й версте пути по долине заметно стало более кедрового, елового и пихтового леса строевых размеров, которого много и на горах левого берега Сендо. Еще ранее на 7-й и 8-й верстах пути и потом на 11-й и 12-й верстах на вершинах гор по самому гребню есть сосновый лес, отчасти строевой, но больше дровяной, хотя и толстомерный, но с неправильным суковатым стволом. Мачтового леса на горах не видно, по причине крутизны гор, но надо надеяться найти его и здесь на вершинах высоких гор. Сосна есть и на горах левого берега против названных мест на правом берегу, но и там также лес строевой, а не мачтовый. В долине на 11-й и 12-й верстах пути примесь хвойного леса стала опять слабее, но тем крупнее лес лиственный; ильм, ясень, дуб; из них некоторые деревья в 2 и 3 обхвата, но при этом часто дупловатые. На 15 версте опять пошел густой крупный хвойный лес: кедр, ель и пихта, иногда с малою примесью лиственного. На 17-й версте пути на круглой вершине крутой и высокой горы правого берега опять большемерный сосновый лес, прямоствольный, наполовину числа деревьев мачтовый и корабельный: отлогости этой горы покрыты самым мелким дубовым и чернопоберезовым лесом.

До самого почти подъема в гору (21-я верста) тянется в долине все крупный строевой хвойный лес, сменившись только на 1 версту (от 18-й до 19-й версты) строевым осинником и белою березою с малою примесью других пород. Подъем в гору (22-я верста) круче прежнего пути тоже постепенно поднимавшегося, но все-таки сносный и не трудный. С подъемом в гору опять пошел отличный и самый крупный дубовый лес, очень часто корабельный, а также ильмовый, ясеневый, кленовый и ореховый.

Спуск с горы на $1\frac{1}{2}$ вер. по такому же лесу в смеси с строевым хвойным, еловым и пихтовым (кедры очень редки). Дорога горами сносна, но в густом лесу в местах глинистых очень вязкая. Тут уже мы напали на ключ, бегущий к стороне Дауби. В этом месте удивительно много изюбров (красных оленей); всю ночь нас будили их музыкальные, похожие на военную трубу голоса. Далее по дороге 3 вер. тянется лиственный лес, а на 4-й версте смешанный лиственно-хвойный строевой и поделочный по спуску в долину речки, а там по чистому лугу долины р. Дауби и впадающей в нее речки. Лугом мы перешли вброд речку и подошли к другой, которой устье в Дауби на $\frac{1}{2}$ версты ниже первой, долина по ней довольно широка и вся в густом хвойном лесу, пород – ели, пихты и кедра. Здесь уже начинается долина р. Дауби, шириною в этом месте не более $1\frac{1}{2}$ вер., а выше она течет в глубоком ущелье между рядами очень высоких гор. Устье второй речки отстоит от д. Лефу всего на 53 вер. Вторую речку мы перешли вброд не в самом устье, где она тоже мелка и узка, по чистому лугу долины Дауби; еще через $3\frac{1}{2}$ вер. перешли вброд разлив р. Дауби и приток ее тинистый и заболотивший, где воды было по пояс, а потому груз люди перенесли на себе. Дорога до брода через речку шла почти на С., а отсюда повернула на В. по чистому же лугу и через $3\frac{1}{2}$ вер. привела нас к фанзе Чуанинс. Здесь китайцы говорили, что выше по реке большое изобилие соснового и кедрового лесу. Хозяйство у китайцев исправное, скота много и живут они зажиточно, нас приняли радушно. На горах лес все больше дубовый, отчасти поделочный, также липовый, чернопоберезовый

и строевой осиновый. Торная китайская дорожка по левому берегу прекратилась, надо переправляться на правый берег реки, Дауби здесь шириною до 30 саж., а глубиною более сажени и так быстра, что даже в оморочке по ней опасно плыть для непривычного.

Долина реки здесь шириною тоже около 1¹/₂ вер., имеет богатую черноземно-суглинистую почву, и весьма была бы удобна для русских поселений. По самой реке Даубе узкая полоса с лесом ореховым, ясеневым, липовым, кленовым, еловым и кедровым с обыкновенными в смешанном лесу кустарными породами и редкими деревьями пробки и акации Маака. Реку Дауби мы переплыли в китайской оморочке (легкой лодке вроде байдары). По правому берегу Дауби густой и крупный лес тех же пород с множеством гроздей винограда. Река до сего времени была ближе к горам правого берега, но через 2 вер. стала уходить к середине долины. На горах лес весьма редкий: то чистый чернопоберезник, то ветла без примеси других пород, то смешанное чернолесье, притом все больше дровяной лес. Наконец через 10 в. пути от фанзы Чуанинс мы пришли к фанзам, стоящим недалеко за голым утесом, оставшимся недалеко влево от нашей дорожки; на пути мы перешли вброд маленький ключ, а за ним в 1¹/₂ вер. в сторону оставили еще одну фанзу. Ширина долины Дауби 6 вер. и только далее много елового и кедрового строевого леса в смеси с смешанным лиственным разнообразных пород, поделочный строевой. Три фанзы расположены одна возле другой, дорога идет мимо их всех; китайцы живут зажиточно и имеют много скота. Дорога от 3-й фанзы, отстоящей на 11 вер. от фанзы Чуанинс, идет густым смешанным лесом лиственных пород поделочным и строевым; потом мы перешли вброд одну и ту же протоку Дауби 2 раза, идя по острову, ею образуемому, с лесом – ветловым, ольховым и березовым дровяным; чрез 6 вер. всего пути от 3-й фанзы мы дошли до фанзы Сендо, стоящей среди чистого луга. У здешних китайцев тоже прекрасное хозяйство. Против фанзы Сендо есть еще 2 фанзы за рекою Дауби. Обогнув за фанзой Сендо болотину, через 1¹/₂ в. мы поднялись в гору и шли небольшими перекатами гор с безводными оврагами; потом обогнули глубокую лощину притока Дауби, который перешли вброд в самой вершине его в 7 вер. от фанзы Сендо. На горах по притокам Дауби лес дубовый, кленовый, липовый, березовый и осиновый, вообще некрупный, но иногда поделочных и строевых размеров и хорошего качества. По лощине речки средних размеров ясень, орех, белая береза и осина. Дальше за речкой на 1-й же версте крупный поделочный черный лес, а еще дальше есть примесь кедра, сперва молодого, а потом и довольно крупных размеров. Выше в горах много строевого кедрового и елового леса. На 2-й и 4-й верстах от брода прогалины в несколько дес. десятин, удобные для русских поселений, также как и вся долина Дауби в этом месте. Против фанзы Сендо долина сжата горами в горло шириною 1¹/₂ вер., но ниже опять расширяется вер. на 6. На 4¹/₂ вер. пути от речки дорога повернула в долину по чистому лугу, окруженному смешанным лиственным лесом, а через 1¹/₂ вер. мы пришли к одинокой фанзе, отстоящей от фанзы Сендо на 15 вер. Выше на горе в 1¹/₂ вер. от дороги оставили мы еще одинокую фанзу. И у этих китайцев земледелие и огородничество в отличном порядке. В 1¹/₂ вер от фанзы мы опять покинули луговую долину и вошли в такой же как и прежде лес, но когда мы поднялись в гору, лес пошел с 3-й версты пути мелкий дровяной дубовый и чернопоберезовый; на 4-й версте вправо от нас чистый чернопоберезовый, а влево хороший строевой осиновый лес,

а с 6-й версты начался спуск к долине Дауби по чистому луговому месту сперва на горе, а потом долиною по местам, очень удобным для русских поселений и распахов. Дорога привела нас к реке Дауби.

На омороче мы и переправились через речку. От последней фанзы до фанзы Хонту 12 вер. Долина Дауби против фанзы Хонту имеет ширины вер. 4, но далее опять расширяется до 6 и 7 вер. Потом шли мы по безлесному лугу хорошо твердою дорогою по левому берегу Дауби от реки на расстоянии 1 до 1¹/₂ вер. На горах здесь лес больше черноберезовый, а по самому руслу узкою половою лиственный лес средних размеров поделочный черный и строевой осинник. На 11 верстах пути по луговой долине на горах стал виден строевой лес хвойных пород, но сосны здесь нет, и ее даже по имени не знают. По реке Дауби очень много крупных ясеней. Дорога здесь малоторная и кочковатая. На 10 вер. встретили мы р. Дабая, которую перешли бродом на 2 вер. от ее устья в р. Дауби. Ширина р. Дабая 15 саж., глубина до 1 аршина, течение также быстрое, как и р. Дауби, вода холодная ключевая. После брода шли лесом, через 1¹/₂ вер. переправились залив той же речки, шириною саж. 3 и глубиною по колена, далее 1¹/₂ вер. шли под горою с лесом дубовым и черноберезовым дровяным, а потом дорога пошла горою, огибая заливы и болота в долине Дауби; здесь 2 подъема и 2 спуска очень крутых, а с горы открывается прекрасный вид на оба величественные водораздельные хребты правого и левого берега Дауби, по гребню которых ясно различить можно хвойный лес. На горе по нашему пути лес дубовый, кленовый, липовый, черноберезовый, ясеневый и осиновый, отчасти поделочный и строевой, но корабельный весьма редко. На спуске с горы опять лес мелкий дуб и черноберезник, а под горою фанза, до которой мы перешли вброд мелкий горный ключ. До фанзы Чоусунгоуз от фанзы Хонту расстояние 28 верст. В фанзе китайцы живут также зажиточно, как и в прежде описанных. Отсюда, покинув торную дорогу к фанзе, вблизи лежащей, мы повернули вправо едва приметным следом по густой, давно не мятой траве. На 3-й версте, миновав влеве широкую луговую долину, мы пошли горами с лесом и почти непроходимо густым кустарником, где дорога засорена валежником, древесными пнями и корнями и очень затруднительна; через 2 вер. лесного пути мы перешли вброд маленький ключ, по берегам которого изредка встречаются еловые деревья средних строевых размеров среди густого смешанного черного с белым леса: поделочного, строевого и дровяного. Поднявшись опять в гору, мы увидели лес белый: березы, осину, липу и черный дуб, клен и ясень. Долина Дауби под горами здесь очень болотиста. Дальше путь идет все крутыми оврагами с горы на гору по самой дурной дороге, по дубовому и черноберезовому лесу. Наконец в 3 вер. от ключа мы миновали порядочное озеро, в долине Дауби; еще через 3 вер. мы спустились с гор и чистым лугом посуху подошли к реке, оставляя влеве к горам очень низменное и болотистое место. Речку переправили мы в 3 вер. выше ее устья, где она мелка и узка (2 саж.). По реке смешанный черный с белым лиственный лес, преимущественно ясень и белая береза с значительной примесью ореха. За речкою дорога идет чистым лугом, огибая озера и болота, лежащие ближе к горам левого берега, на протяжении 5¹/₂ вер. до другой речки, через которую мы перешли по поставленной поперек ее длиной лодке, а река в этом месте глубиною более 1¹/₂ аршин. Вправо мы оставили к р. Дауби крутую и обнаженную сопку с редким местами только дубом и черноберезником. За бродом мы огибали еще довольно большое озеро

и насилу добрались до фанзы, так долго кружили мы около нее. Расстояние до фанзы Сятуоза от фанзы Чоуфанза 20 вер. Фанза Сятуоза на вид очень бедная, и хозяйство у китайцев здесь против обыкновения плохое. При нас здесь были человек 6 проходящих маньчжур. Отсюда китайская дорожка прекратилась, и мы отправились левым же берегом р. Дауби без дороги. Мы пошли чистым лугом вдоль р. Дауби, по берегу которой неширокою полосой смесь черного и белого поделочного и строевого лиственного леса, среди которого изредка попадаются крупные строевые ели и пихты. Места здесь черноземные, удобные для распашки и поселений. Прошедши вер. 10, мы встретили у прихотливо изогнувшегося озера пропасть сухостойного разных пород леса среди лугового места, долго здесь проискали брода через залив, чтобы потом выйти на сухое место, а сделавши брод, простояли на одном месте почти целые сутки, по причине проливного дождя, промочившего нас все эти сутки до ниточки.

Береговой лес здесь имеет в ширину более 1 версты от русла р. Дауби. Долина Дауби против фанзы Сятуоза имеет в ширину около 4 вер., а здесь опять расширились до 7–8 вер., мы же за бродом пошли под горами левого берега, заросшего дровяным лесом. Высокие горы левого хребта здесь прекратились в расстоянии 12 вер. от русла Дауби на З., а высокий гребень правого водораздела, по временам приближаясь к руслу Дауби и тоже постепенно понижаясь, далеко ушел к востоку. Перешедши вброд озеро, мы сперва пошли лугом, а через 4¹/₂ вер. поднялись на горы с лесом из смеси белой и черной берёзы с осиною и дубом и изредка пробковым деревом небольших размеров. Через 4¹/₂ вер. пути горами, мы спустились к горному ключу, сделали брод через его вершину узкую и мелкую, и далее пошли по краю гор безлесным, сухим, черноземным и малокочковатым лугом. Идя вдоль ручья вер. 3, потом 1 версту вдоль Дауби, которая здесь от гор недалеко, мы повернули в чистый луг, так как лес здесь довольно однообразный и плохого качества, а дорога лесом весьма камениста и трудна; кроме того в лесу густой кустарник, очень затруднявший нам путешествие с вьючными лошадьми. Сделав вер. 7 еще лугом, мы увидели наконец самый большой приток Дауби с левой стороны, и чтобы попасть на верный через него брод, должны были повернуть влево выше по речке. Наконец, дав крутой поворот на З. и пройдя 4 вер., мы подошли к реке Угыдынза, которой долина в этом только месте расширится значительно и сливается с долиною Дауби. По р. Дауби в месте нашего поворота опять много елового пихтового и кедрового строевого леса среди густого поделочного смешанного лиственного леса. По р. Угыдынза неширокою полосой редколесье смешанного лиственного леса. Речку перешли бродом в довольно глубоком месте. Ширина этой речки 6 саж.: вода очень холодная, течение быстрое. На том берегу речки мы пошли подошвами гор ее левого берега по густому смешанному лесу с крупными строевыми еловыми, пихтовыми и кедровыми деревьями, поделочными яслями, ореховыми и ильмовыми деревьями с самою разнообразною примесью других древесных и кустарных пород. Всего до фанзы от брода вер. 6, из которых только последние 1¹/₂ вер. мы шли чистым лугом, впрочем, в виду такого же, как и прежде, леса на горах. Фанза Угыдынза имеет 7 человек жителей китайцев, живущих хорошими хозяевами и имеющих большой запас скота: хлеб здесь отлично родится, между прочим, и наша греча прекрасно поспела. Здесь у них плантация жень-сеня, которую, впрочем, мне не показали, боясь раскрыть свой секрет. Впрочем, вот что я увидел чрез ограду из

высокого частокола, вставши для этого раньше моих хозяев китайцев, у которых провел ночь: на открытом, но загороженном месте выкопано 7 парников с удобренной, вероятно, землею и с очень тесными интервалами, над ними навесы шатром и параллелепипедом из белого толстого полотна; с некоторых парников навесы были сняты. Жень-шень, вероятно, для придания мягкости его корням, растут в тени и на очень жирной и унавоженной земле, отчего корни его не только смягчают, но и получают большее развитие в объеме; свет же дают растениям только самый необходимый, дабы не допустить их до цветения, истощающего сильно корни.

Жень-шень, разумеется, важен только для китайцев, но отнюдь не для европейца, ибо слава его, как лекарства в Европе давно уже упала, да и в китайских владениях жень-шень теперь далеко не так высоко ценится, как описывает Риттер в своем сочинении «Азия». Но все-таки, как вообще возбуждительное средство, китайцы его любят и ценят довольно высоко, и, кажется, много получают из вновь приобретенного нами края. Еще такую же плантацию жень-шеня видел г-н Усольцев в верховьях Усури. Наша торговля жень-шенем могла бы быть выгодною для нас. К сожалению, мне не удалось видеть дикий жень-шень цветущим, или с зрелыми плодами, не удалось также узнать секрет разведения его китайцами, ибо кроме семян они могли размножать его, пересаживая в парники дикий жень-шень, или размножать его черенками, отводками и т.п. Плантация здешняя значительна, ибо в парниках растеньица очень густы, и должна приносить владельцам ее огромные выгоды, но этого ни по быту их, ни по наружному виду не заметно.

От фанзы Угыдынза до фанзы Сятуоза расстояние 41 верста. От фанзы Угыдынза идут несколько торных дорог, но все они ведут к разным местам реки Дауби. Мы пошли по малоторной крайней левой дорожке, но и она вскоре разделилась на 2 небольшие ветви; левая ведет к фанзам, расположенным в верховьях ключа, а правая есть настоящая дорога к устью Дауби. Мы было пошли по левой в густой туман, но скоро вернулись назад, увидев по буссоли, что она направляется слишком на запад. Дорога идет крупным и густым лесом, смешанным из хвойных и лиственных пород; лес изобилует строевым, поделочным и отчасти корабельным материалом. На 6 вер. пути мы перешли вброд другой ключ и вышли на чистый луг, а р. Дауби делает здесь довольно крутой изгиб к востоку. Далее дорога идет то косогором, то под горами, краем леса, который на этих горах состоит из крупного, но часто дупловатого дуба, отчасти только поделочного, и дровяной черной березы. Через 7 вер. от 2-й речки, мы подошли опять к самому берегу Дауби, идущей отсюда почти прямо на юг, а дорожка пошла дальше все косогором и таким же лесом, как и прежде, на протяжении 7 вер., наконец, открылся обширный луг и в 1 версте фанза, последняя по р. Дауби. От фанзы Угыдынза до нее будет 21 вер. Здесь в этой фанзе живет довольно большое число китайцев, гольдов и гольдских женщин, всего до 30 душ. Хозяйство у них богатое: хлеба, скота и овощей вдоволь, но на продажу для нас ничего нет. В 1½ вер. от фанзы мы перешли по мосту мелкую и узенькую речку, впадающую в Дауби; за речкой особая гольдская юрта. Прошедши еще 1½ вер. лугом мало кочковатым и сухим, мы вошли в густой и крупный смешанный лес, в котором есть кедр и ель в изобилии. Горы становились все круче и круче, а в некоторых местах скалы почти отвесные. Перешли вброд еще протоку Дауби; тут лес стал реже и почти исключительно

дубовый и черноберезовый, а по самым кручам голая скала. Далее мы вступили в теснину, где берег Дауби почти вплоть у нашего пути, а дорога весьма трудна и камениста; в этом месте много змей. Вышед из теснины, мы встретили опять крупный поделочный лес лучших пород, а наконец на 7 вер. от фанзы находится и устье р. Дауби в Уссури. Дауби на устье не шире 60 саж., следовательно в ширине она изменилась очень мало, но очень заметно изменилась в быстрине течения. Здесь Дауби уже совсем не та бурная река, которую мы видели у фанзы Чуанинс, хотя все еще быстрее Уссури. От фанзы Хонту Дауби можно считать хорошою сплавною рекою, а от фанзы Угыдынза судоходною. По ее берегу, в устье лес белый: строевой осинник, береза всех пород, боярка, ивы, ольха. Последний путь от фанзы до устья Дауби составляет 7 вер. Весь же мой путь по р. Дауби от ручья Васильева до устья Дауби в Уссури составляет 170 вер. Отсюда мы дошли только до д. Лендофу, а там по причине сильного изнурения коней, бывших постоянно в пути под вьюками и отчасти в одноколках с 1 июня и сделавших около 1500 вер., я решился сплыть по Уссури с грузом, а лошадей без вьюков отправить берегом. В 23 станицу Буссе я явился 2 сентября, сделав в течение 3 недель 500 вер. пути.

Будищев

XVI. ВЛАДИВОСТОК И ПОЛУОСТРОВ МУРАВЬЕВ-АМУРСКИЙ

Владивосток лежит под $43^{\circ}6'40''$ с.ш. и $131^{\circ}56'11''$ в.д. от Гринвича. Сравнительно с его южным положением климат местности кажется довольно суровым. Вообще здесь растительность и климатические условия почти те же, что и на Уссури. В конце мая месяца мы застали еще весеннюю сырость в лесах, холодные ночи (до $+8^{\circ}$ R), хотя деревья оделись листвою еще за месяц раньше. Выхавший отсюда 4 апреля чиновник встретил на пути к Камню-Рыболову весеннюю распутицу, которой следы мы еще в мае захватили, между тем так во внутренних губерниях в широтах гораздо более северных, напр. в Харькове и Киеве в это время обыкновенно бывает хороший летний путь, и хлеба уже посеяны с начала апреля. Мы застали русских солдат и матрос, только что окончившими свои огороды, а мандзов, оканчивающими посев хлебов на своих небольших пашнях уже в половине мая. Впрочем, в этом году, по общему уверению, была особенно холодная весна, после довольно теплой и маловетреной зимы. В другие года посевы на огородах и пашнях оканчиваются двумя неделями раньше, около 1 мая. Залив *Золотой Рог* замерзает около конца ноября и вскрывается от льда в начале апреля. Пролив *Босфор* и заливы *Амурский* и *Уссурийский* вскрываются несколько раньше, а замерзают тоже ранее несколькими неделями, либо днями, залива *Золотой Рог*, по берегу которого расположен пост Владивосток.

С весны по всему морскому побережью стоят густые туманы, иногда проснивая к полудню, иногда ж вися тучею несколько дней сряду.

Туманы обыкновенно идут с востока, иногда довольно высоко горами, спускаясь постепенно ниже, иногда сразу залегая на самые низменности и оставляя на всем осадок из морских солей. Туманы продолжаются весь апрель и май с малыми и редкими перерывками, но затем постепенно исчезают, хотя в иные годы и в июле их бывает довольно часто, но тогда они не ложатся так низко на землю. В августе опять постепенно наступают туманы, усиливаются в сентябрь и продолжаются до самой зимы. Впрочем осенью в поморье иногда выдаются прекрасные и ясные дни и обыкновенно осень бывает здесь теплая и даже многими считается за лучшее время года, несмотря на сырость от морских туманов. Область морских туманов обыкновенно китайцы и русские считают в 3–6 вер. от берега моря.

Из хлебов наиболее страдают от тумана пшеница, ячмень, гречиха, менее кау-лиа, кукуруза, просо. Вообще весенним туманом мало повреждаются хлебные всходы, наиболее страдают они от ранних осенних туманов, когда хлеб в цвету, или начинает наливаться зерно; тогда, несмотря на густой хлебный всход, может быть полный неурожай. Китайцы, местные старожилы (на Сучане и Цимухэ) для избежания этого вреда, сеют пшеницу как можно раньше весной, если только позволяет погода, и торопятся обработкой пашни и посевом пшеницы, и все-таки несмотря на то, что при всем их трудолюбии и кропотливости,

в ближних к морю фанзах бывает часто неурожай пшеницы; собственно во Владивостоке, а также на острове Русском, и вообще близь самого моря китайцы не сеют ни пшеницы, ни других хлебов кроме проса и то в малом количестве. А разводят только одни огородные овощи. Вероятная причина этому заключается в том, что они занимаются морскими промыслами: ловлею морской капусты, слизняка трепанга, и в небольшом количестве жемчуга низкого сорта, добывают тюленей и других морских зверей. Капуста эта вырастает к началу июля длинными (до 4 арш.) и довольно толстыми мясистыми листьями по всем морским побережьям, особенно изобильна в гавани Находке (Америка) и острове Путятина. Удобнее всего собирать морскую капусту в тихую погоду и в мелкой воде, где ее собирают длинными вилами, но иногда ловцы капусты заходят и поглубже и ловят в довольно свежую погоду, тогда улов бывает меньше. За 100 кит. фунтов (142 рус. фун.) в Посъете дают 16–18 русских серебряных рублей, в Владивостоке она дешевле, а в Находке до 14 р. за 100 фун. – 100 китайских фун. трепанга стоят в Владивостоке 30 русских серебряных рублей. Капуста и трепанг идут в Печилийский залив и Шанхай и очень любимы китайцами, как приправа к многим кушаньям. Здешние мандзы едят то и другое без приправ. Капусту сушат предварительно в кучах, прикрываемых от дождя камышом, но все-таки часто она при этом сгнивает. Морского слизняка трепанга из класса голотурий ловят у самого берега руками, и он попадается в Владивостоке в изобилии. Потом его нанизывают на палочки и сушат на солнце, причем из серого он делается черным. На китайский вкус они есть большое лакомство, но из русских никто не решается даже попробовать его. По изобилию в трепанге Владивосток зовется китайцами по его имени Хай-шень-уай (залив морского червяка). По изобилию в морской капусте зал. Америка зовется китайцами Туне-хай-цао (бухта морской капусты). Оба эти местные продукты важны для нас русских только в том отношении, что можно отвозить их на русских судах в китайские порта и брать за это фрахт с китайцев или же покупать их и продавать на свой риск и барыш. Впрочем, это самый главный предмет заграничного вывоза: отсюда в настоящее время и, вероятно, для будущего; до сих пор фрахт на эти продукты не был высок, именно: американские и гамбургские шхуны брали фрахту до Шанхая от Посъета и от Владивостока 50 к. со 100 кит. фун. (142 рус. фун.).

Как в самом заливе Золотой Рог и его окрестностях, так и по всему полуострову Муравьев-Амурский вовсе нет обширных долин и больших речек, а только узкие лощины и быстрые горные потоки, неудобные для больших земледельческих колоний, а разве для небольших поселений морских, которые, занимаясь отчасти огородами и пашнями, в то же время были бы привычны к морю и могли с выгодой заняться морскими промыслами, из которых для русских здесь возможны ловля китов, тюленей, дельфинов и сельдей. Так как на нынешнем месте поста Владивостока есть предположение устроить своевременно город, где бы помещалось все управление края, то, вероятно, для города понадобится лес, обильно растущий по всему полуострову Муравьев-Амурскому, смешанный лиственный и хвойный строевой, поделочный и отчасти корабельный. Поэтому нечего и думать об иных поселениях на самом полуострове, кроме тех, которых потребует устройство города и сообщения с ним, по малому пространству полуострова и малой ширине падей горных речек. Но цели приморских поселений вполне может удовлетворить остров Русский, если администрация местная

сочтет удобным отдать его под поселение удельных крестьян. На острове Русском есть прекрасная, глубокая и длинная бухта *Новик* (на английских картах Дондас). Весь остров зарос густо лесом смешанным из хвойных и лиственных пород, преимущественно строевым еловым и кедровым, а также поделочным и корабельным дубом, ясенем, кленом, ильмом, грабом и др. пород. Но леса эти и их богатство требуют более подробного изучения. В последнее время, после окончания междоусобной войны в Американских Штатах, цены на лес в китайских и японских рынках упали очень низко от подвоза туда американского леса, так что, судя по настоящему, леса эти не могут быть предметом очень выгодного вывоза за границу. Но с другой стороны, в лесе будет нуждаться не только Владивосток, но и Посыет, где предполагается устроить военную гавань и где во всяком случае будет русский пост, а лесу вовсе нет. Поэтому для приморских поселенцев удельного ведомства лес всегда может доставить предмет выгодного заработка и быть источником благосостояния их. Отчуждение лесов на о. Русском в уделы, с целью снабжения им Владивостока и Посыета, ни в каком случае не будет вредно для администрации края, а скорее принесет пользу.

Кроме того, цены на китайских и японских безлесных рынках были до сих пор подвержены очень сильным колебаниям, почему бы им не подняться опять впоследствии времени и тем открыть путь сбыта для русского леса, которого, за снабжением Владивостока и Посыета, на полуострове и острове *Русском* останется еще изобильно. Обстоятельство это требует подробного изучения всех условий заграничной торговли лесом на самых местах заграничных рынков.

Путь от Владивостока к Маэхи и Цымухи. От Владивостока, еще до прихода сюда русских, была проложена китайцами тропа до речки Маэхи к ее устью и дальше к устью р. Цымухи. По этой же тропе ныне происходит сообщение русских с теми же местами, так как на Маэхи близь устья поставлен пост из 4 нижних чинов, поселены корейцы в 1 фанзе и 1 русский крестьянин, а по Цымухи, тоже близь устья, поселены четыре семьи русских крестьян и отст. нижних чинов и селение из 5 дворов бывших ссыльнопоселенцев. Путь этот идет сперва западным берегом полуострова (21 верста), до устья р. Ляндзыхи (около 18 верс.) чрез хребет высоких гор, далее вниз по р. Та-Уай (4 вер.) и опять через увал невысоких гор к устью притока р. Маэхи (5 вер.). На многих местах этого пути мы встретили и видели в стороне на горах хороший лес, но всегда не у самых морских берегов, где растет лес дубовый похуже и часто дупловатый, а несколько подалее от моря (на $1\frac{1}{2}$ – 2 вер.). В большом хребте отличный крупный и разнообразный лес. Но земли луговые здесь нельзя похвалить; почти все они полны кочек и болот; почва везде глинистая. Долина р. Ляндзыхи, так же как и других приморских речек полуострова, весьма узка, куда и солнце редко заглядывает. В лесу очень много зверей и дичи. Китайская фанза в вершине р. Ляндзыхи с 4 мандзами, которые живут безбедно, имеют овощи, табак, проса и мяса всего в изобилии. Другая фанза по р. Та-Уай-за почему-то несколько лет уже покинута, потом сгорела, а мандзы перекочевали вер. за 3 ближе к морю.

Путь от Маэхи через Цымухи, Канхоуза, Шитухэ, Кугатунг, Сяу-Ундзми, Та-Ундзми и Хомя-Хы-Эдза к Сучану. На приток Маэхи близь устья учрежден пост из 4 нижних чинов для сообщения Владивостока с постом, находящимся в бухте Находка, и далее с заливом Св. Ольги. Кроме того, тут осталось 1 крестьянское семейство, а 2 семейства переселились на устье Чымухэ и, кроме того,

еще несколько корейцев из числа изъявивших желание в 1865 году поселиться на русской земле и прибывший сюда из Посыета с корейцами 1 женатый отставной солдат. Место здесь хорошее луговое, хотя и довольно низменное и после дождей топкое. Почва земли глинистая с черноземом. Маленькая речка, на которой расположен пост и живут поселяне, впадает в приток р. Маэхи, вливающийся в последнюю близь самого ее устья в море и называемый у мандз Кончингоу. В этом месте, при слиянии Кончингоу и Маэхи, переправа в лодке. До переправы надо пройти 4 вер. низменными лугами. Река Маэхи (по прежним картам ее называли Фульдзя или Цымухо, но мандзы всегда ее называли Маэхи), составляется, как и все другие из нескольких источников, из которых по направлению главного (восточного) проложен мандзами путь к китайской деревне Та-лефан-хоуза на р. Лефу, куда проведена и телеграфная линия Посыетская. Долина Маэхи довольно обширна в устье и имеет русло около 200 саж. ширины, при этом почти во всю ширину имеет глубину малую (не более 10 ф.), а при входе в нее с моря сплошная банка в 2–3 фута. Долины главных двух источников Маэхи тоже довольно широки, видны с устья, а отделяющий долину Маэхи от долины Цымухи хребет гор спускается к взморью весьма узкою, невысокою и пологою, почти безлесною грядою. Выше по Маэхи есть 2 большие озера. Западный источник зовется у мандз Маэхи, а восточный р. Чинза, вершины последнего против вершин притоков Суйфунской системы и ее притока р. Чаго (Саго по другому выговору), а р. Маэхи поворачивает на В.С.В. к системе Лефу, именно к притоку последней, называемой у мандз Цымухэ. Расстояние этим путем от Та-Лефан-хоуза до устья Цымухэ в море 50 вер. По этому пути особенно хороши места для поселений, которые я видел в обильный наводнениями по всему краю 1861 год. Луговые места здесь высокие и не затопляются, даже в самую большую воду, с весьма богатой черноземом почвою и очень пригодны для распахов. Климат здесь такой же умеренно теплый, как и на взморье, но без больших туманов. Поселение найдет здесь довольно изобилие в лесе, как для своих построек и поделок, так и для промысла. Заселение этих мест представляет еще то удобство, что расстояние от моря до этих мест невелико, составляя около 15–20 вер. пути по довольно удобной китайской тропе.

От переправы через р. Маэхи до русского крестьянского селения на устье Цымухэ 6 вер.; все вдоль морского берега, где по иловатому морскому грунту можно удобно пройти только в сухое летнее время, а после дождей бывает очень топко. Вся долина между устьями Маэхи и Цымухэ представляет местность низменную, топкую, неудобную. В крестьянском селении 2 семейства русских, переведенных сюда на судне с Амура, из селения Михайловского по собственному желанию.

Крестьяне очень довольны своим переселением, хвалят места свои и теплый климат и надеются на урожай хлеба китайских семян, вымененных ими на не-всхожие семена русской ярицы, отпущенный им из казны. Семена ярицы нужны китайцам для водки. Китайцы одобряют русских крестьян и водили с ними хлеб соль; но зато китайцы очень недовольны поселенцами из бывших ссыльнокаторжных, поселенных здесь с осени 1864 г. в 1¹/₂ версте от крестьянского селения. У этих поселенцев не заведено никакого хозяйства, за исключением одного, у которого хорошо родилась греча, и они большую часть времени пьянствуют и буйствуют. По Цымухэ издавна живут мандзы – на устье около 10 фанз, в которых все живут безбедно, даже некоторые из них зажиточно, напр., Тая (их старшина)

имеет большие запасы хлеба, хотя впрочем они разрабатывают только незначительное пространство земли, за которым, однако же, уход самый тщательный. Тут, на пространстве 10 верст выше по р. Цымухэ, и еще далее по той же реке, по рассказам очевидцев китайцев и русских, места очень удобны для русских поселений. Но с устья долина р. Цымухэ очень узка и едва ли здесь можно набрать много земель. После брода через Цымухэ, в 1 версте от русского крестьянского поселения, дорога идет дальше через долину, потом вдоль морского побережья некрутыми, но весьма каменистыми горами, с горы на гору 4 раза пересекая долины мелких ручьев. Места эти не совсем удобны для поселений, и почва только местами поросла хорошою травой. Лес растет на горах большею частью худой дубовый и черноперегородный, годный лишь на дрова, и только малая часть его годна на поделки.

Долина Канхоуза еще уже, нежели долина реки Цымухэ, на которую она очень похожа на взгляд. Две фанзы по дороге и третья отстраиваются новыми поселенцами мандзами, прибывшими сюда неизвестно откуда. Мандзы часто таким образом переселяются на новые места и, по их словам, больше 10 лет редко кто из мандз остается на одном месте. Хозяйство в этих фанзах хорошее, есть кони и рабочие быки и волы.

Мы поднимались вер. на 8 вверх по речке; места очень незавидные, много мокрых низменностей, покрытых густою свежелою зеленью и потому не сразу узнаваемых: даже на сухих местах почва довольно бедная и потому поросла скудными травами, далеко уступающими роскошной траве по Цымухэ. Канхоуза составляется из 2 рек Канхоуза и Хомяхоуза, которые разделяются между собою высокими горами, поросшими густым лесом. К вершинам речек этой системы горы еще выше и лесистее; сперва мы думали, что они принадлежат главному водораздельному хребту Сихотэ, но оказалось, что против вершин Канхоуза находятся источники р. Сича, притока Сучанской системы.

На ближних же горах виден только плохой дровяной, редко поделочный, лес. Лучших пород дерева – ясень, ильм, клен, орех – нарубаются китайцами в надречной полосе леса. Здесь нашли мы у речки барбарис и много земляники. Первое условие, чтобы сделать удобными для поселений низменности долины р. Канхоуза, необходимо окопать канавами места, выбранные для распашки, причем необходимы знание дела и некоторая опытность, дабы канавы принесли всю ту пользу, какую от них ожидать должно. От крестьянского селения на Цымухе до фанзы Канхоуза (первой) расстояние составляет 10 вер.

Далее путь лежит по узкой долине притока Канхоуза, поднимается на невысокий хребет гор с порядочным листовым, преимущественно дубовым, лесом и потом спускается к широкой долине р. Шитухэ. В этом году река была в своих берегах, даже вода была малая, нашелся хороший брод для обвьюченных коней. Но в 1861 г. вся долина эта была почти непроходимо топкая и грязная, а речка текла в 4 или 5 протоках, довольно глубоких; правда, что обилие дождей и прибыль воды в том году была необыкновенная, и, по словам старожилых китайцев, они 20 лет не запомнят такой воды, какая была тогда. Долина Шитуха, как на этом пути (всего до 2-й фанзы 16 верст), так и на дальнейшем к р. Кудга-тунг высокая, богата черноземом и покрыта роскошною травой, представляя много удобств для земледельческих поселений. Также хороши места, виденные нами с нашего пути в долинах других притоков системы Шитухэ. Горы изобилуют поделочным

и строевым лиственным лесом. Дорога удобна и легко может быть обращена в проезжую. В 22 вер. от 2-й фанзы Шитухэ на р. Кудга-тунг стоит в лесу одинокая фанза, называемая *Хыто-мо-джуань*, где жители бедны и занимаются звероловством. Путь дальше идет вниз по р. Кудга-тунг, и, доходя до устья ее в море, поворачивает через пологие приморские увалы почти вовсе безлесные, которых северный скат весьма пологий и очень удобный для земледельческих поселений, а на южном мокрые низменности до самого моря. На морском берегу 3 фанзы, где мандзы занимаются морскими промыслами и промывкою золота, имея небольшие огороды. За увалом приморских гор мы прошли еще одну фанзу, где мандзы побогаче, имеют очень хорошее хозяйство, рабочий скот и лошадей.

Золото здесь в проливе *Стрелок* на берегу его, очень бедного содержания и доставляет работающим его мандзам самый скудный заработок. Горный инженер, бывший здесь в 1862 году, нашел, что золото богаче содержанием находится в самом проливе Стрелок под морскою водою, в нескольких десятках сажен от берегу. От фанзы *Хыто-мо-джуань* до последней фанзы на морском берегу расстояние составляет 18 верст.

От последней фанзы на морском берегу путь лежит вверх по маленькой приморской речке *Сяу-Уай-дза*, протекающей по узкой, низменной мокрой ложине. На горах порядочный лес, а ближе к фанзе в 1861 году я видел единичные крупноеловые деревья. За хребтом спуск в довольно широкую, но тоже низменную долину р. *Сяу-Ундзми*, через которую удобный брод. Вся долина *Сяу-Ундзми* покрыта редкого насаждения дровяным лесом, местами к нему примешаны единичные еловые деревья. Места здесь низменны и в дождливое время топкие и неудобнопроходимые. При поселении здесь крестьян необходимо будет окопать канавами места, выбранные для распахек. Впрочем, долина реки к устью становится еще низменнее, а пологие скаты соседних гор представляют почти те же топи с постоянными болотами почти во всех падах; кроме того, из залива *Восток* (*Ундзми-Тунг*) постоянно наносятся сюда морские туманы, которые по низменности положения, открытого на Ю.В., делают долину мрачною и непривлекательною. По всем этим соображениям я считаю долину *Сяу-Ундзми* мало удобною для поселения крестьян. Китайцев тоже здесь по *Сяу-Ундзми* поселилось немного и только в одной фанзе (не далее 1 версты влево от брода чрез *Сяу-Ундзми*); есть еще одна приморская фанза на устье, которую мы видели только издали. В обход низменностей самого устья долины *Сяу-Ундзми* тропа идет чрез низенький увал прямо к песчаной долине устья р. *Та-Ундзми*. Обе речки *Сяу-* и *Та-Ундзми* впадают в залив *Восток* отдельными устьями, одна с востока, другая с С.З. и расстояние между их устьями не более 3 вер. От брода чрез *Сяу-Ундзми* до брода чрез *Та-Ундзми* у 1-й фанзы расстояние 20 верст.

Перед бродом чрез *Та-Ундзми* мы перешли вброд широкий, глухой залив этой реки. Долина ее не шире долины *Сяу-Ундзми*, но положением выше, защищена от морских туманов, преимущественно направляющихся с востока, почва ее богаче черноземом, оттого здесь больше китайских земледельческих поселений (около 10 фанз). В фанзе у брода живут довольно зажиточно. Много быков и коней; хлеба и овощей засеяно и возшло довольно; есть запасы хлеба. В 6 вер. выше по пути, вверх по *Та-Ундзми*, еще 2 фанзы победнее, остальные фанзы в стороне от нашего пути. Дальше путь лежит все лесными местами, причем лес густой, смешанный лиственных пород, годный на строение, на поделки и для

промыслов; подъем в горы не крутой, разве только в самой вершине, с которой и спуск довольно крут. С горы открывается великолепный вид на Сучанскую долину, причем видны и очень удаленные горы, напр. к вершинам р. Янгбазго, а вблизи влеве самая высокая гора пройденного нами хребта, отделяющего систему Та-Ундзми от Сучанской. Спустившись с горы в узкие лощины притоков Хомяхы-эдза, мы нашли очень мокрые болотные луговые пространства, а в горах везде такой же густой, смешанный лиственных пород лес. Дальше долина становится шире, а влеве видны на далекое расстояние низкие и плоские возвышенности, далеко залегающие на север и С.З., принадлежащие к Сучанской системе.

Несмотря на стоявшее в мае и начале июня сухое и днем жаркое время и отсутствие дождей нужно было обойти низменную котловину Хомяхы-эдза близь самой горы, а потом по тропе, идущей по самому склону горы, с которой мы спустились уже прямо в долину Сучана, оставляя влеве р. Хамихы-эдза. В долине видно с горы бесчисленное множество разбросанных живописно фанз и русское поселение, приятно оживившее наши глаза, привыкшие на предыдущем пути видеть одну пустыню и одинокие фанзы. Китайское поселение в этом месте носит название Хомихы-эдза по имени речки, впадающей в этом месте в Сучан, и Эхдохы-эдза называется поселение близь русского селения расположенное.

На Сучане поселены 5 семейств из бывших ссыльнокаторжных, окончив 3-летний срок обязательных работ и поселившихся осенью 1864 года на левом берегу Сучана в 5 избах, в слободе, названной Александровскою, и отдельно от них на 1¹/₂ вер. выше на том же берегу в заливе Сучана 5 крестьянских семейств из Вятской губернии, прибывших сюда в августе 1865 г. и поселившихся в 1 избе и 4 землянках, будущей слободе Владимирской. И поселенцы, и крестьяне доставлены сюда на военных судах на счет казны, и им дан казенный паек: на 1 год крестьянам, получавшим 2 года на Амуре казенный паек, и на 2 года поселенцам из ссыльнокаторжных, и кроме того тем и другим отпущены от казны семена ярицы; семена эти все оказались невсхожими; но несмотря на то, некоторые из крестьян и поселенцев не осмелились не сеять их, и, разумеется, ничего не возшло. Немногие из крестьян и поселенцев, более догадливые и смелые, выменяли у китайцев невсхожие семена ярицы, ими полученные из казны, полностью на китайские семена хлебов и огородных овощей. Семена ярицы нужны китайцам для выгонки водки, которую они обыкновенно перегоняют из Кауля (*Sorghum mandshurica*) и разных видов проса. Всход из китайских семян в начале июня появился удачный и густой, хотя сеяли поздно – именно в начале мая те из крестьян и поселенцев, которые меняли оставшаяся семена ярицы на китайские семена с разрешения начальства, бывшего здесь в апреле этого года и те, которые для приобретения семян от китайцев, за посевом казенных семян ярицы, должны были работать китайцам как помогая им в распашке их пашень, так и продавая им за их семена вятский щепной лесной товар: чашки, ведра и т. п. Русские возделывали земли свои под сплошной посев по русской привычке сохою, хотя более опытные старожилы китайцы советовали им, подражая китайцам, возделывать пашни бороздами, так как при этом способе урожая китайских хлебов, как ими опытом дознано, дает более обильные урожаи, хотя у себя дома китайцы делают и сплошные разработки пашень на способных к тому местах. Но русские, имея у себя только сохи и очень немногие американские плуги, не могли воспользоваться этим советом. Все всходы русских на новой непаханной

прежде земле были вскоре заглушены обильно проявившеюся травой, которую самые усердные только успевали полоть вовремя и потому могли надеяться собрать хлеб, хотя урожай его не мог уже быть так обилен, как следовало бы ожидать от девственной почвы.

Климатические условия здесь лучше, нежели во Владивостоке, и ближе подходят к условиям Посъета, с которыми бухта *Находка* лежит почти на одной широте с разницею в несколько минут. В Находке бухта замерзает окончательно около 25 декабря и расходится снова в начале, или около половины февраля. По словам китайцев, лед держится в Находке от 1¹/₂ до 2 лунных месяца и имеет толщину 3–5 вершков.

Залив Америка замерзает только на несколько дней, потом снова распускается, никогда не имея толстой и плотной коры льда, а только тонкие ледяные пленки. Залив Америка, наравне с заливом Посъета, можно считать открытыми, для навигации круглый год, так как хотя стоянка для судов в заливе Америка и неудобна, по причине его открытого положения, но судну не будет стоить большого труда прорубить для себя полосу тонкого льда в Находке для удобной стоянки и довольно, по отзыву опытного морского капитана, 2 человек для поддержания в порядке этой узкой полосы воды среди льда, на которое время замерзания в бухте.

Снегу в Находке и на устье Сучана, по словам русских, в последнюю зиму (1865 г.) было совсем мало и, по отзывам китайцев, здесь вообще зимы бывают малоснежные, и санного пути они вовсе не знают. Сучан замерз на устье 23 ноября (1865 г.) и разошелся 27 февраля; вообще, по словам китайцев, река стоит под льдом около 3 лунных месяцев, иногда расходясь среди зимы во время оттепелей, вследствие сильных морских ветров. Март обыкновенно бывает настолько теплый, что во второй половине китайцы уже пахут и к концу иные сеют уже пшеницу, хотя часто и продолжительно висят во всей долине густые морские туманы, продолжающиеся и в апреле, мае и июне, но постепенно все менее продолжительные; в иные года круглый год за весьма малыми исключениями, морские туманы по утрам не прекращаются; в другие же года июнь, июль, и август отличаются от других месяцев ясными, теплыми, безросными утрами с весьма редкими непродолжительно туманными днями. В этом году (1866 г.) июнь и август были очень хороши и теплы, а июль, в особенности в начале, стоял туманный и дождливый. Как важно для китайцев состояние погоды во время уборки хлеба, можно судить по тому, что нам довелось видеть в конце июля в ночь новолуния в китайской фанзе общую молитву всех манз, обращенную в заунывной песне к Верховному Существо о том, чтобы на Сучане не было дождей; запевало, совершенно трезвый, увлекался усердием до того, что с ним неоднократно была истерика, а остальные участвовали в молитве молча, изредка произнося отрывочный фразы, в том числе и счет лет своей жизни. Вся сцена происходила при свете 2 толстых восковых свечей.

Сучанская долина. Спускаясь с горы в Сучанскую долину по пути из Владивостока, глаз в первый раз отдыхает, видя вместо пустыни местность заселенную, хотя эти заселения далеко не густы и только напоминают, но вовсе не похожи на русские поселения. Приток Сучана, по которому проложена мандзами тропа от р. Та-Ундзми, называется Хонмихы-эдза и собрание фанз в этом месте долины носит то же название; кроме того некоторые фанзы называют Эхдохы-эдза и др. именами.

Долина Сучана от устья в нее р. Хонмихы-эдза до устья р. Сучан в море имеет ширины около 4-5 верст и довольно низменное положение. Чем ближе к устью, тем фанзы реже, а на самом устье и морское побережье вправо составляет песчаную безлесную косу с высокою травой в нескольких саженях от моря. Много озер, заливов и протоков, иногда глухих. Горы на обоих берегах устья р. Сучан либо совершенно обнажены от леса и состоят из так называемых гольцов – скалистых горных крутизн и плато, с каменистым или щебневыми скатами, поросшими густою, либо очень мелкою травой. Вообще устье Сучана не представляет ничего привлекательного ни в отношении земледельческом, ни в лесном, и я полагаю, это ниже деревни русской до берегов моря для колонизации неудобным. Надо заметить, что здесь весною подолгу стоят густые морские туманы, почему пшеницу здесь сеют очень мало. Впрочем китайцы говорят, что морской туман вредит сильно, когда стелется очень низко по земле, что бывает нечасто.

На самых морских берегах по всему заливу *Америка*, гавани *Находка* и острову *Облизина* разбросаны немногие фанзы и шалаши летние промышленников морской капусты. В *Находке*, кроме того, в одной фанзе вываривают соль из морской воды и ловят много селетки, которая здесь водится в изобилии. Горы по всем прибрежным местам залива Америки и бухты Находки также малолесны. Единственная порода, годная на поделки, – дуб, встречается здесь мелкими и невысокими деревьями, годными лишь на неважные поделки. Такового леса здесь было нарублено с помощью привезенных из Шанхая кули 300–400 штук, но лес засеквестрован и теперь гниет на берегу. Кроме дуба, можно встретить черную березу, очень редко другие породы, которые попадают только на противоположных морю скатах хребта.

Русские здесь поселены в 9 вер. от устья Сучана на левом его берегу в 1865 году в августе несколькими семействами крестьян с амурских низовьев из Жеребцовского селения и несколько семейств, окончивших срок работ, ссыльно-поселенцев в 1½ вер. одни от других; по случаю холодной весны года; посев хлеба у русских крестьян и поселенцев позднее обыкновенного; в другие года сеют в начале апреля, даже в конце марта, если погода благоприятствует. Русских же замедлило в посеве хлебов ещё то обстоятельство, что семена ярицы у них были невсхожие, и не было на что купить рабочих привычных к пашне быков. Надо было заработкою китайцам выпросить у них рабочих быков и семена их хлебов для посева, что потребовало около месяца времени, в течение которого русские были батраками китайцев. Вятские крестьяне продавали им деревянные изделия: шайки, чашки, ведра и т. п., меняя их на семена и в зачет платы за рабочий скот, и, по новости для китайцев этого промысла, мена эта шла весьма выгодно для русских. Только к половине мая русские окончили свои посевы хлебов и при этом могли только один раз вспахать новую пашню, чего очень недостаточно при сплошном посеве, а нужно вспахать по крайней мере 3 раза. Китайцы при посеве бороздами вспахивают 3 раза, при чем все-таки они впоследствии часто выпалывают появляющиеся между всходом хлеба густые всходы травы. У русских же, вследствие недостаточной обработки земли, трава взошла слишком густо, местами у крестьян и даже у большей части прибывших сюда; годом раньше поселенцев доставало средств выполоть траву, отчего хлеб сильно пострадал. Только у немногих из заботливых поселенцев всход, особенно гречиха, густой и обещает обильный урожай, там где они 2 раза вспахали, хорошо проборонили и

постоянно и усердно пололи траву. Огороды у русских везде хороши. Уродилось много огурцов, картофеля, в конце июля уже поспевшего, довольно репы из вятских семян; не поспели только еще капуста, тыквы, бобы, арбузы; не удался также горох из вятских семян, где не успели вовремя полоть. Но у одного китайца, из тех же вятских семян гороха, всход оказался отличный и скоро поспеет, хотя и сеян поздно. Из семян, данных для пробного посева и взятых из Хабаровки в этом году, хорошо взошли ярица, ячмень, овес, гречиха, а не взошли лен, конопля; лен же вятский, морковь и свекла взошли хорошо и уже поспевают к началу августа.

У китайцев в дер. Хонмихэ-эдза взошли хорошо в этом году пшеница, ячмень, кауля, кукуруза, масляные растения, табак, разные проса, чидза и все огородные овощи, за исключением огурцов, саженных немного поздно. Капуста не у всех хороша, у многих и не сеяна, а зато сеяно взошло много салату (сиен-цай) и маку, разводимого для опиума (та-янь), до которого здесь есть довольно много страстных охотников. Вино простое (сяу-дзю) гонят чуть ли не в каждой фанзе, а во многих местах есть настоящие заводы, где гонят вино из кауля, проса и русской ярицы невсхожей и вымененной у русских на свои семена. Водку гонят тоже горячим путем, заквасивши хлеб, помещенный в ящик, из которого выдавливают настой голыми ногами. Пьют же китайцы вино всегда горячее или сильно подогретое.

От русских селений выше по Сучану по обоим берегам реки идут места, весьма удобные для заселений, что доказывается существующими здесь цветущими поселениями мандз на устье р. Хоанго, в дер. Сучанхоуза, растянутой почти на 10 верст, и в поселении Хомяхоуза на обоих берегах Сучана. Несколько ниже устья р. Хомяго от Сучана отделилась протока, идущая вдоль гор правого берега извилистым руслом и принимающая в себя незначительные правые притоки. Пониже устья р. Хоанго до утеса Инздаладза место понижнее и помокрее, а утесы подходят к самой реке и его обходят тропой по обходным падам гор, в одном месте крутым и каменистым. Разумеется, и здесь в долине не без низменностей и топей (только после больших дождей), а ближние горы и здесь либо голы и каменисты, либо поросли плохим дубовым и черноберезовым лесом. Но и низменности здесь, как в местности населенной и по которой существует почти постоянное сообщение, скоро просыхают, а в хорошую погоду и совершенно незаметны, а лес для постройки и поделок везде можно достать хотя он не в близком расстоянии и вывозка его довольно трудна.

Почти в каждой фанзе есть дрова ореховые, очень уважаемые китайцами, ясневые, кленовые, ильмовые и дубовые – есть столы из кедровых досок, корыта – и дупловатые толстые стволы еловые, пихтовые и тополевые, вывозимые ими из гор за 5 до 15 верст. Вывозка из гор всего лучше производится в январе и феврале, когда промерзают все проталины и мокрые низменности и не очень быстрые речки, а быстрые горные потоки здесь всю зиму не промерзают. Зима здесь мало снежная, и осенью и в начале зимы пути очень дурны. Санная езда почти невозможна. Также хороши места и до деревни китайцев Пынг-Шао, за исключением только одного узкого места, где Сучан бежит в ущелье, сжатый очень близко горами с обеих сторон. Это место несколько выше развалин города и укреплений, находящихся в 7 верстах выше китайской деревни Хомяхоуза. Эти щеки обходятся тропой горами, изобилующими известняком и довольно порядочным лесом лиственных пород, в особенности лучших пород, но не посредственным берегам речек, притоков Сучана слева, которых в этом коротком расстоянии

(7 в.) мы насчитали три. По спуске в долину Сучана начинается деревня Пьинг-Сао (Шаи), состоящая из 15 фанз, с хорошими огородами и пашнями; живут здесь зажиточно, по китайским привычкам, и имеют хорошие запасы хлеба. Здесь в иных фанзах и большие посевы мака и гречихи, но пшеницы сняли мало, хотя причины тому, по малому знанию языка, мы от них добиться не могли.

Расстояние от русского селения до дер. Хомяхоуза, я полагаю, примерно в 22 версты и отсюда до фанзы Пьинг-Шао, предпоследней от брода, 23 вер. По измерению цепью расстояние оказалось – первое в 20 вер., второе в 22 вер., а всего 42 версты.

От китайских дер. Пьинг-Сао Сучан поворачивает круто на В.С.В., а в него впадают в близком расстоянии один от другого 3 притока: два с правой стороны; а) Сича, или Сицаэ и б) Сяу-Туондогу, и один слева, которого устье между обоими последними, Пьинг-Сао.

По главному источнику Сучана мы сделали около 30 вер. пути, по которому теперь производится измерение цепью и инструментальная съемка. Места на этом пространстве все удобны для поселений и в настоящее время заселены богато живущими мандзами, впрочем не густо. Фанзы дер. Пьинг-Сао продолжают еще 1½ вер. от той фанзы, которую выше я назвал предпоследнею от брода через Сучан. Потом вер. в 2½ от крайней фанзы дер. Пьинг-Сао есть еще фанза и вер. 4 от последней еще несколько больших фанз, называемых Кандидаде. Отсюда вер. в 5-ти расположены 3 фанзы Талень-хоуза и еще далее в 4 вер. одинокая фанза Хонмихы-эдза. В Сучан впадают в этом месте справа речки Кандидаде и Талень-хоуза, а слева Пичадза и Сянь-догу. Долина все время широка, высока положением и суха; Сучан подходит почти вплоть к горам правого берега, спускающимся над самую рекою крутообрывистым утесом, хотя горы эти не высоки и за утесом такие же, как и везде по Сучану, пологие скаты, покрытые в том месте смешанным лиственным лесом, чем выше по реке, тем гуще. Горы левого берега напротив опускаются в долину очень пологими террасами, удобными для пашень, тем более, что они не покрыты лесом вер. на 3 в ширину, малокаменисты и поросли хорошими травами. Таков же и дальнейший путь от фанзы Хонмихы-эдза еще на 7 вер., но тут при броде через приток Сучана слева р. Эхдогу долина сузилась и стала низменнее и густо заросла от горы до горы смешанным лиственным лесом, за исключением только небольших чисто болотных пространств. Лес этот очень хорошего качества и годится на строение и поделки и доставит при малолесности этой местности хороший запас строевого поделочного и дровяного материала для будущих поселенцев этой местности, для которых вывозка его будет близка и удобна, между тем как для местной администрации лес этот при недостатке населения не имеет никакой важности. После брода через Эхдогу тянется еще высокая луговая долина вер. на 5; а там Сучанская главная падь разделяется надвое и южная из них, носящая название Та-Туодогу, составляет главный источник, по которому китайцами проложен путь на Уляхы, один из источников Уссури (Саньдогу). С этого пути есть недалеко от перевала через большой главный хребет Сихотэ поворот к верховьям Даубиху, которая только здесь берет свое начало из горных потоков, направляясь течением отсюда на запад вдоль хребта Сихотэ. Отсюда, китайцы сказывают, от 3 до 5 дней ходу до перевала хребта Сихотэ. По русскими сведениям, это расстояние не больше 60 вер., а в 5 вер. от брода чрез Эхдогу начинаются леса, и чем ближе к хребту, тем более

хвойного леса и вместе валежника и болот, затрудняющих путь, так что иногда приходится его предварительно прорубать топорами, вследствие завалин.

На всем этом пути есть только одна фанза в 25 вер. от брода, называемая Та-лин-го, где живут зверопромышленники и искатели женшеневого корня, и еще есть несколько шалашей и часовень китайских.

Мы прошли от брода через Эхдогу еще 5 вер. по правой пади Сучанского притока Эхдогу, по которому проложен путь во Владивосток, в направлении к речке Судзахы, впадающей в океан в 14 милях восточнее Сучана. На Эндогу в лесу стоит одинокая фанза, в которой мандзы занимаются кроме огородов и пашнею, и у них хорошие всходы проса, каули, кукурузы и гречихи.

Долина речки Ся-Туодогу широка только в устье, где она сливается с долиною Сучана, и дальше имеет ширины не более 1 версты, а еще выше имеет совершенно вид узкой лощины, сплошь заросшей густым лесом. Всего расстояния от предпоследней за бродом фанзы Пьингсао до креста, водруженного на перевале хребта Сихотэ, по пути к долине Даубиху 34 вер. На этом пути фанз мало, хотя в них мандзы живут зажиточно, в особенности в предпоследней, не доходя хребта (названия особого не имеет, но называют его по речке Сяу-Туодогу). Самая последняя фанза обитаема стариками искателями женшеневого корня и при ней очень маленький огород, а хлеб им дает хозяин, живущий в богатой фанзе.

Места здесь также удобны для поселений, как и по Сучану, но так как в долине Сяу-Туодогу великолепный поделочный лес, частью корабельный материал – дубовый и хороший крупный строевой хвойных пород (кедра, ели, пихты), а потому здешние поселенцы будут иметь преимущество заняться и лесным промыслом, кроме земледелия и огородничества.

Лес здесь богат разнообразием форм и пород, из которых почти каждая имеет своих представителей, кроме лиственницы, сосны, осины и немногих других; также найдено много разных видов клена, ясны, ореха, ильма, тисового дерева, известного китайцам, употребляющих его на поделки. Виноград, максимовичия, целастр обвивают по несколько стволов больших деревьев и много украшают наружный вид леса, но беда тому, кто попадет в чащу этих выющихся кустов, из которой с трудом и опасностью можно выбраться при больших усилиях. Мне случилось видеть в одной фанзе виноградную веревку саж. в 5 длины, тонкую и ровную, примененную к делу очень целесообразно. От Пьингсао 1 фанза, Сяу-Туодогу, – в 6 вер.; 2-я – в 14 вер., 3-я, самая богатая – в 18 ¹/₂ вер.; 4-я, самая бедная, в лесу – в 24 вер., и отсюда до креста на перевале 10 вер.

В горах только близ устья до 2-й фанзы нет хороших пород лесу, а близ 3-й фанзы и в горах много хорошего, который чем дальше в хребты, тем гуще и крупнее. В самых хребтах есть исполины в 2 и даже 3 обхвата.

Долина речки Сича, или Сицаэ по другому выговору, прежде ошибочно названа была на карте Саньдогу; она немного шире долины р. Сяу-Туодогу, имеет в ширину около 1 ¹/₂ вер. и состоит из таких же удобных непоемных луговых пространств, заросших густою, высокою и хорошею травою. Верстах в 12 от предпоследней за бродом фанзы Пьингсао по р. Сича 2 фанзы с хорошим хозяйством и зажиточно живущими жителями. От этой фанзы, называемой – Та-Йих-го, кроме дороги вверх по речке, есть еще две торные китайские тропы, по которым часто имеют сообщение мандзы верхами и обовьюченными конями и быками. Одна ведет на Сяу-Туодогу к фанзе, названной нами 2-ю, и расстояние до нее

около 5 верст, через невысокий и некрутой безлесный и малокаменистый увал гор. На этих горах очень удобно держать стада овец, тем более, что и трава на горах местами есть невысокая. Другая дорога ведет мимо Пынгсао к устью Сучана через р. Хомяга; последняя направляется вниз по Сича (5¹/₂ вер.), потом одна тропа идет далее вниз к Пынгсао к другому броду через Сучан, а другая вверх по притоку Сича поднимается на невысокий, покрытый редким дубовым леском, увал (3 вер.) и спускается узенькою падью с таким же редколесьем в долину Хомяго, совершенно похожую на долину Сича, и тоже поступающую в нарезку для удела. По Хомяго 2 фанзы, тоже довольно богатые: 1-я в 9¹/₂ в. от перевала и 2-я в 4 вер. от 1-й, а от последней 5 вер. до китайской деревни Хомяхоуза, расположенной у устья Хомяго в Сучан и состоящей из 15 большею частью очень богатых фанз. В одной из этих фанз, как местную редкость, я видел пару ослов, самца и самку, приведенных хозяином из манджурского города Нингута. По Хомяго есть лес, годный на поделку и постройку, в надречной полосе, но по горам растет дубняк и черная береза редкого насаждения. Места здесь высоки и сухи, но черноземом не так богаты, как другие местности Сучанской долины, и притом довольно каменистые.

От фанзы Та-Йих-го идет дорога вверх по речке, по которой производится мандзами частое сообщение с речкою Цымухэ, а оттуда с Владивостоком, Посьетом, Хуньчуном и Нингутаю. От этой дороги вправо, в 3-х вер. от фанзы Та-Йих-го, идет еще тропа, вверх по р. Хомихы-эдза, по которой тоже есть удобные местности и для заселений весьма хорошие на расстоянии по крайней мере 20 вер., а в горах и в надречной полосе – годный для постройки и на поделку лиственный и частью хвойный лес. Еще выше – густые леса хвойно-лиственные, из которых будущие поселенцы могут промыслять лесом. Эту местность по притоку Сича Хомихы-эдза тоже предполагается включить в нарезку для удела. От поворота дороги на Хомихы-эдза еще 2 вер. пути по долине, далее же Сича протекает в ущелье между крутых гор, заросших довольно густо лесом смешанным лиственно-хвойным поделочным, дровяным и строевым. Лощина местами имеет ширины не боле 50 саж., и горы спускаются к речке отвесными каменистыми крутизнами. Вся длина этого ущелья 5 вер. Выше опять великолепные высокие, сухие непоемные луговые места, удобные для распашки, а на хребет Сихотэ, уже довольно близкий, открывается великолепный вид, хотя высоты его здесь не очень значительны, но все же резко отличаются от небольших хребтов, разделяющих между собою притоки Сучана. От кумирни, при выходе из ущелья через 4 вер. пути луговою долиною, есть другая кумирня.

При броде через реку луговые места скоро прекращаются и начинается полоса лесов очень густых на протяжении около 25 верст. Леса эти состоят из всех свойственных южному краю пород и изобилуют поделочным, строевым и корабельным материалом. Полезно бы удостовериться, возможен ли сплав этих лесов по Цымухэ, по крайней мере вер. на 20 от устья. Если бы сплав оказался возможным, то леса эти были бы неисчерпаемым запасом, которым обеспечивались бы надобности южных портов и послужили бы источником благосостояния для будущих поселенцев этой местности. Здесь мы видели совершенно свежий след огромного тигра; судя по следу, он должен быть необыкновенной величины; мы долго шли по его следам и потеряли только подходя к жилью. Лесные завалины,

чащи, в особенности вьющиеся растения, заставляют и угрюмого отшельника тигра выбирать проторенную дорогу для своих путешествий.

От последней кумирни, у брода через реку, до кумирни, на перевале хребта, расстояние 6 вер., а всего от фанзы Та-Йих-го 18 вер.; как подъем на хребет этим путем, так и спуск с него здесь самые удобные; русскими положена частая затесь на деревьях и путь очень торный.

Река Цымухэ от верховьев до устья. Источник р. Цымухэ, на которой мы вышли из верховьев р. Сича, притока Сучанской системы, носит название Хомихэдза. Узкая лощина, в которой он протекает, вся заросла густым смешанным лиственным и хвойным лесом; такой же лес расгет и на соседних горах. Здесь встречаются почти все свойственный этой полосе древесный породы крупных размеров и большею частью хорошего качества. До самой фанзы все идет густой лес, только приближаясь к фанзе, хвойные породы начинают уступать преобладанию лиственных. От пожаров мандзами лес становится постепенно реже и под тенью его растет густая хорошая трава, почва земли суглинисто черноземная, плодородная, дающая обильные урожаи во всех встречаемых на пути фанзах. От перевала хребта до 1-й фанзы – 17 вер., от 1-й до 2-й – 7 вер. и от 2-й до 3-й тоже около 7, а за последней еще две фанзы – одна в 1¹/₂ в., а другая в 1 вер. от последней. На всем этом пространстве неудобное место только одно, именно: под утесом между руслами речек Тунгананча и Хомихэдза – низменное болото, которое впрочем очень легко можно сделать удобным, если только прорыть каналы от этого места (средины утеса) к обоим речкам, соображаясь с направлением естественного ската, тогда небольшое болото это скоро осушится.

Дальше начинается почти сплошное болото в долине Цумухе, так как спуски с обеих сторон очень круты, утесисты, протяжением на 11 вер. до фанзы Чинза, на устье р. Кангоуза, впадающей в Цымухэ слева. Осушить это огромное болото, по которому мы с трудом прошли, несмотря на бездождие и стоявшую все время ясную и сухую погоду, хотя и возможно, но очень трудно, ибо рытье канав по всему этому месту потребует много рук и больших издержек. Поселений мандз на этом месте тоже нет, хотя проложена по нем торная тележная тропа, по которой ездят в верхние фанзы. На половине пути сохранились остатки вала бывшего когда-то здесь укрепленного места манчжурского или древнего города. На горах левого берега продолжается все хороший густой лес до самой фанзы Чинза, а на горах правого берега лес реже, преимущественно дубовый и черноперегородный с редкою примесью других пород, а хвойных деревьев на горах правого берега, ниже фанз, расположенных повыше болота, вовсе не видно; на правых горах попадаются местами и гольцы, совершенно обнаженные от леса. От фанзы Чинза вниз до русского селения близ устья, о котором говорено уже выше, расстояние 12 вер. Места здесь также удобны для заселений, как и те, которые находятся выше большого болота. Но здесь существует густое население мандз, которое непременно следовало бы вытеснить с этих роскошных мест. Но по ратифицированному в Тянь-дзине в 1860 году договору с Китайской империей Россия обязалась оставить китайские поселения, ныне существующие, на прежних местах. Эти 12 вер. пространства от русского селения до фанзы Чинза принадлежат почти к лучшим местам в целом крае по богатству земли, близости к морю и изобилию в лесе.

Кроме заселения этой местности русскими поселениями хорошо было бы отдавать некоторые места в арендное содержание под устройство ферм людям, имеющим капиталы и могущим своим образцовым хозяйством иметь благотворительное влияние на русских крестьян. Совместное жительство больших поселений русских и китайских едва ли когда либо окажется возможными. Оба народа имеют слишком различные привычки, обусловленные совершенно несходным развитием и бытом, чтобы они могли ужиться.

Однакож, сказать по справедливости, мандзы – народ обходительный и добрый, снабжают охотно русских семенами хлебными и огородными, ведут с ними хлеб-соль, при чем в барыше остаются всегда русские, так как их главную пищу черный хлеб китайцы редко едят и очень мало, а русские охотно привыкают к здешней туземной пище китайцев. У последних русские достают лошадей и быков и притом по довольно сходной цене, или же приходится оплачивать за быка работою, как большею частию и бывает на деле, за неимением у русских серебра. На серебро же цены скота высоки на Цымухэ и на Сучане, именно: за быка рабочего 30 и 40 сер. руб., за корову, 15 и 20 и за нерабочего быка тоже, за коня и кобылу 25, 30 сер. руб. и дороже.

При сношениях между русскими и китайцами по причине отсутствия всякого начальства на местах, кроме старших рядовых нижних чинов на 2 постах в Находке и Цымухэ, часто выходят неприятные столкновения. У мандз есть тайя (старшины), которым повинуются мандзы из десяти и более фанз (иногда несколько сот человек). Русские поселенцы из бывших ссыльных отличаются воровством, пьянством, буйством и вообще безнравственностью, но по жалобам обиженных мандз суда и наказания еще не было примеров, что вредным образом действует на китайцев и увлекает и их к самоуправству. Дерзкие же выходки китайцев были несколько раз строго наказываемы, что подействовало на всех внушительно, запугало вольнолюбивых мандз, но справедливее было бы, если б для русских и мандз был одинаково беспристрастный суд, каковой, вероятно, со временем и будет введен. Китайцы не огораживают своих хлебов, русские же начинают городить, что китайцам не нравится. Споры о потравах до сих пор кончались ничем со стороны истцов китайцев, но следовало бы установить обоюдно меру справедливого вознаграждения. Я убежден, что кончится дело со временем все-таки тем, что китайцы уйдут от русских на другие места, тем более, что им нужно так мало земли; около 50 мандз прокармливаются с каких-нибудь 5 десятин.

Новый же приток поселенцев мандз из пределов Манчжурии, я полагаю, следует остановить, так как к этому мы по договору не обязывались, а у мандз есть привычка занимать все лучшие места, которые пригодятся русским.

Существующие на Сучане и Цымухэ поселения китайцев принесут несомненную пользу имеющим прибыть туда поселенцам Удельного ведомства и исчезнут с тех мест сами собою к тому времени, когда русские увеличатся в числе и составят значительные селения. Мандзы и теперь мне уже заявляли свою готовность платить подать за свою распаханную землю, наравне с русскими. Без расстройств их хозяйства, в случае надобности, можно брать с них оброк хлебом, семенами и натуральными повинностями, распределяемыми между ними через их Тай-я (старшин).

XVII ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ
ПОСЕЛЕНИЙ, ПО ПУТИ ОТ ДЕР. ЦИМУХЭ У БЕРЕГОВ
ВОСТОЧНОГО ОКЕАНА, ПО РЕЧКАМ: ЦИМУ, МАЭ, ЛЕФУ, ПИЧА,
МО, ЛЕФАНЧИ И ВОКРУГ ОЗЕРА ХАНКА
ДО СУНГАЧАНСКОГО ПОСТА № 3

От дер. Цимухэ, в которой мы ночевали, наш путь направился вверх по р. Циму, с целью достигнуть хребта Сихотэ и, перевалив его, спуститься в долину р. Лефу. Из дер. Цимухэ мы отправились в путь 4 октября, пройдя от р. Сучан до дер. Цимухэ 134 вер. в 7 дней. По р. Циму самые богатые поселения из всех китайских поселений, доселе мною виденных, кроме разве поселений по р. Сучан, и везде здесь красивые фанзы. Земля в луговой долине р. Циму весьма плодородная, места высоки и безопасны от наводнений, лес строевой в горах находится в изобилии. Пройдя долиною несколько верст, мы повернули по дороге в гору, в обход протоки р. Циму, бегущей впереди под самым утесом хребта, а протока эта, по словам жителей, в ту пору была глубокая и на ней лодки для перевоза нет. На горе путь шел крутыми, обрывистыми и весьма каменистыми местами. Снова спустившись в долину, мы шли все мимо богатых фанз с плодоносными и довольно густо населенными землями, состоящими сперва из обширных луговых пространств, но чем далее, тем долина постепенно суживалась. Миновав 12 фанз, мы пришли к перевозу через р. Циму, где нас в челноке мандза перевез по одному по страшной быстрине, ловко управляя лодочкой, упираясь в дно речное длинным шестом.

За рекою на самом берегу, стоят две богатые фанзы, а через $\frac{1}{2}$ вер. третья победнее; земля здесь весьма богата черноземом: урожаи хлебов и овощей были превосходные. На горах растет смешанный лес довольно редкого насаждения; но выше по горам виднеются изредка пихтовые и еловые деревья строевых размеров. Немного не доходя этой третьей фанзы, дорога повернула влево в гору, которая, как и все горы правого берега р. Циму, обнаженная скала с редким более кустарным местами лесом; дальше мы шли такими же горами ввиду глубокой пади притока р. Циму, а потом перевалили через хребет высокий, скалистый и крутой, и спустились в долину притока, принадлежащего уже к системе р. Фульдзя, впадающей в море близ самого перешейка полуострова Муравьев-Амурский. Здесь по притоку р. Фульдзя дорога идет вер. на 6 вниз по воде и почти столько же опять вверх по воде, мимо гор с смешанным лиственным лесом редкого насаждения. Уже приближаясь к пункту раздела вод, мы увидели примесь не крупного хвойного, преимущественно пихтового, строевого леса.

Поднявшись на крутой перевал, мы спустились с него в долину притока р. Маэ, впадающей в р. Фульдзя, впрочем, на довольно далеком от нашего пути

расстоянии. Тут опять начались мокрые луга со стоячею на них по колена водою, уже начинавшею замерзать по утрам. Спустившись к главному руслу р. Маэ, мы пришли к броду через нее, но, по причине многоводия, он в то время оказался для нас невозможным, а лодки близко тоже не было; поэтому, предполагая близко от реки существование поселений, мы подавали от времени до времени голос, делали выстрелы из револьвера, но не могли дожидаться китайцев; тогда, найдя по реке узкое место, мы свалили огромное ильмовое дерево на нашем берегу и по нему перебрались на другой берег.

От первой фанзы дер. Цимухэ до фанзы Маэхы расстояние составляет 30 вер.

Горы по этой системе вод тоже поросли смешанным лиственным лесом, а в местах подалее от главного русла смешанным лиственно-хвойным, довольно крупным поделочным, строевым и дровяным. К фанзе этой, с обильным и хорошим хозяйством, плодородною землею и хозяевами отличными охотниками на дичь и пушного зверя, сходятся четыре разные дороги: 1-я – которою мы пришли, 2-я – по которой лежал наш путь, т.е. на р. Лефу; 3-я ведет в долину р. Суйфун через верховья р. Фульдзя, и 4-я – к переправе через р. Фульдзя и потом к Владивостоку. По расспросам местных жителей, я соединил эти дороги на своей карте с теми, которые замечены и нанесены были мною в экспедицию 1860 года. Мы пошли вверх по притоку р. Маэ, через который уже сделали один брод; выше мы перешли его вброд другой раз, и некрутыми, удобными для пути горами по торной тропе обошли скалистые утесы берегов р. Маэ; потом, выйдя на долину этой реки, шли высокими лугами вверх по ее течению. Места эти во многих отношениях удобны для русских поселений. На горах растет смешанный, лиственно-хвойный, средних размеров лес. Пройдя от фанзы 15 вер. и перейдя бродом р. Маэ, за нею мы миновали две фанзы, из которых одна сгорела в этом году, а еще через 5 вер. (здесь опять брод через р. Маэ) увидели еще фанзу, где и сделали привал на ночлег. Во всех этих фанзах мандзы живут зажиточно; все луга высоки, безопасны от наводнений, плодородны и вообще весьма удобны для русских поселений. Начиная от этого места по реке, береговая полоса леса становится постепенно шире, броды через речку и через ее притоки встречаются чаще, хотя путь все еще идет торный; тут мы кинули две дорожки: одна ведет, по рассказам жителей, к верховьям р. Лефу, другая к реке Суйфун. Через 20 вер. пути от фанзы, почти наполовину по крупному смешанному лиственно-хвойному, а иногда хвойно-лиственному лесу, наполовину лугами, или только узкими лесными прогалинами, мы достигли перевала хребта Сихотэ-Алинь, где стоят 3 китайские часовни; при этом подъем в горы был довольно слабый. Перед подъемом в гору у речки есть для путников шалаш с заготовленными дровами и отличного качества кедровым смольником совершенно розового цвета. Вверх по речке заметна гораздо большая примесь сперва кедра, а далее на самой вершине хребта пихты и ели.

За хребтом Сихотэ, пройдя названные часовни, мы увидели такую же лесную долину р. Циму, уже принадлежащей к системе р. Лефу, как и по ту сторону хребта. Идучи все лесом и не видя хорошего пастбища для лошадей, мы сделали несколько бродов через постепенно расширяющуюся и увеличивавшуюся речку Циму и ее многочисленный притоки, наконец, вышли на широкую луговую долину самой р. Лефу, текущую здесь почти по прямому направлению с севера

на юг. Только близ самой этой луговой долины р. Лефу стали показываться по долине р. Циму мягкие породы лиственного леса, как то: береза, осина, тополь, ива, липа, ольха и пр.; прежде же во весь наш путь, лес был виден крупный крепких пород с густым и разнообразным подлеском кустарных пород, а чем выше по речке, тем с большею примесью хвойных: пихты, ели, кедра, средних и иногда даже очень крупных строевых размеров.

В этом месте на р. Лефу, до которого от перевала хребта Сихотэ мы сделали 14 вер., я опять оставил 2 нижних чинов и одного коня, а сам с одним солдатом и одним конем отправился вверх по р. Лефу на 35 вер., пока опять не достиг перевала через тот же хребет Сихотэ, если не ошибаюсь, то в том именно месте, где с противоположной стороны хребта находятся истоки р. Циму, впадающей в Уссурийский залив Восточного океана; другие же истоки Лефу оставлены мною в стороне и расходятся с одной стороны к пройденному мною пути по рекам Циму и Маэ, с другой же стороны к системе реки Дауби, где хребет Сихотэ особенно высок и величествен. Здесь по пути встречаются все леса первобытные, состоящие из весьма разнообразной смеси хвойных и лиственных пород, но с заметным преобладанием первых над последними. Издали мне видны были, единичные и небольшими островками, сосновые большемерные деревья, подобные виденным мною в экспедицию 1860 года в среднем течении р. Лефу, а также по дороге от р. Лефу к р. Дауби. Чем ближе мы подвигались к водораздельной линии хребта Сихотэ, тем лес становился крупнее, гуще, изобильнее валежником, и тем труднее становился наш путь.

Без проложенной тропы ходить по этим хребтам, если не опасно для близко знакомого с походами по лесу, то по крайней мере очень затруднительно. В два дня я успел достигнуть перевала и вернуться к месту на устье р. Циму в р. Лефу, где ожидали меня оставленные там мною люди. Через 3¹/₂ вер. отсюда, идучи вниз по р. Лефу, мы достигли первой фанзы деревни, называемой Та-Лефан-хоуза, и дальше шли все чистыми лугами мимо других фанз той же деревни. Луга здесь высоки и удобны для поселений, но в этом году в них большею частью везде стояла вода, а в низменных котловинах образовались лужи и даже озера. На горах виден смешанный лиственно-хвойный лес, и среди него нередко мелькают сосновые не крупные деревья строевых размеров. Через 10 вер. пути от первой фанзы мы достигли последней фанзы той же деревни, уже знакомой мне во время пути моего от р. Суйфун к р. Дауби. Далее мы пошли тем же левым берегом р. Лефу, по тропе, сперва той же, по которой я шел в 1860 году, а потом повернули по тропе вправо, по направлению почти на юг. Здесь мы шли горами с редким дубовым лесом, пересекли две пади малых и мелких притоков Лефу, а через 1¹/₂ вер. от последней фанзы достигли р. Сяу-Лефу (в переводе Лефу малая), оставив в правой руке от тропы разрушенную прибылою водою малую фанзу. Перейдя очень низменную и неширокую долину р. Сяу-Лефу, мы опять поднялись на горы и шли очень мокрыми местами с редким дубовым и чернопоберезовым лесом, а пройдя от брода через р. Сяу-Лефу, увидели еще две фанзы, из которых только одна жилая. Отсюда мы поднялись на довольно высокую и крутую гору, уже без тропы, которая у последней фанзы прекратилась, и, удаляя постепенно от склона хребта к р. Лефу, вышли в долину тоже знакомой уже мне по прошедшему году р. Веселой (у китайцев она называется Хо-мя-го). Тут у самой речки, в 8 верстах от последней фанзы, жили для охоты в устроенном ими шалаше

два мандзы, пришедшие сюда из-за речки и устроившие для того через нее мостик на сваях, по которому мы и перешли на ту сторону речки, а коней должны были пустить вплавь. Воды в речке в этом году было ужасно много, так что на первый раз нам трудно было узнать знакомую речку: воды против прошлогоднего прибыло по крайней мере на 1¹/₂ сажени. От этой переправы в 1860 году мы сделали до фанзы Уе-чи-динза только 8 вер., но в этом году этим прямым путем пройти оказалось совершенно невозможным, поэтому мы поднимались вверх по р. Сыдза, пока не разыскали брод через нее с ее притоками. Но здесь все-таки места неудобные и даже опасные. Главную протоку мы переплыли на плоту. Сделав большой круг для отыскания этого брода, мы прошли до фанзы Уе-чи-динза 29 вер. и употребили на этот переход, беспрестанно разыскивая брод и таская лес для плота за версту, целых три дня. Холодные ночи, при плохих здесь дровах мягких лиственных пород, которых при том здесь очень мало, показались нам тоже тяжелы. Глубина речки в главной протоке 2 саж., между тем как ту же самую речку в прошедшем году мы переходили почти на устье вброд ниже колена. Места здесь низменны и сыры не только в луговой равнине, изрезанной по всем направлениям протоками и озерами, оставшимися после большой воды, но и на пологих холмах, мало возвышающихся над ее уровнем. Безлесность и сырость этой обширной равнины, которая тянется далеко на восток и С.В., по-видимому вер. 25–30, делают ее совершенно неудобною для русских поселений.

В фанзе Уе-чи-динза жители нам сказали, что недавно русские проходили левым берегом Лефу к озеру Ханка. По словам их, пошли мы по холмистой возвышенности с частыми падами вдоль левого берега Лефу, видя действительно следы русских. 15 вер. мы шли лугами, по которым местами разбросаны куртины самого дрянного леса, а между холмами и в луговой долине все мокрые низменности; но скоро мы были остановлены широко разлившееся рекою, существования которой в прошедшем году мы даже не подозревали, а перешли ее тогда мелким бродом ниже колена, и приняли ее тогда за залив р. Лефу. Меня удивило, что русские, проходившие этим берегом р. Лефу в 1859 году, говорили, что здесь отличные высокие и сухие луга; в этом же году вся эта местность имела совершенно унылый вид, вода повсюду почти сплошь стояла в ней не ниже колена. Китайцы из недалеких фанз в то время пускали повсюду палы по лугам и лесам, на горах и в долинах с целью звериного промысла, так как после пала зверя далеко бывает видно, легче его бить и настичнуть, нежели среди высокой осенней густой травы. Эти палы тогда курились почти повсеместно и застилали дымом весь горизонт, так что иногда в нескольких шагах ничего нельзя было видеть. Вернувшись с р. Болотной опять к фанзе Уе-чи-динза, мы запаслись там провизиею, которой у нас к тому времени оставалось мало, и расспросили китайцев об обходном пути к озеру Ханка. По указанной тропе мы шли каменистыми лугами и видели только узкие полосы, либо мелкие островки редкого дубняка и черноберезника; пройдя 17 вер., достигли фанзы Ти-ко-лебэ, минуя источники р. Болотной. Еще через 23 вер. почти такого же пути с немного крупнейшим лесом мы достигли фанзы Бынг-сунг-динза (в переводе это значит сосновый дом), близ которой вер. в 5 в стороне, на горах, есть крупных и средних размеров сосновый строевой лес. Речка, протекающая близ этой фанзы, принадлежит уже к системе р. Мо, впадая в р. Пича, приток р. Мо. От фанзы Бынг-динза мы шли крутыми горами, которые несколько выше предыдущих гор и более их

лесообильны, хотя и здесь господствуют в смеси дуб и черная береза. Потом мы шли немного берегом р. Пича, текущей здесь в узкой долине между утесами, потом шли пологими скатами гор, в обход скал на берегах р. Пича; далее пересекли довольно глубокую падь притока р. Пича с правой стороны и спустились с гор по луговой уже довольно широкой долине, дошли до брода через р. Пича против фанзы Пи-чан-хоуза. Отсюда дороги идут вверх и вниз по речке, и за речкою есть тоже горная тропа. Наш путь лежит горами к р. Мо. По этой тропе мы пересекли 6 нешироких падей незначительных притоков р. Пича; в третьей и четвертой из них стоят на удобных местах с плодородною почвою фанзы, из которых последняя сгорела от пала в 1860 году. Пройдя последний увал, немного выше предыдущих, хотя также не крутой, мы спустились в широкую долину р. Мо.

На горах пройденного пути растет смешанный лиственный лес разных пород, часть которого иногда на значительном пространстве выжжена палами. На берегах речки попадаются крупные ясневые, ильмовые, кленовые и липовые деревья, кроме дуба, черной березы, осины, ивы и белой березы. Брод через р. Мо не глубокий. Он здесь не шире 12–15 саж. За рекою мы покинули торную тропу влево, ведущую, как к р. Байсы, так и к фанзам по р. Мо, но мы пошли тоже по торной тропе на северо-северо-запад, пересекли покатый невысокий хребет, отделяющий здесь низовья р. Лефанчи от долины р. Мо, и далее в верховьях притока р. Лефанчи встретили первую по этой системе фанзу. До нее будет от фанзы на р. Пича – 20 вер.

Далее тропа идет все вверх по р. Лефанчи до ее истоков и до последней четвертой по этой системе фанзы, все по правому берегу р. Лефанчи: то береговыми горами с редким дубовым и чернопереберовым или смешанным лиственным лесом, то луговою довольно высокою, но все же наводненною в этом году долиною. Места здесь все-таки можно считать довольно удобными в обыкновенные года для русских поселений, редко расположенных и немногочисленных.

За рекою, на береговых горах, виден тоже местами дубняк с чернопереберовиком, местами смешанный лиственный лес, а местами малая примесь среди него сосновых и кедровых строевых дерев средних размеров. На высоком хребте, ближе к озеру Ханка, видно гораздо более соснового и кедрового леса и даже, если не ошибаюсь по дальности расстояния, лес лиственный. От первого до четвертого дома по системе Лефанчи расстояние составляет около 30 вер.

От последней фанзы по р. Лефанчи начинается уже подъем на хребет, названный мною сосновым, по изобилию в нем соснового леса, который только здесь, преимущественно перед всем Зауссурийским краем, виден был мною в больших массах и на далекое по хребту расстояние. На низких ступенях хребта сосны или мало, или вовсе нет, а растет только смешанный лиственный лес весьма различных пород и в различных пропорциях смеси, но чем выше мы поднимались в гору, тем чаще встречали по скалистым округленным вершинам водораздельного хребта и его отрогов сосну, то чистую, то в смеси с поделочным и дровяным дубом. Местами сосна составляет хороший строевой материал, но очень редко корабельный, и еще реже мачтовый, чаще же сосна имеет вид низкосучный и криворослый, далеко уступая в этом отношении сосновому мачтовому лесу, виденному мною в 1860 году в горах между долинами рек Лефу и Суйфуна. По спускам хребта к озеру Ханка такой корявый сосняк встречается даже на невысоких холмах почти у самой долины. В 7 вер. от последнего дома

по р. Лефанчи находится фанза, еще в 5 вер. далее другая, – называемая Эрдиамань. Отсюда китайская тропа ведет к фанзе Чонг-дэ-сань, а к русскому посту Камень-Рыболов тропа еще только прокладывается проходящими сюда нижними чинами из этого поста, основанного в том же году летом. Здесь мы шли по юго-восточному направлению лугами, прошли холмистую возвышенность, поросшую кустарником, и опять лугами подошли к пологой возвышенности, спускающейся непосредственно к озеру Ханка и вышли через 12 вер. удобного пути к посту Камень-Рыболов, в котором в одной избе помещается 14 человек нижних чинов линейного № 3 батальона. Уже 1½ месяца прошло после того, как мы расстались с русскими. Лесу строевого даже лиственного здесь близко нет, и люди выстроили себе избу и баню из леса ильмового, ясневого и дубового. Недавно перед нами здесь горел пал, сжегший накошенное людьми сено и в нем чуть было не сгорели и лошади, выпущенные в степь по воле.

До поста *Турий Рог* расстояние около 65 вер. Дорога идет сперва береговою полоскою соснового и дубового леса с редкою примесью других пород растущего по склону невысоких вдоль берега холмов, до спуска в долину р. Сиан; потом несколько вверх по речке до удобного через нее брода, а отсюда через довольно высокий и удобный для земледелия луг с редкими и узенькими полосками ничтожного леса, преимущественно растущего вдоль берегов оз. Ханка. Потом мы приблизились к невысоким горкам, отделяющим котловину озера Ханка от узкой лощины р. Кача. Идучи вдоль горок, мы пересекли три ничтожные притока озера, а потом шли отлогими и почти безлесными покатосями этих горок и спустились в долину р. Кача против одинокой китайской фанзы. За этой фанзой мы шли горами, подобными прежде пройденным, тоже либо безлесными, либо с самым дрянным лесом и весьма близко подходящими к берегам озера Ханка. Дальше от берегов горы очень лесисты и изобилуют хвойными породами. Долина р. Тур (у китайцев Белен-хы) изобилует высокими лугами, с богатою и плодородною почвою, весьма удобными для русских поселений; окрестности здесь богаты строевым материалом, а озеро Ханка славится у китайцев изобилием вкусной рыбы. От русского поста *Турий Рог*, основанного еще в 1859 году, и раз уже сожженного манчжурами, но вслед за тем опять возобновленного, далее дорога идет берегом озера Ханка, а горы удаляются от берегов вер. 5–7.

До поста Ханкайского на истоке из озера р. Сунгача расстояние 71 вер. и на половине дороги есть еще пост № 4; в этом месте к северу от озера Ханка лежит малое озеро (по-китайски Сяу-хая). Тут в луговой долине много низменных мест, заливаемых большою водою, но есть и удобные для русских поселений места. Лес тянется полоскою в ½–1 вер. шириною близь самых берегов и состоит местами из строевого и дровяного сосняка, местами же из дровяного, либо поделочного дуба. Ближе к истоку р. Сунгача лес попадает все реже и мельче, а за 12 вер. до китайского дома Лонг-Мяо и дров трудно нарубить в узкой береговой полосе кустарника; отсюда и начинается обширная Сунгачинская степь.

К Ханкайскому посту мы прибыли 25 октября, а 29-го водяным путем достигли 23 станицы Уссурийского казачьего батальона, едва успев добраться туда среди сильной, шедшей тогда по Уссури, шуги (льда).

XVIII. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, НА ПУТИ ОТ ОЗЕРА ХАНКА ВДОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ ОТ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО ЗАЛИВА ПОСЬЕТА

От Турьего Рога первая китайская фанза находится в 19 вер., в верховье р. Белень. Путь пролегает местами безлесными, но отлично удобными для русских поселений. Лес виден только на вершинах гор и больше дровяной дубовый, редкого насаждения, дупловатый и худого качества. Отсюда в 7 в. еще 1 фанза, в верховьях притока р. Белень, и путь идет такими же безлесными местами по плоским почти площадкам невысоких холмов, отделяющих систему р. Белень от системы р. Мурень. От последней фанзы вниз по течению р. Мурень есть китайская тропа, до устья речки, близ китайской фанзы против 20 станицы, мы встретили до 34 навьюченных лошадей, следовавших этим путем к Уссури с запасами водки, риса, буды и т.п. Этим путем можно было бы сообщаться и русским, так как он значительно ближе пути вдоль озера Ханка и р. Сунгача. Но, кажется, что первый доступен только в очень сухой год, как напр. 1862, а в другие года сообщению препятствуют большие болота в обширной долине р. Мурени.

Далее мы отправились по большой тропе, ведущей к манджурскому городу Сан-Син, направляющейся вверх по течению р. Мурени, но скоро оставили ее вправо, и площадками невысоких холмов спустились наконец в долину р. Усачи, текущей между горами значительно выше и круче предыдущих. Вверх по р. Усачи мы встретили китайскую фанзу, до которой расстояние от предыдущей фанзы 25 вер. При спуске к р. Усачи мы несколько отделились от государственной границы. По всему пути лес попадался по большей части дровяной: дубовый, черной и белой березы и осиновый мелкий, только на 4-й версте от 2-й фанзы на притоке р. Белень попадает мелкий поделочный материал и дубняк несколько гуще, большею же частью все редины и мелочь с частыми прогалинами. На высоких горах, составляющих границу, тоже не видно хорошего и крупного леса. По случаю сухого лета воды во всех горных источниках весьма мало, многие совершенно пересохли, да и в р. Усачи воды совершенно мало и брод везде возможен. Речные долины тоже совершенно сухи, но везде заметны следы прошлогоднего наводнения. Все склоны холмов к озеру Ханка очень удобны для земледелия и огородничества, но неудобство здесь русских поселений состоит в совершенном недостатке строевого леса, который встречается лишь выше по р. Усачи и то в малом количестве.

Река Усачи, также как и ее притоки, протекает в узких лощинах между крутых и довольно высоких гор.

В нескольких местах ее долины видны ямы, в которых прежде добывалось золото, промываемое местными жителями китайцами и в настоящее время, но в весьма малом количестве и, кажется, очень бедного содержания. Образчик

местного золота мне удалось видеть у юнкера линейного № 3 батальона на посту № 5 у озера Ханка, о чем уже теперь известно горным инженерам, посланным в этот край для разведки золота. Золото это промывается китайцами из речного наносного песку в ручных корытцах, и, кажется, другие способы добывания золота, кроме промывки и рытья ям на поверхности земли, китайцам неизвестны. Едва ли этот промысел обогащает китайцев, так как им занимаются люди самые бедные. Золото находится, кажется, на всех притоках озера Ханка с западной стороны, но большею частью золото на них уже выработано.

Выше 1-й фанзы по р. Усачи в 6 вер. есть еще фанза. Как на пути к этой фанзе, так и на дальнейшем пути вверх по р. Усачи лес ближе к лугам попадаетея белоберезовый и осиновый дровяной и отчасти строевой, а дальше по горе преимущественно дубовый дровяной и поделочный, вообще некрупный. Между дубняком, куртинами в 20–200 иногда более дерев, попадаетея сосна средних строевых и дровяных размеров, и это единственный строевой материал здешней местности. По всей вероятности леса истреблены давно поселившимися здесь китайцами, и эти куртины соснового леса составляют жалкие остатки прежних лесов. Близь 2-й фанзы я видел дико растущий амурский абрикос с незрелыми еще кислорьковатыми душистыми плодами мельче садовых русских абрикосов. Абрикосовое деревцо, виденное мною, имело в высоту до 2¹/₂ саж. до 5 вершков в диаметре и очень округленную вершину; фрукты на дереве были в большом изобилии.

Недалеко от истока р. Усачи, дорога идет через хребет, отделяющий ее от системы р. Сиан, к притоку которой мы и спустились, встречая на горе тот же, преимущественно дубовый, лес дровяной и средних поделочных размеров с такими же редкими куртинами дровяного и строевого сосняка. Идя вниз по течению притока р. Сиан, мы встретили фанзу в расстоянии 14 вер. от последней фанзы на р. Усачи. Приток р. Сиан бежит в узкой ложине, между довольно высоких и крутых гор. Приток имеет быстрое течение, и вода в нем мелкая. Почва в долине черноземная, отличная для земледелия и огородничества. Горы поросли почти подобным же лесом, как и на предыдущем пути, только ближе к фанзе не попадаетея куртин сосняка, а заметна большая примесь белой березы и осинника. В 2 вер. от последней фанзы за небольшим увалом, поросшим дубняком, есть еще фанза на притоке той же системы. От этой последней пошла большая торная тропа в гору через большой хребет к системе р. Мурени и далее к верховьям р. Суйфун в Манчжурский город Нингуту. Но мы оставили эту тропу вправо и выбрали левую тропу, ведущую по фанзам на системах р. Мо и р. Сиан.

Руководствуясь проложенною китайцами от фанзы до фанзы тропою, пролегающею по местам, удобным для прохода с вьючными конями, мы шли все по притокам р. Сиан, делая перевалы через хребты, и отделяющие их узкие лощины, держась более южного направления. От последней фанзы в 10 вер. мы встретили фанзу горелую и брошенную жителями; еще 5 вер. далее шалаш китайцев на месте сгоревшей в 1861 году фанзы; в 9 вер. отсюда еще фанзу и еще через 11 вер. добрались до главного русла р. Сиан, в долине которой две фанзы, последняя в 4 вер. от первой. Местность эта вся довольно однообразная. Долины речек удобны для русских поселений и имеют богатую черноземом почву, хотя в прошлом дождливом году, все или частью были затоплены. Горы покрыты лесом преимущественно дубовым и черноберезовым, но в примеси попадаютея и все другие породы, встречающиеся по Уссури, хотя и довольно редко. Сосна попадаетея иногда довольно значительными куртинами строевых и дровяных размеров,

а изредка и корабельного достоинства. Вообще лес больше дровяной, в малой части годный на поделки, и таковой лес лучших пород, ясневый, ильмовый и ореховый легче можно встретить непосредственно по берегам речек. Акация Маака встречается здесь как редкость, и даже пробковое дерево довольно редко. Из кустарников обыкновеннее других орешник и виноград, но *lespedeza* попадается реже, нежели по Уссури и никогда так густо не разрастается.

Все притоки р. Сиан очень мелки и даже главное русло р. Сиан мелководно, по крайней мере, в 1862 году многие ее протоки пересохли. Глубина р. Сиан в тот год не более 3 ф., течение же весьма быстро, и далеко не похоже на течение той же реки в ее устье, где я проходил ее вброд прошлой осенью. Сплавная река Сиан быть не может, как по быстрине течения, так и по причине чрезвычайно извилистого русла; впрочем швырком можно бы сплавливать сосновый лес по р. Сианхы, если бы в таковом лесу настояла крайняя надобность, и если бы такой способ сплава леса россыпью, употребляемый в некоторых местностях России и Германии, мог оказаться удачным на опыте.

Вступив в систему р. Сиан, мы постепенно удалялись от водораздельного хребта, составляющего государственную границу. Пути вдоль границы не проложено китайцами, да и поселений китайцев там нет, а между тем местность гориста и чрезвычайно неудобна для ходьбы, в особенности с вьючными конями. Дабы иметь понятие о характере нагорной местности, я воспользовался китайской тропой, ведущей от последней фанзы вверх по р. Сиан до фанз, находящихся близ самых истоков этой реки. В 21 вер. мы миновали фанзу, а в 19 вер. далее – другую, и от этой последней вернулись обратно. Тропа, по словам жителей, идет дальше до последней третьей фанзы и там прекращается. Долина р. Сиан в некоторых местах весьма узка, в особенности в том месте, где дорога огибает большую излучину реки горами. Почти везде почва земли черноземная и способная для возделывания под пашни и огороды. Только в верховьях начинают попадаться часто камни в долине, мешающие обработке земли. Лес на этом пути в начале попался такой же, как и прежде, преимущественно дубовый и чернопоберезовый на горах с редкою примесью куртинами растущего сосняка средних строевых размеров. Выше средней фанзы в примеси к дубняку стало заметно больше других лиственных и хвойных пород, напр., клена, липы, ильма, ясеня и ореха, а также черемухи, вишни, яблони, груши, изредка белой березы, осины пробкового дерева и др., и в изобилии кустарных пород; из хвойных же встречаются ель и пихта, а куртины сосны встречаются чаще и более крупных размеров.

Добывание леса из этих мест представляет еще большие затруднения, нежели леса ближе к озеру Ханка. Речка Сиан чем выше, тем мельче и быстрее, а вверху течет шумным горным потоком, увлекая за собою с гор камни значительной величины, которые теперь все на суше при мелководии этого лета. В верховьях речки мы приблизились опять к водораздельному хребту, составляющему государственную границу; от последней посещенной мною фанзы она находится в 2 вер. Горы эти не особенно высоки, но очень круты и местами почти недоступны для вьючного пути. От этой второй фанзы я вернулся обратно 37 вер. к перевозу через р. Сиан. В том месте, где тропа огибает большую излучину р. Сиан, в нее впади еще 2 притока не в дальнем расстоянии один от другого. У истока верхнего из этих 2 притоков р. Сиан поставлен граничный столб под лит. Н., а отсюда граница идет напрямки к устью р. Хубиту (по-китайски Та-Усаго)

в р. Большой Суйфун; к этому же пункту и я должен был выйти, но более доступным путем и при этом должен был осмотреть местность системы р. Мо.

Через р. Сиан мы переехали в малом боте, выдолбленном из одного тополевого ствола, а кони перешли вброд не развьюченные. Поднявшись вверх по течению притока р. Сиан, в его верховье мы перевалили хребет и спустились в долину притока системы Мо, и, идя вниз по воде, встретили фанзу на р. Байчи, притоке Мо. Речки все мелководны и быстры.

Долины по положению высоки, лишены кочек и с плодородною почвою, если судить по чрезвычайно густой и душистой траве, но множество камней делают эти земли неудобными для возделывания. На вершине перевала камней еще больше, лесу нет, растет только кустарник орешника и березняк, только верстах в трех видны редкие белые березы и осины. Как на притоке р. Мо, так и на притоке р. Сиан лес по-прежнему дубовый и чернопоберезовый, с редкою примесью других пород. Сосновые куртины чаще на притоке р. Сиан, а по вступлении в систему р. Мо сосна становится редкостью, сосновые деревья видны только единично по вершинкам окружающих гор, и редкие из них имеют правильный рост и годны на строение. До фанзы на р. Байчи расстояние от ближайшей фанзы на р. Сиань 21 вер. Отсюда одна тропа пошла вниз по р. Байчи к фанзам на р. Мо, но мы пошли по другой, чтобы выйти на р. Мо выше. В начале пути нам еще попадались редкие единичные сосны, но далее дубняк стал совершенно редкий, так как его большая часть свалена китайцами для растущих на них грибов, составлявших в ту пору единственную почти пищу бедняков китайцев по случаю прошлогоднего неурожая.

Сосняк еще раз показался единичными деревьями на горах и скоро совсем прекратился, сосны криворастущие, годные лишь на дрова. Еще дальше и дуба, годного на поделки, трудно сыскать; весь лес почти дровяной, дупловатый. Пересекая различные притоки р. Байчи, мы прошли в 11 вер. одну фанзу и далее в 21 вер. от нее другую. На последнем притоке долина высока положением и с отличной плодородной землею. В фанзе (в 1½ вер. от нее видна еще другая фанза) отличный урожай хлебов нынешнего сбора и есть еще остатки прошлогодней буды, что составляет редкость.

Дальше по пути, в 15 вер., еще фанза на притоке р. Мо, куда мы пришли, переваливши через 2 хребта, на которых лесу либо вовсе нет, а лежат только сваленные для грибов деревья, либо стоят дупловатые, годные лишь на дрова, дубы; из других пород очень редко попадаются белая и черная береза, липа, клен. Еще дальше лес совершенно прекратился, на горах растет только редкий кустарник, долина изобилует камнями, либо состоит из низменных кочковатых мест. Для поселений русских эти места совершенно неудобны.

Еще не доходя до последней фанзы, направо мы оставили тропу, которая должна была привести нас на Малый Суйфун и оттуда к устью р. Хубиту. Но мне хотелось иметь возможность судить о характере местности между системою р. Мо и долиною большого Суйфуна, и поэтому я выбрал путь на юго-восток.

В 8 вер. мы встретили фанзу, последнюю по системе Мо, стоящую в красивом местоположении и с плодородною черноземною почвою. Но странно, что ни здесь, ни во всех других фанзах, лежащих между озером Ханка и границею, почти вовсе нет домашнего скота, ни рогатого, ни лошадей. Такая общая бедность жителей этого края не имеет ли основанием большую доступность его для манчжурских чиновников из городов Сань-Синя и Нингуты? Близкое расстояние

между фанзами и множество дорог между ними навели меня на эту догадку, а часто встречаемые по пути обозы с водкою и будою подтверждали о легкости сообщения здешнего края с Манчжурией.

От последней фанзы тропа очень мало торная, но старая, направляется между обнаженными от леса горами на юго-восток к главному руслу р. Мо. До него мы дошли через 17 вер. и пересекли торную старую тропу, идущую от низовьев р. Мо к ее верховью. Долина реки в этом месте довольно обширна, имеет отличную почву, богатую растительность, удобна для разработки под пашни и, как кажется, не затопляется. Скоро тропа повернула на юг, и мы перевалили через хребет с редким плохим дровяным лесом из дуба и черной березы и спустились в долину притока р. Сыдза, впадающей в р. Лефу; тут мы увидели остатки сторевшей фанзы, а скоро дошли и до обитаемой фанзы на р. Сыдза, почти в конце обширной долины этой речки. Только по вершинам окружающих невысоких гор виден плохой дровяной лес, вообще же всю эту местность можно назвать совершенно безлесною. До этой фанзы от главного русла р. Мо расстояние 18 вер. Протяжение долины р. Сыдза до ее устья в р. Лефу составляет, по-видимому, вер. более 60, а ширина изменяется от 5 до 25 вер. Прилегающие к ней горы весьма низменны, пологи и почти сливаются с долиною на большом расстоянии. Даже хребет Сихотэ-Алинь как будто исчез, и местность до самого Суйфуна кажется почти совершенно ровной. Кроме того, вся эта местность в нынешний сухой год почти совершенно безводна, даже в р. Сыдза против фанзы вода ниже колена, между тем в сырой год и в особенности после продолжительных дождей, вся долина, вероятно, становится болотом, совершенно недоступным; это я испытал в прошедшем году, когда мне пришлось переходить через эту долину на пути к фанзе Уе-чи-динза на р. Лефу. После дождей из всех смежных с долиною падей бегут довольно глубокие речки, которых ныне нет и следа. Долина низменна против фанзы, и также ближе к р. Лефу, но всего ниже ее положение в самом широком месте ее, где и теперь видны издали болотные испарения. Против фанзы, на противоположной стороне долины, хребет Сихотэ-Алинь виднеется в виде невысоких холмов, постепенно понижающихся и более пологих, чем далее на восток вниз по течению р. большого Суйфуна. На горах виден лес дубовый и чернопоберезовый, как кажется, дровяной и мелкий, сколько можно судить на таком расстоянии.

В фанзе славный огород и довольно посеяно хлеба, обещающего хороший урожай; два сильных коня, почти первые виденные мною, после русских коней на Турьем Роге. Отсюда дорога есть только на р. Малый Суйфун, хотя р. Большой Суйфун гораздо ближе, но так как притоки Малого Суйфуна прилегают к нашей границе, а в верховьях Суйфуна предполагались хорошие леса, то я избрал эту тропу, чтобы ознакомиться с лесами верховьев Суйфуна.

От фанзы на р. Сыдза мы шли вверх по речке на северо-запад по долине, постепенно сужавшейся и в виду безлесных, полого спускающихся в долину холмов. В вершине р. Сыдза по слабой покатости мы поднялись и спустились опять к притокам системы р. Мо, пересекли несколько таковых, и потом стали подниматься на довольно уже высокую гору из хребта Сихотэ-Алинь. Как на этом хребте, так и несколько ранее, мы снова вступили в полосу дубового редколесья.

В одной из долин последних притоков р. Мо я видел и собрал почти спелые ягоды Амурской черешни (*Prunus Maximovitchii* s. *Cerasoides*). Из других пород по берегам речек я находил нередко: ильм яшень, орех, пробковое дерево, яблоню,

грушу, акацию Маака и изредка абрикос. Чем ближе к перевалу через хребет Сихотэ, тем более почва долин камениста и неудобна для возделывания. За хребтом мы спустились в долину притока Малого Суйфуна (по-китайски Сяу-Суйфунь), в виду гор, покрытых таким же редколесьем из дуба и черной березы с редкою примесью других пород. Долина здесь лишена кочек, не затопляется и удобна для разработки, но деревья лучших пород по речке попадают очень редко. Вскоре путевая речка впадала в речку более значительную, непосредственно изливающуюся в Малый Суйфун.

Против этого устья мы увидели фанзу, которая оказалась заброшенной и оставленной жителями. До этой фанзы от последней фанзы на р. Сыдза расстояние 46 вер.

Попавшийся навстречу китаец объяснить нам, что тропа вниз по течению ведет к Малому Суйфуну и далее вниз по его течению к Большому Суйфуну, а оттуда чрез его верховья в манчжурский город Нингуту. Наш же путь лежал вверх по течению притока Малого Суйфуна к Большому Суйфуну при устье р. Хубиту. Отправившись в путь, мы везде видели много прошлогодних конских следов, признак, что русские, при проведении государственной границы, прошли именно этим путем. Горы по-прежнему покрыты дубовым с черною березою редколесьем, преимущественно дровяником; из других пород очень редко попадают липа, клен, ильм, а ясень и орех весьма редки. Речная долина низменна и кочковата, ближе к горам камениста; мест, удобных для возделывания, мало. Близ расхошин этого притока мы поднялись на гору с лесом, несколько лучшим, и спустились в долину притока Большого Суйфуна, а на берегу этого притока, на славном плодородном месте увидели фанзу, тоже покинутую жителями. До этой фанзы расстояние от последней предыдущей 30 вер. Далее долина речки высока, непоемиста, с плодородною почвою и удобна для русских поселений. Лес на горах тех же пород и почти тех же качеств; только очень редко видны деревья дуба, клена, ильма, ясна и ореховые, годные на поделки размеров, и притом без фаутов. В долине стоит одинокий, давно уже не попадавший на глаза, кедр, но на ближних горах нигде усмотреть кедровых дерев мне не удалось. Скоро мы покинули речную долину и по русскому следу горами направились к устью р. Хубиту.

Перед спуском в долину Большого Суйфуна в болоте, в вершине одного из источников, один из солдат наткнулся на логовище здешнего тигра, который, к счастью его и нашему, пожирал задранныю им недавно козулю. Тут же мы пересекли весьма торную тропу, ведущую тоже в Нингуту, а в долине р. Суйфуна увидели скоро поставленный русскими на холмике граничный столб. Суйфунская долина весьма низменна, полна озер и болот, несмотря на стоявшую тогда засуху, в большую же воду, вероятно, почти вся долина затопляется. Дойдя до реки, мы на 1 версту выше дороги разыскали удобный через реку брод. До этого брода от последней фанзы расстояние 14 вер.

От Сунгачанского поста до брода через р. Большой Суйфун мы сделали 475 вер. и прошли это расстояние в 19 дней.

Брод через р. Суйфун мы нашли удобный, пережат через всю реку, но ниже и выше этого пережата река местами имеет более сажени глубины; ширина его 25 саж. Окружающие Суйфунскую долину горы почти совершенно безлесны, либо поросли дровяным дубовым и черноперезовым лесом.

Долина р. Хубиту (Та-Уса-Го) широка только при устье; самая речка немногим уступает Суйфуну по ширине, глубины такой же, а быстротой превосходит его. В начале горы также безлесны, а долина высока, не вполне наводняется и удобна для поселений. Как на граничном пункте, здесь удобно было бы поселить значительный военный караул.

В 5 вер. от брода есть фанза, в которой мы не были, а перешли выше вброд р. Та-Уса-Го на удобном перекате. В этом месте долина становится значительно уже, почва также плодородна, а горы тоже поросли плохим дровяным дубовым и черноберезовым лесом. До 2-й фанзы на р. Та-Уса-Го от Суйфунского брода расстояние 20 вер.

Пройдя еще вер. 4 от фанзы такими же местами, я увидел на горах левого берега куртины соснового леса. Желая осмотреть этот лес, я уклонился от р. Та-Уса-Го, составляющей государственную границу, и пошел по долине притока этой реки по едва приметной тропе, часто терявшейся, как видно мало хоженной. Куртины сосняка попадались на глаза довольно часто по гребням гор, преимущественно на левом берегу. Сосны бывают строевых, корабельных и изредка мачтовых размеров и тянутся узкими полосами на протяжении нескольких сот сажен до 1 версты только по вершинам и крутым склонам гор. Главная масса леса все еще дубняк и черноберезняк; попадают примеси, хотя и редко, толстые липы, средних размеров клен, орех, ильм, ясень и др., изредка также и фруктовые деревья: яблоня, груша, амурская вишня, абрикосы, последние чаще можно встретить в речной долине. К сожалению, здешний сосновый лес не скоро еще может быть доступен для разработки, так как речка по быстрине к сплаву во все неудобна. Сосновый лес попался нам на пути около 9 вер., а дальше шел опять дубняк, с единичными деревьями, годными на корабельное дело. Долина здесь камениста и, кажется, весной наводняется. Горы к долине обрывисты и скалисты. Ближе к фанзе лес стал опять разнообразнее, и в примеси показалась лиственница корабельных размеров и строевая ель; много отличных и крупных ясневых, ильмовых и ореховых деревьев; большое изобилие у речки фруктовых деревьев и винограда. До фанзы, расположенной на притоке в полугоре, на отличном месте, расстояние от предыдущей фанзы 29 вер.

В фанзе нам сказали, что речка эта называется Сяу-Уса-Го, и что к 3-й фанзе на р. Та-Уса-Го тропы нет. Поэтому я отправился без тропы к верховьям р. Та-Уса-Го. На этом пути мы пересекли еще один приток р. Та-Уса-Го, поднялись до его истока и, перевалив высокий хребет, по большой крутизне спустились к р. Та-Уса-Го русским прошлогодним следом. От самой фанзы горы по всему пути поросли лесом, смешанным из лиственных и хвойных пород. Смесь хотя очень неравномерна, но лес вообще значительно лучшего качества и гораздо крупнее. Кроме господствующих здесь дуба и черной березы встречаются: клен (3 видов *Моно*, *Ginnala*, *Negundo* 3 листочный), липа (2 видов), осина, ильм, берест, орех (2 видов), белая береза, тополь, ясень, ольха *Alnaster*. Кустарных пород тоже много и они очень густы. Из хвойных лиственница, иногда самых крупных размеров ель и пихта и древовидный средних, иногда строевых размеров, можжевельник.

Река Та-Уса-Го значительно уже, чем на устье (до 15 саж. ширины) и глубиною в теперешнюю малую воду до 2¹/₂ фут. Дождь, ливший двое суток и державший нас во время этого перехода, много прибавил воды в речках и грязи на пути, что очень затрудняло нас, а в особенности наших коней, так как путь,

кроме того, сильно каменистый. Дальше долина реки очень извилиста и узка, окружена, а иногда почти сдавлена утесами, отвесными и скалистыми. Скоро мы увидели шалаш, устроенный для звериного промысла ближними китайцами, и затем скоро стали подниматься в гору, уже недалеко от истоков р. Та-Уса-Го, которая впрочем и здесь имеет до (5 саж. ширины и глубины выше колена, не смотря на сухой год.

Лес в горах и в долине состоит из тех же пород лиственных и хвойных, с прибавлением кедра, но чем выше по реке, тем чаще хвойный лес является в смеси преобладающим и достигает огромных размеров 18 саж. в высоту (с вершиною) и до 2 аршин в диаметре. Подъем в гору легкий по старой китайской тропе, вероятно, уже давно заброшенной и потому вновь прорубленной русскими с затесками на деревьях по сторонам тропы. Перевал довольно продолжительный, а при начале спуска с хребта в долину поставлен граничный столб под лит. П. От последней фанзы на р. Сяу-Уса-Го до этого столба расстояние 34 вер.

Частые броды через речки и вообще трудный переход по крупному и густому лесу сильно утомили наших коней, почему я должен был дать им отдых. Сам же с 1 рядовым отправился по русской просеке к истокам р. Амба, с тем, чтобы, вернувшись оттуда, уже отправиться к системе р. Хунь-Чун и далее к гавани Посьета.

Спуск к истокам р. Амба довольно продолжительный; мы обогнули много довольно крутых падей, прежде нежели спустились в долину одного из источников р. Амба. Источник этот гораздо уже и еще безводнее, нежели р. Та-Уса-Го, но также, как и этот последний, к сплаву совершенно неудобен. Долина сплошь покрыта лесом, таким же густым и крупным и тех же пород, как на р. Та-Уса-Го. Подходя к фанзе, устроенной охотниками китайцами на время промысла, лес больше лиственных пород, а за фанзою виден плохой дубняк. Лугов в долине до самой фанзы почти вовсе нет. Расстояние до фанзы от граничного столба под лит. П 22 вер. Отсюда мы опять вернулись к нашим коням.

Спуск в долину источника р. Хунци из системы р. Хунь-Чун пологий и легкий; лес тех же пород, качеств и размеров и занимает сплошь всю долину. Опять настали частые броды через мелкую каменистую речку, столь утомительные для коней.

От охотничьего шалаша начинаются луга, выжженные постепенно китайцами из-под леса. Среди луга в долине попадаются еще редкие дубовые, березовые, еловые, пихтовые, кедровые деревья, которые встречаются и в нагорном лесу, который становится все реже и не так крупен, и лиственница встречается только единично. Против самой фанзы опять довольно лиственницы, растущей иногда в густых, почти чистых насаждениях, но далеко не крупных размеров; может быть, это заросли на бывших когда-то выжженными местах, так как подобных зарослей я много видал в России. До фанзы расстояние от граничного столба – 22 вер.

Граничная линия от столба под лит. П. до самой реки Тюмень-дзянь идет все по вершинам хребта, отделяющего воды, текущие в р. Тюмень-дзянь от вод, впадающих непосредственно в часть Восточного океана между устьями рек – Суйфун и Тюмень-дзянь. Горы эти, насколько видно было с нашего пути, покрыты густым и крупным смешанным лесом из лиственных и хвойных пород, которые поочередно являются в смеси преобладающими. Лес этот как по качествам своим, так и по близости расстояния от берегов Восточного океана составляет драгоценный запас корабельного, строевого и поделочного материала, но при

невозможности сплава его и при затруднительности его сухопутной доставки, по отсутствию в этом крае оседлых поселений, лес этот долго еще нужно считать недоступным к для разработки. В фанзе на р. Хунци отличное хозяйство, много быков, лошадей, свиней, кур, богатый огород и пашни. По всему заметно, что мы выбрались наконец из лесной глуши, недоступной для цивилизованной жизни. Центром этой лесной глуши есть горный узел, из которого берут начало истоки р.р. Та-Уса-Го и Шуфань, притоков Суйфуна, р. Амба, впадающей в океан, и р. Хунци, впадающей в р. Хунь-Чун.

В этой фанзе у меня пал конь от утомления и для дальнейшего пути я должен был купить быка и обовьючить его, как это постоянно делают китайцы, бедные лошаадьми. Быков сюда приводят из Хунь-Чуна, где они очень дешевы, не дороже 2–3 лан серебра за быка (на наши деньги от 3 р. 30 к. до 5 р. 40 к.).

Быки не крупны, но легки, сильны и гораздо проворнее русских, к выюкам же почти все они скоро привыкают. От фанзы китайцы направили нас по обходной тропе, объясняя, что по р. Хунци тропа завалена буреломным лесом. Перевалив хребет, мы вышли к долине р. Сяу-Хунчун, а спустившись вниз по речке, дошли до устья в р. Сяу-Хунчун р. Хунци. До этого места расстояние от фанзы Хунци-хэ 13 вер. Долина здесь довольно низменна и после дождей болотиста. Горы покрыты лесом, то с господством лиственницы и хвойных пород, то с господством дуба размеров средних, иногда крупных, частью годных на кораблестроение, частью как строевой и поделочный материал.

Встретив за бродом через р. Хунци торную тропу, ведущую к г. Хунь-Чуну, я прежде хотел сделать путь к государственной границе и верховьям р. Мангу (Уизго). Туда я отправился без коней с 1 человеком. Тропа привела нас к богатой фанзе, называемой по р. Уизго, как китайцы называют р. Мангу в ее верховье, через 22 вер. пути, весьма лесными местами, совершенно подобными местам в верховьях р. Хунци. Лес тут крупный и густой, состоящий из дуба, лиственницы, березы, липы, кедра, ели, пихты, ильма, клена, ясны, осины, пробкового дерева, ольхи, ореха, тополя, береста и др. Ближе к устью р. Хунци и к фанзе Уизго – лес плохой дровяной дубовый и черноберезовый. По берегам речек попадаются часто фруктовые деревья, виноград и орешник. Акация Маака встречается здесь только в кустарном виде.

Отсюда мы опять вернулись к устью р. Хунци, убедившись, что лес этот также недоступен для разработки, как и в истоках р. Хунци.

Идя далее вниз по течению р. Малого Хунь-Чуна, мы скоро дошли до его устья в Большой Хунь-Чун, которого долина стала заметно шире, хотя также довольно низменна и доступна наводнениям. Река Хунь-Чун здесь уже довольно значительная, хотя, по сухости лета, теперь мелководна и в этом месте доступна броду. Сплав по р. Хунь-Чуну, ниже устья Малого Хунь-Чуна, возможен в большую воду, но только россыпью, а не в плотях, так как течение ее очень быстро; впрочем, и такой сплав весьма рискован. Впоследствии, ниже по реке, я видел выброшенными на берегу дубовые поделочные штуки, прошлогодней заготовки китайцев и встречал транспорты подобных штук, доставляемые выюками на лошадях. К такому способу транспорта леса китайцы-старожилы прибегают, вероятно, не иначе, как из крайности.

От устья р. Хунци и Малый Хунь-Чун до устья этой последней реки в Большой Хунь-Чун, расстояние 8 вер.

Дальше по пути долиною Большого Хунь-Чуна лес на горах все мелкий, плохой дубовый и черноберезовый, и только весьма редко, на берегах побочных речек, можно встретить деревья, годные на поделки, дубовые, кленовые, ясеньевые, ильмовые, ореховые, пробковые и др., на горах их почти не видно вовсе. Водораздельный хребет виден недалеко (вер. в 5–8–10) от нашего пути и представляется покрытым то дубняком, таким же, как на ближних горах, то смешанным лиственно-хвойным лесом.

До устья речки, которой название я не мог узнать, но который исток находится против истоков р. Наэми, расстояние от устья Малого Хунь-Чуна 27 вер. На этом пути попадают частые фанзы, то с богатым хозяйством и обширными пашнями, с которых хлеб они продают в г. Хунь-Чун, то заброшенный по причине низменного положения, или разрушенный прошлогодною большою водою. Лесу на этом пути, кроме дровяного, почти вовсе нет. На дальнейшем пути, от устья вышеназванной реки, на ближних к долине горах, даже дровяного леса почти нет, а таковой виден только на расстоянии 5 и более верст в сторону. Безлесными местами мы шли вниз по р. Хунь-Чуну, переходя с левого на правый берег реки, еще 21 вер. до фанзы Лючихэза, миновав по пути еще несколько богатых хозяйством и пашнями фанз. От фанзы Лючихэза я перешел опять на левый берег реки, оставив долину реки Хунь-Чуна, и направился на юг по тропе прямо к бухте Экспедиции. Места, по всему этому пути, безлесные, только на вершинах хребта, составляющего границу, стоят единичные дупловатые дубы. Опустясь с долины, мы шли вдоль притока р. Яндзи, по каменистой его долине. От фанзы близь морского берега далее шли прибрежными к морю низкими, сырыми, затопляемыми весной и после дождей лугами. Перешли вброд маленькую р. Иля, на которой в настоящее время еще промывают китайцы золото, ныне выработанное и весьма бедного содержания. Далее перешли вброд более значительную р. Тизен и противоположным берегом бухты достигли русского Новгородского поста. Расстояние до этого поста от брода через р. Большой Хунь-Чун 40 вер.

Весь переход от брода через большой Суйфун до Новгородского поста составляет пройденным мною путем 302 вер. Расстояние это пройдено нами в 17 дней; из них 4 дня стояли на месте за дождями и по случаю павшего коня. В Посъете я пробыл 5 дней, в ожидании парохода, на котором я должен был прибыть к устью р. Судза, но парохода в это время ни одного не было. Поэтому, опасаясь быть застигнутым позднею осенью, я должен был отправиться обратно к Усури сухопутно. При этом мне предстояла возможность осмотреть приморские берега Восточного океана до устья Суйфуна, важнейшие из приморских речек этой местности, правый берег Суйфуна и путь из Суйфуна к озеру Ханка, вновь пройденный во время следования во Владивосток Генерал-Губернатора. В Новгородском посту начата уже постройка каменной казармы, но до сего времени команда линейных солдат помещается в мазанках, где зимою довольно холодно. Построек из леса очень мало, по трудности его доставки до Посъета. Впрочем, лес можно бы легко прибуksировывать плавающими здесь часто пароходами из лесистых берегов Восточного океана, напр. с полуострова Муравьев-Амурский, но таковой сплав здесь был произведен только один раз. Но какого бы рода ни представлял затруднения сплав леса морем, сухопутная доставка его или сплав по быстрым и маловодным приморским речкам представляют затруднения еще большие, в особенности при тех недостаточных средствах, какими

обладает край, мало населенный и неустроенный. Со временем, через проведение конной лесовозной дороги, с железными, или даже деревянными рельсами, можно значительно облегчить доставку леса до Посъета, если потребность в нем будет крайняя и если доставка леса морем почему либо окажется неосуществимой.

Коней можно доставать в Посъете в значительном числе через г. Хунь-Чун, куда они приводятся из внутренних провинций Манчжурии, густо заселенных, напр., провинции Леао-Тонг, ибо ближние провинции к Хунь-Чуну почти так же малолюдны, как и страны, лежащие в наших границах. Судя по опыту 1862 г., коней манчжурских можно покупать по 18–25 руб. за коня, платя крупную серебряною монетою. Быков или коров можно покупать за 8–12 руб., тоже за серебряную монету. Быки и коровы манчжурские отличной породы, большею частью, крупны, сильны, переносливы в пути, но требуют хорошего ухода, и привычны к здешним вкусным и питательным травам, которые для них мелко крошат и перемешивают с солью, как и для коней. Кони же вообще слабее нашей забайкальской породы, иногда довольно рослы и красивы, но мало переносливы, идут только под легким вьюком, а к пашне совершенно непривычны, так как здешние мандзы пахут преимущественно волами, а за недостаткою последних – быками, но никогда на конях. Все окрестности Новгородского поста совершенно обнажены от леса, по крайней мере, на 20 верст кругом. Также безлесна местность до Тюмень-дзянь, составляющей нашу границу от полуострова Кореи. Река Тюмень-дзянь, по рассказам очевидцев, по ширине и глубине подобна Амуру в среднем его течении. Даже приток ее р. Хунь-Чун, против г. Хунь-Чуна уже судоходна и также значительна, как Уссури в среднем ее течении.

Корейцы составляют племя, отличное от китайцев как языком, так и чертами лица и костюмом, но нравами они близки к китайцам, только менее их цивилизованы и более воинственны. Сношения корейцев с манчжуро-китайским правительством производится только в одном пункте, именно в местечке Бянь-Линь-джи-чень на р. Тюмень-дзянь, где корейцы, в знак своей вассальной зависимости, выменивают по договорным ценам своих соболей и другие меха на изделия китайской промышленности, одежду и домашнюю утварь. Недавно еще было время, когда корейцы выгоняли от себя манчжур и прекращали с ними торговлю, даже вели с ними войны. Понемногу они привыкают к этим сношениям и перенимают привычки и занятия оседлой жизни, заводят огороды, пашни, домашний рабочий скот. С русскими они очень дружелюбны и тише ведут себя в русском посту, нежели мандзы и манчжуры, приходящие сюда из Хунь-Чуна. Между последними постоянное пьянство, драки, бесчинства. Корейцы тоже любят рисовую водку китайцев (на их языке сули) и для манчжур это весьма выгодная статья меновой торговли.

Овощи и хлеба в Посъете имеют отличный урожай и главное препятствие для более многочисленных поселений здесь – это недостаток в строевом лесу, который можно устранить устройством сплава леса морем. При развитии же здесь поселений, для которых удобных мест здесь много, за исключением только низменных морских прибрежий, превращающихся в болото после первого большого дождя, нам предстоит в этом пункте выгодная торговля с корейцами на пушной товар, которым изобилует гористая Корея. Через г. Хунь-Чун можно получить большое количество скота, столь необходимого для наших поселений всего Приуссурийского края и для плавающих в Китайском море русских судов. Через

Хунь-Чун же можно бы потребовать для разведения у нас столь полезной породы яка (*Bos grunniens* L.), о которой мною уже упомянуто в прошлогоднем описании, и которая была бы так незаменима в гористой местности южного побережья.

Покупка скота этой породы в казну скоро бы окупилась, как пользой, приносимой этим животным при транспорте им казенного груза, при езде на нем, от его мяса, шерсти, так и сбережением издержек казны на все эти надобности и в сбережении труда человеческого, часто употребляемого для транспорта, за неимением других перевозочных средств, в особенности, при вывозке леса с гор.

Близь Посьета водятся также тигры, но русским до сего времени они причинили мало вреда. Вместе с тиграми здесь можно встретить и всех других зверей и птиц, встречающихся в Приуссурийском крае. Лесные звери, впрочем, только кочуют через этот край, а соболь сюда совсем не заходит, избирая удаленные от жилья лесистые горы.

Как в окрестностях Посьета по маленьким речкам, так и по притокам р. Большого Хунь-Чуна во многих местах видны ямы, следы давнишних здесь работ золотоискания. Но теперь золотой промысел, по невыгодности и бедности руды, почти совсем оставлен китайцами и занимаются промыванием золота только самые бедные, не имеющие хозяйства старики-китайцы. В одной из фанз на Хунь-Чуне я слышал, что недавно найдена руда несколько богаче, о чем я сообщил в Новгородском посту занимающемуся золотоисканием от казны горному инженеру Лопатину.

В г. Хунь-Чуне разведены жителями-китайцами фруктовые сады, чего мне ни у одного китайца до сих пор видеть не удавалось. Один из китайцев брался доставить в Новгородский пост семена и саженцы садового абрикоса, персика, яблони, груши. Этот опыт садоводства будет, кажется, первым в нашем южном крае.

Обнаженные окрестности Посьета, мне кажется, наиболее удобны для разведения лучших сортов винограда, который дико растет в таком изобилии по Хунь-Чуну и его притокам, по берегам рек и речек достигает здесь больших размеров и гораздо лучшего вкуса, чем Уссурийский.

По всем вероятностям, в здешнем крае леса истреблены китайцами и совершенное безлесие наступило постепенно, вследствие особенной ненависти китайцев к лесам и густой сравнительно населенности края. Подтверждением этой догадки служат находимые во многих окрестных местах местными линейными солдатами корни дерева, преимущественно дубовые.

Полезно было бы, с водворением русских поселений в Приуссурийском крае, местным начальством постоянно внушать китайцам, дабы они, при лесоистреблениях и пожарах, никогда не доходили до таких крайностей какие напр., представляют окрестности Посьета и долина р. Мо близь оз. Ханка. Подобные лесоистребления чрезвычайно затруднят будущие русские поселения в тех местах, ибо русским лес необходим почти на каждом шагу в их домашнем быту. К сожалению, китайцам иногда тоже необходимо истреблять леса для своего пропитания. Так, на срубленных дубках они собирают грибы, иногда их единственную пищу. Пожоги трав в лесах облегчают им стрельяние дичи. Весьма трудно иногда примирить противоположные интересы, но такое примирение всегда спасает от настоящих и грядущих бедствий.

Г. ЛЕСА ПО МОРСКОМУ ПРИБРЕЖЬЮ

ХІХ. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО БЕРЕГАМ Р. ТУМДЖИ ОТ УСТЬЯ В НЕЕ Р. АКУДАНИ, ПО БЕРЕГАМ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА ОТ УСТЬЯ Р. ТУМДЖИ ДО ИМПЕРАТОРСКОГО ЗАЛИВА И ПО РЕЧКАМ ХАДЖИ, МА, УЙ И ДЖУАНКА

Вся названная в этой главе местность, осмотренная в 1863 году, представляет полосу хвойно-лиственных лесов, свойственную северной растительности устья р. Амура с тою только небольшою разницею, что лиственные породы леса: дуб, ясень, клен, ильм, берест, пробковое дерево, ореховое, акация Маака, сирень, черемуха, яблонь, липа и другие, хотя и здесь встречаются редкими, по большей части единичными деревьями, не достигающими своего полного развития, но все-таки здесь эти породы, а равно из хвойных кедр, встречаются несколько чаще и растут несколько успешнее, нежели на устье Амура. Всю эту местность можно считать еще совершенно первобытною, так как малочисленные здесь поселения ороча, близко соплеменные Амурскому племени мангу (олоча), которых всего наберется здесь: 13 семейств по р. Тумджи, 6 на р. Джуанка, 4 на р. Уй и 15 семей в окрестностях Императорского залива; – всего около 40 семейств. Дикари эти занимаются рыбным и звериным промыслами для пропитания самих себя и своих собак, на которых они ездят и возят свою провизию зимою. Осенью они промышляют соболя в дальних лесах. Живут они летом и зимою в берестяных и корьевых юртах, имея мало теплой одежды и спасая свою жизнь от сильных морозов только раскладкою костра в юрте. Лесу они почти не рубят для себя, кроме как на дрова, на оморочи (ветлу и тополь) и на колоды для собольих ловушек. Вследствие первобытного состояния, леса здесь сильно засорены ва-лежником и почти везде заболотели. От излишнего лесообилия климат страны суровый и сырой; зимою бывають значительные пурги, хотя и не столь продолжительные, как в Николаевсе. Сообщение здешних жителей с Амуром производилось по долине р. Тумджи и из верховьев ее, либо с Софийском по речкам Солоди, Хоэль и Ай, либо через Де-Кастри по р. Дзядзьяльдукша и Хои и потом по морскому берегу. Этим путем жители получали от манджур домашнюю одежду, дабу, табак, буду, ганзы (трубки курительные) и т.п. до прибытия в Императорский залив русских, а с тех пор ведут меновую торговлю с русскими матросами из поста и с приходящих летом судов.

Устье р. Акудани в Тумджи окружено выгоревшим лесом хвойных пород, такая же гарь находится и на левом берегу Тумджи. Неизвестно кем и когда пущен пал, истребивший эти леса, но кажется вероятным, что лесные пожары дошли

сюда с Амура, после поселения на нем русских, оттого, что подобные же обширные гари замечены г. Петровичем при следовании его по верховьям р. Тумджи в 1861 году. На несколько верст ниже устья р. Акудани и юрт ороческих, в ее устье, по островам, расположенным у правого берега Тумджи начинается довольно густой хвойно-лиственный лес, состоящий из ели, лиственницы, пихты, кедра, белой и черной березы и осины средних и крупных размеров; в смеси, кроме того, встречаются единичными деревьями ильм, ясень, клен, дуб, черемуха, рябина, яблонь; последние чаще по речной долине над речными берегами, где они встречаются иногда небольшими группами и крутинами, а в долинах побочных речек, в особенности левой стороны р. Тумджи, виден редкими экземплярами виноград и ореховое дерево, оба, впрочем, по словам туземцев, редкий год достигают здесь созревания плодов.

Таков преимущественно характер леса по всей Тумджи; поэтому, избегая повторения одного и того же, я буду различать только особо выдающиеся качества здешних лесов. Гарь по левой стороне Тумджи продолжается до небольшой и быстрой р. Айя-Айя, на которой ловится множество соболей, и потом до такой же р. Ачья, всего на 18 верст. С правой стороны только незначительный горный поток Нибдыкэ впадает в Тумджи, немного ниже устья р. Айя-Айя; здесь на правой сторон лес такой же смешанный, довольно густой хвойно-лиственный, дровяной, строевой и поделочный. Острова, на которые постоянно разбивается р. Тумджи, поросли частью тальником и ветлой, а частью состоят из куртин такого же смешанного хвойно-лиственного леса. Тумджи от устья Акудани течет в весьма узкой лощине между гор; довольно круто, а иногда почти отвесно, спускающихся к долине, которая редко бывает шире 2–3 вер. Самая река в малую только воду состоит из 2 главных проток: правой, составляющей фарватер и более глубокой, шириною от 60–75 саж., и левой более мелкой, шириною 30–60 саж. и глубиною не более 10 ф., а часто и сплошными через всю левую протоку перекатами. Между правою и левою протоками множество мелких и узеньких проточек, переплетшихся между собою, иногда же тянувшихся отдельно от них на расстоянии нескольких верст; таков характер р. Тумджи до самого ее устья. В большую воду все эти протоки соединяются в одну и Тумджи течет очень быстрою водяною лентою от 2 до 3 верст шириною. Плыть по ней в такую большую воду опасно, так как быстрота ее течения доходит до 12 верст в час, а скрываемый водою коряжник очень опасен при такой быстрине реки. Сплав леса в очень большую воду едва ли окажется возможным, но в малую или среднюю воду он не представляет затруднений, начиная от устья Акудани. На обоих берегах р. Тумджи и ниже растет смешанный хвойно-лиственный, довольно густого насаждения лес, состояний из ели, лиственницы, пихты, берез, осины и кедра с ясенем, ильмом, кленом и очень редко другими породами, единично вкрапленными в насаждении, либо встречающимися по берегам рек и речек, впадающих в Тумджи. Лес этот достигает средних и крупных размеров строевого материала и средних размеров поделочного. В смеси преобладает сортимент дровяного леса, по изобилию в лесах сухостойного и валежника. В этом месте в р. Тумджи впали с правой стороны р. Джуванчи, на 6 вер. ниже р. Ачья, с левой р. Тахту и р. Мугдани; первая на 4 вер. ниже р. Джуванчи, вторая на 6 вер. ниже р. Тахту; потом с левой же незначительный ручей Гудзюми, на 8 вер. ниже р. Мугдани. Между реками Мугдани и Гудзюми, против гор Гудзюми, на островах кочуют

2 семьи орочей, зовущих свою юрту тоже Гудзюми. Далее на 16 верст ниже ручья Гудзюми с левой стороны впала в Тумджи р. Хонгнянка, а еще 2 вер. ниже с правой значительная река Хутудомоми, против устья которой кочуют на островах тоже 2 семьи орочей. Речка Хутудами на устье немного чем уже правой протоки р. Тумджи, но воды ее еще быстрее, а русло еще извилистее; по словам туземцев, она состоит из 2 главных притоков, сливающихся между собою на $\frac{1}{2}$ дня ходу от устья (вер. на 12). Источники одного из притоков правого подходят близко к р. Кыпи, впадающей в море южнее Императорского залива, и р. Тутта, впадающей в р. Хаджи и в Императорский залив; другой приток Хутудани сходится своими источниками с р. Пир, составляющею один из источников р. Хунгари и протекающей в очень высоких хребтах, куда туземцы не ходят на промысел соболей по причине трудности пути. По обоим притокам растут лесные и кустарные породы, свойственные среднему Амуру, как то: ореховое дерево, ясень, клен, ильм, липа, береза, осина, акация Маака, пробковое дерево, черемха, ольха, боярка, дерен, яблонь, груша, вишня амурская, жимолости, лещина, виноград и многие другие; кедр и в особенности тис достигают здесь нередко огромных размеров, в особенности замечательно, что тис, по словам туземцев, в больших горах попадает крупным строевым деревом. Но хвойные породы: ель, лиственница и пихта все-таки и здесь являются большею частью преобладающими породами леса. Ниже устья р. Хуту лес смешанный хвойно-лиственный, довольно густого насаждения, встречается только на правом берегу до устья р. Джугда, на 7 верст ниже устья р. Хутудани, а на левом берегу до устья р. Умой, на 3 вер. ниже р. Джугда. Обе эти речки горные и несплавные, текущие в узких лощинах гор, и незначительного протяжения. Еще меньше и ничтожнее р. Охдохо против устья р. Хутудани. Тут лес включает в себе материал дровяной и строевой и очень редко, на островах реки в узких лощинах подле речек – поделочный: ильмовый, ясеневый, кленовый. Размеры леса большею частью средние, только на островах р. Тумджи изредка попадаются островки очень крупной лиственницы.

Дальше по Тумджи начинается горелый лес по обеим сторонам реки на далекое расстояние вглубь материка. На правом берегу гарь эта достигает ниже ручья Фудзюми, на 22 вер. ниже р. Джугда. По левому берегу Тумджи гарь между речками Умой и Хомянгха (на 18 вер.) не достигает самых берегов Тумджи и по уступам гор к реке встречается редкий, наполовину сухостойный лес из ели, лиственницы и пихты с березою, осиною и кустарником липы и кленов. Дальше по левому берегу гарь доходит почти до устья Тумджи. На правом же берегу ниже Фудзюми тянется опять смешанный хвойно-лиственный лес довольно густого насаждения, состоящий из ели, лиственницы, пихты, белой, желтой и черной березы, осины с кустарником дуба, клена, липы, ильма, лещины; и единичными поделочными крупными ильмом, кленом и ясенем. Здесь в лесу так же много морошки, как и в Императорской гавани. Лес дровяной и строевой средних и крупных размеров, много сухостойных деревьев и валежника. Вообще хвойный строевой лес по р. Тумджи качествами и размерами уступает такому же лесу в Императорской гавани. По Тумджи взяты только 3 пробные части; из них 2 первые у юрты Оска и Хутудани в лучших хвойных лесах. По сравнению с пробными частями, взятыми в Императорской гавани, видно, что даже при одинаковом запасе древесной массы на Тумджи преобладают более средние размеры строевого леса. На этом протяжении р. Тумджи, кроме незначительных горных

речек Хомянгха и Нангнянпо, имеющих всего протяжения с небольшим 10 верст, в Тумджи впадают еще несколько горных ручьев, еще менее значительных: Куту, Фудзями, Чохонго, Му, Ызы, Тюктачи с правой стороны, Ыгы и Дладами с левой стороны. Орочи кочуют в юрте ниже р. Джугда на острове, в юрте Сиянхы между ручьями Куту и Фудзями, в юрте Лоцама на острове против горы Лоцама и в юрте Монгохто против горы Монгохто, везде ежегодно, часто перенося свои юрты с места на место. Близь самого устья впала в Тумджи довольно значительная речка Улаха, с левой стороны которой долина, по-видимому, не уже долины Тумджи, идет параллельно с морским берегом, а источник находится между незначительными приморскими речками и притоками нижнего течения Тумджи. Долина р. Тумджи также узка на устье, как и выше при устье в нее р. Акудани; горы с обеих сторон часто ниспадают крутыми утесами; частые острова речные, так как Тумджи редко течет одним руслом, не разделяясь на протоки, поросли в особенности в нижнем течении большею частью густым хвойным лесом и только в местах очень низменных тальником. От устья в Тумджи р. Хомянгха до устья р. Улахи около 40 верст, и отсюда до взморья 4 вер. В устье р. Улаха, на обоих берегах Тумджи, расположена постоянная дер. Дата, состоящая из 7 семейств орочей, живущих в таких же юртах из бересты и корья. Несколько выше этой деревни на правом берегу, на горе, можно удобно поселить русский пост, если таковой понадобится для рубки здесь лесу и для устройства сухопутного сообщения с Амуром по р. Тумджи. Тут в реке удобная стоянка для судов при нагрузке их лесом.

Всего протяжения долина р. Тумджи от устья в нее р. Акудани имеет 125 верст и на всем этом протяжении для оседлых русских земледельческих поселений еще менее удобна, нежели долина Амура, по крайней мере, в настоящее время. Морские берега, как в устье Тумджи, так и далее к югу до Императорского залива, очень однообразны и состоят из малорослой, тонкоствольной и криворослой лиственницы и ели дровяного достоинства и довольно редкого насаждения. Лес здесь очень старый, несмотря на тонкие размеры и покрыт бородачатым мхом. Полоса с таким лесом тянется по морскому берегу шириною на 1–1½ верст вглубь материка. Далее вглубь материка идет обыкновенный в северной полосе смешанный хвойно-лиственный лес из ели, лиственницы, пихты, белой и желтой березы, осины, изредка кедра и кустарника клена, дуба, ильма, липы, лещины и обильною морошкой. Лес везде изобилует сыростью, а местами совершенно заболотел.

Строевого хвойного леса здесь находится довольно количество и посредственно хорошего качества по речкам Джуанка и Уй, впадающим – первая в 11 верст, а вторая в 40 вер. от устья Тумджи, считая расстояние по берегу. Речка Джуанка имеет протяжения около 15 вер. и принимает 2 или 3 незначительных притока. Она имеет только в заливе ширину и глубину, достаточные для плавания в шлюпке, а далее 5 вер. от расположенных близь ее устья в море юрт на шлюпке в малую воду нельзя пробраться по причине мелей, а в большую по причине значительной быстрины прибылой воды. Сплавною для леса эта речка может служить только на это расстояние (5 вер. выше юрт) в среднюю воду.

Речка Уй гораздо значительнее р. Джуанка протяжением, но относительно глубины и быстрины в прибылую воду имеет одинаковый с нею характер. Для шлюпки она доступна верст на 5 от юрт. Далее осмотр местности был произведен

сухопутно, причем по лесу ходить весьма трудно от множества валежного леса. Река осмотрена на 15 верст. На одной из гор встречен, как редкость, экземпляр дикой яблони, которая здесь встречается, по словам туземцев, довольно редко и никогда не вызревает. Лес по р. Уй довольно густого насаждения смешанный хвойно-лиственный, дровяной, строевой, иногда же с преобладанием строевого материала. Господствующая порода вообще ель, затем лиственница, пихта, ольха, желтая, черная березы и осина, кустарник дуба, клена, липы, лещины с изобилием морошки и черники.

От м. Уй, при входе в залив Уй, только 3 версты до низменного перешейка, сажен в 25 шириною и менее версты длиною, отделяющего Отмелю бухту от моря. Так как море часто летом подвергается волнению, то инородцы на своих шлюпках и оморочах всегда предпочитают приставать к этому перешейку, перетасить здесь их берегом и потом следовать в русский пост по бухте Отмелой, нежели огибать бурливый мыс Дуэ (у орочей Дуэ-Дуани).

И здесь также морские берега представляют весьма плохую растительность. Лиственница и ели и здесь тонкоствольны, низкосучны и кривого роста, страдая от сильных морских ветров и от навала снега, которого здесь выпадает ужасное количество до 6 фут.

Императорский залив состоит из 3 больших бухт, названных русскими *Крестовою*, *Константиновскою*, *Отмелою*. Кроме того, 2 малые бухты в Крестовой бухте предположено назвать Иртыш и Паллада в воспоминание 2 судов русских, из которых один фрегат «Паллада» здесь затоплен, а другой транспорт «Иртыш» терпел здесь большие лишения.

На английских картах Императорский залив называется *Barrosouta bay*, а также *Ngay bay* (с названия орочского) *Emperog bay* (с названия русского). Пост русский здесь назван Константиновским; обыкновенно же называют русские и залив и пост – Императорскою Гаванью.

Ближние окрестности Императорского залива были исследованы сухопутно со всех возможных пунктов его берегов для подробной оценки имеющихся там лесов, которые разрешено было в 1863 году продавать для отпуска за границу. При этом, принимая во внимание, что через беспорядочную вырубку лесов на выбор причиняется много вреда оставляемому на корне лесу, а также значительно усиливается опасность от ветровала и огня, надзор за рубкою затрудняется, и доступ к берегам залива через засорение их неправильными вырубками и валежником может совершенно приостановить дальнейшую рубку и сбыт леса для заграничного торга, – поэтому предположено было и утверждено военным губернатором в Приморской области произвести в окрестностях Императорского залива на 5-верстном от берегов расстоянии (примерно на пространстве 12.000 десятин) подробную подесятинную таксацию и оценку лесов по таксе, утвержденной временно военным губернатором для отпускаемого за границу леса. Начало этим оценочным работам положено в 1864 году капитаном корпуса лесничих Будищевым*, и работа эта будет продолжаться назначенным для исправления должности лесного надзирателя в Императорском заливе Петровича по указаниям г. Будищевым ему данным.

* Эта дата приведена ошибочно. В рапорте А.Ф. Будищева № 42 от 7.IX.1863 г. указано, что лесо-строительные работы в районе Императорской Гавани проведены в 1863 г. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521. Ч.2). – *Прим. Ю.И. Манько.*

Основываясь на подробных исчислениях лесного материала в разных местах залива на 12-ти пробных частях в $1/4$ и в $1/2$ десятины величиною, выведены следующие результаты:

1. Породы леса в Императорском заливе следующие: ель, лиственница, пихта, белая, желтая, черная березы, осина, ольха, и в кустарном виде встречающиеся: дуб, клен, ясень, ильм, липа, лещина. Очень редко встречается некрупный кедр.

2. Господствующими породами в насаждении встречаются или ель, или лиственница.

3. Господствующий возраст деревьев насаждения, или средний возраст насаждения, колеблется между 80 и 220 летними.

4. Густота насаждений, в которых рубки еще не было (первобытных), колеблется между совершенно густым насаждением и $3/10$ густого, каковые крайности надо было ожидать по различию в местоположении на площади сплошь покрытой лесами. Но на большей части площади окрестностей Императорского залива можно встретить или совершенно густые насаждения, или имеющие $7/10-8/10$ густоты.

5. Запас изменяется сообразно местоположению, возрасту и густоте. В густых насаждениях запас достигает на 1 десятине 42–70 куб. саж. древесной массы (полагая в каждой куб. саж. 250 куб. ф. плотной древесной массы, как принято при казенных таксационных работах в России), в среднем возрасте 100–140–180 лет. При этом масса исчислялась только одного сырораствующего леса и притом только годная на дрова и в строевой лес, а мелкий лес в исчисление не принять.

Самый меньший древесный запас, при среднем возрасте 190 лет и густоте $3/10$, – найден в 17 куб. саж. на острове р. Хаджи, подверженному частым наводнениям.

6. Средний прирост леса, т. е. частное от деления древесного запаса десятины на средний возраст, или если возрасты смешаны, то суммы частных от деления массы господствующих в насаждении классов возраста на их средний возраст не превышает на 1 дес. – 150 куб. ф., что для первобытных разновозрастных лесов составляет цифру весьма значительную, и редко бывает ниже 75 куб. ф.

7. Размеров лес в Императорском заливе достигает очень значительных; это доказывает, что здешний климат и местоположение очень благоприятствуют росту леса и продолжают век естественной зрелости здешнего леса до 250 лет и более. Нередко попадаются деревья совершенно здоровые, имеющие в комле $42/100$ саж. (около 3 ф. или около 20 вершк.), при длине ствола 10–12 саж. (70–84 ф.) и в отрубе 4–5 вершков.

8. Процент строевого и дровяного леса изменяется для строевого от 60–80%, для дровяного от 20 до 40%.

Основываясь на этих данных, поддесятинная оценка предложена для различных классов десятин, и на основании исчисления лесного материала на пробных частях и оценки его по действующей таксе с льготой уступки половины ценности по таксе, при поддесятинной вырубке лесов, следующая:

За десятину леса I класса . . . 200 руб.

За десятину леса II класса . . . 150 руб.

За десятину леса III класса . . . 100 руб.

Наконец, предположено при подесятинной продаже, чтобы лесной надзиратель, при отводе участка на рубку в натуре, определял, сколько в него входит десятин (или частей десятины) каждого класса и, сообразно с тем, исчислял, сколько причитается за рубку участка пошлин, которые и взыскивать с покупателя.

Кроме того, так как в число отведенного участка, при отграничении его прямыми линиями, могут попасться десятины (или части их), с лесом дровяным, как по морскому побережью, или уже вырубленным, или весьма редкого насаждения, как в устье р. Хаджи, то таковые десятины предположено вовсе исключать из оценки, причисляя их к IV классу.

Таким образом, окрестности Императорского залива заключают в себе государственный капитал почти в 2 миллиона рублей, который при бдительном и правильном надзоре легко может быть выручен, если только продержатся в Шанхае высокие цены на лес, ныне там существующие.

В Константиновскую бухту впала не очень значительная речка Ма, вся поросшая лесом преимущественно еловым и лиственничным с примесью пихты, берез и осины. Р. Ма не может быть сплавной, разве на самое близкое расстояние, если очистить ее русло от засорившего ее валежного леса и коряжника, в малую воду она очень мелка и доступна только для орочских долбленых оморок, или для плоскодонной лодки. По всей речке встречается густой лес строевой и дровяной средних и крупных размеров; течение ее довольно тихое.

В Крестовую бухту впала значительная речка Хаджи, тоже вся заросшая лесами. Вообще в окрестностях Императорского залива едва ли найдется 3 десятины, оголенные от леса. Река Хаджи заселена орочами, кочующими ежегодно по всем окрестностям, смотря по времени года и промыслу, которым занимаются. У устья р. Хаджи течет в 2 довольно широких протоках и выше последних юрт у горы Джохэ она уже, быстрее и редко разделяется на протоки. В прибылую воду река страшно быстра и лес сплавать по ней невозможно, даже в долбленной омороке плыть по ней с туземцами небезопасно. В 20 вер. от устья 2 главные притока образуют реку Хаджи; левый называется Тутта, правый – Нюмми. По первому и плыть и ходить трудно, так как он сильно завален валежником и коряжником. По правому – ход в оморочке, при управлении ею дикарями, возможен еще на 15 верст до устья в нее р. Чуфанли, и отсюда же в среднюю воду (на убыли) возможен и удобен сплав леса. Хаджа в верховьях своих окружена, по словам туземцев, руслом р. Кыпи, впадающей в Татарский пролив – южнее Императорского залива. Лес на всем этом пространстве наполовину, или на третью часть, сухоподстойный, очень густого насаждения, строевой и дровяной. Выше по р. Нюмми, в смеси обыкновенного хвойного леса, начинают попадаться: ильм, ясень, клен и дуб средних поделочных размеров, черная береза, из кустарников жимолость, черемха, сирень, боярка. Ороча особенно ценят вербу (*Salix graesox*) и весьма редко попадающийся тополь, из которых они выдалбливают себе оморочки, на которых легко поднимаются вверх по своим быстрым речкам, ловко управляют на них вниз по течению даже в прибылую воду, которая чрезвычайно быстра, и даже на них плавают морем вдоль берегов, не опасаясь волнения.

XX. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ПО БЕРЕГАМ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА ОТ ЗАЛИВА ДЕ-КАСТРИ ДО Р. ХОИ И ПО РУСЛУ Р. ТУМДЖИ ДО УСТЬЯ В НЕЕ Р. АКУДАНИ

По всему протяжению бер. Татарского пролива между мысом Клостер-камп в заливе Де-Кастри и устьем р. Хои встречаются хвойные леса, состоящие из ели, пихты, лиственницы с примесью желтой березы (*B. Ermani*), ольхи, желтого клена и очень редко единичных деревьев дуба, сибирской яблони; эта примесь лиственных пород составляет подлесок и покрывает собою морские побережья. Леса по морскому берегу страдают от ветровалов, покрыты валежником и представляют собою сплошную полосу дровяника, в составе которого, как редкое исключение, южнее р. Дзидюэ, встречается одиночно растущий, незначительных размеров, кедр. Лиственницы особенно много по р. р. Акси, Дзидюэ, в долине которых она представляется прекрасным, строевым деревом, в незначительном от устья этих рек расстоянии. Она встречается в большом количестве по р. Ду, где по склонам прибрежных этой реки гор, уступивши место хвойному строевому лесу ели, пихты, лиственницы, покрывает собою моховые болотистые пространства, лежащие в долинах р. Ду и р. Вэны, берущей верховья свои вблизи вершин р. Ду и впадающей в Татарский пролив несколько выше р. Акси.

Широкая долина р. Хои поросла дровяным, фашинным и поделочным лесом, состоящим из ели, пихты, березы, желтого клена, ольхи, красной вербы, очень редко тополя и оскоря. Пространство долины, прилежащее к подошве гор Хои, средняя полоса их покатостей покрыты хвойным строевым лесом вышеозначенных древесных пород, в составе которого лиственница является преобладающей породой в верховьях р. Хои и по р. Якдау, правого притока вышеозначенной реки. Здесь лиственница достигает корабельных и мачтовых размеров. Реки Хои, Якдау, имеющие узкое извилистое русло, чрезвычайно быстры, глубоки и в верховьях засорены наносным лесом.

Речка Якдау, берущая начало в плоской возвышенности Ситу, отделяющей долину р. Тумджи от цепи прибрежных морских гор, верховьем своим приближается к р. Дзядзальдукта, впадающей слева в р. Тумджи, недалеко, от истока последней реки из хребта Сихотэ-Алин. Узкие долины Якдау, Дзядзальдукта, горная страна, рассеченная их извилистым, глубоким руслом, покрыты густым насаждением хвойного строевого леса ели, пихты; присутствие лиственницы начинает делаться заметным ближе к долине р. Тумджи; здесь лес становится реже, имеет качества хорошего строевого материала, и по горным вершинам хребта Тумджи, с большим содержанием валежника и сушняка, идет полосой дровяного леса. Южнее устья р. Дзядзальдукта долина р. Тумджи покрыта сплошной полосой горелого леса; острова же, образованные многочисленными

рукавами реки, поросли фашинным, поделочным лесом, состоящим из желтой березы, желтого клена, очень редко белой березы; с ними вместе встречаются ольха, тополь, красная верба огромных размеров, черемха, боярышник. В средней полосе долины р. Тумджи начинает попадаться ясень; в горах – кедр, мелколистный клен, искривленные деревья дуба; в верховьях Тумджи, по словам туземцев, попадается *Juglans mandshurica*, виноград. С меньшею примесью горелого и лучших качеств, как строевой, местами как корабельный материал, лес начинает попадаться в долине Тумджи, несколько севернее устья р. Муллидани. Река Тумджи, имеющая значительную ширину и глубину, быстра, с извилистым, разбитым на острове руслом, с частыми в верховьях каменистыми мелями, наносами колодника, и опасна для плавания. Река Акудани, правый приток р. Тумджи, берет начало в водораздельном хребте Сихотэ-Алинь; величина ее не так значительна; из вершин ее переход к верховьям р. Муллидани, которая в 1861 году, по разлитию вод, с устья была недоступна. Источники р. Муллидани находятся близ источников р. Хунгари, именно того, который называется р. Хур. Долины речек Акудани и Муллидани заросли хвойным лесом, имеют почти что одинаковый характер с долиною р. Тумджи. Здесь только гораздо реже встречается кедр, лиственницы очень много; те же породы фашинного и поделочного леса, кроме ясени, белой березы, мелколистного клена. Местами, но очень редко, около устья р. Акудани попадаются полосы горелого леса, которого значительно больше в верховьях этой реки, где он покрывает узкую речную долину, покато-сти гор, к ней прилежащих, почти что непроходимым колодником.

Последний на этом пути источник р. Муллидани, называемой Хунгариадара, безлесен в вершине; покато-сти его, идущие к морю, покрыты густым дровяником; склоны его, спускающиеся в долину Хунгари, образуют непрерывную цепь береговых гор, отклоняющихся далеко в сторону южнее устья р. Уодоми у левого берега реки Хунгари.

Петрович

XXI. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ, РАСТУЩИХ ПО БЕРЕГУ ТАТАРСКОГО ПРОЛИВА МЕЖДУ ИМПЕРАТОРСКОЮ ГАВАНЬЮ И Р. ЫККИ

Берег Татарского пролива между Императорскою гаванью и рекою Ыкки представляет собою горную страну, пересеченную множеством узких долин, ущелий, образованных кряжами гор, идущими в северо-восточном к берегу направлении, врезающимися в море скалистыми, высокими мысами. Эта страна образована восточными покатостями хребта Сихотэ-Алинь, отделяющего морские реки от притоков р.р. Амура, Усури и разбита на шесть неровных по величине участков отрогами Сихотэ-Алиня, составляющими собою высокие цепи гор: Найга (Джонго), Гидзю, Кэпи, Уэ, Адзами и Ыкки. Наивысшими точками этого пространства являются горы Кактэльтэ и Генде, прилегающие к юго-западному склону хребта Кэпики, ограничивающего собою с юга долину р. Кэпики – правого и большого притока р. Кэпи. Наименьшую высоту имеют: а) обширная площадь, спускающаяся по северо-западному склону хребта Найга к южному берегу Императорской гавани, ограниченная с востока береговою морскою возвышенностью, с запада покатостями гор Хаджи; б) долина р. Гидзю; в) пространство, отрезанное от моря горами Каданега, с запада прилегающее к хребту Пучи, с юга хребтам Кэпи, Кэпики, и отделенное с востока от моря береговою возвышенностию, образованною отрогами гор Кактэльтэ; г) небольшой участок, имеющий очертание неправильной трапеции, идущий к морю от подошвы гор Кактэльтэ и врезающийся в него песчаным мысом Сиктэ; д) низменная долина р.р. Аку, Ауча; е) полоса морского берега между устьями р.р. Наккага и Анкоя, с едва заметным подъемом к северу-западу от моря в глубь материка; ж) покатость, идущая к Татарскому проливу между р.р. Токкала, Адзами; з) и долины Ыкки.

Реки, орошающие это пространство, представляют собою быстрые, горные потоки, с каменистым ложем, которое извилено, покрыто местами наносным лесом; они вообще незначительны; наибольшие из них р.р. Кэпи и Ыкки. Первая, имея глубину до 12 ф., небольшое падение в устье, удобна для сплава в незначительном от него расстоянии, – в малую воду не далее 15 верст; выше она делается мельче и слишком быстра. Река Ыкки, при самом ее впадении в море, очень мелка, быстрее, уже р. Кэпи и представляет для вырубki лес только дровяной, растущий в изобилии по окраине долины у устья реки; лес строевой удален от него и сплав его по этой реке более, чем затруднителен.

По всему протяжению между Императорскою гаванью и р. Ыкки берег Татарского пролива покрыт хвойным лесом, состав и качества которого изменяются сообразно местоположению, почве и другим местным условиям; примесь лиственных пород незначительна в подлеске, в ложбинах гор; она делается

заметнее в долинах р.р. Кэпи и Ыкки; по морскому же берегу она составляет с хвойным лесом смешанный дровяной, местами, к югу от мыса Ауча. Вообще лесные участки, лежащие по самому морскому берегу, страдают от действия сильных ветровалов, покрыты густым валежником и удовлетворяют только качествам дровяного леса.

Плоскость, спускающаяся по склонам хребта Найга к южному берегу Императорской гавани, пересекается незначительными речками (Биса, Бисаца и Укэ), малой ширины и глубины, с невысокими крутыми берегами; они вливаются в море широкими устьями и первые две из них образуют залив Биса, усеянный подводными камнями. К Татарскому проливу этот участок прилегает береговой возвышенностью, которая к югу от Императорской гавани тянется невысокими горами, врезающимися в море: скалистым мысом Биса, низким мысом Сяяку, от которого идет в залив Биса гряда подводных камней, и скалоу Хайнко, имеющую значительную высоту; далее береговая возвышенность отвесными уступами гор образует малый мыс Дзее и, пересекаясь речкою Дзее, в вершине ее ложбины, соединяется с хребтом Найга, который тянется далее по морскому берегу на запад. Береговая возвышенность покрыта густым насаждением дровяного леса, состоящего из ели, пихты (*Picea ajanensis*), лиственницы; в незначительном количестве встречаются в этом лесу: желтая береза (*Betula Ermani*), желтый клен (*Acer spicatum* var. *ussuriense*), рябина, очень редко попадается кедр, единичными деревьями; горы Хайнко покрыты незначительными островками того же леса, в котором замечается по покатолям гор ольха белая, невысоким кустарным деревцом; такая же ольха с малой примесью красной вербы (*Salix Praecox*) встречается по берегам р.р. Биса, Бисаца и Укэ, поросших елью, лиственницею, пихтою по болотистому грунту земли, составляющими здесь густое насаждение дровяного леса; далее от устья этих рек к склонам хребта Найга содержание лиственницы в составе леса увеличивается и вместе с елью она образует строевой лес, к которому по покатолям гор Найга примешивается кедр, растущий высокими, хороших качеств, единичными деревьями; вершина хребта Найга поросла густым лесом строевым и дровяным; к морской стороне лес преимущественно дровяной, с валежником.

Хребет Найга или Джончо, составляя морской берег в 11-ти верстах на юг от Императорской гавани, тянется высокими скалистыми гребнем гор; он выдается в море мысами Джончо, Асинге, Чуунинко и, пересекаясь незначительными ложбинами Асиние, Чуунинко, перерезанными извилистыми мелкими, с каменным ложем, того же имени горными потоками, образует левый берег долины р.р. Мофача и Гидзюца. К стороне моря он покрыт густым дровяным хвойным лесом; встречаются маленькие островки строевого хвойного леса, состоящего из ели, пихты, лиственницы (в количестве 4,0 первой, 0,3 второй и 0,25 последней – общего их в лесонасаждении содержания); очень редко, единичными деревьями, попадается кедр; в этих участках строевого леса много валежника, сухоподстойного леса, и вообще он невысоких качеств. По склонам хребта в ущелье Чуунинко лес горелый, которого много и по горам Чуунинко; он вместе с сухоподстойным, там встречающимся, и небольшим количеством хвойных лесных пород, характеризующих это пространство берега Татарского пролива, образует сплошную полосу дровяника; такой же лес с меньшею примесью горелого леса идет по морскому берегу ниже устья р. Мофача до устья р. Гидзюца, по склонам гор: Мофача,

Чокколэ, Синготэ, прилегающих к морю их восточными покатосями, а на запад спускающихся в долину реки Гидзюца. Из речек, берущих начало в этих горах, большие: верхняя Мофача и Уйнюк, но и те имеют значение не более, как горных потоков, частью пересыхающих в жаркое лето и только в высокую воду с значительною глубиною в устье. Лучших качеств лес, с значительным количеством деревьев строевого размера, покрывает обе горные покатося, спускающиеся в долину узкой извилистой и чрезвычайно быстрой речки Гидзюца, текущей с севера; он состоит из ели, пихты, лиственницы, кедра; как примесь, встречается береза, значительных размеров, небольшие искривленные деревца рябины, кустарная бузина (*Viburnum Opulus*); в вершинах р. Гидзюца, по покатосям хребта Найга и водораздельных гор Гидзюца, образующих левые берега р.р. Гидзюца и Гидзю, в растущем там строевом лесу содержание лиственницы и кедра увеличивается, и обе эти древесные породы встречаются здесь лучших качеств и больших размеров, чем вблизи моря.

В $\frac{3}{4}$ версты ниже устья р. Гидзюца морская береговая возвышенность перервана долиною р. Гидзю, протекающей узким извилистым потоком на значительное расстояние в восточном к морю направлении при впадении в него вливающейся в котловинное, значительной глубины озеро того же имени, образованное склонами гор, ограничивающих долину р. Гидзю. Наполнивши это озеро, она течет в море мелким, узким ручьем по каменистому, имеющему большое падение ложу. Суживаясь по мере удаления от моря, цепи гор, тянущиеся по обоим берегам Гидзю, пересекаются узкими ущельями, изрытыми быстрыми речками Гидзюца и Сололка, – притоками Гидзю, и в глубину материка идут крутизнами значительного подъема, составляющими хребет Гидзю с левой стороны одноименной с ним реки и отроги хребта Пучи, прилегающая северными покатосями к долине этой реки. Низменная долина Гидзю, разделенная при впадении реки в озеро Гидзю незначительными протоками на несколько островов, болотиста, по берегам реки покрыта поемными лугами, – местами поросла: белой ольхой, красной вербой, редко елью, пихтой; такой же характер имеют и узкие долины речек Гидзюца, Сололка, впадающих в Гидзю, первая с левой, другая с правой стороны; ближе у подошвы гор к этим древесным породам примешивается береза желтая, достигающая здесь значительных размеров и растущая в большем количестве по южной покатося гор, ограничивающих долину р. Гидзю с севера, у устья этой реки. Горные склоны, спускающиеся в долину, поросли хвойным дровяным лесом, состоящим из ели, пихты и очень незначительного количества лиственницы; ближе к гребню гор тянется строевой лес тех же древесных пород, растущий густым насаждением; в нем встречается и кедр, количественное содержание которого в лесонасаждении увеличивается заметно за речкою Сололка, к покатосям хребта Пучи. Растущий здесь строевой лес встречается нижеследующих размеров: ель, 4 вершков в верхнем отрубе, достигает до 7 саж. длины при 150-летнем возрасте; пихта, 5 в длину, имея 137 лет; кедр и лиственница до 8 саж. длины, первый при 147 и последняя при 140-летнем возрасте; лес мачтового размера встречается единичными деревьями; достигающие больших размеров древесные стволы страдают в этой местности от слишком сырого грунта земли.

Берег Татарского пролива, пересеченный долиною Гидзю идет далее отвесными высокими горами, вдающимися в море мысом Гидзю, с тремя коническими

скалистыми вершинами и незначительными выступами гор Пололекэ, Метего, выходя в море крутою горою Лохо и мысом Чумакэ, оконечностью горы Самтакэ он подымается на большую высоту горною цепью Чумакэ, отделяющею верховье р. Сололка от р. Пучи. Образовавши узким ущельем русло речки Самтакэ и, пересекшись ниже незначительною горною впадиною, береговая возвышенность тянется непрерывною стеною гор Каданега, врезающеюся в море мысом Лонгокто; прервавшись долиною Лонгокто, она ограничивает крутыми горами долину р. Пучи с левой стороны и понижается постепенными покатостями по мере приближения ее к месту впадения р. Пучи в море. Эта возвышенность, пересеченная малыми речками Чумакэ и Лонгокто, покрыта густым насаждением дровяного хвойная леса, в котором только около мыса Лонгокто явственно заметна примесь желтой березы. Строевой лес, состоящий из ели, кедра и пихты, протянулся узкою полоскою по гребню Чумакэ; остальные горные вершины и покатости покрыты дровяным лесом и густым, почти что непроходимым валежником, которого особенно много по р. Лонгокто. По склонам береговой возвышенности в долину р. Пучи много сухоподстойного леса; местами в дровяном лесу, здесь растущем, встречается строевой лес, маленькими островками, с большим содержанием в нем валежника перестойных деревьев. Вообще пространство, лежащее между устьями рр. Гидзю и Пучи, за исключением гор Чумакэ, представляет низкого достоинства лесные участки.

При устье р. Пучи, удаляясь от моря в глубь страны на W и образуя хребт Пучи, береговая возвышенность тянется в расстоянии 5 верст от моря, обращенная восточными покатостями в долину р. Пучи; она приближается к морю отрогом своим, горою Кальгака, отделяющим воды реки Пучи от вод ее притока Пучича, впадающая в нее с правой стороны; далее она идет невысокою площадью, с крутизнами у верховья р. Пучича, и полого спускается к морю, пересекаясь малыми речками Биса, Бисаца; врезавшись в него низкими, обрывистыми мысами Хайка-дуонэ, Ганай-дуонэ, и отделившись от хребта Кэпи речкою Улека, береговая морская возвышенность сливается с болотистым пространством, прилежащим с севера к реке Кэпи. Покатости хребта Пучи и гора Кальгака покрыты густым насаждением строевого леса, который делается заметно реже у вершины горы Кальгака; местами встречается сухоподстойный и горелый лес с валежником, в особенности по крутым подъемам гор, идущих с правой стороны р. Пучи; валежник попадает и по восточной покатости г. Кальгака. Площадь, лежащая между устьем р. Пучи и долиною Кэпи, пересеченная рр. Биса и Бисаца, покрыта густым насаждением хвойного дровяного леса, тянущегося непрерывной полосой по морскому берегу; стороны ее, спускающиеся в долины рр. Кэпи, Улека и Пучича, поросли строевым лесом удовлетворительных качеств и густого насаждения, достигающего очень большой густоты по берегу р. Улека, где он в особенности засорен валежником. В растущем здесь строевом лесу, наиболее удовлетворительные качества имеют полосы его: спустившаяся по восточной покатости горы Кальгака треугольником к месту впадения р. Пучича в р. Пучи подлесок ее, дровяник, по болотистому грунту земли, идущая параллельно морскому берегу в верховьях рр. Биса, Бисаца и полоса, протянувшаяся по отлогому спуску береговой возвышенности левого берега долины реки Кэпи. Наибольшее количественное содержание в составе лесонасаждения представляют: в первой и во второй полосе – лиственница, в третьей встречается более ели; кедр

попадает в значительном количестве в строевом лесу, прилегающем к р. Улека. Строевой лес, здесь находящийся, достигает нижеследующих размеров при 4 вершк. верхнего отруба древесного ствола: лиственница, имеющая до 150 лет, 8¹/₂ саж. длины и до 14 вершк. в нижнем отрубе; ель, 120-летнего возраста 8-саженной длины и в комле 12 вершк.; кедр 7 саж. длины в 148-летнем возрасте. Дровяной лес состоит преимущественно из лиственницы, которая растет чистым насаждением по болотистому берегу р. Пучича, у устья ее; содержание ели, пихты в дровянике увеличивается от р.р. Биса, Бисаца по морскому берегу до мыса Гапай-дуонэ; березы и ольхи встречается очень мало и то у самого берега речек, орошающих это пространство. Из трех речек, впадающих в море на пространстве между устьем р. Лонгокто и мысом Гапай-дуонэ, большая р. Пучи; она узка, но значительной глубины; в устье мелка, с каменистым дном; верховья ее засорены наносным лесом; как она, так и правый приток ее Пучича, чрезвычайно быстры, извилисты; речки Биса, Бисаца не более, как горные, быстрые ручьи.

Мыс Гапай-дуонэ составляет северную оконечность небольшой открытой с морской стороны бухты, с юго-запада ограниченной скалистыми горами береговой возвышенности (обрывистым мысом Тылакэ), вдавшейся в море на южной оконечности бухты. В эту глубокою, при слиянии вод реки Кэпи с морем, имеющую песчаное дно, морскую бухту открывается широкая долина Кэпи, по обеим сторонам которой протянулся хребет одного с ней наименования. Этот хребет, ограничивая собою правый берег долины, выходит к морю постепенными уступами у устья р. Кэпики, правого притока, р. Кэпи; в 2 верст. от устья последней, с левой стороны, он спустился к правому берегу р. Улека, впадающей с севера в р. Кэпи, в 3¹/₂ верстах от слияния ее с морем; на протяжении 5 верст, считая от морского берега, хребет Кэпи имеет северо-западное направление; далее он идет на NNW высоким гребнем гор, дающих начало речке Ямдога, северного небольшого притока р. Кэпики; по левому берегу долины Кэпи хребет, от места выхода его к устью р. Улека, соединившись с отрогами хребта, от места выхода его к устью р. Улека, соединившись с отрогами хребта Пучи, протянулся в глубину страны NNW направлении высокими горами, выступающими в долину Кэпи крутыми обрывами. На правом берегу этой долины хребет по направлению р. Кэпики, отрогом своим углубился на юг, параллельно морскому берегу и составил таким образом высокую стену гор, отделяющую воды р. Кэпики от вод ее притока р. Ямдога; по восточной границе долины Кэпики идет морская береговая возвышенность, впадающая в море незначительными выступами Далэ, Сигдали, продолговатыми, низкими, с усеченною вершиною, скалами мыса Хогонко; постепенно возвышаясь до мыса Сигдаско, береговая возвышенность изменяет свое южное направление на западное и, слившись с горами Кактельтэ, идущими далее по морскому берегу, углубляется в материк в таком же направлении, отклоняющимся несколько на юг, составляя северными покатостями своими долину р. Кэпики. Река Кэпи, впадающая в море между мысами Гапай-дуонэ и Тылакэ довольно широким и глубоким устьем, имеет SO течение, которое при слиянии ее вод с морскими переменяется на восточное. Она протекает по низменной, болотистой долине, между цепью гор, составляющих хребет Кэпи, в глубоком, глинисто-песчаном русле, в устье реки, имеющем очень малое падение. В расстоянии 2 верст от устья она принимает в себя с правой стороны р. Кэпики; при впадении в нее последней, река Кэпи разбивается на несколько рукавов. Главный фарватер

реки лежит по середине долины ее течения: он идет с севера у места слияния р. Кэпики с р. Кэпи и приближается к хребту Кэпи, ограничивающему долину, с ним одноименную, с левой стороны. В 3¹/₂ верстах от устья в реку Кэпи впадает слева малая речка Улека; далее Кэпи течет между болотистыми берегами, омывая побочными рукавами своими подошвы гор, идущих по сторонам ее долины; она извилиста, с замечательно быстрым течением, опасным для плавания по причине водоворотов, образованных сильным напором встречных течений речных протоков; в верховьях русло р. Кэпи узко, засорено наносным лесом и имеет очень большое падение. Река Кэпики, правый приток Кэпи, имеет одинаковый с ней характер; при устье она разделилась на несколько узких рукавов и, протекая по болотистой долине, между низкими берегами, в верховьях представляет собою быстрый, горный поток с хрящеватым, засоренным лесными стволами и корнями узким руслом. Речка Кэпики принимает в себя с правой стороны Ямдогу, впадающую в нее с севера; как последняя, так и речка Улека, имеют значение ручьев, в вершинах с подземным течением и несколько расширяющимся у устья их руслом; различие их заключается только в меньшей быстрине р. Улека и в низменных болотистых берегах ее, которые представляются отвесными, значительной высоты горными уступами, разделенными узким ущельем, в котором берет начало верховье р. Ямдога. Низменная долина Кэпи у устья одноименной с ней реки поросла лиственничным лесом, который протянулся узкою полосой по морской окраине долины и по левому берегу реки до места соединения ее с р. Улека. Этой полосой леса ограничивается моховое, болотистое пространство, покрытое редкорастущей лиственницей, имеющей по всей площади, которою она прилегает к левому берегу реки Кэпи, качества дровяного леса; по бечевнику реки к нему примешиваются единично растущие деревья кедрового и елового леса; правый берег долины покрыт редкорастущей лиственницей, с примесью желтой березы, кустарных пород; бузины, шиповника, черемхи (*Prunus Padus*), ольхи белой. Полоса речной долины, идущая у подошвы правой ветви хребта Кэпи, разделенная течением реки на многие острова, поросла дровяным хвойным лесом, который состоит из ели, пихты, лиственницы, густорастущих в равном между собою количестве; средняя полоса долины покрыта смешанным лесом, могущим иметь употребление на поделки, фашины и как дровяной, прутняковый материал. Таковой же характер сохраняют острова, лежащие между северными протоками р. Кэпи, а в верховьях последней они поросли более значительных размеров и лучших качеств смешанным лесом, в котором увеличивается содержание лиственных пород, а вместе с тем количество поделочного и фашинного леса, по сведениям, доставленным туземцами. В состав смешанного леса входят: ель, пихта; в малом количестве низкого достоинства лиственница; береза, достигающая значительных размеров (*Betula Ermani*); ольха белая, встречающаяся высоким деревом; ольха туполистная (*Alnaster viridis*), черемха (*Prunus Padus*); красная верба (*Salix Praecox*), тальник (*Salix viminalis*); белый таль (*Salix depressa*); тополь (*Populus suaveolens*); последний и *Salix Praecox* имеют огромные размеры в верховьях Кэпи, где в долине, защищенной горами от морских ветров и обращенной на юг главною покатостью, по словам туземцев, примешиваются к ним белые и черные березы, ясень и даже липа.

Болотистая долина рек Кэпики и Ямдога покрыта хвойным лесом, в котором преобладает лиственница; количество ее уменьшается в лесной полосе, лежащей

по берегам речки Ямдога; прочие древесные породы, входящие в состав лесонасаждения, встречающегося по р. Кэпики, суть: ель, пихта, очень малая примесь кедра; по окраинам берегов замечаются ольха, белая и желтая береза; моховые болотистые пространства, лежащие по левому берегу Кэпики и протянувшиеся вдоль подошвы хребта Кэпи, спускающегося восточными, и юго-восточными покатолями своими в долину этой реки, поросли редким дровяным лесом лиственницы. Ель составляет преобладающую древесную породу р. Ямдога и местами достигает там огромных размеров, в особенности у верховья речки. Лес, растущий в долине Кэпики, образует участки строевого леса, приближаясь к покатоли хребта Кэпи, около устья р. Кэпики, редкими островками попадает, по правому берегу этой реки, около подошвы хребта Кэпики, строевой, хвойный лес; остальное пространство покрыто дровяником, который составляет также преобладающую составную часть лесного пространства, протянувшуюся по узкой, болотистой долине речки Ямдога.

Покатоли хребта Кэпи, спускающиеся в одноименную с ним долину, поросли хвойным лесом; гребень ее местами безлесен, местами покрыт валежником и сушняком. В долину Кэпики по восточной отлогости хребта протянулось несколько ложбин, которые идут и по берегу р. Ямдога, около верховья ее; горный склон Кэпи, вдавшийся мысом в долину Кэпики у устья речки, в ней протекающей, представляет собою сплошную полосу густорастущего строевого леса; подлесок его дровяник, идущий нешироко по крутым уступам гор и у подошвы их, вдоль правого берега р. Кэпи; эта полоса, в 4 верстах от устья р. Кэпи расширяется, покрыта валежником, и вместе с примесью строевого леса сплошь занимает на протяжении $1\frac{1}{2}$ верст площадь, обращенную крутизнами в долину Кэпи, а отлогостями на запад. Пересекшись здесь горным безымянным ручьем, хребет Кэпи постепенными уступами поднимается на запад и, образуя покатолями своими узкие ложины, идет высокими горами, обрывистыми на северо-восточной их стороне и достигающими наибольшей высоты в вершине р. Ямдога и в отроге, которыми разграничены между собою долина последней речки от низовья р. Кэпики. На этом пространстве хребет Кэпи, по внутренним склонам и по гребню его, порос густым насаждением большемерного хвойного леса, состоящим из древесных стволов, годных как строевой, корабельный и мачтовый материал. Этот участок леса, с очень редкими перестойными деревьями и, местами незначительным валежником представляет собою лучшую во всех отношениях лесную площадь на всей прибрежной полосе Татарского пролива. Наибольшее содержание мачтового и корабельного леса входит в состав полосы, протянувшейся по отлогостям хребта, образующим левый берег безымянного ручья, впадающего в р. Кэпи, в расстоянии $4\frac{1}{2}$ вер. от ее устья. Далее, по направлению долины Кэпи, горные склоны и вершины представляют большее содержание строевых древесных стволов в лесу, покрывающем их густым насаждением. Подошва хребта Кэпи, прилежащая к правому берегу одноименной с ним долины, поросла хвойным дровяным лесом, к которому примешивается значительное количество лиственных пород поделочного фашинного леса, составляющее с первым смешанный лес, растущий преимущественно по самой долине р. Кэпи. Ветвь хребта, протянувшаяся вдоль северной стороны долины, по вершинам и покатолям покрыта однообразною массою строевого, хвойного леса, в котором много дровяника. Он имеет такой же характер, как и лес, растущий по южному

хребту Кэпи; дровяник и здесь растет преимущественно в полеске по подошве крутых, обрывистых покатоств гор, спускающихся в долину Кэпи, от устья р. Улека, до места поворота хребта на NNW от морского берега. Улубляясь далее к материку, горные склоны сливаются с долиною Кэпи, поросли по средней их полосе строевым, в нижней ближе к подошве их – дровяным хвойным лесом, переходящим в смешанный в долине, ими ограничиваемой. Древесные породы, составляющие леса, которыми покрыты горы, идущие по направлению долины Кэпи, суть: ель, пихта, кедр, лиственница. В строевом лесу, протянувшимся к устью р. Кэпики встречается много кедра; лиственницы в нем мало; ель в этом участке растет прекрасными большемерными деревьями и вместе с кедром образует хороший строевой материал, который с большим удобством можно рубить и сплавлять по р. Кэпи, бегущей здесь широким и глубоким потоком. В состав участков леса, спустившихся по покатоствам гор к левому берегу безымянного ручья, входят: ель, лиственница, кедр, пихта, тисс (*Taxus baccata*), желтая береза; в ущельях гор: ольха, желтый клен, бузина с примесью хвойных пород. Здесь ель и лиственница достигают размеров мачтового леса, кедр корабельного и растут насаждением средней густоты, образуя почти что равные доли составных частей леса; тисс, встречающийся в этом лесу, растет невысоким, изогнутым деревцом, имеющим иногда до 10 вершков в комле; пихта небольших размеров; береза встречается прямоствольная, 12-ти и более вершков в поперечнике основания; клен желтый и ольха растут кустарными, невысокими деревьями.

Хвойный строевой лес, покрывающий собою северную ветвь хребта Кэпи, имеет совершенно одинаковый состав с растущим по правому берегу долины Кэпи; в нем уменьшается только количество лиственницы. Корабельный и мачтовый лес встречается редко, единичными деревьями в 4 верстах от устья реки Кэпи, по юго-западной покатоств гор, встречается кустарно-растущий мелколиственный клен (*Aser Mono*). Строевой хвойный лес, покрывающий собою эту часть гор, в особенности склоны их, обращенные в долину р. Улека, с значительным количеством перестойных деревьев, засорен густым, почти что непроходимым валежником. Дровяной лес, покрывающий подошвы северной и южной ветвей хребта, ограничивающего собою долину Кэпи, состоит из ели, пихты, лиственницы и березы, количество лиственницы преобладает над составною в лесонасаждении долею остальных пород вблизи устья р. Кэпи; оно уменьшается по мере удаления от него и делается незначительным уже начиная от места поворота долины на NNW от моря. Отрог хребта Кэпи, разделяющий долины р.р. Кэпики и Ямдога, по скатам его, спускающимся к долине реки Кэпики в полосе, прилежащей к устью этой реки, порос хвойным строевым лесом, состоящим из ели, пихты, кедра и малого количества лиственницы; покатоств его, выходящие к окраинам речной долины, покрыты полосами дровяного леса, в составе которого лиственница делается господствующею породою по мере понижения горных покатоств и соединения их с плоскостью долины. Южнее, по этим разграничивающим горам, растет хвойный лес, состоящий из строевых и дровяных участков; последние образуют преобладающую составную часть лесонасаждения горной оконечности, выдающейся в долину Кэпики при устье р. Ямдога; здесь много валежника, сушняка и строевой лес не имеет удовлетворительных качеств. Крутизны гор, прилежащие к левому берегу р. Ямдога, представляют собою сплошную однообразную полосу дровяника, который в верховьях реки подходит

к строевому хвойному лесу, здесь находящемуся и спускающемуся сюда с юго-восточных склонов гор, ограничивающих собою правый берег р. Кэпи; хвойный лес, состоящий из ели, пихты, небольшой примеси лиственницы, с заметно увеличивающимся в средней полосе горных покатостей количеством кедра, тянется по правому берегу долины Ямдога, переходя в дровяной лес у подошвы гор и в самой долине речки Ямдога. Береговая морская возвышенность, отделяющая от моря долину Кэпики, покрыта редко растущим дровяным лесом, состоящим из лиственницы, березы и малой примеси ели; местами береза является преобладающею древесною в этом лесу породю; лиственницы особенно много по склонам гор, лежащих при устье р. Кэпи; количество ели, пихты увеличивается в полосе дровяного леса, лежащей по морскому берегу; береза (*Betula Ermani*), здесь растущая, достигает больших размеров; лиственница же попадаетея очень редко. Лесонасаждение береговой возвышенности из очень редкого переходит в весьма густое, по мере удаления от долины Кэпики и приближения к окраине морского берега; при соединении ее с северо-восточными покатостями гор Кактельтэ растет хвойный строевой лес, протянувшийся довольно широкою полосю по склонам хребта Кэпики южной границы бассейна вод р. Кэпи. Подошва хребта Кэпики и гор Кактельтэ покрыта хвойным дровяным лесом, в котором поровну растут ель, пихта, лиственница; кедр попадаетея по средней полосе горных склонов и его особенно много по горам Кактельтэ; по гребню хребта Кэпики лиственницы встречается очень мало; прочие составные части растущего здесь строевого леса: желтая береза, тисс, желтый и мелколистный клены; ольха в горных ущельях, ель, кедр и береза достигают значительных размеров в лесе, растущем по гребню и средней полосе северных покатостей гор; первые, единично, имеют размеры мачтового и корабельного леса преимущественно в горах Кактельтэ; лиственница хотя и встречается больших размеров, но перестойными с дряблою сердцевиною деревьями.

К югу от мыса Сигдамо береговая возвышенность удаляется от моря на SWW и, разделившись на несколько горных ветвей долинами рр. Пуча, Кэфанса, Аку, Ауча, Наккага, Ича, Аикоя и Уэ, тянется в стороне от него. Удалившись у левого берега р. Уэ на 5 верст от моря, она приближается к окраине морского берега грядами гор Кактелтэ и Гендэ (самых высоких на пространстве между Императорскою гаванью и р. Ыкки), – отдельно стоящими между устьями р.р. Аку и Ауча, прибрежными горами Аку, вершинами Ланге; вдавшимися в море мысом Ауча и разделяющими долины р.р. Ауча и Наккага. Горы Наккага лежат по сторонам долины одноименной с ними реки, в расстоянии 4 верст от устья ее. Хребет Уэ, прилегающий к правому берегу р. Уэ в SO-овом к морю направлении, врывается в него скалистым мысом Уэ и цепью высоких гор, протянулся далеко вглубь страны, выступивши к морю отвесною скалистою стеною, спустившеюся юго-западными горными покатостями хребта Уэ к реке Токкола. Береговая морская полоса ниже мыса Сигдамо идет низменною площадью, имеющею вид неправильной трапеции, и песчаным откосом Сиктэ, далеко вдавшейся в море. В глубокой, с поемными луговыми берегами котловине ее, лежит пресное озеро Кактельтэ, с северо-восточной стороны омывающее подошву одноименных с ним гор, покатостями которых образуется невысокая, отвесная стена морского берега, ограничивающая слева неширокое устье р. Пуча, берущей начало в хребте Кэпики. На юге от устья р. Пуча морской берег идет несколько

возвышающеюся крутизною; пересекается узкою ложбиною, в которой лежит русло малой речки Кэфанса, так же как и Пуча, бегущей с вершин хребта Кэпики и, отделивши долиною Кэфанса юго-западные покатоности хребта Кэпики от гор Гендэ, врезывается в море высоким обрывистым мысом Кэфанса; тянется на пространстве 2 верст в SWW-овом, далее до мыса Гендэ в S-овом направлении, образуя невысокую береговую полосу, лежащую по склонам гор Гендэ, высящихся на далекое расстояние их коническою вершиною того же наименования, одною из больших после г. Кактельтэ. Мыс Гендэ составляет собою северную оконечность маленького залива, в который открывается болотистая долина р. Аку, лежащая между горами Гендэ и Аку; последние, выходя в море высоким утесом Аку, врезаются в него скалистыми уступами, идущими до р. Ауча, к устью которой они спускаются южными покатоностями своими; с юга долина Ауча ограничивается горами Лангэ, которые, образовавши свою плоскую, крутую, значительной высоты оконечностью мыс Ауча, южными склонами протянулись по низкой береговой морской полосе, и по левой стороне довольно широкой долины р. Наккага. Далее морской берег низок, выдается незначительным выступом Онохтойчэ, более высокими, крутыми мысами Ича, Анкоя с подводными у их подошвы камнями и продолжается далее вглубь материка постепенно возвышающеюся покатостью, рассеченною долинами малых, быстрых речек Ича и Анкоя. Эта покатоность идет по левому берегу болотистой долины р. Уэ, и в 5 верстах от устья ее отделяется неширокою ложиною от гор Уэ, в этом месте ограничивающих левый берег одноименной с ними реки. С правой стороны р. Уэ, у устья ее к морю вышел хребет, и берег морской идет к устью р. Токкала высокими, крутыми горами, которые, вдавшись в море скалою Уэ и пересекшись узкими руслами горных потоков Кагадэ и Уланка, составляют своими крутизнами северную границу долины, в которой протекает р. Токкала. Пространство морского берега, заключающееся между мысом Сигдамо и устьем речки Токкала, горы, к нему прилежащие или спустившиеся покатоностями своими, – покрыты однообразною массою тех же лесных пород, которые растут севернее, с некоторыми местными изменениями в качестве и составе лесонасаждения. Местами по окраине берега протянулись неширокою полосой луга, которые лежат и при устьях рек, орошающих это пространство; встречаются также и полосы горелого леса, но они незначительны; безлесных мест нет, за исключением песчаной полосы, идущей по берегу моря от мыса Сигдамо и несколько ниже мыса Сиктэ. Береговая возвышенность, при повороте ее к горам Кактельтэ, густо поросла смешанным дровяным лесом, состоящим из березы, ели, пихты, кустарного ольшняка, желтого клена, и рябины, спускающихся по склонам гор ее образующих, в вершине покрытых преимущественно еловым и пихтовым лесом с малою примесью желтой березы и еще реже, единично, растущего небольшого кедра. Эта полоса дровяника прилегает к строевому хвойному лесу, протянувшемуся от подошвы средней полосы южных покатоностей гор Кательтэ к вершинам их. Подошва этих гор, образующая северный берег одноименного с ними озера, покрыта дровяным хвойным лесом; такой же лес растет и по неширокой площади вокруг него в дровяном лесу, лежащем по западному берегу озера, встречаются небольшие участки строевого леса, количество которого увеличивается по склонам гор, идущих к морю между озером Кактельтэ и устьем р. Пуча. Ель, пихта, кедр, господствующие древесные породы растущего здесь строевого леса; лиственница встречается в самом

незначительном количестве, по южной покатости гор Кактельтэ, ближе к вершине их, попадается тисс невысоким, но довольно толстым деревом; он виден также, хотя и очень редко в дровяном хвойном лесу, растущем по северо-восточной стороне озера Кактельтэ; береза и клен желтые, к которым примешивается в горных ущельях кустарная ольха, редко вкраплены в густое насаждение хвойного строевого леса, идущего с горных вершин к северному берегу озера Кактельтэ. В этой полосе леса много большемерных деревьев кедр и ели; пихта же незначительных размеров. Дровяной лес, окружающий озеро, покрыт валежником и состоит из ели, лиственницы, пихты; лиственница здесь встречается в значительном количестве; редко попадается в нем береза желтая, растущая толстоствольным, высоким деревом; в подлеске растет особый род шиповника (*var. Rosa Rugosa*), с толстыми, жестковатыми листьями, с плодами круглыми, величиною с малое яблоко; этот род свойствен, кажется, острову Сахалину, гавани Св. Ольги и по всему вышеописанному пространству нигде более, кроме мыса Сиктэ, не встречается. Точно такой же дровяной лес составляет опушку строевого леса, с примесью дровяника, идущего к морю, по берегу узкой, извилистой, засоренной наносами старого леса речки Пуча. Здесь количество кедр в составе хвойного леса уменьшается; господствующая в нем порода – ель, растущая высокими, толстыми деревьями; пихта – дурного качества и небольших размеров, постоянный, здесь, спутник ели.

Горные склоны Кактельтэ, разделяющие долины р.р. Пуча и Кэфанса, покрыты таким же строевым, густого насаждения, лесом с подлеском, состоящим из березы, клена, ели и пихты, – которые растут по окраине невысоких гор, протянувшихся по морскому берегу между устьями р.р. Пуча, Кэфанса. К узкой, болотистой долине Кэфанса, поросшей дровяным лесом ели, лиственницы, пихты, прилегает с правой стороны хребет Гендэ, который покатостями своими спустился к морю, образуя невысокую стену береговой полосы и, выйдя в него небольшим выступом Гендэ, ограничил долину р. Аку, которою он отделяется от стоящих у моря гор Аку, при устье одноименной с ними реки и от гор Ауча, идущих между р. р. Аку и Ауча. Гребень гор Гендэ и средняя часть их склонов покрыта полосой густорастущего хвойного леса, в котором по покатостям главной вершины этих гор много кедр; как он, так и ель, другая составная часть находящегося здесь строевого леса, достигают мачтовых размеров; лиственница растет большемерным деревом, но встречается единично пихта неудовлетворительных качеств. Ближе к морю этот строевой лес переходит в дровяной, засоренный местами валежником; здесь много лиственницы; количество кедр уменьшается; ель, пихта и малая примесь березы входят в состав его и густым насаждением покрывают береговую морскую полосу и подошву гор Гендэ, идущую по левой стороне долины Аку. Реки Аку и Ауча, из коих последняя, при впадении в море, образует небольшое озеро, имеют совершенно одинаковый характер: обе они быстры, с извилистым каменистым, узким руслом, лежащим между низкими, болотистыми берегами, в которых протекают эти речки, разбивающиеся в устье на несколько малых протоков. К устью первой из них круто спустились горы Аку, обращенные пологою стороною к левому берегу р. Ауча и на запад – в равнину, лежащую между вышеназванными речками. По берегам Аку, Ауча протянулась узкая полоса дровяного леса ели, пихты, лиственницы. Болотистая равнина, между ними лежащая, поросла редким лиственничным лесом, покрывающим

и моховое болотистое пространство, примыкающее к подошве гор Ауча. Горы Ауча представляют собою сплошной участок очень густорастущего, покрытого валежником дровяника, состоящего из ели, пихты, по подошве гор с примесью к ним лиственницы и березы; по южным же горным склонам у северного берега озера Ауча в опушке леса растут маленькими, изогнутыми деревьями: сибирская яблоня (*Pyrus baccata*), боярышник (*Crataegus sanguinea*), калина (*Viburnum Opulus*), бузина (*Sambucus racemosa*). Вообще здесь лес имеет низкие достоинства и только около берегов речек Ауча и Ауча встречаются единично деревья лиственницы и ели, несколько лучших качеств. По уступам гор Лангэ к правому берегу долины Ауча выступает строевой, хвойный лес, – у мыса Ауча, оканчивающийся дровяным; этот строевой лес переходит в горы Ауча по ту сторону одноименной с ними реки; он протянулся широкою полосой по вершинам и покатосям гор Лангэ, и южными склонами гор Наккага, спускается в болотистую долину того же наименования реки, у левого ее берега.

Подошва г.г. Наккага, Лангэ, Ауча покрыта дровяным хвойным лесом, который растет и по окраине морского берега, лежащей между мысом Ауча и устьем р. Наккага. Болотистая долина извилистой, чрезвычайно быстрой и около устья глубокой речки Наккага поросла хвойным дровяником, который подымается от берега этой реки к подошве прилежащих к ней гор Лангэ, Наккага, и покатося холмов Ича. В состав строевого леса, растущего по горам Наккага, входит значительное количество высокого, значительной толщины кедра; ель, пихта, береза, клен, лиственница – остальные древесные породы, его образующие; количество кедра уменьшается в строевых участках леса, растущего по горам Ауча, в которых много ели и лиственницы в полосе леса, идущей по горам Лангэ; ель преобладает над прочими древесными породами, составляющими находящийся здесь строевой лес. В дровяном лесу, растущем по опушке строевых участков, замечается много березы; преимущественно же он состоит из ели и пихты, которые заменяются лиственницею в долине р. Наккага; берега р. Наккага поросли ольхой, красной вербой, в верховьях тополем (*Populus suaveolens*), желтой березой, елью и пихтой. Пространство, рассеченное узкими долинами р.р. Ича, Анкоя, покрыто однообразною массою хвойного, дровяного леса, с участками строевого – в стороне от морского берега; такой же хвойный лес, с большим количеством строевых древесных пород, покрывает хребет Уэ, а в полосе, лежащей по берегам одноименной с этим хребтом реки, составляет дровяной лес, растущий по болотистому грунту долины ее. Участки строевого леса, находящиеся около верховья в р.р. Ича, Анкоя, состоят из ели и пихты; кедр встречается в них в небольшом количестве; лиственница же имеет хорошие качества и размеры по северо-восточному склону возвышенности, спускающейся в долину Наккага с правой ее стороны. В этом строевом лесу растет большемерная желтая береза, которая вместе с елью, пихтою составляет смешанный дровяной лес, протянувшийся до мыса Анкоя, где он переходит в хвойный также дровяной лес с значительною примесью лиственницы; в участке дровяного леса, лежащем между р.р. Анкоя и Ича, много валежника с горелым лесом, а выше, к устью р. Наккага, большое количество березы, растущей большемерным прекрасным деревом, рябины, ольхи, входящих в состав дровяного леса выше устья р. Ича, дает ему качества обыкновенного поделочного леса. Вообще строевой лес, встречающийся на пространстве, заключающемся между долинами Наккага и Уэ, невысоких качеств, покрыт валежником

и с большим количеством сухоподстойных деревьев. Хребет Уэ, цепью высоких гор ограничивающий правый берег глубокой, быстрой, но очень узкой реки Уэ, с извилистым, засоренным валежником руслом, – в вершине и по средней полосе его покатостей, покрыт хвойным строевым лесом, состоящим из ели, кедра, пихты, березы, тисса; ниже к подошве в состав леса входит лиственница; здесь же в строевом лесу много валежника от буреломов. К нему примыкает хвойный, дровяной лес, поросший долину Уэ. При повороте реки Уэ на *NWW* от моря, в долину ее спустился строевой лес ели, пихты, лиственницы с покатостей гор, ограничивающих здесь с обеих сторон ее берега вершины гор Уэ, выходящие в 5 верстах от моря к левому берегу одноименной с ним реки, покрыты горелым лесом, сухняком, валежником и небольшими участками дровяного леса; ниже этих гор, по тому же берегу долины, идет полоса строевого, средних размеров леса, в котором встречается в значительном количестве лиственница. Скалистые уступы хребта Уэ, идущие по морскому берегу и у устья р. Уэ, покрыты смешанным дровяным и отчасти по морским склонам хребта, с примесью поделочного леса, состоящего преимущественно из березы, ольхи, ивы; – последние растут кустарно.

Речкою Токкала мелкою, быстрою, имеющею высокое падение, отделяются горы с ней одноименные от хребта Уэ. Горы Токкала крутизнами обращены к верховьям р.р. Токкала и Олоктойчэ, а покатостями идут к устьям этих рек, образуя собою у моря невысокую береговую полосу. Ниже устья речки Олоктойчэ окраина морского берега также невысока, обрывиста, рассечена узкою долиною р. Наусака, берущей начало в вершинах гор Олоктойчэ, которые полого спустились к морю, прилегая склонами своими к правому берегу одноименной с ними реки, и к левому – долины р. Адзами, где горы Олоктойчэ отделяются от верхней ветви хребта Адзами (прилежащей к левому же берегу р. Адзами), небольшим ручьем, впадающим в эту реку в 3 верстах от ее устья. С правой стороны выше-названной реки тянется хребет Адзами, идущий в *O*-вом к морю направлении; разделившись небольшою долиною р. Адзамича, правого притока р. Адзами, хребет поворачивает на *SSO* и, вдавшись в море невысоким уступом мыса Адзами, образует крутую, с значительными подъемом береговую возвышенность, врезающуюся в море мысом Пунакэ. Горы Пунакэ ограничивают слева одноименную с ними маленькую речку, бегущую с вершин Адзами и разделяющую собою хребты Ыкки и Адзами. Площадь, лежащая между устьями р.р. Токкала и Адзами, покрыта хвойным лесом густого насаждения, в котором главная составная часть лиственница. Ель, пихта, растущая в количестве 0,4 общего их в лесонасаждении содержания, встречаются преимущественно по склонам гор Токкала, идущим в одноименную с ними реку и по крутизнам хребта Уэ, туда же спускающимся; по последним растет и кедр; количество же лиственницы в составе строевого леса здесь незначительно. Долина Токкала поросла дровяным лесом тех же хвойных пород. Строевой лес, растущий в верховьях р. Токкала, имеет хорошие размеры и удовлетворительные качества, в особенности ель и кедр; пихта по-прежнему не достигает значительней величины. Полосы строевого леса, с примесью дровяного, протянувшиеся с обеих сторон реки по склонам гор к устью ее, покрыты валежником перестойными деревьями невысоких качеств. Горные покатости, прилежащие к речке Олоктойчэ, в верховьях ее покрыты густорастущим строевым лесом, в котором лиственница составляет преобладающую, значительных размеров древесную породу; ель здесь растет

также хорошим строевым деревом, кедр попадает в самом малом количестве около вершины гор Олоктойчэ. Строевой лес по правому берегу долины Олоктойчэ редок, с сушняком и худшего достоинства, нежели растущий по левому; у верховья р. Наусака он попадает небольшими островками, растущими в дровяном лесу, который полосой горелого леса, покрытого валежником с редкорастущим еловым и лиственничным лесом, идет вдоль луговой окраины морского берега между устьями р.р. Адзами и Олоктойчэ; далее до места впадения в море р. Токкала дровяной лес встречается лучших качеств. По гребню хребта Адзами растет и густой строевой лес, состоящий из ели, кедра, пихты и лиственницы, в малом количестве встречается береза и клены: желтый и мелколистный, растущие кустарно; в ложбинах гор попадает ольха, которая достигает значительных размеров по берегу р. Адзами, где, вместе с черемхой, она растет в дровяном лесу, находящемся в долине реки; ближе, к долине Адзами в строевом лесу начинает увеличиваться количество лиственницы, которая в дровянике, покрывающем долину, составляет преобладающую древесную породу. Верхняя ветвь хребта Адзами, приближаясь к морю в 3-х верстах от устья одноименной с этим хребтом реки, покрыта валежником, и по левому берегу долины Адзами поросла небольшими островками строевого, низкого достоинства леса. Река Адзами, протекая по болотистой неширокой долине быстрым, глубоким, но чрезвычайно узким потоком, в устье принимает в себя маленькую речку Адзамича, бегущую в крутом горном ущелье хребта Адзами; в верховье этой реки и по покатолям хребта, обращенным к р. Пунакэ, растет редким насаждением, хороших качеств строевой хвойный лес, в котором, кроме ели и пихты, встречается отличных качеств единично растущий кедр. По покатолям хребта Адзами, спускающимся к морю, протянулся хвойный дровяной лес, с примесью к вышеозначенным, характеризующим горы Адзами древесным породам, лиственницы, которая, со стороны моря, по горам Пунакэ, растет редкими островками дровяного леса; вместе с последнею встречается самое малое количество ели и желтой березы; количество их делается заметно больше по склонам гор Пунакэ, идущим в долину одноименной с ними реки, где ель достигает размеров строевого дерева.

Верховьями незначительной реки Пунакэ отделяются горы Адзами от северо-восточных склонов верхней ветви хребта Ыкки, которая протянулась параллельно морскому берегу в расстоянии 15 верст от его окраины; постепенными юго-восточными склонами своими спускается она к морю, где образует невысокую, береговую, обрывистую стену, рассеченную в 2 верстах ниже устья реки Пунакэ нешироким ущельем, лежащим между крутизнами Ыкки. Южною покатолю этой ветви хребта Ыкки ограничивается левая сторона долины одноименной с ним реки; к правому же берегу этой реки прилежат крутизнами своими южная ветвь хребта Ыкки, которая, идя к морю в SO, и в O-овом направлении, врезывается в него тремя узкими, плоскими и невысокими террасами скал, образующих собою мыс Кечэ, ниже которого берег морской продолжается юго-восточными склонами того же хребта. От устья р. Пунакэ до устья р. Ыкки морской берег, идущий отвесно, с малыми выступами, низок; он подымается на значительную высоту только горою Джагарэ, уединенно стоящею возле моря посреди долины Ыкки, между склонами гор, которыми ограничивается эта долина, и ниже мыса Кечэ идет крутою возвышенностью на юго-запад. Река Ыкки, после р. Кэпи, большая из рек, орошающих вышеописанное пространство берега

Татарского пролива, протекает в СЮ-овом к морю направлении по болотистой, довольно широкой долине, разбиваясь на незначительные протоки своим быстрым течением; фарватер р. Ыкки проходит после северных склонов южной ветви одноименного с ней хребта. Река эта незначительной ширины, очень глубока, местами в верховьях засорена наносным лесом и, имея большое падение, вливается в море узким, быстрым потоком, с каменистою у места впадения его мелью. Северная ветвь хребта Ыкки, лежащая между долиною Ыкки и р. Пунакэ, по гребню, по средней полосе горных покатостей, идущих к морю, и к долине Ыкки, поросла строевым лесом ели, кедра, лиственницы и пихты; по крутизнам же, идущим с правой стороны р. Пунакэ, растет дровяной, хвойный лес, который протянулся и по морскому берегу на юг от мыса Пунакэ до мыса Кечэ, и по внутренним горным склонам хребта Ыкки. Растущий здесь строевой лес, в особенности по крутизнам хребта, засорен густым валежником; хороший же строевой материал кедр, достигающий корабельных размеров, находится в той части хребта Ыкки, которая идет у левого берега одноименной с ним реки.

Ель встречается также больших размеров; она есть господствующая древесная порода в составе лесонасаждения; как примесь в опушке строевого леса и в полосе дровяника, его ограничивающая, встречается много березы, кустарного желтого клена и ольхи. В состав дровяного леса, растущего густым насаждением по правому берегу р. Пунакэ много ели, пихты; кедр встречается в самом незначительном количестве. Южная ветвь горы Ыкки, идущая по правому берегу реки того же наименования. Сторона гор, обращенная на юго-восток к морю, ниже мыса Кечэ, покрыта хвойным строевым лесом, и в опушке последнего дровяным, также хвойным. По самому гребню этой ветви хребта тянется хвойный строевой лес, который имеет очень хорошие качества в горной полосе, лежащей по приморскому склону гор, несколько ниже вершины их. Растущий в этом пространстве лес состоит из ели, кедра и пихты; лиственница встречается в нем очень редко; как примесь в составе строевого хвойного леса и как господствующая порода дровяного, растущего по горам правого берега Ыкки, входит желтая береза (*B. Ermani*), достигающая здесь очень больших размеров. В горных ущельях и у подошвы гор растет ольха значительной величины; около мыса Кечэ, по ровной узкой площадке горной вершины, с морской стороны встречаются: мелколистный клен (*Acer Mono*), паклен (*Acer Ginnalla*), яблонь сибирская, калина, боярышник невысокими малых размеров деревцами; далее к югу от мыса Кечэ в опушке леса встречается и дуб (*Quercus mongolica*) искривленный довольно большим деревом. Гора Джагарэ поросла дровяным лесом, состоящим из ели, пихты и березы, с малой примесью желтого клена; по западной покатости ее в хвойном лесу много восковника (*Mugica Gale*) и его неразлучного спутника багульника (*Ledum Palustre*); подошва горы около проток Ыкки покрыты смешанным лесом с большим содержанием в составе его березы. По горам, прилежащим к южному берегу долины Ыкки, в строевом лесу, лучшею древесною породой представляется ель; она имеет очень значительные размеры и встречается в большом количестве; кедр растет единично прекрасным большемерным деревом; береза, с плотною древесиною и попадающаяся прямоствольным деревом, имеет средние размеры. Болотистая равнина, идущая к левому берегу Ыкки, и спускающаяся с южных и юго-восточных покатостей хребта Ыкки, с западных склонов горы Джагарэ, покрыта сплошною полосой редко растущего леса,

который состоит преимущественно из лиственницы; к ней примешивается незначительное количество ели, пихты, ольхи и березы по самой окраине берега Ыкки, по ручьям, впадающим в эту реку с севера: содержание ели и пихты увеличивается несколько по склонам, прилегающим к равнине гор. Самая долина Ыкки, острова, ее протоками образованные, поросли фашинным, прутняковым и поделочным лесом, в состав которого входят: береза, ольха, черемха, красная верба, белый тал, тополь, кустарные породы клена, ивы; также бузина, рябина, боярышник; красная верба, тополь в верховьях реки достигают огромных размеров, береза, ольха и у устья реки, в особенности по окраине горной подошвы, идущей по берегам ее, имеют значительную величину.

По всему пространству, между Императорской гаванью и р. Ыкки, в луговых морских побережьях и в ложбинах речек, впадающих в море, встречаются следующие, характеризующие его кустарные породы: красная верба (*Salix graesox*), достигающая больших размеров в верховьях речек Кэпи и Ыкки, где он растет высоким толстоствольным деревом; тальник (*Salix wiminalis*), белый тал (*Salix depressa*); таволожка (*Spiraea Chamedryfolia*), таволога иволистная (*Spiraea Salicifolia*, и таволожка рябинолистная (*Spiraea Sorbifolia*); шиповник коричневый (*Rosa Cinnamomea*), шиповник иглистый (*Rosa rugosa*); по луговине, прилежащей к песчаному берегу мыса Сиктэ, шиповник растет иглистым, невысоким кустарником с толстыми, на верхней стороне темно-зелеными, на нижней светлыми листьями; плод его ягода, величиною с малое яблоко. По горным лесистым покатолям встречаются: малина пушистая (*Rubus crataegifolius*), малина обыкновенная (*Rubus idaeus*), редко таволожка рябинолистная (*Spiraea sorbifolia*); рябина (*Rubus aucuparia*); красная смородина (*Ribes rubrum*), черная смородина (*Ribes nigrum*); редко калина (*Viburnum opulus*); в долине р. Ауча у устья ее. р.р. Кэпи и Ыкки повсеместно встречается красная бузина (*Sambucus racemosa*); жимолость черная (*Lonicera coerulea*). По крутизнам гор, в особенности в корабельном лесу, растущем по восточному склону хребта Кэпи, попадаетея целластр (*Celastrus flagellaris*), бересклет широколистный (*Evonymus macropterus*), восковник (*Myrica Gale*), багульник (*Ledum palustre*); первого особенно много в г. Джагерэ, а в горах Ыкки клен желтый (*Acer spicatum*). По склонам северной ветви хребта Кэпи, идущим к левому берегу одноименной с ним реки, клен мелколистный (*Acer Mono*); он же встречается по вершине гор Ыкки, около мыса Кечэ вместе с пакленом (*Acer tataricum* var. *Ginnala*). По нижним покатолям гор, в ущельях их растут ольха туполистная (*Alnaster viridis*); по болотистым долинам вместе с черемхой (*Prunus Padus*) чаще белая ольха (*Alnus incana*), достигающая значительных размеров. Брусника (*Vaccinium Vitis Idae*), черника (*Vaccinium ovalifolium*) встречаются по склонам гор; голубица (*Vaccinium uliginosum*), клюква (*Oxycoccus paeustris*) в болотистых побережьях, речных пространствах, и морошка около Императорской гавани.

Присутствие лиственных древесных и кустарных пород в хвойных лесах, однообразною массою покрывающих берег Татарского пролива между Императорскою гаванью и р. Ыкки, делается заметным ниже устья р. Ауча. По словам туземцев, живущих небольшими селениями в устьях р.р. Гидзю и Ыкки, и посещающих морем селения, лежащие несколько севернее гавани Св. Владимира (юрты Кэпи необитаемы уже три года тому назад, когда все их обитатели вымерли от эпидемической оспы); в верховьях р.р. Кэпи и Ыкки растут белая и черная

березы, ясень и даже липа, а тисс достигает там огромных размеров; вообще количество лиственных пород, особенно дуба (*Quercus mongolica*), увеличивается по мере приближения к гавани Св. Владимира; присутствие же лиственницы в лесах делается незаметнее, и она заменяется кедром и елью. Допуская последнее, т. е. увеличение, по мере удаления на юг, количества лиственных пород насчет хвойных в составе находящихся там лесов, о первом можно заключить не более, как о местной особенности, зависящей от почвы, удобного положения в сторону солнопека, и под защиту от морских ветров участка, поросшего вышеозначенными лиственными породами. Таковые особенности являются и по морскому берегу в виде сибирской яблони, паклена и дуба. Общий же характер хвойных древесных пород следующий: кедр, растущий здесь не сплошными участками, и редкими деревьями между елью, пихтой, имеет лучшие качества, как строевой материал по плотности его древесины и огромным размерам, им достигаемым; за ним следует ель, встречающаяся сплошными, чистыми насаждениями с малой примесью пихты и имеющая также очень хорошие достоинства; лиственница и пихта невысоких качеств, и по морскому берегу они составляют собою полосы дровяного леса. Вдалеке от моря вглубь материка растут хорошие строевые леса лиственницы; единичными деревьями, в составе хвойных лесов, протянувшихся по берегу Татарского пролива, лиственница попадаетса деревьями корабельных и мачтовых размеров, но часто пострадавшими от слишком сырого грунта земли, производящая в лиственнице дряблость сердцевины.

Петрович

XXII. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ
ПОСЕЛЕНИЙ ПО МОРСКОМУ ПРИБРЕЖЬЮ
ОТ ЗАЛИВА СВ. ОЛЬГИ ДО ПОСЬЕТА И ПРИМОРСКИХ РЕЧЕК:
УАЙ-ФУДЗИ, СУЧАН, ЦИМУ, МАЭ, ФУЛЬДЗЯ, СУЙФУН, АМБА,
МАНГУ, СИДЗЕМИ, НАЭМИ, ТИЗЕН

Речки Уай-Фудзи. Спуск с хребта Сихотэ-Алинь после подъема из системы Ле-Фудзи несколько круче; по дороге густой ельник с пихтой и кедром; лес мрачного вида и везде множество валежника и перестойных суховершинных деревьев, но редкие здесь огромные деревья по красоте, здоровому состоянию, а также по качеству древесины, в особенности же кедровые, не уступают, но даже превосходят русский лес, и последние могут заменить в кораблестроении сосну; к сожалению, доставка этого леса всегда будет составлять немалое затруднение. Самое устройство постоянного сообщения по направлению от Уссури к Ольгинскому заливу составит задачу не легкую, так как прорубить просеку здесь недостаточно, надо расчистить почву от лежащих на земле по несколько лет валежных деревьев, которые сгниют, Бог знает, когда, а они здесь являются повсюду; кроме того, надо постоянно поддерживать эту просеку в порядке и чистить ее от чрезвычайно густо разрастающихся кустарных пород: *Lespedeza*, орешника, *Panax*, *Eleuterococcus* и других. Зимний путь по этому направлению тоже, полагаю, будет не без затруднений: *во-первых*, санный путь здесь едва ли возможен более 2 месяцев в году, *во-вторых* – речки по быстроте своей едва ли замерзают в течение круглого года, *в-третьих* – едва ли здесь могут быть снега, достаточные для санной езды, по крайней мере, у китайцев я не видал ничего похожего на русские сани, ни по Уссури и Фудзи, ни по Уай-Фудзи и морскому берегу, хотя и видел у них гольдские саночки, ездовых собак и лыжи; устройство домов их с одною печкою, проведенною обыкновенно вокруг стен фанзы, и согревающей нары, на которых спят китайцы, только недолгим теплом, и недостаток у китайцев зимней одежды доказывают, что стужи зимние здесь не жестоки, сообщение же по этому пути пешком или верхом, имея выючных коней для провизии, не представляет больших затруднений, и во всяком случае ближе и удобнее пути через Фудзи и Таудышуй; только путь этот вовсе недоступен во время половодья в марте и апреле месяцах и во время наводнений, случающихся после больших дождей. Для постоянных оседлых земледельческих поселений ближайшая к водораздельному хребту страна неудобна вовсе, – здесь можно поселить разве небольшие караулы солдат, если в том будет когда-либо надобность.

На спуске хребта, от часовни, продолжался такой же лес, как и на противоположном склоне, – смешанный хвойно-лиственный густого насаждения строевой, поделочный, дровяной и корабельный; но затем он постепенно редет и

переходит в смешанный лиственный с поделочными ясневыми, ореховыми, дубовыми, ильмовыми, кленовыми, пробковыми деревьями; еще далее в особенности, когда покинув тропу к одинокой лачуге на левом берегу речки Си-Гуань-догу, мы перешли на правый ее берег, то чаще и чаще стали попадаться луговые места, редколесье из березы и осины, а ели и пихты мелькали только на вершинах гор, кедровый же лес скоро и вовсе исчез. Такой же, как в долине и по скатам гор, растет лес и по берегам речки; крупный же строевой лес виден в горах не ближе 5 верст от пути по китайской тропе. Левый берег сопровождается хребтом невысоким, но отчасти скалистым и круто спускающимся к речной долине, а правый берег, перейдя р. Кэн-чин-гоу, невысокими же и более покатыми холмами. Через р. Кэн-чин-гоу удобный брод и далее дорога идет отчасти по покато-сти холмов, отчасти луговою безлесною долиною. Тут мы заметили очень много свежих звериных следов, между прочими тигровых, которых и на южном склоне хребта Сихотэ-Алинь также много, как и на северном.

Хребты обоих берегов р. Туодогу, после соединения которой с р. Си-гуань-догу река принимает название Уай-Фудзи, даваемое впрочем китайцами безразлично всей системе вод, вливающихся в океан в заливе Св. Ольги (у китайцев Фудзин-Уай), невысоки; но местами круты и скалисты и поросли дровяным, частью поделочным и редко строевым лесом, пород: дуба, клена, черной березы, липы, осины и белой березы. Замечательно, что осина здесь порода редкая и ближе к заливу Св. Ольги встречается все реже и реже и заменяется пирамидальным видом ивы и тополем (*Populus suaveolens*); брод через Туодогу не глубже 1 ар., но переход совершается по наваленным через реку деревьям, составляющим род моста, которым китайцы избегают брода через быстрые и глубокие речки. На берегах Туодогу растет смешанный лес тех же пород, как и прежде, с примесью редкого строевого кедра. Пройдя еще 6 верст отчасти лесом, отчасти – лугом, мы перешли вброд р. Уай-Фудзи, так как положенная китайцами дорога идет на левый берег реки; потому что вероятно, по правому берегу реки много валежника в лесу, ибо лугов на этом берегу далеко вперед не было видно. Брод через Уай-Фудзи, текущей здесь в 4-х протоках, мелкий и нетрудный, но течение почти также быстро, как и течение Фудзи. Переходить реку можно, только упираясь в дно длинным шестом, иначе вода сносит человека, да и с шестом на глубоком месте трудно было держаться. Дно реки наполнено крупной галькою, уносимую водою с горных хребтов. По Уай-Фудзи породы гор резко отличаются от гор северного склона хребта Сихотэ-Алинь; тут больше масс трахитовых, конгломератов и пород метаморфических, окаменелостей же мне встретить не удалось. Почва лугов обильна черноземом и плодородна, но забросана крупными камнями, оставляемыми на лугах в весеннее половодье и после наводнений. Следы наводнения нынешнего года, которые были еще свежи, внушали невольный ужас: река бежала, как видно, по всей долине в бесчисленных протоках, легко прорывая слабую суглино-черноземную почву. Нижние уступы хребтов обоих берегов и ближайšie к ним места долины поросли преимущественно дровяным дубовым лесом; дальше и выше, также и в долине, лес смешанный лиственный с дровяными, часто сухостойными, редкими елями и пихтами, малогодными как строевой лес. Каменистые места гор изобилуют кустарником, похожим на *Andromeda*. На горы мы поднялись, пройдя за бродом через Уай-Фудзи, лугами 2¹/₂ вер. В обход очень крутого утеса есть тропа, ведущая к р. Тю-Гуань-догу, с лесною сплостью

долиною и с избыточным запасом орехового дерева. Потом мы шли лугами по долине Уай-Фудзи, а на горах по им покатым отлогостям видели больше дубовый дровяной лес, имея тот же смешанный с елью и пихтою лес в отдаленной перспективе, т. е. верстах в 5–6 от нашего пути. Перешли вброд незначительную реку Тьяогу, шли потом по роскошному и не очень каменистому лугу, а не доходя реки Хытхомо-гу, названной так по особенному изобилию на берегах ее орехового леса (по-китайски Хытхо-мо), который там встречается чистыми насаждениями и также вместе с яснем, ильмом, кленом и др., повернули опять к броду через Уай-Фудзи. Не доходя этого брода, мы покинули влево дорожку, ведущую от брода через р. Хытхо-могу и далее левым берегом Уай-Фудзи, но по этой тропе ходят, как нам сказал проводник, только тогда, когда Уай-Фудзи в разливе, ибо на левом берегу много крутых и скалистых мест, для коней трудно проходимых; потому мы решились перейти на правый берег Уай-Фудзи, тем более, что брод через нее оказался удобным, хотя и довольно быстрое течение. За бродом около 3 вер. шли мы чистым лугом, потом, сделав небольшой обход горами с мелким дубняком, перешли вброд речку односаженной ширины, и далее шли по скату гор, с таким же лесом, а наконец за 2 вер, перед фанзою чистым лугом. Фанза называется Эрдогу, по речке того же имени, притоку Уай-Фудзи.

Здесь живут два старика, из которых один совершенно дряхлый; хозяйство у них самое маленькое. Оба берега Уай-фудзи представляют в этом месте довольно обширные луговые пространства, удобные для немногочисленных русских селений. Вверх по р. Эрдогу тоже протянулись обширные луга. Близость строевого леса, обилие в реке рыбы, более мелкой, хотя попадаются иногда некрупная калуга, осетры небольшой величины и др., и отличная суглино-черноземная почва, с меньшим количеством наносных камней, отличают местность низовьев Уай-Фудзи; но с другой стороны обилие озер, заливов и проток и опасность от затопления и наводнений предостерегает заселять эти стороны с возможною осторожностью, небольшими массами; кроме того, плавание по Уай-фудзи, как по причине ее быстрины, так и по мелководию и обилию в ней камней, иногда до того огромных, что они далеко превышают уровень воды, – весьма затруднительно, если не невозможно, так что все доставки, как отсюда разных естественных богатств, напр. леса, так и сюда разных съестных и других продуктов должны будут производиться сухим путем.

От часовни на перевале хребта Сихотэ-Алинь до фанзы Эрдогу расстояние составляет около 73 вер. Тут в фанзе Эрдогу мы расстались с нашим проводником, следовавшим с нами около 100 верст в 4 дня, взятым в фанзе Та-Тита-хоуза.

Через р. Эрдогу мы перешли вброд без затруднения; она мелка, быстра и замечательна своею очень холодною и чистою водою, в малую воду в сухое лето эта река течет очень узенькою ленточкою, но теперь имеет ширины до 25 сажен. Через 2 вер. дальше мы опять перешли вброд Уай-Фудзи в широком месте перед разделением ее на 2 протоки, на броне река глубиной в 1 аршин, в сухое лето бывает совсем мелкая, дно реки покрыто мелкою и скользкою галькою. На берегах лес смешанный лиственный, некрупный, много тополевых, ивовых, ольховых и ясневых деревьев. За бродом мы оставили влево дорогу к одинокой небольшой фанзе, ныне опустелой. Далее шли лугом в близком расстоянии от реки, или ее протоки с постепенно убывающею от сильных жаров прибылою от прежних дождей водою; местами же русла этих проток уже были наполнены только

стоячею, тинистого как бы озерною водою. Миновали мы широкую долину речки Аввакумовки, которая соединяется с р. Уай-Фудзи, или, вернее, в которую Уай-Фудзи впадает. На половине дороги до деревни Уай-Фудзи (иначе Саньдогу) мы встретили одинокую малую фанзу, покинутую одиноким жившим тут дряхлым стариком. У него оставлен здесь небольшой огород, на котором пропали от излишне сырого лета все овощи, кроме картофеля, но хлеба: Кау-лиа (*Sorghum*), Сяу-мидза (*Panicum mandshuricum*) у гольдов буда, и ячмень (*Hordeum sinense*) уродились порядочно. Отдохнув здесь часа два и дав отдых лошадям в самое хорошее время дня, мы успели в тот же день окончить этот длинный переход до дер. Уай Фудзи (30 вер.), идя от фанзы отчасти лугами и отчасти краем берегового хребта с редким по нему дубняком. В одном месте порядочного перехода пришлось нам идти саж. 150 над пропастью по тропинке, пробитой по боку отвесного почти и весьма скалистого утеса. Здесь в дер. Уай-Фудзи бесподобная земля и прекрасное хозяйство у живущих холостыми артелями в 4-х домах и 3-х хуторах мандз, женщина здесь только одна из племени Ороча. Изобилие у жителей во всем и большее радушие к русским, которых они видят у себя довольно часто из Ольгинского поста. Против этой дер. по р. Сыдогу лежит путь на дер. Пусунг. Долина нижняя течения Уай-Фудзи полна заливов и проток и в большую воду совершенно недоступна, но зато отсюда вниз уже возможно плавание по реке в лодке, или на плоту. Пройдя 6 вер. по плоскости низменного хребта, мы перешли вброд р. Та-дун-гоу, в то время совершенно мелкую с берегами крупно хрящеватыми. Потом идя то лугом, со многими озерами и заливами, то по площади низкого холма, отдельно от берегового хребта лежащего, мы миновали, в виду устья Уай-Фудзи, балаган одного семейного китайца, перейдя перед тем вброд ничтожный ручей. От шалаша только 5 вер. до русского Ольгинского поста вдоль берегов самого залива Св. Ольги. Приятен был вид русских построек на очень живописном высоком месте.

Окрестности Ольгинского залива. Окрестности залива Св. Ольги довольно печальные; в самом устье Уай-Фудзи обширное болото, а по горам везде дубняк большею частью плохого качества, но по необходимости, за неимением другого леса, постройки в Ольгинском посту произведены по большей части из дуба и только малая часть из здешней лиственницы. Лиственница эта растет здесь по окрестным горам и на склонах, их больше редкими деревьями, иногда островками, большей или меньшей, впрочем, незначительной величины. По своим курчавым ветвям, по форме шишки лиственница эта, по мнению г. Максимовича, ближе всего подходит к виду *Larix japonica*; ствол ее имеет кривой вид, а древесина неправильного спирального образования и скоро щелится. Здесь эта порода достигает средних строевых размеров, но в 1859 г. офицер генерального штаба г-н. Елец видел очень крупный лиственничный лес, вероятно, той же породы, к северу от устья р. Таудышуй на приморских береговых горах. Судя по тому, что порода эта встречается только на близких к морскому берегу горах, можно предположить, что она не составляет местной породы и произрастает здесь из случайно занесенных из-за моря семян.

На морском же берегу, при выходе из залива Св. Ольги, найдена ломка мрамора тоже незавидного качества, едва ли годного на строение; до сих пор его не употребляли на выжигание извести в Ольгинском посту. Еще замечателен здесь особый вид морской звезды (из рода *Stellaria*), но мне не удалось видеть твердой

скорлупы, а только мясистую часть этого животного, полужидкую и светло малинового цвета. Во время пребывания моего здесь сюда приезжало на довольно хороших шлюпках множество китайцев из разных приморских пунктов для заготовления себе годового продовольствия морской капусты, здесь особенно обильной, с толстыми мясистыми листьями, употребляющимися в пищу, как в сыром, так и вареном виде.

По берегам залива довольно часто встречается раковистый известняк в обломках большей или меньшей величины.

Путь вдоль морского побережья от Ольгинского залива до устья р. Цыму. Для следования по морскому побережью Восточного океана между заливом Ольги и Владивостоком китайцами проложен удобный путь через р. Сыдогу, притоку Уай-Фудзи; переправа через Уай-Фудзи производится против дер. Уай-Фудзи; в реке вода стояла еще большая, в обыкновенное же сухое время ее переходят в этом месте вброд.

Левый берег Уай-Фудзи – твердый щебень, правый мокрый, даже топкий местами, иловатый песок. За рекой мы направились вверх по р. Сыдогу по обширному к реке мокрому лугу; на горах виден редкий смешанный дровяной и поделочный лиственный лес, где чаще всего видны дуб и черная береза. Пройдя верст 5, начинается по всей долине редколесье, где чаще названных пород вместе с ними, а иногда и без примеси дуба и черной березы, встречаются ильмовые и пробковые деревья хороших средних размеров, составляющие богатый поделочный материал: почва под ними богата черноземом и отлично удобна для земледельческих поселений. Еще через несколько верст опять пошли луга с редкими белыми березами и осинами, а лучшие породы – ильм, пробковое дерево, яблоня, груша, боярка, ореховое дерево, клен, ясень, акация Маака попадают только ближе к реке, а на горах преимущественно редкий и плохой дубняк и изредка другие лиственные породы. Еще дальше на горах стала заметна примесь ели, пихты и кедра средних строевых размеров; против этого места на горах китайцами устроен шалаш для приюта прохожих, о которых я уже имел случай говорить. Течение реки стало очень извилисто и часто река подходит вплоть под отвесные утесы; поэтому иногда дорога обходит эти места покатыми падами гор, выходя потом опять на реку, которой ширина очень неравномерна, иногда река чем выше, тем шире, дно ее галька, вода в ней чистая и холодная. Потом дорога идет по сплошной лесной долине и понемногу поднимается в горы по тому же смешанному лиственно-хвойному лесу. До главной долины, первой от Ольгинского залива приморской речки, которую мандзы называют Касох-суя, мы миновали сперва ее приток, в верховье перешли его мелким бродом и еще через перевал хребта только добрались до шалаша, стоящего на берегу главного притока этой системы. Эта р. Касох-суя такой же быстрый горный поток как и р. Сыдогу, и как верховья р. Уай-Фудзи, с тою разницею, что он их мельче и меньше. Почва лугов здесь везде камениста и для пашней неудобна. До этого шалаша от дер. Уай-Фудзи будет вер. 28.

Лес здесь как в горах, так и в долине: ильмовый, ясневый, кленовый, ореховый, липовый, пробковый, березовый, осиновый, кедровый, еловый, пихтовый и др. пород; здесь много хорошего поделочного и строевого материала. Дальше дорога идет вверх по течению одного из притоков, той же системы; и тут есть близь речки небольшой удобный для разработки лужок, выше по реке на грунте

из песчаной россыпи растет плохой большей частью дубняк; подъем на гору здесь легкий и постепенный, но спуск крутой и обрывистый. Спустясь с гор, мы шли лугами притока новой приморской речки, составляющей приток р. Пусунг, потом опять дубовым редколесьем по крупно-песчаному грунту и сделали до широкой долины р. Пусунг еще два перевала через хребты довольно крупные и поросшие редким и плохим дубовым лесом. На р. Пусунг мы нашли 2 дома семейных и оседлых ороча (китайцы их называют тадза, что значит татары), совершенно перенявших нравы и обычаи китайцев, но притом отличных охотников. До этих домов от шалаша на первой р. Касох-Суя расстояние будет вер. 30. Река Пусунг была тогда с далеко высшим против обыкновенного уровнем воды; поэтому для брода через нее надо было идти на дер. Пусунг-хоуза вверх по реке. Кружась около постепенно высыхающих проток и заливов, мы побывали почти во всех домах деревни, видя везде полное хозяйство, изобилие в скоте, хлебе и даже овощах (тыквы, картофель, арбузы, маслинное растение), несмотря на постоянные жалобы жителей на неурожай этого года. Брод через р. Пусунг был нетрудный, по крайней мере, течение здесь значительно тише, нежели на Уай-Фудзи. Еще не доходя дер. Пусунг-хоуза, я видел вправо от дороги несколько сотен дерев японской лиственницы, за бродом тоже попадались единичные экземпляры той же породы средних строевых размеров; она совершенно подобна породе, виденной мною близ Ольгинского залива, и имеет ствол такого же неправильного образования. Местные жители говорят, что в горах ее очень мало, что и подтвердило мое прежнее предположение, что эта порода не местная, но случайно сюда занесенная. Долина притока р. Пусунг, вдоль которого мы пошли, дальше изобилует хорошим поделочным кленовым, ясеневым, ильмовым и ореховым лесом, не очень, впрочем, крупных размеров. Сделав 2 перевала через горы с крупным, но часто дупловатым дубняком, мы спустились к р. Уань-Чинг и двум фанзами на левом ее берегу: в одной живут семейные ороча, в другой два старика мандза; и те и другие живут безбедно, даже зажиточно, имеют довольно быков и волов и промышленляют довольно зверя. До брода чрез р. Уань-Чинг от первых домов на р. Пусунг расстояние составляет 23 вер. Забавно, что мой хозяин на эту ночь ороча принял нас за дикарей и думал нас весьма удивить, показав нам за особенную редкость куриное яйцо. Отсюда недалеко вер. в 15 есть серебряная руда, которой образчики я видел еще в Ольгинском посту; руда небогата содержанием серебра и, кажется, не обещает больших выгод при разработке ее в особенности теперь, когда на Амуре еще мы так бедны людьми и средствами и еще не обеспечены в самом главном, именно в продовольствии.

Китайцы сказывали нам, что в верстах в 40 на север от них есть богатое месторождение каменного угля отличного качества, но, кажется, до сих пор никому из русских не удавалось видеть не только самое месторождение, но даже образчики этого каменного угля, да и доставка его, судя по этим рассказам должна быть сухопутная, следовательно, не легкая.

Далее мы шли луговой долиною притока р. Уань-Чинг сливающегося с нею, почти пред самым устьем последней в море. Луга здесь довольно мокры, а местами даже и топки; на второй версте от фанзы вправо пошла дорожка к месту, где найдена местными жителями серебряная руда, которую копают среди чистого лугового места, но, как я слышал, местные жители не сумели отделить серебро от свинца, либо не имели возможности устроить потребных для того особых печей.

По горам здесь редкий и плохого качества дубовый лес; а пихта и ель средних строевых размеров составляют весьма редкую примесь к дубовому редколесью. Подъем в горы довольно пологий, а спуск несколько круче. Долины притоков этой новой системы шире и изобильнее лугами, в время довольно топкими, вследствие последних сильных дождей, бывших в конце августа. До дер. Та-Уу-хы мы прошли еще через один хребет в обход больших болот в речной долине и спустились с него по мастерски проложенной по почти отвесной стене горы дорожке. В дер. Та-Уу-хы было видно до 10 домов (из них 8 на левом берегу р. Та-Уу-хы и 2 за рекою), в которых живут женатые на ороческих женщинах мандза, семейные ороча и одинокие старики мандза. Хозяйство у них хорошее, много скота, которого мне везде предлагали в промен на русское серебро, которое они видели у бывших здесь русских, преимущественно покупавших скот, как из Ольгинского поста, так и у плавающих по Восточному океану пароходов и судов. До брода через р. Та-Уу от брода через р. Уань-Чинг расстояние составляет 29 верст. Один только этот день в сентябре месяце был пасмурный, но обошелся без дождя. Сделав легкий брод через быструю и обильную камнями р. Та-Уу, очень похожую впрочем на все предыдущие приморские речки, и немногим шире их, пошли мы долиною притока ее по направлению почти прямо южному; лес встречался нам на горах, как и по речке смешанный лиственный дровяной и поделочный средних размеров. Подъем в горы, для перевала через разделяющий воды системы Та-Уу от вод следующей системы хребет с крупным, редким часто дупловатым дубовым лесом, невысок, но местами круг и каменист, так же как и спуск с гор, а далее идет мокрая и топкая луговая долина, вдоль дороги по ней много соболиных ловушек, а по горам все тот же дровяной дубовый лес. Далее мы перешли обезводневшую протоку и потом самую р. Дзябигу, вдоль которой мы шли, спустившись с хребта. Фанза же Дзябигу отделена от этих устьев холмиком и лежит при речке, имеющей, по-видимому, особое устье в море, впрочем, расследовать это подлинно мне не удалось. Брод через реку у фанзы мелкий и легкий, так же как и через предыдущую речку. От брода через р. Та-Уу до брода у фанзы Дзябигу расстояние 23 версты.

Далее дорога идет почти прямо на юг мокрым и топким лугом, причем в двух местах очень топкие луговины с стоячею на них водою обходятся горами с дровяным смешанным лиственным лесом. Тут у морского берега находятся 2 шалаша и 1 малая фанза, к которым пристают плавающие по морю в шлюпках жители близких приморских деревень, промышляющие морскую капусту, морских моллюсков и жемчуг, которыми они отчасти ведут торговлю с отдаленными странами Китайской империи, а моллюска (к сожалению, я не мог определить, какой это род) как изысканное лакомство поставляют к столу китайского богдохана. Этот год, как кажется, улов этих местных редкостей был самый плохой, по крайней мере, виденные мною не раз, иногда по 20–30 шлюпок вместе, промышленники не имели никогда при себе ничего, между тем как в прошлом году улов моллюска был очень обильный, как я видел во Владивостоке. Только капусты морской, обыкновенной приправы многих своих кушаньев, китайцы много набрали в Ольгинском заливе, куда они приплывали на 40, кажется, шлюпках, между прочими и из здешних мест.

Не доходя последнего кочевья мореходов китайских, мы повернули лугом вверх по впадающей близь этого кочевья речке. Луговая полоса между

надречным и нагорным лесом становилась все уже, потом совсем прекратились луга, и мы шли сплошь лесною долиною с хорошим строевым и поделочным лиственным и хвойным лесом, на горах же преобладает здесь дуб, очень крупный, другие же лиственные породы встречаются только в редкой примеси. Подъем и спуск водораздельного хребта по этой долине местами круты и везде очень каменисты. Вниз по речке противоположного склона мы шли лесом таких же пород, как и на предшествующем пути, но с большим количеством валежника среди него и с множеством острых камней по всему пути. Далее начался высокий луг сухой и со всеми удобствами для оседлых поселений, который продолжается до самой речки Сяу-Уу (в переводе это значит малая полуденная, между тем как Та-Уу означает большая полуденная), а вместе с тем и лес на горах становился реже, больше стало видно березняку и дубняку, а ясень, клен, липа показывались только на берегах, как притока, вдоль которого лежал наш путь, так и самой р. Сяу-Уу. Брод через последнюю, в стоявшее тогда сухое и теплое время, был мелкий, но в большую воду эта речка тоже становится значительною; впрочем высокий левый берег речки предохраняет лежащие по нему луга от наводнений речки и затопления; даже и приток р. Сяу-Уу бежит между отвесными, хотя и сравнительно более низкими, берегами. Одну фанзу мы оставили влеве, не доходя еще брода через р. Сяу-Уу, за ее притоком, и к ней ведет торная, колесная дорога; а три фанзы дер. Сяу-Уу-хы лежат на самом почти морском берегу, пройдя 2¹/₂ версты за бродом через р. Сяу-Уу. Местность этой деревни высокая и сухая, безопасная от всяких наводнений, почва богата черноземом от обильных удобрений, а в хозяйстве китайцев видно во всем изобилие. Расстояние от фанзы Дзябигу до этой дер. составляет 35 верст.

Далее дорога идет почти непосредственно мокрым берегом. Начиная с 2-й версты и до 3-й местность довольно низменная, болотиста; тут лежит мокрый мелкий залив, перейденный нами вброд по колена. Потом в 3-х верстах дорога уклоняется в прибрежные пригорки с самым дрянным, почти кустарным лесом с частыми между ними прогалинами; тут же перешли три брода через ничтожные, мелкие, из близких к морю падей бегущие ручьи. Последние 3 вер. до стоящей одиноко на морском берегу фанзы дорога идет горами, с много лучшего качества лесом. У фанзы приморская речка несколько значительнее предыдущих с узенькою вдоль нее луговою полоскою. Перейдя речку еще перед фанзою, мы пошли дальше сперва по скату крутого утеса, а потом лесною долиною этой приморской речки, поднялись в гору тоже с весьма редким, дровяным лесом дубовым, черно и белоберезовым и видели только редко деревья и лучших пород в долине, но не на окружающих ее горах, где отчасти совершенно оголенные скалы, отчасти же совершенно дрянной дровяной лес.

За перевалом через хребет открывается широкая луговая долина, совершенно удобная для оседлых земледельческих поселений, но долина главного русла этой системы, называемой Судзахы, полна проток и заливов и очень сыра, даже дорога здесь идет по мокрым болотинам под самыми горами и оголенными скалами хребта левого берега р. Судза; ход здесь был очень трудный, так как по тропе и по всей долине пропасть крупных и острых камней, поваленных иногда целыми грудями, и почти повсеместно. Только подходя к дер. Судзахы местность становится повыше, в долине встречаются редкие впрочем деревья разных лиственных пород, но камни, которых и здесь довольно много,

представляют большое препятствие к обработке земли. Около самой фанзы на китайской пашне и огородах земля полна мелкими камнями, что все странно было видеть, привыкши к тщательной до педантической аккуратности обработке полей китайцами, или мандза, как они сами себя называют.

Слово мандза, как я узнал позже от французского миссионера, давно уже живущего в пределах китайской империи, а в 1862 году находившегося на Амуре, означает на китайском языке то, что мы привыкли понимать под словом бродяга. Мандзы, по отзыву этого миссионера, есть самовольные переселенцы – беглецы в дикую лесную страну, люди, составляющие отверженцев цивилизованного китайского общества, не ужившиеся в нем, или вследствие преступлений ими совершенных, или вследствие своих политических взглядов, противных правительству, или же разный сброд людей, предпочитающих вольную жизнь среди дикой природы и вне условий цивилизованного общества; с этими последними качествами мы, русские, привыкли соединять понятие о казачестве старых времен. Буквально слово мандза на китайском языке значит вольный человек. Тот же миссионер объясняет, почему у здешних поселенцев, которые большею частью принадлежат племени китайскому, нет женщин им соплеменных, а все виденные мною женщины, живущие с китайцами в брачной связи, принадлежат племени полуоседлых ороча; он объясняет это тем, что побег из пределов китайских областей мужчины китайского племени есть уже преступление, лишаящее беглеца некоторых гражданских прав; но побег женщины этого племени вне назначенных законом пределов (крайние пункты их поселения, как кажется, суть города: Сань-Синь и Нингута в Манчжурии), есть преступление по китайским законам гораздо важнейшее и наказывается, если не казнью, то пыткой, или лишением всех прав. Оттого то уже во многих областях Манчжурии женщина китаянка составляет очень тайную контрабанду, а по низовьям Сунгари и во вновь присоединенном к России крае их вовсе нет.

До брода через р. Судза от дер. Су-Уу-хы расстояние составляет 26 вер. Речка Судза против единственной фанзы, расположенной на левом берегу ее, течет в двух протоках, и по причине глубокой стоявшей в ней тогда воды, брод через нее в том месте оказался невозможным, поэтому мы направились по тропе вверх по течению реки, сперва лугом, а далее горами, которыми мы обошли два ручья, и вниз по последнему вышли к броду через р. Судза против малой фанзы, смытой водою в этом году и стоящей отдельно от других фанз дер. Судзахоуза. Через 1 вер. пути от главного русла по гольшу, тоже заливаемому водою в половодье и в наводнения, мы перешли вброд другую протоку р. Судза. За нею около 6 китайских фанз, и дорога к ним и далее на север идущая, как мне сказали жители, направляется к р. Ула, находящейся за хребтом Сихотэ-Алинь, вероятно, эта р. Саньдогу, один из истоков Усури, а на р. Сучан ведет дорога, идущая вниз по течению вдоль по левому берегу правой протоки р. Судза; поэтому, побывав в фанзе за протокою, мы опять вернулись на левый берег протоки, шли вниз по ней потом переходили ее вброд на второй и третьей верстах всего три раза, увидя у последнего брода еще фанзу, отдельно стоящую; отсюда пройдя еще 2¹/₂ версты мы перешли опять против отдельной фанзы еще речку, а после того и еще одну речку. До этого места берега р. Судза и ее протоки, а также и других притоков крепки и высоки и представляют удобства для земледельческих поселений, исключая местности между обеими протоками, где в половодье река бежит одною

широкою полосою, но далее пошли места очень низкие с большими кочками, а между ними стояла вода до $\frac{1}{2}$ аршина глубиною; в особенности топки и низменны места ближе к морю, где даже пройти с вьючными конями было невозможно, так что вся эта местность от последней фанзы до самого моря для поселений совершенно неудобна, хотя и состоит из чистых луговых мест. Взявши немного правее и пройдя небольшой увал с дрянным и редким лесом, таким же как и на всех ближних горах, мы вышли к приморской луговой пади с высокою и крепкою почвою, удобною для поселений; миновали шалаш китайских мореходов и, перевалив еще невысокий хребет, спустились к стоящей на самом морском берегу фанзе Танюго. В этой небольшой луговой пади протекают две маленькие речонки, очень мелкие; на второй из них тоже стоит шалаш, а берег между шалашом и фанзою представляет красивый амфитеатр; местность здесь высока, почва крепка и плодородна и для поселения удобна. До фанзы Танюго от брода через р. Судза расстояние составляет около 20 верст. Далее дорога идет по луговой пади сперва вверх по той речке, на которой стоит фанза, а после, перевалив через крутую гору с редким дубняком и другим листовным не крупным лесом, мы вышли к речке второй, которой устье в той же луговой пади и шли то правым, то левым берегом луговой долины этой речки; местность здесь высока, но почва изобильна камнями и тем только неудобна для поселений. Дальше мы поднялись на гору, очень высокую, но не с крутым подъемом и потом спустились в луговую долину р. Танюго, перешли ее вброд несколько выше ее устья в р. Янгбазго и отправились дальше по луговой долине этой последней речки. Здесь лес хороший, лучших листовных пород: ясневый, ильмовый, кленовый и др. довольно крупных пород, встречается в долине в надречной лесной опушке, а горы везде почти поросли сплошным дубняком по большей части сухоподстойным лесом.

По р. Янгбазго мы встретили три фанзы: первая из них в 20 вер. от фанзы Танюго, вторая отстоит от первой на 11 вер.; до первой фанзы дорога уже идет лесом, и только дом этот стоит на небольшой лужайке; также и вторая фанза стоит на выжженном среди леса месте. Лес здесь крупный поделочный и строевой: дубовый, ильмовый, ясневый, кедровый, ореховый и других пород с густым кустарником. Горы поросли таким же как и в долине лесом; они круты и утесисты, а дорога и в долине весьма камениста. Речка имеет здесь тоже особенный вид: течение ее весьма быстро; рев ее ужасен, большие острые камни наполняют все ее русло. Породы здешних гор самые разнообразные, в долине чаще встречается раковистый известняк, в горах порфиры и породы метаморфические, иногда приметны гнейсс и слюдяный сланец, почему я заключаю, что, вероятно, и здесь песчаник речной содержит золото. Хозяйство во всех трех домах по р. Янгбазго плохое: сеют только одни овощи в небольшом количестве, а хлеба покупают у китайцев на р. Уаного, р. Хоаньхо и р. Сучан, занимаются же больше звериным промыслом и изысканием женсеневого корня; везде по дорогам у них расставлены множество соболиных ловушек; китайцев впрочем я в этих фанзах не видал, кроме одного дряхлого и глухого старика, остальные все в то время уходили на промысел.

От последней по р. Янгбазго фанзы 7 вер. до первой фанзы на р. Уаньго, притоке р. Хоаньго, которая впадает в р. Сучан, и еще через 3 версты вторая фанза на той же р. Уаньго. Тут перевал к р. Хоаньго через очень покатый, но довольно высокий хребет с таким же лесом, какой описан и в долине. В том месте за

перевалом, где дорога по долине р. Уаньго огибает горами кривую излучину этой речки, лес становится значительно реже, в примеси уже нет хвойных деревьев, а чаще встречаться стали черный и белый березник. Далее долина становилась все шире, а дорога сперва часто переходила с одного берега реки на другой, а потом пошла все левым довольно высоким берегом – лугами, представляющими большие удобства для русских земледельческих поселений. Между тем справа и слева в р. Уаньго впадали новые притоки, и вскоре после выхода на р. Хоаньго показались и дома деревни того же имени, до которой расстояние от второй фанзы на р. Уаньго составляет 18 верст, и отсюда до переправы через р. Сучан расстояние 9 верст, а всего от фанзы Танюго до переправы через Сучан 71 верста.

Вся местность последнего пути до р. Сучан представляет отличные, богатые и заселенные луга, между которыми низменные, болотистые и заливаемые места очень редки. Речка Хоаньго уже довольно значительна, а река Сучан составляет после реки Суйфун, Фульдзя и Уай-Фудзи четвертую по значительности и протяжению своего течения реку южного приморского края. Через р. Сучан организован правильный перевоз в лодках и имеется для того особый постоянный перевозчик. За рекою Сучан мы остановились через две версты в фанзе бессемейных старичков китайцев. На предыдущем пути неоднократно предупреждали нас китайцы, что на р. Сучан живут преступники, люди без совести и страха. До этой фанзы от дер. Уай-Фудзи мы уже прошли вдоль берегов Восточного океана по веденному маршруту, поверяемому расспросами от местных жителей, 287 верст. Все окрестные горы устья р. Сучан представляют или совершенно оголенные скалы, либо самый плохой мягких пород дровяной лес, таковой же лес растет прерывающимися узкими полосами около р. Сучан и ее протоков.

Река Сучан. При устье р. Хоаньго в р. Сучан расположенные по обеим сторонам р. Сучан китайские дома носят название дер. Сучанхоуза, и по обоим же берегам идут вверх по течению реки торные китайские дороги: по правому берегу реки встречаются на пути частые фанзы, то у самой реки, то ближе к горам, в расстоянии от нее на 1–2 вер. Горы здесь имеют к долине крутой спуск и насажены редким дровяным лесом, иногда же почти совершенно обнажены. До первого значительного притока р. Хомяго мы перешли вброд три маленьких притока, весьма мелкие и узкие, причем в одном месте перевалили средней вышины хребет, тоже поросший дровяным лесом. Ясневые и ореховые деревья попадаются только по берегам р. Сучан непосредственно, в горах же как правого, так и левого берега их вовсе не видно. Хомяго речка глубокая и быстрая, тоже как и р. Сучан; обе текут по сплошной крупной гальке с мелким песчаным дном, надо полагать, прежде изобиловавшем золотом.

На р. Хомяго стоят очень богатые фанзы, в которых скоплено особенно много китайцев, отчасти беглых преступников, о чем судить можно, потому что многие из них с выколотыми глазами, рваными ноздрями, стриженными косами и т. п. До брода через р. Сучан расстояние от начала нашего пути 20 вер. Дома, расположенные при устье Хомяго, носят название дер. Хомяхоуза. Здесь мы переправились через р. Сучан вброд, хотя она довольно глубока местами и весьма быстра, но мы перешли по перекату, в широком месте глубина была не больше как по пояс. Лодок здесь у китайцев вовсе не видно, потому надо полагать, что в обыкновенные года, не столь дождливые как этот, глубина речки бывает еще незначительнее, и она везде проходима вброд. За рекою дорога идет от-

личными высокими лугами, вовсе незатопляемыми и весьма удобными для русских поселений, за исключением только того обстоятельства, что лесу здесь вообще очень мало, и даже дрова привозятся китайцами из гор на волах вер. за 5 и более, впрочем у некоторых мандза заготовлены и ореховые дрова, так любимые китайцами, и нарубаемые ими, вероятно, еще на дальнейшем расстоянии. Против устья р. Хомяго и за рекою Сучан немного ниже по течению реки есть много фанз.

В 4¹/₂ вер. от нашего брода через р. Сучан мы заметили развалины бывшего здесь когда-то города с довольно высоким уцелевшим валом, ныне вся площадь эта поросла редким лиственным лесом от 70 до 100 лет. Дальше, пройдя мелким бродом несколько незначительных речушек, мы поднялись в горы, поросшие тоже редким смешанным лиственным преимущественно дровяным лесом. Только пройдя четыре увала и столько же узких речных долин, мы вышли опять на широкую долину р. Сучан и по ней опять увидели частые китайские фанзы, составляющие дер. Пхьинг Шор. Ниже этой деревни р. Сучан течет в двух протоках, образуя лесистый остров. Дома по р. Сучан и здесь также богаты, как и в дер. Сучанхоуза, и имеют большое хозяйство; здесь очень много сеют кукурузы и табаку, не говоря уже о китайском просе (сяу-мидза) и китайском сорго (каулиа). До последней фанзы дер. Пхьинг Шор от устья Хомяго расстояние составляет 21 версту.

Горы и в этих местах немногим лесистее гор к низовьям р. Сучан; а породы и качества леса почти те же, преобладающая порода – плохой дровяной дуб.

Здесь мне удалось расспросить у одного из встретившихся мне на дороге китайца про путь к р. Дауби, который он мне и указал на р. Сань-догу, говоря, что вверх по р. Сучан, повернувшей в этом месте несколько на северо-восток, у них есть сообщение мимо множества фанз с рекою Ула (вероятно, Уссури), которая начинается за перевалом через высокий хребет Сихотэ. Наш путь направился к броду через р. Сучан и далее вверх по р. Саньдогу, притоку р. Сучан справа. Пройдя верст 6 от брода, начинаются фанзы дер. Саньдогу, а последняя из них называется Кандидадэ. Далее у самой этой фанзы и речка Саньдогу поворачивает тоже на северо-восток, а мы пошли по направлению на север по долине притока р. Саньдогу справа, называемая Эрдогу, и далее по притоку последней р. Туодогу. Речка Эрдогу также быстра, как и р. Саньдогу и еще быстрее нежели р. Сучан, мы перешли ее вброд с самого начала, а потом пройдя еще 6 вер. такими же, как и прежде, высокими и удобными для поселений лугами, мы увидели две фанзы в 1 вер. одна от другой, называемый Эрдогу. Расстояние до них от дер. Пхьинг Шор 34 вер. Вверх по Эрдогу и Туодогу мы шли лугами, тоже удобными для поселений, 22 версты до фанзы Хомягодза, пройдя за 6 вер. до нее один пустой домик, устроенный здесь, кажется, для ночлега охотников и путников, так как здесь переход очень большой. На этом переходе мы перешли р. Туодогу три раза и р. Эрдогу один раз, последнюю почти на самом устье. По речке растет смешанный лиственный лес, также как и в горах, но по речке породы леса несколько разнообразнее и качеством лес лучше, но ясень и орех здесь встречаются редко.

Переходя через р. Туодогу в четвертый раз на дороге к фанзе Таленьхоуза, мы начали встречать по берегам речки и на горах увидели лес строевой хвойный, сперва пихтовый и еловый, а далее и кедровый, причем местами попадался и лиственный лес лучших пород: ясневый, кленовый, ильмовый проб-

ковый и др. пород. Иногда преобладают в смеси лиственные породы, иногда же хвойные. Обогнув утесы узкого в этом месте ущелья реки горами с довольно пологими спусками и поросшие густым лесом, мы опять вышли на довольно широкую и удобную для поселений луговую поляну, а тропа все еще довольно торная, хотя уже тележная дорога прекратилась у фанзы Эрдогу, идет то вдоль надречной полосы с хорошим и крупным лесом, то высокими лугами. Горы здесь очень круто утесисты и скалисты на правом берегу р. Тита, а р. Туодогу повернула круто на востоко-северо-восток близь фанзы Талень-хоуза. В 12 верстах от последней находится последняя на этом пути фанза Кандидадэ, до которой было нужно перейти вброд через пять проток, в самом устье в р. Тита р. Гуаньдогу, и от последней, по всем приметам, недалеко уже водораздельный хребет Сихотэ.

До фанзы Кандидадэ от фанзы Эрдогу расстояние составляет 36 вер.

Здесь живут 5 китайцев с малым земледельческим хозяйством, но занимающиеся охотой, изысканием женсеня и соболиным и вообще звериными промыслам. Китайцы указали нам дорогу к р. Дауби. Здесь по р. Гуаньдогу растет смешанный хвойно-лиственный лес, а иногда и лиственно-хвойный; таковой же встречается и на всех окружающих горах; породы и качества леса таковы же, как и пред тем описанные. Луга еще тянутся постепенно суживающеюся полосой вер. на 7, а дальше началась сплошь лесная долина, вплоть до перевала через водораздельный хребет Сихотэ-Алинь. Высший пункт хребта Сихотэ-Алинь с китайской кумирней отстоит от фанзы Кандидадэ на 20 верст.

Вообще по системе Сучан население гуще, нежели где-либо в Зауссурийском крае, или по Уссури; я лично видел и назначил на своей карте 67 фанз (домов китайских с полными хозяйственными пристройками) и, вероятно, мне на моем пути удалось видеть только половину всех поселений по этой системе, так как, по показаниям жителей, много есть еще поселений, находящихся выше по р. Сучан, выше устья в нее р. Сандогу и вверх по последней речке выше устья в нее р. Эрдогу. Следовательно, полагая примерно самое малое число по 8 жителей на каждую фанзу, по системе р. Сучан должно обитать около 1000 душ мандз, почти исключительно одних мужчин, ибо женщин из племени Мандза или Ороча здесь весьма мало и в большой части фанз их вовсе нет. Но и затем здесь очень много земли свободной и удобной для русских оседлых земледельческих поселений, которым, впрочем, предостоят здесь два важные неудобства, именно недостаток водяного сообщения, ибо Сучан даже сплавною рекою вовсе быть не может, исключая как на 30 верст от устья, и то в половодье, и еще отдаленность лесов, годных для постройки; недостатки эти, впрочем, для мандз вовсе не ощутительны. По климату, местоположению и удобствам, представляемым населенностью края, система Сучан занимает первое место по значению в колонизации вновь присоединенного к России края, имея еще и то удобство, что здесь есть уже готовое сухопутное сообщение по Уссури от самого моря и на протяжении 550 вер., считая от устья р. Сучан до устья р. Дауби в Уссури. Это значение системы Сучан еще должно со временем увеличиться, когда откроют по ней богатые золотые прииски; но до разработки необходимо устроить здесь прочные и оседлые русские поселения, для чего было бы, по моему убеждению, достаточно 200–300 семейств, распределяя их равномерно среди поселений мандза. Китайцы уже ждут этих русских поселений с нетерпением и принимали меня везде за купца, первого из русских, доселе ими невиданных.

Вследствие времени узнал я, что в гавани Находка близ устья р. Сучан есть довольно много дубового поделочного леса хороших качеств и крупных размеров. Луговая долина притока р. Сучан в начале пути далее вдоль берегов Восточного океана была очень низменная, болотиста и широка; по путевой речке мы переходили с одного берега ее на другой в обход частых на обоих берегах низменностей и топей, образовавшихся от ливших перед тем 20 и 24 сентября 1861 г. сильных дождей, продолжавшихся оба раза почти целые сутки. Места здесь по излишне низменному положению для поселений совершенно неудобны. В горах и в долине над речкою лес плохой, по большей части дровяной лиственный. Поднявшись из долины очень слабым подъемом в гору, мы миновали по обыкновению стоящую на самой вершине хребта по пути часовню китайскую, которой китайцы всегда усердно поклоняются и этой строгостью в исполнении обрядов своей религии очень напоминают простосердечную набожность русского мужичка, но я заметил, что в нравах китайцев не достаёт теплой, безыскусственной религиозности русского простонародья, что мне подтвердил потом французский миссионер, долго странствовавший в пределах Китайской империи, говоря что это отсутствие религиозности при самом строгом соблюдении религиозных обрядов есть резко бросающаяся в глаза народная черта китайского характера. Миновав часовню, мы спустились в лесную (дуб, ильм, черная береза и др. пор.) долину притока, а потом вышли в луга с довольно высоким положением, хотя они тоже полны воды от ливших недавно дождей, скоро потом достигли главного русла р. Та-Ундзе-ми, а за бродом через нее пришли к фанзе. Речка эта значительна и на устье в море имела ширины в то время до 30 саж., но на перейденном только что броде не шире 6–7 сажень.

От фанзы на р. Сучан до этой фанзы расстояние составляет 22 версты.

Долина речная здесь очень широка, на обоих берегах огромные луга с черноземной землею, имеющие только тот недостаток, что излишне влажны и после дождей чересчур топки, хотя, по-видимому, никогда не затопляются совершенно. Далее дорога идет вниз по течению р. Та-Ундзе-ми по правому ее берегу широкою луговою долиною и переходит вброд через два притока р. Та-Ундзе-ми.

По р. Та-Ундзе-ми я видел всего 4 фанзы: две уже названы мною выше, третья находится на дальнейшем пути за бродом через последний приток ее справа, а четвертая стоит на левом берегу р. Та-Ундзе-ми и торную к ней дорожку мы по пути миновали: везде в них мандза живут безбедно, занимаются земледелием, звероловством и морскими промыслами, для чего у них имеются килевые лодки, похожие на наши шлюпки; скота у них, впрочем, очень мало, далеко меньше, чем у мандза на р. Сучан. Далее путь идет морским берегом, переходит вброд длинный, узкий и параллельно с берегом тянущийся морской залив и потом через невысокую сопку выходит на долину р. Сяу-Ундзе-ми, почти столь же широкою, как и долина р. Та-Ундзе-ми. Брод через приток р. Та-Ундзе-ми не затруднительный, хотя как этот приток, так и самая река бегут все еще в нескольких протоках; потому что большая вода в этом году простояла во многих речках до поздней осени. На горах и в лесной прибрежной полосе над речками лес смешанный лиственный средних размеров, довольно иногда же весьма редкого насаждения и по большей части дровяной, либо мелкий поделочный; строевого леса, даже осинового здесь весьма мало, по крайней мере, на близком расстоянии его не видно; только по берегам речки попадаются весьма редко ясневые и ореховые

деревья. Миновав названную выше сопку, мы пошли вверх по р. Сяу-Ундземи. Путь по р. Сяу-Ундземи лежит по мокрым и затопляемым после дождей низменным местам луговой ее долины.

До этой фанзы от первой фанзы по р. Та-Ундземи расстояние составляет 33 вер. Лес в горах и в долине, где его также много, смешанный лиственный, преимущественно дровяной и изредка поделочный лучших пород, иногда же по горам видны, только редины мелколесья, а издали такие горы кажутся совершенно оголенными. По р. Та-Ундземи мы шли вниз по реке по юго-западному направлению, по р. Сяу-Ундземи вверх по северо-западному направлению, а от фанзы дальше прошли прямо на юг, причем перешли вброд широкий (15 саж. и довольно глубокий (по поясу) приток р. Сяу-Ундземи, потом повернули падью мелкого ручья, подошли ближе к хребту, перевалили его и спустились на речку, изливающуюся в море и называемую Суйшуй-чуань. Лес на этом хребте, которого краем лежит наш путь, несмотря на близость моря, встречается хороших качеств, очень крупных размеров, лиственный и хвойный в самой разнообразной смеси пород, с фруктовыми деревьями и самым разнообразным кустарником. Ель и кедр толще 1 аршина в диаметре на высоте груди и от 10 до 12 саж. вышиною. Ближе к фанзе луг стал обширнее, путь правым берегом речки мокрее, а перед самой фанзой, стоящей на морском берегу, мы опять прошли ту же самую ничтожную речку по устроенному чрез нее мостику.

До этой фанзы Суй-шуй-чуань на морском берегу от фанзы на притоке р. Ся-Ундземи расстояние составляет 12 верст.

На морском берегу расположены здесь 3 фанзы на расстоянии одна от другой 1 вер. и 1¹/₂ вер.; только в одной есть хорошие китайские шлюпки для плавания морем, в других же живут старики мандзы, помещающие у себя мореходов, приплывающих сюда из других мест. Жители живут не зажиточно и жалуются на недостатки этого года и на угрожающий им, может быть, голод. Дальше дорога идет по морскому берегу еще на 3¹/₂ вер.; отчасти лугами, отчасти горою, в обход низменного болотистого луга. Место здесь для поселений незавидное; лесу на горах и в долине хорошего нет, местами же горы совершенно обнажены. Потом мы пошли вверх по луговой долине незначительной приморской речки, имея часто в виду извилистый морской пролив Стрелок, а за ним остров Путятина; перевалили через хребет, отделяющий эту речку от следующей приморской речки Шимеуза, и, еще два раза перевалив через невысокие горки, разделяющие между собою притоки этой речки, вышли к фанзе на главном ее русле. Места здесь после недавних больших дождей весьма мокрые, и вероятным кажется, что в большую воду здесь вся долина заливается водою; но по качеству почвы и судя по росту окружающих лесов, места здесь кажутся удобными для земледелия. В долине над речкою изобилует в числе прочих пород леса – ореховое дерево. В фанзе мы застали одного только мандза, а его товарищи занимаются звериным промыслом, для чего тогда (в начале октября) наставала настоящая пора. Бедность и нищета обнаруживались в лохмотьях одежды мандза и незавидном внутреннем убранстве фанзы. Хлеба отчасти были потоплены, отчасти не вызрели от сильных дождей. Огородной зелени мало, арбузы и дыни, как и везде, все пропали, или не дозрели, но табак, также как и в других местах, родился хорошо. Здешний табак принадлежит к высшему сорту против табаку, разводимого по Уссури; он очень крепок и имеет приятный аромат, но жителями нисколько не ценится, и

нижние чины везде его получали вдоволь, безвозмездно. До этой фанзы от фанзы Шимеуза на морском берегу расстояние составляет 17 верст.

На горах этого пути смешанный лес лиственных пород очень редкого насаждения.

Отсюда мы шли вверх по главному руслу р. Шимеуза и скоро поднялись на хребет; по всем окружающим горам растет либо смешанный лиственный лес, либо дубняк с черноперегородником, редкий и больше дровяной.

Спустившись в долину следующей речной системы, мы шли все больше высокими лугами, видя на горах все такой же дрянной лес; на одном из притоков этой речки мы нашли охотничий шалаш; здесь был трудный брод по причине глубины и быстроты течения реки; тут же я заметил торную дорогу, вышедшую справа с верховьев этого притока, которою, как я предполагаю, ходят мандза от р. Та-Ундземи ближайшим путем против того, который нами пройден был. Дальше долина путевой речки становилась постепенно шире, ниже и мокрее, и долго, идучи по колена в воде, медленно подвигались мы к издали видневшимся постройкам фанзы Шитухэ, расположенной у главного русла речки Шиту, вдоль притока которой мы шли. По горам виден все время одинаково дрянной лес. Фанза хотя и стоит на высоком незатопляемом месте, но кругом места ужасно низменны, так что я полагал, и жители фанзы потом подтвердили мне, что иногда вода их окружает совершенно и они остаются как бы на острове. До этой фанзы от предыдущей фанзы Шимеуза расстояние составляет 20 вер. В реке вода тогда сильно прибыла и броду близ фанзы найти было нельзя, поэтому мы решились искать его по реке выше, где она течет в 2 узких протоках, через которые можно бы было перекинуть срубленные на берегу огромные деревья (ильмовые), и по ним уже, устроив из жердей и прутья перила, пробрались мы через главную глубокую протоку. Вторая протока гораздо мельче, и мы перешли ее вброд. За речкою в 1½ вер. еще есть фанза, в которой мы нашли одинокого старого мандза, а дальше нее к северу идет торная дорога, вероятно, тоже к поселениям; но наш путь к устьям р. Циму лежит на Ю.В. и В. по луговой долине р. Шиту, вниз по ее течению; потом мы перевалили через четыре невысоких хребта, разделяющих три пади речушек, впадающих в р. Шиту; далее достигли низменного в том месте морского берега, который имеет вид луговой пади шириною от моря до гор вер. на 5; по этой луговой пади протекают две незначительные луговые речушки, бегущие в море. По этой луговой пади мы шли вдоль невысокой береговой возвышенности, почти безлесной и редко мелко-лесной, также как и пройденные пред тем четыре увала. Только подходя к фанзе Канхоуза, мы шли версты 1½ чистым лугом, удаляясь от краев береговой возвышенности. До фанзы Канхоуза от фанзы Шитухэ расстояние составляет 16 верст.

Через р. Канго, самую быструю из всех до сих пор пройденных приморских речек, переправились мы на легком боте (челноке) против разрушенной водою фанзы в 1½ вер. от первой, на котором нас перевозил по одному человеку старик мандза, шедший попутно с нами в деревню на устье реки Циму; без его опытного искусства управлять ботом, мы бы наверное, если не утонули сами, то утопили бы все, что имели с собою. Путь до устья р. Циму лежал сперва через горы до морской прибрежной луговой пади, и дальше, в виду моря, то лугами, то некрутыми покатосями береговых невысоких гор в виду полуострова Муравьев-Амурский, восточный берег которого весь в виду с нашего пути. По

нашему пути лес смешанный лиственный, очень редкий, а иногда горы совершенно обнажены. Морские берега здесь для поселений удобны, но имеют неудобства безлесия и излишнего обилия в почве камней. Низовья р. Циму и береговая луговая падь, пройденная нами до выхода на это устье, низменны, изрезаны протоками, озерами, а потому и лишены поселений. Берега полуострова Муравьев-Амурский круты, скалисты и лесисты, и только в немногих местах пересечены узенькими луговыми долинами. Сухопутное сообщение по этому берегу полуострова едва ли возможно.

От дер. Канхоуза до первых домов дер. Цымухэ расстояние составляет 14 вер. Здесь на первых домах дер. Цымухэ окончился наш путь вдоль берегов Восточного океана. Климат и природа этой полосы, несмотря на южное ее положение около 43° сев. шир., представляет большую аналогию с климатом и природою среднего течения Усури: типы растительности и там и здесь почти одни и те же, а, вероятно, окажется почти одинаковою и средняя температура обеих местностей, если будут произведены о том тщательные и верные наблюдения.

Из малых данных, собранных мною от русских в Ольгинском заливе и во Владивостоке, а также от китайских поселенцев (мандза), мне известно, что море здесь покрывается только самую тонкою корою льда и то не ежегодно, иногда только у берегов; зима здесь продолжается от 2-х до 3-х месяцев в году, начинаясь с декабря (или конца ноября) и продолжаясь до половины или конца февраля; стужи здесь бывают не так сильны, но холод увеличивается сильными восточными ветрами, которые впрочем несколько слабее в Владивостоке и в крае, лежащем к западу от Поворотного мыса. Весна и осень продолжаются здесь недолго, и полая вода убывает обыкновенно довольно быстро. Собственно лето начинается здесь иногда уже с начала апреля и оканчивается иногда только в октябре; но лето, как и весна, а иногда и весь круглый год здесь слишком влажны. Излишняя сырость климата этой прибрежной полосы составляет единственное существенное препятствие как богатству флоры вообще, так и особенности урожаем хлебных и огородных и других растений китайского домашнего хозяйства, и долго будет еще излишняя влажность климата важным препятствием процветанию наших будущих русских колоний в этом крае. Главной причиной этой излишней влажности служит: во-первых – чрезмерное обилие лесов в горах повсеместно, как по северному, так и по южному склону хребта Сихотэ-Алинь и его боковых отрогов; и во-вторых – вредное влияние моря; при этом одно вредное влияние постоянно поддерживает и усиливает другое: так сильные морские ветры, дующие с такою постоянною силою из стран теплых в страну более холодную, не распределяют влаги равномерно по всей стороне, а задерживаясь хребтами, в них и оставляют влагу в изобилии; леса же, как постоянные резервуары влаги, медленно ее испаряют и тем поддерживают постоянные дожди, производящие разливы рек и речек вне пределов их обыкновенные русла и чрез то наводнения. Огромность пространства Восточного океана, которого доступу и влиянию открыто такое огромное протяжение берега нового края, не умеряется здесь влиянием южных морских течений. Напротив муссоны, изменяя свое первоначальное направление, вследствие особых географических условий, придают дующим здесь с моря ветрам особую силу и постоянство. Так, в Ольгинском заливе лейтенантом Маневским (жившим там около 2-х лет) замечено, что морские ветры дуют там постоянно почти в течение 3-х месяцев в году, начиная с са-

мого начала лета. Конец лета и начало осени в этом краю самые лучшие времена года, отчего плоды созревают успешнее здесь, нежели по Уссури, где иногда уже в октябре начинается зима, между тем как здесь октябрь и начало ноября бывают часто так же теплы, как лето. Но бывшие в 1861 году необыкновенно сильные и частые дожди были причиною неурожая на все плоды, как дерев, так и кустарников почти всех пород; но подобный всеобщий неурожай плодов, может быть, должно считать исключением.

Лучшим способом для заселения этого края русскими, я полагаю, будет основанный на сети подобных же колоний мандз, уже более или менее давно существующих, и которые можно легко обозреть на представляемой мною карте.

Речки Циму и Маэ. От первой фанзы дер. Цимухэ наш путь направился вверх по р. Циму с целью достигнуть хребта Сихотэ и через него спуститься в долину р. Лефу. По р. Циму самые богатые поселения из всех китайских поселений, доселе мною виденных, кроме разве поселений по р. Сучан, и везде здесь самые красивые фанзы. Земля в луговой долине р. Циму весьма плодородная, места высоки и безопасны от наводнений, лес строевой в горах находится в изобилии; пройдя долиною несколько верст, мы повернули по дороге в гору, в обход протоки р. Циму, бегущей впереди под самым утесом хребта, а протока эта, по словам жителей, в ту пору была глубокая и на ней лодки для перевоза нет. На горе путь шел местами крутыми. Спустившись опять в долину, мы шли все мимо богатых фанз с плодоносными и довольно густо населенными землями, состоящими сперва из обширных луговых пространств, но чем далее, тем долина постепенно становилась уже. Пройдя около 12 фанз, мы пришли к перевозу через р. Циму, где нас в боте (легком челноке, выдолбленном из цельного ствола тополевого или липового) один мандза из-за реки перевозил нас по одному по страшной быстрине, ловко управляя ботом, упираясь в дно речное длинным шестом, а на веслах, даже на легких китайских лодках здесь бы ни за что не управиться; раз отправляясь за новою кладью один мандза чуть было не утонул, так трудно было даже опытному и проворному мандза совладеть с быстриною реки, сохраняя притом равновесие, стоя на легкой ладье.

За рекою, на самом берегу стоят две богатые фанзы, а через 1¹/₂ вер. третья победнее, земля здесь весьма богата черноземом, урожаи хлебов и овощей были превосходные. На горах растет смешанный лес довольно редкого насаждения, но выше по горам виднеются изредка пихтовые и еловые деревья строевых размеров. Немного не доходя этой третьей фанзы, дорога наша повернула влево в гору, которая, как и все горы правого берега р. Циму, есть обыкновенная скала с редким более кустарником местами лесом, а дальше мы шли такими же горами с виду глубокой пади, притока р. Циму. Хребет гор здесь высокий, скалистый и крутой, мы спустились в долину притока, принадлежащего уже к системе р. Маэ, притока р. Фульдзя, которой устье в море находится близь самого перешейка полуострова Муравьев-Амурский. Здесь по притоку р. Маэ дорога идет вер. на 6 вниз по воде и почти столько же опять вверх по воде мимо гор со смешанным лиственным лесом редкого насаждения; уже приближаясь к пункту раздела вод, мы увидели примесь не крупного хвойного преимущественно пихтового строевого леса.

Поднявшись на крутой перевал, мы спустились с него в долину другого притока р. Маэ, впадающей в р. Фульдзя на довольно далеком, впрочем, от нашего

пути расстоянии. Тут опять начались мокрые луга с стоячею по ним по колена водою, уже начавшею замерзать по утрам, именно с того времени (4 октября). Спустившись к главному руслу р. Маэ, мы пришли к броду через нее, но по причине многоводия брод в то время оказался для нас невозможным, и лодки близко тоже не было; потому, предполагая близко от реки существование поселений, мы подавали от времени до времени голос, делали выстрелы из револьвера, но не могли дожидаться китайцев; тогда, найдя по речке узкое место, свалили огромное ильмовое дерево на нашем берегу, и по этому дереву один из нас перебрался на тот берег, пройдя около 3 саж. по реке вброд по горло, так как 15-саженное дерево не достало до противоположного берега, и уже на том берегу свалил другое большое дерево, упавшее на первое, стал устраивать после того вместе с товарищами мост с перилами из жердей. По этому мосту, омываемому местами быстрою речкою и дрожавшему под нашими ногами, стаскали люди сумы на тот берег, а потом переплавили на тот берег и коней в месте не столь быстром, более широком и мельче. До фанзы Маэхи от переправы этой еще 2 версты, при этом мы перешли вброд еще один мелкий приток р. Маэ.

От первой фанзы дер. Цимухэ до этой фанзы Маэхи расстояние составляет 30 верст.

Горы по этой системе вод тоже поросли смешанным лиственным лесом, а в местах подальше от главного русла смешанным лиственно-хвойным довольно крупным поделочным, строевым и дровяным лесом. В фанзе этой, с обильным и хорошим хозяйством, плодородною землею и хозяевами, хорошими охотниками на дичь и пушного зверя, сходятся четыре разные дороги: 1-я, которою мы пришли к фанзе; 2-я, по которой лежит наш путь, т. е. на р. Лефу; 3-я ведет в долину р. Суйфун через верховья р. Фульдзя и 4-я – на переправе через р. Фульдзя и потом к Владивостоку; по расспросам местных жителей, я соединил эти дороги на своей карте с теми, которые замечены и нанесены были мною в экспедицию 1860 года. Мы пошли вверх по притоку р. Маэ, через который уже сделали один брод; выше мы перешли его вброд другой раз, и некрутыми, удобными для пути, горами по торной тропе обошли каменные утесы берегов р. Маэ, потом вышли на долину этой реки, шли высокими лугами вверх по ее течению. Места эти во многих отношениях удобны для русских поселений. На горах растет смешанный лиственно-хвойный средних размеров лес. Пройдя от фанзы 15 вер. и сделав удобный брод через р. Маэ, за рекою мы миновали 2 фанзы, из которых одна сгорела в этом году, а еще через 5 вер. (здесь опять броды через реку Маэ) увидели еще фанзу, где и сделали привал на ночлег. Во всех этих фанзах манзы живут зажиточно, все луга здесь высоки, безопасны от наводнений, плодородны и вообще весьма удобны для русских поселений. Начиная от этого места по реке, береговая полоса леса становится постепенно шире, броды через речку и через ее притоки встречаются чаще, хотя путь все еще идет торный, тут мы кинули две дорожки: одна ведет, по рассказам жителей, к верховьям р. Лефу, другая к р. Суйфун. Через 20 верст пути от фанзы почти наполовину по крупному смешанному лиственно-хвойному, а иногда хвойно-лиственному лесу, наполовину лугами, или только узкими лесными прогалинами, мы достигли перевала хребта Сихотэ-Алинь, где стоят три китайские часовни; при этом подъем в горы был довольно слабый. Перед подъемом в гору у реки есть для путников шалаш с наготовленными дровами и отличного качества кедровым смольником совершенно розового цвета.

Поднимаясь по речке по лесу (и на горах и в узких лощинах горных здесь лугов уже нет вовсе), здесь заметна стала гораздо большая примесь сперва кедра, а далее на самой вершине хребта пихты и ели.

Река Фульдзя и ее притоки. Река Фульдзя, впадающая в Уссурийский залив в 6 верстах от устья р. Цымухэ, гораздо шире и значительнее последней. Только долину ее среднего течения видел я в 1860 году, идя по хребту, отделяющему ее воды от вод Суйфуна, но самого устья не видал. Долина Фульдзя, вместе с долиною впадающей в нее в 5 верстах от ее устья р. Маэ, очень обширна к морю, низменна, болотиста и затопляется в большую воду. На 10 вер. выше в нее впадает р. Хомяго, имеющая притоком р. Юшучуань. От устья р. Хомяго Фульдзя поворачивает по направлению северо-западному, а источники ее находятся близ источников р. Та-Чуаньфанза и Саго, принадлежащих к системе Суйфунской. Выше долины р. Фульдзя менее болотиста и удобна для русских поселений, но кажется китайских поселений здесь мало. Высокие пункты ее гор на обоих берегах изобилуют хорошим, кедровым и крупным дубовым и других лиственных пород лесом, а также изредка пихтовым и еловым строевым. Река Фульдзя может быть сплавною.

Полуостров Муравьев-Амурский. Восточный берег полуострова Муравьев-Амурский был виден при следовании по противоположному берегу Уссурийского залива к речке Цымухэ. По сведениям лиц, видевших этот берег в 1863 году, когда вдоль берега была проведена просека для устройства телеграфного сообщения с заливом Владивостоком, берег этот очень крутогористый; на всем протяжении берега по нижним уступам гор растет лес дубовый и чернопольный с малою примесью других лиственных пород леса, дровяной и отчасти поделочный, а там, где скалы очень круты и каменисты, лес дубовый мелкий, почти кустарный. Выше же в горах, везде лес лучших хвойных и крепких лиственных пород крупных размеров и густой поделочный, строевой, дровяной и частью корабельный.

Пост Владивосток существует с 1860 года; он был посещен мною и там не было еще ни одного строения, ныне же там несколько казарм, офицерских домов и даже церковь; со временем в Владивостоке, вероятно, устроится город с военным или торговым портом.

Изобилие в строевом лесе близ Владивостока представляет весьма важную выгоду для будущего устройства в нем города и порта. Залив Золотой Рог, по северному берегу которого, вероятно, будет расположен город на горе и порт по берегу, представляет самые выгодные условия для стоянки морских судов.

Владивосток обладает прекрасным благоухающим климатом, умеренным и теплым и в этом отношении мало уступает заливу Посыета, лежащему южнее его, но в местности безлесной. Владивосток летом, как и все места здешнего края, часто освежается дождями, что уменьшает излишнюю жару лета.

Путь от Владивостока к устью Суйфуна пройден нами впервые из русских, пришедших сюда в 1860 году от берегов озера Ханка.

Выдающийся мыс полуострова в заливе Золотой Рог к морю гол и каменист и не представляет удобного пути; поэтому дорога проведена от русского поста прямо к западному берегу полуострова к устью 1-й на нем речки, названной Комаровкою, а по-китайски Сяуча. На горе и по речке много хорошего леса строевого и поделочного пихтового, елового и отчасти кедрового, а также по-

делочного и корабельного дубового, ясеневое, кленовое, ильмовое, осинового, орехового, акации, пробкового дерева и других пород, в долине речной есть яблонь, груша, черемуха и много кустарных пород, *panax*, *eleuterococcus*, *arallia*, *dimorphantns*, *maximovitchia*, *actinidia kolomikta* (разновидность с заостренными плодами), *syringa*, орешник, виноградник, калина, шиповник, одним словом, почти все типы уссурийской флоры встречаются здесь. Далее по горам, состоящим преимущественно из аспидного сланца с обнажениями плутонических пород; только по р. Чингхоуза, растет по близости моря преимущественно дубняк и черноберезник дровяного и поделочного качества и довольно редкого насаждения, с редкою примесью строевого осинника и еще реже других лиственных пород, из которых клен, ясень, ильм, орех, а также яблонь, груша, черемуха, черешня встречаются по горным падям и долинам незначительных приморских речек, в особенности же по р. Чинхоуза, на устье которой стоят 2 фанзы и другой без имени, которая значительнее всех других своим протяжением. Горы здесь довольно круты и обрывисты к морю, речки – быстрые горные потоки, но по удалении от берегов горы становятся выше, но покатее и покрыты густым и крупным хвойно-лиственным лесом – поделочным, строевым, дровяным и корабельным: еловым, кедровым, пихтовым, дубовым, кленовым, ильмовым, ясеневым, ореховым, осиновым, березовым и других, с необыкновенным в таких местах разнообразным кустарником. С севера Амурский залив вдался в материк наподобие озера, соединяющегося с большим заливом посредством узкого пролива между скалистых, но не высоких гор. Близь этого углубления залива хвойные породы в горах не встречаются, а растет смешанный лиственный лес дровяной, поделочный и строевой, состоящий из дуба, берез, осины, клена, ильма, ясеня, липы, орехового дерева, акации Маака, пробкового дерева и других с обыкновенным густым кустарником. По речкам, впадающим в эту часть залива, в смеси леса встречаются еловые и пихтовые, изредка и кедровые деревья единично в строевых размерах, но большая часть этих деревьев повреждена короедом. Такой же лес и по речке, впадающей в Амурский залив за мысом. Дальше на горах до самого устья Суйфуна лес больше дубовый с березами и осиною – дровяной, поделочный и строевой лиственный довольно редкого насаждения, а ясень, клен, ильм, орех попадаются в горах редко, а чаще в горных падях. Луга, прилегающие к морскому берегу, низменны, затопляются и для поселений неудобны.

Расстояние от Владивостока до русского поста в устье Суйфуна 70 верст.

Река Суйфун и ее притоки. Река Суйфун (что по-китайски значить шило), есть самая значительная из приморских рек, впадающих в Восточный океан между заливами Св. Ольги и Посъета, он берет свое начало из хребта Сихотэ-Алинь вне русских пределов в Манчжурии и достигает нашей государственной границы уже довольно значительною рекою, хотя еще не судоходною, но уже способною для сплава лесов. В пределах Манчжурии еще принимает в себя много притоков и в том числе р. Малый Суйфун, берущую начало близь нашей государственной границы; некоторые из притоков последней вошли в границы русских владений. Речка Та-Уса-го (Хобиту по договорной грамоте) впадает в Суйфун и вместе с тем главным своим руслом составляет государственную границу нашу. На протяжении около 80 верст от места впадения в Суйфун р. Та-Уса-го до фанзы Суанчинза Суйфун мною посещен не был, но притоки его в этой части скопированы с печатной карты государственной границы, изданной Иркутским Управ-

лением Генерального штаба в 1862 году. Судя по дошедшим до нас сведениям и по той части его верховья, которую я проходил в 1862 году при следовании вдоль Государственной границы, верховья Суйфуна до фанзы Суанчинза очень бедны лесом, преимущественно покрыты дубовым и черноберезовым редколесьем дровяного и частью поделочная достоинства с редкою примесью других лиственных пород. Долина Суйфуна в этом месте становится постепенно шире и состоит везде из очень низменных и топких лугов и болот, с частыми озерами и речными заливами. Для русских поселений удобные места найдутся разве по горам обоих берегов и по речным долинам притоков Суйфуна с северной стороны хребет имеет весьма пологие скаты, дающие ему вид степи. Против дома Суанчинза с юга на север долина имеет ширины до 20 верст и хотя это место также затопляется в большую воду, но, имея плодородную черноземную почву, может в сухие года служить для временных пашен. После дома Суанчинза находятся развалины старинного манчжурского города с укреплениями в речной долине. Несколько выше в Суйфун впала справа довольно значительная речка Шуфань, вытекающая из одного горного узла с речками Та-Уса-го, Хунци и Амба и протекающая по широкой на устье затопляемой в полу воду долине.

Близь дома Суанчинза находятся еще 2 фанзы: Наодзаго на левом берегу в 1 версте от русского поста № 14 Верхне-Суйфунского, расположенная на высоком берегу на месте, не затопляемом даже в большую воду; и Чонгдэсань – на правом берегу Суйфуна, несколько выше у подножия горы в 5 верстах от русского поста 14. Здесь река Суйфун делает крутой поворот от первоначального В.Ю.В. направления, почти прямо на юг и принимает в себя слева реку Саго, или Чаго. От фанзы Суанчинза в 1862 году было устроено сухопутное сообщение с озером Ханка.

Местность к северу от Суйфунской долины до хребта Сихотэ-Алинь. Путевое расстояние от русского Верхне-Суйфунского поста № 14 до раздела вод на пологом степном месте хребта Сихотэ-Алинь составляет по русской тропе до поста № 13 – 18 верст и до раздела вод 10 вер., а всего 28 верст. Дорога идет вдоль притока р. Чаго, сливающегося с ним у его устья в Суйфун; вершины этого притока уклоняются от дороги вправо на В.С.В. и потом на Ю.В., где подходят к невысоким горам хребта Сихотэ-Алинь близь верховьев р. Хомяго и других притоков р. Чаго. Вершину этого притока Чаго и других мы видели в 1860 году при следовании прямым путем от Лефу к Суйфуну и назвали первый приток р. Быстрою, а второй Неожиданною, китайские же названия их неизвестны.

Русская дорога к озеру Ханка до самой водораздельной линии представляет местность безлесную, в низких и кочковатых долинах местность затопляемую и неудобную для разработки, а по высшим местам на пологих склонах с черноземно-суглинисто-иловатою почвою; местность, удобную для временных распашек в сухие года, но неудобную для оседлых русских поселений. Сообщение этим путем даже после больших дождей неудобно и затруднительно, потому что вся почва превращается в непроходимую и непроезжую полужидкую грязь.

Речка Чаго (Саго) и ее притоки. По притоку реки Чаго и по самому руслу ее, недалеко от устья в Суйфун в 1860 году мы вышли на Суйфун от озера Ханка, открывая впервые пути сообщения с портом Мея-Владивостоком. Путь этот идет почти прямо на Ю.В.Ю. по притоку реки Саго, а за бродом через р. Саго по китайской тропе, идущей от деревни Та-Лифан-Хоуза к деревне Суанчинза.

Дорога к деревне Та-Лефан-Хоуза проложена вверх по притоку Саго справа и через хребет Сихотэ-Алинь до раздела вод Суйфуна и Лефу по этому пути 14 вер. от р. Саго и оттуда 3 вер. до фанзы Индеу в верховьях р. Хомяго а всего пути от фанзы Наодзаго, или от Верхне-Суйфунского поста до деревни Та-Лефан-Хоуза, 72 вер. Оба эти притока Саго протекают в узких лощинах между высоких и крупных гор, заросших смешанным лиственным, либо с примесью хвойных пород лесом дровяным, поделочным строевым и корабельным из породы дуба, черной березы, которая преобладает на местах крутогористых, бесплодных и каменистых; других крепких лиственных пород ясени, клена, ильма, орехового дерева, ели, пихты, кедра по другим более пологим горам в стороне от дороги; тех пород лиственных с примесью фруктовых деревьев, также: ольхи, осины, вербы и тополя по берегам речек в долине. Дубу много в горах крупных размеров, но он очень часто поврежден либо личинкою Рогача (*Cerambyx Quercis*), либо гусеницею дубовой листовертки (*Pholaena fortgux Quercis*), отчего часто бывает сухостойным и дупловатым, и на кораблестроение не годным. По китайской дороге чаще попадает плохой лес и притом весьма редкого насаждения, и путь здесь весьма каменистый и неудобный для тележной езды и для некованных лошадей.

Речка Чаго, выше этого притока, протекает тоже по очень узкой лощине между крутых и высоких гор. В долине ее луговые, удобные для поселений места продолжают до фанзы еще на 20 верст; русло речки скоро поворачивает на юг и юго-восток, и вершины ее находятся близ вершины р. Хомяго и Юшучуань, вливающихся в р. Фульдзя, по горам, окружающим долину Саго, растет лес довольно плохого качества дровяной и в малой части поделочный дубовый и чернопоберезовый, а близ фанзы и несколько ниже в примеси попадают еловые, пихтовые и кедровые деревья иногда строевых размеров, но наполовину сухоподстойные от повреждений елового короеда и елового рогача. Выше фанзы по Саго, мне сообщили, что леса лучше и гуще, и много строевого материала, но этот лес недоступен для разработки по своему удалению от путей сплава: речка же Саго не сплавная даже в большую воду по причине своей быстрины. Строевой лес по р. Саго и в хребте Сихотэ-Алинь может иметь сбыт на реку Суйфун, если там устроятся со временем многочисленное поселение и через это усилится потребность в лесе. Но доставка леса сухопутная может быть облегчена только вывозкою зимою при увеличении числа рабочего скота, а осенью устройством деревянно-рельсовых лесовозных дорог.

Левый берег Суйфуна от Верхне-Суйфунского поста до взморья. Суйфун от Верхне-Суйфунского поста доступен судоходству и даже пароходам речным, сидящим в воде не более 2-х фут. На устье его банка в 2 фута через всю реку, не допускающая входить в Суйфун судам, сидящим в воде глубже, разве только в очень большую воду. Ниже Верхне-Суйфунского поста по реке есть два порога довольно опасные, через которые впрочем теперь привычные гребцы проходят довольно часто и всегда благополучно. По Суйфуну много мелей, которым в 1861 году сделан подробный промер и составлена карта водяного пути. Вся долина Суйфуна затопляется в очень большую воду, а в сухие года часть ее лугов имеет вид богатой высокой степи с богатою черноземом почвою, удобною для разработок под временные пашни и окруженною более низменными луговинами и болотинами с множеством кочек, озер, заливов и довольно значительною протокою, никогда не пересыхающею и отделяющеюся от Суйфуна

близь фанзы Чуань-фанза. Путь вдоль Суйфуна нами проложен в 1860 году по краю гор, окаймляющих его долину с левой стороны. Горы эти не высоки, имеют пологие преимущественно спуски, но там, где встречаются низменные, также как и суйфунские, долины притоков, обильные озерами и болотинами, путь этот не во всякое время доступен, и тогда надо обходить долины притоков далеко выше их устьев, смотря по обилию вод. На всех этих горах левого берега растет смешанный лиственный лес, состоящий из пород дуба, ясны, клена, черной березы, осины, липы, ильма, орехового дерева, тополя, вербы, пробкового дерева, акации Маака, белой березы, ольхи в разных пропорциях смеси, которые трудно определить глазомерно, и различного качества, смотря по местоположению. Большею частью этот лес дровяной с частью поделочного и изредка корабельного и строевого материалов. Везде в лесах очень густой кустарник: максимовичия, панакс, элейтерококкус, араллия, коломикта, диморфант, лещина, жимолость, виноградник, калина, бересклет, шиповник, и часто по речкам попадаются фруктовые деревья: черемха, вишня, яблонь и груша. Вообще лес довольно редкого насаждения, иногда же довольно густого. По речкам Та-Чуань-фанза и Сяу-Чуань-фанза заметна редкая примесь ели и пихты, редко здоровых строевых деревьев.

Расстояние от Верхне-Суйфунского поста до взморья составляет около 80 вер., и на половине расстояния этого на довольно высоком берегу устроен пост № 15 Средне-Суйфунский (близь него китайская фанза), а на устье Суйфуна на берегу мелкого озера, образовавшаяся из Суйфунских вод – пост № 16 для сообщения с русскими постами в заливе Владивостоке и Посьета.

Правый берег Суйфуна, от фанзы Чонгдэсань. Долина правого берега Суйфуна совершенно подобна долине левого берега, также затопляется в большую воду и удобна лишь в сухие года для временных пашен. Ниже фанзы Чуань-фанза Суйфун отделяет от себя протоку, подобную протоке левого берега, но несколько уже и мельче последней. Этим берегом проложена китайская тропа, от фанзы Чонгдэсань к фанзе Чуань-фанза на расстоянии 44 вер., и далее тропа уклоняется от Суйфунской долины по р. Эрдогу, а за р. Туодогу эта тропа выходит из системы реки Суйфуна, направляясь к заливу Посьета.

Притоки Суйфуна с правой стороны носят название по порядку счета от устья Суйфуна: первый – Туодогу, второй – Эрдогу, третий – Сандогу, четвертый – Сыдогу и т. д. Речки Сандогу и Удогу – самые значительные по величине, ширине и глубине. Все они в малую воду, так же как и речки левого берега Суйфуна, доступны для брода, а во время разлития вод здесь сообщение прекращается вовсе, либо речки нужно обходить далеко выше их устья. Горы на пути от фанзы Чонгдэсань до фанзы Чуань-фанза заросли смешанным лиственным лесом с преобладанием дровяного и отчасти поделочного достоинства и довольно редкого насаждения. К дубу чаще других пород примешаны черная береза и осинник, частью годные на строевой материал. В горах и в особенности в речных долинах встречаются и другие породы лиственного леса, также как и на левом берегу Суйфуна. Таковым же лесом покрыты горы, окаймляющие долину Суйфуна и ниже фанзы Уань-фанза до взморья, а долина Суйфуна еще низменнее и болотистее, по мере приближения к взморью. Выше Чуань-фанзы около фанзы Палялядза Суйфун бежит в узких щеках между крутых обрывистых гор и в этом месте имеет быстрое течение и опасный порог. Близь фанзы Чуань-фанза

китайцы переправляются через Суйфун в лодках. Далее путь идет Суйфунскою долиною до притоки р. Саньдогу, а потом вверх по долине этого притока, через горы и вверх по Саньдогу, опять через увал гор и вверх по р. Эрдогу, и достигает р. Туодогу близь ее источников.

Все эти речки, Туодогу, Эрдогу и Саньдогу, быстры и мелководны в сухое лето, имея тогда ширину не более 10 саж., но после дождей и в полую воду достигают ширины 40 саж., а иногда разливаются по своим долинам. По р. Туодогу и по пути к р. Эрдогу и р. Амба лес дубовый и чернопереберовый большею частью поделочный с редкою примесью других лиственных пород. По речкам Эрдогу и Саньдогу лес смешанный и лиственно-хвойный: дубовый, липовый, еловый, кедровый, ясневый, пихтовый, ореховый, ильмовый и березовых и других пород довольно густой и крупный поделочный, строевой и отчасти корабельный, как в горах, так и по речным долинам речек Эрдогу, притока ее Дзябигу и Саньдогу. На р. Дзябигу (или Тьяфику) есть несколько фанз китайских, жители коих занимаются огородами и ловлею зверей, которые здесь в горах ловятся в изобилии. От деревни Чуань-фанза до деревни Дзябигу расстояние 27 верст, а отсюда до деревни Амбанбиля на р. Амба расстояние 16 вер.

Строевой хвойный лес, находящийся в изобилии выше по речкам Эрдогу, Дзябигу и Саньдогу мог бы иметь сбыт на Суйфун, если бы там со временем основались значительные поселения, но, к сожалению, сплав этого леса по мелководию и быстроте названных речек невозможен, а вывозка его сухим путем отдаленна и затруднительна.

Речка Амба. От перевала гор р. Туодогу системы Суйфунской 3 вер. пути по притоку р. Амба до фанз китайской деревни Амбанбиля. На горах лес дровяной и поделочный дубовый и чернопереберовый с незначительною примесью других пород, довольно редкого насаждения.

Речка Амба впадает в Амурский залив, в бухту Песчаную тремя устьями, из которых главное имеет ширину до 60 сажень. От деревни до устья около 29 верст. Устье ее обходят вброд, заходя на версту и более в море по косе, образуемой речными наносами. Далее от устья Амбанбиля к устью Суйфуна морским берегом и правым берегом Суйфунского устья проложен русскими путь к Нижне-Суйфунскому № 15, куда перевозят через Суйфун в лодке. Расстояние от левого рукава устья Амба (главного русла) до Нижне-Суйфунского поста 16 вер. От левого рукава устья Амба дальше русский путь идет тоже морским берегом, минуя косу песчаную, кругом залива морского, на берегу которого расположен пост № 16, названный Песчаным по мысу этого прибрежья, выдающемуся в море и носящему это имя; расстояние от левого рукава устья Амба до Песчаного поста № 16 – 18 верст.

Вершины р. Амба находятся в горном узле, где поставлен граничный столб под лит. П, и путь оттуда к первым фанзам по р. Амба описан по пути вдоль государственной границы. От этой первой фанзы до деревни Амбанбиля расстояние 22 версты. Долина ее на всем этом протяжении не превышает ширины 3-х верст. Горы обоих берегов довольно высоки и круты, и в одном месте левого берега отвесный утес подошел к самому берегу реки. Ширина речного русла изменяется от 20 до 40 сажень; течение реки быстро, и к сплаву река неспособна, в особенности, потому что при прибыли вод река становится еще быстрее; впрочем, строевой лес сверху можно сделать опыт сплавлять россыпью, без сплачивания

в плоты. Долина реки имеет высокое положение, мало кочковата и с суглино-черноземною богатою почвою, кажется, весьма удобною для русских многочисленных поселений, но, по рассказам китайцев, и эту долину в 1861 году затопляло, хотя не на столько, чтобы затопить самые поселения, но все-таки наводнение того года было причиною неурожая хлебов и овощей по всему побережью Амурского залива. По берегам р. Амба в узкой надречной полосе растет смешанный лиственничный лес, обыкновенно встречаемый близ вод здешнего края: ясьен, клен, ильм, орех, дуб, ольха, тополь, фуктовые деревья и другия. На горах большею частью встречается лес дубовый и черноберезовый, дровяной и поделочный средних и крупных размеров, а по скалистым местам очень мелкий, всегда довольно редкого насаждения. Не далее как в 5 вер. ниже последней фанзы по р. Амба в горах встречается смешанный лиственно-хвойный лес, более разнообразный по смеси, с поделочными деревьями дуба, ильма, ясьня, ореха, клена, акации, граба (*Ostaria Mandshurica*) и из хвойных: строевого кедра, ели и пихты. По мере приближения к источникам реки Амба все более преобладают в смеси хвойные породы и лес крупнее и гуще. Такой же лес находится на притоке Амба против последней фанзы вверху, по которому китайцы проложили тропу к фанзам Уизго на речке того же имени из системы Мангу.

Речка Уизго и система Мангу. Подъем и спуск с высоких гор этого хребта здесь особенно круты. На спуске с гор и на горном пути к фанзам Уизго лес смешанный лиственный довольно густого насаждения, крупный и часто хороших качеств дубовый, липовый, кленовый, грабовый, березовый, осиновый, ильмовый, и др. пород поделочный, строевой и иногда корабельный. Такой же лес виден и далеко на горах к северо-востоку от этого пути. Спустясь в долину, мы нашли луга высокие и сухие, весьма удобные для разработки под пашни и вскоре увидели фанзы деревни Уизго. Расстояние до этих фанз от верхней фанзы на р. Амба 14 верст.

Верховья р. Уизго видены мною с пути по р. Хуньчуну, куда проложена отсюда китайцами дорога. Вся эта местность состоит из лесов хвойных и лиственных пород довольно густого насаждения, строевых, поделочных и корабельных размеров.

Вниз по р. Уизго, которая внизу называется Мангу, тоже идет тропа левым и правым берегом реки; по дороге попадаютя 3 фанзы, но самая богатая из них 4-я выше названная; в ней большие пашни, много запасов хлеба, прекрасные овощи, хороший сорт табаку, красивое убранство жилища и довольно много домашнего скота: быков, волов и лошадей, удобно приводимых сюда из города Хунь-Чуна. От этой фанзы вверх пошли густые леса, а вниз обширные высокие, сухие, поемные весною, весьма плодородные луга, отлично удобные для многочисленных русских поселений. На горах этого пути вниз по реке растет лес чаще дубовый и черноберезовый на половину дупловатый, другие породы редко заметны на горах, чаще же в речной долине в надречной полосе. В одном месте только заметна на горах примесь ели, но и та большею частью суховершинна и на строение негодна. Также в долине изредка примесь некрупная кедра.

Речка Мангу. Речка Мангу также очень быстра и к сплаву лесов неудобна, в большую воду она еще быстрее и более разливается, нежели р. Амба, ширину же имеет ниже фанзы Уизго 20–46 саж., а близь устья до 60 и более сажен.

От верхней фанзы Уизго до фанзы Хомяхыэдза на устье р. Хомяго расстояние 26 верст.

От фанзы Хомяхыэдза идет дорога до дер. Амбаньбиля, на расстоянии 17 верст по долине р. Хомяго, довольно широкой, но доступной для брода, луга высокие, но тоже поемные и удобные для распашек. Лес на горах довольно редкий дровяной, дубовый часто дупловатый, но в малом количестве можно встретить деревья средних поделочных размеров, как дубовые, так и других лиственных пород.

К устью р. Мангу расположены фанзы деревни Мангутиэ, а на самое устье в море выходит русская тропа от поста Песчаного, обходя устье морем по косе. Оба русла р. Мангу были мелководны в сухую осень 1862 года.

Далее путь идет вдоль морского побережья, иногда непосредственно берегом моря вдоль гор с весьма плохим дровяным и весьма редко поделочным дубняком и черноберезником редкого насаждения. По пути попадаются маленькие мелкие речки Тамахи, Тумьку, на которых фанзы три небольшие и небогатые. Дальше довольно обширная равнина побережья к устью Сидземи; дорога идет через увалы и вброд через маленькие приморские речки и к деревне Сидземи, на речке того же имени. Речка даже близь устья доступна броду и не шире 10 саж.; воды ее тише вод Мангу.

Речка Сидземи или Шидземи. Расстояние дер. Сидземи (или Шидземи) от фанзы Хомяхыэдза 30 вер., а от поста Песчаного № 17 – 33 версты. По р. Сидземи (или Шидземи) я поднимался вверх, по китайской тропе вдоль главного русла и по притоку, на 20 вер. В луговой долине ее много мест, удобных для поселений русских, хотя эта долина местами низменна и вся подвержена наводнениям особенно сильным, подобно бывшему в 1861 году. До фанзы лес на горах попадает дубовый и черноберезовый, а выше в горах и по долине смешанный лиственный крупный лес отличных качеств. Этот лес удобно может быть доставлен к морю. По притоку р. Сидземи в смеси леса попадают кедр, ель и пихта строевых размеров и дубовый корабельный материал, как в горах, так и по всей речной долине. Такой же лес виден и на всех смежных горах как по системе Шидземи, так и по системе Туляму, куда направляется путь по притоку, продолжаясь далее через верховья р. Наэми и водораздельный хребет к притокам р. Хунь-Чун.

От дер. Сидземи далее путь идет вдаль от морского берега, по которому тянется отдельный невысокий хребтик, вдоль широкой пади, по краю спускающихся к ней довольно круто гор материка. В очень низкой и топкой луговой долине лежит озеро длиною до 3 верст. Даже в междугорных падушках много топких мест и болот, несмотря на сухое время года. Потом дорога идет западным берегом залива Славянского и мы обошли устье небольшой р. Туляму морем. Долина р. Туляму подобна долине Сидземи, только уже и речка незначительнее. Далее, пройдя фанзы, дорога идет чрез невысокие прибрежные горы к пос. Славянскому, на высоком берегу одной из излучин того же залива Славянского (Port Bruce). От дер. Сидземи до Славянского поста 18 расстояние 25 верст. Только по берегам мелких речек и р. Туляму можно встретить хороший лес: липовый, кленовый, ильмовый, ясневый, ореховый и других пород; на горах же преобладает дровяной дубняк дупловатый и черная береза.

Дальше все такой же плохой лес по всем прибрежным горам до самой речки Наэми, имеющей широкую долину, а русло подобное р. Сидземи. Долина низка

и мокра и удобна для заселений русских только в верхних частях. На острове между протоками Наэми расположены фанзы дер. Наэми, частью затопленные водою в 1861 году. Далее вверх по речке долина суше, выше и имеет плодородную почву. До фанзы Наэми расстояние от Славянского поста 9 вер.

Речка Наэми. В верховьях Наэми есть фанза в 24 верстах расстояния от деревни Наэми. В среднем и нижнем течении Наэми господствуют на горах дуб и черная береза редкого насаждения, дровяного и отчасти поделочного качества. Но дуб постепенно выше по реке встречается лучших качеств и крупнейших размеров. В верхнем течении можно встретить довольно дуба, годного на корабельное дело и на поделки, который можно сплавливать вниз по тихой реке вместе с ореховым, кленовым, ясневим, пробковым и другим лиственным лесом, находящимся как на берегах речки и ее притоков, так нередко и на горах. Торная дорога идет дальше через граничный водораздельный хребет к фанзам на реке Большой Хунь-Чун. На самом хребте, по словам китайцев, есть крупный и густой хвойный лес.

Устье р. Наэми мелкое и шириною в 20 сажень, обходится морем по косе, а дальше путь идет по степи морского побережья, которая довольно обширна; посреди степи есть маленькая возвышенность, удобная для поселений, а на мысе тоже отдельный хребет невысокий. Дальше путь идет морским берегом, причем морем по косе обходятся устья двух небольших речек, а на второй из них фанза на морском берегу. Расстояние до этой фанзы от дер. Наэми 16 вер., а до Славянского поста мимо дер. Наэми 21 верста. Все горы на этом пути покрыты лесом дубовым и чернопоберезовым редким и плохого качества, дровяного и частью только поделочного качества. На степи небольшая куртина сосновых деревьев мелких и корявого роста, годных лишь на дрова. Но присутствием здесь сосны доказывается, что, вероятно, она есть и в горах в более удобных для произрастания ее местах и лучших качеств.

От фанзы на речке, название которой неизвестно, путь к заливу Посьета идет вверх по речке, потом через горы на р. Тизин и далее вниз по ее течению. Только на водоразделе попадаются хороших иногда качеств крупные дубы, годные на поделки и на корабельное дело, но в долинах речек горы или совершенно безлесны, или поросли самым плохим дупловатым дубом и черною березою дровяного качества.

Для поста № 19 выбрано место близ р. Тизен в таком месте, где над речкою есть ильмовые, ореховые, ясневые, кленовые деревья средних размеров, и из таких деревьев выстроен дом. Расстояние от последней фанзы на морском берегу 21 вер. Места в долине для поселений неудобны, в низовьях – речки по низменности положения и изобилию болот, а в верховьях по причине глинистой почвы, изобилующей камнями. Последний путь до поста Новгородская 21 вер. совершенно почти безлесен, кроме вершин гор и надречной полосы леса, часто прерывающейся и узкой. Дорога идет горами в виду бухты Новгородской и устья залива Посьета в открытое море.

XXIII. ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ И МЕСТ, УДОБНЫХ ДЛЯ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ, ПО ПУТИ ОТ ЗАЛИВА ПОСЬЕТА ПО БЕРЕГУ ВОСТОЧНОГО ОКЕАНА, ДОЛИНОЮ СУЙФУНА И ДАЛЕЕ К ОЗЕРУ ХАНКА

3 сентября я отправился в обратный путь к Уссури. Путь нам лежал сперва нагорьями Бухты экспедиции, потом нагорьями левого берега р. Тизен, и ее долиною, все местами безлесными. В 21 вер. от Новгородская поста устроена станция для сообщения с озером Ханка и Уссури. Здесь линейные солдаты построили дом из ильмовых, кленовых, ореховых и др. пород леса, попадающихся редкими деревьями только по непосредственным берегам речки вместе с тальником, яблонью, черемхой, пробковым деревом, кустарной акацией и виноградом. Речная долина р. Тизен большею частью низменна, болотиста и подвержена наводнениям. Русский дом стоит на высоком непоемном берегу. Мест, удобных для поселений русских, здесь мало.

Дальше по пути на горах встречается лес дубовый и черноберезовый дровяной и дупловатый, редко поделочный, весьма редкого насаждения с частыми прогалинами. В верховьях р. Тизен лес несколько крупнее и добротнее, а речная долина суше. За перевалом путь лежит нагорьями и долиною маленькой приморской речки. В лугах много крупных камней, нанесенных потоками с гор. До малой фанзы на морском берегу от русского поста № 19 (считая нумерацию от р. Сунгача, где русские поселения прекращаются) расстояние 21 вер. Лес на горах тех же пород и такой же редкий, как и на р. Тизен. Далее путь идет морским берегом и долиною морского побережья, где близь р. Наэми на глубоком песке, к удивлению, я встретил редкий сосняк, очень, впрочем, низкий, мелкий, суковатый, годный только на дрова, или частью на смольник. Смежные горы или вовсе безлесны, либо покрыты весьма редкого насаждения дровяным и дупловатым дубняком и черноберезником. Устье р. Наэми мы обошли морем по мелкому месту, а поднявшись по речке несколько выше на лодке, попали в дер. Наэми на правом берегу реки. Река Наэми саж. 12 шириною и довольно глубока даже при настоящем без дождей, и не очень быстра. В прошлом году деревня китайцев потерпела от наводнения, от которого остались только 2 фанзы, менее пострадавшие. В фанзах хорошее хозяйство, много скота и обширные огороды. Долина речки очень низменна, и теперь еще местами болотиста. До этой деревни от фанзы на морском берегу расстояние 16 вер.

Оставив лошадей и выюки в дер. Наэми, я сходил с 1 человеком вверх по р. Наэми до фанзы в ее верховье. Долина реки против деревни шириною вер. 4, а несколько далее становится уже, речка тоже постепенно мельче и уже, а вместе и быстрее. В среднем и нижнем течении реки на горах господствуют дуб и черная береза, но дуб постепенно выше по реке встречается более крупных размеров и

лучших качеств. В среднем и верхнем течении можно найти довольно дуба, годного на корабельное дело, который можно сплавать вниз по реке вместе с ореховым, кленовым, ясневым и пробковым лесом, находящимся, как на берегах речки и ее притоков, так и нередко на горах. До верхней фанзы расстояние 21 вер. Дорога горная идет дальше через граничный водораздельный хребет к фанзам на р. Большой Хун-Чун. На самом хребте, по словам китайцев, есть крупный, густой хвойный лес.

От фанзы я вернулся обратно к дер. Наэми (Адими).

Пройдя еще вер. 3 прежним путем, мы продолжали путь далее прибрежными горами с редколесьем дуба, липы, черной березы, ильма, клена, дошли до устья речки приморской, и после брода через нее в полугоре стоит русский пост, а ниже его на берегу моря малая китайская фанза. По речке есть ореховые и ясневые деревья, только довольно редко; также иногда попадается пробковое дерево, яблонь и т. д. Речка в настоящее время по бездождию мелководна, но после дождей по нашему пути пройти нельзя, а надо обходить речку выше. До русского поста от дер. Наэми расстояние 9 вер.

Дальше путь идет к малой фанзе на берегу Славянского залива, потом луговой падью, без воды; потом идет то прибрежными низкими горами с плохим дубовым лесом, то морским берегом, где стоят две фанзы для приезда китайцев, промышленяющих морскую капусту и моллюсков. Устье р. Туляму в 2 рукавах мы обошли морем, далее шли морским берегом подле низких береговых гор с плохим и редким дубняком. На берегах р. Туляму обыкновенный смешанный лиственный лес – ясень, ильм и пр.

Пройдя залив Славянский, мы оставили береговые горы с плохим по прежнему лесом и повернули к горам материковым. В долине между хребтами лежит порядочное озерко вер. 3 в длину, а местность к озеру постепенно ниже и более топка, хотя вся эта долина даже в настоящее время низменна и мокра. Даже в междугорных падах много болот и топей. Последняя часть пути к долине р. Сидземи лежит по каменистому и крутому откосу скалы, так как в долине болото недоступное. Дома Сидземи находятся за рекою, через которую брод теперь мелкий, ширина речки несколько сажень, а течение средней быстрины. Расстояние до домов Сидземи от русского поста у залива Славянского 25 вер.

Только по берегам р. Сидземи и других мелких речек можно найти довольно хороших качеств леса и лучших пород; клен, ясень и пр., а по горам, по всему пути и по обоим склонам гор, на дальнейшем пути по р. Сидземи все тот же дуб и черная береза плохих качеств.

По р. Сидземи и ее притоку я поднимался на 20 вер. по тропе, ведущей к рассошинам одного из притоков р. Сидземи, а оттуда, кажется, через долину р. Туляму к верховьям р. Наэми и оттуда на р. Хун-Чун. На половине пути фанза, где живет один мандза; у него маленький огород.

Далее от фанзы, по берегам речки, довольно широкими полосами растет смешанный лиственный лес довольно крупным и отличных качеств, до 9–10 саж. длиною и 8–12 вершк. на высоте 2 фут. Этот лес легко подвозить к морю и доставлять к портам. Еще дальше по притоку р. Сидземи такой лес попадает сплошь по всей речной долине и на горах, а к смеси лиственного леса прибавились кедр, ель, пихта в довольно значительном количестве. Такой же прекрасный крупный лес виден на отдаленных горах по другим притокам и главному руслу р. Сидземи. Сплав этого леса едва ли окажется удобным, но вывозка его к морю не пред-

ставит затруднение, когда в этом лесе будет настоять надобность, что может случиться не скоро.

Вернувшись обратно к фанзам на устье Сидземи, мы продолжали путь далее. Обойдя топкие места побережья пологими горами с дрянным лесом, мы вышли к морю и пришли к фанзе на р. Туля, минуя еще 2 фанзы, расположенных на 2 небольших и неглубоких приморских речках, из которых ближняя называется Тама-хы. Между речками путь лежит горами, так как к морю горы спускаются крутыми утесами. За последними горами – широкая долина р. Мангу, реки довольно значительной и вливающей в океан свои воды двумя широкими устьями. Путь к устью Суйфуна лежит в обход этих устьев морем, но имея в виду осмотреть долины рек Мангу и Амба, я направился по долине р. Мангу к китайским и поселениям. Фанз здесь много и в одной из них я остановился для ночлега. До этой фанзы Хомяхыэдза, близь устья р. Хомяго в р. Мангу, расстояние от домов на Сидземи – 30 верст.

Лес по долине Мангу на окрестных горах и пройденным путем, такой же дубовый, с редкою примесью других пород, но против фанз Мангутиз он несколько гуще, крупнее и доброкачественнее. Броды через р. Мангу и Хомяго незатруднительны при настоящем мелководии, речки имеют ширины несколько сажен, но страшно разливаются после дождей и наводняют всю долину; быстрина их непомерная и к сплаву леса, в особенности в половодье, обе речки вовсе неудобны. Китайцы плавают вниз по Мангу в маленьких ботах, выдолбленных из одного ствола и на них же переправляются через реку в большую воду. Прошлогодняя большая вода наделала китайцам много бедствий, но фанзы не совсем затопило, а хлеб уродился плохо, так что бедные из них терпели голод до урожая нынешнего года, весьма удачного. Такой большой воды, как прошлогодняя, китайцы, даже старожилы, не запомнят.

От фанзы Хомяхыэдза, направив мой отряд вверх по р. Хомяго на р. Амбанбиля или Амба, сам я с проводником отправился вверх по р. Мангу. Шли луговойю падью р. Мангу то правым, то левым берегом. Долина высока, непоемна, с плодородною почвою и отлично удобна для русских многочисленных поселений. По берегу речки растет крупный хороших качеств смешанный лиственный лес: ильм, клен, орех, ясень и пр. с фруктовыми деревьями и виноградом. На горах до самой фанзы виден только дубняк и черноберезник дровяной и дупловатый. В одном месте небольшая примесь ели строевых размеров, но по большей части суховершинной. Выше фанзы на горах правого берега лес густой и крупный смешанный лиственно-хвойный – строевых, поделочных и частью корабельных размеров. Фанза Уизго, названная по речке того же имени, была уже мною посещена в этом году с противоположного пути от р. Хун-Чуна. До фанзы Уизго расстояние от фанзы Хомяхыэдза – 26 вер. На пути в стороне есть еще фанзы. Китайцы здесь живут зажиточно и имеют отличные огороды и пашни.

От фанзы Уизго есть китайская тропа на р. Амба, по которой русские казаки провели свой закупленный в Посьете скот на Уссури, пройдя к фанзе Уизго со стороны р. Хун-Чуна. По этой же тропе шел и я, горами вдоль притока р. Уизго. На этом пути, а равно и на перевале, лес редкий, но довольно крупный и хороших качеств дубовый, липовый, кленовый, грабовый, березовый, осиновый и пр. Годного на поделки леса довольно много. Подъем в гору весьма крутой и очень каменистый. На окрестных горах по сю сторону перевала везде виден лес лиственный, вероятно, тех же пород, как и на пройденном пути. При спуске с

горы по долине притока р. Амба лес крупный и густой кедровый, еловый, ореховый, ясневый, кленовый, грабовый (*Ostrya*), ильмовый, пробковый, тополевый, березовый и др. Поделочного, строевого и корабельного материала здесь много. В долине на этом берегу фанза пуста, а за рекою деревня из 3 фанз. Брод через р. Амба незатруднителен. Речка очень пересохла от настоящего бездождия, ширина ее от 10 до 30 саж., глубина $\frac{1}{2}$ аршина, течение воды не очень быстрое, но к сплаву леса речка неудобна.

Расстояние от фанзы Уизго до этой деревни на р. Амба 14 вер.

Отсюда мы шли вниз по р. Амба. Лес крупный смешанный лиственно-хвойный попадаетея ниже по р. не далее 5 вер. как в надречной полосе, так и на горах правого берега, но дальше фанзы на притоке хвойный лес не встречается вовсе, а из лиственных пород чаще других виден снова дупловатый дуб, редко сменяясь деревьями других пород на горах, а в долине, в прибрежной полосе в изобилии обыкновенный смешанный лиственный лес. Долина большею частью высока и плодородна, но, кажется, понимается водою в каждое половодье, что еще прибавляет к ее плодородию. Мы шли левым берегом реки, становившейся постепенно более значительною, но все еще довольно мелкою и быстрою, неудобною для сплава леса, каковою она становится только ниже дер. Амбанбиля, в 22 вер. от верхней деревни. В одном месте скалы левого берега подошли к самой реке, тут есть обход, и тропа идет по боку утеса.

В дер. Амбанбиля тоже хорошее хозяйство, довольно пашни и огорода и в этом году отличный урожай; в прошедшем году и они терпели нужду от наводнения.

Вся долина р. Амба очень удобна для русских многочисленных поселений.

Путь от фанзы Хомяхьэдза до дер. Амбанбиля не представляет разнообразия. На притоке р. Мангу вверх, брошенная жителями в прошлом году. Места луговые хорошие. Лес больше дубовый, но в малом количестве; можно встретить деревья других пород средних поделочных размеров. Расстояние это составляет 17 вер.

От дер. Амбанбиля мы отправились далее все по китайской тропе к речной системе Суйфуна. Первый попавшийся нам приток Суйфуна вызывается Туодогу. Окружающие его долины горы покрыты дрянным дупловатым дубовым и чернопоберезовым лесом, редко других пород. Хребет, отделяющий р. Туодогу от р. Эрдогу, следующего за ним притока Суйфуна, гораздо выше и порос лесом лиственным и хвойным, но тоже плохого качества и довольно редкого насаждения; господствуют же по прежнему дуб и черная береза. На спуске в долину р. Эрдогу лес лучше, гуще и крупнее, и доставка его к Суйфуну удобна. Здесь попадают еловые, пихтовые и изредка кедровые деревья. В долине лес еще крупнее и лучшего качества, меньше сухоподстойных деревьев. Тут славные ореховые, ясневые, грабовые, ильмовые и др. пород деревья.

Речка Эрдогу и приток ее Дзябигу (Тьяфику по местному выговору) мелки в настоящее время, но не быстры и, кажется, были бы способны для сплава по ним леса, которого в верховьях, вероятно, должно быть много как хвойного, так и лиственного хороших качеств если уже на устье он попадаетея в довольно количестве. Близость к Суйфуну этих речек придает им особенное значение, тем более, что и устье Суйфуна недалеко. За бродом через Дзябигу фанза, расстоянием в 16 вер. от деревни Амбанбиля. Горы до следующего за тем притока Суйфуна – р. Саньдогу покрыты лесом тех же пород, как и по р. Эрдогу, только менее густым и менее крупных размеров; тут есть дубовый, липовый, еловый, кедровый, ясневый, кленовый, пихтовый, ореховый и др. пород лес поделочный и строевой,

изредка и корабельный. Ближе к Суйфунской долине горы либо безлесны, либо представляют редины дупловатого дубняка и черноберезника. Речка Саньдогу и ее безыменный приток впадают в обмелевшую Суйфунскую протоку. Речки эти тоже очень мелки и имеют теперь ширину 10 саж., как и речки Эрдогу и Дзябигу, но здесь по руслам заметно, что в половодье они бывают не уже 40 сажень. Течение р. Саньдогу и ее притока весьма быстрое. Лес сплавать по Саньдогу едва ли возможно, но доставлять отсюда строевой материал на Суйфун для предполагаемых там построек, при поселении в Суйфунской долине линейного батальона, можно без особенных затруднений. Спустясь с гор правого берега Саньдогу, мы перешли вброд мелкую протоку Суйфуна и шли сухими теперь лугами широкой долины Суйфунской. Земля здесь плодородная, суглинистая с черноземом и кажется отлично удобною для поселений, но судить о том, поемная ли это местность, без нивелировки невозможно. По пути до Суйфунского русла мало встречается даже кочковатых мест, а болот мы не встретили вовсе. У берегов Суйфуна увидели фанзу, а через 4 вер. другую, называемую Чуанфанза. Мимо этой фанзы я проходил левым берегом Суйфуна в 1860 году. Здесь живут человек 10 китайцев со славным хозяйством, лошадьми и быками и богатые хлебом и овощами. От этой фанзы китайцы переправляются через Суйфун в лодке, а на том берегу, несколько ниже по реке на полугоре, стоит русский пост. От первой фанзы на р. Дзябигу расстояние до фанзы Чуанфанза 27 вер.

Далее мы шли тоже по китайской торной тропе по правому берегу Суйфуна, постепенно удаляясь от его русла, подле гор, которые покрыты довольно редким лесом, где господствующая порода дуб, частью дупловатый, частью поделочный и изредка корабельный, в примеси же встречаются все другие лиственные породы, в большем или меньшем количестве, местами тут есть поделочный строевой; осиновый и дровяной всех пород, кроме хвойных, лес. Вообще растительность правого берега очень напоминает растительность левого берега Суйфуна, а вместе и луговая долина р. Сыдогу напоминает низменности левого берега Суйфуна. Долина это шириною почти не уступает Суйфунской, хотя речка по ней течет незначительная, как и р. Саньдогу. Брод через Сыдогу легкий при настоящем мелководии, но по пути много болотин и кочковатых мест. На противоположной стороне горы покрыты таким же смешанным лиственным лесом. Близь развалин манчжурских укреплений мы перешли вброд еще один незначительный приток Суйфуна, а затем вышли к фанзе на берегу Суйфуна с бедным огородом, в этом месте Суйфунская долина весьма узка. Суйфун течет между крутыми утесами, иногда отвесно падающими к реке. Это место тропа обходит довольно пологими скатами гор с редкого насаждения смешанным лиственным лесом. Породы леса весьма разнообразны, но господствующая в смеси порода все-таки дуб. Тут можно найти довольно поделочного материала, строевого осинника, но корабельного материала почти нет вовсе. Везде в лесу густой подлесок леспедецы и орешника; изредка к долинам довольно винограда. Спустясь с гор, мы опять шли высокою сухою Суйфунскою луговою долиною, весьма удобною по плодородной почве и благоприятному климату для русских поселений. Тропа привела нас к фанзе Чонгдэсань, а оттуда без тропы мы дошли до русского поста, стоящего на высоком берегу Суйфуна. Переход этот от фанзы Чуанфанза составляет 41 вер.

В русском посту выстроены: казарма, баня, магазин для складов и еще предположены постройки. Здесь, кажется, со временем предполагается место Штаба линейного батальона № 3 и место для того удобно, в особенности потому, что с

Владивостоком можно иметь постоянное сообщение водою на шлюпках, а может быть и на мелко сидящих речных пароходах, или по крайней мере паровых лодках, могущих сюда буксировать тяжести. Лугов, удобных для распашки и под огороды здесь на обоих берегах Суйфуна в изобилии. Лес, потребный для построек батальонных, может быть вывезен из гор по системе притока Суйфуна – р. Чаго, но, кажется, не ближе 20 вер. и сплавлен водою быть не может.

По речке Чаго я шел в первую свою экспедицию в 1860 году и устье ее мне тогда было знакомо. В этом году мне хотелось осмотреть ее среднее течение, так как я узнал, что речка эта имеет гораздо большее протяжение, нежели я тогда предполагал. Впоследствии, с карты Генерального Штаба, я нанес на свою карту речную систему Чаго или Саго, как некоторые из китайцев выговаривают. Верхом я доезжал только до пустой юрты фанзы Чаго и оттуда вернулся к Суйфунскому посту – при этом нового для меня пути сделал около 20 вер., а всего 40 вер. Лес на этом пути довольно плохого качества вначале, постепенно становился лучшим выше по речке. Близ юрты и несколько ниже (вер. на 10) попадаются довольно часто еловые и пихтовые деревья, но из них много сухоподстойных от повреждения короедами (*Bostrichus*). Еще выше юрты лес крупнее и лучше и судя по малой быстрине реки его можно сплавливать отсюда небольшими плотами до Суйфунского поста во время весеннего половодья, но предварительно следует очистить русло речки от наносных коряг, загромождающих речку во многих местах в настоящее время.

Все это время, несмотря на осеннюю пору, погода стоит совершенно летняя и теплая, морозов еще не было, только по утрам обыкновенные здесь продолжают немного долее, иногда до самого полдня горы застланы туманом. От Суйфунского поста мы направились далее по дороге, вновь проложенной при проезде сюда весной 1862 г. Генерал-Губернатора. Она лежит между путем, которым я следовал в 1860 году долинами р. Хомяго (Веселой) и р. Лефу и восточным берегом озера Ханка, и путем Будогосского в 1859 году, через систему р. Мо. Наш путь оказался для постоянного сообщения неудобным, потому что в прошлом году наводнения, бывшие по всему краю, указали низменное положение пройденных нами мест. В нынешний год, весьма сухой, наш путь опять показался бы легким. В прошлом же 1861 году вся местность устья Лефу на 10 и более верст в ширину была потоплена водою, более чем на 1 сажень, так что посланные туда команды для огородов не могли попасть на устье Лефу. Даже при сбывшей воде в октябре я имел затруднения близ этой местности, описанные мною в прошедшем году.

Зная характер этой местности и периодически производимую здесь проливными дождями, то весной, то в середине лета, прибыль воды во всех речках и чрез то наводнения всех низменных долин, я заранее не считал вновь проложенного пути совершенно безопасным от наводнений.

Пройдя то долиной, то горами, уже мне знакомыми, небольшое расстояние до р. Чаго, мы перешли вброд речку, ныне весьма мелкую, нам открылась от фанзы Суанчинза местность, совершенно безлесная на огромном расстоянии. Гор по направлению на север, северо-восток и северо-запад тоже не видно. Вместо хребта Сихотэ, отделяющего приморские воды от бегущих в озеро Ханка и реку Усури, видны лишь малые холмы, далеко отстоящие один от другого и едва возвышающиеся над общим уровнем пологой равнины.

От фанзы Чонгдэсань мы оставили влеше развалины манчжурских укреплений и города, а также тропу, ведущую к верховьям Суйфуна и далее в манчжурский город Нингута. Долина притока р. Чаго низменна, кочковата и, по всей вероятности, подвержена наводнениям, равно как и большая часть Суйфунской долины в этом месте. Между низменностями пролегают узенькие грядки неkochковатых и более возвышенных мест; такими то местами идет русская тропа. Выше по речке, где уже вода в ней почти иссякла, построен из кое-какого разных пород мелкого леса дом для солдат, содержащих сообщение с Ханка. До этого поста от верхнего поста на Суйфуне расстояние 18 вер. через безводную речушку перейти легко, но берега ее ужасно топки, так что мы с трудом пробрались с вьючными конями, несмотря на стоявшую засуху и пересохшие везде русла речек.

Дальше этого поста место пошло выше и суше, земля же везде, кроме топей, отличная иловато-черноземная и, вероятно, весьма плодородная. Место раздела вод едва заметно, обозначаясь только началами речных падей с той и другой стороны, да небольшими конусообразными, редко стоящими холмами вдоль водораздельной линии. Спустились мы по такой же незаметной покатоности к р. Сыдза, которую я уже имел случай видеть на ее устье в р. Лефу и в ее истоках, на пути к верховьям Суйфуна в нынешнем году. Длина этой обширной долины по направлению от востока к западу около 60 вер., ширина ее очень значительно изменяется, но наибольшая несколько к западу от нашего пути по направлению с С.С.В. на Ю.Ю.З. – около 30 вер. Она имеет общий вид очень продолговатого овала, но горы и холмы по краям ее в ясную погоду очень явственно видны.

Вся долина состоит из низменностей, с рассеянными почти повсеместно кочками, в полуу воду она вся должна быть подвержена наводнениям и тогда р. Сыдза бежит в нескольких довольно глубоких протоках, которые мы застigli в октябре 1861 года уже при значительной тогда убыли воды. Сообщение здесь, в будущем, сопряжено с большими затруднениями и, вероятно, несколько раз в году будет прерываемо. Даже высокие места, с долиной смежные, после продолжительных проливных дождей, часто случающихся в здешнем краю, должны превращаться в непроходимые топи, чему я видел уже много примеров, во время своих путешествий по стране. Посты и поселения, если таковые будут, по южной стороне этой долины должны непременно довольствоваться провиантом по р. Суйфуну, а на северной ее стороне с озера Ханка, что может быть нарушаемо только зимою, или в очень сухую осень, какова напр. нынешняя.

Брод через р. Сыдза легкий и вода в ней теперь гораздо ниже берегов, но по обеим сторонам русла низменности и топи, в особенности в обезводневших руслах обеих протоков, так что добраться до брода даже в засуху можно только окольными путями. В 6 в. от брода стоит на краю пологой горы пост № 12, выстроенный из мелкого осинника, растущего не ближе 3 вер. Расстояние от поста № 13 до поста № 12 – 33 вер.

От поста № 12 до поста № 11 около 7 вер. мы шли лесом редкого насаждения дубовым, черноберезовым, тальниковым дровяным с редкими куртинами строевого осинника. Тут мы видели в 1½ вер. фанзу Тэволебэ и пересекли китайскую тропу на р. Пича, по которой шли в прошлом 1861 году. Местность гориста, но горы невысокие и весьма пологие, в особенности ближе к речным долинам. Есть места, довольно изобильные камнями и чрез то неудобные для возделывания под пашни и огороды. Противоположный скат к стороне озера Ханка состоит из мест, более удобных к земледелию, очень пологих, но безлесных, или только с

редкими куртинами осинника, дубняка и черноберезника. Пост № 11 стоит на слабой покатости у долины одного из истоков р. Болотной, притока Лефу. Вода в источнике совсем пересохла и люди с поста для воды прорыли себе колодезь. Это, впрочем, почти единственное неудобство этой местности, именно безводие в очень сухую осень, но как такое время есть, по всем вероятностям, редкость в этом крае, то и неудобство можно считать неважным. Лес не только для топлива, но и для строения осиновый и малая часть соснового находится на окрестных горах. Для поста рубили осинник очень недалеко. Я слышал, что это именно место избрано для поселений своих депутатами чехов, прибывшими в 1862 году для выбора мест. Если этот народ привык к бережливому употреблению лесов, то эта местность обещает по плодородию почвы обильные урожаи и отлично пригодна для скотоводства в большом размере, а по климату страны здесь возможны виноделие и шелководство. Расстояние от поста № 12 до поста № 11 – 18 вер.

Путь к посту № 10 лежит по такой же прекрасной волнистой степи, по которой изредка узкие гряды с дупловатым дровяным дубняком, черною березою, тальником, ольхой и очень редко осинником строевых размеров. За исключением недостатка в лесе, эта местность также удобна для обширных русских поселений, в особенности для больших распахек и обширного скотоводства. Станок № 10 расположен на берегу р. Мо и, кажется, будет подвержен затоплениям. С одного места, первоначально выбранного, люди уже перебрались, вытесненные прибывшею в июле водою. Вся долина Мо подвержена наводнениям и в этом месте для поселений неудобна.

Расстояние до 10-го поста от поста № 11 – 37 вер.

Путь к посту Камень-Рыболов лежит луговой долиною побережья озера Ханка; из редких островков леса, среди этих обширных кочковатых и наводняемых лугов, солдаты с трудом набрали лесу для одной избы. Прилегающие горы спускаются в долину пологими скатами и состоят из редин дубняка и черноберезника, дровяных мест очень удобных для расчистки под пашни для будущих поселений мало. Дальше в горах можно найти всяких пород лес и в изобилии строевой материал, но доставка его (не ближе 15 в.) возможна только сухим путем. Близь самого поста Камень-Рыболов есть строевой сосняк и годный на поделки дубовый лес, кроме леса других пород, реже встречающихся. Расстояние от р. Мо (ныне очень мелководной) до поста Камень-Рыболов 23 вер.

Далее путь, уже знакомый через Турий Рог к 5 посту, у истока Сунгача, куда мы прибыли 23 сентября, сделав в 21 день переход в 729 вер. Мне остается еще прибавить несколько сведений, относящихся до описываемого Приуссурийского края.

В Новгородском посту, в заливе Посьета, в этом году сделан первый, насколько мне известно, вывод средней температуры целого года с 1 сентября 1861 г. по 1 сентября 1862 года. Наблюдения сделаны г-ном капитаном Черновским по 6 раз в день и притом весьма аккуратно, так как он был в посту безвыездно.

Средняя температура целого года выведена	+4,8° Р.
Для лета (июнь, июль, авг.) сред, темпер.	+16,53° Р.
Для осени (сентябрь, октябрь, ноябрь.)	+4,9° Р.
Для зимы (декабрь, январь, февраль.)	– 7,62° Р.
Для весны (март, апрель, май)	+5,61° Р.

Море в заливе Посьета покрывается только временами тонкою корою льда; бухты же довольно толстым слоем, выдерживающим езду на конях от декабря до начала апреля.

Изотермическая линия Новгородского поста проходит в России чрез следующие пункты: Царицын (под $48^{\circ} 42'$ с. ш.), южную часть Воронежской губ., Харьков, Полтаву, Черниговскую губ., Минск, Вильно, и Митаву (под $56^{\circ} 39'$ с. ш.). Изотерма (линия равной температуры лета) проходит через пункты: Таганрог, Херсон, Николаев, Одесса и Севастополь (лежащие между 44° и 47° с. ш.).

Средняя температура других мест края, за недостатком наблюдений, не может быть обозначена; но, судя по отрывочным сведениям и общей наглядности, климат Хабаровки должен быть одинаков с климатом средней России: Самары, Пензы, Москвы. Средняя температура залива Св. Ольги и станицы Буссе на р. Уссури, должна быть одинакова с среднею температурою: Тамбова, Курска, Орла, Могилева. Для Мариинска г. Максимович определил приблизительно ср. температуру = $+0,32$, что соответствует в России Екатеринбург, Устьсысольску, Сольвычегодску и Архангельску.

Климат всех мест здешнего края значительно влажнее против мест России, лежащих с ними на одной изотермической линии.

Места по Амуру и по непосредственным морским побережьям подвержены действию сильных и часто дующих ветров; но внутренность страны в отношении ветров мало чем разнится от России.

Близь Новгородского поста, в заливе Посьета, еще в 1859 году открыто месторождение каменного угля, который с 1860 г. был добываем в значительном количестве Черновским и его командою, но работы оставлены по недостатку в помпах лучшего устройства. Ныне каменный уголь добывается из другого пласта, открытого близь устья р. Суйфун. По уверению г. Черновского, он знает еще много мест по морским побережьям, где в изобилии находится этот драгоценный для нашей флотилии материал, только он нуждается в инструментах для более успешного его добывания.

В заключение мне остается прибавить, что кроме 2 древесных пород: *Juniperus Sinchayensis* – можжевельника и *Acer Negundo var. trifoliolafa* – клена, на пути этого года мною найдены и собраны еще несколько новых экземпляров кустарных растений, которые, впрочем, мною еще не определены окончательно. Во время моего обратного путешествия вниз по Уссури и по Амуру, мне пришлось видеть другую крайность здешнего края, в противоположность прошлогоднему наводнению, это значительное обмеление этих рек, вследствие продолжительной засухи. Уссури стала недоступна даже для мелкосидящих пароходов, в особенности в позднюю осень. Даже маленькие лодки садились по Уссури, в верхнем ее течении, на мель довольно часто. Все отмелье места теперь на суше, а река местами бежит узкою в 6–7 саж. струею.

Даже на Амуре вода убыла очень заметно.

Судя по крайностям этих двух смежных лет 1861 и 1862 г., уровень вод в Уссури и Амуре изменяется на 5–6, а может быть и более сажень, а это влечет за собою бедствия для страны, которые трудно устранить и предвидеть.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ботаническое описание древесных и кустарных пород, произрастающих в Амурском, Уссурийском и Южно-Уссурийском краях

СЕМЕЙСТВО: SCHIZANDRACEAE

1. *Maximovitchia sinensis*. Rupr.

Русское: Максимовичия китайская. Гольдское: Кодзьяльта. Китайское: Убайдзе.

Местонахождение: по всему Амуру, начиная от Мариинска до устья р. Буряя, всегда довольно редко в смешанных лиственных лесах. Цветет в середине мая; плоды созревают в конце августа и начале сентября.

Описание: вьющийся около крупных деревьев кустарник, достигающий вышины до 25 фут и толщины стебля в палец руки, кора буровато-коричневая, древесина мягкая, белая, цветоносный ветви нежные и гибкие с корою желтоватого цвета. Цветки пучком от 1 до 4 образуются из боковых почек, покрытых у основания округленными, бурыми, кожистыми чешуйками. Листья овально-эллиптические, внизу и вверху заостренные, зубчатые, мясистые, на нижней стороне по нервам пушистые. Цветовые черешки нежные, вместе с цветками висячие. Цветки бледно-розовые с слабым запахом. Листочков цветowego покрова 6–9 висящих, внутренние мясистые овально-продолговатые, тупые, внешние – ровные, внутренние часто уже наружных. Колонна тычинок втрое короче листочков цветowego покрова; коробочки многочисленные кругловатые, ягодные, с красноватым тором. На вкус ягоды кисловаты, но неприятны.

СЕМЕЙСТВО: BERBERIDEAE

2. *Berberis sinensis* Dest.

Русское: Барбарис китайский. Гольдское: Ссиера.

Местонахождение: на устье р. Сунгари по песчаной косе с редкою травой; зреют плоды в августе.

Описание: кустарник 2–3 фут. вышиною; плоды красные.

3. *Berberis amurensis*. Rupr.

Русское: Барбарис Амурский. Гольдское: Ссиера.

Местонахождение: по нижнему течению Амура, начиная от Хинганского хребта, в смешанных лиственных лесах. Цветет в июне; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник 3–5 фут. вышиною; кора бледно-серая; листья овально-эллиптические или овально-ланцетные, заостренные, кожистые, оканчивающиеся к вершине усиком. Ягоды продолговатые, красные, многочисленные.

СЕМЕЙСТВО: TILIACEAE

4. *Tilia mandshurica*. Rupr.

Русское: Липа Манджурская. *Гольдское:* Кильда. *Гиляцкое:* Кильдэнг.

Китайское: Саанг-Мо.

Местонахождение: по Усури и Зауссурийскому краю. Цветет в июле; зрелые плоды в августе.

Описание: дерево 40–60 и более фут. вышиною и 1–2¹/₂ фут. в диаметре (на высоте груди человека). Кора темноватая; цветковые ветви тоже пушистые; листовые черешки белопушистые; листья сердцевидные, с острыми зубцами на ровных между собою расстояниях, нижняя сторона листьев белопушистая, орех округленно-овальный, тупой с 5 продольными по нему бороздками; семя одинокое.

5. *Tilia cordata*. Rupr.

Русское: Липа мелколистная. *Гольдское:* Кильда. *Гиляцкое:* Кильдэнг.

Китайское: Саанг-Мо.

Местонахождение: по Амуру, начиная от Мариинска до устья р. Комора, по Усури и Зауссурийскому краю. Цветет в конце июня и начале июля; зрелые плоды в августе.

Описание: этого вида встречаются две разновидности: 1) с круглыми, тупыми плодами, сидящими вместе в одной коробочке на общей коротенькой ножке, и 2) с эллиптическими, или обратно овально-заостренными плодами, сидящими в меньшем числе и на длиннейших против предыдущей породы ножках. Вторая порода очень изредка встречается с крупными и редко рассеянными листьями. Ствол достигает 2–3¹/₃ фут в диаметре* и 50–60 и более фут. вышины. Древесина и кора этих пород липы мало отличается от древесины и коры русской липы, и идет на те же употребления.

6. *Actinidia colomikta* Rupr.

Русское: Коломикта. *Гольдское:* Коломикта, Котомикта.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от Хабаровки до Борби. Цветет в июле, зрелые плоды в конце июля и начале августа.

Описание: растение многобрачное; листья попеременные, у основания сердцевидные, широко-продолговатые, или овально-продолговатые или эллиптические, заостренные, двойнозубчатые; цветки белые, по 1, по 2 и по 3 на черешке, с продолговатыми, тупыми лепестками; ягода эллиптическая темно-синяя и очень вкусная, увенчанная рыльцами пестика, сидящими в остающейся чашечке. Ствол в палец толщиной и до 7 ф. вышиною. Древесина мягкая белого цвета. Растет в тенистых густых смешанных лиственных лесах. Семена многочисленные, золотистые с пятнами, семенные покровы тверды.

* Диаметр здесь описывается всегда на высоте груди человека, а высота вся от основания стебля до его вершины. – *Прим. издания 1898 г.*

7. *Actinidia acuminata* s. *Suifunensis* Rupr.

Русское: Коломикта Суйфунская.

Китайское: Као-ли-дзяо (что значит корейская ягода).

Местонахождение: в порте Владивосток, по Суйфуну и в других частях Зауссурийского края. Цветет в июле; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник, или деревцо в палец толщиной, вьющееся около крупных лиственных деревьев. Листья, похожие на листья целастра, широкие ровно и мелко зубчатые. Ягода заостренная грушевидная, темно-красная, тоже очень вкусная, увенчанная остающимся рыльцем пестика. Древесина белая, мелкая.

СЕМЕЙСТВО: ACERINEAE

8. *Acer spicatum* Lamark.

Русское: Клен желтый. *Гольдское:* Дэйполя. *Гиляцкое:* Тэбрхэ. *Орочское:* Дэдинэ.

Китайское: Шай-мо.

Местонахождение: в гавани Де-Кастри, по нижнему Амуру в хвойных и смешанных лесах, в более сырых; местностях по южному Амуру на северных склонах гор; в Хинганском хребте; в хребте Хехцир. Цветет в июне; плоды созревают в сентябре и остаются на дереве в течение всей зимы.

Описание: листья 5-лопастные с глубокими лопастями, из которых средняя длиннее других, нижняя сторона листьев белопушистая. Кора светлая, буро-серая. Древесина желтоватая, твердая, годная на различные поделки. Достигает, по различию местонахождения, от 15 до 40 фут. вышины и 1–2 дюймов в диаметре, иногда и более.

Цветовые метелки узко-конические.

9. *Acer tegmentosum* Maxim.

Русское: Клен бел. *Гольдское:* Мокчолэ, Мокцофалэ. *Китайское:* Шай-мо.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от Хиввунда до Долэ, по озеру Кизи, по южному Амуру, в хребте Хинганском, в хребте Хехцир, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае, зрелые плоды в августе.

Описание: листья тесно doubly-зубчатые у основания сердцевидные, к вершине трехлопастные, лопасти острые, листья на нижней стороне гладкие без волосков. В крылатке крылья к вершине расширенные, тупые. Дерево 30–50 и более фут. вышиною, 8–12 дюймов и более в диаметре. Почki листоватые, гладкие; молодые листья и цветоложные ветви у основания снабжены волосистыми ланцетовидными покровами красного цвета. Цветы желтоватые. Крылатки висят на боковых ветвях и окрашены бледно-зеленым цветом. Цветовые метелки конечные, внизу прямые, далее к концу висят, прицветники гораздо короче цветового черешка; лепестки влагалищные, в полтора раза шире и немного длиннее листочков чашечки, внешние тычинки ранее развиваются равной величины с листками чашечки, внутренние тычинки короче внешних, нити их у основания значительно расширены, рыльца коротенькие, у основания сросшиеся, перистые. Ствол прямой, кора молодая темно-зеленая, впоследствии светло-зелено-серая, древесина белая, тех же качеств, как и древесина русского клена, составляя поделочный материал.

10. Acer Mono Maxim.

Русское: Клен мелколистный Мопо. Гольдское: Мопо. Гиляцкое: Пох-Тигри.

Китайское: Шай-мо.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от селения Михайловского до Хинганского хребта, по Уссури и по Зауссурийскому краю. Цветет в мае, плоды созревают в конце августа.

Описание: листья почти такой же длины, как и ширины, мельче листьев предыдущих видов, у основания усеченные, пяти, редко семилопастные, лопасти очень острые, крылатки выходят под прямым углом, окрашены зеленоватым цветом. Цветы очень мелкие. Листья по краю цельные. Дерево, достигающее 50 вышины и до 2 ф. в диаметре. Древесина белая. Этот вид клена годен на такие же поделки, как и русский клен.

Встречается еще разновидность А. Мопо с краем листьев зазубренным мелко и ровно, впрочем, ничем не отличающаяся от своего типа.

11. Acer Ginnala Maxim. Acer tataricum var. Ginnala Rupr.

Русское: Паклен, Гинналя. Гольдское: Гинналя. Китайское: Шай-мо.

Местонахождение: по всему Амуру от устья р. Комара до Кизи, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в середине июня; зрелые плоды в августе.

Описание: очень схож с растущим в России *Acer tataricum*, от которого отличается темным цветом листьев, которые длиннее, с более резкими тремя лопастями, и по краю зазубрены. Ствол достигает толщины в диаметре 1–1¹/₂ дюймов, а в высоту 15 фут. Древесина его белая и довольно твердая.

12. Negundo Mandshurica Bud.

Русское: Неклен 3-листочный. Китайское: Шай-мо (Сай-мо).

Местонахождение: в верховьях Уссури, по Хунь-Чуну и морскому побережью в Зауссурийском крае. Цветет в мае; плоды созревают в конце августа.

Описание: деревцо и дерево такой же вышины и размеров, как и *Acer Mono*, с которым сходен корою, древесиною и разветвлением. Листья сложные из 3 листочков продолговато-эллиптических не равно и крупно округленно двойно-зубчатых. Плоды еще более расширены, нежели у *Acer Mono* и зерна крылаток вдвое, или втрое толще последних. Древесина белая и твердая, годится на поделочный материал, подобно другим кленовым породам.

СЕМЕЙСТВО: AMPELIDEAE

13. Cissus brevipedunculata Maxim.

Русское: Синий изюм.

Местонахождение: по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июне; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник лозовидный, очень ветвистый и достигающий вышины до 15 фут, толщина стебля с гусиное перо; стебель покрыт серою морщиннатою коричнею, местами растрескавшеюся; кора бурая, продольно-полосатая, ветви коленчатые, листовые черешки покрыты косматыми волосками, молодые листья нераздельные, старые с прибавочною лопастью на одном из боков листа с немногими тупыми зубцами, или же листья трехлопастные, редко и неправильно зазубренные. Кисти

цветовые противоположны нижним листьям. Ягоды неравнобочные, вдавленные, с боков сжатые, темно-синего цвета, на вершине увенчаны коротким столбиком.

14. *Vitis amurensis* Rupr.

Русское: Виноград. *Гольдское:* Мухесульта.

Китайское: Чи-фут-хо (виноград Фут-хо).

Местонахождение: по Амуру, начиная от Борби (где виноград не вызревает) до г. Айгуна; по Уссури и Зауссурийскому краю. Цветет в северном местоположении в середине июня, в тенистых местах даже в начале июля, а на юге гораздо раньше, именно в конце мая и начале июня; плоды созревают различно по местоположению: в начале августа, в конце августа, начале сентября, или даже и вовсе не созревают.

Описание: очень похож на обыкновенный вид *Vitis vinifera*, но отличается от него формой семян, которая более приближает его к северо-американским видам виноградника.

СЕМЕЙСТВО: ZANTOXYLEAE

15. *Phellodendron amurense* Rupr.

Русское: пробковое, или бархатн. дерево. *Гольдское:* Кохто. *Китайское:* Хо-анг-боле.

Местонахождение: на левом берегу Амура дер. Оимой, против устья р. Хунгари, а на правом берегу дер. Маэ составляют границы распространения этой породы на восток, а на западе – острова, лежащие по Амуру ниже города Айгуна; также растет оно по р. Хунгари, по р. Уссури и по Зауссурийскому краю. Цветет в июне; плоды созревают в сентябре.

Описание: листья супротивные, сложные, непарноперистые, похожи на листья ясеня, но отличаются меньшей величиною и запахом, свойственные растению *Diosma*. Цветки разнополые; мужской цветок: чашечка 5–8 раздельная, лепестков 5–8, тычинок 5–6, пыльники четырехместные. Женский цветок: яичники числом 5, одноместные с 1 до 3 яичками в каждом месте. Плод: ягода, мясистая, черная с буро-зеленым мясом, ароматическим смолистым запахом и сыролистым горьким вкусом. Ствол прямой, до 40–50 фут. вышиною и от 1 до 1½2 фут. в диаметре. Кора – пробковая с пробковым слоем до 3 дюймов толщиной. Луб желто-зеленоватого цвета, а пробковая часть белая, серебристая с бархатным отливом, в старых стволах наружная часть коры чернеет. Древесина бледно-желтая, довольно рыхлая и мягкая, в старости буро-желтая, годная на мелкие столярные поделки.

СЕМЕЙСТВО: CELASTRINEAE

16. *Evonymus alatus*. Thbg.

Русское: Бересклет крылатый.

Местонахождение: по среднему течению Амура, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июне, зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник 3–10 фут. вышиною, кора сизая, морщинчатая, на молодых ветвях зеленоватая, снабженная 4 пробковыми крыльями буроватого цвета. Листья переменные, эллиптические, мелкозубчатые, сверху гладкие, снизу в углах нервов пушистые. Чашечка 5-ти раздельная. Тычинки, утвержденные в плоском диске, с пурпуровыми нитями. Яичник четырехместный с 1 местом, более прочих

мест, расположенных каждое на особом подразделении диска. Рыльцев 2. Коробочка 1–4-раздельная, в каждом из ее отделений по 1 семени.

17. *Evonymus pauciflorus Maxim.*

Русское: Бересклет малоцветн. *Гольдское:* Тохсса-Пеаре (т. е. заячь я жимолость).

Местонахождение: по среднему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июне, зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник 3 фут. вышиною. Похож на *E. verrucosus*; ветви бородавчатые, листья эллиптические, тесно и мелкозубренные, косматые, впрочем на верхней стороне менее нежели на нижней, а вдоль нервов волоски еще гуще. Коробочка у основания кубарчатая, 4-местная. Лепестки к вершине белесоватые.

18. *Evonymus Maackii Rupr.*

Русское: Бересклет Маака, Санда. *Гольдское:* Тохсса-Пеаре.

Китайское: Гутхай-Мо.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в конце июня, плоды созревают в сентябре.

Описание: похож на *Ev. europaeus*, от которого отличается лепестками бледно-зелеными, пыльниками темно-красными, цветками меньшей величины, листьями крупнее зубренными. Коробочки красные.

19. *Evonymus macropterus Rupr.*

Русское: Бересклет широколистый.

Местонахождение: по нижнему течению Амура.

Описание: кустарник 10 фут. вышиною; кора бурая, листья больше и шире листьев предыдущих видов, гладкие, черешки чистовые короткие. Коробочки розовые, четырехместные, у основания четверугольные, семян в каждом месте по 2, чашечка остающаяся.

20. *Celastrus flagellaris Rupr.*

Русское: Целастр.

Местонахождение: по среднему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет неизвестно когда, зрелые плоды в сентябре.

Описание: кустарник, вьющийся около больших деревьев; кора желтоватая с колючками, достигает 1 дюйма в диаметре и несколько сажень в длину, листья продолговато-овальные с крупными зубринами. Коробочка зеленая, одинокая, на концах боковых ветвей.

СЕМЕЙСТВО: RHAMNEAE

21. *Rhamnus dahurica Pall.*

Русское: Круглино-Даурская Жостер. *Гольдское:* Эмала.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная несколько выше Софийска, по среднему и верхнему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июне, зрелые плоды в сентябре.

Описание: кустарник, достигающий до 10 фут. в высоту и до 1 дюйм в диаметре.

СЕМЕЙСТВО: JUGLANDEAE

22. *Juglans mandshurica* Maxim.

Русское: Ореховое дерево, Амурский орех. Гольдское: Комао, Козоа.

Гиляцкое: Тив-альсс. Китайское: Шю-дза (орех Хытхо).

Местонахождение: по нижнему Амуру ниже устья р. Гирина встречается до устья р. Буря, кроме того, его много по Уссури, Бикину и в Зауссурийском крае. Цветет в половине мая, зрелые плоды в начале сентября.

Описание: высокоствольное дерево до 80 фут. вышиною и до 3–4 фут. в диаметре. Кора темно-серая, морщиноватая, наподобие ясневой коры. Древесина в молодости белая, в зрелом возрасте темно-бурая. Ствол прямой, в тенистом местоположении до 6 саж. высоты, оголенный от сучьев, вершина же широковетвистая. Листья в длину достигают 3–3¹/₃ фут., в ширину 1–1¹/₂ фут. Ветви покрыты буро-желтым пушком, цветоносные ветви пушком еще гуще, имея кору легкую бледно-каштановую с белыми в углу главного листового черешка чечевичками. Почки ветвей белые, покрытые густым буро-желтым пушком. Листовые черешки трехгранные с каналом на верхней стороне и значительной толщины. Листья попеременные, непарноперистые, мелкие, клейкие, так же как и цветочные ветви и орехи, имеют ароматический запах. Листочки от 15 до 10, светло желтовато-зеленые, на нижней стороне гораздо бледнее, продолговатые; нижние листочки короче и эллиптической формы, на концах листочки все длиннозаостренные. Молодые листочки зазубренные, густопушистые, клейкие, старые листья тупо-зазубренные, на верхней стороне с редкими волосками, на нижней стороне пушок и волоски гуще. Цвет неизвестен. Орех костянка, продолговато или округленно-эллиптическая 8–10-лопостная, внизу округленная, кверху вдруг суживается и кончается острием, серо-коричневая в толстой зеленой коже. Семя маслянистое, белок съедобный.

Древесина орехового дерева идет на поделки преимущественно как мебельный лес, но годится также для отделки кают на пароходах.

Орех растет в смешанных лиственных и хвойно-лиственных лесах, но преимущественно любит защищенные от востока и севера местоположения и берега речек, протекающих в глубоких оврагах между крутых и высоких гор.

23. *Juglans stenocarpa* Maxim.

Русское: Орех каменный. Китайское: Шюдза (орех-Хытхо).

Местонахождение и описание. Этого вида находимы были одни орехи у проезжавших по Уссури гольдов. Костянка гораздо тверже предыдущего вида, продолговатее, вверху еще круче заостренная, восьмигранная, между гранями глубоко бороздчатая, бороздки эти короче и глубже, нежели у предыдущего вида котиледоны продолговатые.

СЕМЕЙСТВО: LEGUMINOSAE

24. *Lespedeza bicolor* Turcz.

Русское: Леспедеца двуцветная. Гольдское: Сухто.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от устья Гирина вверх, по южному Амуру, в Хинганском хребте, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июле; плоды созревают в начале сентября, или в конце августа.

Описание: кустарник 3–5–7 фут. вышиною, очень ветвистый. Стебель в палец толщиной, узловатый. Листья распускаются не ранее как в половине мая, молодые шелковистые покровы почек перепончатые, бурые, овально-заостренные, на вершине пушистые, прилистники линейные, цветки то розового, то фиолетового цвета. Боб – посенно эллиптический, верхний шов более согнутый, чем нижний, зрелые бобы грязно-зеленого цвета, раскрывающиеся брюшным швом.

25. *Lespedeza juncea Pers.*

Русское: Леспедеца. *Гольдское:* Ссухто.

Местонахождение: по нижнему, среднему и верхнему Амуру, по Уссуре и Зауссурийскому краю. Цветет в августе; зрелые плоды в конце августа.

Описание: кустарник от 3–5 фут. вышиною и очень тонкий и ветвистый.

26. *Lespedeza stipulacca Maxim.*

Русское: Леспедеца. *Гольдское:* Ссухто.

Местонахождение: на песчаном берегу левого берега Амура против города Айгуна, цветет в июле; зрелые плоды в августе.

Описание: полукустарник стелющийся, низкий, ветвистый, листья с короткими черешками, листовые черешки с лежачими волосками; листочки сетчатые, овальные, на вершине и вдоль главного нерва густопушистые, прилистники равной длины с черешком, овально продолговатые, заостренные, перепончатые, бурого цвета, цветки единичные (или по 2 и по 3), осевые. Бобы сидячие, овальные, тупые, резко сетчатые с лежачими волосками, длина бобов в 3 раза превосходит длину чашечки.

Все три вида леспедеца, в особенности два первые составляют местные сорные в лесу растения, совершенно подобные русскому орешнику, и разрастаются еще гуще последнего, составляя иногда непроходимые чащи. Они не годны ни на какое полезное употребление, кроме как на хворост.

27. *Maackia amurensis Rupr.*

Русское: Маакия Амурская и акация Маака. *Гольдское:* Хоттоля.

Китайское: Хоай-мо.

Местонахождение: по всему Амуру от Благовещенска до Мариинска, по Уссуре и Зауссурийскому краю, по Бикину. Цветет в июле, в южных местностях в конце июня; плоды созревают в начале или в половине сентября.

Описание: дерево, достигающее 35–40 и более фут. в высоту и 1–1½ фут. в диаметре; редко можно встретить деревья больших размеров; на 10–15 фут. деревья обнажаются от сучьев. Блестящая светло-коричневая кора с завитыми чешуйками. Чечевички на корне расположены в виде бородавок группами.

Древесина ствола нечистого красного цвета, старая древесина темно-бурая, заболонь желтовато-белая. Плотность и прочность древесины незавидные. Листья сложные, не парноперистые, молодые шелковисто-пушистые; листочки гладкие, овально-продолговатые, по краю цельные, жесткие и очень темно-зеленого цвета, ровного почти как на верхней, так и на нижней стороне. Цветки беловатые с зеленым оттенком, расположенные в кистях. Боб зрелый грязно-бурого цвета. Растет в смешанных лиственных лесах.

Древесина идет на столярные починки и на мебель, но много уступает американским породам красных деревьев.

28. *Caragana altagana* Poir.

Русское: Акация малорослая.

Местонахождение: по среднему Амуру и по Уссури. Цветет в мае; зрелые плоды в конце июля.

Описание: кустарник большею частью очень мелкий, не выше 3–4 фут, весьма редко достигает 7 ф. с очень мелкими сложными листочками и желтыми мотыльковыми цветками.

СЕМЕЙСТВО: AMYGDALAEAE

29. *Prunus glandulifolia* Rupr.

Русское: Амурская черешня. *Гольдское:* Сихсенгора. *Китайское:* Лягу-янь.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру, начиная от Хабаровки до устья Гирина, по Уссури и Зауссурийскому краю, в хвойных, лиственных и смешанных лесах, всегда единично и притом довольно редко. Цветет в мае, плоды найдены еще не были.

Описание: дерево от 15–20–25 фут. вышиною и 3–5 дюйм. в диаметре. Кора ровная блестящая, светло-серобурая, цветоносные ветви малопушистые, листья широкие, продолговато эллиптические, длинно заостренные; у основания листа черешок листовой-железковатый, вдутый, зазубрены – острые, удлиненные, у основания и на вершине с железками; сверху листья почти гладкие, снизу железисто-пятнистые, прилистники на молодых ветвях, равной величины с пушистыми черешками, гребенчато-железистые; цветы, по 1, редко по 2, с короткими цветочными черешками и мелкими прицветниками, равной величины с трубчато-колокольчатой чашечкой; разрезы чашечки овальные, заостренные, железисто-зубчатые; трубочка вдвое длиннее их, лепестки с продолговатыми ноготками, равной величины с тычинками и столбиком.

30. *Prunus (Padus) Maximowitchii* Rupr.

Русское: Вишня, черемха. *Гольдское:* Тохчомерора. *Китайское:* Лягу янь.

Местонахождение: в хвойных лесах ниже Амура, по хребту Хехцир. Цветет в конце мая и начале июня; плоды неизвестны.

Описание: дерево, или кустарник 10–15–20 фут. вышиною и до 2–3 дюйм. в диаметре, кора пепельно-серая, гладкая, цветоносные ветви, черешки листовые, лепестки и листья (вдоль нервов) пушистые. Листья с короткими черешками, около черешка у основания листа железка, листья – эллиптические, заостренные, крупнодвойно-зубчатые, темные, прилистники линейные, равной величины с листовым черешком, железисто-зубчатые, прицветники эллиптические, зубчатые; цветочные черешки гораздо длиннее чашечки, чашечка трубчатая с лежащими волосками; разрезы чашечки острые, железисто-зубчатые, мелкие. Плоды неизвестны.

Этот вид похож на *Prunus cerasoides* Don.

31. *Prunus (Padus) Maackii* Rupr.

Русское: Черемха Маака. *Китайское:* Пау-мадза.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от Софийска вверх до Хинганского хребта по Уссури и Зауссурийскому краю. Цветет в мае, плоды созревают в августе.

Описание: дерево до 30 фут. вышиною и до 7–8 дюйм. в диаметре, а в Хиганском хребте только в палец толщины и значительно меньшей вышины. Кора темно-бурая; цветоносные ветви пушистые, листья широко-продолговатые, длинно-заостренные, у основания округленные и снабжены 2-мя железками, к вершине не равно и тонко-зазубренные, зубрины удлинено заостренные, у основания железистые; верхняя сторона листьев редко-пушистая, нижняя железисто-пятнистая, прицветники линейные гребенчато-железистые, черешок листовой с редким пушком. Цветы многочисленные (от 20 до 25); цветковые черешки гораздо длиннее чашечки, прицветники линейные; разрезы чашечки лежат горизонтально, железисто зазубренные, мало чем короче трубочки, лепестки с длинными ноготками, костянки округленные, мелкие, черные, вдвое менее против цветкового черешка.

32. *Prunus Padus* L.

Русское: Черемха обыкновенная. *Гольдское:* Сенхора, Кенхура. *Гиляцкое:* Кин.
Китайское: Цяулки-дзе.

Местонахождение: по верхнему, среднему и нижнему Амуру и по Уссури. Цветет в середине мая; плоды созревают в середине августа.

Описание: дерево, достигающее 10–50 фут. в высоту и 1–1½ и более фут. в диаметре. Листья на нижней стороне пушистые. Древесина всех четырех видов, в особенности же древесина *Prunus glandulifolia*, годится на мелкие столярные работы.

33. *Armeniaca vulgaris* Lam.

Русское: Абрикосовое дерево. *Китайское:* Ли-зу.

Местонахождение: по Зауссурийскому краю, южнее озера Ханка весьма редко – по Лефу и Дауби, по р. Хунь-Чун.

Описание: деревцо совершенно подобное садовому русскому абрикосу, с мелкими, немного горьковатыми, но вкусными и ароматными плодами. Древесина его очень тверда и красива. Достигает вышины до 25 фут и в толщину до 1 фут.

СЕМЕЙСТВО: ROSACEAE

34. *Spiraea amurensis* Maxim.

Русское: Таволожка Амурская.

Местонахождение: в Хингайском хребте на скалистых северных склонах. Цветет в июне; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник, достигающий 7 фут. вышиною. Листья похожи на листья черной смородины, имеют форму сердцевидно закругленную, 5 лопастные, лопасти заостренные тонко и двойнозубчатые, нижняя сторона листьев, листовой черешок и чашечка пушистые, пушок расположен в виде мелких звездочек, коробочки едва больше чашечки.

35. *Spiraea chamaedryolia* L.

Русское: Таволожка. *Гольдское:* Токка.

Местонахождение: по нижнему Амуру.

Описание: кустарник, достигающий до 2–3 фут. в высоту.

36. *Spiraea serisea* Turch.

Русское: Таволожка шелковистая.

Описание: кустарник 2–3 фут. вышиною. Цветки расположены в щиток, листья тупые, глубоко зазубренные, зазубрины неострые; коробочки на вершине волосистые.

37. *Spiraea betulifolia* Pall.

Русское: Таволожка березолистная.

Местонахождение: по нижнему Амуру, ниже устья Гирина.

Описание: листья по главному нерву волосистые, цветки белые, кустарник 2–4 фут. вышиною.

38. *Spiraea salicifolia* L.

Русское: Таволожка иволлистная. *Гольдское:* Болехто.

Местонахождение: по всему Амуру, на Тальниковых островах.

Описание: цветы светло-телесного цвета, почки розовые. Кустарник, достигающий 5–6 фут. в высоту.

39. *Spiraea sorbifolia* L.

Русское: Таволожка рябинолистная.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и Зауссурийскому краю.

Описание: кустарник, достигающий 1–1¹/₃ фут. в высоту.

40. *Rubus crataegifolius* Bge.

Русское: Малина пушистая. *Гольдское:* Ульсоро, Кэлям. *Гиляцкое:* Кэлям.

Местонахождение: в разных местах Уссури и Зауссурийского края, встречается весьма редко.

Описание: кустарник 3–4 фут. вышиною, стебель розовый, колюче-волосистый; листья зубчатые, зубчики оканчиваются колючими усиками, нижняя сторона листьев белопушистая. Ягоды такие же, как и у обыкновенной малины, не так сладкие и менее вкусны.

41. *Rubus idaeus* L.

Русское: Малина обыкновенная. *Гольдское:* Ульдзеро. *Гиляцкое:* Кэлям.

Местонахождение: по всему Амуру и Уссури, но по большей части весьма редко.

Описание: ничем не отличается от малины, растущей в России. Кустарник, достигающий 3–5 фут. в высоту.

42. *Rubus humilifolius* Mey.

Русское: Малина хмелелистная. *Гиляцкое:* Кэлям.

Местонахождение: в заливе Де-Кастри, Николаевске и Мариинске. Цветет в конце июня; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник очень низкий, ягода всегда одинокая, розовая, мелкая, очень сочная, на вкус кисловатая.

43. *Rosa cinnamomea* L.

Русское: Шиповник коричневый. Гольдское: Кеохто. Гиляцкое: Ти-турм, Тсэби.

Местонахождение: по всему Амуру. Цветет в половине июня; плоды созревают в половине августа.

Описание: кустарник, достигающий до 5 фут. в высоту, листья без железок, листочков 7, зубрины по краю листа большею частью обращены кверху.

44. *Rosa acicularis* Lindl.

Русское: Шипишник. Гольдское: Омохта.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник вышиною от 4 до 6 фут. Этого вида попадаются две разновидности (*varietates*): а) с гладкими ветвями, за исключением шипов под прилистниками, и с иглистою чашечкою; и б) с иглистыми ветвями, а чашечкою шелковисто-волосистою.

45. *Rosa rugosa* Thbg.

Русское: Шиповник Амурский. Гольдское: Гонголяхи.

Местонахождение: на устье Амура и в Де-Кастри. Цветет в июне; зрелые плоды в августе.

Описание: береговой кустарник до 5 фут. вышиною, очень ветвистый, с ветвями шиповатыми, цветками розовыми, пахучими, крупными; большими листьями; попадающийся на устье Амура кустарник ниже предыдущего, только 2–3 фут. вышиною, очень ветвистый и колючий, с мелкими листьями.

СЕМЕЙСТВО: РОМАСЕАЕ

46. *Crataegus sanguinea* Pall.

Русское: Боярка красная. Гольдское: Диарахта. Гиляцкое: Кысм.

Китайское: Миянь-дань.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июне; плоды созревают в августе.

Описание: кустарник, или деревцо 10–20 фут. вышиною и в кисть руки толщиной.

47. *Crataegus pinnatifida* Vge.

Русское: Боярка бородавчатая. Гольдское: Диарахта. Гиляцкое: Кысм.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от Софийска вверх, по среднему Амуру до Хинганского хребта включительно, по Уссури и в Зауссурийском крае.

Описание: кустарник более ветвистый, нежели предыдущий вид. Яблоко красное с белыми бородавочками, вкуса кисловатого, созревающее в конце августа.

48. *Pyrus baccata* L.

Русское: Яблонь Сибирская. *Гольдское:* Умихта. *Гиляцкое:* Удинги-альсс.

Китайское: Тонг-лис.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в конце мая; плоды созревают в конце августа.

Описание: дерево, достигающее 30–40 фут. вышины и 1–1½ фут. в диаметре. Яблоки очень мелкие, но вкусные. Древесина очень пригодна на столярные и токарные поделки.

49. *Pyrus Ussuriensis* Maxim.

Русское: Груша Уссурийская. *Гольдское:* Хингалихта, Сынгалихта.

Китайское: Ли-су.

Местонахождение: по среднему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в конце мая; плоды созревают в конце августа, окончательно дозревают как и все груши в комнате, через 1–2 недели после того, как они сорваны с дерева.

Описание: дерево, достигающее до 40–60 фут. вышиною и до 1½–2½ фут. в диаметре. Листья кожистые, гладкие, широкоовальные, у основания почти сердцевидные, к вершине круто заостренные, тонко зазубренные с зазубринами шелковисто-острыми; ветви многоцветные, листочки чашечки острые, зубчатые, лепестки округленные с короткими ноготками; яблонь величиною с бергамот, зеленое, деревянистое, терпкое, но дозревает в комнате через 7–10 дней и становится вкусным, сладким, получая тогда коричневый цвет. Древесина очень тверда и годится для столярных и токарных поделок.

50. *Pyrusa sambucifolia* Ch. et Shtde.

Русское: Яблонь рябинолистная. *Гольдское:* Милехта, Миренкола. *Гиляцкое:* Мисла.

Местонахождение: по нижнему Амуру от Мариинска до Николаевска и в Де-Кастри. Цветет в начале июля; зрелые плоды в начале сентября.

Описание: кустарник 3–10 фут. вышиною, суковатый, но маловетвистый, листья темно-зеленые, нижняя сторона листьев почти одного цвета с верхнею. Цветы больше, нежели у *Sorbus aucuparia*; плод овальный, почти вдвое более, нежели у *S. aucuparia*; щиток малоцветный, чашечка остающаяся и довольно большая.

51. *Pyrus aucuparia* L.

Русское: Рябина обыкновенная. *Гольдское:* Мелен-кура.

Местонахождение: по всему Амуру, впрочем, довольно редко, более встречается в северных частях верхнего и нижнего Амура. Цветет в конце мая; зрелые плоды в августе.

Описание: дерево, достигающее 40–60 фут. в высоту и 1½–2 фут. в диаметре.

СЕМЕЙСТВО: PHILADELPHAEAE

52. *Philadelphus tenuifolius* Maxim.

Русское: Дикий жасмин.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру от Мариинского до Хинганского хребта, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в июне и июле; зрелые плоды в июле и августе.

Описание: кустарник 5–7 фут. вышиною, очень ветвистый; бесцветные ветви удлинены и гибки, цветоносные ветви – короткие, цветы рассеянные, многочисленны, кора стебля и старых ветвей серая, кора цветоносных ветвей красноватая, продольно морщинчатая, с редкими волосками. Листья с короткими листовыми черешками, эллиптические, заостренные, к вершине зубчато-разрезные, пушистые; молодые листья на нижней стороне, а также и на верхней покрыты редкими лежащими волосками, старые листья почти гладкие и на нижней стороне бледнее, нежели на верхней. Цветы собраны на концах ветвей по 2, по 4 и редко по 7; листовые черешки малопушистые, прилистники падучие, линейные, пушистые. Цветы белые без запаха; трубочка чашечки гладкая, с разрезами овальными, равной величины с трубочкою. Лепестки овально-эллиптические, перепончатые, отдельные. Тычинок 20 нервных, рассеянных; нити тонкие, пыльники мелкие, желтые, диск яичника выдается сверх чашечки; столбик короче тычинок, разделяющийся на короткие, нитевидные рыльца. Коробочка округленно-трубчатая с желтыми семенами. Древесина желтовато-белая, твердая.

53. *Philadelphus Schrenki* Rupr.

Русское: Дикий жасмин.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру, начиная от устья р. Гирина. Цветет в июне; зрелые плоды в июле.

Описание: кустарник 5–7 фут. вышиною; ветви цветоносные, удлинённые, пушистые, листья продолговато-эллиптические, заостренные, листовые черешки короче, нежели у предыдущая вида, листья по краю зубчато-разрезные, на верхней стороне около среднего нерва пушистые, на нижней редковолосистые, цветы белые, пахучие, лепестки перепончатые, тупо-закругленные, нераздельные, почти касающиеся; столбик на $\frac{1}{3}$ своей длины шелковисто-пушистый, почти равной величины с тычинками; тычинки нитевидные, прямые, кора стебля и ветвей серая, листья темно-зеленые, на нижней стороне бледнее. Цветовые листья, в углах которых цветки, вдвое уже прочих листьев.

54. *Deutzia parviflora* Bge.

Русское: Дейтция.

Местонахождение: по южному Амуру, в Хинганском хребте.

Описание: кустарник 2–3 фут. вышиною, ветвистый. Коробочка 3-ягодная с мелкими звездчатыми волосками, увенчанная основаниями столбиков. Попадает на северных и северо-восточных склонах хребта. Зрелые плоды в начале августа.

СЕМЕЙСТВО: RIBESIACEAE

55. Ribes horridum Rupr.

Русское: Крыжовник Амурский.

Местонахождение: в Императорской гавани. Зрелые плоды в июле.

Описание: кустарник около 1 фут. вышиною, с довольно многочисленными разветвлениями, кора стебля гладкая, светло-бурая, блестящая, с густыми по ней прямыми иглами, сросшимися из нескольких отдельных игол; листовые черенки шелковистые; листья слегка сердцевидные, разделенные на 3 лопасти, из которых средняя ромбически эллиптическая, не раздельная, а обе крайние подразделены на 2 почти ровные части или лопости, все вообще лопости крупно-зубчатые, на обеих сторонах густо буровато-пушистые; ветви с 5–7 цветками; прицветники линейные, бурые, на верхней стороне железисто-пятнистые, также как и цветковые чешуйки; ягоды сферические, черные, железисто-пятнистые. Семена многочисленные, сжатые, черные.

56. Ribes diacantha Pall.

Русское: Таранушка.

Местонахождение: в Усть-Стрелке.

Описание: кустарник 2–3 фут. вышиною, без игол. Плоды созревают в сентябре.

57. Ribes procumbens Pall.

Русское: Ползучий ягодник.*

Местонахождение: в верхнем Амуре, в Де-Касгри. Цветет в июне; плоды созревают в начале августа.

Описание: кустарник до 1/2 фут. вышиною с многочисленными лежащими стеблями.

58. Ribes atropurpureum Mey.

Русское: Ягодник темнокрасный.

Местонахождение: в Де-Касгри, по нижнему Амуре, по опушкам хвойных лесов и в сырых лиственных лесах.

Описание: кустарник до 5 фут. вышиною, отличающийся от *Ribes rubrum* длинными ветвями, острыми лопостями листьев, цветами темно-красными, чашечкой колокольчатой, на внешней стороне пушистой.

59. Ribes rubrum T.

Русское: Красная смородина. Гольдское: Нелихта. Гиляцкое: Уд-альсс-Ур-альсс.

Местонахождение: по всему Амуре, по опушкам лесов, по берегам ручьев и на островах. Цветет в половине мая; зрелые плоды в начале и половине августа.

Описание: кустарник 2 фут. вышиною.

* В Забайкалье известна под именем Моховки. – Прим. издания 1898 г.

60. Ribes proprinquum Turch.

Русское: Красная смородина.

Местонахождение: в Де-Кастри, по нижнему Амуру в Мариинске и Софийске. Цветет в начале июля, зрелые плоды в конце июля.

Описание: кустарник 1–2 фут. вышиною, стебель подземный горизонтальный, наземная часть стебля с многочисленными разветвлениями, ветви короткие и сравнительно с длиной стебля толстые. Цветовые черешки длиннее, чем у *Ribes rubrum*; молодые листья вдоль нервов пушистые, чашечка на внешней стороне тоже пушистая; форма лепестков, как у *Ribes rubrum*, но они длиннее, диск и лепестки грязно-буро-красного цвета; чашечка грязно-белого цвета, или тоже буроватого цвета; пыльники красные, с бледно-зеленою пылью, ягоды красные.

61. Ribes nigrum L.

Русское: Черная смородина.

Местонахождение: по всему Амуру, но вообще очень редко. Плоды созревают в июле.

Описание: кустарник 2–3 фут. вышиною.

62. Ribes dikuscha Fisch.

Русское: Дикуща.

Местонахождение: по верхнему Амуру близь Албазина.

Описание: кустарник около 5 фут. вышиною.

СЕМЕЙСТВО: ARALIACEAE

63. Panax sessiliflorum Rupr.

Русское: Панакс разнолистный. Гольдское: Вангранкура.

Китайское: Дзу-мачинь.

Местонахождение: по Амуру от устья р. Дондон до Хинганского хребта, по Усури, Бикину и в Зауссурийском крае.

Описание: кустарник, или деревцо от 2 до 10 фут. вышиною и в диаметре от толщины пальца до 1½ дюймов. Ствол гладкий без колючек, ветви гибкие, молодые, с редкими иглами; иглы короткие, загнутые, крепкие; на стволе кора грязно-серобурого цвета с трещинами; впоследствии наружный части коры спадают пластинками и обнаруживают светло-серую кору, на которой также, как и на спадающих частях коры, рассеяны чечевички, проходящие в трещины коры. Листья 3–4–5 пальчатые (обыкновеннее 5 пальчатые), листочки с короткими черешками, у основания с шипом, овально-продолговатые, заостренные, doubly-зубчатые, вдоль нервов с редким пушком. Цветы с короткими черешками, расположенные в зонтики сложные, разделяющиеся в пазухи прицветников на малые зонтики, в виде шарообразных головок, окончательный зонтик голый, ранее (почти целым месяцем) других развивающийся, с гораздо длиннейшим черешком; боковые зонтики с одними мужскими цветками или же все бывают обоополовые; цветовые черешки и чашечка гладкие, чашечка трубчатая с явными короткими зубчиками; столбиков 2, они оканчиваются в короткие, но все же заметные рыльца. Ягода двуместная, черная. Древесина белая с мягкой сердцевинною; годится на чубуки и на токарные поделки.

64. *Eleuterococcus senticosus* Maxim.

Русское: Элейтерококкус. Гольдское: Гунчульхи.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру, от Кизи до Хинганского хребта, по Усури и Зауссурийскому краю. Цветет в июле и августе; зрелые плоды в сентябре.

Описание: кустарник или дерево до 20 фут. вышиною, по большей частью бывает ниже, не очень ветвистый, густо игольный, но старые сучья голые. Кора серая, на молодых ветвях светло-серая, продольно-морщинчатая. Листья на длинных общих черешках имеют еще каждый особый малый черешок. Листья 5-пальчатые с иглами на нижней стороне малых черешков средний лист вдвое больше обоих крайних, а средние между ними листья немного меньше среднего из 5 листков. Листья перепончатые, темно-зеленые, более или менее заметно вьмчатые, по большей же части округленно-эллиптические, но бывают формы овально-продолговатой и эллиптической. Малые черешки и листовые нервы довольно густо красно-пушистые. Зонтик на конце ветвей, у основания с одним листом; меньшие зонтики, редко вполне развивающиеся, сидят в пазухе листа 1–3-пальчатого. Цветовой черешок длинный, продольно-полосатый, гладкий. Зонтик шарообразный, густо многоцветный, с цветами, сидящими на верхянках малых цветковых черешков. Мужские цветы бледно-лиловые, женские меньшей величины светлосерые. Лепестки загнутые; тычинки вдвое длиннее лепестков. Ягода сидит прямо на черешке, увенчана выдающимися чашечкой и столбиком, остающимися от цветения. Ягода черного цвета, блестящая, маломысистая, сочная, на вкус приятно горьковатая с кожистыми внутренними перегородками. Древесина этого вида похожа на древесину *Panax sessiliflorum* и годится на чубуки и на токарные поделки.

65. *Dimorphantus mandshuricus* Maxim.

Русское: Диморфант, шип-дерево. Гольдское: Сдерарихта.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру, начиная от Софийска до Хинганского хребта, по Усури и Зауссурийскому краю. Цветет в августе; зрелые плоды в сентябре. Встречается везде очень редко.

Описание: кустарник одноствельный с большими пушистыми шипами и листоватым стеблем. Листья похожи на листья клена (*Acer platanoides*), молодые листья с шипами, к вершине заметно расширенные, двух- и трех-раздельные; цветочки овально-эллиптические, заостренные, зубчатые, гладкие; цветковые метелки в концах ветвей, прямые, гораздо короче листа; трубочка почти сферическая с несдавленным горлышком.

66. *Aralia mandshurica* Maxim.

Русское: Араллия Манджурская. Колючее дерево.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от устья р. Усури до устья р. Гирина, по Усури и в Зауссурийском крае. Цветет в августе; зрелые плоды в сентябре.

Описание: дерево до 20 фут. вышиною и до 2–1 дюймов в диаметре; кора серая, густо усеянная почти сплошным белыми колючками, которые утверждены в коре и потому со временем, по срубке дерева, или ветви, опадают. Листья сложные, очень широкие, противоположные, непарноперистые, 5–7 и 9-листочные, с колючками как на листовом черешке на нижней стороне, так и на нижней стороне главного листового нерва. Листовые черешки очень длинные. Цветы расположены в кисти,

расположенная на концах ветвей чашечка трубчатая с 5 маленькими зубчиками, лепестки белые, числом 5. Цветы очень мелкие, расположены на очень длинных цвето-вых черешках. Коробочки, или ягоды, сухие, мелкие, 5-местные с многочисленными мелкими коричневого цвета семенами. Древесина белая, мягкая и рыхлая, негодная вовсе на поделочный лес.

СЕМЕЙСТВО: CORNEAE

67. *Cornus sibirica* Mey.

Русское: Дерен белый – Кизил. Гольдское: Подзихто, Буссуахта.

Гиляцкое: Пасын. Китайское: Хунг-Тего.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае; местами встречается большими почти чистыми куртинами. Цветет в мае; зрелые плоды в половине июля.

Описание: кустарник в 12–15 фут. вышиною; ягода белая, округленная, косточка округленная, сжатая с боков, иногда же округленно эллиптическая.

СЕМЕЙСТВО: LORANTHACEAE

68. *Viscum album* L.

Русское: Омела. Гольдское: Покцоля, Фохтоля.

Местонахождение: по среднему Амуру и по средней части нижнего Амура, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в конце мая; зрелые плоды в конце августа.

Описание: чужаядное растение, достигающее вышины нескольких футов.

СЕМЕЙСТВО: CAPRIFOLIACEAE

69. *Sambucus racemosa* L.

Русское: Бузина красная. Гольдское: Хангагора. Гиляцкое: Конгэй.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в конце мая; плоды созревают в конце августа.

Описание: кустарник, или деревцо до 15 фут. вышиною.

70. *Viburnum opulus* L.

Русское: Калина обыкновенная. Гольдское: Котомихта.

Местонахождение: в Хинганском хребте, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник, достигающей до 15 фут. в высоту.

71. *Viburnum dahuricum* Pall.

Русское: Калина Даурская. Гольдское: Котомихта.

Местонахождение: в Хинганском хребте, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник, достигающий до 15 фут. в высоту.

72. *Xylosteum Maackii* Rupr.

Русское: Жимолость Маака.

Местонахождение: в Хинганском хребте. Цветет в июне. Зрелые плоды неизвестны.

Описание: кустарник 5–10 фут. вышиною, отличается чашечкой с большими зубчиками, прицветниками, сросшимися посредине в листовенный покров яичников, листовыми черешками очень короткими, гладкими, с очень коротенькими волосками.

73. *Lonicera chrysantha* Turch.

Русское: Жимолость желтая. Гольдское: Пеаре.

Местонахождение: по среднему и нижнему Амуру до Мариинска. Цветет в конце мая; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник от 4 до 14 фут. вышиною, или же деревцо до 20 фут. вышиною и около 1½ дюймов в диаметре; стебли узловатые, покрытые морщинистою корою, цветковые ветви пушистые, у основания с прилистниками шелковисто-волосистыми; листья по форме бывают очень разнообразны: ромбические, овально-эллиптические и продолговато-эллиптические, у основания выемчатые, округленные, или даже сердцевидные, на верхней стороне вдоль нервов волосисто-пушистые, между нервами редкие лежащие волоски.

74. *Lonicera Chamisson* Bge.

Русское: Жимолость черная.

Местонахождение: по морскому берегу между Николаевском и зал. Де-Кастри.

Описание: кустарник 3–5 фут. вышиною, очень ветвистый, с бледно-серою раскрекавшеюся корою. Ветви довольно густые, листоватые; листья с короткими черешками, совершенно гладкие, овально-эллиптические, с выдающимися сетчатыми нервами на нижней стороне. Ягоды черные. Цветет в июне: плоды созревают в первой половине августа.

75. *Lonicera Maximovitchii* Rupr.

Русское: Жимолость Максимовича. Гольдское: Герне. Гиляцкое: Вомкиг.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от его устья до устья Уссури. Цветет в июне и июле; зрелые плоды в сентябре.

Описание: кустарник 3–10 фут. вышиною, очень ветвистый, с густою темно-зеленою листвою, зелень гораздо темнее, нежели у *Lonicera Chrysantha*. Кора серая, маломорщиноватая. Прилистники у основания ветвей белые, овально-заостренные, гладкие, молодые ветви красноватые, либо грязно-зеленоватые, тупоугловатые, гладкие, короче чем у *Lonicera chrysantha*. Форма листьев менее переменчива, листья почти всегда овальные, слегка сердцевидные у основания, более или менее заостренные к вершине. Листья почти всегда противоположные, но при очень густой листве бывают иногда четверные, кольчатые; волоски на листьях длинные, прямые. Цветовые черешки в пазухах листьев прямые. Прицветники очень малые, почти незаметные. Яичники овально-продолговатые, к вершине выемчатые, выше середины сросшиеся, гладкие. Зубчики чашечки треугольно-овальные, гладкие. Чашечка грязно-красного цвета, снаружи гладкая, внутри трубочки густопушистые; губки чашечки горизонтально висящие. Тычинки несросшиеся, свободные. Нити почти

гладкие, красноватые. Пыльники линейные, прикрепленные к нити своей серединой, серо-бурого цвета. Столбик короче тычинок, пушистый, буроватый. Рыльце широкое. Ягоды по 2, овально-заостренные, выше середины сросшиеся, красные, каждая с 2 семенами, сладкая и употребляется гольдами в пищу.

76. *Lonicera coerulea* L.

Русское: Жимолость голубая.

Местонахождение: в Николаевске, Мариинске и Софийске. Цветет в июне; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник от 5 до 10 фут. вышиною с пушистыми ветвями и серо-голубыми ягодами.

77. *Linnaea borealis* L.

Русское: Линнея северная.

Местонахождение: по всему Амуру, преимущественно же в северных частях его.

Описание: кустарник от 1 до 1½ фут. вышиною.

СЕМЕЙСТВО: VACCINIACEAE

78. *Vaccinium Vitis Idaea* L.

Русское: Брусника. Гольдское: Гихта. Гиляцкое: Меир-альсс.

Местонахождение: по всему Амуру, но чаще в хвойных лесах, нежели в лиственных.

Описание: ничем не отличается от русской брусники. Достигает в высоту нескольких дюймов.

79. *Vaccinium ovalifolium* Sm.

Русское: Черника.

Местонахождение: в заливе Де-Кастри.

Описание: кора ветвей бледная, листья твердые, сухие, узкие, от основания до вершины, а иногда только до середины листа, по краю зазубренные, немного и редко волосистые, кустарник очень ветвистый; ветви бородавчатые; ягоды сизо-черные. Достигает в высоту до 2, иногда и до 3 фут.

80. *Vaccinium praestans* Lamb.

Русское: Красника.

Местонахождение: в Николаевске, заливе Де-Кастри и в Императорской Гавани.

Описание: стебель горизонтальный, ветвистый, с светло-серою корою и местами с овально-заостренными и сдавленными чечевичками, снабженный редкими корневыми мочками. Наружная (надземная) часть стебля не более 3 дюйм., часто еще меньше; листьев до 5, они сверху гладкие, на нижней стороне к нервам и к вершине листа пушистые. Плодоносная ветвь гораздо короче бесплодной листоносной ветви, не длиннее 1 дюйма, с маленьким листком, в виде влагалища, а на конце ее 2–3-цветочная метелка. Черешки цветковые нитеобразные, равной величины, имеющие на середине своей длины прижатую, линейную, или линейно-продолговатую, перепончатую чешуйку. Цветок почти равной величины с цветком брусники. Чашечка

5-зубчатая, космато-волосистая с острыми треугольными зубчиками, которые вдвое короче трубочки. Венчик бледно-розовый. Тычинок 8, они вдвое длиннее чашечки, у основания почти приросли к венчику; нити плоские, пушистые, столбик равной величины с тычинками; рыльце трех-раздельное. Плод одинокий, ибо другие цветки не развиваются; величина плода с ягоду клюквы; плод бледно-красного цвета, приятно кисловатый, слегка ароматический. Семена коричневые по 10–15 в каждой ягоде.

81. *Vaccinium uliginosum* L.

Русское: Голубица. Гольдское: Сара.

Местонахождение: по нижнему и верхнему Амуру, преимущественно в хвойных лесах.

Описание: кустарник, достигающий 3–4 фут. в высоту; растет в тенистых местах, имеет тонкие ветви и очень густую листву. Цветет в июне; зрелые плоды в августе.

82. *Oxycoccus palustris* Pers.

Русское: Клюква. Гольдское: Гахта. Гиляцкое: Тым.

Местонахождение: по нижнему Амуру, преимущественно в тундрах и больших болотах.

Описание: ничем не отличается от русской клюквы. Мелкий кустарник, достигающий в высоту в нескольких дюймов.

83. *Andromeda polifolia* L.

Русское: Андромеда многолистная.

Местонахождение: в тундрах близ селения Кизи. Цветет в июне.

Описание: кустарник, достигающий в высоту от 2 до 3 футов.

84. *Cassandra calyculata* Don.

Русское: Чашник, болотный мирт.

Местонахождение: по нижнему Амуру в тундрах и сырых местах: близ Мариинска и Николаевска. Цветет в мае; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник, достигающий в высоту 2–3 фут.

85. *Arctostaphylos alpina* Spr.

Русское: Толокнянка альпийская.

Местонахождение: на морском берегу у мыса Лазарева среди кедрового сланца.

Описание: кустарник, достигающий в высоту 2–3 фут.

86. *Rhododendron chrysanthum* L.

Русское: Рододендр золотистый, кашкара. Гольдское: Одонзура.

Местонахождение: по верхнему и нижнему Амуру, по крутым и скалистым склонам гор, напр. на горе Джай. Цветет в мае; зрелые плоды в июле.

Описание: кустарник, или деревцо до 5 фут. высотой и до $\frac{1}{4}$ дюйм. в диаметре. Цветет прежде всех других растений, иногда даже в конце апреля. Цветы прекрасного золотистого цвета. Гольды употребляют стебель и листья для лечения от болезней желудка.

87. *Rhododendron dahuricum* L.

Русское: Рододендр Даурский, кашкара. *Гольдское:* Палопюнγκора.

Местонахождение: по верхнему Амуру очень часто; по нижнему Амуру близ Мариинска.

Описание: кустарник, или деревцо, достигающее 15 фут. в высоту и до 1-го дюйма в диаметре. Цветет очень рано, в конце апреля и начале мая. Плоды созревают в августе.

88. *Ledum palustre* L.

Русское: Багульник. *Гольдское:* Ссенкора.

Местонахождение: по нижнему Амуру в хвойных лесах, в Де-Кастри; найден также в болотах близ порта Мея. Цветет в июне и июле; зрелые плоды в конце августа.

Описание: кустарник 2–3 фут. высотой. Одна разновидность: *Var. decumbens* Kew. имеет цветки почти без запаха. Гольды употребляют багульник как лекарство от болей желудка.

СЕМЕЙСТВО: OLEACEAE

89. *Syringa amurensis* Rupr.

Русское: Сирень Амурская. *Гольдское:* Пирегда-мо. *Китайское:* Пау-мадзе.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от Борби и выше, по среднему Амуру, в Хинганском хребте, также по Уссури и в Зауссурийском крае.

Описание: кустарник, или деревцо 10–15–20 фут. высотой и до 3–4 дюйм. в диаметре. Кора серо-бурая с белыми чечевичками, подобно как на коре *Prunus Maximovitchii*. Листья одноцветные на верхней и нижней стороне, зеленые, гладкие, с редкими на вершине волосками, на глаз едва приметными, на довольно длинном черешке, с заметно выдающейся на нижней стороне сетью нервов. Цветовые щетки часто двойные, развитые из почек, расположенных в самом конце ветвей; прицветники у каждого черешка ланцетные с бурым пушком. Зубчики чашечки в несколько раз короче трубочки. Венчик белый, почти без запаха, воронкообразный; разрезы венчика овально продолговатые, плоские. Тычинки – приросшие к трубочке чашечки; нить вдвое, или в полтора раза длиннее разрезов венчика; пыльники сидят своею серединою. Столбик вдвое, или чаще второе длиннее чашечки; рыльце толстое, двулисточное. Коробочка продолговато-ланцетная, сдавленная с боков, легкая, с остающеюся чашечкою; семена по 2 в каждом месте, сплюснутые. Древесина белая и твердая, годная на токарные поделки.

90. *Fraxynus mandshurica* Rupr.

Русское: Ясень Манджурский. *Гольдское:* Хевагда, Буренколя. *Гиляцкое:* Хевагда. *Китайское:* Шуй-чу-му.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от селения Михайловского и выше, по среднему Амуру, в Хинганском хребте, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае; плоды созревают в августе.

Описание: растение двудомное. Дерево, достигающее в высоту до 70–80 фут. и в диаметре до 3–4 фут. Листья сложные, непарные, листочков 4–6 с каждой стороны, они сидят на очень коротких черешках; в пазухе каждого листа фиолетово-черная

почка, с бурыми волосками у самого основания листового черешка, почки же гладкие; листочки по краю тонко и часто зазубрены; цветковые листочки коротенькие, скученные; цветки голые; крылатки ланцетно продолговатые, заостренные, на вершине выемчатые; орешек равной длины с крылом.

91. *Fraxynus sinensis Maxim.*

Русское: Ясень Китайский. Китайское: Шуй-чу-леу. Гольдское: Хевагда.

Местонахождение: по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае; плоды созревают в августе.

Описание: отличается от предыдущего вида тем, что число парных листочков очень редко бывает 3, обыкновенно же бывает только два парных листочка и 1 непарный; листочками, которые шире, нежели у *F. mandshurica*, продолговаты, заострены к вершине, короче и крупнее зазубрены; листовыми черешками и черешками листочков, которые у основания вздуты; цветковыми кистями, которые гораздо многоцветнее и еще более скучены, крылатками линейными, узкими, и тем, что крыло почти вдвое более орешника и не имеет выемки на своей вершине.

И этот вид ясны достигает таких же больших размеров, как и предыдущий вид, но встречается вообще реже его.

Оба вида ясны составляют отличный поделочный и мебельный лес. Древесина их темнее древесины Крымского, или Польская ясны, и очень близко подходит цветом к здешнему Амурскому ореховому дереву.

СЕМЕЙСТВО: SOLANACEAE

92. *Solanum persicum Willd.*

Русское: Паслен Персидский.

Местонахождение: по тальниковым островам в высокой траве по всему Амуру и по Уссури. Цветет в конце июня и начале июля; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник 3–5 фут. вышиною.

СЕМЕЙСТВО: LABIATAE

93. *Thymus serpyllum L.*

Русское: Богородская трава.

Местонахождение: по всему Амуру и по Уссури на склонах и скалистых скалах. Цветет в июле; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник 1–2 фут. вышиною.

СЕМЕЙСТВО: THYMELAEACEAE

94. *Daphne kamtchatica Maxim.*

Русское: Ягодница Камчатская.

Местонахождение: близ дер. Кизи попадаетя, впрочем, очень редко. Цветет в половине июля.

Описание: кустарник 1–1½ фута вышиною, с ветвями равной величины и малочисленными; листья кольчатые, редко расположенные, узкие, овально продолговатые, у основания выемчатые, на обеих сторонах одноцветные, зеленые; цветы

собраны в метелки 2–5-цветочные, короткие, с коротким черешком; разрезы чашечки овальные, или овально ланцетные, равной величины с маленькою гладкою трубочкою. Пыльники, заключенные в трубочке чашечки, продолговато овальные, сидячие. Яичник овальный, гладкий, с диском почти незаметным; рыльце сидячее. Цветок розового цвета. Плод неизвестен.

СЕМЕЙСТВО: EMPETRACEAE

95. Empetrum nigrum L.

Русское: Чернаягодник. Гиляцкое: Игши.

Местонахождение: по морскому берегу от Николаевска до Де-Кастри. Зрелые плоды в июле.

Описание: кустарник, достигающий 2–3 фут. вышины.

СЕМЕЙСТВО: EUPHORBIACEAE

95. Geblera suffruticosa Fisch.

Русское: Геблера.

Местонахождение: по южному Амуру. Зрелые плоды в июле или начале августа.

Описание: кустарник 2–3 фут. вышиною. Цветоносные ветви простые, пучковато ветвистые; листья малые, тупые, по краю выемчатые, влагалищные. Встречается еще разновидность с малыми, широко эллиптическими, кожистыми листьями.

СЕМЕЙСТВО: CUPULIFERAЕ

97. Corylus hoterophylla Fisch.

Русское: Лещина, Китайский орешник. Гольдское: Кангуле. Китайское: Циндзя-кай.

Местонахождение: по южному Амуру, начиная от Хинганского хребта и ниже, по верхнему Амуру, по Уссури и Зауссурийскому краю. Цветет в мае до развития листьев; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник в виде подлеска, иногда чрезмерной густоты в смешанных лиственных лесах; достигает вышины до 5 ф. и в диаметре до $\frac{1}{4}$ дюйм. Листья очень космато волосистые, почти колючие, к вершине затупленные, иногда выемчатые. Пупок ореха широкий, огибающий около $\frac{1}{3}$ части окружности всего ореха; орех всего более сжатый, нежели у *Corylus Avellana*, тупой, а не заостренный. Плюска длиннее, чем у *C. Avellana* с большими косматыми и колючими волосами.

98. Corylus mandshurica Maxim.

Русское: Лещина, Манджурский орешник.

Гольдское: Азиенкура (орехи – Кадзиахта). Китайское: Циндзя-хай.

Местонахождение: по всему нижнему и среднему Амуру от устья его до Хинганского хребта, по Уссури и Зауссурийскому краю. Цветет в конце апреля и начале мая, до разверзания листьев; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник в виде подлеска, иногда чрезмерной густоты, растущий в хвойных, но большею частью в смешанных лесах. Стебли разделяются почти от самого корня и достигают в диаметре до 1 и даже до $1\frac{1}{2}$ дюйма. Мужские сережки расположены по 2 (редко по 3 и 4). Кора морщиноватая, не растрескивающаяся.

Листья округленные, двойнозубчатые, к вершине трехразрезные, либо 3-лопостные; прилистники овальные, тупые, плюска у основания сферическая, выше продолжается длинной цилиндрической трубкой, гораздо длиннейшей самого ореха, у основания довольно космато волосистая, к вершине иногда зубчатая, иногда же почти цельная, а иногда, что довольно редко, с зубцами, разрезанными до середины плюска.

Оба вида орешника употребляются на такие же изделия, как и русский орешник.

99. *Quercus mongolica* Fisch.

Русское: Дуб монгольский. Гольдское: Хоронколя, Мага-Мо (Желуди – Оссихта).

Гиляцкое: Кмый. Китайское: Дзуа-мо.

Местонахождение: по всему Амуру от его устья до Усть-Стрелки. Впрочем, по верхнему и нижнему Амуру дуб встречается только в редкой примеси, дурного роста и плохих качеств. По среднему Амуру дуб составляет более значительную примесь лиственных и смешанных лесов; преобладающею же породою является по Уссури и в Зауссурийском крае. По среднему Амуру дуб встречается и чистыми насаждениями, но плохого качества. Цветет в конце мая; зрелые плоды в начале сентября.

Описание: по различию в местонахождении и почве изменяется от низкого корявого кустарника 2–3 фут. вышиною до огромных корабельных деревьев до 70 фут. вышиною и до 3–4 фут. в диаметре. Единично встречаются деревья еще больших размеров. Также изменяются и качества древесины дуба и годность ее на различные поделки. Дубовые, иногда почти чистые, леса в Зауссурийском крае тянутся иногда на целые сотни верст и притом часто имеют хорошие качества. Но количество корабельного и крупного поделочного материала в этих дубовых лесах не очень значительно и редко превышает 30 деревьев на десятину.

100. *Ostrya mandshurica* Bud.

Русское: Граб Уссурийский.

Местонахождение: в высоких горах Зауссурийского края. Цветет в мае; зрелые плоды в конце июля.

Описание: деревцо и иногда дерево больших размеров до 60 и более футов вышиною и до 2–3 футов в диаметре. Листья совершенно сходны с листьями русского вяза. Плоды шишки – крылатые, весьма рыхло расположенные, наподобие как у хмеля. Вся шишка бывает длиною до 1 фута. Крылатые шишки отдельно взятые, гораздо крупнее обыкновенного граба (*Carpinus*). Древесина белая и твердая, годная на токарную работу, а также на другие поделки, где нужно трение.

СЕМЕЙСТВО: SALICINEAE

101. *Salix pentandra* L.

Русское: Ива пятибратная, Чернотал. Ороцкое: Ссяхта.

Местонахождение: по верхнему Амуру. Цветет, как и вообще все ивы, в начале мая и конце апреля; зрелые плоды в конце мая и начале июня, смотря по различию местонахождения.

Описание: кустарник до 10-ти фут. вышиною и до 1 дюйма в диаметре.

102. *Salix amygdalina* L.

Русское: Ива миндалистная. *Гольдское:* Дматталя-о; Моронколя-о.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю по островам и мокрым местам.

Описание: деревцо 20–30 фут. вышиною и нескольких дюйм в диаметре.

103. *Salix praecox*. Норпе.

Русское: Красная верба. *Гольдское:* Хаммагда. *Китайское:* Янг-мо.

Местонахождение: по нижнему Амуру, но более по притокам и протокам его, нежели по главному руслу; по среднему Амуру несколько выше станицы Екатерино-Никольской.

Описание: по нижнему Амуру ствол достигает иногда 4 фут. толщины и 25–30 фут. в высоту; кора на стволе держится слабо, отпадает частями и имеет желтый луб; выдолбленные стволы употребляются на боты (по-гольдски – Оморочки), по среднему Амуру этот вид встречается в гораздо меньших размерах.

104. *Salix viminalis* L.

Русское: Тальник. *Гольдское:* Тунгда. *Гиляцкое:* Куинги.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю на островах и по берегу в мокрых и сырых местах.

Описание: кустарник, или деревцо от 15 до 25 ф. выш.

105. *Salix stipularis* Sm.

Русское: Тальник. *Гольдское:* Тунгда. *Гиляцкое:* Куинги.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю на островах и по берегу в мокрых и сырых местах.

Описание: кустарник, или деревцо 15–25 ф. в высоту.

106. *Salix caprea* L.

Русское: Ива козья, Тал. *Гольдское:* Ямдоссо, Тунгда. *Гиляцкое:* Тмеш.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю на островах и по берегу в мокрых и сырых местах.

Описание: иногда деревцо 15–25 фут. вышиною, иногда же высокоствольное дерево до 2–3 фут. в диаметре и до 40 фут. вышиною. Древесина этого вида очень нежна и гибка.

107. *Salix depressa* L.

Русское: Белотал, Белая Ива.

Местонахождение: по нижнему и среднему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю.

Описание: кустарник, или деревцо до 15 ф. вышиною и до 2¹/₂ дюйм. толщиною в диаметре. Встречается с листьями пепельно-белесоватыми и с матовыми бледно-синеватыми листьями.

108. Salix myrtilloides L.

Русское: Лоза.

Местонахождение: в болотах между Мариинском и Кизи.

Описание: кустарник 1–4 фут. вышиною. Встречается с гладкими листьями, и с пушистыми листьями и молодыми ветвями.

109. Salix repens L.

Русское: Лоза. *Гольдское:* Озиенкура.

Местонахождение: по нижнему Амуру, близь Кизи в болотах, также близь Мылки.

Описание: мелкий кустарник, достигающий вышины 1–2 фут.

110. Salix pyramidalis Bad.

Русское: Пирамидальная верба. *Китайское:* Лео-мо.

Местонахождение: в Зауссурийском крае, в особенности часто по Фудзи и Хунь-Чуну.

Описание: дерево тонкоствольное до 80 фут. вышиною, вершиною наподобие пирамидального тополя южной России. Листья его похожи на листья *S. Amygdalinae*. Древесина белая и мягкая. Годится лишь на дрова.

111. Populus tremula L.

Русское: Осина. *Гольдское:* Полегда. *Гиляцкое:* Кана-Тигри. *Китайское:* Янг-мо.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю. Цветет в конце апреля; зрелые плоды в начале июня.

Описание: дерево, достигающее в высоту от 40 до 70 и более фут. и в диаметре от 1 до 3 фут. Во всех частях Амура и Уссури, где нет хвойных лесов, осина употребляется как строевой материал.

112. Populus suaveolens Tisch.

Русское: Осокорь душистый. *Гольдское:* Уголе. *Китайское:* Янг-мо.

Местонахождение: по всему Амуру от его устья до Албазина, по Уссури и Зауссурийскому краю, впрочем всегда довольно редко. Цветет в конце апреля; зрелые плоды в июне.

Описание: дерево до 40 фут. вышиною и до 1½ фут в диаметре. Ствол всегда узловатый. Листья всегда беловато серозеленые, к вершине короткозаостренные, у основания большею частью округленные, или сердцевидные, иногда же листья у основания заострены. Идет на те же употребления, как и осина, исключая на строения.

СЕМЕЙСТВО: ULMACEAE

113. Ulmus montana With.

Русское: Вяз, илим черный. *Гольдское:* Хорраха. *Китайское:* Ю-ма.

Местонахождение: по нижнему Амуру в хвойном лесу: Борби, Цянка, по среднему Амуру, по Уссури и Зауссурийскому краю. Цветет в апреле; зрелые плоды в конце мая.

Описание: дерево до 40 и более фут. вышиною и до 1½ и более фут. в диаметре, с широкою и развесистою вершиною. Молодые ветви по большей части гладкие, изредка на концах покрыты коротким пушком. Листья сидячие, или с коротким черешком, сверху зеленые и широковатые, внизу пепельносерые; в углах нервов пушистые, двойнозубчатые, неравнобокие; черешок листовой густопушистый. Пучки цветков боковые сидячие, многоцветные, цветки от 4 до 7 отдельные, на коротких ножках, которые короче самих цветков. Зубчики гладкого цветкового покрова, окруженные с густым и длинным пушком. Крылатки эллиптические, у основания острые, к вершине тупые и с 2 короткими подразделениями, почти друг друга касающимися, гладкие.

114. *Ulmus campestris* Sm.

Русское: Илим обыкновенный. *Гольдское:* на Амуре – Муссинда, на Уссури – Хайля. *Гиляцкое:* Хариги. *Китайское:* Ю-ма.

Местонахождение: по нижнему Амуре (Поддале), по среднему Амуре, по верхнему Амуре (устье р. Ельничной), по Уссури и Зауссурийскому краю. Растет в смешанных лиственных лесах, иногда и чистым насаждением на небольшом впрочем пространстве; любит сухое, но защищенное местоположение и богатую черноземную почву; цветет в апреле; зрелые плоды в начале, или половине мая.

Описание: дерево 50–70 фут. вышины и 2–4 и более фут. в диаметре. Достигает размеров и имеет качества корабельного и артиллерийского леса. Ветви бывают без пробковых наростов (Var. *glabru*), или же с пробковыми наростами на молодых ветвях (Var. *alato-suberosa*). Листья эллиптические, двойнозубчатые, к вершине заостренные, у основания тоже заостренные, едва приметно неравнобокие, легкие, гладкие, исключая нижней стороны в углах нервов, где есть маленький пушок; нижняя сторона листьев бледнее верхней, листовой черешок гладкий. Цветовые пучки боковые сидячие, 2–8 цветочные. Цветки 4-раздельные, сидячие; цветовой покров гладкий, зубчики его касаются только своими концами, оставляя в середине промежутки. Хороших качеств крупный илим особенно изобилует в Зауссурийском крае и отчасти по Уссури.

115. *Ulmus suberosa* Ehrnb.

Русское: Пробковый илим, берест. *Гольдское:* Хырбадзе. *Китайское:* Ю-мо.

Местонахождение: по южному Амуре, ниже Хинганского хребта, по нижнему Амуре (Поддале), по Уссури и Зауссурийскому краю. Встречается в тех же местах, как и обыкновенный илим. Цветет в апреле; зрелые плоды в мае.

Описание: дерево 40–50 фут. вышиною и 1–1½ фута в диаметре; впрочем изредка достигает таких же огромных размеров, как и обыкновенный илим. Отличается пробковыми, крылатыми наростами на молодых ветвях, которые впрочем бывают непостоянно, большими шероховатыми листьями, также у основания заостренными и едва приметно неравнобокими, как и у *Ulmus campestris*. Все три вида *Ulmus* годны на те же употребления, как и русские виды.

116. *Ulmus pumila* L.

Русское: Ильмовник.

Местонахождение: по верхнему Амуре от Устья-Стрелки до устья р. Ельничной по скалистым склонам гор.

Описание: корявый кустарник 2–6 фут. вышиною. Листья округленнее, чем листья *U. campestris*, сравнительно с последними длиннее и уже.

СЕМЕЙСТВО: BETULACEAE

117. *Betula alba* L.

Русское: Береза белая. *Гольдское:* Пьэ. *Гиляцкое:* Пьегда. *Китайское:* Хоа-пи.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и Зауссурийскому краю, впрочем на севере обильнее, чем на юге. Цветет в начале мая, на юге в апреле; плоды созревают в августе, на юге в июле.

Описание: дерево таких же размеров, как и русская береза. Гольды и гиляки употребляют бересту на легкие баты (оморочи), на палатки и шатры, на одежду, шапки, коробы и т.п., для этого его варят в котле, а потом коптят в дыму, чем придают ей необыкновенную мягкость и прочность. Молодые ветви гладкие, листья овально или ромбически – треугольные, длиннозаостренные, двойнозубчатые, сверху гладкие; лопости чешуек боковые, косвенно-закругленные, уклоненные. Ветви бывают прямые и висячие (*Var. pendula*).

118. *Betula davurica* Pal.

Русское: Береза черная. *Гольдское:* Дзивагда.

Местонахождение: по всему Амуру, Уссури и Зауссурийскому краю; на юге чаще, чем белая береза. Встречается иногда чистыми насаждениями, но по большей части в смеси с дубом и другими лиственными породами. Цветет в начале мая и в конце апреля; плоды созревают в августе и в конце июля.

Описание: дерево от 20–50 фут. вышиною и до 1–2 фут. в диаметре. Кора серобурая, глубоко растрескивающаяся, но не опадающая; листья овальные, заостренные, у основания клинообразные, или же закругленные неровнозубчатые, на нижней стороне по нервам, иногда и на верхней стороне, волосистые, в углах нервов бородавчатые, либо голые. Серезки женские на длинных черешках продолговато-цилиндрические, прямые либо наклонные, равной длины с цветковым черешком, либо длиннее его. Чешуйки серезек деревянистые, черепичные, коротко-клинообразные; лопости чешуек неправильные, более или менее расходящиеся, боковые гораздо короче и шире средней, крылатки с крыльями вдвое, или вчетверо уже семенного местечка.

119. *Betula Ermani* Cham.

Русское: Береза желтая. *Гольдское:* Дзивагда. *Гиляцкое:* Керассы.

Китайское: Чоо-хоа.

Местонахождение: по нижнему Амуру, близ Николаевска и Софийска, а также в Зауссурийском крае. Цветет в мае, на юге в апреле; зрелые плоды в августе, а на юге в конце июля.

Описание: дерево тех же размеров, как и предыдущий вид. Кора желтовато-бурая, глубоко растрескивающаяся; чешуйки почек густо шерстистые; листья широкоовальные, заостренные, у основания округленные, или почти сердцевидные, неровно зубчатые, пушистые на нижней стороне, иногда и на верхней, вдоль нервов; в углах нервов пучки волос бывают непостоянно. Женские серезки прямые, либо наклоненные, почти сидячие, эллиптические; чешуйки кожистые, рыхло черепичные, удлинненные длинно-клинообразные; лопости чешуек неправильные, более

или менее расходящиеся, густо и длинно пушистые, боковые лопасти вдвое короче средней; в крылатках крылья вдвое, или вчетверо уже семенного местечка.

120. *Betula costata* Trautv.

Русское: Береза сетчатолистная. Гольдское: Дзивагда.

Местонахождение: по нижнему Амуру, местами в Хинганском хребте по Уссуре, везде довольно редко. Цветет в начале мая; зрелые плоды в конце июля.

Описание: дерево таких же размеров, как и предыдущие два вида. Кора легкая, желтовато-бурая, чешуйки почек гладкие; листья овальные, длиннозаостренные, у основания округленные, или сердцевидные, тонко и неровно зазубренные, число нервов в листе значительно превосходить число нервов листа других видов березы. Именно у *B. costata* число нервов доходит до 12–14 с каждой стороны главного нерва, между тем как другие виды березы имеют не более 8 нервов с каждой стороны главного нерва. Этим и сетчатую нервацией листа *B. costata* отличается довольно резко от других видов *Betula*. Листья на обеих сторонах вдоль нервов пушистые, в углах нервов бородавчатые; женские сережки сидячие, прямые или наклоненные, эллипсоидальные; чешуйки деревянистые, рыхло-черепичные, длинно-клиновидные; лопасти чешуек неправильные, расходящиеся, гладкие; боковые лопасти вдвое короче средней; в крылатке крылья вдвое или вчетверо уже семенного местечка. Эти три вида березы: *B. costata*, *Ermani* и *Davurica* древесиной сходны с белой березой, но не имеют бересты. *B. costata* и *B. Ermani* встречаются в виде примеси в смешанных и лиственных лесах.

121. *Betula fruticosa* Pall.

Русское: Березовый ерник. Гольдское: Хоктоасса.

Местонахождение: по мокрым лугам нижнего Амура. Цветет в мае; зрелые плоды в июле.

Описание: кустарник до 15 фут. вышиною, или деревцо, достигающее толщины ручной кисти. Кора легкая, белесовато-пепельная. Ветви густо-смолисто-пятнистые. Листья эллиптически-овальные, у основания клиновидные, на нижней стороне густо-пятнистые, и по нервам пушистые. Женские сережки прямые, либо наклонные, продолговато цилиндрические, с короткими цветковыми черешками, которых они гораздо длиннее; чешуйки клиновидные, лопасти чешуйки неправильные, мало расходящиеся, конечная (средняя) лопасть продолговатая, боковые короче ее, ромбические, кверху закругленные, или косвенно-усеченные. Крылатки вообще очень низкие, крылья вдвое уже семенного местечка.

122. *Betula Middendorffii* Trautv.

Русское: Береза кустарная Миддендорфа.

Местонахождение: по нижнему Амуру, близ Николаевска и Мариинска, также близ порта Мея в болотах (по 43° сев. шир.). Цветет в мае; зрелые плоды в августе.

Описание: кустарник до 10 фут. вышиною, мало ветвистый, с желто-зеленой листвою и с блестящею красно-бурою корою, покрытою рассеянными серыми пятнами от разорванной весьма тонкой эпидермы. Листья эллиптические, или овальные, к вершине закругленные, или тупые, неровно зазубренные, гладкие с обеих сторон. Женские сережки прямо вниз, либо наклонно висящие; цветовой черешок той же величины с сережкой, то короче ее; чешуйки овально-клиновидные с лопостями неправильными, более или менее расходящимися, боковые лопасти чешуйки короче

средней и шире последней. Крылатки с широкими крыльями; крылья равной ширины с семенным местечком.

123. *Alnaster viridis* Turch.

Русское: Ольха туполистная. *Гольдское:* Дульгинкура. *Гиляцкое:* Хеунги.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет в мае; плоды созревают в августе.

Описание: по различию местонахождения изменяется от кустарника 10 фут. вышиною и 2–3 дюйм, в диаметре до высокоствольного дерева 50 фут. вышиною и 1¹/₂–2¹/₂ фут. в диаметре. На Амуре среднем и верхнем встречается преимущественно в кустарном виде, а по Уссури и в Зауссурийском крае чаще крупных размеров. Древесина, разветвление и кора этого вида ольхи похожи на *Alnus glutinosa*. Листья крупные, зеленые, довольно темного цвета на обеих сторонах, яйцеобразные; к вершине тупые, у основания клинообразные. Крыло плода более или продолжено за семенное местечко, равной с ним ширины и к вершине выемчатое. Гольды окрашивают настоем коры этого вида ольхи оленьи кожи в желтоватую и буроватую краски.

В употреблении сходна с *Alnus glutinosa*.

124. *Alnus incana* W.

Русское: Белая ольха. *Гольдское:* Пунгда.

Местонахождение: по всему Амуру, по Уссури и в Зауссурийском крае. Цветет до разверзания листьев в конце апреля; плоды созревают в конце мая.

Описание: деревцо от 20 до 30 фут. вышиною и до 6 дюйм, в диаметре, редко достигает размеров высокоствольного дерева, не превышая в диаметре 1 фут. Кора блестящая, коричневая, с белыми чечевичками.

СЕМЕЙСТВО: MYRICACEAE

125. *Myrica Gale* L.

Русское: Восковник, восковой куст.

Местонахождение: близ Николаевска на прогалинах хвойных лесов, вместе с *Ledum palustre*. Цветет в июне; зрелые плоды в конце августа.

Описание: кустарник 1–1¹/₂ фут. вышиною.

СЕМЕЙСТВО: TAXACEAE

126. *Taxus baccata* L.

Русское: Тис ягодный. *Гольдское:* Киндаля, Анакура. *Китайское:* Тсибайсунг.

Местонахождение: по нижнему Амуру в высоких горах (Джай), по хребту Хещир, в самых высших его пунктах, также в высоких хребтах Зауссурийского края и на острове Сахалине. Цветет в июне; зрелые плоды в сентябре.

Описание: деревцо, достигающее вышины 20 фут. и толщины в кисть руки, но обыкновенно бывает еще меньших размеров и почти кустарного вида. Листья, кора и цветы этого вида совершенно сходны с русским тисом, но ягоды красного цвета несколько острее и меньше, чем у последнего. Древесина очень твердая, розового цвета и употребляется на токарные поделки.

СЕМЕЙСТВО: АБИЕТИНЕАЕ

127. *Abies sibirica* Led.

Русское: Ель сибирская. Гольдское: Вангкта. Гиляцкое: Нгарни. Китайское: Куа-сунг.

Местонахождение: по всему Амуру в смешанных хвойных лесах и чистыми насаждениями, но чаще по нижнему Амуру, начиная от устья р. Гирина; встречается также в хребте Хехцир и в разных местах Зауссурийского края, в особенности по хребту Сихотэ-Алинь, где еловые леса часто сменяют дубовые. Цветет в мае; плоды созревают в августе.

Описание: дерево, достигающее 80 фут. и более в высоту и до 2–3, иногда и более, фут. в диаметре. Ель вообще составляет строевой лес, а в местах лесообильных употребляется и на дрова. Растущая в самых северных частях Амура, напр. в тундрах близ Николаевска, имеет худые качества, ноздреватую древесину и весьма малую прочность и много уступает русской ели. Но по Амуру, в хребтах Хехцир, Сихотэ-Алинь, по р. Дауби и близ порта Мея, ель растет прекрасно и дает отличный строевой материал, особенно важный по недостатку в основном лесе. Местная разновидность сибирской ели: *Var. nephrolepis* Trauhv, отличается от типической формы *A. sibirica* почковидными чешуйками, которых ширина в 3 раза превосходит длину, и которые немногим длиннее прицветников. Форма ствола очень близка к цилиндрической; ствол на $\frac{2}{3}$ длины имеет нижние сучья засохшими, но не отвалившимися; верхние сучья образуют тупую, короткую, петлеобразную вершину. Сучья идут от ствола под углом 70–75°. Зеленъ игол немного бледнее зелени пихты (*Picea ajanensis*). Старые шишки находятся на концах верхних ветвей довольно густо; они гораздо реже бывают на концах средних ветвей; еще реже можно их увидеть на маленьких веточках. Идет за недостатком сосны даже на мачты, преимущественно для речных пароходов.

128. *Picea obovata* Led.

Русское: Пихта Сибирская. Гольдское: Дзяхта-Джахта. Китайское: Цыу-сунг.

Местонахождение: по всему Амуру, в хребтах Хехцир, в горах Уссурийского и Зауссурийского края, никогда не встречается чистыми насаждениями, но обыкновенно в смеси с елью и кедром и в редкой примеси к лиственным породам леса. Цветет в начале мая; плоды предыдущего года дозревают в июле.

Описание: дерево, достигающее тех же размеров, как и ель, но древесина имеет те же качества, как и русская пихта и много уступает еловой, как строевой материал. Сучья от ствола идут почти горизонтально; ствол очищается от сучьев на высоту 25–30 фут. Иглы на ветвях загнуты вверх наподобие щетки. Зеленъ гораздо менее густа, чем у *Picea ajanensis*, мрачного темно-зеленого цвета, молодая хвоя светло-зеленая, не яркая. Кора молодых деревьев совершенно сходна с корою *Picea ajanensis*, но она рассыхается и растрескивается даже на стволах 1 дюйм, в диаметре, вообще гораздо ранее, чем у *Picea ajanensis*, начинает разделяться на продольные полосы на стволах, имеющих $\frac{3}{4}$ фута в диаметре; но эти полосы не спадают, как у *Picea ajanensis*, с дерева и придают ему странный вид, как будто дерево было облуплено.

129. *Picea ajanensis* Fisch.

Русское: пихта Аянская. Гольдское: Хассихта. Гиляцкое: Твиссик.

Местонахождение: по нижнему Амуру, в хребте Хехцир, по Уссури и в Зауссурийском крае. Растет так же как и предыдущий вид, в частой примеси в смешанных

хвойных лесах вместе с елью и кедром, и в редкой примеси вместе с теми же породами в смешанных лиственных лесах, преимущественно на высоких горах, но нередко и в долинах. Цветет в конце мая; зрелые плоды (предыдущего года завязавшиеся) – в конце июня.

Описание: дерево, достигающее таких же размеров, как и ель; качествами древесины сходна с русской пихтой. Ствол очень прямой и довольно полнодревесный. Кора темно-зеленая, растрескавшаяся на продолговатые в человеческую руку величину полосы, трудно отделяющиеся от ствола. Сучья немного приподнятые, почти горизонтальные, еще реже загнутые немного к низу. Вершина имеет вид продолговатого цилиндра, оканчивающегося тупою кеглеобразною макушкою. Иглы щеткообразные. Хвой темно-зеленый с переходом еще в темнейший оттенок. Молодой хвой сильно отликает синим цветом. Женские цветки сидят на конечных и боковых ветвях верхних сучьев, очень редко средних, или нижних сучьев, иногда они сидят на очень коротких, непосредственно из ствола выходящих ветвях; во время цветения они бывают темно-пурпурового цвета с едва приметным синим отливом. Чешуйки загнуты по всему краю, наподобие ширмы. Прицветники светло-сине-серого цвета. Оси шишек остаются, по опадении семян вместе с чешуйками, 2 года висящими на дереве и наконец сваливаются с дерева самым легким ветром. Мужские цветы очень многочисленны, происходят из боковых почек, чаще на верхних сучьях, редко нисходя к нижним сучьям.

130. *Larix davurica* Turch.

Русское: Лиственница Даурская. *Гольдское:* Сиесе. *Гиляцкое:* Кой.

Китайское: Хоанг-холя-сунг.

Местонахождение: по всему Амуру, за исключением пространства между станницею Михайло-Семеновскою и устьем р. Хунгари, где она встречается довольно редко; по Усури несколько ниже устья р. Пора она встречается отдельными островками; в Императорской гавани она господствует в лесах; по Бикину она встречается еще под 46° сев. шир. и впоследствии открыта в хребтах водораздела рек Хунь-Чун и Приморских Амба, Мангу и других, впадающих в Амурский залив. Цветет в первой половине мая; плоды предыдущего года созревают в начале августа.

Описание: дерево, достигающее в высоту до 80–100 фут. и в диаметре до 4 фут., очень прямоствольное, довольно полнодревесное и с широкою развесистою вершиною. Употребляется как строевой лес на обыкновенные, в особенности же на капитальные постройки, как-то: для береговых укреплений (подводная часть) и на корабельное дело. Замечено, что растущая в тундрах близ Николаевска и Де-Кастри лиственница очень хрупка и лиственничные бревна часто отламываются по углам, что надо приписать излишней вредной мокроте почвы. Лиственница любит вообще места сырые, а на юге встречается лишь по открытым к северу местам, либо по очень низменным котловинам. Хвой очень густой; молодые шишки розовые; внутренняя часть коры розовая, и гиляки окрашивают ею разные предметы в грязно-розовую краску.

131. *Larix japonica* Bud.

Русское: Японская лиственница. *Китайское:* Хоанг-холя-сунг.

Местонахождение: по берегам залива Св. Ольги, к северу от залива Св. Владимира и в некоторых других местностях края, как напр., в хребте гор, отделяющем воды Хунь-Чуна от рек Амба, Мангу и других, впадающих в Амурский залив.

Описание: дерево до 100 фут. в высоту и 2–3 фут. в диаметре нижнем; шишки ее и хвой очень похожи на шишки и хвой лиственницы Маньчжурской, но шишки несколько мельче, а хвоя расположена тесными кольцами по молодым ветвям. Древесина крепка и тяжела, не так хрупка, как древесина лиственницы Маньчжурской, но часто деревья этой породы имеют спиральную погибь ствола, что делает их неудобными не только для распилки, но и как строевого леса.

132. *Pinus cembra* L. *Var. pumila.*

Русское: Кедровый сланец Цмebro. *Гольдское:* Больбенгкура.

Гиляцкое: Шим, Муцирус.

Местонахождение: по нижнему Амуру, близ Николаевска в хвойных лесах, по озеру Кизи на южной его стороне, по всему Амуру на скалистых скатах гор. Шишки предыдущего года созревают в половине июля.

Описание: достигает в высоту до 15 фут. и до 1/2 дюйм, в диаметре.

133. *Pinus sylvestris* L.

Русское: Сосна. *Гольдское:* Дшагда. *Китайское:* Бынг-Сунг.

Местонахождение: по верхнему Амуру, начиная от устья Зеи вверх, сосна встречается все чаще и чаще; вверх по р. Зее на 50 вер. выше ее устья в Амур на скалистых горах, на севере от нее, в высоких горах, по р. Бикину в истоках его, в хребте Сихотэ-Алинь, между устьями рек: Дауби и Лефу, Лефу и Суйфун, по скалистым вершинам высоких гор; в малой примеси, небольшими островками и единично встречается сосна в хребте Хехцир, по Уссури на сосновой горе (Бынг-Сунг-Сюй-Са); в верховьях одного из истоков р. Уссури – р. Сендо; по озеру Ханка близ поста Турий Рог. По р. Хунь-Чун весьма редко, по южному взморью близ устья р. Наэми, в верховьях Лефу, по Сосновому хребту и в системе р. Сиан. По нижнему Амуру сосны вовсе не найдено. Вообще, сосна составляет местную редкость, почему все внимание лесных чинов обращено на разсыкание соснового леса в удобных для доставки к портам местах. Цветет в мае; зрелые плоды в начале сентября.

Описание: дерево, достигающее строевых, корабельных и мачтовых размеров до 100 ф. и более в высоту и до 4 фут. в диаметре. Ствол очень прямой, полнодревесный и почти до самой макушки очищается от сучьев. Впрочем, в иных местах встречается сосна низкосучная и не прямоствольная, напр. на озере Ханка. Древесина здешней сосны качествами своими превосходит сосну русскую, хотя в ботаническом отношении здешняя сосна совершенно сходна с русской сосною.

134. *Pinus mandshurica* Rupr.

Русское: кедр Маньчжурский. *Гольдское:* Кольдонг. *Китайское:* Сунг-сунг.

Местонахождение: по нижнему Амуру, начиная от Мариинска и выше в хвойных, а иногда и в смешанных лиственных лесах, обыкновенно вместе с елью и пихтою. По южному Амуру на скалистых скатах Хинганского хребта. По Уссури и Бикину встречается редко в примеси к смешанным лиственным лесам, иногда вместе с елью и пихтою. На хребте Хехцир в смешанных хвойных и лиственных лесах. В разных местах Зауссурийского края даже до порта Мея (43° север. шир.) в хвойных, лиственных и смешанных лесах, составляя примесь к ним всегда впрочем не очень значительную. Любит защищенные местоположения, преимущественно западной покатости, но встречается и в горах по средним их покатостям. Цветет в мае; зрелые плоды в начале сентября.

Описание: дерево, достигающее строевых корабельных и мачтовых размеров до 100 фут. в высоту и до 3¹/₂ фут. в диаметре. Формою ствола и корою похож на сосну, но вершиною более похож на ель, только немногим выше последней, очищается от нижних сучьев, именно на 15–20 фут. Макушка кедра круглее, нежели у ели. Хвоя яркая, густая, светло-зеленая, иглы длиннее, нежели иглы сибирского кедра. Шишки на боковых ветвях верхних, редко средних сучьев, почти сидячие. Зрелые шишки яркого светло-зеленого цвета, значительно больше шишек сибирского кедра; орехи крупнее с более резкими гранями и с толстою скорлупою; орехи изобилуют кедровым маслом. Орехи составляют уже предмет торговли и продаются в Николаевске по 5 руб. с. за пуд. Только при недостатке сосны может быть употреблен на корабельное дело, хотя качество древесины кедра превосходное.

135. Juniperus davurica Pall.

Русское: Можжевельник Даурский. *Гольдское:* Эпангура. *Гиляцкое:* Анакура.

Местонахождение: по нижнему и верхнему Амуру и в хребте Хехиир. Цветет в мае; зрелые плоды в июле.

Описание: деревцо и кустарник, до 15 фут. высотой и до 1¹/₂ дюйм в диаметре.

136. Juniperus communis L.

Русское: Можжевельник обыкновенный. *Гольдское:* Эпангура. *Гиляцкое:* Анакура.

Местонахождение: по всему Амуру встречается только местами и притом, довольно редко. Цветет в мае; зрелые плоды довольно редки.

Описание: очень ветвистый кустарник, достигающий в высоту до 3–4 футов.

137. Juniperus arborea Bud.

Русское: Древоидный можжевельник.

Местонахождение: по берегам озера Ханка и, в некоторых других местностях Зауссурийского края, везде довольно редко и притом всегда только единичными экземплярами.

Описание: дерево, иногда достигающее размеров строевого леса до 5 саж. при 4 вершках в верхнем отрубе, обыкновенно же бывает меньших размеров. Ягоды и хвоя его весьма напоминают вид *Juniperus davurica*. Древесина красноватая и твердая, годная на мелкие поделки.

Следующие растения составляют собственно древесные породы, т. е. находятся в лесах Амурского и Приморского края или в виде высокоствольных деревьев, или, по крайней мере, малыми деревцами, но не кустарниками.

1. (4) *Tilia mandshurica* Rupr.
2. (5) *Tilia cordata* Rupr.
3. (8) *Acer spicatum* Lamark.
4. (9) *Acer tegmentosum* Maxim.
5. (10) *Acer Mono* Maxim.
6. (11) *Acer tataricum* var. *Ginnala* Rupr.
7. (12) *Negundo mandshurica* Bud.
8. (15) *Phellodendron amurense* Rupr.
9. (21) *Rhamnus davurica* Pall.
10. (22) *Juglans mandshurica* Maxim.
11. (23) *Juglans stenocarpa* Maxim.
12. (27) *Maackia amurensis* Rupr.
13. (29) *Prunus glandulifolia* Rupr.
14. (30) *Prunus (Padus) Maximovitchii* Rupr.
15. (31) *Prunus (Padus) Maackii* Rupr.
16. (32) *Prunus Padus* L.
17. (33) *Armeniaca vulgaris* Lam.
18. (46) *Crataegus sanguinea* Pall.
19. (48) *Pyrus baccata* L.
20. (49) *Pyrus ussuriensis* Maxim.
21. (51) *Pyrus aucuparia* L.
22. (65) *Dimorphantus mandshuricus* Maxim.
23. (66) *Arabia mandshurica* Maxim.
24. (89) *Syringa amurensis* Rupr.
25. (90) *Fraxynus mandshurica* Rupr.
26. (91) *Fraxynus sinensis* Maxim.
27. (99) *Quercus mongolica* Fisch.
28. (100) *Ostrya mandshurica* Bud.
29. (103) *Salix praecox* Hoppe.
30. (106) *Salix caprea* L.
31. (110) *Salix pyramidalis* Bud.
32. (111) *Populus tremula* L.
33. (112) *Populus suaveolens* Fisch.
34. (113) *Ulmus montana* With.
35. (114) *Ulmus campestris* Sm.
36. (115) *Ulmus suberosa* Ehrb.
37. (117) *Betula alba* L.
38. (118) *Betula davurica* Pall.
39. (119) *Betula Ermani* Cham.
40. (120) *Betula costata* Trautv.
41. (123) *Alnaster viridis* Turch.

- 42. (124) *Alnus incana* W.
- 43. (126) *Taxus baccata* L.
- 44. (127) *Abies sibirica* Led.
- 45. (128) *Picea obovata* Led.
- 46. (129) *Picea ajanensis* Fisch.
- 47. (130) *Larix davurica* Turch.
- 48. (131) *Larix japonica* Bud.
- 49. (133) *Pinus sylvestris* L.
- 50. (134) *Pinus mandshurica* Rupr.
- 51. (137) *Juniperus arborea* Bud.

Примечание: в скобах поставлены номера, под которыми растения значатся в этом описании.

Будищев

МАРШРУТЫ А.Ф. БУДИЩЕВА И СОТРУДНИКОВ ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНОЙ ПАРТИИ

1860 г.

А.Ф. Будищев. Вверх по Уссури и Сунгаче до ее истока (водным путем), по восточному берегу оз. Ханка, вверх по р. Лефу на р. Суйфун, вниз по р. Суйфун на Владивосток. Обратный путь – вверх по р. Суйфун до фанзы Суанчинза, по верховьям притоков р. Лефу на р. Дауби, вниз по р. Дауби, вниз по р. Уссури (водным путем) до 23 станции, далее верхом до станции Казакевича.

А.И. Корзун. Осмотрел леса по р. Пор, поднявшись на 50 верст, по р. Бикин и по Уссури до р. Има.

М.М. Любенский и А.Г. Петрович. Совместно обследовали местность вдоль Амура от Хабаровки до устья р. Дондон. Далее **Любенский** обследовал левый берег Амура, а **Петрович** правый. В рапортах Любенского приведено 15 обследованных местностей, в том числе реки Кур, Найхен (Дондон), Ниа (Хунгари), озера Синда, Нори (Булон-Оджал) и др. В последующем рапорте он сообщал, что обследовал еще р. Тудур и р. Горин до устья р. Боктор.

1861 г.

А.Ф. Будищев. От 20 станции Уссурийского казачьего батальона до Св. Ольги по рекам Уссури, Фудзи, Ле Фудзи и Уай Фудзи, от Св. Ольги вдоль берега Восточного океана до деревни Цимухи, от деревни Сучанхоуза вверх по реке Сучан с перевалом в долину реки Дауби и обратно, от Цимухи до Камень-Рыболова по рекам Циму, Маэ, Лефу через реки Пича и Мо и по рекам Лефанчи, вокруг озера Хинхай, по рекам Сунгача и Уссури до 23 станции Уссурийского казачьего батальона.

А.И. Корзун. От Хабаровки по Уссури, далее по Бикину вверх на 485 верст, обследованы часть правого берега в верховьях р. Има, верховья р. Пор в районе ее притока Кетен-Дабан. Попытка спуститься по ней в р. Пор закончилась неудачей с потоплением вещей и инструментов, отряд вернулся на р. Бики, по которой спустился на лодке на Уссури.

А.Г. Петрович. Выполнял маршрут из Де-Кастри в гавань Св. Ольги. Вдоль берега моря отряд дошел до ороченской деревни Хой. Отсюда перевалил через Сихотэ-Алинь на р. Хунгари, чтобы спуститься по ней на Амур. Попытка сплавиться по реке закончилась неудачей (потоплены имущество и материалы) и болезнью Петровича. Гольды на лодках спустили отряд Петровича до ст. Хунгари.

М.М. Любенский. Обследовал бассейны озер Кизи, Кади, Удыль, зал. Де-Кастри, побережье до мыса Невельского, нижнюю часть р. Амгунь.

1862 г.

А.Ф. Будищев. Работы проводились в юго-западной части Приморья от Сунгачинского поста вдоль государственной границы, в верховьях рек Амба и Мангу,

в районах Новгородского поста, Посьета, Славянки, Сидеми, по р. Суйфун до ее верховьев, р. Амбабила и в других местах.

А.И. Корзун. Описание лесов и местности по рекам Има, Ваку и их притокам.

А.Г. Петрович. Назначен наблюдателем за лесами в Императорской Гавани, но Будищев его считал по-прежнему командированным от Лесного департамента.

М.М. Любенский. Представил рапорт об итогах работы за 1860–1861 гг.

1863 г.

А.Ф. Будищев. В июне обследовал леса в районе Императорской гавани вместе с А.Г. Петровичем. Кроме того, им обследованы леса по р. Тумджи и в окрестностях Николаевска.

А.И. Корзун. Получил задание снять лесную площадь в бассейне оз. Эовве и организовать там заготовку леса.

А.Г. Петрович. Совершил маршрут от Императорской Гавани вдоль побережья до р. Ыкки.

М.М. Любенский. Назначен землемером Приморской области.

1864 г.

Обследовательских работ партия не вела. А.Ф. Будищев отбыл в европейскую часть России.

1865 г.

А.Ф. Будищев. Снова назначен в Приамурье на 5 лет для продолжения обследования лесов, о чем генерал-губернатор письмом от 3 августа 1865 г. уведомил военного губернатора Приморской области.

1866 г.

А.Ф. Будищев. Работал по югу Приморья.

1867 г.

А.Ф. Будищев. От Владивостока через пост Раздольный до Посьета, оттуда через верхне-корейское селение на Тизинхэ, р. Тумень и верхне-корейское селение, по р. Монгугай до поста Раздольного далее на Саньдогу через верховье Даубихэ, по Уссури до ст. Буссе и около оз. Ханка. Остался на зимовку в Казакевичево.

1868 г.

А.Ф. Будищев. Имеется документальное подтверждение того, что в феврале он находился в Шкотовской слободе. Это связано, вероятно, с ранним началом полевых работ.

*Ю.И. Манько,
доктор биол. наук, профессор*

ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЛЕСОУСТРОИТЕЛЬНОЙ ПАРТИИ: РАПОРТЫ, ПИСЬМА, ВЕДОМОСТИ, КАРТЫ

Министерство
государственных имуществ
Лесной департамент
Отделение IV
Стол 1

12 мая 1859 года
№ 414

О КОМАНДИРОВАНИИ В ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ ОФИЦЕРА И ТОПОГРАФОВ ДЛЯ ПРИВЕДЕНИЯ В ИЗВЕСТНОСТЬ ЛЕСОВ

Копия

Господину генерал-губернатору Восточной Сибири.

На основании ходатайства Вашего Сиятельства о назначении в Приморскую область Восточной Сибири, необходимого числа топографов с знающим лесную часть офицером для приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, на Амуре и его притоках, высочайше утвержденным журналом Сибирского комитета, состоявшимся вследствие внесенной мною записки по сему предмету, постановлено:

1) предоставить Министру государственных имуществ командировать для означенной цели в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири одного лесного офицера и трех топографов.

2) Чинам сим во время пребывания их в Амурской и Приморской областях производить получаемое ими ныне жалованье вдвойне, а лесному офицеру сверх того и добавочное содержание по 200 руб. в год, подобно тому, как получают таковое старшие офицеры корпуса лесничих, употребляемые для исполнения разных технических поручений. Независимо от сего, определенные законом при обыкновенных командировках суточные деньги по отдаленности края производить им вдвойне. При отправлении же сих чинов, им кроме двойных по положению прогонных денег, выдать на подъем годовой оклад жалованья, в размере, назначаемом к получению в том крае.

3) Получаемое означенными чинами по внутреннему положению содержание оставить по прежнему на суммах Министерства государственных имуществ, а все остальное отнести на счет суммы Государственного казначейства, внося оные в сумму Министерства государственных имуществ сверх нормального назначения.

4) На командируемых чинов распространить все права и преимущества военных и классов гражданских чиновников, состоящих на службе в Приморской области Восточной Сибири.

Вследствие сего, признавая в настоящее время возможным командировать в Приморскую область запасного лесничего штабс-капитана Будищева, классного топографа Корзуна, младшего запасного топографа Любенского и инженер-топографа Петровича, и сделав по этому распоряжение об отправлении в Ваше распоряжение г. Будищева из С-Петербурга, г. Корзуна из Тамбова, г. Любенского из Вологды и г. Петровича из Твери, с выдачею им пред отправлением на подъем по окладу годового жалованья, назначаемого к получению в Приморской области Восточной Сибири, и двойных, по положению, прогонных денег на две лошади, от мест командировок до Иркутска, в следующем размере: первому на подъем 511 р. 84 коп. и прогонов 484 р. 33 к., второму на подъем 400 р. и на прогоны 340 р. 63 коп., третьему на подъем 400 руб. и на прогоны 435 р. 4¹/₂ к. и наконец четвертому на подъем также 400 р. и на прогоны 432 р. 30 к., я, сообщая о сем Вашему Сиятельству, честь имею покорнейше просить Вас:

1) Во все время командировки означенных чинов производить им в год: штабс-капитану Будищеву 511 р. 84 к. жалованья в двойном размере, 200 р. 14 к. столовых, 200 р. добавочных и 81 р. квартирных в ординарном и 324 руб. суточных в двойном размере, а классному топографу Корзуну, младшему запасному топографу Любенскому и инженер-топографу Петровичу также в год каждому 400 р. жалованья и 180 р. суточных в двойном размере и 81 р. квартирных в ординарном. Кроме того, выдавать им по мере надобности примерные суммы на лесные разъезды, в израсходовании которых обязать их представлением установленных отчетов. Производство сие означенного содержания начать: штабс-капитану Будищеву с 8 мая сего года, то есть со времени отправления его из С-Петербурга, а топографам Корзуну, Любенскому и Петровичу со времени отправления их из Тамбова, Вологды и Твери, о чем подмечающие палаты вынесут Вашему Сиятельству.

2) Получаемое означенными чинами, по внутреннему положению, содержание оставить на суммах Министерства государственных имуществ, а все остальное отнести на счет сумм Государственного казначейства. Таким образом, к производству из сумм Министерства будет подлежать ежегодно штабс-капитану Будищеву 285 р. 92 к. жалованья, 200 р. 14 коп. столовых, 81 р. суточных, 81 руб. квартирных и 200 р. добавочных, топографам каждому: 200 р. жалованья, 45 р. суточных и 40 р. 50 к. квартирных; итого 1704 р. 56 коп. в год; из сумм же Государственного казначейства потребуется к ежегодному ассигнованию на содержание: штабс-капитана Будищева 285 р. 92 к. жалованья в ординарном числе и 243 р. суточных, и трем топографам, каждому по 200 р. жалованья, по 135 суточных и по 40 р. 50 к. квартирных, итого 1655 р. 42 к. и, кроме того, некоторая сумма на местные разъезды, имеющая определиться поверстным расчетом.

[...]*

4) По невозможности в настоящее время определить в точности сумму, подлежащую высылке на содержание означенных чинов из Министерства государственных

* Так в документе: после п. 2 идет п. 4. На документе «Отношение Министра государственных имуществ о командировании в Восточную Сибирь офицера и топографов для приведения в известность лесов. 12 мая 1859 г.» (ОКГУ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 61. К. 1655. Л. 20–21 об.) стоит метка «копия». Предположительно, в оригинале документа речь идет о материальном вознаграждении А.Ф. Будищева и командированных с ним топографов. – *Прим. Ю.И. Манько.*

имуществ и Государственного казначейства, как по неизвестности времени, когда топографы Корзун, Любенский и Петрович будут отправлены из Тамбова, Вологды и Твери, так и по совершенной невозможности определить размер расходов на местные разъезды командированных чинов, следующее им содержание, в вышеозначенном размере, Ваше Сиятельство, не оставите приказать производить из своих сумм, а по истечении года уведомить Министерство об употребленных на содержание их расходах для дальнейшего распоряжения о пополнении оных из подлежащих сумм и в то же время сообщить предположения о расходах на следующий год, для своевременного внесения оных, на основании вышеприведенного положения Сибирского комитета в смету Министерства государственных имуществ сверх нормального назначения.

При сем честь имею покорнейше просить Ваше Сиятельство не оставить уведомлением о времени прибытия к месту назначения командированных в Ваше распоряжение лиц.

[мелким шрифтом]

Подлинник подписали: Министр государственных имуществ,
генерал от инфантерии Муравьев и Директор, генерал-майор Неверовский

С подлинным верно:

Управляющий путевой канцеляриею Ген. Губ. Вост. Сибири

= Н. Спешнев =

Сентября 14, 1859

г. Николаевск

№ 601

15 сентября

Генерал-губернатора

Восточной Сибири

и

Командующего войсками

в оной

расположенными.

14 сентября 1859 года

№ 208

г. Николаевск

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири

Чсть имею препроводить при сем в копии к Вашему Превосходительству отношение ко мне Министерства государственных имуществ от 18 мая 1859 г. № 414. Из этого отношения Ваше Превосходительство усмотрите, что для приведения в известность лесов в Приморскую область назначены офицер и 3 топографа, жалованье которым и другие суммы, им следующие, определены в точности; прошу Ваше Превосходительство принять это к руководству при исполнении, заимствуя для сего расхода из имеющихся у Вас сумм военного капитала. По прибытии

означенных лиц в Приморскую область прошу Ваше Превосходительство распорядиться, чтобы они немедленно приступили к приведению в известность и описанию здешних лесов. Для сношений же от меня с кем следует, прошу Вас уведомлять меня по третям о суммах, которые Ваше Превосходительство означенным лицам выдавать будете, равно как прошу извещать меня и об успехах возложенных на них работ.

Генерал-адъютант г. Муравьев Амурский

№ 184
Главное управление
Восточной Сибири
IV отделение
Стол 2

22 Января 1860 г.
№ 119
г. Иркутск

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири

Значительная потребность строевого леса, вызываемая устройством нового Приамурского края, и важность сохранения лесов, как одного из главнейших предметов внутреннего потребления и внешней торговли, заставили главное начальство Восточной Сибири обратить особенное внимание на приведение лесов Приамурского края в надлежащую известность, установление порядка пользования ими и в особенности на необходимость принятия мер к сохранению корабельных лесов, имеющих первостепенную важность в видах будущего развития флота и портов наших на Восточном океане.

Для этой цели, по неимению в Приморской области чинов, на которых можно было бы возложить розыскание мест, отделение лесов корабельных и назначение правильной порубки, Его Сиятельство в минувшем году входил с представлением о назначении в его распоряжение знающего лесную часть офицера с потребным числом топографов.

Вследствие этого получено от г. Министра государственных имуществ отношение 12 мая 1859 г. за № 414 о назначении по Высочайше утвержденному положению Сибирского комитета одного лесного офицера и трех топографов в распоряжение г. генерал-губернатора, для приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, на Амуре и его притоках.

Об отношении этом Его Сиятельство поручил передать Вашему Превосходительству для зависящих распоряжений, а чинам лесной партии, по сей путности, указал начать работы от Хабаровки, по Амuru, Уссури и по берегам моря.

Передавая о сем Вашему Превосходству для зависящих распоряжений и препроводя список в отношение г. Министра государственных имуществ за № 414, необходимым нахожу присовокупить: 1. Чины Лесной партии, прибывшие в Иркутск, запасной лесничий штабс-капитан Будищев 1 августа, классный топограф Корзун 11 сентября, младший запасной топограф Любенский 2 октября и инженер-топограф

Петрович 8 октября 1859 г., удовлетворены уже всем положенным им содержанием в Иркутске за истекший 1859 г. и имеют вскоре отправиться в Приморскую область, где и поступят в Ваше распоряжение. При отправке им будут отпущены двойные прогоны от Иркутска до Хабаровки, а Любенскому еще от Хабаровки до Николаевска и обратно в Хабаровку на две лошади в ординарном размере, и всем содержание в необходимом количестве за первую треть 1860 г., т.е. по 1 мая сего года. По прибытии к месту назначения, все положенное этим чинам содержание за надлежащим вычетом должно быть отпускаемо уже в Приморской области с того самого времени, по которое они удовлетворены в Иркутске, о чем из Иркутской казенной палаты будет доставлено к Вашему Превосходительству сведение, и для расходов назначится определенная сумма.

2. На содержание сих чинов в 1860 г., как известно, сумма в положенном количестве уже назначена, за надлежащим вычетом, и кроме того включено примерно 1500 руб. серебром на разъезды. Из сих последних денег должны быть выдаваемы, по усмотрению Вашему, примерные суммы при книгах с тем, чтобы чины партии о расходе их представляли Вам установленные отчеты.

3. Для успешного хода дела по приведению в известность лесов нужно определить круг действий чинов лесной партии, взаимные их отношения, наблюдения и отчетность. Для всего этого следует снабдить их надлежащею инструкцией, составление коей и снабжение оною чинов предоставляется ближайшему усмотрению Вашего Превосходительства, сообразно местным условиям и средствам, и о том, что будет в этом отношении признано нужным, не оставьте довести до сведения Главного Управления. За сим от Вас зависеть будет наблюдение за ходом этого дела и руководство чинами партии в необходимых случаях.

4. При разъездах чинов партии будет предстоять надобность во время занятий по приведению в известность лесов иметь людей; по этому должны быть командированы нижние чины от расположенных в районе места работы регулярных и иррегулярных войск.

5. Для доставления Министерству государственных имуществ, Главному управлению необходимо иметь сведения как о ходе работы по описанию лесов в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири, так и о расходах, употребленных на содержание чинов лесной партии, поэтому не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству доставлять отчетность о сих предметах в Главное управление ежегодно к 1 ноября.

6. В настоящее время предположено сделать распоряжения об отправлении чинов лесной партии в вверенную Вашему управлению область, но, по не доставлению из С.-Петербурга инструментов для чинов сей партии, необходимо одному из них остаться в Иркутске, для принятия и доставления затем ожидаемых инструментов до Хабаровки, откуда, согласно воле Его Сиятельства, должны начаться работы одновременно: 1) по Амуру до Николаевска и далее по берегам Восточного океана и 2) вверх по Уссури к границам Кореи и тоже по берегам Восточного океана.

7. Чинам лесной партии, при исполнении возложенного на них поручения, надлежит пользоваться правами и руководствоваться инструкциями, циркулярами и постановлениями Министерства государственных имуществ, ныне существующими для подобного рода поручений во внутренних губерниях России, разумеется, соображаясь с местными условиями. При чем, для соображения, прилагается здесь копия с циркулярного предписания Министерства государственных имуществ 24 марта 1859 г. за № 8886.

8. В заключение, прошу Ваше Превосходительство озаботиться обеспечением продовольствием своевременными распоряжениями для всех чинов лесной партии и имеющих к ним назначиться нижних чинов; о чем, для выиграния времени, много вместе с сим дано знать командиру №3 Линейного батальона майору Дьяченке.

Председательствующий,
Свиты Его Величества
генерал-майор Корсаков
Член Совета, управляющий отделением В. Гаустин

Его Превосходительству
г. военному губернатору Приморской области Командиру портов Восточного океана контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу.
Корпуса лесничих штабс-капитана Будищева

Рапорт

Чсть имею донести Вашему Превосходительству, что 25 мая сего года я прибыл в Хабаровку и доставил сюда же съемочные инструменты, а именно:

- а) Три мензулы;
- б) Два теодолита;
- в) Один нивелир;
- г) Четыре компаса;
- д) Один экер;
- е) Четыре барометра;

со всеми к ним принадлежностями.

Инструменты доставлены целыми и в надлежащей исправности. Из суммы, ассигнованной под своз инструментов от Иркутска до Хабаровки мне в Иркутске, по распоряжению Его Превосходительства г. председательствующего в Совете, а именно прогонов на 6 лошадей 437 р. 60¹/₄ к., мною на проезд до Хабаровки израсходовано сверх прогонов, ассигнованных собственно мне, еще 27 р. 60¹/₄ коп., остальные за тем деньги 410 руб. сер. сданы мною г. исправляющему должность казначея Линейного №3 батальона. О назначении этой суммы буду ожидать начальнического распоряжения Вашего Превосходительства. Немедленно, по получении от Вашего Превосходительства подробных инструкций действиям моим по описанию лесов, я имею отправиться из Хабаровки, и начать работы.

Считаю долгом донести Вашему Превосходительству, что Его Сиятельство г. генерал-губернатор лично приказывал мне: на первое время ограничиться рекогносцировочной и глазомерной съемкой; обращать наибольшее внимание на лес, годный для кораблестроения; и мне отправиться к южным портам.

Корпуса лесничих штабс-капитан Будищев
№ 19
1 июня 1860 года

Его Превосходительству
господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири
и командиру портов Восточного океана
контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу
Корпуса лесничих штабс-капитана Будищева

Рапорт

В дополнение к рапорту моему от 1 июня за №19, честь имею донести Вашему Превосходительству, что не получая до сего времени ожидаемой от Вас инструкции для действий по описанию лесов, я решился воспользоваться удобным случаем подняться по Усури и Сунгаче до Ханка вместе с посылаемым от Генерального штаба офицером Доржитаровым. Ожидаемую же инструкцию я просил г. майора Дьяченко прислать при первом удобном случае до Ханка, откуда уже легко будет мне получить ее. От г. майора Дьяченко получил я 5 человек рядовых с топорами, 4 лошадей с седлами для вьюков, отправленных на Ханка заранее. Люди с провиантом на 3 месяца помещаются вместе с 20 людьми Доржитарова, всего на 2 лодках, причем мы взаимно облегчаем и труды, и заботы поднятия вверх по реке. Единственный расход я позволил себе сделать, это взял 45 руб. порционных для 5 нижних чинов на 4 месяца. Деньги эти взяты мною из суммы 410 руб., хранящихся в Хабаровке у исправляющего должность батальонного казначея.

Корпуса лесничих штабс-капитан Будищев
№ 22
7 июня 1860 г.
С. Хабаровка

Его Высокоблагородию
Господину управляющему Приморской областью Восточной Сибири Капитану
1го ранга и кавалеру Петровскому
Штабс-капитана корпуса лесничих Будищева

Рапорт

Честь имею донести Вашему Высокоблагородию, в исполнение личного Вашего разрешения на представление мое о предполагаемых в текущем году работах по осмотру лесов здешнего края, что на основании взаимного соглашения между всеми чинами лесной партии положено распределить эти работы между нами следующим образом:

1) Я – должен отправиться и в этом году, как и в прошлом, на основании приказания Его Сиятельства г. генерал-губернатора, для осмотра южной части вновь приобретенного края, именно: по государственной границе от Китайской империи, вновь пролагаемой в нынешнее лето Пограничной комиссией под начальством г. полковника Генерального штаба Будогосского, кроме того совершить путь горами от Порта Мея (Владивостока) до гавани Св. Ольги, исследуя при этом верховья и истоки рек Лефу и Дауби и речек, текущих с хребта к морю, и поднявшись из гавани

Св. Ольги по р. Вайфудин, исследовать речки Лефудин и Сендо, составляющие истоки Уссури, и верхнее течение Уссури до устья Дауби, отсюда же местность мною уже осмотрена и описана. Путь мой по названным здесь линиям составит около 2000 верст, которые я должен вновь описать и составить пройденному пространству глазомерной съемки маршруты и общую карту в 10-верстном масштабе. В число этого пути я не включаю подъема вверх по Уссури и Сунгача до 5го поста на озере Ханка (около 700 вер.) и описанного уже мною пути от устья Дауби по Уссури до Хабаровки (около 560 вер.). Как уже я имел честь объяснить и покорнейше просить Вас лично 25 февраля сего года о дозволении мне следовать тотчас же в Хабаровку зимним путем, дабы чрез это успеть окончить непременно в течение нынешнего лета предположенный мною путь, то теперь я не повторяю своей просьбы, когда нельзя уже надеяться прибыть в Хабаровку зимним путем, по случаю скорого наступления ранней в нынешнем году весны, а только покорно прошу Вас сложить с меня ответственность перед г. контр-адмиралом Казакевичем в том, что я не озаботился своевременно явиться в Хабаровку для возможно раннего приступления к работам. Поставленное же Вами неизменным условием представление мною отчета о прошлогодних работах я выполнить не мог, дабы излишней поспешностью не испортить своего серьезного и долгого труда. Отчет свой я полагаю представить не раньше как через 2 недели, о чем я своевременно объясню лично г. контр-адмиралу Казакевичу.

Но дабы не потерять мне еще весною драгоценного для работы времени, имею честь просить Вас без замедления предписать г. командиру Линейного №3 батальона майору Дьяченко о том, чтобы он отправил в верхнюю по Уссури станицу Буссе №23 – 6 человек нижних чинов и провиант для них на 2^{1/2} месяца и 3 исправных вьючных лошади с седлами, вьюками и кожаными сумами для помещения провианта, не ожидая моего прибытия в Хабаровку, а мне дать предписание отправиться в Хабаровку с первым весенним путем, и там я могу получить окончательные по возложенному на меня поручению приказания от г. контр-адмирала Казакевича, или же от г. помощника генерал-губернатора, имеющих прибыть в Хабаровку раннею весной.

Еще имею честь просить Вас озаботиться тем, чтобы меня с командой нижних чинов снабжали провиантом в гавани Св. Ольги, Порте Мея, в местах расположения Уссурийского казачьего батальона или в других пунктах русских владений южной части вновь приобретенного края, так как на 3 лошадях можно поднять провианта для 6 человек только на 2^{1/2} месяца, отнюдь не более, а путь мой может продолжиться более 5 месяцев. На этот предмет прошу Вас снабдить меня предписанием. Обстоятельство это для нас очень важно, почему осмелюсь Вам напомнить, что не сделав этого распоряжения, Вы подвергнете меня с командой после тяжелых походов и всяких лишений риску где-нибудь в Гавани умереть с голоду. Предположенный мною путь может начаться, смотря по удобству, или с государственной границы с тем, чтобы вернуться из гавани Св. Ольги чрез Вайфудин и Уссури, или обратным путем от гавани Св. Ольги, через залив Владивосток и гавань Посьета вернуться по государственной границе, что для сущности работ одно и то же.

2) Г. топограф Любенский должен окончить осмотр лесов по берегам Амура от Мариинского поста до Николаевска, отсюда пройти сухопутно в гавань Де-Кастри и вернувшись по просеке к озеру Кизи, осмотреть подробно берега озера Кизи. По окончании этого пути он должен подняться по р. Амгуни на сколько успеет. Путь г. Любенского должен составить около 1000 вер. Оставшееся же свободным время г. Любенский употребит на пристани и указание мест, удобных для вырубki

и вывозки казенными средствами до места сплачивания плотов леса строевого, или корабельного по всему Амуру, преимущественно же там, где сосредоточены будут к реке рабочие плоты. В этих местах с осени должны быть выстроены зимовья для помещения людей по указанию г. Любенского. Для пути г. Любенскому нужны: лодка с парусами и 1 или 2 лошади для подъема провианта по непродолжительным предстоящим ему линиям.

3) г. Топограф Корзун имеет отправиться так же как и в прошлом году по притокам Уссури, начав с той же реки Бики, по которой он в прошлом году поднимался в лодке, теперь же должен будет подняться сухопутно, имея у себя 2 вьючных лошади и оморочу, или легкую гольдскую лодку, которую с провиантом для 5 человек нижних чинов могли бы поднять вверх по воде 2 человека и завести как можно дальше в истоки реки. От верховьев р. Бики г. Корзун пройдет с лошадьми по хребту гор до истоков р. Пор, стараясь исследовать оба склона хребта к морю и к Уссури. Вернувшись с верховьев р. Пор опять на р. Бики, где в это время провиант может оставаться в безопасном складе, он пойдет по хребту же, исследуя оба его склона к морю и к Уссури, до истоков р. Има, по которой спустится к Уссури и по Уссури вернется в Хабаровку. Весь его путь составит около 1500 вер., не считая пути по Уссури вперед до устья р. Бики (250 в.) и в обратный путь от устья р. Има (380 в.). В случае позднего отправления г. Корзун на верховья р. Пор не пойдет, а ограничится исследованием рек Бики и Има. Г. Корзуна тоже имею честь просить Вас снабдить предписанием для получения провианта для его команды в местах расположения Уссурийского казачьего батальона. О имени в готовности исправных 2 лошадей имею честь просить Вас предписать теперь же г. майору Дьяченко.

4) Г. топограф Петрович осмотрит берега Восточного океана от залива Де-Кастри до гавани Св. Ольги, перейдя этот путь горами, где берега моря будут недоступны по причине тундр, с 5 нижними чинами Линейного батальона №3 из 4^й роты, расположенной в г. Софийске, и 3 вьючными лошадьми, начав свой путь по проложенной дороге к заливу Де-Кастри. Весь путь его составит около 1500 вер. В гавани Св. Ольги г. Петровичу следует запастись провиантом, и потому имею честь просить Вас снабдить его на сей предмет открытым предписанием, потом по усмотрению Вашему г. Петрович вернется или морским путем в Николаевск, если к сентябрю месяцу будет в гавани Св. Ольги пароход, или судно, которые могли бы его с командой принять на свой борт и доставить в Николаевск, или же сухопутно чрез реки Вайфудин, Лефудин и Уссури в Хабаровку. О имени в готовности исправных 3 вьючных лошадей для г. Петровича имею честь просить Вас предписать тотчас же г. командиру 4^й роты Линейного №3 батальона штабс-капитану Танскому.

Если исполнится означенное здесь с общего согласия всех чинов лесной партии предположение о работах текущего лета, то к 1862 году будут осмотрены леса здешнего края по всем главным линиям, означенным в инструкции, составленной по возложенному на нас поручению г. контр-адмиралом Казакевичем, даже против инструкции будет осмотрено значительно большее число мест.

Перед отправлением всех нас в экспедиции, имею честь просить Ваше Высокоблагородие выдать нам, по примеру прошедшего года, вперед содержание за майскую треть сего года и по 255 руб. операционной суммы каждому с шнуровыми тетрадами для записки их на приход.

Еще покорнейше прошу Вас почтить меня уведомлением сделали ли Вы представление в Министерство государственных имуществ о разрешении нам расходовать безотчетно на основании циркуляра этого Министерства разъездные и канце-

лярские деньги, а если нет, то дозволения мне самому войти с представлением по этому предмету в Министерство государств. имуществ. О чем имею честь Вашему Высокоблагородию донести.

Корпуса лесничих штабс-капитан Будищев
№ 3
5 марта 1861 года
г. Николаевск

Его Превосходительству
Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири.
Классного топографа Корзуна

Рапорт

Согласно распоряжению Вашего Превосходительства 18 мая я отправился из Мариинска в Хабаровку, прибыв куда 28 мая, я получил, от командира №3 Линейного батальона, 5 человек нижних чинов с продовольствием для них на время пути и 2 вьючных лошади, и немедленно по маршруту, назначенному корпусу лесничих штабс-капитаном Будищевым, отправился для описания лесов и местностей при-токов р. Уссури.

Лодок в Хабаровке я не мог получить, а должен был купить на счет разъездных денег в окрестности у гольдов, для чего, а равно и для отыскания себе переводчика, я ездил в ближайшую гольдскую деревню Дзаодза.

Топограф губернский секретарь Корзун
№ 15
Числа 29 мая 1861 года
С. Хабаровка

Его Превосходительству
Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири
Свиты его Величества контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу.
Корпуса лесничих штабс-капитана Будищева

Рапорт

Вашему Превосходительству честь имею донести, что, прибыв 29 мая на первоотшедшем из Мариинского поста пароходе «Амур» в Хабаровку и нашедши распоряжение г. управляющего областью от 16 марта касательно отправления лошадей вьючных в ст. Буссе неисполненным, потому что оно прибыло в Хабаровку на одном со мною пароходе, я по личному объяснению с г. командиром Линейного №3 батальона, нашел необходимым употребить хранящиеся у г. казначея этого батальона деньги, о которых я Вам своевременно доносил, на покупку в верхних Уссурийских станицах 3 лошадей, действительно способных к перенесению трудного и дальнего пути чрез гавань Св. Ольги, Порт Мей, по государственной границе от Китайской империи до озера Ханка. По отзыву г. майора Дьяченко, лошадей надо доставить с 6^и ниже Хабаровки станции до станции Буссе; почти на 600 верст, следовательно, лошади при самом начале пути будут изнуренные, дело это замедлится, и я отнюдь

не успею окончить возложенного на меня поручения. К сожалению, я не имел счастья застать Ваше Превосходительство в Хабаровке и представить это дело на личное Ваше разрешение, потому покорнейше прошу Вас не оставить утвердить Вашим согласием вынужденную обстоятельствами меру.

Штабс-капитан корпуса лесничих Будищев

№ 29

31 мая 1861 года

С. Хабаровка

Его Превосходительству
Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири.
Лесостроительной партии титулярного советника Любенского

Рапорт

Так как осмотр лесов и местностей нынешнего лета предполагаю я окончить с прибытием моим в г. Николаевск или в какой-нибудь пункт его окрестностей, то для пользы службы, а в особенности, при составлении подробной карты обзора осмотренных мест и составления описания долины Амура от Хабаровки до устья и морских берегов, необходимо будущую зиму провести лишь в г. Николаевске.

Если Вашему Превосходительству угодно будут таковые мои предположения, признать справедливыми; то всепокорнейше прошу уведомить меня заблаговременно, дабы я мог распорядиться отправкою имущества, оставленного в Мариинском посту, по летнему пути в г. Николаевск, или же приказать местному начальству Мариинского поста отправить мое имущество на каком-либо пароходе и сдать в Николаевск в казенное складочное место.

Титулярный советник Любенский

2 июня 1861 года

№ 31

Пост Мариинский

Его Превосходительству
Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири.
Лесостроительной партии титулярного советника Любенского

Рапорт

Чсть имею донести Вашему Превосходительству, что я сего числа, 2 июня текущего года, с прикомандированными ко мне 8^ю нижними чинами Линейного № 4 батальона, отправился для осмотра лесов и местностей.

Первое направление моего движения: осмотр озера Кизи, его окрестностей, также залива Де-Кастри, морских берегов до мыса Невельского, оттуда предполагаю сухим путем перевалить в озеро Када и продолжить путь по Амуру, не упуская из вида обеих сторон р. Амура, где только возможно – осматривая озера и реки долины Амурской.

Долгом считаю довести до сведения Вашего Превосходительства, что мне в нынешнем году, по это время, не выслано было открытое предписание, а по сему, чсть

имею всепокорнейше просить с первой отходящею почтою, выслать в Мариинский пост таковое предписание – дабы я мог воспользоваться во время пути содействиями, исполнительностью моих законных требований от лиц военного, гражданского и морского ведомства, служащих в Приморской области.

Титулярный советник Любенский

2 июня 1861 года

№ 30

П. Мариинский

Его Превосходительству

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири,

Свиты Его Величества контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу

Корпуса лесничих штабс-капитана Будищева

Рапорт

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что я нахожусь теперь по р. Уссури, близ устья в нее р. Дзябигу, в китайской фанзе Дзябигухоуза, не имея никакой возможности двинуться дальше вперед для исполнения возложенного на меня поручения. С самого начала командировки нынешнего года меня преследовали постоянные неудачи. Пароход «Амур» пришел в Мариинск очень поздно, именно 18 мая, и вышел из Мариинска 19 мая; сделал путь до Хабаровки по случаю буксирования артиллерийского флашкоута очень медленно, именно прибыл в Хабаровку на ночь 29 мая. По прибытии в Хабаровку я нашел, что для моей командировки не было приготовлено ровно ничего, оттого что по отзыву г. майора Дьяченко распоряжения об этих приготовлениях, сделанные г. капитаном 1го ранга Петровским, достигли Хабаровки вместе со мной на пароходе Амур. Изготовив все для командировки поспешно и потому самому, а также и по неимению средств как казенных, так и материальных, в плохом виде, так, напр., седла и сумы для вьюков пошли с нами, бывшие в употреблении в экспедициях 1859 и 1860 годов и чрез то пришедшие почти в совершенную негодность, я все-таки решился идти и с плохими материалами, нежели сидеть без дела в Хабаровке. Лошадей, которых не было в Хабаровке и которых доставка до 23 станицы могла замедлиться до конца июля, я решился купить, о чем тогда же донес Вашему Превосходительству в Николаевске. Употребив в верхних станицах на покупку 3 лошадей 220 руб., я отправился сухопутно из 20 станицы 20 июня, тоже чрезвычайно поздно, потому что пароход «Онон» пришедший в Хабаровку 2 июня, там починялся и отправился только 6 июня; до 20 станицы по Уссури шел 9 дней, часто починяясь во время этого пути. В 20 станице я долго ожидал одного из рядовых с одним закупленным мною в Никольской станице конем, именно до 20го июня и не дождавшись ушел дальше; этот рядовой нагнал нас в 23^ю станице 23го июня, когда мы отправились дальше по устью р. Сунгача. Тут все время пути нас преследовали дожди проливные, продолжавшиеся иногда по несколько суток безостановочно и редко (всего 2–3 дня) прекращавшиеся на целые сутки. При такой неблагоприятной погоде обыкновенно легко проходимые места от излишней мокроты (вода в лугах стояла по колено) и от образовавшихся во всех горных падах и низменностях глубоких ручьев и топких болот стали вовсе недоступны. Вьюки, постоянно мокрые, стали вдвое тяжелее. Провизия постоянно портилась и иногда пропадала без употребления. Одежда и обувь людей страшно страдали. Делая обходы недоступных

по излишней мокроте меж горами, мы подверглись другого рода неудобствам. Горы близ устья р. Дауби и выше по Уссури до самой р. Дзябигу на обоих берегах круты и утесисты, местными жителями считаются непроходимыми, кроме одной тропы чрез д. Бай-Дзынь-Тхунг на д. Дзябигу-Хоуза. На первую из этих деревень мы не могли попасть, оттого что она лежит на правом берегу Уссури, а мы шли левым ее берегом, а самая река в этом месте недоступна по причине образовавшихся от дождей болот и глубоких проток и заливов. Поэтому мы подвигались далее левым берегом Уссури чрез д. Танхоуза медленно и с большими трудностями, пока, на наше счастье, проплывавшие мимо нас 2 лодки гольдов не увидели нас и не перевезли нас на тот берег чрез быструю и очень глубокую Уссури в месте с удобными для переплавки коней берегами почти на половине расстояния между названными уже деревнями Бай-Дзынь-Тхунг и Дзябигу, и, наконец, тоже не без трудностей, достигли последней деревни, где и теперь находимся, 1го июля. Речка Дзябигу от ливших перед тем 2 суток дождей разлилась по окружающему ее лесу, разбилась на протоки, очень глубокие с отвесными брегами, по оврагам, сухим в теплые дни. По указанию китайцев, лучше нас знакомых с местом, живущих у самой р. Дзябигу, мы стали плавить коней, но они, утомленные предыдущим трудным путем, были снесены быстринной воды вниз по течению, один из коней был нанесен на корягу, о которую убился до смерти, остальных успели кое-как спасти, вытащив их назад на правый берег р. Дзябигу. По 16^е число июня лили непрерывно проливные дожди; вода прибыла страшно. Уссури тоже разлилась. Вода из Уссури и Дзябигу затопила большую часть пашни китайцев и много ее испортила и истребила. Плавить коней и думать нельзя было. После 2 дней без дождя, хотя и не совсем ясных, вода немного сбывла (на 1 аршин), тогда мы решились переплавить коней и совершили переправу благополучно. Но когда я собрался идти дальше в д. Наутухоуза, китайцы решительно не пустили меня, уверяя, что пройти невозможно, что р. Науту гораздо хуже р. Дзябигу. Нечего делать, я послушал совета местных жителей и послал в д. Наутухоуза только 2 пеших людей. Через 3 дня 19 июля вечером люди вернулись и донесли, что р. Науту и ее рукав недоступны совершенно и что чрез них даже на лодке попасть нельзя: вода из обоих рукавов р. Науту затопила почти весь остров между этими рукавами, и теперь по всему лесу под крутыми утесами, как на правом берегу правого, так и на левом берегу левого рукава. Уссури выше устья р. Науту тоже разлилась по всей долине и затопила везде имеющуюся между фанзами тропу. Горы кругом утесисты и для коней непроходимы; легко проходимые места затоплены водою. Только эти физические неодолимые препятствия заставляют меня воскидать в фанзе Дзябигухоуза нескольких ясных дней, которых до этих пор уже 3 недели не было, чтобы иметь возможность двинуться дальше. Во всяком случае, окончить предположенный мною путь в этом году мне, если удастся, то не ранее начала декабря месяца. Если же дожди и большая вода будут продолжаться все лето и всю осень этого года, или если трудно, или даже невозможно будет доставать от китайцев провизию для себя и для людей, то мне неизбежно для спасения себя и людей, мне доверенных, от голодной смерти, вернуться в 23 станицу. Разумеется, последнее средство будет употреблено в крайнем только случае. Теперь полученная из Линейного №3 батальона провизия для людей кончена; у китайцев куплен 1 пуд буды, с которой в хорошее сухое время можно выйти без особых несчастий и в гавань Св. Ольги и в 23 станицу по Уссури. 2 из людей: рядовых Высоцкого и Тальца я посылаю вниз по Уссури с этим рапортом, а с остальными 3 рядовыми буду выжидать возможности идти дальше. Имею честь просить Ваше Превосходительство дозволить мне окончить возложенное на меня поручение зимним путем этого года, если по несчастью летом и осенью это окажется

невозможным. Для этого разрешить мне покупку, или наем по р. Уссури ездовых собак, нарты и наем проводника гольда, кроме того, так как корм для собак зимой нужно вести на нарте с собой, то почтительно прошу Вас сделать распоряжение о доставлении из г. Николаевска на пароходе рыбьих костей, употребляемых гиляками для корма собак, 250 штук в гавань Св. Ольги и 250 штук в порт Владивосток. По случаю позднего прибытия моего в 23 станицу, содержание за сентябрьскую сего года треть (в число того 100 руб. серебряной монетой), покорнейше прошу выслать, если возможно на пароходе «Онон», который теперь в Николаевске, ибо в конце августа я буду иметь нужду в деньгах. Содержание это прошу Вас адресовать в 23^ю, или не ниже 19^н станицы по Уссури. Почтительно прошу Ваше Превосходительство меня уведомить, дозволяете ли Вы мне окончить возложенное на меня поручение зимою, что, во-первых, будет вынуждено необходимостью, а во-вторых, будет гораздо удобнее, легче и дешевле, да и скорее, если исполнится моя просьба о доставлении из Николаевска в названные выше места рыбьих костей для корма собак, о чем покорнейше прошу тоже меня заблаговременно уведомить, так как без этого я и отправляться в путь на собаках не должен. Породы леса лиственные уже до такой степени мною изучены и усвоены, что и без листвы я сумею различить их на столько, на сколько нужно для глазомерного не подробного описания лесов; а хвойные, важнейшие для моего дела, породы леса зимою еще заметнее, нежели летом. Убедительнейше прошу Ваше Превосходительство разрешить мне просимое и помочь мне в исполнении долга службы. Если будет возможность, то в нынешнем же году, сделаю зимнюю поездку вверх по р. Акули, притоку р. Има, и до залива Пластун, что составит границу предположенного мною для осмотра южного участка. Таким образом постараюсь исполнить Вашу волю, чтобы описание лесов было окончено непременно в этом году.

Прошу Ваше Превосходительство извинить мне отступление от формальности: пишу карандашом, по невозможности достать туши и пера.

Корпуса лесничих штабс-капитан Будищев

№ 33

20 июля 1861 года

Фанза Дзябигу на Уссури

Его Превосходительству господину военному губернатору
Приморской области Восточной Сибири свиты Его Величества
контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу
Классного топографа Корзуна

Рапорт

Честь имею почтительнейше донести, что, согласно распоряжению Вашего Превосходительства, мною осмотрены нынешнего лета местность и леса по притокам реки Уссури: р. Бики от ее устья вверх по течению на 485 верст, часть правого берега р. Има в верховье ее и верховья р. Пор (Хоро), именно речку Кетен-Дабан приток Пора. Подробное описание и маршрут пройденного пространства по возможности в скорейшем времени будут представлены Вашему Превосходительству.

Распоряжением господина управляющего областью капитана 1го ранга Петровского назначено было получить в Хабаровке 5 человек нижних чинов с продовольствием для них на время пути, 2 вьючных лошади и лодку. Лодки, необходимой для меня, в Хабаровке не было, а потому я должен был сам купить на счет разъездных

денег в окрестности у гольдов. Проводника и переводчика постоянного я не мог найти на Уссури; гольды опасались наниматься ко мне, потому что маньчжурские нойоны заказали им не отлучаться никуда из домов и не содействовать русским ни в чем, в особенности запретили указывать места. По этому случаю я должен был отправиться в путь без проводника-переводчика. Получив лошадей и людей в Хабаровке, 6го числа июня я отправился в командировку. Пройдя вверх по реке Бики на 67 верст с лошадьми, один из моей команды рядовой заболел ногою, одна лошадь оказалась совершенно негодной, слабой – не могла идти с самым легким вьюком, и небольшая часть провизии была нечаянно потоплена. Излишняя сырость в болотах и на лугах не позволила везде проходить сухим путем с вьючными лошадьми. Не желая останавливать хода работы, чтобы возвращаться в Хабаровку для пополнения провизии, перемены человека и лошади, я решился остаться с 4 человеками без лошадей, а больного с лошадьми отправить на Уссури. Дойдя до фанзы Чамудынзда на 363 версты от устья р. Бики из моей команды 2 человека заболело (один сильной лихорадкой, а другой горячкой), которых я отправил на лодке с наемными китайцами на Уссури, затем оставшись только с 2 человеками, способными к работе, по очень быстрой реке с весьма большими затруднениями, очень медленно должен был подвигаться вперед к верховьям р. Бики. Дойдя до верховья р. Бики и осмотрев ветвь водораздельного хребта Кетен-Линь, я предполагал сделать перевал на р. Пор, по которой и спуститься на р. Уссури. Переход на р. Пор сухим путем совершенно невозможен был для нынешнего лета, потому что берега р. Пор и притоков его в том месте низменные и болотистые и были покрыты водой. Для облегчения перехода на р. Пор я перешел хребет Кетен-Линь и, дойдя до речки Кетен-Дабан, предполагал по ней сплыть на плотиках в р. Пор, для чего, устроив два маленькие и легкие плотики один в 3 бревна, а другой в 6 бревен 5-аршинных, и нагрузив их провизией и вещами, начал спускаться, но, проплыв не больше 6 верст вниз, один большой плотик с провизией, топорами и с разными моими собственными вещами и инструментами был опрокинут, и все утонуло, унесло под коряжник. Оставшись без провизии и топоров на берегу речки Кетен-Дабан в совершенно безлюдном месте, я должен был скорее спешить выйти в жилое место, чтобы избежать голодной смерти. 4го числа августа, т.е. в тот день, когда все было потоплено у меня, немедленно я отправился разыскивать удобного перехода на р. Пор сухим путем. После непродолжительного времени я убедился окончательно, что выход сухим путем на р. Пор был невозможен, и сплав по нему труднее, тем более, что река совершенно мне не знакома и у нас не было уже топоров – не было чем строить плотиков и прочищать дороги, и лодок негде достать было. 5 августа в полдень, возвратившись к своему табору, немедленно отправился я с людьми к ближайшему знакомому мне месту на р. Бики, где, достав лодку, спешил выехать скорее на Уссури.

Из казенных вещей утоплено было: 2 топора, буравчик и пила. Часть казенных вещей, уцелевших на втором плотике, по тяжести их оставлены на месте. Именно: осталось 5 простых кулей, парус, палатка и несколько бичевы. Уцелевшие вещи оставлены потому, что от сильного дождя все перемокло и было страшно тяжело, а выход был весьма труден, вода вышла из берегов речки и покрыла ровное лесное пространство до гор. С трудом возможно было идти только с самой небольшой ношей. Кроме того, товар, который был взят мною вместо серебра для подарков и уплаты инородцам за их услуги, был подмочен, и часть его оставлена на берегу р. Кетен-Дабан. Гербарий, собранный мною нынешнего лета по пройденному пространству, и некоторые мои путевые заметки погибли вместе с сухарями и крупой.

16го числа августа я прибыл больной в Хабаровку, но, не найдя там никакого распоряжения начальства насчет дальнейших моих занятий, того же числа я отправился

в Мариинский пост, куда и прибыл 20 августа. Не найдя и в Мариинске никакого мне приказа начальства, честь имею почтительнейше просить Вашего Превосходительства уведомить меня, где я должен заниматься составлением отчетов.

Топограф губернский секретарь Корзун

№ 17

Августа 26 дня

1861 года

Господину управляющему Приморскою областью Восточной Сибири
Лесоустроительной партии классного топографа Петровича

Рапорт

Честь имею донести Вашему Высокоблагородию о моем возвращении из командировки, об обстоятельствах, при которых она совершалась, и о результатах ее. Согласно назначению Вашего Высокоблагородия, я занялся в текущее лето осмотром лесов по берегу Восточного океана от залива Де-Кастри, держась направления, предписанного Вами; от залива Де-Кастри я шел береговыми хребтами, удаляясь на некоторое расстояние от морского берега только там, где предоставлялись более удобные переходы для вьючных лошадей; чтобы ускорить движение моего отряда и не обременить людей и лошадей слишком большой тяжестью, так как со мною было взято продовольствия на три с половиной месяца, от пункта до пункта были нанимаемы мною туземцы для перевозки части груза морем на лодках там, где представлялась на это возможность. Несмотря на это, трудности переходов по хребтам, крутизна подъемов и спусков с гор, чистка для прохода вьючных лошадей леса, к чему я мог употреблять только двух людей из числа пяти, составлявших мою команду, частые отдыхи, даваемые лошадям, не привычным к продолжительным переходам, и неблагоприятная погода, бывшая в течение всего почти что июня месяца, позволили мне к 9 июля пройти только до деревни орочей Хой. Из трех лошадей, бывших со мною, одна почти что не могла следовать далее от изнурения сил; дорогою заболел солдат 3^{ей} роты Линейного № 3 батальона Восточной Сибири Никита Михайлов; провиант от сильных дождей подмок в сумках – из него оказалось негодным к употреблению почти что в месячной пропорции; трудность нанять проводников для дальнейшего моего пути, – все, что принудило меня остановиться на довольно продолжительное время в вышеозначенном селении. Здесь я закупил по возможности сушеной рыбы взамен испорченного продовольствия, дождался, чтобы заболевший солдат мог следовать далее, а в то же время просушился по возможности провиант. Из сведений, собранных мною от туземцев, оказалось, что дальнейшее следование по направлению морского берега представляло еще большие затруднения, и так как, сделавши расчет остававшемуся у меня продовольствию, я увидел, что дойти до гавани Св. Ольги, согласно предписанию Вашего Высокоблагородия, я не в состоянии в течение того времени, на какое у меня состояло в наличности продовольствие, то для ускорения движения отряда я отклонился у деревни Хой от морского берега вглубь материка по направлению долины реки Хой; пересекши хребет Ситу, я вышел к верховьям реки Тумджи, впадающей в Императорскую гавань. Здесь пала одна из лошадей, находившихся при отряде; от шедших сильных дождей две сумы с сухарями, сделанные из старой кожи, промокли, прорвались во многих местах, при этом испортилась и остальная большая часть продовольствия. Не имея решительно никакой возможности спуститься

к самой Императорской гавани с той провизией, которая осталась в целости, и запасшись сушеной рыбой, я предпринял сделать перевал через хребет Сихотэ-Алинь и реку Хунгари на Амур, где во всяком случае предвиделась возможность спасти людей от голодной смерти, которой следовало опасаться, так как рыбу я мог приобрести только в незначительном количестве и то за очень дорогую цену; при том же нанятые мною проводники обещали нетрудный и скорый переход от реки Тумджи к верховьям реки Хунгари. Но этот переход замедлился болезнью двух людей из находившихся при мне пяти человек команды; кроме того, у самого перевала через водораздельные горы пала у меня вторая лошадь, и люди принуждены были нести часть тяжести на себе, так что вышедши на р. Хунгари, я увидел себя вынужденным для предупреждения голода спуститься вперед на лодке, чтобы, купивши у туземцев продовольствие, доставить его навстречу людям, которые должны были по моему распоряжению идти вниз по берегу Хунгари до устья р. Джаура, входящего в Хунгари с левой стороны и где, по словам моего проводника Николая Диянова, бывавшего в этих местах, представлялась возможность устроить паром, чтобы спуститься ниже. Но сильный разлив воды расстроил все эти предположения; трудная для плаванья и в обыкновенное время по причине быстрины р. Хунгари представляла почти что непреодолимые препятствия для прохода по ней теперь от наваленного леса, камней; лодка моя разбилась; едва успели спасти меня, а все вещи, буссоль для съемки, мои бумаги, заметки, карты, деньги, все было утоплено; не имея возможности ожидать помощи откуда-либо, почти что без платья, а потом и совершенно без обуви, я шел по возможности пешком со своим проводником, а вместе и переводчиком, и рядовым 3^{ей} роты Линейного №3 батальона Восточной Сибири Саразакымом Манасыповым по берегу Хунгари, чтобы выйти к гольдским юртам Удоми, которые, по расчету переводчика, должны были находиться в расстоянии 7 дней; но сильная простуда остановила меня в начале пути; ревматизм лишил меня обеих ног; переводчик ушел вперед, оставивши меня с вышеозначенным солдатом, чтобы просить у гольдов помощи, которую я действительно и получил, но пролежавши две недели без всякой пищи, кроме травы. В одно время с прибытием гольдов спустились люди, остававшиеся сзади; они убили последнюю лошадь; от пункта, указанного переводчиком на Хунгари, они поплыли на пароме; но в наводнение, подобное настоящему, верховья Хунгари решительно недоступны для плаванья: их паром разбило, продовольствие и все имущество людей погибло, а равно и сумы, топоры, палатки, ружья; и испытавши 7-дневный голод плывшие на пароме 4 человека прибыли к тому месту, где я лежал. Гольды спустили и меня, и команду на лодках до станции Хунгари, снабжая впрочем самым скудным продовольствием, и выговорили у меня за спасение всех нас от гибели 20 рублей звонкой монетой (рублями). Не имея решительно при себе не только денег, но даже и самого необходимого платья, обуви, я обещал им, что они получат их в Мариинске от г. Софийского земского исправника, которому эти деньги будут переданы мной.

Донося обо всем этом Вашему Высокоблагородию, честь имею присовокупить, что по причине болезни я едва мог доехать на лодке до ст. Мылок 4 сентября, где ожидаю прибытия фельдшера; хотя я и владею в настоящее время немного левою ногою, но без помощи носилок не могу иметь никакого движения: правая нога моя онемела, покрылась язвами, и если в скором времени я не получу медицинского пособия, то, вероятно, лишусь ее.

Несчастный случай лишил меня всех моих летних трудов: не имея возможности представить Вашему Высокоблагородию отчет моих работ в узаконенной форме, так как все данные, для этого мною собранные, погибли, честь имею почтительнейше просить Вас, назначить мне занятия на текущую зиму, именно чертежную

и письменную часть занятий Лесоустроительной партии, так как боль в ногах не воспрепятствует мне заниматься этими работами; вместе с этим честь имею покорнейше просить Ваше Высокоблагородие разрешить мне выдачу прогонных денег, чтобы при первой возможности вернуться в Мариинск, а равно выдачу содержания, следующего мне за текущую треть, и денег, передержанных мною из собственных сверх полученных на разъезды в прошедшем году в возможно скором времени, так как я нахожусь здесь в самом беспомощном положении, не имея не только платья, обуви, но даже и пищи, которая бы соответствовала моей болезни, по причине невозможности приобрести это в долг.

Классный топограф Петрович

№ 39^и

5 сентября 1861 г.

Ст. Мылки

Ведомость

Пройденного пространства с 1го июня по 1^е сентября 1861 года во время осмотра лесов и местностей Лесоустроительной партии титулярного советника Любенского

№	Названия местностей и урочищ туземных	Число верст приблизительно показано
1	От Мариинского поста по озеру Кизи р. Перебоевою до верховьев р. Дабы окрестными горами	160
2	От верховьев р. Дабы по окрестностям к морю до залива Чихачева	80
3	По береговой окрестности моря м. Чихачева до поста Александровского заливом Де-Кастри	110
4	От залива Де-Кастри береговой окрестностью до Маяка заливом лежащим на юг от Маяка до устья р. Сомон	115
5	От р. Сомон до юрты Ай (Яй)	80
6	По р. Ай и заливу озера Кизи Айскому до Мариинского поста	60
7	От Мариинского поста, через разные протоки большим Амуром по окрестностям отдельно лежащих гор Холанских до д. Пульса	115
8	От д. Пульса береговой окрестностью озера Када до верховьев р. Када и гор лежащих близ моря.	160
9	От протоки озера Када береговой окрестностью р. Амура вновь найденными озерами: Оты, Иомэ, Ацу и речками в озера текущими	103
10	От озера Богородского (Хоселго) о. Хоселго, Солерн горами Сахалин р. Дими до берегов морских туда и обратно	170
11	По р. большой и малой Уи (Ухте) береговой окрестностью гор Дидал озером Удыль Бидзи (Ухтою) и озером Окто	280
12	По береговой окрестности правой и левой стороны Амура – озеру Оты Гери до р. Тлальс	80
13	По р. Тлальс береговой окрестностью до с. Михайловского	45
14	Озером Хилки р. Хилкою Нончир озером Мхель	85
15	Озером Акчи, Тьльм и разными протоками до с. Тыри	69

16	По р. Амгуни ее притоку озерами Цюки до хребтов гор лежащих близ Охотского моря верховьев р. Успёнки	325
17	Протокой Якутской р. Орель, озером Орель, Тивзеру (Глубокое) и текущею из этого озера протокою р. Пальво до д. Маго	380
18	От д. Маго береговой окрестностью левой стороны и речками, текущими до верховьев р. Личь	65
	Всего пройдено приблизительно	2482 верст

Титулярный советник Любенский

Его Превосходительству
Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири и командиру портов Восточного океана свиты Его Величества контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу
Корпуса лесничих штабс-капитана Будищева

Рапорт

Имею честь донести Вашему Превосходительству, что 29 октября я прибыл в 23 станицу Уссурийского батальона и тем окончил экспедицию нынешнего года. Все изложенное мною в рапорте за № 35 мною исполнено за исключением того, что не пройдена в этом году государственная граница от Китайской империи, по случаю наступления поздней осени, взамен же того сделано два необходимых боковых пути а) по р. Сучан с перевалом в долину р. Дауби и б) по р. Лефу с перевалом в долину р. Циму, которые вместе почти равны пути по государственной границе. По реке Лефу и близ озера Хинхай найдены большие запасы соснового леса, хотя и не мачтовых размеров, но обыкновенных строевых и отчасти годных на кораблестроение. В других местах найдены обильные запасы кедрового и других пород ценного леса. Как тот, так и другой лес могут быть удобно доставляемы к портам: первый через Уссури и Амур, второй морским путем. При развитии населения в тех местах как близ озера Хинхай, так и вдоль берегов океана, имеющего большое преимущество во всех отношениях перед местами по Амуру и Уссури, и доставка леса облегчится и потребление усилится. В 23 станице по случаю распутицы я прибыл до 29 ноября, и по первому зимнему пути прибыл 11 декабря в Хабаровку. Отсюда же для составления отчета о работах, думаю отправиться в Мариинский пост при первой к тому возможности на собаках, так как почтовые лошади не на всех станциях есть, а где и есть, то истощенные и на худом корме, о чем меня уведомил г. подполковник Дьяченко. Зимней экспедиции по государственной границе в этом году я не могу совершить по невозможности достать у гольдов на Уссури собак, по малоснежной зиме в верхнем течении Уссури мною замеченном, и потому что усиленные работы в нынешний неблагоприятный год истощили мое здоровье.

Жалованье и содержание за сентябрьскую треть мною получено в Хабаровке. О чем имею честь Вашему Превосходительству донести.

Корпуса лесничих штабс-капитан А. Будищев
№ 41
20 декабря 1861 года
С. Хабаровка

Ведомость пространств Зауссурийского края, осмотренных с целью описания лесов и мест, удобных для русских поселений, штабе-капитаном Будищевым в 1861 году

По каким путям и местностям	Всего пройдено верст	В том числе вновь описано	Что составляет десятин, полагая в пройденной верст в кв.в.
По пути от 20 станицы Уссурийского казачьего батальона до русского поста в заливе Св. Ольги по рекам: Уссури, Фудзи, Ле Фудзи и Уай Фудзи	553	495	309,870
По пути от поста в заливе Св. Ольги вдоль берегов Восточного океана до китайской деревни Цимухы по реке того же имени	443	410	256,660
По пути от китайской деревни Сучанхоуза вверх по реке Сучан с перевалом в долину реки Дауби, притока Уссури и обратно	278	139	87,014
По пути от китайской деревни Цимухы до русского поста Камень-Рыболов на озеро Хинхай по рекам: Циму, Маэ, Циму, Лефу, через реки Пича и Мо, и по речке Лефанчи	395	335	209,710
По пути кругом озера Хинхай от поста Камень-Рыболов до Сунгачанского поста	136	136	85,136
Водяной путь по рекам Сунгача и Уссури до 23 станицы Уссурийского казачьего батальона	264	„	„
Итого	2069	1515	948,390

Корпуса лесничих штабе-капитан Будищев
25 апреля 1862 г.

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири
Свиты Его Величества контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу
Корпуса лесничих капитана Будищева

Рапорт

Имею честь Вашему Превосходительству донести об успехе работ по осмотру лесов и мест для русских поселений, что в этом году, как видно из прилагаемой при сем Ведомости, мною осмотрены, нанесены на маршрутные карты и описаны пространства вновь всего на протяжении 1163 верст, что составляет около 728 000 десятин. Вместе же с прежде в 1860 и 1861 годах осмотренными пространствами описано 4178 вер., или около 2 615 000 дес.

Во время моей командировки нынешнего года сделано: на пароходах казенных от г. Софийска до 23 станицы Уссурийского батальона 1060 вер., – по р. Сунгача вперед и обратно 550 вер., сухопутно с вьюками 1493 вер., обратно по Уссури и до Хабаровки 478 вер. водою на казенной лодке, последние 582 вер. до Софийска сделано зимним путем, что составляет всего 4163 вер.

Возвратиться из гавани Посьета морем я не мог, по неимению там ни одного морского судна, дожидаться которых более недели я не решился, по случаю наступления ранних осенних холодов, опасаясь быть в необходимости зазимовать в южных гаванях и тем лишиться возможности заняться зимнею работой: черчением карт

и составлением описания виденных летом пространств. Кроме того, я должен быть изменить одобренный Вашим Превосходительством порядок осмотра, изложенный в моем рапорте к Вам от 16 марта этого года за №11, и 3 сентября отправился из Новгородского поста в залив Посьета обратно сухим путем по весьма интересным местам, частью заселяемым по воле г. генерала-губернатора нижними чинами линейных батальонов, для сообщения залива Посьета с озером Хинхай. В Хабаровку я прибыл 15 октября с последним летним водяным путем, который того же числа прекратился.

По прибытии в г. Софийск я буду ожидать разрешения Вашего Превосходительства провести там зиму, по примеру прежних лет, так как там мне удобнее заниматься своим служебным делом, не имея никаких развлечений. Малое пространство, в этом году мною осмотренное, в сравнении с прежними годами, имеет извинением то обстоятельство, что до места начала осмотра новых местностей, мне с каждым годом приходится делать более пути по местам, уже мною описанным, где я ныне собирал только дополнительным сведения от местных жителей, преимущественно охотников и звероловов, и этими сведениями думаю пополнить общее описание лесов и мест для русских поселений всего Амурского, Уссурийского и Приморского краев, полагая, что это общее описание Ваше Превосходительство, вероятно, возложите на меня вместе с составлением общей карты края.

По этому служебному делу, для совершенного окончания его, я полагаю необходимым осмотреть в будущем 1863 году приморские берега всего нового края от Николаевска и до Посьета и при этом в интересных в отношении лесов местах этих берегов делать хотя краткие сухопутные экскурсии; удобнее всего исполнить мне, состоя при экспедиции для описания части этих берегов от Де-Кастри до Владимирской гавани, если таковая будет снаряжена в будущем году. Надеюсь, что Ваше Превосходительство по этому делу не оставите меня без указаний и начальственного распоряжения.

Сведений об успехах работ из Новгородского поста в заливе Посьета не представил Вашему Превосходительству потому, что они не могли дойти до Николаевска ранее ныне посылаемого рапорта.

На проезд от Хабаровки до Софийска зимним путем, имею честь просить Ваше Превосходительство приказать выслать мне в Софийск при первой возможности прогонные деньги на законном основании на 3 лошадей вдвойне за 581¹/₂ вер. всего 102 р. 67 коп.

Корпуса лесничих капитан Будищев

№ 26

7 ноября 1862 г.

С. Хабаровка

Ведомость пространств, пройденных и описанных с целью осмотра лесов и мест для русских поселений корпуса лесничих капитаном Будищевым в 1862 году

№	По каким направлениям	Всего пройде-но верст	В том числе вновь описано верст	Что составляет десятин, полагая в пройденной версте в кв. верст
1	По пути от Сунгачанского поста №5 на озере Хинхай по китайским тропам вдоль государственной границы до граничного столба под лит. О на р. Суйфун	463	426	266,676
2	От граничного столба под лит. О вверх по р. Та-Уса-го (Хубиту) до граничного столба под лит. П.	83	83	51,958
3	От граничного столба под лит. П к верховьям р. Амба с обратом	44	22	13,772
4	От граничного столба под лит. П вниз по р. Хунци по китайской тропе до фанзы Уизго в верховьях р. Мангу	57	57	35,682
5	От р. Уизго обратно к дороге на р. Хуньчунь	20	-	-
6	По китайской тропе на китайский город Хуньчунь вдоль государственной границы, потом через хребты до Новгородского поста в заливе Посьета	93	93	58,218
7	От Новгородского поста до русского поста на р. Тизен	23	23	14,398
8	От русского поста на р. Тизен до 2 ^{го} поста у залива Славянского	38	38	23,788
9	Вверх по р. Наэми до кит. фанзы с обратом	48	24	15,024
10	От 2 ^{го} поста до кит. дер. Сидземи на р. Сидземи	20	20	12,520
11	Вверх по р. Сидземи по кит. тропе до хребтов с обратом к дер. Сидземи	40	20	12,520
12	От дер. Сидземи до дер. Хомяхьэдза на р. Мангу	30	30	18,780
13	Вверх по р. Мангу до фанзы Уизго, отсюда через хребет к р. Амба и вниз по последней до фанзы Амбанбиля	52	52	32,552
14	От дер. Амбанбиля до дер. Хомяхьэдза на р. Мангу с обратом	34	17	10,642
15	От дер. Амбанбиля через р. Эрдогу и Саньдогу, вверх по р. Суйфун до Верхне-Суйфунского русского поста	97	97	60,722
16	От Верхне-Суйфунского поста вверх по р. Чаго (Саго) до первых фанз с обратом	80	40	25,040
17	От Верхне-Суйфунского поста до Сунгачанского поста №5 на озеро Хинхай	271	121	75,746
	Итого	1493	1163	728,038

Корпуса лесничих капитан Будищев

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири,
Свиты Его Величества контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу
Лесостроительной партии младшего запасного топографа Петровича

Рапорт

Согласно распоряжению Вашего Превосходительства отправляясь для описания лесов на р. Самальге, честь имею почтительнейше представить распределение работам осенью настоящего, а равно и предположение о работах, долженствующих начаться весною будущего года.

Для настоящих экспедиций назначено к г. капитану Будищеву 2 человека, со мною отправляется три; остальные за тем люди заняты будут исправлением квартир для зимнего помещения; 7го сентября текущего года четыре человека будут занимать до конца осени посты: у перешейка Меньшикова полуострова и у мыса Муравьева на каждом по 2 человека, для наблюдения за китобойными судами, которые обыкновенно осенью, не заходя в Императорскую гавань, лавируют в виду ее, и рубят лес, по сведениям, мною полученным, около мест, где теперь будут находиться караулы; затем в свободное время будет рубиться лес для сторожевых домов и дрова для казенных надобностей.

Весной будущего года будут утверждаться мною границы леса заказного; для скорости работ полезно было бы одновременное проведение магистральной просеки и таковых же боковых, долженствующих разбить на участки лес, назначенный для частной промышленности; в последнем случае большим пособием было бы увеличение числа постовой команды хотя бы еще пятью человеками.

Вместе с сим честь имею почтительнейше просить Ваше Превосходительство определить образ моих действий в случае нижеследующего обстоятельства: с судов частных паровых или парусных, заходящих в Императорскую гавань за дровами — для топки машины и для хозяйственных надобностей, но не с целью доставки их на продажу за границу, взysкивать ли плату согласно таксе Вашим Превосходительством положенной для дров, вырубаящихся с коммерческой целью; или таковой отпущ дров должен быть производим на другом основании?

В последнем случае честь имею почтительнейше ожидать предписания Вашего Превосходительства.

Младший запасной топограф Петрович
№ 36
4 августа
1863 года
Пост Константиновский
Императорская Гавань

Господину военному губернатору Приморской области Восточной Сибири,
Свиты Его Величества контр-адмиралу и кавалеру Казакевичу
Лесоустроительной партии младшего запасного топографа Петровича

Рапорт

Рапортом от 4го Августа 1863 г. за № 36 я имел честь почтительнейше донести об отправлении моем из Императорской гавани для описания лесов, согласно приказанию Вашего Превосходительства. Приемка грузов, доставленных шхуною «Пурга» для команды поста Константиновского, затем распределение по работам людей, мною в посту оставленных, и наем проводников, необходимых для моей поездки, так как язык племени орочей-кэкар, живущего южнее Императорской гавани, мне почти что непонятен, – не позволили мне воспользоваться путешествием на шхуне «Пурга», вышедшей в море 1го числа августа месяца; я должен был отправиться в гиляцкой лодке с 3 нижними чинами и двумя проводниками не раньше 4го августа текущего года.

Противные ветра допустили меня только до р. Ыкки, впадающей южнее Императорской гавани в Татарский пролив; слухи же о предстоящей войне России с западными державами, дошедшие до меня от гиляцкого сел. Хаджи (находящегося в Императорской гавани), встретившихся мне на пути их в гавань Св. Владимира, известия, заимствованные ими с наших судов, заходивших в мое отсутствие в пост Константиновский, принудили меня возвратиться обратно раньше 15го числа сентября – времени, которое я должен бы был употребить при благоприятных обстоятельствах для путешествия по р. Самальге. Прибывши в Императорскую гавань 4го сентября текущего года, я действительно нашел распоряжение г. начальника штаба Вашего Превосходительства о необходимости заблаговременного принятия мер к сохранению продовольствия команды, занимающей Пост Константиновский, на случай ожидаемого разрыва с западными державами. Плод моего месячного путешествия – описание берегов Татарского пролива между Императорской гаванью и р. Ыкки, лесов, на этом пространстве встречавшихся, с обзором их по более значительным рекам, впадающим в море на протяжении, между конечными точками моего путешествия заключающемся, и лесную карту этого пространства на 2 листах в масштабе 2¹/₂ верст в английском дюйме для больших подробностей – честь имею почтительнейше представить Вашему Превосходительству, присовокупляя, что для экспедиции текущего года мною избран был морской путь, нам представляющий меньше трудностей, кратчайший при попутных ветрах и почти что безопасный при привычке к морю; сухопутное же путешествие на р. Самальгу по ее отдаленности от Императорской гавани, не имению до сих пор с жителями этой реки туземцами сухопутного сообщения, малознакомства их с внутренностью Татарского побережья южнее реки Кэпи, – возможно только в зимнее время, на собаках.

Младший запасной топограф Петрович

№ 41^и

16 Ноября

1863 года

Императорская Гавань

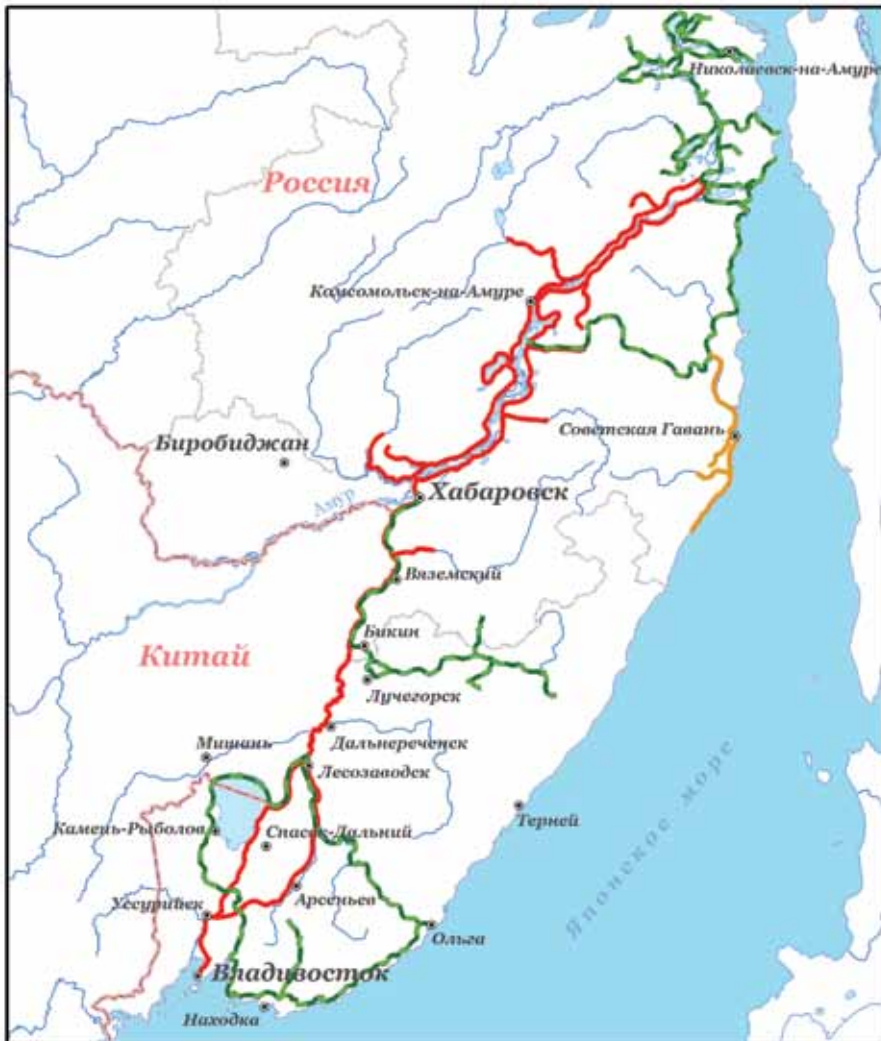
Пост Константиновский

**Таблицы экспедиционных издержек лесных чинов Приморской области
за годы 1860, 1861, 1862, 1863
(к рапорту А.Ф. Будищева №52 от 6 ноября 1863 г., г. Николаевск)**

	1860	1861	1862	1863	Всего	Описано пространств примерно десятиин
Капитан А.Ф. Будищев	440 руб. 38 коп	691 руб. 21 коп.	361 руб. 71 коп.	125 руб. 50 коп.	1618 руб. 80 коп.	2790 000
Титулярный советник М.М. Любенский	429 руб. 86 коп.	484 руб. 80 ¹ / ₂	нет	нет	914 руб. 66 ¹ / ₂ коп.	2517 725
Губернский секретарь А.И. Корзун	289 руб. 76 коп.	537 руб. 03 коп.	471 руб. 11 коп.	250 руб. 00 коп.	1547 руб. 90 коп.	746 875
Губернский секретарь А.И. Петрович	319 руб. 74 коп.	439 руб. 00 коп.	нет	250 руб. 00 коп.	1008 руб. 74 коп.	907 400
Общие расходы	176 руб.	нет	нет	нет	176 руб.	–
Итого	1655 руб. 74 коп.	2152 руб. 4 ¹ / ₂ коп.	832 руб. 82 коп.	625 руб. 59 коп.	5266 руб. 10 ¹ / ₂ коп.	6962 000

Стоимость 1 десятины $\frac{7}{100}$ коп. сер.

Р.С. Канцелярия военного губернатора подтвердила расходы лесоустроительной партии за 1860–1863 г. в размере 5272 руб. 89¹/₂ коп.

Маршруты работ партий
лесоустроительной
экспедиции
А.Ф. Будищева

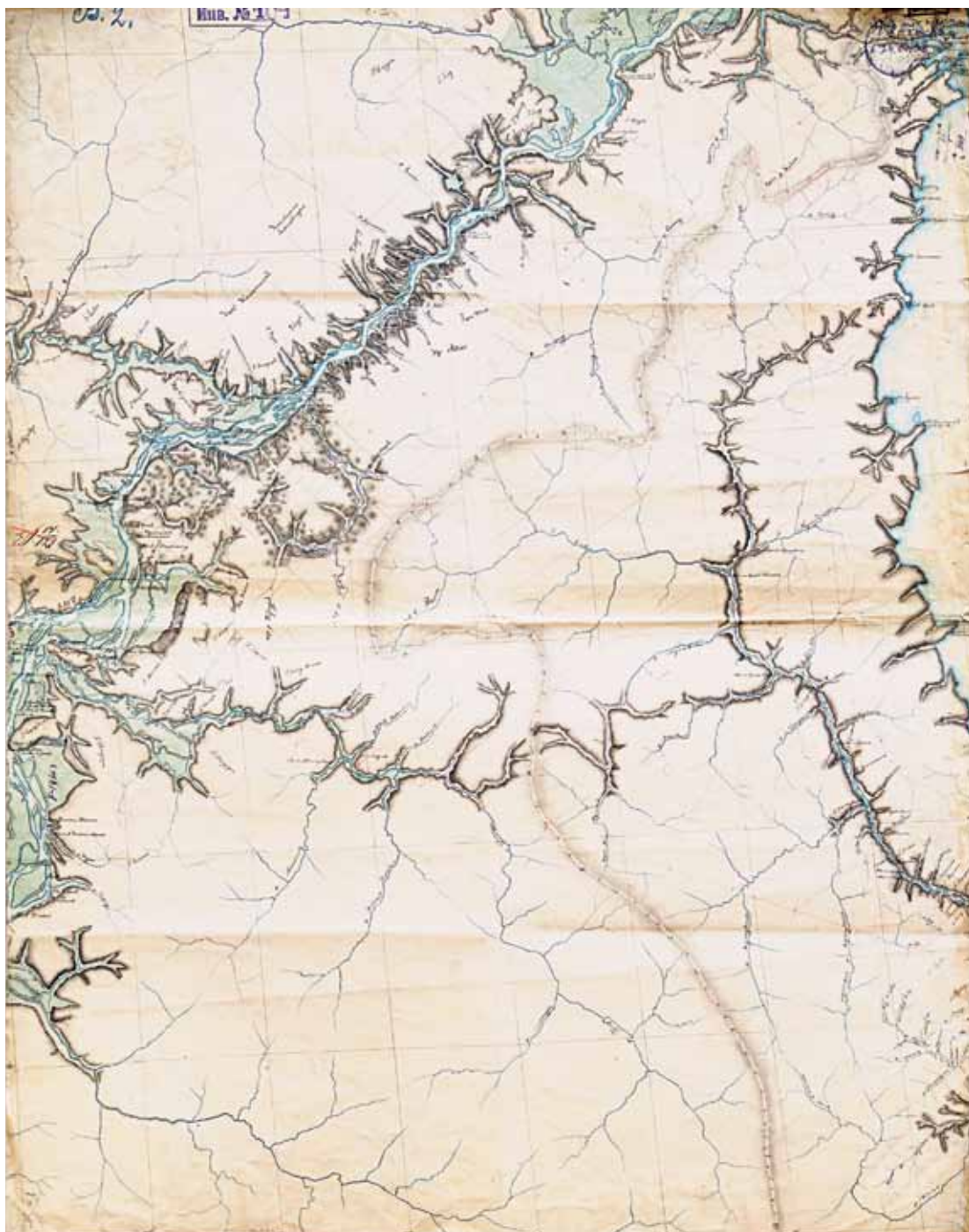
- 1860 г.
- 1861 г.
- 1862 г.
- 1863 г.
- 1866 г.
- 1867 г.

Карта части Приморской области, заключающей Приморский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана, составлена Корпуса лесничих капитаном А.Ф. Будищевым в 1864 г. Лист 1.

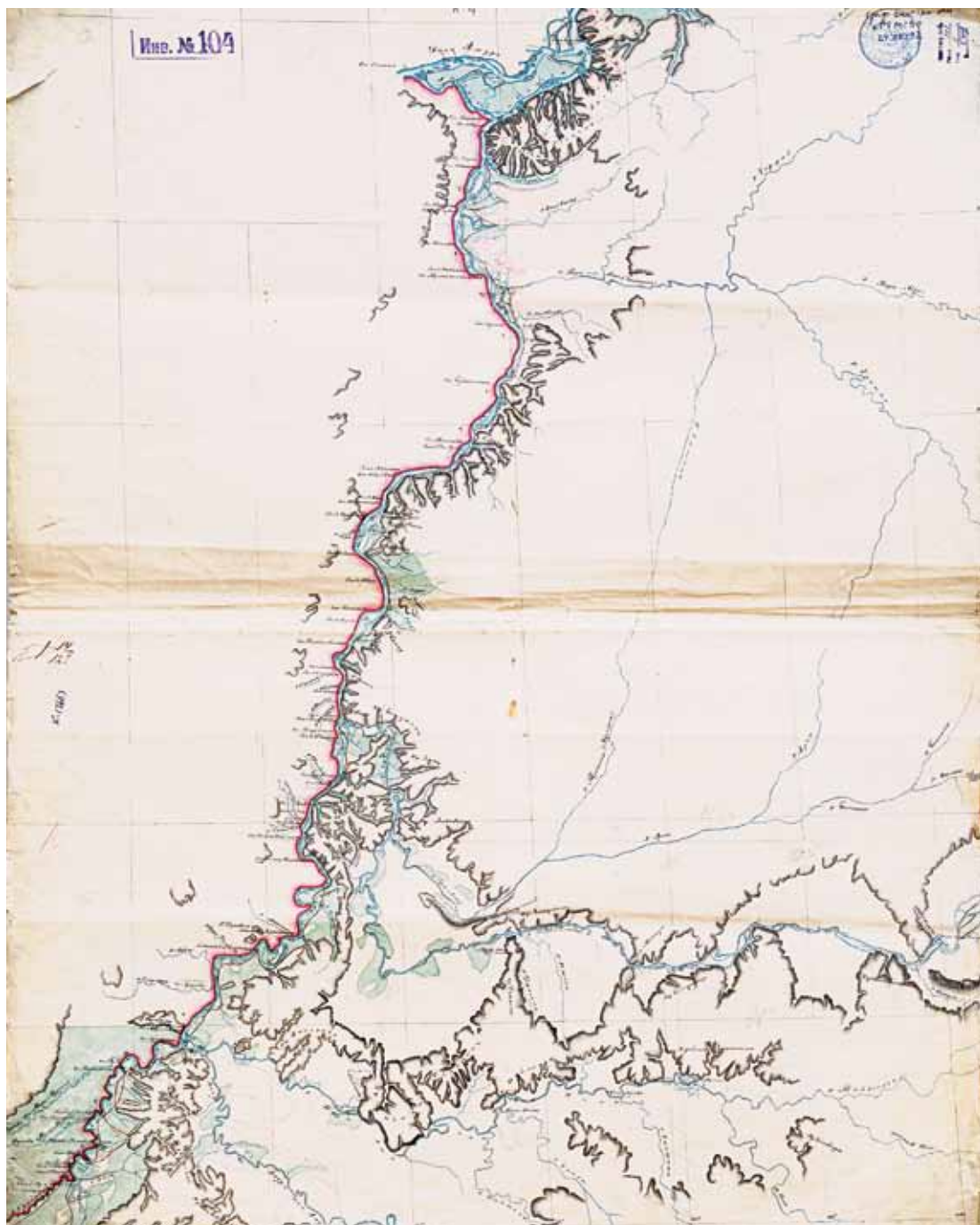
Архив Санкт-Петербургского городского отделения Российского географического общества

Здесь и на остальных листах карты сплошной черной линией отграничена площадь исследованных лесов.

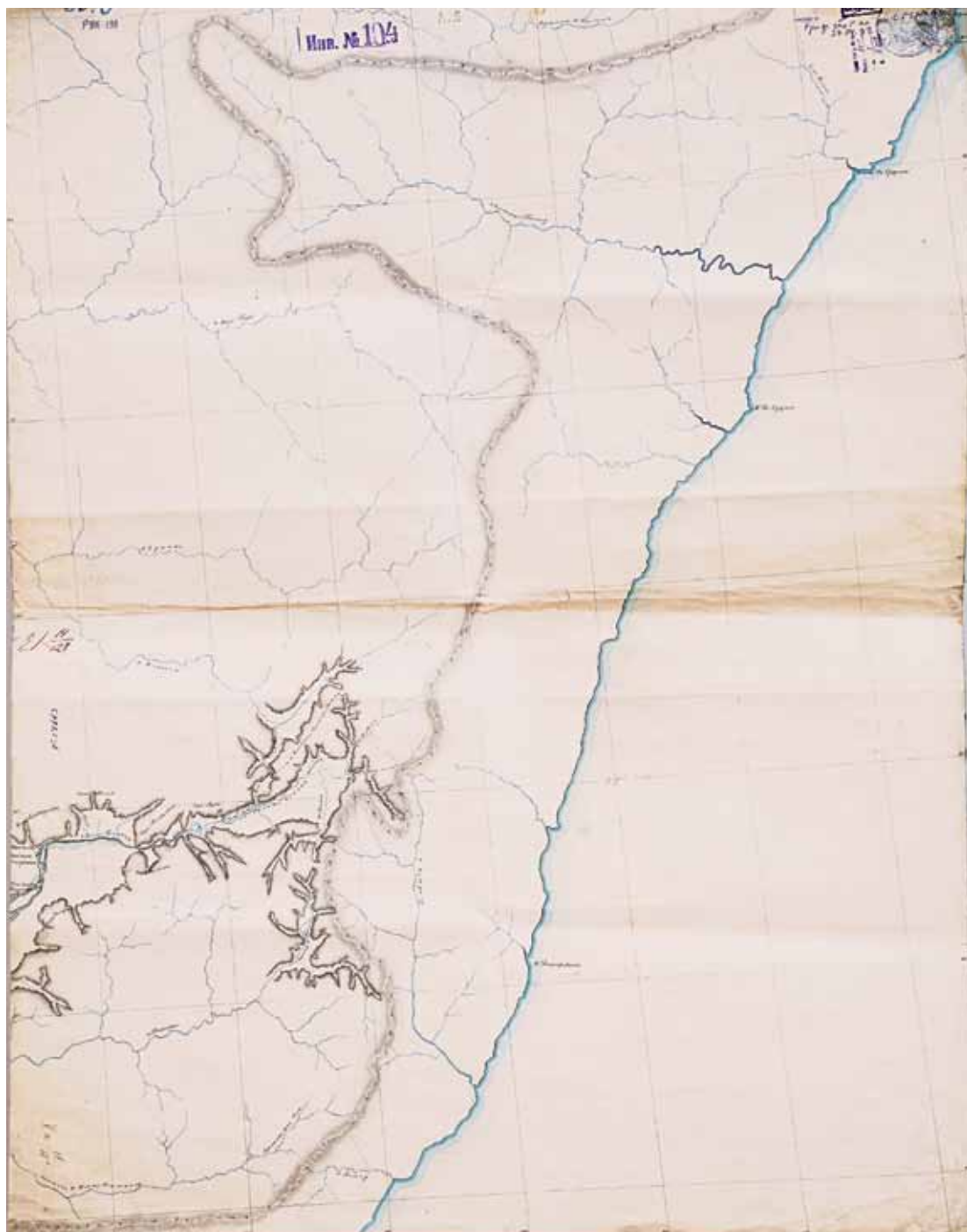
Карта части Приморской области, заключающей Приморский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана, составлена Корпуса лесничих капитаном А.Ф. Будищевым в 1864 г. Лист 3.

Архив Санкт-Петербургского городского отделения Российского географического общества

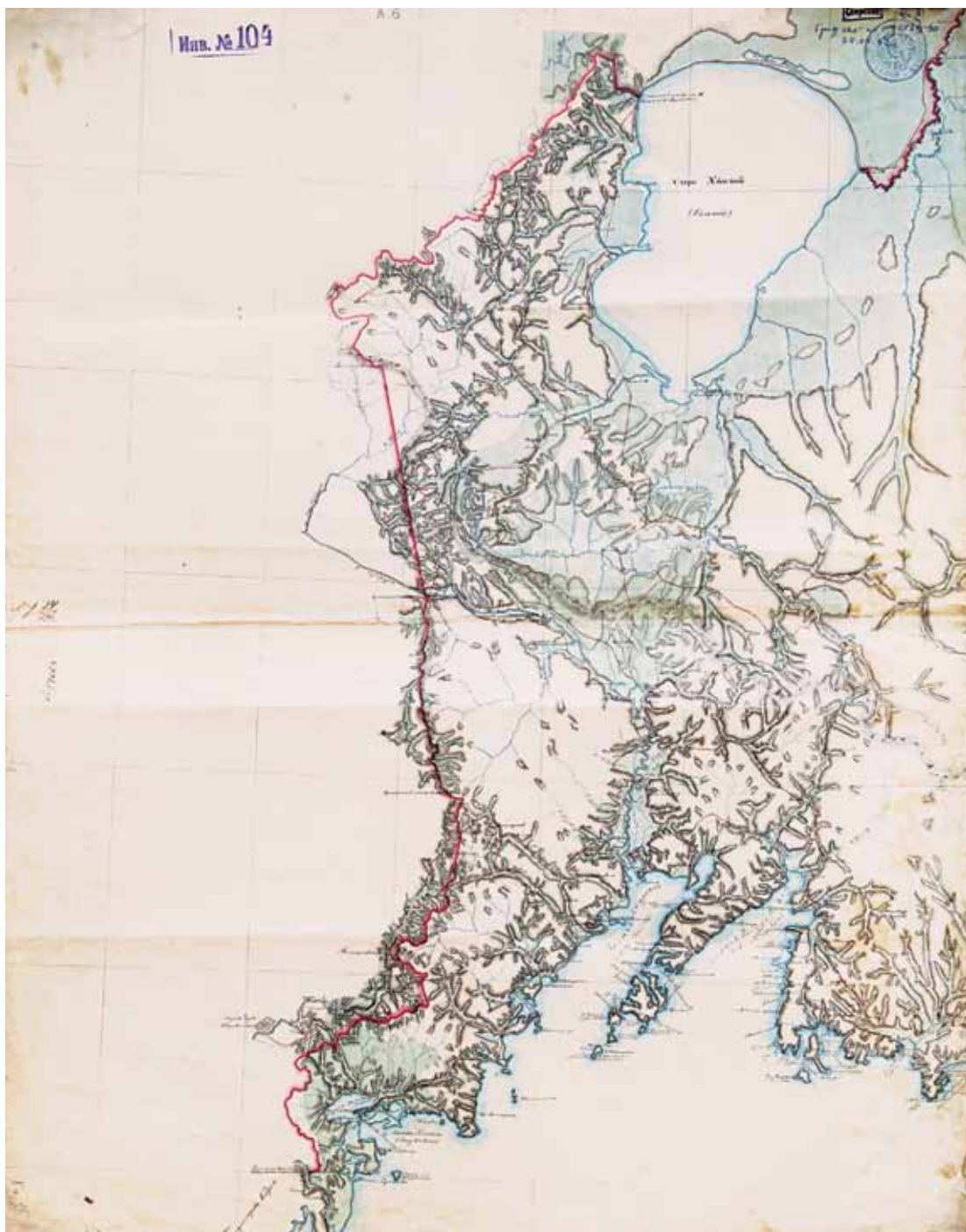
Карта части Приморской области, заключающей Приморский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана, составлена Корпуса лесничих капитаном А.Ф. Будищевым в 1864 г. Лист 4.

Архив Санкт-Петербургского городского отделения Российского географического общества

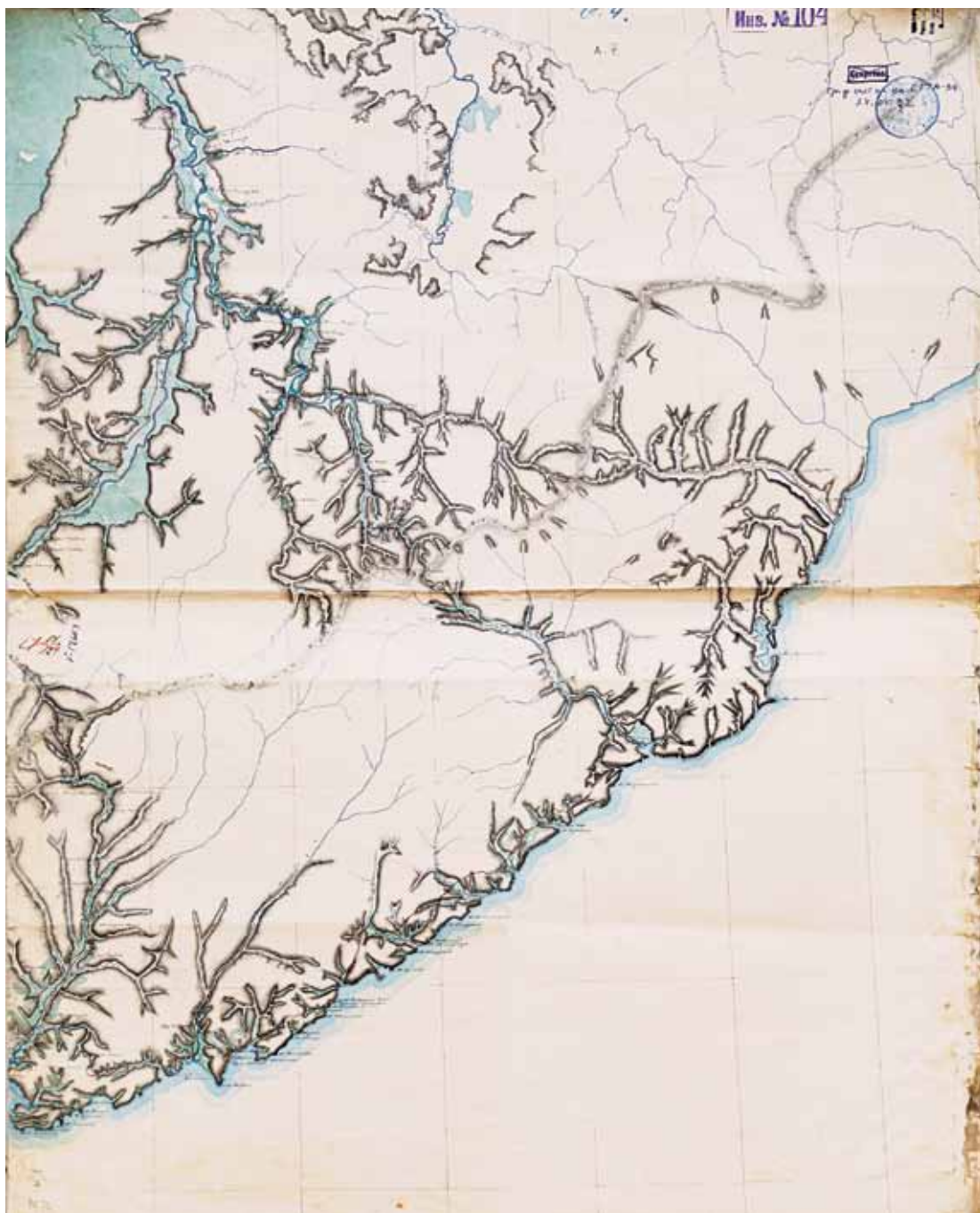
Карта части Приморской области, заключающей Приморский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана, составлена Корпуса лесничих капитаном А.Ф. Будищевым в 1864 г. Лист 5.

Архив Санкт-Петербургского городского отделения Российского географического общества

Карта части Приморской области, заключающей Приморский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана, составлена Корпуса лесничих капитаном А.Ф. Будищевым в 1864 г. Лист 6.

Архив Санкт-Петербургского городского отделения Российского географического общества

Карта части Приморской области, заключающей Приморский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана, составлена Корпуса лесничих капитаном А.Ф. Будищевым в 1864 г. Лист 7.

Архив Санкт-Петербургского городского отделения Российского географического общества

18.178.1.16. 1896. IX. B. 4.

М. З. и Г. И.

Приамурское Управл. Гос. Имуществ.

А. В. Будищевъ.

КАПИТАНЪ КОРПУСА ЛѢСНИЧИХЪ, ДѢЙСТВИТ. ЧЛ. СИБИР. ОТД. И. Р. Г. О.

**ОПИСАНІЕ ЛѢСОВЪ
ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛ.**

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ПЕРЕПЕЧАТАНО

по распоряженію Приамурскаго Генераль-Губернатора
ИЗЪ СБОРНИКА

главнѣйшихъ официальныхъ докумен-
товъ по управленію восточной Сибирью.

Т. V.

В. 1.

1883 Г.

ИРКУТСКЪ.

ХАБАРОВСКЪ.

Обложка второго издания книги А.Ф. Будищева «Описание лесов южной части Приморской области»

1861

Рисунг 7. 1861

31

Его Превосходительству
Господню Военному Губернатору Приморской
Области Восточной Сибири и Командиру
Сибирской Флотилии и Первому Восточному
Океану Восточного Командира
Генералу Касарову

Членом Комитета Копыса
Александр Будищев
Рапорт.

Копия

Во исполнение рапорта моего от
15 мая 1861 № 19 имеет честь предста-
вить Вашему Превосходительству со-
ставленное мною «Описание древности
и курганных погребов, найденных
в Амурском, Зусуринском и
Зусуринском краях». Труд этот
окажет много пользы по предмету
варовку. В честь имеет честь Вашему
Превосходительству доложить.

№ 31.

20 мая 1861 года.
С. Хабаровск.

Членом Комитета
Копыса Александр Будищев

Рапорт А.Ф. Будищева от 20 мая 1861 г.
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

№ 41

Ведомость
пространств Заусурийскаго края, осмотренных, со стороны
описания шоссе и маршрута удобных для Русскихъ поселенцевъ
штабс Капитана Будищева въ 1861 году.

24

По какому пути и в каких местах.	Всего верст	в одну сторону	что составляет десятилет, на закл. в той же мере в 2
По пути от 20 Станицы Заусурийскаго Казарья до Батаиона до Русскаго Поста в Заимв. Св. Олгои по рткан: Усури, Рудзи, Ас Рудзи и Чан Рудзи	553.	495	309, 870.
По пути от Поста в Заимв. Св. Олгои вгдт береговъ Восточнаго Охска до Китайской деревни Цишуйи на рткан того же имени — —	443	410	256, 660.
По пути от Китайской деревни Сунгаринскаго вверха по рткан Сунгаря от перевала до долины рткан Дауби, прихода Усури и обратно.	278	139.	87, 019.
По пути от Китайской деревни Цишуйи до Русскаго Поста Камени Риболова на остр. Хинкай по рткан: Цишуй, Маэ, Цишуй, Асуй, через рткан Нила и Мо, и по рткан Аврарти	395	335.	209, 710.
По пути кругом острова Хинкай от поста Камени Риболова до Сунгаринскаго поста —	136	136.	85, 136.
Водяной путь по рткан Сунгара и Усури до 23 Станицы Заусурийскаго Казарья до Батаиона	264	"	"
и всего.	2069.	1515	998, 390.
Копуса Александрова Штаба Капитана Будищева			

Ведомость пространств, осмотренных А.Ф. Будищевым в 1861 году (к рапорту №41 от 20 декабря 1861 г., Хабаровка)
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

Ведомость

21

Продолжение осмотра пространства № 1-го листа № 1-го листа 1861 года в границах селения Алабуга и смежных с ним земельной территории Матушинского владения в Амурской

26

№ 1
№ 2
№ 3

Матушинского владения и прилежащих земель

Листы
всего
осмотренных
земель
в селении
Алабуга

1.	Лес Марининский по реке Кузнецкой до берегов р. Забытых восточным берегом	160.
2.	Лес берегов р. Давыдовского восточным берегом до впадения в реку Алабугу	80.
3.	По береговой территории села М. Кузнецкого до впадения в реку Алабугу	110.
4.	Лес за селом Д. Кузнецкого восточным берегом до впадения в реку Алабугу	115.
5.	Лес р. Кузнецкой до впадения в реку Алабугу	80.
6.	По р. Д. и за селом Кузнецкого восточным берегом до впадения в реку Алабугу	60.
7.	Лес Марининский по реке Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	115.
8.	Лес Д. Кузнецкого восточным берегом до впадения в реку Алабугу	160.
9.	Лес по реке Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	103.
10.	Лес Кузнецкого восточным берегом до впадения в реку Алабугу	170.
11.	По р. Кузнецкой и впадения в реку Алабугу восточным берегом до впадения в реку Алабугу	280.
12.	По береговой территории восточным берегом до впадения в реку Алабугу	80.
13.	По р. Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	115.
14.	Лес по реке Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	85.
15.	Лес по реке Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	69.
16.	По р. Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	325.
17.	Протокол осмотра по реке Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	380.
18.	Лес по реке Кузнецкой восточным берегом до впадения в реку Алабугу	65.

Всего просмотренных земель в селении Алабуга
Матушинского владения в Амурской

Ведомость осмотренных пространств, составленная М.М. Любенским в 1861 г. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

1597.

22 июня 281

Его Превосходительству
Генералу Военному Губернатору Кирин-
ской Области Восточной Сибири, Оби-
Его Величества Контр-А-
мюру и Капитулу Казакскому

Синь Губернатор?

Губернского Секретаря Корзуна
Санкт-Петербург

Итак крайнее нужду в деньгах, испытыва-
емой почитаемым просителем Иваном Превос-
ходительству сего имеет распоряжение в обяза-
ельных случаях ина по тупривание хитамъ
за 1861^ю и 1862^ю года разданных денег в ко-
личества 508 рублей 14 копеек, израсходованных
ином иждивенных, во время разданных по
распорядку в том году иже.

Губернский Секретарь Корзуна.

№ 11
21 июня 1864 года
в. Манчжурская

112-221-12

Рапорт А.И. Корзуна от 21 июня 1864 г.
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

№ 2350.

Лоскаго 5

Господину Висшому Губернатору
Приамурской Власти Восточной Сибир-
и, Обителю Все Восточнаго Коммер-
цианскаго и Кабинета Казанскаго

Исочинительский Пером
Младшаго Занаснаго Монарха Петрова

Ивану

Данности

Согласно распоряжения Висшего
Привосаудителства отправляется для
исписания именов на р. Сивиле, ита-
кимже поспотомственным представителем-рас-
порядком работамъ оснано постановлено.
а равно и предложении с работамъ до-
гласительскими нагавитъ вконецъ будущаго
года.

Для настоящей экспедиции нагавитъ
изъ С. Казани Буржуеу Д. Шовале, со всемъ
отправляется три; остальнымъ за титомъ
иногда заботы будутъ исправленныя авар-
тиры для титомъ поспотомствия; 15го Сентября
текущаго года четыре шовале будутъ
заинимать по ханца сами посты; у пере-
сла Миллишкова полуострова и у меса Ку-
равева на каждаго по 1 шовале, для
наблюдения за китайскими судами, ко-
торые, обыкновенно оснано, не заходятъ въ
Императорскую Савань, нагавитъ въ
виду сего, и рубятъ именов по владимирскъ мнот

Рапорт А.Г. Петровича от 4 августа 1863 г.
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

получивший, охочу иметь его теперь будущю
 какою-нибудь паразит; — за то что въ свободное
 время будешь будущаго эпохи для старожителю
 денег и зрѣла для камина надобности. —

Всё это будущаго года будешь отобрѣданы
 съ новою границею инаго гласнаго; для скорости работ
 почито быше-бы отобрѣданы прѣдвѣдѣи наисограни
 ченной прѣдвѣдѣи и таковыя-ны боковыя, домыслив
 ющая прѣдвѣдѣи на частях инаго, камакелей
 для растений прѣдвѣдѣи; въ поспѣвѣ
 инаго бымакелей посадивъ быше-бы увеличен
 ными поспѣвѣи командою хотѣ-бы еще тамакелей
 гласнаго.

Видѣтъ въ сущности гласнаго инаго поспѣвѣи
 тамакелей прѣдвѣдѣи Ваше Превосходительство
 отобрѣданы инаго поспѣвѣи въ сущности инаго
 прѣдвѣдѣи отобрѣданы: от сущности гласнаго
 отобрѣданы или прѣдвѣдѣи, тамакелей въ Импер
 атрскую лавочку за зрѣла — для тамакелей на
 для тамакелей надобности, но не въ сущности
 доставки инаго на прѣдвѣдѣи за границу, выслѣдываем
 плату тамакелей Ваше Превосходительство
 тамакелей тамакелей для зрѣла, выслѣдываем
 тамакелей инаго, или тамакелей отобрѣданы
 тамакелей быше производимъ на зрѣла основаніи?

Во поспѣвѣи сущности гласнаго инаго поспѣвѣи
 тамакелей отобрѣданы прѣдвѣдѣи Ваше Пр
 вѣдѣи —

Александръ Васильевичъ
 Петровичъ
 4 августа 1863 г.
 Императорская лавочка

Александръ Васильевичъ
 Менсерафъ: Шенгелъ

№ 36
 4 августа
 1863 г.

Имя Кооперативнаго
 Императорскаго лавочка.

Рапорт А.Г. Петровича от 4 августа 1863 г.
 Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

№ 2299
КЧВВФм/с

КАНИЦЕЛЪ
ПРЕСИАМТОЛЪГО
Губернскаго Губернатора
1885 г.

7.

Его Высокопревосходительству
Господину Криворукому
Генералъ-Губернатору

Видно, что в
дело, касающееся
представления
в 1885 г.

Состоящая при Криворукомъ
Генералъ-Губернатору
Вашего Министра
Коллежскаго Секретаря
Пястускевича

Рапортъ

Вашему Высокопревосходительству
очень угодно было удостоить Своего
согласия и одобренія тѣмъ, изданнымъ
содержащимъ такое же, единствен-
наго высшего спеціальнаго органа
по таможенной части въ Имперіи,
именно, такъ называемаго Спе-
ціальнаго по таможенной части Ко-
ллежскаго, въ который онъ при-
шелъ, при подробномъ разсматриваніи,
переданныхъ на его обсужденіе
Генералъ-Министромъ Государ-
ственныхъ Имуществъ, предполо-
женій, по организации вообще и
администрации

М.И. Пястухевич

**ОЧЕРК СОСТОЯНИЯ ЛЕСНОЙ ЧАСТИ
В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

ОЧЕРК СОСТОЯНИЯ ЛЕСНОЙ ЧАСТИ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

По причине немного поздней командировки и вообще неудачной навигации сего лета мне, к сожалению, удалось исследовать в лесном отношении достаточно подробно, на первое время только часть Амурской области, заключающуюся между границей Забайкальской области и реками Зеей и Амуром, то есть от слияния рек Шилки и Аргуни (начало Амура), вдоль самой важной и довольно населенной бережной полосы реки Амура, до города Благовещенска (800 верст) как главного лесного рынка области включительно.

Весь этот край отрогами Станового хребта, составляющего непосредственное продолжение Яблонового, особенно от Усть-Стрелки до станицы Черняевой, в направлении с севера на юг сильно изрезан и представляется весьма гористым.

Только начиная от Кумарской станицы (212 вер. от Благовещ.), постепенно к г. Благовещенску местность становится более ровной и не так возвышенной. Уже от станицы Екатерининской береговая полоса, впрочем, шириной не более 10 до 15 верст представляется весьма плодородной и гладкой равниной.

В зависимости от гористости или высоты поднятия над уровнем моря, которая по исследованиям Боголюбского (в достоверности крайне сомневаюсь) для различных точек на Амуре различна и определена им: 1) для Усть-Стрелки 1180 футов, 2) для Албазина 795 ф., 3) для Кумары 580, и для Благовещенска 330 футов; затем в зависимости от географической широты и долготы места, геологического напластования горнокаменных пород и различной степени, благодаря атмосферным деятелям, выветривания последних, – распределение важнейших в лесном хозяйстве древесных пород, во всей исследованной мною местности представляется вовсе не случайным, а строго обусловленным выше-сказанными факторами.

При последующем описании важнейших древесных пород для данной местности, как по количеству стволов, так качеству древесины, а также описанию для более полной характеристики и встречающихся кустарных, буду стараться в границах распространения и успешности роста целых родов по возможности отметить влияние вышеупомянутых факторов.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА I

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ГЛАВНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

Хвойные

Лиственница (*Larix davurica*).

Лиственница является господствующей породой по количеству стволов от Покровки до станицы Черняевой. Достигая у Покровки размеров вполне строевого и даже частью корабельного леса, она постепенно к Черняевой становится все реже и реже. Размеры ее уменьшаются, хотя самый прирост является благодаря гораздо лучшей почве более успешным.

Около станицы Аносовой она постепенно вытесняется в старшем возрасте лиственными породами: главным образом дубом (*Quercus mongolica*) и отчасти березой белой и черной (*Betula alba et davurica*).

Лиственница в вышесказанном районе растет вполне успешно, преимущественно на склонах гор, на почвах суглинистых – хрящеватых, с достаточным количеством подпочвенной влаги и назему. Также хорошо по берегам рек и речек, на почвах наносных. По хребтам и самым высоким вершинам гор она растет мало и не столь роскошно.

Здесь преобладающей породой является сосна; особенно на почвах каменистых неглубоких и более сухих. Лиственница растет преимущественно чистыми на огромных пространствах в тайгу насаждениями и затем, в различных степенях смешения, главным образом с сосной и реже с белой березой.

Для определения условий роста лиственницы произведены были исследования на срубленных с этой целью деревьях. Готовую часть этих исследований помещаю в нижеследующей табличке:

По порядку	Качество	Число лет	Высота без пня h = $1\frac{1}{2}$ ар.	Условная высота h .	Окружность на груди O в вершк.	Длина бревна в аршин.	Окружность верхнего отруба	Диаметр верш. отруба
1	Гнил.	156	23,5	16	26,0	9	$17\frac{3}{4}$	5,6
2	Гнил.	190	$36\frac{1}{2}$	$20\frac{1}{2}$	32,0	10	24	7,6
3	Гнил.	173	29	16	20	9	$14\frac{1}{2}$	4,6

4	Гнил.	192	28	15	32	9	19 ^{3/4}	6,3
5	Гнил.	223	33 ^{1/2}	24	33	9	24	7,6
6	Зд.	185	29 ^{1/2}	11	31	9	16	5,1
7	Зд.	186	23	18 ^{1/2}	14	9	10 ^{1/2}	3,4
8	Зд.	185	34 ^{1/2}	25	28 ^{1/2}	9	24 ^{1/2}	7,7
9	Зд.	188	43	31	32 ^{3/4}	9	27	8,6
10	Зд.	53	24	14 ^{1/2}	17 ^{1/2}	9	13	4,1

Примечание: Условная высота – это высота дерева от земли до того места, где окружность или диаметр составляет как раз $\frac{1}{2}$ окружности или диаметра того же стоячего дерева, взятого на высоте груди человека, и как это вообще принято, на полтора аршина от земли. Это фактор весьма важный для определения с практической целью кубического объема плотной древесной массы дерева. Для точных же математических научных выводов собраны по каждому помещенному в сем отчете дереву более подробные данные, которые по массе и сложности вычислений, если позволит время, будут представлены впоследствии.

Из этой таблицы видно:

1) что из срубленных десяти лиственниц ровно 50% оказалось с сердцевинной гнилью. Много весьма деревьев во всей описываемой местности замечено ободранных с коры, до 3 арш. высотой, для крыш. Как для себя, как и для пароходов, население описываемой местности заготавливает исключительно лиственничные дрова. На сторону на сплав по Амуру лиственница заготавливается мало, по причине ее тяжести и затруднительности вывозки из хребтов. Также потому, что не будучи просушенной, во время продолжительного сплава она глубоко погружается в воду, а затем, напитавшись водой, выкатанная на берег, от ветра и солнца быстро и сильно щелится.

Сосна (Pinus silvestris)

В описываемой местности сосна отличается особенно хорошими строевыми качествами, почему в сильной степени вырубается для построек. Растет то очень хорошими, чистыми насаждениями, то также в смешении в различной степени с лиственницей и реже с березой белой.

По количеству особей занимает после лиственницы второе место. Причем по мере приближения к ст. Кумарской, попадаетея реже, ухудшаясь постепенно относительно своих технических качеств. Так, около ст. Корсаковой и по реке Гурану, уже почти вовсе не встречается, уступая место плохих качеств дубу и белой и черной березе. Сосна чрезвычайно для описываемой местности важная порода, потому что она по своей приспособляемости успешно растет на вершинах и хребтах гор, на почвах самых тощих и каменистых, где никакая другая порода леса при условиях здешнего климата расти вовсе не может. Она же, наоборот, растет прекрасно и приобретает еще самое важное из ее технических качеств: мелкослойность, а если еще в сомкнутом насаждении, то и гладкость и прямизну ствола.

Поэтому ввиду того, что сосна благодаря своей выносливости занимает в описываемой мною местности почти исключительно самые негодные места, именно вершины гор, то крайне важно в самом скором времени принять надлежащие меры, дабы рубка сосны по горам и возвышенностям производилась отнюдь

не сплошная, и дабы местными пожарами она окончательно не истреблялась, а вершины гор не оголялись. Это без сомнения важно, ибо мною многократно для описываемой местности замечено, что с оголением вершин гор и возвышенностей, веками накопленный и крайне все-таки ничтожный слой урожайной земли уже сносится по склонам гор в долины. Этот ничтожный урожайный слой, перемешавшись в большом количестве с валунами, галькой и песком, засоряет лучшие годные для культуры земли долин, чем причиняет последним, а также человеку большой вред. С оголением гор предотвращается или устраняется положительно всякая возможность затем в будущем когда-нибудь облесить эти вершины.

Последнее же крайне необходимо ради спасения от постоянно усиливающихся наводнений, летом мелководий и засух, этого печального, но многочисленными учеными авторитетами доказанного единственно и прямого последствия истребления лесов.

Сосна подобно лиственнице, подвигаясь от ст. Покровской к Кумарской, теряет постепенно качества, так высоко в ней ценимые, строевого леса, но все-таки не так быстро, как лиственница, и опускается значительно ниже лиственницы, именно до верхнего течения реки Бирей. Сосновые леса по Бирее реке еще недавно занимали значительные площади, но теперь, благодаря ежегодным пожарам и поспешной хищнической рубке, от этих прежде величественных лесов остались клочки.

Постепенное ухудшение технических качеств сосны от станции Покровской вниз по течению Амура зависит главным образом: от более теплого климата, большей глубины и лучших качеств почвы, вследствие которых ежегодный прирост сосны значительно увеличивается, что опять обуславливает большую крупнослойность, меньшую прочность (меньшую слоистость) и большую суковатость. При подобных условиях сосна не выдерживает борьбы и постепенно вытесняется дубом и березой. Это я объясняю тем, что вследствие унаследованной сосной склонности расти преимущественно на тощих почвах, вегетативные процессы ее посредством многих генераций приравниваются более к условиям этой тощей почвы, и поэтому сосна, попав затем на более тучные почвы, этим попадает как бы в ненормальные для нее условия и поэтому вытесняется более быстро растущими лиственными породами.

Подобно лиственнице полнодревность сосны от ст. Покровской к Кумарской постепенно уменьшается и в среднем выводе колеблется от 0,523 до 0,486.

В зависимости от большего или меньшего вреда, причиняемого сосне ежегодно повторяющимися палами, при мелкой каменистой почве замечено мною в большинстве сосновых насаждений до 20% непрямызны или погиби ствола, для экземпляров вполне здоровых старшего и среднего возраста.

Процент сердцевинной гнили гораздо меньше, чем для лиственницы и не превышает 10%, особенно у деревьев естественно спелых, у которых началось отмирание вершины. У деревьев среднего возраста, так около 180-летних, он гораздо меньше и не более 5%. Кроме довольно значительных повреждений сосны некоторыми представителями семейства жуков Scolytidae (короедов) и Cerambycidae (усачей), благодаря ежегодным пожарам, усиливающим для размножения во множестве вредных лесных насекомых благоприятные условия, т.е. более пищи, мною еще весьма часто было наблюдаемо повреждение особенно верхней части ствола сосны паразитами растительного царства, именно грибами *Aecidium*

ріні. Повреждение это часто наблюдается в старшем возрасте сосны и для описываемой мною местности в общем не превышает 2% годных в постройку экземпляров. Повреждение это по площади распределено неравномерно и особенно там сильно, где лесной пожар был сильнее, или где периодичность его повторения была меньше. Ниже сего привожу таблицу, подобную предыдущей, – где помещены частью результаты измерений над срубленными экземплярами по большей части припевающей и спелой сосны.

Место взятия моделей	№ по порядку	Качество дерев	Число лет без пня	Высота без пня = 1 1/2 арш.	Условная высота	Окружность на груди в верхк.	Длина годового бревна в гаршин.	Окружность верх- него отруба бревна	Диаметр верх. от- руба бревна с корой
От Покровки до Амазара	1.	Хор.	162	32,0	22,0	28,6	13	21,1	6,7
	2.	Хор.	198	35,5	25,0	35,0	14	27,0	8,6
	3.	Гнил.	?	31,0	26,0	35,2	12	27,0	8,6
	4.	Хор.	235	32,0	23,0	33,5	13	24,2	7,6
От Амазара до Игнашиной	5.	Ветр.	?	34,0	26,0	26,0	13	20,5	6,6
	6.	Хор.	179	30,5	24,0	24,0	10	22,0	7,0
	7.	Хор.	183	37,0	28,2	24,5	10	21,0	6,7
	8.	Ветр.	?	34,0	25,5	33,5	13	25,5	8,1
	9.	Хор.	174	38,5	29,0	28,0	10	24,0	7,0
	10.	Хор.	167	33,5	26,5	25,7	10	24,0	7,6
	11.	Хор.	230	31,5	25,5	32,0	15	25,2	8,0
	12.	Хор.	220	30,5	21,5	34,0	11	27,5	8,7
От Игнашиной до Свербеевой	13.	Хор.	284	30,0	22,0	33,2	11	27,2	8,6
	14.	Хор.	167	25,5	18	22,0	9	17,5	5,5
	15.	Хор.	57	21,0	12,0	19,0	на дрова		
	16.	Хор.	107	32,5	25,0	21,0	9	18,8	5,9
	17.	Хор.	102	27,0	18,2	24,5	9	19,0	6,0
	18.	Хор.	110	29,5	18,2	24,5	9	18,2	5,8
	19.	Хор.	136	36,5	26,0	33,0	11	26,2	8,4
	20.	Хор.	195	28,5	20,0	33,0	11	24,7	7,8
	21.	Хор.	202	27,0	26,7	38,0	13	27,5	8,7
От Свербеевой до Рейновой	22.	Хор.	155	37,7	29,5	22,0	12	18,8	6,0
	23.	Хор.	165	36,5	29,5	23,0	13	19,5	6,2
	24.	Хор.	163	35,5	28,5	22,0	12	18,8	6,0
	25.	Хор.	165	33,0	28,0	22,5	11	18,0	5,7
	26.	Хор.	190	32,0	23,0	32,5	13	24,5	7,7
	27.	Хор.	173	26,0	16,7	28,0	на дрова		
	28.	Хор.	35	16,2	9,2	15,2	„	„	„
	29.	Хор.	185	30,0	23,5	28,0	11	22,0	7,0
	30.	Гнил.	159	32,0	24,0	33,0	13	26,0	8,3

От Рейновой до Орловой	31.	Хор.	196	32,7	25,7	24,7	13	19,2	6,1
	32.	Хор.	226	36,0	25,5	36,0	9	31,0	9,8
	33.	Хор.	187	35,0	27,0	29,5	13	23,0	7,3
От Орловой до Бейтоновой	34.	Хор.	176	35,0	32,5	21,2	9	18,0	5,7
	35.	Хор.	258	34,0	22,2	39,5	9	32,5	10,3
	36.	Хор.	182	29,0	22,0	34,5	11	28,5	9,0
От Бейтоновой до Черняевой	37.	Хор.	148	34,0	23,7	41,5	13	31,0	9,8
	38.	Вет.	2135	36,5	26,2	36,0	11	29,5	9,3
	39.	Хор.	180	25,0	16,0	33,0	на дрова		
От Черняевой до реки Бирей включительно	40.	Хор.	105	31,0	21,5	20,5	9	29,5	9,3
	41.	Ветр.	196	39,0	30,0	35,0	11	30,7	9,6

Приведенные здесь результаты измерений отдельных деревьев сосны могут, пожалуй, показаться лишними интереса и значения.

Противу этого допускаемого мною мнения, считаю долгом доложить, что хотя в своем распоряжении я не имел никаких средств на наем вообще для лесных исследований необходимых рабочих, посредством труда которых мог бы добыть и представить более подробные и верные данные, то, однако, дабы изучить условия роста этой самой важной древесной породы для Амурской области в пределах возможного, я старался заручиться хотя некоторыми, но вполне точными, сюда относящимися данными, часть которых и поместил в приведенную выше таблицу.

Последнее сделано и с той целью, дабы этот первый, точный, хотя и незначительный труд, не затерялся для будущих исследователей лесов в описываемой мною ныне местности, а напротив, дабы каждый из последних мог ясно видеть и избрать для исследования тот путь и основания, которых вообще следует придерживаться, ввиду столько большого разнообразия факторов, влияющих вообще на прозябание сосны.

Таблица эта, кроме того, не лишена отчасти и практического значения. Именно она дает некоторое, хотя приблизительное, представление для каждого района описываемой местности: о качестве, возрасте, толщине, высоте непосредственной и условной и, главное, размерах бревна, которое может быть выделано из каждого дерева. Тем более, что исследованные деревья были мною взяты вообще из характерного типа деревьев: из годных в постройку, наружно прямых и здоровых, и не низкосуких, из вполне сомкнутых насаждений, сосново-лиственничных и лиственнично-сосновых, а размерами из преобладающего количества или господства, известных размеров в каждом насаждении.

В заключение описания сосны, считаю долгом присовокупить, что во всей описываемой местности на многих деревьях замечено примерно около 3% общего количества для деревьев старшего возраста повреждений на верхних сучьях, т.е. иначе в кроне деревьев.

Это желваки (по-народному тетерник), весьма смолистые утолщения, шарообразные и величиной до 3 вершков в диаметре. Образовались желваки, без сомнения, от укусов жуков из семейства *Curguliones*.

Жуки эти, для приготовления себе в будущем обилия пищи, стараются дерево искусственно засушить на корне, дабы, когда дерево засохнет и смола в нем

застынет, не будучи последнею заливаемыми, могли беспрепятственно им питаться и взбуравливаясь в самую древесину посредством отложения там в особых камерах яичек, выводить свое потомство.

Желваки образуются таким образом, что дерево, будучи этими насекомыми поранено в сучьях, в самозащите усиленно выделяет смолистые соки, а вместе с тем вокруг поранения, и камбиальный слой дерева остается от избытка приплывающих соков не бездеятельным и образует вокруг новые слои древесины.

Вследствие этого на верхних сучьях сосны растет, так сказать, опухоль, сильно пропитанная эфирными маслами или смолой.

Населению описываемой местности сосновые желваки или тетерник служат зимою для более бедных освещением вместо свечей и лучины, а также для выкурки смолы.

Для собирания его много сосны напрасно срубается и гниет в лесу.

Ель сибирская (*Abies obovata*)

Это последний немногочисленный по количеству экземпляров, представитель хвойных в описываемой местности.

Ель растет не очень толстым деревом и маленькими насаждениями по некоторым рекам и лесным ручьям на почвах влажных суглинистых. По своему незначительному количеству не представляет и не будет для края важной в лесном хозяйстве породы.

Лиственные

А. Древесные

Береза белая и черная (*Betula alba et davurica*).

Обе растут в описываемой местности чистыми незначительными насаждениями, более всего и в различной степени смешения: с лиственницей, сосной и дубом. Оба вида березы неодинаково спускаются вниз по Амуру. Так, от Покровки до Черняевой станицы преобладает белая береза. Черная береза только около Черняевой, появляясь небольшим деревцем, постепенно вытесняет затем белую и ниже по Амуру до Благовещенска уже встречается одна. Оба вида употребляются населением исключительно на дрова и многочисленные сельскохозяйственные поделки: на полозья, на оси, подушки, телеги, сани; а кора белой (береста) для сидки дегтя и на выделку: туесов, лодок, поплавок.

Кроме упомянутых двух видов еще встречается на довольно значительных пространствах, именно по болотам и марям, маленький кустарный вид березы, так называемый березовый ерник (*Betula palustris*).

Дуб (*Quercus mongolica*).

Появляется маленьким кустарником между станицами Пермькиной и Бейтановой. Затем далее вниз по Амуру, постепенно утолщаясь, немного выше Благовещенска представляется корявым деревом средних размеров и употребляется преимущественно на дрова.

Все срубленные для исследований деревья, как только толще руки, оказались уже с сердцевинной гнилью до такой степени, что, например, все деревья

самые толстые вершков 6–8 на высоте груди при высоте до 13 аршин, оказались с дуплами в середине.

Живая оболочка дуба равнялась всего от 1–2 вершков кругом. Остальное в середине все выгнило. Это повальное повреждение следует приписать всецело лесным пожарам, не дающим маленьким дубкам подняться. Если который и вырастает, то хилый и хворый, а таким образом, борясь ежегодно почти с этой страшной стихией, делается на 20-летнем уже возрасте приготовленным вполне к восприятию паразитов растительного царства, именно микроскопических грибов. Почва, по исследованию моему, оказалась совершенно соответствующей дубу.

Осина (*Populus tremula*)

Во всей описываемой местности встречается на прежних вырубках и пожарах довольно часто.

В насаждениях прочих пород редко и единично. Любит почвы тучные и влажные.

Достигает размеров в высоту не более 15 аршин и в толщину диаметра на высоте груди вершков 6–8. Сердцевинной гнили чрезвычайно много.

Вяз (*Ulmus glabra*)

Встречается преимущественно: на островах по реке Амуру и в защищенных падах, по речкам и ручьям в смеси с другими лиственными породами. Чаще всего попадаете ниже Албазина, достигая значительных размеров до 18 аршин высоты и до 35 верш. в окружности на высоте груди.

Липа (*Tilia cordata*)

Попадаете совместно с *Ulmus*, достигая до 12 аршин высоты и 19 вершков в окружности.

Черемуха (*Prunus padus*)

Встречается подобно предыдущему роду на островах и защищенных местах около рек и ручьев, на почвах наземных глубоких и влажных. Достигает до 14 аршин высоты и 15 вершков в окружности.

Клен (*Acer ginnala*)

Появляется в описываемой местности ниже станицы Кумары, достигая до 10 аршин высоты.

Б. Кустарные

Лещина (*Corylus heterophylla*)

Небольшой кустарник, редко до 2 аршин высотой, занимает как по склонам гор, так и вершинам весьма значительные пространства и по причине частых лесных пожаров обыкновенно подымается очень маленьким кустарничком не выше аршина, составляя самый обыкновенный подлесок к дубу и березе.

Плод его – маленький орешек, отличающийся от прочих видов формой и чрезвычайно толстой скорлупой.

Боярышник (*Crataegus sanguinea*)

Встречается часто в описываемой местности на почвах хороших, около ручьев и речек, достигая 3–4 аршин высоты.

Рябина (*Sorbus aucuparia*)

Встречается там же и достигает размеров таких же, как предыдущий род.

Бузина красная (*Sambucus racemosa*)

Растет не часто, но от Покровки до Благовещенска попадаетеся корявым кустарником до 3 аршин высоты, особенно на скалистых склонах более значительных гор.

Таволга (*Spiraea salicifolia*)

Растет по сырым местам, часто на значительных пространствах, также по берегам рек и озер, достигая до 1½ аршин высоты.

В. Полукустарные

К полукустарным растениям, составляющим частью в лесах описываемой местности обыкновенный растительный покров, а частью местами прозябающим, относятся: голубика (*Vaccinium uliginosum*); малина (*Rubus idaeus*); красная и черная смородина (*Ribes rubrum et nigrum*).

ГЛАВА II ЛЕСНЫЕ УРОЧИЩА И НАСАЖДЕНИЯ

Вокруг станицы Покровской, как по берегу реки Амура, так и в тайге на значительное расстояние преобладающей или господствующей породой по количеству экземпляров является всюду лиственница; как чистыми (строевыми и дровяными) насаждениями на значительных площадях, так равно в смешении в различной степени, с строевой приспевающей и спелой главным образом сосной.

Насаждения лиственницы занимают преимущественно склоны гор, а также и горы с почвой более тучной и влажной.

Насаждения сосны, наоборот, чистыми более всего встречаются по хребтам и самым высоким вершинам гор, где почва по преимуществу более мелкая, сухая и каменисто-рассыпчатая. Подлесок обыкновенно составляют белая береза и осина на просветленных вырубках, а также прочие кустарные и полукустарные породы. Ввиду того, что сосна по всей исследованной местности составляет самую главную и почти исключительно для построек употребляемую породу, а лиственница преимущественно на местах ее успешного произрастания вырубается на топливо для пароходов и нужд местного казачьего населения, то в последующем описании до реки Бирей и Белой, вливающих в Амур ниже станицы Кумарской, на нее будет обращено особенное внимание.

Теперь же, переходя к возможно краткому перечислению более значительных урочищ, где эта порода (сосна) встречается на общем господствующем фоне лиственничных лесов, начну описание, дабы приурочить более значительные лесонасаждения к чему-нибудь определенному и постоянному, с Покровской станицы подвигаясь по течению левой береговой полосы Амура.

Итак, около Покровки встречается по горам много хороших насаждений сосны, но более всего, особенно на склонах, лиственницы. Ближайшее население на свои нужды лесами еще вполне обеспечено, хотя не на очень долгое время. Потому что при условиях такой заготовки леса, вообще какая практикуется в описываемой местности, часто не вызванной необходимостью, а так, привычкой, ради которой срубается множество деревьев, потому что разошлась рука и разгулялся топор. Это кажущееся теперь еще обилие лесов, нисколько не пополняясь, но сильно истощаясь, лет через 20 и не более, если лесоистребление пойдет вперед с такой же быстротой, окончательно прекратится и о лесах останется только воспоминание.

Урочище около Кудикана речки, вглубь к северу от Покровки в 10 верстах расстояния, отличается многими хорошими сосновыми лесами. Это длинный вдоль вышесказанной речки косогор к западу, приблизительно в 20% уклона. Насаждения здесь: чистые сосновые приспевающие и спелые, около 200-летнего возраста, полноты 0,7.

С краю этих лесов недавно начали рубку и вывозку сосновых бревен на постройку размерами: длиной 3–5 сажень и 6 до 8.

Ниже станицы Игнашиной еще много хороших годных в постройку лесов: в урочищах Майдаинской Елани, Омутинской, Ельничном, речке Магдае и у голлой косы. Здесь леса более всего смешанные, лиственнично-сосновые. Насаждения приспевающие и спелые, хорошие полные, от 150 до 250 лет, среднего возраста. Полнота посредственная и смешение пород весьма разнообразное.

Около станицы Сгибневой по речке Монастырке попадают леса вполне хорошие: сосново-лиственничные, спелые, около 250 лет возраста, но довольно сильно пореженные рубкой лучших экземпляров для сплава в г. Благовещенск.

Около Свербеевой в урочище Фаланском еще много хороших сосновых насаждений. Это урочище находится в 7 верстах от ст. Свербеевой; из него производится выборка и рубка лучших бревен сосны для построек в станице.

Ниже Свербеевой хорошие сосновые леса встречаются в урочищах под общим названием Черенеловых, которых, собственно, три: первое в 18 верстах, второе в 26 и третье – в 41. Лучшее из них второе Черенеловое. Тут я видел самые лучшие насаждения прекрасных качеств сосны. Большинство деревьев в насаждениях высокие, гладкие и полнодревесные. Нередки насаждения в 1,0 полноты. Это самые полные насаждения из виденных мною в описываемой местности.

Степень смешения от 0,5–0,9 сосны и 0,5–0,1 лиственницы.

Почва хорошая, суглинистая, со слоем назема, до 2 вершков толщиной. Вред палов последнего времени и здесь заметен. Многие деревья с подпаленными корнями и уже валяются. Без этого повреждения лесными пожарами, наверно, деревья были бы еще более роскошного роста, как в высоту, так и в толщину.

Большинство деревьев 35-аршинной высоты, при диаметре на высоте груди, до 10 вершков и более; погиби ствола в насаждениях замечается небольшой %, но тетерника или желваков на верхних сучьях сосны много.

Около станицы Орловой, в урочищах Каменной пади и Глубокой пади, растут хорошие строевых размеров сосновые леса. Местоположение средневозвышенное. В насаждениях производилась выборочная рубка бревен. Степень смешения 0,7 сосны и 0,3 лиственницы. Теперь полнота 0,6, а есть признаки, что прежде была 1,0 полноты. Возраст 160–200 лет.

Кругом станицы Рейновой леса значительно повырублены на довольно большое кругом расстояние и особенно здесь резко проявляется вред лесных пожаров и палов.

Население, дабы более доставить сена по выгодным ценам на золотые прииски Верхне-Амурской К^о, каждый год усиленно пускает палы по сенокосам, лесам и болотам.

Подобным образом и по дороге по обоим сторонам на большие расстояния от станицы Рейновой на золотые прииски Верхне-Амурской К^о леса, состоящие преимущественно из насаждений лиственничных, сильно повреждены палами. На всем протяжении дороги в тайгу 106 верст леса по смежности, частью повырублены для устройства и ремонта дороги именно: на мосты, гати, зимовья, а также для станицы и жилых построек. Все это вырублено и вырубается ежегодно приисками, без копейки хотя бы платы в казну за пользование государству принадлежащими лесами.

Как выше было сказано, по обе стороны этой дороги на значительные расстояния леса состоят из поврежденных лесными пожарами лиственничных насаждений, почти чистых, с незначительной примесью белой березы и осины. Более всего насаждений, приспевающих около 180 лет, без подлеска, так как последний поврежден, засох или выжжен окончательно палами. Везде много валежника и ветровала.

Сосновых лесов мною не замечено, на всем этом 106-верстном протяжении в тайгу. Только в правой стороне, по середине последнего перегона к приискам, на вершинах хребта, идущего с северо-запада к долине Амура, есть хорошие сосновые и довольно значительные пространства леса.

Кругом же площади, занятой приисками Верхне-Амурской частной золотопромышленной К^о, за исключением случайно уцелевших кусочков зарослей, а не лесов, леса на 9 верст вырублены почти сплошной вырубкой. Далее 9 верст попадают поврежденные палами и печальные лиственные насаждения с примесью березы белой и единичными вкрапленными куртинками сосны. Валежника и ветровала множество. Лесные насаждения, даже довольно удаленные, по собранным сведениям, от района приисков Верхне-Амурской К^о, имеют такой же, благодаря пожарам, печальный вид.

Бесцеремонное истребление лесов повторяется ежегодно, в силу раз заведенной привычки, небрежности и полного отсутствия как контроля, так и всякой ответственности за это горькое последствием хищение.

Самые прииски расположены на речке Джилинде, правом притоке Зеи.

По собранным мною на приисках сведениям от рабочих, ходивших в разных направлениях, весьма иногда далеко в тайгу в поисковых партиях, сведениям, только отчасти заслуживающим доверия, оказывается, что для верхней половины Амурской области первое место по пространству занятой площади и количеству экземпляров принадлежит лиственнице, а сосна занимает приблизительно $\frac{1}{5}$ часть всей площади, а, значит, второе место в полосе, еще точно не установ-

ленной распространения вообще хвойных пород. Относительно же распространения ели (*Abies obovata*) я узнал, что эта порода встречается между хвойными насаждениями довольно редко, в некоторых только долинах.

По этим же сведениям, будто бы между реками Уркуном и Улангой, правыми притоками Зеи, по зимней дороге из станицы Черняевой на Зейский склад Верхне-Амурской К^о, находились особенно хорошие леса (что подтвердил главноуправляющий г. Нерпин), но в прошлом и настоящем году эти леса весьма сильно пострадали от свирепствовавших лесных пожаров, и что множество теперь сосны свалилось и валится от малого даже ветру.

Около станицы Албазина (592 версты от Благовещенска) леса встречаются главным образом лиственничные и реже сосновые. Те и другие: с березой и осиной и подлеском из тех же пород, а также часть дерна, таволги и черемухи.

Ниже Албазина впервые замечены небольшими кустарниками дуб (*Quercus mongolica*) и лещина (*Corylus heterophylla*) на почвах более всего суглинистых и наземных, достигая высоты: первый от 2 до 3 фут., а второй от 3 до 4 футов.

Ниже Албазина, в урочищах Минау и по речке Алме, встречаются довольно хорошие смешанные леса сосны и лиственницы, во всем схожие с выше сказанными.

В урочищах по речке Чалбуге, в расстоянии 24 верст от Пермькиной, по склонам и вершинам гор насаждения более всего лиственнично-сосновые, хорошие и годные в постройку. Здесь уже дуб встречается чаще, достигая толщины ствола в руку, а кустарная лещина и черная береза составляют в лесах обыкновенный подлесок.

Сосновые леса кругом и между станицами Толбузиной и Ольгиной сильно повырублены для построек г. Благовещенска; так что насаждения представляются истощенными и с множеством от сплошных вырубок прогалов и просветов. В настоящее время преобладающей оказывается незначительных размеров черная береза с подлеском из лещины. Все здесь сказанное относится всецело к береговой полосе Амура, далее же вглубь, в тайге, леса получше и не так вырублены, но зато еще сильнее пострадали от палов.

Около станицы Черняевой (400 верст от Благов.), в урочище Широкая падь, а также вокруг его на дальнейшее расстояние преобладающими насаждениями являются сосновые в смеси с плохого качества дровяным дубом и черной и белой березами. Из самого близкого края этого урочища население станицы Черняевой возит лес, как строевой, так дровяной за 8 верст расстояния.

Для города же Благовещенска, как строевой сосновый, так и дровяной прочих пород лес рубится ниже Черняевой, по берегу Амура из вершин, склонов и падей не далее 2 верст от берега.

В урочище у речки Торой ниже станицы Черняевой встречаются преимущественно леса лиственнично-сосновые, причем сосна особенно хороших строевых качеств повырублена и сплавлена в гор. Благовещенск. Здесь заготовка леса для Благовещенска ведется самая хищническая и почти сплошная. Тут существуют настоящие зимовья, в которых ради заготовки лесов для города Благовещенска живут даже зимой постоянные рабочие благовещенских мещан, промышленяющих лесом.

Между станицами Кузнецовой и Ермаковой по рекам: Власихе и Калиновке растет пока еще довольно много хороших качеств лиственнично-сосновых лесов,

с дубом, достигающим размеров не крупного дровяного леса, и также черной березой и кустарной лещиной.

В значительном по пространству урочище Цагаян, ниже Ермаковой станицы на Амуре, почитаемом и теперь еще инородцами за священное по причине иногда выделяющегося дыма из незначительных прослоек бурого каменного угля, которым в верхней части прорезаны обрывы значительных толщ белого песчаника, на довольно большое расстояние в тайгу леса имеют следующий характер:

Господствующей породой, как это видно по оставшимся пням вырубленных деревьев, была сосна. Теперь, после ее вырубki для г. Благовещенска, по всем окружающим горам, скатам и падям осталась только кое-где лиственница, и то незначительных размеров. В этом урочище, благодаря особенным удобствам вырубki и сплава леса в г. Благовещенск, ведется давно уже хищническая и почти сплошная вырубka лесов. Здесь живет постоянно целым хозяйством настоящий хищник лесопромышленник. Он посредством 20 постоянных рабочих летом, а зимой и гораздо более, вырубает не только одних строевых размеров бревна сосны и лиственницы, но также и остальной лес, сплошь на дрова. Веденный им способ рубки таков, что не дает пощады никакому дереву, и, если оно по породе и качествам не годится для постройки, то он вырубает его на дрова. Строевой и дровяной лес вывозит на лошадях за 5 до 10 верст к берегу Амура и здесь сплочивает бревна в плоты плитками по 10 бревен, на которые наваливает выделанные: сани, полозья, подушки, оси, оглобли, дуги и даже уже нарубленные дрова.

Этим способом рубки не дается пощады никакой породе леса и размеру, почему вся береговая полоса Амура, от урочища Цагаян до Кумары, представляет оголенную совершенно площадь, и если кое-где остались по причине затруднительности вывозки кусочки леса, то это собственно не леса, а сильно истощенное редколесье, состоящее из деревьев корявых и негодных, и которое через год или два будет окончательно вырублено на дрова.

Дальнейшее описание лесонасаждений в побережной, самой важной полосе Амура, ниже урочища Цагаян, будет более кратким, потому что так как леса почти сплошь уже вырублены, особенно строевые, то и описывать нечего. Так жители станицы Кумарской более всего приобретают лес, необходимый для постройки (сосновый), или покупкой пригоняемых жителями верхнего Амура плотов, или посредством того, что кому лес нужен, отправляется вверх по Амuru рубить и вывозить бревна к берегу Амура, а затем весной сплавляет их. Для отопления своих жилищ, а также для пароходов, вырубается плохой дровяной лес до 10 верст расстояния от станицы.

Ниже Кумарской станицы (212 верст от Благов.), леса еще частью уцелели только по верхнему течению реки Бирей и Белой. Так по реке Бирей, недавно изобилующей отличных качеств строевыми сосновыми лесами, теперь только за 12 верст выше крестьянского селения Соскаля, из выходцев губернии Астраханской, уцелели остатки сосновых лесов.

Крестьяне селения Соскаль, расположенного на реке Бирее, пользуются этими лесами для своих надобностей, а более всего для сплава и продажи по выгодным ценам в Благовещенск. Река Бирея удобна для сплава леса не только россыпью, а даже плитками по 10 бревен, на протяжении 40 верст от устья. Оставшихся лесов по верхнему течению Бирей, если лесоистребление далее

будет подвигаться столь же быстро, на что есть полнейшая вероятность и если не будет принято никаких ограничивающих мер, по моему убеждению, хватит лет на 5 и никак не более 10.

Между станицами Новокумарской, лежащей по реке Бирее, и Симоновской на реке Белой, еще замечается несколько уцелевших остатков по малой доступности сосновых лесов, особенно в Симоновской пади, – но тут уже года два тому назад началась вырубка лесов, и вполне вероятно, что эти леса исчезнут в самом недалеком будущем. Здесь я видел незначительные насаждения сосны с подлеском из белой и черной берез, а также никуда не годного, разве на плохие дрова, экземпляра дуба. Деревья носят признаки сильного повреждения их лесными пожарами.

Около станицы Корсаковой (144 версты от Благов.) леса сильно вырублены, и строевой лес приобретает посредством сплавов или покупки. Плохого же качества дрова население станицы заготавливает из пород: дуба, черной и белой березы.

Ниже Корсаковой по речке Сухой, выше Сухотинского почтового станка, лесов вовсе уже нет. Только по горам и падам кое-где редкие насаждения дубняка и единично черная береза.

Еще к этому должен прибавить, что верстою ниже Сухотинской почтовой станции существует заимка войскового старшины Караулова.

На этой заимке несколько жилых домов, где живут рабочие и приказчик, занимающиеся выжигом известки. Состояние лесов подобное во всем вышесказанному. Относительно же выжигания самой известки следует прибавить, что добывание ее служит одним из факторов, способствующих истреблению окружающих лесов. Так, известка обжигается в двух печах, из которых за один раз от одной печи, получается известки 12000 пудов, а от другой 6000 пудов, и сжигается для первой 60, а для второй 45 сажен березовых и дубовых одноаршинных дров.

За зиму обыкновенно успевают сделать от 3 до 5 обжигов. Значит расходуется дров вышесказанных, кроме отопления жилых барачков, от 315 до 525 сажен.

Кругом станицы Бибиковой строевых лесов почти никаких нет, и население станицы достает нужный лес или самовырубкой и сплавом из мест выше по Амуру, или приобретает покупкой. Плохие же, подпаленные пожарами дрова, дубовые и березовые достают из-за 8 до 15 верст расстояния.

Ниже станицы Бибиковой (76 верст от Благов.) по причине более плотного населения, как казачьего, так и крестьянского, состоящего из духоборов, молочан, субботников, в деревнях и станицах: Сергеевке, Михайловке, Екатериновке, Марковой и Игнатьевой, вплоть до города Благовещенска положительно от лесов нет и следа; остались по хребтам только кустики дубняка и лещины, и эта местность, не более 15 лет еще весьма богатая лесами лиственных пород, представляется безлесной пустыней и крайне уже нуждается даже в топливе, которое заготавливает в хребтах, весьма плохих по теплотворности качеств, за 20 до 30 верст расстояния.

Резюмируя все мною выше изложенное в сей главе, я прихожу к тому убеждению, что лесами, как строевыми, так и топливом, обеспечено покамест население берегов Амура, начиная со станицы Покровской до Черняевой (на протяжении 400 вер.), но что этому населению, при условии ежегодно повторяющихся

лесных пожаров и бесцельном лесоистреблении, если не будет относительно лесных палов принято надлежащих мер, хватит без затруднений лесов не более как на 10 лет.

Это потому, что лесоистребление подымается, начавшись ранее около Благовещенска, с большой быстротой и каждый год, понятно, усиливаясь, достигло почти станицы Черняевой, оставив за собою особенно по близости к Благовещенску голую безлесную пустыню. Рассчитывать же на то, что лесоистребление само собою остановится, нет никакой вероятности и основания, так как все факты из истории лесоистребления вообще, как в Европе, так и во всей России указывают, что если не принять ограничивающих его мер, оно тогда только остановится, когда уже от лесов не останется и следа.

Перехожу к главе, доказывающей, в чем именно состоит вред, причиняемый краю лесными пожарами, как самой главной причиной лесоистребления.

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА I

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ ИЛИ ПАЛЫ

Пал – это местное сибирское название. Огонь, все равно пущенный ли человеком умышленно или не умышленно, распространяясь по степи или открытым местам и сенокосам, – называется степным палом или пожаром, и даже просто палом; достигнув же и распространяясь по площади занятой лесом, приобретает название лесного пала, или, все равно, лесного пожара. Лесной пожар при тихой погоде распространяется концентрическими кругами, при ветре же, главным образом, направление его движения и степень напряжения обусловливается направлением и силой ветра.

Лесные палы или лесные пожары возникали и возникают более всего по двум причинам:

- I. по неосторожности обращения человека с огнем.
- и II. по непосредственной воле человека.

Относительно этих двух главных причин возникновения лесных пожаров следует признать, что, как первобытный человек, так и настоящего времени житель Амурской области по унаследованной привычке относится крайне легко к лесам, как вообще ко всему тому, что не досталось ему и не добыто собственным тяжелым его трудом. Сознание ценности известного, доставшегося нам легко блага, и желание сберечь его обыкновенно является только тогда, когда в этом благе ощущается уже крайний недостаток. Но когда наступает момент недостатка в лесе, то уже тогда наступает почти бедствие – и поправиться, ввиду того, что леса растут веками, не легко, и требует громадных, почти всегда непосильных средств.

Вот почему поселение, имея взгляд на леса, как на никому не принадлежащий дар природы, приучается ценить леса или когда их окончательно истребит, или когда мерами администрации не будет допущено к этому и постепенно приучится видеть в обилии лесов свою прямую пользу.

До этой же поры истреблению леса, не сдерживаемому законом, оно не придаст никакого значения, полагая лесное богатство вечным и неиссякаемым.

I. Мною дознано, что случаи возникновения лесных пожаров в Амурской области по причине неосторожного обращения с огнем весьма не редки и происходят:

1. От раскладываемых огней во время остановки людей в лесах, лесных опушках, полянах и покрытых сухой травой лугах. После ухода людей непогашенный по беспечности, небрежности и полному отсутствию сознания этой

меры огонь, в зависимости от силы и направления ветра, охватывает все далее и далее леса на тысячи квадратных верст, покамест не потухнет сам, дойдя до озера, реки или болота.

2. От выжигания палами: сенокосов, лесных полян и участков, которые население зажигает, а само уходит домой, нисколько не заботясь, что затем будут гореть ни в чем не повинные леса.

3. От нарочного, небрежного опаливания приисков и даже некоторых селений, при котором тщательно тушится край горящей полосы, обращенный к приискам и селениям, а вовсе не к лесам.

II. По непосредственной воле человека огромные площади леса уничтожаются лесными пожарами очень часто:

1. Дабы посредством истребления лесов доставить скоту поближе к дому пастбище.

2. Дабы разработать затем какую-нибудь ничтожную по площади поляну для культуры хлебов.

Но беда вовсе не в том, что для культуры хлебов и трав занимается из-под леса нужная для пользы человека площадь – это необходимость, с которой везде и всегда мирилось лесное хозяйство, сознавая эту пользу и даже всеми разумными мерами способствуя ей.

А несчастье в том, что это занятие лучших и необходимых для земледелия из-под леса земель производится, как я убедился в Амурской области, крайне неразумным и просто варварским способом. Потому что для того, чтобы около селения приготовить для пастбы скота и пашни какой-нибудь десяток десятин, казак или поселенец Амурской области пускает просто пал в лес, и этот лесной пал, гуляя, истребляет огромную массу древесины на значительных площадях, пока сам не потухнет.

Правительством уже давно (1800) признан страшный вред занятия человеком ради земледелия подобным варварским, повторяю, способом необходимой из-под леса земли – ничтожной по пространству и количеству на ней растущих лесов, сравнительно с той остальной площадью лесов, которая при этом бесцельно и без пользы сторае. В предупреждение подобного огульного хищнического истребления государственной собственности и доставшегося нам по наследству дорого – благодаря влиянию на климат, почву и проч. проч. – блага, т.е. лесов, наш закон, нисколько не запрещая в многолесных местностях ради развития земледелия расчистку угодий из-под леса даже огнем, устанавливает только меры предосторожности, обязательные при производстве подобных расчисток.

Палы лесные повторяются ежегодно в области и горят, в зависимости от сухости лета, с весны до самого начала осени.

Дым от этого, стелющийся по земле иногда летом в течение месяца и более, не дает дышать людям даже в городах; что без сомнения нельзя признать гигиенически полезным вообще для человека.

Определить, хотя приблизительно, количество лесов, ежегодно таким образом лесными пожарами уничтоженных, нет никакой пока возможности. Но что это количество громадно, не подлежит никакому сомнению, и, по моему мнению, превосходит в приближении в 1000 раз количество истребляемого на свои нужды леса всем населением Амурской области.

Этот вред причиняется лесам Амурской области, как видно по самому важному признаку для этого по слоям исследованных мною нарочно многих деревьев недавно: так, лет около 18–20 назад он только резко определился и затем по настоящее время все усиливается ежегодно. Что как раз совпадает и объясняется временем занятия и усиления населения на Амуре.

Пускаемые без всяких предосторожностей или нарочно, вопреки закону и здравому смыслу, в лесах палы вследствие привычки, легкомыслия и бесшабашности – имеют теперь уже как для земледелия, так для климата, полноводья, наводнений и засух, замеченные мною печальные для Амурской области последствия.

Я опасюсь, что мне не хватит способности, сил и красок более или менее точно нарисовать ту щемящую душу картину, которую теперь представляют из себя леса Амурской области после столь многократных и злосчастных палов.

На десятки тысяч квадратных верст, без пользы для казны и кого бы то ни было, истреблены лесными палами сотни миллионов кубических футов плотной древесной массы.

Пораженный ужасом этого колоссального истребления лесов Амурской области, я долгом своим считаю доложить, что согласно приблизительных вычислений моих, если против прекращения лесных пожаров не будет принято никаких мер, то не далее, как через 20 лет, благодаря кроме того увеличивающемуся населению и усиливающейся промышленности края, посредством пароходов, приисков, заводов и фабрик, лесов, годных на что-нибудь, не останется и следа, и Амурская область превратится в пустыню.

ГЛАВА II

Род и степень вреда, причиняемого нам лесными пожарами, весьма различны и обуславливаются чрезвычайно многими подробно исследованными и доказанными без меня и ранее меня обстоятельствами.

Стесняясь рамкой сего очерка и поэтому не имея возможности подробно цитировать выводы вполне компетентных и ученых исследователей по этому имеющему очень богатую литературу вопросу, я постараюсь вкратце указать только на важнейшие бесспорные уже обстоятельства, которые, полагаю, в должной степени выяснят значение и цель сбережения лесов; а значит необходимость, по возможности, прекратить лесные пожары.

1. Лесными пожарами непосредственно сжигается сам лес, а также подпалываются стволы, сучья, корни и мочки деревьев; вследствие чего деревья сразу или постепенно в течение нескольких лет засыхают и валятся, образуя груды валежника и ветровала, а этим истощая леса, кроме того, усиливают опасность размножения крайне вредных для остальных лесов насекомых.

2. Благодаря опалению лесными пожарами у деревьев: ствола, ветвей, корней и мочек, если даже эти деревья не валятся сами от ветра, как выше сказано, то зато вследствие повреждения, страдания и нарушенного правильного питания, выражающегося качеством древесины и полезного годичного слоя, прирост массы качественно и количественно уменьшается.

3. Выраженные в пункте 2 условия имеют также последствием многие болезни у деревьев; так замечена мною в значительной степени сухостершинность и сердцевинная гниль: у сосны и особенно лиственницы, дуба, березы и прочих пород. Серцевинная гниль – это результат развития во множестве микроскопических паразитов растительного царства, именно низшего порядка грибов, не одних и тех же для различных пород древесных.

4. От каждого пожара каждому последующему лесному пожару вследствие засыхания деревьев, большого ветровала и валежника приурочивается более пищи или материала для горения, и поэтому каждый последующий за первым пожар делается более опасным для лесов, т.е. он производит более полное лесоистребление; потому что пропорционально силе огня увеличивается количество засохших и сваленных лесным пожаром деревьев, причем это продолжается до того предела, пока леса окончательно не сгорят.

5. Ежегодными лесными пожарами в Амурской области вполне систематически уничтожается подрост в лесах, т.е. молодые деревца, которых природа так заботливо выращивает на смену старых насаждений под необходимым им пологом и тенью последних.

6. На площади, занятой сомкнутым пологом леса, этим самым главным источником, регулятором и хранителем необходимой всем растениям, в том числе полевым хлебом и травам, влажности, после лесных пожаров оказывается большое чисто просветов и оголившихся мест с множеством обгорелых и валяющихся частей деревьев и полным отсутствием молодого лесного подростка. Все это с доступом света и ветра способствует более быстрому и сильному высыханию почвы, которая с наступлением этих благоприятных для сорных лесных трав условий покрывается густым сплошным покровом сплетшихся между собой корней последних, иначе выражаясь, почва задернивается. Последствием же этой задерненности возможность естественного облесения, выжженной лесным пожаром площади, облесения самой природой, посредством принесенного ветром или опавшего из случайно уцелевших деревьев семени, уменьшается, потому что это семя не находит прежних благоприятных и необходимых ему для прорастания условий, ибо попадает не на влажную лесную землю, а на сплошной дерн сорных растений.

В силу этого, если бы даже случайно которое-нибудь из семян древесных пород дало росток, то при неровных вследствие изменившихся условий (задерненности и отсутствия прежней влажности), шансах борьбы за существование с укоренившимися сорными травами, оно неминуемо в большинстве случаев должно погибнуть.

В заключение следует добавить, что вследствие повреждения деревьев, урожайность и всхожесть семян для деревьев, случайно уцелевших, уменьшаются, а периоды времени семенных годов увеличиваются с прежних 4 примерно до 10 и более лет.

Этим пунктом, между прочим, главным образом объясняется, почему на известной довольно значительной площади истребленные однажды леса вообще и никогда или в течение весьма продолжительного срока, необходимого (без вмешательства человека) для смены нескольких, в течение веков, генераций растительности, не могут появиться и укорениться вновь. Это целый

для растительности и плодородия почвы переворот. Примеров этому очень много, хотя бы Палестина и многие степи.

Поэтому лесные пожары, систематически истребляя как растущие еще леса, так особенно молодые поколения деревьев, превращают весьма быстро очень лесистые местности в безлесные пустыни, со всеми их ужасами и последствиями по причине наводнений, мелководья и засух, не говоря уже о других.

7. Особенно резко и скоро вред лесных пожаров, а значит лесоистребления, проявляется на возвышенностях, склонах и вершинах гор.

Известно, что по мере поднятия в гору, сила огня благодаря вертикальности при прочих совершенно равных условиях увеличивается, и поэтому на склонах гор леса выгорают значительно сильнее, чем в долинах, что между прочим обусловливается большей относительной влажностью последних.

Это более полное сгорание лесов на вершинах и склонах гор в связи с предыдущим влечет за собой проявление более резких и очевидных последствий, а именно:

а) Подобно тому, как было выше сказано при описании сосны, а именно повторяю вкратце.

Почва обнажается, урожайный слой ее с песком и камнями сносится, засоряя этим реки и ручьи. Вследствие оголения вершин и склонов и отсутствия задерживающего сильно влагу перегнойного слоя почвы, дождевая и снеговая вода быстро стекает, переполняет реки и причиняет наводнения. И что с оголением вершин от урожайного слоя устраняется возможность облесить горы в будущем, что все-таки рано или поздно необходимо.

б) С истреблением лесов на горах и склонах и более быстрым стеканием дождевых и снежных вод в ручьи и реки тесно связано то обстоятельство, что вода, не встречая никакого механического и физического препятствия, в снесенных уже водой, как перегнойном слое, так и в остатках древесной растительности, характеризующихся весьма большой влагоемкостью, не просачивается в почву в более глубокие слои ее, а напротив, стекая только по наклонной плоскости гораздо быстрее, чем прежде, не напитывает почву вовсе или менее, и потому вслед за быстрой и опасной благодаря этому прибылью воды в долинах и реках, затем не питает этих долин и рек равномерно и постепенно, а это вот самая главная причина последовательных явлений: уменьшения плодородия, наводнения, мелководья и засухи.

Ввиду чрезвычайно важного значения сейчас изложенного пункта, по причине вообще сильной гористости Амурского края и, принимая во внимание, что бассейн правого берега Амура, принадлежащий до города Хабаровки Китаю, в последнее время по каким бы то ни было причинам быстро и усиленно заселяется китайским правительством, то за собой, без сомнения, поведет с развитием там культуры хлебов и трав значительное в этой тоже гористой стране уменьшение общей площади лесов, до настоящего времени защищающих нас своим влиянием (насыщая их влажностью) и механической естественной преградой (умеряя силу и продолжительность) от крайне вредных, причиняющих засуху, летних сухих ветров громадной степи Гоби, а также и то, что: засухи, наводнения, заморозки и мелководья становятся с каждым годом более частыми явлениями для всего Амурского края, нам необходимо, ради процветания земледелия, а значит, благосостояния края, крайне беречь возможно долго и возможно большую

площадь лесов, а не жечь их и истреблять лесными пожарами. Я мог бы привести по этому случаю много примеров, как многие народы, истребив леса, похоронили этим свое земледелие и культуру. Когда затем на горьком опыте многие правительства убедились, что процветание земледелия всецело обуславливается возможно большей площадью лесов, начинается с половины настоящего столетия, когда лесов осталось очень мало, ряд мер и все усиливающихся денежных затрат, дабы хотя частью, парализовать последствия бесшабашного лесоистребления.

Ради краткости, привожу пример из гористой местности Франции.

«В 1860 и 1864 французским правительством изданы законы касательно облесения горных отлогостей с целью предохранения долин от наводнений, и с того времени дело подвигается чрезвычайно успешно на протяжении 21 департаментов, прилегающих к отлогостям: Альпов, Пиренеев, Севей и Среднему Французскому плоскогорью. Одни работы, совершенные по распоряжению и на издержки правительства, обнимали (в 1881 году) около 100 000 гектаров (90 000 дес.) и обошлись в 17–18 миллионов франков, кроме предпринятых на свой счет общинами. Правительство располагает облесить всего 750 000 гектаров, что обойдется приблизительно в 150 миллионов франков. Издерживая на эти работы несколько миллионов франков ежегодно, можно предполагать, что облесение всех важнейших возвышенностей Франции окончено будет в 50 лет, и тогда этому государству справедливо можно будет гордиться победой своей над разрушительными силами природы, а также и тем, что нынешнему поколению удалось загладить грех, содеянный неразумными предками».

Поэтому я полагаю, что дабы дело истребления лесов пожарами в Амурском крае не привело к подобным результатам, имея в виду, что Амурский край будет, если истребить леса, представлен исключительно сам себе, так как правительство наше, хотя и не богатое денежными средствами, будет преимущественно посредством посильных затрат продолжать уже начавшуюся борьбу с последствиями лесоистребления в районе Европейской России, то необходимо, пока не поздно, ради сбережения лесов Амурского края как государственной собственности, которая уже дает и будет давать все увеличивающийся доход, и единственно залога процветания развивающегося земледелия и благосостояния всего в составе трех областей Приамурского генерал-губернаторства, подлежащие лесоохранительные, особенно против повальных и ежегодных пожаров меры.

О мерах этих будет сказано мною ниже.

8. Дабы доказать короче вред лесных пожаров вследствие производимого ими истребления лесов, причиняемый земледелию вообще и плодородию почвы, приведу здесь несколько авторитетных цитат из имеющихся у меня источников:

а) «Учрежденная по Высочайшему Повелению Комиссия для исследования положения сельского хозяйства и сельской производительности в России, состоявшая из 181 компетентного лица, пришла к единогласному заключению, что обезлесение во многих местностях идет с такой ужасающей быстротой, что оно уже начинает отражаться на изменении климата, который делается суровее и суше, на обмелении рек и иссякании источников, на гибели садов и даже на культуре некоторых полевых растений».

б) Гумбольдт говорит: «Истребляя деревья, произрастающие на вершинах и отлогостях гор, человек под всеми широтами готовит будущим поколениям два бедствия разом: недостаток воды и топлива».

в) Специальная комиссия Российского общества любителей садоводства в Москве высказала: «С истреблением лесов атмосферные и почвенные условия жизни растений изменились, летом при свободном движении ветров и беспрепятственном влиянии солнечных лучей почва теперь глубоко иссушается, испарения ее быстро уносятся, не оставляя ничего растительности, так что и росы бывают скудные, против прежних лет. Зимой же свободное движение ветров усиливает экстенсивность холода и делает его невыносимым для растений. Вследствие изменения климата изменились жизненные отправления растений, и это не только под Москвой, но и во всей средней полосе России, напр. Орловской губернии. Там до 40 годов случались сильные зимние морозы (1835), случались холода и снега в мае месяце, однако же плодовые деревья тогда не пострадали, а летом очень редко бывали сухие сильные ветра. С сороковых годов все это изменилось не только под Москвой, но и в Орловской губернии. Теперь в течение целых суток дует резкий и холодный сухой ветер, не только летом, осенью и зимой, но и весной, когда растения особенно нуждаются в атмосферной влаге.

Разыскивая причины такого изменения климата и совпадавшей с ним гибели садов, мы ничему другому не можем приписать это, как только уничтожению лесов».

г) «Наиболее вредные для земледелия насекомые, говорит Марш, никогда не разводятся в лесах или поблизости лесов. Прожорливые армии саранчи, составляющих бич востока, выводятся на обширных открытых равнинах, где беспрепятственный доступ к земле солнечным лучам ускоряет развитие ее зародышей, где почва не задерживает влаги, которая истребила бы зародыши, и где нет птиц, которые пожирала бы ее личинки. Опустошения, производимые саранчой в Малой Азии, достигли страшных размеров только с того времени, как там истреблены были леса. Кузнечики, которые в настоящее время угрожают сделаться таким же бедствием для земледелия некоторых Североамериканских Штатов, как и саранча для земледелия Востока, разводятся там, где существуют большие безлесные пространства».

д) Исследователь Вагнер говорит: «Лесные горные вершины хотя бы такие плоские, как Урал, составляют главные, чтобы не сказать исключительные хранители вод, которые питают реки отдаленных местностей. Белая, Чусовая, Кама, Уфа – все они в своих водах зависят от ключей, которые хранятся в лесах Урала. Снимая эти леса, мы тем самым осуждаем на бесплодие, которое рано или поздно наступит на целых громадных равнинах Сибири и Европейской России, прилегающих к Уралу.

Хотя Амурский край мало населен, и площадь, занятая пока обгорелыми лесами пустырями, весьма значительна, но тем не менее вред лесам от пожаров громадный, и лесоистребление приняло ужасающие размеры, угрожающие краю бедствиями, на основании следующего приблизительного расчета:

Выше было сказано, что благодаря лесным ежегодным пожарам сжигается и портится лесу в приближении 1000 раз более того, что расходуется ежегодно древесной массы всем населением Амурской области, потому что огонь это не топор. А так как все население Амурской области, по официальным сведениям губернатора, равняется теперь 43 965 душ обоюбого пола, то значит, что лесными пожарами уничтожается приблизительно столько древесины, как будто Амурская область населена была 43 965 000 жителей.

Понятно, что лесоистребление должно быть колоссально, если принять во внимание:

а) что это повторяется ежегодно.

б) что запасы лесов накоплены веками, значит, скоро вырасти не могут.

в) что прирост прекратился или значительно уменьшился.

г) что естественное возобновление лесов, если еще не прекратилось, то уменьшилось.

д) что лесоистребление как огнем, так и топором выражается особенно сильно близ района населенных мест.

ж) что это истребление, все усиливаясь вперед, продолжается не первый год, а со времени занятия нами Амура.

з) что громадная площадь большинства лесов Амурской области находится по отдаленности их от населенных мест и отсутствию сплава в условиях невозможности весьма долго ими пользоваться.

и) что вся польза лесов зависит от того, чтобы они были распределены возможно равномернее, а не то, чтобы остались громадными площадями около Станового хребта, вдали от возможности влияния пользования ими.

к) что до сих пор население в производстве пожаров никем и ничем не сдерживалось и не сдерживается.

л) что наводнения, мелководья и засухи стали нередкими явлениями в Амурском крае.

А потому на основании всего вышеизложенного, дабы избежать дальнейшего усиления проявляющихся уже бедствий и частью поправить причиняемый лесоистреблением вред развитию культуры края, необходимо устранить причину лесоистребления, т.е. лесные пожары.

С устранением лесных пожаров население будет гарантировано навсегда относительно удовлетворения своих нужд в лесном материале, а лет через пятьдесят и более постепенно облесятся многие пустыри и улучшатся значительно климатические условия для земледелия.

9. Вследствие лесных пожаров и истребления лесов количество дичи, пушного зверя и насекомыхных, полезных особенно для земледелия птиц, по причине сгорания пристанища гнезд и логовиц и увеличения количества хищников уменьшается, что в общем немаловажно для Амурского края.

10. Лесные пожары, истребляя леса края, способствуют развитию эпизотий и уменьшают полезное действие лесов в гигиеническом отношении.

На этот пункт обращено будет особенное внимание ввиду делаемых мне уже возражений следующего рода.

«Что, так как лес способствует накоплению влажности, то значит образует болота, это вредно, потому что болота развивают эпизотию».

Прибегну лучше всего к цитатам.

«Поддержанием равномерной температуры воздуха, а также и большей его влажности, умерением силы холодного полярного тока, ровно как и южного жаркого ветра, лес предохраняет наш организм от резких атмосферных перемен, а тем самым от многих болезней» и далее:

«Известно, что растения поглощают из воздуха угольную кислоту и выделяют кислород, оказывающий столь сильное возбуждающее действие на наши органы дыхания и кровообращения. И не только выделяемый растениями

при дневном свете кислород способствует сильнейшему полезному окислению гниющих органических веществ, которые без того медленным своим разложением наполняли бы воздух миазмами, но растения корнями своими всасывают эти гниющие вещества и ими питаются. Таким образом, животное и растительное царства находятся между собою в антагонизме: вещества, вредные для царства животного, оказываются не только полезными, но и подчас даже необходимыми для царства растительного.

По словам Rigandde Lille: «те местности Италии, которые защищены лесами, не страдают от лихорадок, часто свирепствующих в местностях безлесных».

«Что тут действует механическое задержание ветра листвою, доказывается тем, что, например, вредное влияние Понтийских болот, по словам Гумбольдта, ощущается на высоте 200–300 метров, близ же самой земли, смотря по направлению ветра и встречаемых им механическим преградам, вредное его влияние устраняется».

По наблюдениям Rigandde Lille: «местности, лежащие у берега моря и не подверженные ветрам, прошедшим через Понтийские болота, не страдают от лихорадок; напротив, места, лежащие позади этих болот, под влиянием западных ветров, насытившихся болотными миазмами, весьма бывают подвержены лихорадкам».

Марш замечает: «Вообще благодетельное влияние лесной растительности, как охраны от зловредных испарений болотных и нездоровых местностей, есть факт общепризнанный».

Вот что говорит Марш: «Благотворное гигиеническое влияние лесов видимы в Америке: достоверно известно, что большие болота в Виргинии и Каролине, где климат почти такой же, как и Италии, были здоровы даже для белого населения, пока не срублены были леса, произраставшие на них и кругом их; по истреблении же этих лесов, местность стала крайне нездоровой».

Еще весьма важно действие леса на озонирование воздуха, т.е. превращение кислорода его в другой вид, именуемый озоном.

Как известно, озон есть как бы сгущенный кислород и тяжелее последнего в $1\frac{1}{2}$ раза.

«Озон несравненно сильнее действует, чем обыкновенный кислород; он чрезвычайно скоро соединяется с органическими веществами, образуя новые соединения. Поэтому озон есть весьма сильное дезинфицирующее средство, оттого, что, содействуя быстрому разложению органических веществ, он заставляет их образовывать новые химические соединения, для нас безвредные».

На шести Баварских опытных лесных станциях произведены были озонометрические наблюдения.

Из этих наблюдений Эбермайер выводит следующее:

1. Чем влажнее воздух, тем количество озона в нем больше.
2. Воздух в лесу и в окрестностях его на открытом поле богаче озоном, чем в местностях вдали от леса находящихся».
3. Большое количество озона в лесном воздухе нельзя приписать действию солнечного света на листву, а большей относительной влажности лесного воздуха».

«Последний вывод еще более выказывает пользу лесов в гигиеническом отношении. В странах, подверженных сухим ветрам, последние, проходя через лес

и над ним, делаются влажные, а потому воздух становится обильнее озоном. Там же, где преобладают горячие ветры, леса умеряют их высокую температуру и тем самым содействуют озонированию воздуха».

Профессор Петенкофер приводит несколько фактов, подмеченных в отечестве холеры, восточной Индии, о благотворном влиянии лесов на эту эпидемию.

«Во время холерной эпидемии в 1859 году, охватившей значительное пространство, те лишь части английских войск не подвергались холере, которые помещались в жилищах, окруженных деревьями; чем густота оных была больше и чем ближе находились они к жилищу, тем лучшую оказывали они защиту против распространения эпидемии. Кавалерия, помещавшаяся в бараках, обсаженных четырьмя рядами больших манговых деревьев, страдала менее, чем полк, помещенный лагерем на холме, подверженном действию ветра; бенгальская же конная артиллерия, помещенная внутри манговой рощи, не имела ни одного холерного больного. Явление это не может быть случайным, потому что так же повторялось в 1860 году и во время самой жестокой холерной эпидемии в 1865 году».

Еще в заключение сей главы считаю долгом прибавить, что Амурскую область при настоящих условиях нет положительно возможности считать изобилующей неисчерпаемыми лесными богатствами по следующим причинам:

а) Выше уже было сказано, что хотя лесов вообще в ненаселенных таежных местах Амурской области еще весьма много, но однако по недоступности и удаленности от жилых мест, по невозможности эксплуатации по причине сплава и отсутствия лесопромышленности леса эти в настоящее время имеют значение для населения и необходимы только ради климатических вообще условий.

б) Около же населенных мест области, особенно вдоль береговой полосы Амура, от Покровки до г. Хабаровки, на этом общем протяжении 1670 верст; население пока обеспечено лесом в полосе от станции Покровки до Ермаковой и от Родде до Екатерино-Никольской, т.е. на 620 верстах. Остальное количество 1050 верст населенной береговой полосы Амура ощущает уже недостаток строевого и даже местами дровяного леса в большей или меньшей степени и, хищнически истребляя лесными пожарами и рубкой остатки лесов, быстро готовит своему земледелию неминуемые бедствия.

Резюмируя все вышеизложенное, полагаю и глубоко убежден, что этот столь печальный исход настоящего истребления посредством лесных пожаров лесов в Амурской области, вовсе и никому не желателен; а если не желателен, то необходимо, дабы предотвратить его, принять во что бы то ни стало и не обращая ни малейшего внимания на сочувствие или даже несочувствие, вообще беспечного, темного и не сознающего опасности населения против лесных пожаров, ранее всех лесоохранительных предположений, надлежащие, ничего не стоящие на первое время и возможные к исполнению согласно местных условий меры.

ГЛАВА III МЕРЫ ПРОТИВ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ ИЛИ ПАЛОВ

Наш закон целым рядом статей относительно местных пожаров, устанавливает вкратце следующее: (Лес. Уст. Т VIII г. 1 76 г. Ст. 202–215).

Охранение лесов от пожаров

А. Предупреждение пожаров.

1. Выжигать новь дозволяется, но если на расстоянии $1/2$ версты и менее от леса, то необходимо:

- известить стражу или лесничего
- полосу очистить в 2 сажени
- быть с орудиями
- при ветре прекратить.

2. В середине лесов выжигать новь воспрещается.

3. С весны до 15 октября воспрещается:

пастухам раскладывать в лесу костры для огня днем; гуртовщики могут раскладывать огонь с предосторожностями в лесу днем; судовщики могут днем и ночью, но, удалив кругом огня дерн и листву, и не ближе от леса двух сажени.

4. Нельзя разводить огней ходящим за грибами и ягодами.

5. Огонь при уходе дозволен быть потушен.

6. Пыжи из горных веществ воспрещаются (Лес. Уст. Ст. 344).

7. Не курить в сухую пору в хвойных лесах (Ст. 345).

В казенных леса сверх того обязательны:

8. Очистка лесов от вершин и сучьев.

9. Магистральные просеки.

10. В Алтайских и Нерчинских лесах опалка.

Б. Тушение пожаров.

1. Каждый заметивший должен дать знать. Иначе штраф в 10 рублей.

2. Являться для тушения пожара за 15–25 верст.

Полиция высылает наряд и распоряжается тушением пожара до прибытия лесных чинов.

За неявку и самовольную отлучку из пожара штраф 10 рублей. Если пожар далее 15 до 25 верст, то каждому тушившему полагается плата.

Такса устанавливается земством или губернским по крестьянским делам присутствием.

В. Взыскания относительно лесных пожаров.

1. За неявку на пожар без уважительных причин: штраф – 10 рублей.

2. За уход из пожара без таких же причин: штраф – 10 рублей.

3. За несоблюдение правил предосторожности от лесных пожаров:

а) Если не произошел пожар: штраф – 10 рублей.

б) Если произошел пожар – арест до 1 месяца или штраф до 100 рублей.

4. За умышленный поджог леса – условное наказание с лишением некоторых прав по суду.

Необходимость прекратить лесные пожары, окончательно истребляющие леса Амурской области, впервые была признана в 1880 году и имеет, так сказать, некоторую историю.

Так, в печатном сборнике главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью (стр. 82) помещен циркуляр военного губернатора Амурской области генерала Баранова к г.г. командирам казачьих конного полка и пешего полубатальона, заведующему крестьянами Амурской области и полицмейстеру г. Благовещенска.

В этом циркуляре между прочим значится:

«Истреблению леса немало способствуют также лесные пожары, происходящие от сжигания сухой старой травы и разведения огня в лесах зверопромышленниками и разными лицами, останавливающимися в лесах и оставляющими по преступной небрежности разложенные костры не тушенными.

Безотлагательно прекратить подобное истребление леса, не имеющее никаких оправданий, безусловно необходимо.

И далее:

«При этом поручаю вам обязать всех станичных и поселковых атаманов, сельских старшин и старост следить, чтобы никто из местных жителей под опасением самой строгой ответственности не смел самовольно рубить какого бы то ни было леса, не вошедшего в состав наделенных ему угодий. Объявить в всеобщее сведение, что лица, имеющие надобность в лесных материалах, должны подавать вам об этом заявления с указанием, какой именно материал и для какой надобности требуется и т.д.

И опять далее:

«Строгое наблюдение за исполнением сего возложить на местных должностных лиц местного казачьего и крестьянского управления, дабы они при всяком заключенном случае неосторожного обращения с огнем в лесу немедленно производили бы предварительно дознание к обнаружению виновных и доносили вам для окончательного расследования и представления мне. Обязываетесь при каждом лесном пожаре тотчас же доносить мне и принимать надлежащие меры к обнаружению причин лесного пожара и прекращения его».

Предпринятые согласно вышеизложенного военным губернатором Амурской области против вольной порубки леса и лесных пожаров меры были одобрены и утверждены господином генерал-губернатором Восточной Сибири 3 июня 1881 года (Сбор. стр. 97).

Циркуляр военного губернатора генерала Баранова возымел некоторое полезное действие, и, как мне рассказывали многие жители Амурской области, в лето 1881 года под опасением ответственности случаев лесных пожаров во всей области было значительно меньше.

С переменой г. губернатора Амурской области переменился и взгляд на лес, что видно из предписания господина генерал-губернатора генерал-лейтенанта Анучина на имя военного губернатора Амурской области от 28 мая 1884 года за № 638 (Дело Глав. В. С. IV отд. № 81); прежний циркуляр генерала Баранова был предан забвению, а население, ничем не сдерживаемое, вернулось к прежнему порядку, и леса стали снова пылать с весны до осени.

Это свободное истребление посредством пожаров или палов государственной собственности, т.е. лесов Амурской области, продолжается по настоящее время.

Подобный печальный порядок, полагаю, не может быть далее терпим и объясняется, по моему мнению, неприменением существующих статей Закона.

Так, статьей 417 Т. VIII г. 1 Лесного устава, а также правилами в приложении к Ст. 17 Устава о казенных оброчных статьях издания 1876 года устанавливается порядок расчистки лесов под пашни и сенокосы для поселян и инородцев Восточной Сибири.

Далее:

Статья 418 Т. VIII ч. 1 1876 г. прямо говорит:

«Меры взыскания, постановленные в Уложении о наказаниях и в Уставе о наказаниях, а также и ниже сего в статьях 690–699, назначенные за самовольную порубку, пожоги лесов и другого рода истребления леса, а также за несоблюдение правил, предписанных для предупреждения лесных пожаров, распространяются и на те леса, в Сибири произрастающие, большая порубка коих воспрещена обывателям».

Поэтому, на точном основании сейчас цитированной 418 статьи Лесного устава (Из главы III «О порядке управления казенными лесами в Сибири»), всего в сем отчете выше изложенного, а также того, что вольная порубка лесов казне принадлежащих, без уплаты установленного по таксе лесного сбора, воспрещена: в Приморской области в 1877 году (Сбор. ст. 54), а для Амурской области в 1880 году (Сбор. ст. 82), – полагаю необходимым применительно к существующим статьям закона и условиям местности впредь до введения надлежащего числа лесной стражи и организации со временем лесного надзора, не подвергая казну никаким затратам, привести в исполнение посредством обязательного постановления Его Высокопревосходительства господина Приамурского генерал-губернатора, против лесных пожаров в Амурской области, ниже предлагаемые мною или другие, по благоусмотрению, надлежащие меры.

ПРОЕКТ

МЕРЫ ПРОТИВ ЛЕСНЫХ ПОЖАРОВ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Охранение всех лесов Амурской области от истребления их лесными пожарами принадлежит к обязанности военного губернатора области и особенно, смотря по сословию ближайшего к пожарам населения, командиров казачьих: конного полка и пешего полубатальона, заведующего крестьянами Амурской области и подчиненных последним, в станицах станичных и поселковых атаманов, а в селениях крестьян старшин и старост (ст. 195 и 199 Лес. Уст.).

Примечание. На золотых приисках ближайшее наблюдение возлагается на горного исправника и подчиненных ему состоящих при приисках урядников казачьих войск с командой (486–490 ст. Лес. Уст. 1876 г.).

2. Все эти лица должны смотреть, дабы все меры и предосторожности, установленные сими правилами против возникновения лесных пожаров и тушения уже возникших, в точности от подчиненных им соблюдаемы были (ст. 200 Лес. Уст.).

3. Местный же и ближайший надзор за исполнением сих правил со стороны обывателей, всех проходящих и проезжающих, возлагается на станичных и поселковых атаманов, а в местах крестьянских селений на старшин и старост, в порядок подчинения на основаниях в нижеследующих пунктах изъяснённых (ст. 204 Лес. Уст.).

Примечание. На золотых приисках все указанное в сем пункте возлагается на состоящего при приисках казачьего урядника с командой (ст. 486–490 Лес. Уст.).

4. Если кто-либо намеревается выжигать огнем: сенокосы, расчистки, жнитву, корни на полосе или травы, когда есть вероятность, что огонь может достигнуть леса, или когда расстояние выжигаемого места до леса равняется полверсты и менее; то обязан непременно заявить письменно или устно о сем лицам поименованным в предыдущем пункте, которые, в свою очередь, обязаны удостовериться и наблюдают, чтобы в части на 2 сажени ширины трава была скошена, дерн выдран и отброшен или же запахан сохой (ст. 202 Лес. Уст.).

5. При всяком выжигании производящий его должен обязательно и безотлучно, пока огонь не потухнет, присутствовать с заступом, метлами, ведрами, чтобы не допустить огонь распространиться далее надлежащего (ст. 203 Лес. Уст.).

6. В случае ветра в сторону леса выжигание не начинать, а если начато еще при тихой погоде, загасить (ст. 204 Лес. Уст.).

7. В ветреную погоду атаманы, старшины и старосты должны строго наблюдать, чтобы палов вовсе не производилось, и если заметят где дым, обязаны удостовериться, не горит ли лес (ст. 204 Лес. Уст.).

8. Те же предосторожности должны быть наблюдаемы:

а) при выжигании степных лесов под хлебопашество и скотоводство;

б) при дозволенной расчистке лесов: под пашни, сенные покосы и другие угодья;

в) при удобрении полей сжиганием подстилки и сучьев (ст. 205 Лес. Уст.).

9. Зверопромышленникам, охотникам, всем проходящим и проезжающим, а также кочующим, в предосторожность от лесных пожаров обязательно:

а) не раскладывать огня ни под какими стоячими и лежащими деревьями;

б) огонь дозволяется разводить никак не ближе 2 сажень от дерева или леса; причем один аршин, отступя от огня, должен быть кругом достаточной полосой снят до самой земли дерн;

в) разведенный где бы то ни было: в лесу, на пашне, степи или сенокосе огонь до ухода должен быть вполне потушен;

г) всякий, увидевший огонь непогашенным, обязан сей час его потушить (ст. 208, 209, 210 и 211 Лес. Уст.).

10. Правила вообще о мерах против возникновения и тушения лесных пожаров и взысканиях за несоблюдение сих правил, отпечатанные, прибываются на видных местах, а также на внутренних стенах: почтовых станций, станичных, волостных и сельских правлений, питейных домов и трактиров, а также выдают-

ся по экземпляру для сведения и руководства, всем, кого это касаться может, и всем упомянутым лицам в 1 пункте сих правил (ст. 212 Лес. Уст.).

11. Всякое лицо, заметив лесной пожар, обязано известить о том ближайшую станицу или селение, для немедленного подания помощи, и вместе с тем дать знать станичному или поселковому атаману, старшине или старосте, смотря по тому, кто ближе (ст. 574 Лес. Уст.).

12. Последние лица, получивши известие, созывают немедля всех жителей, мужчин, приписанных к станицам и селениям, ближайших к лесному пожару и расположенных в 15-верстном расстоянии.

Если же их недостаточно для совершенного потушения огня, то созываются ими жители соседних станиц и селений, не далее, однако, 25 верст от места пожара (ст. 575 Лес. Уст.).

13. Призыв на пожар делается через станичных и поселковых атаманов, старшин и старост, которые распоряжаются тушением лесных пожаров впредь до погашения или до прибытия начальства полиции или лесных чинов (ст. 576 Лес. Уст.).

14. По первому призыву жители станиц и селений обязаны являться сами на место лесного пожара с лопатами, топорами, метлами и другими пригодными для тушения огня орудиями и действовать там до потушения пожара (ст. 577 Лес. Уст.).

15. Если пожар силен и не может быть потушен в один день, то, соображаясь с силой огня, густотой местного населения и рабочей порой, назначаются сменные рабочие, которые в случае надобности требуются и из более отдаленных селений и станиц, однако, расположенных от пожара не далее 25 верст (ст. 578 Лес. Уст.).

16. Станичные и поселковые атаманы, старшины и старосты, известясь о лесном пожаре, отправляются немедленно на место пожара и лично распоряжаются его тушением. Они могут оставить пожарище только тогда, когда удостоверятся, что пожар прекратился и нельзя ожидать возобновления одного. Для предупреждения сего они могут учреждать на некоторое время по наряду особый караул из местных жителей.

Примечание. Это же обязательно как для чинов полиции, так особенно для чинов лесных, заведующих лесами, известившихся о лесном пожаре, а также командированных для тушения огня (ст. 578 Лес. Уст.).

17. Лицам, призываемым для тушения лесного пожара далее 15 верст от места их жительства, выдается из сумм лесного сбора за каждый день, пробывший на тушении пожара, вознаграждение, властью и в размере, установленном господином Приамурским генерал-губернатором (ст. 580 Лес. Уст.).

18. О каждом нарушении сих правил против лесных пожаров, хотя бы и не произошло лесного пожара, станичными или поселковыми атаманами, а также старшинами и сельскими старостами, или присутствующими указанными в 1 пункте сих правил лицами, чинами полиции и лесного надзора производится дознание и составляется акт с изложением, в чем состояло нарушение сих правил и кто в этом оказался виновным.

Если же произошел пожар, то кроме того; сколько он дней продолжался, в каком лесном урочище, в каком расстоянии от жительства и если далее 15 верст, то кому следует вознаграждение и за сколько дней (ст. 582 Лес. Уст.).

19. Составленные атаманами, старшинами и старостами акты поступают в станичные и волостные правления, проверяются и дополняются последними в случае надобности и затем препровожаются по принадлежности в канцелярии казачьих командиров: конного полка и пешего полубатальона или к заведующему крестьянами Амурской области.

Примечание. Акты, составленные чинами полиции и лесного надзора, препровожаются: первыми по принадлежности, как выше сказано в сем пункте, а вторыми начальству, в подчинении которого и распоряжении они состоят.

20. Командиры казачьих конного полка и пешего полубатальона, заведующий крестьянами Амурской области и начальство лесных чинов на основании поступивших актов постановляют следующие решения:

а) Если был умышленный поджог леса, то оказавшихся в том виновных, привлекают к уголовной судебной ответственности и передают все дело на решение суда (ст. 1077 и 1613 Улож. о Наказ. изд. 1866 г.).

б) Если вследствие несоблюдения сих правил и вообще предосторожностей при обращении с огнем произошел пожар леса, то виновных в том штрафуют в административном порядке, каждого от 10 до 100 рублей, с указанием на случай несостоятельности замены взыскания арестом при полиции или тюрьме от 10 дней до одного месяца (ст. 98 Уст. Нак. нал. Мир. Суд.).

в) Если не были соблюдены установленные сими правилами меры предосторожности против лесных пожаров, а пожар не произошел, то виновных в том штрафуют: каждого от 5 до 10 рублей, с заменой, как выше сказано, на случай несостоятельности взыскания арестом при полиции или тюрьме от 5 до 10 дней (ст. 95 Уст. Нак. нал. Мир. Суд.).

г) За самовольный уход из пожара или неявку на место лесного пожара, без уважительных вполне причин, виновных в том штрафуют 10 рублями с заменой на случай несостоятельности арестом, как уже выше сказано, в 10 дней (ст. 96 Уст. Нак. нал. Мир. Суд.).

д) Дознания, по которым не обнаружено виновных или не заявлено подозрения ни на кого, проверяются и дополняются, и если затем не окажется виновных, возбужденные дела зарешаются и прекращаются.

ж) Лица, наложившие на виновных штраф или арест, обязаны известить немедленно виновных о своем решении, за что именно и какое наложено ими взыскание.

з) Если со дня вручения оштрафованному объявления пройдет месячный срок и объяснения или жалобы не будет от него подано через место, объявившее ему о том, то постановленное решение считается бесспорным и вошедшим в законную силу, почему затем никакие жалобы на неправильность решения не принимаются.

и) По истечении этого месячного срока лица, постановившие решение, делают распоряжение о приведении решения в исполнение, которое производится или начальством обвиненных, или чинами полиции.

к) По делам, по которым поступили согласно вышеуказанному сроку объяснения и жалобы, на основании этих последних и всего дела постановляется второе уже окончательное решение, которое немедленно приводится в исполнение.

л) Казачьи командиры конного полка и пешего полубатальона, а также заведующий крестьянами Амурской области, обязаны к 1 декабря представить военному губернатору Амурской области подробные ведомости с указанием в них:

а) сколько в их районе за лето было случаев пожара лесов, где именно, приблизительно на каком пространстве горело, в каком расстоянии от ближайших жилых мест был пожар и сколько дней он продолжался.

б) Кем были потушены, на каком расстоянии было призываемо ближайшее население и сколько населению, призванному и тушившему лесной пожар далее 15 верст, подлежит согласно прилагаемых списков к выдаче вознаграждения.

в) Сколько было возбуждено дел, какое состоялось по каждому решение, сколько оказалось виновных и сколько было наложено штрафов и арестов, какие и сколько окончено взысканий, сколько поступило денег и сколько осталось в недоимке.

22. Военный губернатор Амурской области к концу года представляет господину Приамурскому генерал-губернатору такую же им составленную сводную по всей Амурской области ведомость, во всем согласно 21 пункта, и кроме того указывает те особенные предпринятые им меры, к которым он за время лета счел нужным прибегнуть по исполнению подчиненными ему лицами настоящих правил.

23. Военный губернатор Амурской области (применяясь к ст. 19 Лес. Уст. 1876 г.) всеми мерами заботится, дабы во всей строгости настоящие правила о лесных пожарах подчиненными ему лицами строго исполнялись, и дабы в случае сильных более недели продолжающихся лесных пожаров были командированы немедленно для более энергичного тушения оных и принятия надлежащих мер смотря по удобству: казачьи офицеры, чины полиции, а также свободные гражданские чиновники, особенно же чины корпуса лесничих, если в штате Амурской области таковые со временем состоять будут.

24. Все штрафные, взысканные начальством казачьего населения или полицией, деньги сдаются в казначейство (Благовещенское) в счет суммы лесного сбора, а квитанции казначейства в приеме этих денег препровождаются сдатчиками местам и лицам, по поручению которых производилось взыскание.

25. За нерадение и упущения по исполнению сих правил должностные лица подлежат: в порядке подчиненности замечаниям и выговорам.

26. Станичные и поселковые атаманы, старшины и старосты за нерадение и упущения по исполнению сих правил штрафуются: командирами конного полка и пешего полубатальона, также заведующим крестьянами в порядке подчиненности, в первый и во второй раз взысканием штрафа от 20–100 рублей, а в третий раз наказуются по представлению военного губернатора властью господина генерал-губернатора.

27. Жалобы на неправильность решения в особенно только важных случаях: именно явной несправедливости или злоупотреблений властью должностных лиц могут быть подаваемы на имя господина Приамурского генерал-губернатора, который, если признает это нужным, назначает поверку и следствие о действиях должностных лиц, причастных к этому делу.

Весьма сильное истребление лесов Забайкальской области, как видно из очень важной, интересной и относящейся к лесному делу, части всеподданнейшего подробного отчета военного губернатора той области за 1884 год, побудило

местную власть принять против ежегодных лесных пожаров надлежащие административные меры, главным образом, основанные на том, чтобы ради пользы самого населения заставить его обязательно тушить возникающие поблизости лесные пожары, и этой повинностью приучить и заставить беречь по возможности лес.

Подобные меры были применены в Забайкальской области и, по любезному сообщению г. губернатора генерала Барабаш, дали следующие хорошие результаты:

1. Количество лесных пожаров, а также продолжительность их поразительно сразу уменьшилось.

2. Население во избежание тушения пожаров стало более осторожным при обращении с огнем.

3. Население само наблюдает зорко за односельчанами, и если появился лесной пожар, то, не ожидая призыва, само, если не далеко, бежит на место пожара и тушит его, не дав ему распространиться.

4. Благодаря принятым мерам против лесных пожаров, многие станицы и селения выделили выбором из своей среды на лето особых караульных от лесных пожаров, что-то вроде натуральной лесной стражи, которых обязанность состоит в том, что они наблюдают за соблюдением всеми установленных правил против лесных пожаров.

К генералу Барабаш поступило уже несколько приговоров о таком избрании, чему нельзя не радоваться.

В заключение сей главы считаю долгом почтительнейше доложить Вашему Высокопревосходительству, что для Амурской области применение каких бы то ни было мер против лесных пожаров крайне желательно и необходимо, и что ввиду чрезвычайной важности, ради благосостояния области, сбережения государственных и других лесов, полагаю, незначительное без сомнения осложнение труда некоторых должностных лиц, в особенности лесных чинов, не должно служить препятствием осуществления этих столь многообещающих и полезных результатами мер.

Состоящий при Приамурском генерал-губернаторе
Запасной лесничий коллежский ассессор Пястушкевич
г. Хабаровка
23 ноября 1885 г. к рапорту за №14.

КАНЦЕЛЯРИЯ
ПРИАМУРСКОГО
Генерал-Губернатора.
10 ЯНВ 86

Его Высокопревосходительству господину
Приамурскому генерал-губернатору

Запасного лесничего
коллежского асессора
Пятушкевича

Рапорт

В дополнение к рапорту от 23 ноября 1885 г. за №14 имею честь представить Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрение вторую и остальную часть отчета моего по командировке летом 1885 года в Амурскую область и почтительнейше доложить, что в представляемой ныне части оно заключается:

1. Влияние золотых приисков на окружающие государственные леса области.
2. О необходимости принятия мер в защиту лесов, от истребления их золотыми приисками.
3. Желательные меры как относительно предупреждения причиняемых приисками лесных пожаров, так относительно обложения приисков и вообще горной промышленности впредь лесным сбором.
4. Влияние пароходства на состояние лесов Амурской области.
5. Желательные меры по обложению впредь пароходства лесным сбором.
6. Приблизительное общее количество ежегодной вырубki лесов по всей области.
7. Существующий порядок продажи леса.
8. Необходимость увеличения впредь по Амурской области поступлений лесного сбора.
9. Исчисление возможного и ожидаемого на первое время поступления сумм лесного сбора.
- и 10. Желательные меры по взиманию лесного сбора за сплавляемые по р.р. Амуру и Зее леса с заключением.

Состоящий при Приамурском генерал-губернаторе
Запасной лесничий коллежский асессор Пятушкевич
Г. Хабаровка
9 января 1886 г.
№ 1

ЧАСТЬ 3. О ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВА I. ВЛИЯНИЕ ПРИИСКОВ НА ОКРУЖАЮЩИЕ ЛЕСА

Кроме описанного уже в предыдущих главах вреда, причиняемого лесам посредством свободно пускаемых оседлым населением Амурской области палов, еще участие золотых приисков в истреблении лесов оной также немаловажно и исследовано мной, насколько это оказалось возможным, собственно на золотых приисках Верхне-Амурской золотопромышленной компании.

Поэтому все то, что будет ниже сказано по сему предмету, без большой погрешности против истины может по аналогии быть всецело отнесено к остальным золотым приискам Амурской области.

Собственно вредное влияние золотых приисков на окружающие их и принадлежащие преимущественно казне леса Амурской области следует отнести к двум главным категориям, а именно:

1. Самый главный это вред, причиняемый золотыми приисками лесам области посредством пускаемых ежегодно палов, как ради опаливания приисков, так ради выжигания по старой привычке сенокосов и участков леса под пастьбу приискового скота.

2. Вред лесам области, выражающийся ежегодным, безвозмездным, бесконтрольным и расточительным истреблением лесов на значительной площади ради многочисленных потребностей приисков, как в строевом, так в дровяном и поделочном лесных материалах.

Постараюсь рассмотреть каждую из этих категорий вреда отдельно.

Относительно первого вреда, т.е. пускаемых приисками палов или лесных пожаров, оказывается, что будто бы сами прииски ежегодно в начале весны, а даже иногда и летом, смотря по сухости последнего, в ограждение приисковых строений от могущих случайно подойти из тайги лесных пожаров, а также пожаров, появляющихся благодаря выжиганию затем приисками сенокосов, – опаливаются. Опаливание же это, как мне передавали, состоит в том, что прииски ради вышесказанной цели отряжают две артели рабочих, из которых одна идет вокруг прииска на недалеком от него расстоянии и неширокой полосой зажигает: сухую траву, валежники, костры сухих веток и листьев посредством пучков соломы или сена, а другая артель рабочих подвигается в некотором отдалении следом за первой и захлопывает и тушит особенно тщательно край зажженной и горящей полосы, обращенный к стороне прииска. По настоящему рабочие этой последней артели, на которых возложена обязанность тушения зажженной полосы огня, должны бы столь же усердно захлопывать и тушить огонь и по наружному краю этой полосы, ближайшему к тайге, т.е. лесам. Однако, как я слышал, в большинстве случаев это вовсе не делается, и если даже иногда и делается, то не всеми рабочими и крайне небрежно.

Последняя артель рабочих считает свое дело исполненным добросовестно, когда потушит только край зажженной полосы, ближайший к прииску. Подобное ежегодное опаливание приисков производится как с целью предохранения приисков от последующих лесных пожаров, так, главным образом, по моему мнению, с целью более свободной затем пускания палов приисками за чертой выжженной полосы, на состоящих в их пользовании сенокосах и полянах. Это опаливание приисков, производимое в большинстве случаев крайне небрежно и без должного присмотра, причиняет окружающим прииск лесам на огромных пространствах большой вред, который не оправдывается целью и даже находится в явном противоречии с существующими статьями закона.

Так, статья 514 Лесного Устава (изд. 1876 г.) относительно Алтайского и Нерчинского горных округов имеет в виду вовсе не опаливание заводов и приисков, как это обыкновенно полагают некоторые, напротив, сбережение лесов, ибо гласит: «Для сбережения лесов от напольных пожаров каждую весну делается оным опалка».

Другими словами, что ради сбережения лесов посредством заводских рабочих опалиются узкой полосой огня смежные с лесами вокруг последних поля и сенокосы, дабы затем случайный напольный пожар не проник в лес. Это вовсе не то, что делают в своих интересах прииски, зажигая самый лес и туша только один край горящей полосы, обращенный и ближний к прииску.

Далее в ст. 595 Уложения о наказаниях (изд. 1866 г.) значится:

«Производящие разведку и разработку золотосодержащих россыпей, без соблюдения правил, постановленных об ограждении казенных лесов от истребления подвергаются: лишению предоставленного им права и найденных приисков и наказаниям, определенным за нарушение уставов о казенных лесах».

2. Кроме вышеуказанного непотушения наружного края зажженной и горящей полосы леса, по свойственной вообще наемным рабочим лени и небрежности, еще очень часто будто бы прямо по желанию и распоряжению приисковой администрации рабочими нарочно не тушится вовсе наружный край, этой горящей полосы леса, с целью одним разом достигнуть двух желательных приискам результатов: во-первых, вышеописанного опаливания, а во-вторых, дабы посредством истребления пожаром окружающих за этой полосой лесов, при котором многие деревья сгорают, а большинство засыхает и валится от малейшего ветра; что опять обуславливает появление в прежде густом лесу многих прогалин, открытых в свою очередь с большим прежнего доступом света, покрываются более прежнего сорной травянистой растительностью – доставить приисковому скоту возможно большее количество хотя мало годного, но подножного корма.

Вследствие этого, благодаря рутине и неприменению относительно культуры лугов почти общеизвестных практических знаний, подобным хищническим способом доставляется скоту поблизости прииска вообще мало удовлетворительный корм, но зато лесам причиняется непоправимый на огромных пространствах вред.

Известно, что сено, состоящее из лесных трав, по количеству его укуса с известной площади, составу удобоваримости, а значит питательности, уступает во всем луговому сену.

И вот для производства этого жалкого, в сущности, продукта, которого скот, чтоб щипнуть два-три раза на десятине, должен целый день, чтобы хотя

на половину быть сытым, при всей в силу необходимости неразборчивости к оному, положительно бегать по выжженным пустырям – лесам, – уничтожаются громадные площади лесов.

В результате этого порядка оказывается и скот полуголодным, и громадные площади поврежденными или вовсе оголенными из-под лесов.

Что эти площади должны быть в общем громадными в Амурской области, доказывает тем, что где я ни был в лесах, везде наблюдал резкие признаки большого или меньшего повреждения лесов лесными палами; пасущийся же скот мне удавалось видеть только в весьма близких расстояниях от приисков и селений.

3. Наконец, прииски ежегодно палами выжигают по привычке, независимо от вышесказанного опаливания и без соблюдения хотя каких-нибудь мер предосторожности, во избежание возникновения лесных пожаров, все сенокосы и удобные для сенокоса места в лесах, так как по причине значительного количества рабочих лошадей и убойного рогатого скота, сено требуется на прииски в большом количестве, и поэтому каждый (сама Верхне-Амурская К° сообщает, что она ежегодно расходует до 200,000 пудов сена) прииск, старается развести возможно большую площадь сенокосных мест, на которых затем заготавливает сено, или посредством подрядчика или своих приисковых рабочих, прибегая к покупке сена на стороне, если возможно, только самого необходимого и не хватающего количества.

Таким образом, вследствие трех вышесказанных причин истребления огнем казенных лесов Амурской области, прииски наряду с другими причинами служат источником и центрами распространения ежегодных в тайге на громадные пространства лесных пожаров.

Что же касается вреда II категории, причиняемого приисками окружающим казенным лесам Амурской области, посредством нерациональной, оплошной, расточительной и бесконтрольной вырубki лесных материалов на самые разнообразные нужды приисков, то этот вред, хотя значительно меньший против предыдущего, выражается в следующем виде.

На нужды золотых приисков требуются сортаменты леса, а именно:

а) Строевой лес. Для постройки: жилых помещений, казарм для рабочих, конюшен, складов, сараев, амбаров, мастерских, магазинов, бань, ледников, для стоек при отвозке эфеля и гальки из промывальных машин, на подклады и шпалы под рельсы, на мосты, трубы и проч.

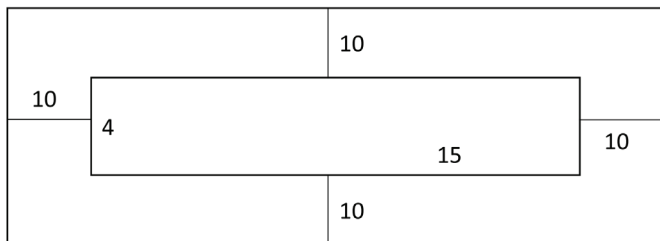
б) Дровяной лес. Для отопления: всех жилых помещений, действия локомотивов, пекарен, кузниц и для оттаивания и вскрытия шурфов, разрезов и проч.

в) Поделочный лес. На изгороди, тачки, сани, телеги, носилки и проч.

На сколько вырубка сейсчас поименованных лесных материалов влияет на лесоистребление вообще и уменьшение площади окружающих прииски казенных лесов Амурской области, видно из того, что, например, прииски Верхне-Амурской К°, как уже выработанные, так еще вырабатывающиеся: Васильевский, Николаевский, Ивановский, Инкан, Верхне и Нижне Дмитриевские, Верхне-Ивановский и Ключик, расположенные в 4 соседних падах, на площади приблизительно до 4 верст шириной и до 15 верст длиной, на столько уже истребили вырубкой леса, как на этой собственно занятой приисками площади, так и вокруг ее, что местность кругом этой площади, до 10 верст расстояния,

не считая, конечно, маленьких кусочков уцелевших зарослей, а не лесов и негодного кустарника, представляет оголенную из-под лесов до такой степени площадь, что теперь уже за плохими дровами ездят приблизительно за 10 верст расстояния, несмотря на то, что как вся занятая теперешними приисками площадь, так равно и окружающая ее местность, как это ясно видно по оставшимся старым пням и другим признакам, была прежде особенно богата и покрыта густыми лесами.

Если все вышесказанное представить для наглядности посредством схемы и вычислить площадь истребленных приисками лесов, то оказывается:

$$24 \times 35 = 840 \text{ квад. верст.}$$

Помножая 840 квад. верст на количество десятин заключающееся в одной квадратной версте получим: $840 \times 106 = 89040$ десятин, т.е. другими словами, что золотые прииски Верхне-Амурской К^о по р. Джалинде в течение всего 18-летнего по настоящее время существования вырубил леса собственно на свои нужды и оголили из-под леса площадь посредством почти сплошной вырубki около 89 040 десятин.

Величина значительная этой оголенной из-под леса площади указывает, что золотые прииски, не говоря уже о еще более значительном лесоистреблении, обусловливаемом пускаемыми ежегодно лесными палами, даже посредством одной вырубki лесных материалов, наряду с другими причинами лесоистребления, способствуют в довольно сильной степени обезлесению вообще Амурской области.

Насколько же велика общая площадь таким образом истребленных лесов всеми в совокупности приисками Амурской области, в настоящее время за отсутствием сюда относящихся данных, хоть сколько-нибудь в приближении, определить невозможно.

Однако следует на основании вышеприведенного расчета полагать, что, во всяком случае, она в общем для всех золотых приисков Амурской области весьма значительная.

А между тем, за эту-то столь значительную общую площадь, как уже истребленных, так ежегодно теперь далее истребляемых и принадлежащих государству лесов Амурской области, казна, как владелец, не получила и не получает по настоящее время ни копейки дохода.

Весьма вероятно, что если бы казна со времени возникновения золотых приисков в Амурской области взыскивала хотя самый незначительный сбор за единственно принадлежащие ей леса, которыми до сих пор так бесцеремонно и расточительно пользуется золотопромышленность, получающая на оборотный капитал, как известно, громадные барыши, то уже это одно, смею полагать,

дало бы в настоящее время возможность надлежаще организовать и поставить лесное дело, не обременяя казну никакими денежными затратами.

Но однако, дабы определить хоть сколько-нибудь приблизительно количество потребляемых ежегодно всеми золотыми приисками Амурской области лесных материалов по массе древесины, ввиду положительного отсутствия сюда относящихся данных, по причине вообще неустройства лесной части, а также нежелания сообщить мне таковые заинтересованными в этом лицами, то приходится по необходимости определить это количество, более или менее гадательно, на основании следующих соображений:

Итак:

Ознакомившись, насколько это оказалось возможным, с золотыми приисками Верхне-Амурской К^о на р. Джалинде, я пришел к тому заключению, что в среднем выводе вышесказанные прииски ежегодно расходуют посредством вырубки преимущественно вне черты отведенных и эксплуатируемых (значит оплаченных) площадей минимум строевых деревьев разных размеров до 8000 штук и одноаршинных разных пород дров, до 6000 однополенных сажен.

На основании этого, полагая все остальные золотые прииски Амурской области, как на р. Уруше, так и системах рек Зеи и Буреи в общей сложности, втрое более размерами по количеству: построек, жилых помещений, локомотивов и рабочего люда, сравнительно с приисками Верхне-Амурской К^о собственно на р. Джалинде, получим, что всеми золотыми приисками Амурской области ежегодно посредством только рубки истребляется леса самое меньшее: 32 000 строевых деревьев разных пород и размеров и 24 000 сажен однополенных одноаршинных разных пород дров.

Помножая полученные эти минимальные количества на самую незначительную даже лесную таксу: именно 20 коп. за 1 строевое дерево и 20 коп. за одну сажен дров, получим приблизительно

$32000 \times 20 = 6400$ рублей

$24000 \times 20 = 4800$ рублей

Итого 11,200 рублей.

Эту сумму 11,200 р., выражающую собою не стоимость представляемого казной на пользу золотопромышленности леса, которая в сущности гораздо больше, а величину возможного минимального ежегодного лесного сбора со всех приисков Амурской области, следовало бы взыскивать в пользу капитала для скорейшего устройства лесной части. Но сам собой рождается вопрос, как при настоящих условиях в Амурской области взыскивать какой бы то ни было лесной сбор со всех золотых приисков и в каком размере с каждого из них?

Взвесив многие из способов, до сих пор практиковавшихся по взиманию вообще лесных сборов, и имея в виду условия местные и золотопромышленности, а также относительно надлежащего контроля – совершенное отсутствие лесных чинов и лесной стражи – считаю долгом доложить, что самым рациональным, по моему мнению, именно не требующим сейчас от казны никаких денежных затрат и довольно все-таки легким для контроля, впредь до устройства в Амурской области лесной части, полагал бы способ взимания казной лесного сбора с золотых приисков, посредством обложения оным, а именно: каждой печи, локомотива, кузницы, паровой машины и пекарни. Причем ввиду еще весьма многих видов

пользования лесными материалами, неуловимых пока для учета и перечисленных выше, при описании вреда II категории необходимо указанные сейчас предметы обложения обложить в более усиленном размере, оставив остальные виды пользования лесом совершенно свободными от сбора.

О самом взимании лесного сбора и размерах оного будет сказано ниже.

В дополнение к рассмотрению вреда, отнесенного к двум главным категориям: именно огня и топора, считаю долгом указать на некоторые причины и обстоятельства, обуславливающие этот печальный порядок.

К этим причинам и обстоятельствам следует отнести:

а) Отсутствие сознания администрацией золотых приисков и рабочими значения и цели сбережения для пользы края, возможно долго и возможно большей площади лесов. Полное отсутствие или недостаток надзора за рабочими, производящими опаливание и выжигание сенокосов, как со стороны администрации приисков, так в особенности со стороны лиц, исполняющих по отношению к приискам функции полиции исполнительной именно: горного исправника и подчиненных ему и живущих на приисках постоянно казачьих урядников с командами.

б) Что причиняемый лесам особенно пожарами вред вообще не вполне ясно сознавался, а вследствие того против свободного пускания палов не принималось никаких серьезных административных мер, никому производство палов не воспрещалось, и виновные в производстве огромных вследствие того лесных пожаров по свойственному непониманию, привычке и небрежности при обращении с огнем, не преследовались и не подвергались никакой ответственности.

В заключение же сей главы, считаю долгом присовокупить, что каждый владелец золотого прииска, а также всякое подчиненное ему и соблюдающее его интересы лицо, принадлежащее к составу администрации прииска, не может ясно не сознавать, что в силу самого, так сказать, кочевого характера, присущего золотопромышленности, незначительная вообще продолжительность времени существования прииска, обуславливается по настоящее время только главным образом успешным добыванием золота на заявленной и эксплуатируемой им площади, а вовсе не запасом на долгое время около этой площади лесов.

А что продолжительность времени существования и эксплуатации золотых приисков на одном и том же месте вообще и весьма незначительна, видно из того, что в лучших даже случаях, на прим.: для приисков, весьма богатых содержанием золота Верхне-Амурской К^о на р. Джалинде, действие которых началось всего 18 лет тому назад, эксплуатация уже постепенно прекращается, вследствие выработки золота и перекочевывает, так сказать, на другое место, где найдены новые площади, богатые содержанием золота, именно по верхним притоком реки Зеи. Так что самое большое, чрез года 2 или 3, как это известно из самых достоверных источников, все вышеупомянутые золотые прииски будут выработаны, брошены, а постройки, как требует того закон, сожжены.

Между тем причиненный за это столь не долгое время вред окружающим лесам потребует, наверное, столетий при самых благоприятных условиях, дабы он мог постепенно изгладиться и быть неоощуаемым.

Поэтому в силу вышесказанных обстоятельств, незначительной продолжительности времени существования и присущего золотопромышленности вообще кочевого характера ее деятельности, каждый из золотых приисков Амурской

области не может быть заинтересованным в том, дабы хоть сколько-нибудь беречь окружающие его государственные леса.

Имея в виду только возможно большие барыши, он в каждую данную минуту заботится, чтобы добыть как можно больше золота. Леса ведь не составляют его собственности, а время эксплуатации прииска вообще столь коротко, что ему нет надобности беречь лес, дабы обеспечить себе же пользование им на более продолжительный срок. Весьма печально для лесов то, что каждый золотопромышленник сознает и уверен, что, выработав теперь занимаемую им площадь, он бросит дело или переселится опять на 3, 5, 10 или самое большее 20 лет в другое место или площадь, где опять-таки найдет на свои потребности, безвозмездно и бесконтрольно, как до сих пор было, ближе или дальше столько лесов, сколько ему будет на так короткий срок их нужно. Сберегать принадлежащие государству леса от истребления их, особенно от лесных пожаров, в силу вышесказанных условий ему ни к чему; раз казна как владелец лесов этих, о сбережении их до сих пор мало заботилась и надлежащими мерами не ставила ему это в непрременную обязанность.

Золотопромышленник в крайнем случае, т.е. если бы даже признавал и понимал значение лесов вообще для успехов земледелия и благосостояния Амурской области, не поступившись собственными интересами, не может задаваться заботами о сбережении лесов ради общественной пользы. Ведь забота о распределении, правильном пользовании и сбережении на общую пользу всех граждан известного блага, например, лесов, составляет весьма важное и присущее право одной правительственной власти. Ибо в громадном числе случаев действия отдельных личностей подчиняются не отвлеченным вообще принципам общей пользы, а обыкновенно ближайшим практическим расчетам.

Вот по этим-то, по моему мнению, причинам, каждый золотопромышленник Амурской области по отношению окружающим прииск его и принадлежащих не ему, а государству, лесов является, хотя без сомнения более бессознательно, самым злейшим врагом, истребляющим их беспощадно огнем и топором.

По этой-то причине виденные мною, насколько позволило время, леса Амурской области около приисков и на больших расстояниях в тайгу весьма сильно повреждены и истреблены лесными пожарами и представляют собой в общем, собственно, вовсе не леса в полном значении этого слова, а выжженные лесные пустыри, причем поближе к приискам оказываются значительные уже оголенные рубкой площади.

ГЛАВА II. О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ МЕР В ЗАЩИТУ ЛЕСОВ ОТ ИСТРЕБЛЕНИЯ ИХ ЗЛОТЫМИ ПРИИСКАМИ

Что касается необходимости принятия надлежащих административных мер против причиняемых ежегодно золотыми приисками лесных пожаров, а также обложения впредь золотопромышленности лесным сбором за употребление ею для промышленных надобностей лесных материалов из принадлежащих государству лесов Амурской области, ради образования капитала, для скорейшего устройства вообще лесной части, то имею честь доложить, что эта необходимость и право обложения обуславливаются как всем вышеизложенным, так точно вытекает и может быть основана на следующих статьях закона.

Предварительно же считаю долгом добавить, что ради последующих выводов и оснований при проектировании выше упомянутых, желательных относительно приисков вообще административных мер, будут мною подробно цитированы ниже, только те из статей, которые по справке в законах, оказались сюда относящимися.

Итак:

В Т. VII. Устава Горного (1857 г.) в I прилож. к ст. 2412 прим.) помещены довольно подробные правила, относящиеся вообще к золотым приискам.

В этих правилах между прочим значится:

П. 8. «Ближайший надзор над промыслами на месте их производства, возлагается на Округных Ревизоров (Горных) и Общую Полицию».

П. 23. «Золотосодержащие прииски на землях казенных и Кабинета Его Императорского Величества состоящие, предоставляются частным золотопромышленникам не в собственность, но во временное пользование, впредь до выработки в них золота».

Примечание. «Под казенными землями разумеются: 1) находящиеся в непосредственном распоряжении казны и 2) казенные земли, находящиеся в пользовании государственных крестьян, не причисленных к разряду собственников, казачьих войск и инородцев».

П. 42. «Золотопромышленник обязан на случай порчи полей, лугов, лесов и других угодий войти в предварительное о вознаграждении соглашение с местным управлением или теми местами и лицами, в пользовании которых состоят земли занимаемые под разведку».

П. 74. «Сверх указанной в предыдущих статьях площади, собственно под заявленный прииск, не воспрещается золотопромышленнику просить отвода на пути к его промыслам, земли до 10 десятин, для устройства так называемой резиденции (склада припасов и материалов необходимых для промысла) за особую арендную плату, по соглашению с местным казенным или общественным Управлением, кому подведена земля».

П. 77. За пользование отводимыми под прииски казенными землями Европейской России, состоящими в непосредственном заведывании Министерства Государственных Имуществ, плата производится по соглашению промышленников с местным управлением сих Имуществ».

П. 109. «Потребный для промысловых надобностей лес, золотопромышленники могут получать из казенных дач»:

а) в Европейской России за попенные деньги.

б) в Областях Тургайской и Оренбургской с разрешения Оренбургского Генерал-Губернатора по установленным им ценам.

в) в Сибири безвозмездно, за исключением тех лесистых местностей, где безвозмездное пользование лесом будет со стороны Генерал-Губернатора воспрещено».

П. 148. «Посаженная плата начисляется со дня выдачи промышленнику актов на прииск».

П. 149. «Посаженная плата вносится золотопромышленником за истекающий год к 31 Декабря».

П. 150. «За невзнос посаженной платы к 31 Декабря, промышленник подвергается пене в 10% с неуплаченной суммы».

П. 151. «Посаженная плата и пеня, за прииски на казенных землях состоящие, вносятся промышленниками в местные по нахождению прииска Казначейства».

П. 152. «Квитанции во взносе представляются Окружному Ревизору, не позже 1 Мая следующего года».

П. 153. «За непредставление Окружному Ревизору к 1 Мая квитанцией, промышленник лишается права на прииск».

П. 155. «Возбуждение дел, по нарушениям частными лицами сего приложения, лежит на обязанности Окружных Ревизоров и Общей Полиции».

Ст. 595. Уложения о Наказаниях (изд. 1886 г.):

«Производящие разведку и разработку золотосодержащих россыпей без соблюдения правил постановленных об охранении казенных лесов от истребления подвергаются:

Лишению предоставленного им права и найденных приисков и наказаниям, определенным за нарушение уставов о казенных лесах».

Поэтому на основании всего вышеизложенного, впредь до устройства лесной части и до испытания и выработки посредством опыта более рациональных способов по охранению, учету и контролю истребляемых ныне приисками лесов, согласно имеющих увеличиться денежных средств, полагаю необходимым применить в предупреждение окончательного истребления лесов Амурской области, следующие главнейшие меры.

Желательные меры

I. Предупреждение лесных пожаров

1. Опаливание приисков, независимо от того, производилось ли оно до сих пор всеми, или только некоторыми приисками, как одну из главных вероятных причин распространения повальных лесных пожаров в Амурской области, и нарушение, по своим последствиям предусмотренное статьями 202–215; 417–418; 486–490; 514–515; 574–582 Лесного сстава (Т. VIII. ч. I изд. 1876 г.) и 595 Уложения о наказаниях (изд. 1866 г.), безусловно воспретить под опасением последствий, указанных в 595 статье вышесказанного Уложения о наказаниях.

2. До некоторого времени (временная уступка), не запрещая золотым приискам и вообще горным заводам даже выжигание посредством огня уже существующих и находящихся в их пользовании не покрытых лесом сенокосов, а также уже отведенных и впредь отводимых золотым приискам под расчистку для хлебопашества и сенокосов дровяных участков леса, согласно приложения к статье 17 (примеч. 2.) Устава о казенных оброчных статьях (Т. VIII. ч I изд. 1876 г.), обязать золотые прииски впредь производить это выжигание только в вышесказанных случаях, без повреждения ближайших как казенных, так и всяких других лесов и на точном основании проектированных и имеющих быть выработанными окончательно против лесных пожаров правил.

3. В предупреждение возникновения лесных пожаров, обязать золотые прииски как в отношении мер предосторожности, так и по обязательному тушению вообще уже возникших лесных пожаров посредством рабочих прииска, соблюдать вышеупомянутые общие против лесных пожаров правила.

Ст. 486–490 и проч. Лесн. Уст.

4. Относительно возбуждения дел, решения оных, порядка отчетности и вообще наблюдения за исполнением золотыми приисками установленных в предупреждение лесных пожаров правил, обязать и возложить все это, впредь до устройства лесной части, на горного исправника с подчиненными ему и живущими на приисках казачьими командами. При этом руководством во всех случаях должны им служить правила против лесных пожаров, которые по благоусмотрению господина Приамурского генерал-губернатора будут окончательно выработаны и утверждены.

Ст. 486–490 Лесного устава и пункт в приложен. 1 к ст. 2412 Уст. Горного.

II. Обложение золотых приисков и вообще горной промышленности лесным сбором

1. Ради образования капитала для необходимого на пользу края устройства лесной части и на основании ст. 415 Лесного Устава (изд. 1857 г.), воспретить золотым приискам и вообще горным промыслам, как уже существующим, так и впредь имеющим возникнуть, дальнейшее безвозмездное и свободное пользование лесными материалами из окружающих принадлежащих казне лесов, так как существующее до сих пор безвозмездное пользование лесом на пользу золотопромышленности явно противоречит введенному с 1880 г. и продолжающемуся взиманию по таксе лесного сбора с прочих жителей Амурской области.

2. Относительно получения промышленниками впредь заявляемых золото-содержащих и других площадей, привести в исполнение пункты 42 и 74 приложения I к статье 2412 Горного устава, по отношению предварительного о вознаграждении соглашения, на случай порчи принадлежащих казне: полей, лугов, лесов и других угодий, так как до сих пор пункт этот исполнялся в точности по отношению всех других владельцев, но вовсе не в защиту интересов казны.

3. В каждом отдельном случае окончательное определение условий соглашения и размера вознаграждения, за порчу принадлежащих казне полей, лугов, лесов и других угодий, необходимых промышленнику для эксплуатации золота и устройства резиденции, зависит от благоусмотрения господина Приамурского генерал-губернатора.

4. Золотопромышленник и всякий желающий на казенных землях Амурской области заняться горной промышленностью, не заручившись вышеупомянутым соглашением и разрешением, не имеет права получить актов на прииск и вообще приступить к эксплуатации заявленных площадей под опасением последствий 595 статьи Уложен. о наказан. (изд. 1866 г.)

5. Впредь до испытания на опыте и выработки со временем более рациональных способов по учету и контролю леса, дозволить дальнейшее пользование лесными материалами из смежных принадлежащих казне лесов Амурской области, как уже существующим золотым приискам и горным заводам, так и впредь возникающим, на следующих временных основаниях:

а) каждую печь приисковых построек без различия назначения обложить сбором в размере 10 руб. в год.

б) каждую локомобиль, кузницу, паровую машину и пекарню, 30 руб. в год.

в) каждый принадлежащий приискам пароход 125 руб. в год.

г) остальные весьма многие еще виды пользования лесом, от сбора освободить, как покамест недоступные для удобного контроля.

Примечание. Определенный размер лесного сбора нахожу крайне незначительным, если принять во внимание все количество разнообразных лесных материалов, ежегодно расходуемые золотыми приисками на постройки и довольно подробно указанных, как в вышеприведенных расчетах вырубок по площади и по массе, так и в главе 1 сей части отчета.

6. Установленный предыдущим пунктом с печей, локобилей, кузниц, паровых машин, пекарен и пароходов за пользование лесными материалами лесной сбор, золотопромышленники и вообще горные заводчики, обязаны вносить при ведомости от себя сами в Благовещенское казначейство, впредь за год, не позже 1 марта каждого года; а квитанции в том с копией ведомости, представленной при сдаче денег в казначейство, препроводить немедленно и не позже 1 мая горному исправнику, на обязанность которого необходимо возложить: проверку и ближайшее наблюдение за правильностью исчисления и своевременности взноса денег в казначейство.

7. Кроме обложения местным сбором, указанного в пункте 5, остальные виды пользования лесом, как относительно размера рубки, так и времени и площади оной, считаются свободными и не подлежащими впредь до окончания действия сих правил ограничениям.

8. За несвоевременный взнос лесного сбора промышленники применительно к пункту 150 приложения к 2412 статье Горного устава подвергаются пене в 10% с неуплаченной суммы.

9. За непредставление горному исправнику к 1 мая квитанции во взносе причитающегося лесного сбора, промышленники, применяясь к пункту 153 приложения к статье 2412, лишаются права на прииск или горный завод.

10. Золотопромышленники и горные заводчики не имеют права препятствовать проверять правильность исчисления ими лесного сбора, т.е. количество печей, локобилей, кузниц, паровых машин, пекарен и пароходов, как командированным чиновникам, так точно горному исправнику и подчиненному ему, живущему на прииске казачьему уряднику.

11. Если при этой проверке окажется, что горнопромышленниками показано было при ведомости со сдачей лесного сбора в казначейство меньшее против истинного количества предметов согласно 5 пункту обложения, то за каждый такой предмет обложения они немедленно должны внести штраф в двойном размере, независимо от уплаты полагающегося по пункту 5 лесного сбора, и квитанцию в том представить не позже двух месяцев спустя после обнаружения сего горному исправнику.

12. При сдаче горнопромышленниками денег в Благовещенское казначейство в ведомости должно быть указано, как самый расчет, по которому сдаются деньги, так равно и то, что деньги сдаются в депозиты господина Приамурского генерал-губернатора, для увеличения капитала под наименованием: «Лесной сбор с горной промышленности».

13. Благовещенское казначейство, не входя в рассмотрение правильности расчета горнопромышленника, принимает деньги, выдает квитанцию и записывает их в особый счет под вышесказанным наименованием.

14. Расходование денег, поступивших с горнопромышленников согласно предыдущему, возможно не иначе как с разрешения господина Приамурского генерал-губернатора.

15. К концу каждого года горный исправник обязан представить военному губернатору Амурской области, а последний от себя господину Приамурскому генерал-губернатору, подробную ведомость с указанием в ней, а именно:

а) Сколько по каждому прииску или горному заводу в отчетном году существовало: печей, локобилей, паровых машин, кузниц, пекарен и пароходов.

б) Сколько с каждого прииска или горного завода, следовало по исчислению лесного сбора и сколько оно поступило в Благовещенское казначейство под прилагаемые при сем квитанции последнего.

в) Общий итог всеми вышесказанному по всей Амурской области за весь истекший год.

и 16. Известить, как золотые прииски, так и горного исправника Амурской области, что господин Приамурский генерал-губернатор, если по своему благоусмотрению найдет это нужным, для проверки и ревизии по исполнению правил относительно лесных пожаров, а также правильности исчисления и поступления с горной промышленности установленного лесного сбора, будет командировать особых чиновников.

В заключение сей главы считаю долгом еще доложить Вашему Высокопревосходительству, что применение относительно развивающейся в Амурской области с каждым годом горной промышленности, вышеупомянутых или же других в том направлении административных мер, вообще весьма желательно и необходимо, как ради сбережения государственных лесов области, ввиду большой их ценности в скором будущем и настоящего несомненно полезного влияния на климат и проточные воды, так ради образования в достаточном размере капитала, для скорейшего устройства лесной части.

ЧАСТЬ 4. ВЛИЯНИЕ ПАРОХОДСТВА НА ЛЕСА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

ГЛАВА I. ВЛИЯНИЕ ПАРОХОДСТВА НА ЛЕСА ПРИБРЕЖНОЙ ПОЛОСЫ АМУРА

В группе факторов, содействующих также быстрому истреблению лесов Амурской области, особенно в самой населенной и поэтому сравнительно более истощенной уже ее части, т.е. прибрежной полосе Амура, следует отнести существующее в настоящее время и все более развивающееся пароходство.

По заимствованному мной из Всеподданнейшего за 1884 год отчета военного губернатора Амурской области официальным сведениям, оказывается, что в прибрежной полосе реки Амура в пределах Амурской области одним только казачьим населением этой полосы для 36 пароходов было заготовлено в среднем выводе за два года разных пород дров (в 1885 году 19 800, а в 1884 году 17 000 сажен) 18 400 одноаршинных и однополенных сажен. Относительно строевых бревен официальных сведений нет, но, по моему соображению, таковых всеми пароходами ежегодно расходуется на разные потребности до 4000 штук.

Хотя это количество 18 400 сажен дров, вероятно, гораздо меньше действительного, но, однако, принимая его за истинное при последующих вычислениях и помножая на самую незначительную таксу в 20 коп, получим стоимость по таксе ежегодно сжигаемых пароходами в пределах Амурской области дров, а именно:

$$18400 \times 20 = 3680 \text{ рублей}$$

$$4000 \times 20 = 800 \text{ рублей}$$

Итого 4480 рублей.

Разделяя 4480 рублей на 36 пароходов, получим, что каждый пароход при плавании по Амуру в пределах Амурской области ежегодно расходует дров и бревен на сумму по таксе 124 р. 44 копейки.

Все вышесказанное количество, 18 400 сажен однополенных дров, заготавливается казачьим населением Амурской области из смежных еще окончательно не наделенных и не размежеванных казны с казаками, а находящихся только в пользовании последних (ст. в. Лесного устава изд. 1876 г.) государственных лесов.

Уплачиваемая пароходами отдельным казакам и станицам за эти дрова (18 400 с.) посаженные (от 3 до 5 рублей) плата, выражает собой только вознаграждение за труд: вырубки, вывозки, колки и выставки дров, а вовсе не вознаграждение, насколько я убедился, за отчуждаемое имущество – лес; т.е. выражает собой вовсе не так называемую лесную ренту или доход с занятой лесом площади земли.

Этой положенной платой за ежегодно выставляемые для пароходов дрова пользуются только единицы казачьего сословия, непосредственно принимавшие участие в этой заготовке, без взноса хотя бы какой-либо части оной в пользу

остальных одностаничников, как вознаграждения за отчуждаемое имущество, им всем вообще в пользование казной предоставленное.

Вследствие этого, имея в виду благодетельное и присущее одной правительственной власти право регулировать вообще участие и не допускать расхищения отдельными лицами общего предоставленного казной в пользование всем одностаничникам – имущества, т.е. лесов, к явному затем ущербу их общих интересов, полагаю необходимым, ради несомненной пользы казачьего населения, которому угрожает при подобном дальнейшем порядке вещей в совокупности с другими причинами окончательное лесоистребление, вмешательство в это дело правительственной власти, посредством надлежащих административных мер, и пока еще возможен из этого положения исход; тем более, что исход этот не потребует никаких новых затрат государственного казначейства, а, напротив, даст источник поступления денежных средств, на которые, в свою очередь, спустя самое большое несколько лет возможно будет устроить для казачьих лесов вообще лесную часть.

Но так как на основании положения об Амурском казачьем войске, помещенного в приложении к 1 продолжению Свода военных постановлений части 1 книги 2 к статье 6289, земли и леса прибрежной полосы р. Амура, в пределах Амурской области, ныне находящиеся (согласно ст. в Лесного устава изд. 1876 г.) в пользовании казаков Амурского казачьего войска должны со временем, после окончательного размежевания их со смежными принадлежащими исключительно государству землями и лесами, составить полную собственность Амурского казачьего войска, как с особым поземельным устройством, так, по всей вероятности, и с особым за войсковыми казачьими лесами лесным надзором.

То казалось бы, что в силу вышеизложенного, наилучшей мерой было бы предоставить самому войску полную свободу действий и мероприятий относительно ныне находящихся в пользовании, но имеющих поступить со временем в полную собственность войска казачьих лесов, без содействия местной центральной правительственной власти, в деле их: охранения, изучения, таксирования, устройства и организации.

Но подобную меру предоставления казачьих лесов, так сказать, как до настоящего времени это было, естественной их участи или просто на произвол судьбы, ввиду чрезвычайно важного значения лесов береговой полосы Амура, в настоящем уже и особенно будущем для благосостояния всего казачьего населения, следует признать жестокой.

Ибо при отсутствии в казачьем населении сознания о значении вообще леса и о печальных последствиях его истребления, положительно невозможно ожидать, чтобы вышеупомянутая мера и установленный ею порядок привел к чему-нибудь хорошему.

При самых даже лучших желаниях и стремлениях полковых казачьих командиров, занятых многими другими обязанностями и не менее важными делами, дело надлежащего устройства казачьих лесов, требующее специальных и практических знаний, оказалось бы все-таки в конце концов непосильным.

Возможно даже допустить, что вследствие неизбежных ошибочных заключений и распоряжений последних, дело устройства в казачьих лесах лесной части тянулось бы чрезвычайно долго, а между тем вполне вероятно, что население без особенной надобности было бы стеснено в пользовании лесом; причем леса, несмотря на все это, незаметно и постепенно были бы все-таки уничтожены тем же населением, но уже окончательно и навсегда.

Поэтому во избежание этого допускаемого мной, вероятного печального и уже трудно исправимого конечного результата, полагаю, что правительственной власти необходимо, ввиду особенно важного значения для края Амурского казачьего войска, поддержать благосостояние этого сословия, а значит по занимающему нас предмету, располагая гораздо большими средствами и силами по исполнению трудной этой задачи, прийти на помощь казачеству и наравне с лучшим устройством государственных лесов Амурской области изыскивать средства, как для размежевания казачьих лесов, так и для их надлежащего устройства; и только достигнув этих результатов и организовав вполне лесное дело, передать его затем для дальнейшего исполнения выработанного уже плана лесного хозяйства в полное распоряжение самого войска.

Полагая этот путь самым рациональным в деле устройства лесной части для казачьих лесов Амурской области при последующих соображениях и выводах, буду прежде всего на этом, как мне кажется, верном положении основываться при проектировании желательных мероприятий.

Итак, приняв за основание вышеизложенный взгляд, ради его практического осуществления, считаю долгом относительно пароходства применить следующие, по моему мнению, желательные меры.

ГЛАВА II. ЖЕЛАТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПАРОХОДСТВА

1. Объявить во всеобщее сведение, что с каждого парохода без различия его величины и конструкции (или же по количеству нарицательных сил, что, думаю, требует подробного обсуждения), впредь до открытия навигации и никак не позже 1 февраля, под опасением штрафа должно быть владельцем оного уплачено в Благовещенское казначейство при объявлении, что деньги сдаются за такой-то пароход (название) и в счет капитала под наименованием «Депозит господина Приамурского генерал-губернатора, лесной сбор с пароходов», для свободного плавания в пределах вод Амурской области, исчисленный по среднему расчету за сжигаемые в навигацию дрова сбор, в размере 125 рублей в год.

2. Полученные при сдаче за пароходы установленного лесного сбора квитанции Благовещенского казначейства владельцы должны передать до открытия навигации командирам пароходов для постоянного хранения и предъявления чиновникам и полиции в случае спроса.

3. Благовещенский полицмейстер и прочие чины полиции, особенно у Благовещенской пристани, наблюдают, чтобы ни один пароход не плавал в водах Амурской области без уплаты лесного сбора и без квитанции в том.

4. Если бы это оказалось, то полицией с каждого парохода, не уплатившего таким образом лесного сбора, взыскиваются немедленно деньги в размере 250 рублей; из которых 125 руб., как причитающийся лесной сбор, а другие 125 рублей, как штраф. В уплате этих денег командиру взыскавшим выдается квитанция, а деньги сдаются сполна в Благовещенское казначейство согласно пункту 1. До уплаты этих денег командир парохода не вправе, когда пароход задержанный по вышесказанному случаю полицией у первой попавшейся пристани, продолжать самовольно рейс.

5. Благовещенское казначейство, получив от пароходовладельцев за пароходы поступления в счет сумм лесного сбора, препровождает талоны квитанций

полицмейстеру г. Благовещенска, который, в свою очередь, ведет у себя список и наблюдает вообще, чтобы все пароходы, плавающие в водах Амурской области, уплатили лесной сбор.

7. Пароходовладельцы, уплатившие согласно предыдущего за каждый пароход по 125 рублей впредь за навигацию лесного сбора, никаким более оплатам, ни в пользу казны, ни в пользу станичных или сельских сумм, за забираемые для отопления пароходов по берегам рек дрова, кроме уплаты подрядчикам или заготовщикам дров собственно: за вырубку, вывозку, колку и выставку последних, впредь не подвергаются.

8. С закрытием навигации полицмейстер гор. Благовещенска представляет военному губернатору Амурской области, а последний господину Приамурскому генерал-губернатору ведомость с указанием в ней:

а) сколько всего в течение последней навигации плавало в водах Амурской области пароходов и какие именно.

б) сколько поступило всего от пароходов в казначейство лесного сбора и сколько штрафа.

в) сколько было случаев обнаружения неуплаты установленного с пароходов лесного сбора и чем каждое из этих дел кончилось.

В заключение сей главы считаю необходимым доложить Вашему Высокопревосходительству, что предлагаемые выше меры по взысканию с каждого парохода, плавающего в пределах вод Амурской области, за сжигаемые им в течение навигации дрова вообще, как мне кажется, не трудны для исполнения, а сам лесной сбор 125 рублей с каждого парохода не обременит нисколько пароходоладельцев, а между тем в общей сумме примерно 36 пароходов даст приблизительно ежегодно 4500 руб. дохода в пользу капитала для устройства вообще лесной части. Этот ежегодный с пароходов лесной сбор в совокупности со сбором с золотых приисков и другими найденными и помещенными иже сего источниками, по всей вероятности, по прошествии 2 или 3 лет, даст возможность организовать и устроить на местные средства вообще лесное дело в Амурской области, как относительно казачьих, так государственных лесов.

Но мне могут возразить, что обложение пароходов вышесказанным лесным сбором за сжигаемые ими дрова ради образования капитала для хотя и весьма желательного устройства лесной части все-таки невозможно по той причине, что это будет в тягость для пароходства, которое и так, чтобы существовать, нуждается в поддержках правительства, и поэтому получает субсидию, а значит, что вследствие этого обложения казна вынуждена будет, дабы поддерживать пароходство на Амуре, соразмерно налагаемому на пароходы лесному сбору увеличить ровно на столько же размер субсидии, т.е. другими словами, что это обложение пароходов будет обложением казны в размере ежегодно около 4500 рублей в пользу устройства затем в Амурской области лесной части.

А потому предлагаемый мной выше источник дохода посредством обложения каждого парохода сбором 125 рублей в год нельзя признать рациональным и возможным к исполнению.

В опровержение этого предполагаемого мной взгляда, на дело обложения пароходов лесным сбором, считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, а именно:

а) Что не все пароходы, плавающие в водах Амурской области, получают от казны субсидию, а, если не ошибаюсь, только пароходы Амурского Товарищества Пароходства, обязанные по договору: совершать срочные рейсы, возить почту, войска и казенные грузы.

б) Что так как надлежащее устройство вообще лесной части имеет всегда первейшим условием и целью посредством рационального согласия местных условий лесного хозяйства сберечь и обозначить непрерывное удовлетворение существующих потребностей в лесном материале, то обложение пароходов лесным сбором ради образования капитала, необходимого для достижения указанной устройством лесной части цели, т.е. постоянного без истощения пользования лесом, невозможно не признать совершенно рациональным.

Ибо не подлежит никакому сомнению, что если в настоящее время казна вынуждена поддерживать в интересах развития края существующее на Амуре пароходство посредством значительных ежегодно выплачиваемых ему субсидий, то с течением времени выдача этих субсидий по необходимости должна будет не только не прекратиться, но даже при прочих равных условиях увеличиться в размере, потому что если теперь не будет для устройства казачьих лесов, а значит, их сбережения изыскано средств, то затруднение затем в получении пароходами необходимых им дров будет быстро усиливаться, и пароходы вынуждены будут платить населению даже без уплаты лесного сбора за вывозку и выставку дров все более и более увеличивающиеся цены.

Поэтому осмеливаюсь полагать, что гораздо лучше в защиту интересов казны, казачьего населения, пароходства и всего края достигнуть посредством вышесказанного обложения пароходов лесным сбором для устройства в несколько лет лесной части, иначе сбережения ради вышесказанных целей казачьих лесов, нежели отступая перед необходимыми и незначительными в сущности (4500 р.) жертвами, оставить дело далее в том печальном положении, в котором оно теперь находится.

в) Что 125 рублей лесного сбора за навигацию с каждого парохода, ввиду полной неурядицы и тех замечательно некоммерческих порядков, которые существуют вообще на большинстве пароходов, невозможно признавать в сущности сколько-нибудь обременительными.

г) Что полагаю невозможно допустить такого порядка, при котором пароходство, все-таки как отрасль промышленная, существовало бы только благодаря безвозмездному пользованию казачьими лесами и, обуславливая в значительной степени их истребление, готовило, как себе, так и этому населению, а также развитию края, в конце концов, с истреблением лесов бедствия.

д) Что освобождение пароходов от взыскания за сжигаемые ими дрова лесного сбора, противоречило бы уже состоявшемуся в 1880 г. распоряжению (Сбор. глав. офиц. документов по У. В. в. страница 82 и 94), по которому без уплаты установленного таксой лесного сбора, воспрещено кому бы то ни было производить рубку леса, не вошедшего в состав наделенных ему угодий.

ж) Что пароходы, плавающие в водах Амурской области и в настоящее время, за забираемые ими дрова должны и частью вносят станичным и поселковым атаманам лесной сбор, но благодаря недостаткам существующего по взысканию этого сбора порядка, упущений, нерадения и полному отсутствию контроля, сбор уплачивается не всеми пароходами и не в должной степени.

ЧАСТЬ 5.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЕЖЕГОДНОЙ ВЫРУБКИ ЛЕСНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ВСЕЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Все население Амурской области заготавливает лес или на свои домашние надобности, или для местной продажи. Заграничного отпуска и торга лесом в Амурской области не существует.

Заготавливается лес, главным образом, следующих немногих сортов:

1. Строевой лес: преимущественно сосновый и только частью, за недостатком соснового, лиственничный; бревнами от 3 до 5 сажень длиной и 5 до 9 даже вершков толщиной в верхнем отрубе.

2. Дровяной лес: преимущественно березовый, лиственничный, дубовый и прочих пород, заготавливается более все поленьями одноаршинной длины и складывается поленицами длиной в 2 сажени.

3. Поделочный лес более всего заготавливается из лиственных древесных пород разных неуловимых размеров и на самые разнообразные столярные и сельскохозяйственные поделки.

4. Жерди на изгороди, крыши и т.п. заготавливаются преимущественно из сосны, лиственницы, березы и осины длиной от 3–4 сажень, а толщиной $1\frac{1}{2}$ –3 вершков в верхнем отрубе.

5. Коля размерами 1–2 сажень длиной и 1–2 вершков толщиной заготавливаются из лиственницы, сосны, дуба и березы.

Кроме указанных сортов леса еще некоторые казаки, а в особенности крестьяне, из сдираемой с березы коры (бересты) гонят деготь, а из пневого осмола и по преимуществу тетерника (желваки на ветвях сосны) курят смолу, как для своих надобностей, так и для продажи в пределах той же Амурской области.

Крестьянское же население левого берега Зейской долины занимается в свободное зимнее время отчасти и кустарными лесными промыслами, как то: выделкой телег, саней, дуг, бочек, кадушек, ушатов и т.п.

Но общее количество леса, ежегодно в этих видах истребляемого всем населением Амурской области посредством рубки, по причине полного недостатка сюда относящихся данных, в настоящее время не может быть определено мной сколько-нибудь точно; но ввиду важного значения его, постараюсь, насколько окажется это возможным, в приближении хотя бы определить количество вырубки леса, по крайней мере, только для двух самых главных из употребляемых сортов: именно для бревен и дров.

Итак, начну с города Благовещенска.

ГЛАВА I. ГОРОД БЛАГОВЕЩЕНСК КАК ПОТРЕБИТЕЛЬ ЛЕСА

Самым главным лесным рынком области и потребителем сплаваемого по рекам Амуру и Зее ежегодно леса, по причине уже положительно безлесных окрестностей и значительного все-таки населения (8677 душ обоего пола – Всеподданнейший отчет за 1884 г.) является город Благовещенск. Лесопромышленность, хотя и не крупная, в нем давно уже существует и дает значительные барыши многим мещанам, а рабочему люду в общем немалый заработок. Цены на главнейшие сортаменты сплаваемого в город Благовещенск леса, т.е. на строевые бревна и дрова, бывают смотря по времени года и количеству одновременно приплавленного леса крайне разнообразны, особенно по отношению строевого леса и колеблются:

За строевые бревна сосновые и лиственничные размеров: от 3–5 сажен длиной и 5–8 вершк. толщиной от 100 коп. – 400 коп. и даже 500 коп. за однополенную и одноаршинную сажень колотых дров:

Березовых: 4 р. 50 к., 5 р. 50 к.

Лиственничных: 4 р. – 500 коп.

Сосновых: 300 коп. – 400 коп.

Необходимый на потребности гор. Благовещенска вышеуказанный лес готовится по берегам рек и речек, вливающихся в Амур с левой стороны, а в незначительной только части с китайской стороны, так и в Зею реку на расстоянии от Благовещенска крайне разнообразном: от 200 верст до 700 и гораздо более, потому что часть плотов с товарами приходит даже с г. Читы, не говоря уже о реках Шилке, Аргуни, Томи, Селемдже и других.

По официальным сведениям Благовещенской городской управы, представленным г. губернатору Амурской области, оказывается, что в навигацию 1883 года на нужды населения гор. Благовещенска было приплавлено леса, а именно:

	бревен	дров сажен
По Амуру для города	35 404	1495 одноарш.
По Амуру для войск	6 092	432 одноарш.
По Зее для города	15 617	951 одноарш.
Итого	57 113	2878

Последний столь незначительный итог потребляемых городом дров, при все-таки 8677 душах населения Благовещенска, невозможно признать сколько-нибудь близким к истине.

В действительности количество сжигаемых ежегодно городом дров во много раз должно быть, без сомнения, более показанных 2878 однополенных сажен, и объясняется это тем обстоятельством, что в общем итоге 57 113 сплавленных бревен (хотя тоже, вероятно, меньше действительного по причине полного отсутствия за сплавом леса контроля) находится собственно много бревен, которые для удобства по сплаву, будучи сплавленными в виде бревен, распиливаются затем на берегу, как я сам в этом убедился, в дрова.

Поэтому, дабы определить собственно количество расходуемых городом бревен и дров в отдельности, приходится прибегнуть к единственно возможному способу – определить оное на основании добытых опытом соображений.

Итак, ввиду того, что в гор. Благовещенске жилых построек находится более одной тысячи, то, полагая, что для годового отопления каждой из них в среднем выводе необходимо никак не меньше 10 общеупотребительных однополенных (почти $\frac{1}{3}$ кубической) сажень дров, получим, что г. Благовещенск ежегодно сжигает 10 000 сажень однополенных дров. И это последнее количество, во всяком случае, ближе к истинному, чем вышеприведенное 2878 сажень оных.

Вследствие того, как мне кажется, дополнительное до 2878 количество 7122 сажень дров получается посредством распиловки и расколки значительной части бревен из общего итога оных 57 113 штук. Далее, принимая средний расход виденных мной и сплавленных в Благовещенск бревен равным 4 саженям длины и 5 вершков толщины, а также на основании существующих опытных данных, что таких бревен для получения посредством распиловки одной кубической сажени одноаршинных дров требуется круглым числом без дробей 12 штук, а для однополенной общеупотребительной сажени ($\frac{1}{3}$ куб.) 4 штуки, то, помножая 7122 сажени на 4, получим, что из общего итога сплавленных 57113 бревен, 28488 штук оных в дополнение к 2878 саженям дров, распиливается в дрова.

Резюмируя же все вышеизложенное, оказывается, что на основании имеющихся официальных данных гор. Благовещенск потребляет ежегодно, кроме других еще видов пользования лесом, о которых не имеется никаких данных, приблизительно и никак не менее бревен и дров, а именно:

Для построек _____, __ 28,625 бревен

Для топлива однополенных дров 10,000 сажень.

ГЛАВА 2. КОЛИЧЕСТВО ЛЕСА НА ДОМАШНИЕ НАДОБНОСТИ, ЕЖЕГОДНО РАСХОДУЕМОЕ КАЗАЧЬИМ И КРЕСТЬЯНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ОБЛАСТИ

О величине этого расхода леса не имеется никаких более или менее точных официальных данных, и поэтому приходится поневоле опять-таки прибегнуть к соображениям для определения одного, хотя сколько-нибудь приблизительно.

Предварительно считаю долгом оговориться, что во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что казачье и крестьянское население, соприкасаясь ближе городского с окружающими лесами, а также вследствие приволья, гораздо меньшей скученности и большого обилия построек и еще необходимости огораживать как самые селения, так и засеянные хлебами поля от потравы скотом, расходует ежегодно на свои необходимые надобности, в общем, гораздо более лесных материалов, чем расходовало бы, допустим, равное ему количество городского населения, например, г. Благовещенска.

Но так как об этом количестве, как ранее сказано, не существует никаких официальных данных, то дабы определить его возможно ближе к истине, приму за норму при последующих вычислениях количество леса, расходуемое городом Благовещенском, и затем редуцированное на все общее население области, в силу вышесказанных обстоятельств, увеличу в два раза.

Из Всеподданнейшего отчета военного губернатора Амурской области за 1884 год видно, что общее постоянное и оседлое население области простирается до 37 308 душ обоого пола, поэтому из соответствующих пропорций получим:

$$\begin{aligned} & \text{Для бревен} \\ & \frac{28625 - 8677}{x - 37308} \\ & x:28625 = 37308 : 8677 \\ & x = \frac{28625 \times 37308}{8677} \\ & x = 123,077; \\ & 123,077 \times 2 = 246,154 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} & \text{Для дров} \\ & \frac{8677 - 10,000}{37308 - x} \\ & x : 10,000 = 37308 : 8677 \\ & x = \frac{10,000 \times 37308}{8677} \\ & x = 42,985 \\ & 42,985 \times 2 = 85,970 \end{aligned}$$

т.е. что в совокупности всем населением городским, казачьим и крестьянским Амурской области ежегодно на свои надобности приблизительно расходуется 246 154 штук строевых бревен и 85 970 сажен однополенных и одноаршинных на топливо дров.

ГЛАВА 3. ОБЩЕЕ ЕЖЕГОДНОЕ КОЛИЧЕСТВО ВЫРУБАЕМЫХ БРЕВЕН И ДРОВ ПО ВСЕЙ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Дабы получить приблизительно это общее вышесказанное количество бревен и дров для всей области, необходимо сложить все ранее уже полученные результаты:

Потребляется ежегодно	Бревен, шт.	Дров, однополенных сажен
1. Золотыми приисками	32 000	24 000
2. Пароходами	4 000	18 400
3. Отдельно населением	246 154	85 970
Итого	282 154	128 370

Переводя это количество бревен и дров в плотную кубическую массу древесины

282 154 x 16,8 и 128 370 x 114, получим, сколько бревен и дров составляют куб. футов древесины:

1. 282 154 шт. бревен 4 740 187 куб. футов
 2. 128 370 сажен дров 14 634 180 куб. футов.
- Итого 19 374 367 куб. футов.

Так как для заготовок дров вырубается лес более всего негодный в постройку и гораздо, в общем, тоньше по размерам обыкновенного строевого леса, то, разделяя количество плотной древесной массы, заключающейся в общем итоге дров, на приблизительно средний объем дерева дровяных качеств, получим приблизительно количество деревьев, которые ежегодно должны быть вырублены и разделаны в дрова, чтобы из них получилось 128 370 однополенных сажен:

14 634 180 : 6.8 = 2 152 085 деревьев. Прибавляя к полученному результату количество 282 154 штук бревен, получим следующий общий вывод, что во всей Амурской области, как всем населением оной, так золотыми приисками и пароходством в общей сложности, для удовлетворения потребностей в главном

лесном материале, в бревнах и дровах приблизительно вырубается 2 434 239 разных пород и размеров, составляющих 19 374 367 кубических футов плотной древесной массы, из которой заготавливается 282 154 штуки строевых бревен и 128 370 однополенных сажен разных пород дров.

А если еще к этому общему ежегодно срубаемому для бревен и дров количеству (2 434 239) прибавить, как ранее было сказано, с лишком в тысячу раз превосходящее его количества леса, которое истребляется по всей области безжалостно ежегодными лесными пожарами, а также количество во всех видах вырубаемых лесов, но за неимением сведений, не принятых мной вовсе в расчет, как то: срубаемых и повреждаемых для поделок, для мебели при охоте за белкой, при собирании тетерника, для смолокурения, при сдирке бересты и корья, при рубке кольев или оставленных гнить в лесу из-за брака, или что завалило вырубленный лес снегом, а также сплавленных китайским населением для города Айгуна и окрестных его селений, то довольно ясно обрисовывается весьма печальная картина повального и страшно быстрого истребления лесов Амурской области.

Как незначительным рисуется этот последний общий ежегодный расход леса, вырубаемого населением области для удовлетворения его нужд, то, однако, его можно было бы признать совершенно и чрезвычайно ничтожным, сравнительно с общей площадью области, при следующих обстоятельствах:

1) Если бы так называемые леса Амурской области представляли собой в общем типе действительно леса, как, наверное, ранее когда-то, в полном значении этого слова, а не выжженные и поврежденные ежегодными пожарами и отчасти уже рубкой пустыри лесные, для которых возобновление и нарастание новой массы древесины почти вовсе уже прекратилось.

2) Если бы существовало сбережение и охранение лесов, посредством согласного с местными условиями – устроенного рационального лесного хозяйства и если бы рубка леса производилась не истощительная и сплошная, а правильная и выборочная, а не только вблизи населенных мест и вдоль рек и речек, особенно удобных для сплава.

Но так как все указанные неблагоприятные для лесов условия существуют в полной силе, а по настоящее время не были, насколько это возможно, устранены, то лесоистребление, ничем не сдерживаемое, подвигается чрезвычайно быстро и угрожает Амурской области большими бедствиями; потому что, в сущности, как бы не были громадны по пространству занимаемой ими площади пустыри – леса Амурской области, то, однако, последние, в силу вышесказанных условий и по средствам поспешного их истребления, особенно огнем, а также и топором, истребления, которое, по всему вероятию, в приближении значительно превосходит выражающий оное общий ежегодный расход леса в 2 434 239 000 штук отдельных деревьев, составляющих 19 374 367 000 куб. фут. плотной древесной массы, должны неминуемо, если это еще далее будет продолжаться, в самом скором времени исчезнуть, превратив Амурскую область в холмистую и бесплодную пустыню.

ЧАСТЬ 6

ГЛАВА I. СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПОРЯДОК ПРОДАЖИ ЛЕСА

Из печатного Сборника главнейших официальных документов по управлению Восточного Сибирью (стр. 82 и 97), видно, что первые серьезные основания к лучшему первоначальному устройству лесной части в Амурской области были положены и относятся к 1880 году. Созданный в этом году единственно серьезными заботами местной власти порядок относительно сбережения лесов от пожаров, хищнической вырубке оных и взимания установленной таксой (Сборн. Т. V стр. 85) лесного сбора, с переменой обстоятельств, мало поддерживаемый затем, постепенно пришел в упадок, и если по настоящее время он сохранился, то вернее только де юре, но не де факто.

О существенных чертах продолжающегося поныне установленного порядка 1880 года считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству нижеследующее:

Всеми казачьему и крестьянскому населению станиц и деревень Амурской области предоставлено впредь свободное право на свои исключительно местные домашние надобности бесплатно пользоваться лесными материалами, но только из лесов, вошедших в состав наделенных им, а не других угодий.

Во всех остальных случаях рубка леса кому бы то ни было без разрешения и уплаты в пользу казны установленного таксой лесного сбора, ради образования капитала, необходимого для устройства лесной части, воспрещена.

В силу этого, по существующему и ныне порядку, лесному сбору подлежат бревна и дрова:

а) заготовленные в лесах, не вошедших в состав наделенных станицам и селениям угодий, хотя бы даже на местные домашние надобности – казачьего и крестьянского населения;

в) заготовленные, безразлично в каких лесах, но ради перепродажи или удовлетворения не местных, а посторонних в лесном материале нужд.

Взыскание же лесного сбора и выдача билетов на право рубки и сплава лесов за отсутствием надлежащих для сего лесных органов было возложено на Гражданское управление военного губернатора Амурской области, причем вблизи города Благовещенска для более правильного и полного поступления этого сбора со всех сплавающих леса по Зее, в том числе и китайцев, был на устье реки Зеи построен караульный домик с нанятыми надсмотрщиком и сторожами (Сборн. т. V стр. 97).

По придуманной форме отчетности для записывания поступлений лесного сбора были отпечатаны бланки, из которых затем для Гражданского управления заведена была шнуровая и скрепленная по листам денежная книга.

Для подобной же цели станичным и поселковым атаманам и старшинам крестьянских обществ разосланы были шитые, шнуровые, скрепленные из таких же бланков денежные тетради.

Всякий желающий заготовить лесные материалы мог безразлично оплатить их лесным сбором и получить разрешительный на рубку леса билет в городе Благовещенск в Гражданском управлении, или на месте рубки леса у местных станичных и поселковых атаманов или крестьянских старшин.

Последним, кроме того, было вменено в обязанность, чтобы в районе их власти никто из посторонних без билета не смел рубить никакого леса.

Но так как вышесказанный порядок имел главной целью взимание установленного таксой лесного сбора, а постоянного и бдительного за сплавом леса наблюдения организовано не было (караул на Зее существовал недолго), особенно в самом главном месте потребления леса, в г. Благовещенске, а только между прочими обязанностями поручено было Благовещенской городской полиции наблюдать, дабы никто без надлежащей квитанции (билета) лесов, как мимо города, так и в самый город не сплавлял, с задержанием в том виновных, то хотя с самого начала установления этого порядка поступивший лесной сбор был сравнительно весьма значительным (1192 р. 36 коп. за первые три месяца январь, февраль и март 1881 года из ведомости №2 Сборника Т. V); однако дело это далее не развивалось и постепенно клонилось к упадку и особенно со времени прекращения караульного за сплавом леса поста в построенном нарочно для того домике на устье реки Зеи (видно из предложения господина генерал-губернатора от 26 мая 1884 г. за № 638 Дело Г. У. В. С. Отд. IV № 81).

Благодаря этому слабому относительно сплава надзору лиц, являющихся с добровольного уплатой лесного сбора в Гражданское управление, оказывалось и оказывается все меньше и меньше, а самый лесной сбор вместо того, чтобы увеличиваться в размере, напротив, уменьшился и достиг того, что во время моего пребывания в городе Благовещенске, в конце июля месяца минув. 1885 г., лесной сбор, поступивший с начала 1885 г. по вышесказанное время, простирался всего до 53 рублей.

Все количество лесного сбора, поступившего со времени его введения по настоящее время, в Амурской области, согласно сведений, помещенных в напечатанной работе к предстоящему съезду «Лесной промысел» стр. 5, определяется за исключением там же указанных расходов в 4379 р. 39 коп.

Поэтому, вследствие незначительности этой суммы и ради более успешного взимания и накопления затем оной, признаю необходимым впредь до надлежащего устройства лесной части поддержать существующий порядок по выручке ныне лесного сбора с теми только изменениями и улучшениями, которые ради сего в нем вообще желательны и будут проектированы мной ниже.

ГЛАВА II. НЕОБХОДИМОСТЬ УВЕЛИЧЕНИЯ ПОСТУПЛЕНИЙ ЛЕСНОГО СБОРА

Что касается необходимости возможно большого увеличения поступлений установленного в 1880 году для Амурской области лесного сбора, как единственно верного, по моему мнению, источника для скорейшего без особенных затрат

казны устройства лесной части, то она вытекает из всего вышеизложенного в сем отчете и точно так же из следующих соображений:

1. Когда благодаря принятым вообще административным мерам и улучшениям существующего по взиманию лесного сбора порядка накопится в несколько лет достаточное количество сумм последнего, то это позволяет надеяться, что выработанный затем согласно местных особенностей и накопленных денежных средств Проект окончательного устройства лесной части для Амурской области, будучи представленным не встретит никаких затруднений в утверждении оно-го Высшим правительством, что полагаю особенно важно, ради скорейшего сбе-режения лесов на пользу края.

2. Увеличение поступлений лесного сбора, дав возможность скорейшего устройства лесной администрации, этим самым даст возможность избежать населению тех печальных последствий, которые обуславливаются вообще бес-пощадным лесоистреблением.

3. С увеличением ежегодным по Амурской области поступлений лесного сбора и скорейшим поэтому устройством лесной части, кроме прямой пользы населения казна получит еще значительные выгоды, потому что отдаленные, иск-лючительно принадлежащие государству, леса области, которые по настоящее время не приносят ни населению, ни казне никакого денежного дохода, будут благодаря этому спасены для края и будущего заселения его, а кроме того: опи-саны, обмежеваны, исследованы, а главное, в должной мере оберегаемы от истребления их огнем и топором, что, в свою очередь, со временем дозволит казне посредством надлежащей эксплуатации лесов, помимо непрерывного удовлет-ворения потребностей населения в лесных материалах, еще извлекать значитель-ные на пользу края, нуждающегося в многих учреждениях, денежные средства.

Поэтому взимание ради вышесказанных целей лесного сбора полагаю не-обходимой мерой ради очевидной пользы самого населения и казны, ибо при условиях уже ясно выразившегося теперь лесного кризиса, чтобы спасти осталь-ное, близкое к уничтожению, лесное богатство Амурской области, необходимы некоторые даже жертвы, которые, однако, согласно выше и ниже проектирован-ных мной мер, коснутся преимущественно промышленного и более зажиточного класса, именно городского населения, золотых приисков и пароходов.

ГЛАВА III. ВЕЛИЧИНА ОЖИДАЕМОГО К ПОСТУПЛЕНИЮ ЛЕСНОГО СБОРА

Относительно величины ежегодного ожидаемого к поступлению лесно-го сбора ради образования капитала для окончательного устройства затем в Амурской области лесной части, считаю долгом доложить Вашему Высоко-превосходительству, что по средним выводам моим и соображению местных условий есть вероятность получать от лесов, начиная с 1886 г. приблизительно следующий доход, если кроме уже выше проектированных мер по сплаву леса около города Благовещенска устроить бдительный надзор.

Для этого сложим ранее уже полученные результаты:

1. За 10 000 сажень однополенных дров, потребляемых городом Благовещен-ском, считая за сажень по 20 коп. _____ 2000 руб.

2. За 28 625 штук строевых бревен, потребляемых городом Благовещенском, считая за бревно по 20 коп. _____	5725 р.
3. С 36 примерно пароходов по 125 р. с каждого за сжигаемые в навигацию дрова около _____	4500 р.
4. С золотых приисков по соображению около ___	4000 р.
----- А всего вероятно:	16 225 руб.

Основываясь на том, как мне кажется, самом рациональном положении, что предварительно и прежде всего необходимо изыскать достаточные денежные средства, а затем уже по накоплении спустя несколько лет на оные окончательно организовать лесное дело в Амурской области, перехожу к изложению тех мероприятий, которые желательны и необходимы, дабы возможным было, начиная с навигации 1886 года, выручать лесной сбор с заготавливаемых сплавом ежегодно лесных материалов.

Но так как благодаря счастливой случайности в самом непродолжительном времени имеет в гор. Хабаровке собраться под непосредственным руководством и председательством Вашего Высокопревосходительства Съезд всех, так сказать, сведущих лиц, вообще довольно близко знакомых с местными условиями всего Приамурского края, то ради ожидаемой от сего пользы для лесного дела, в заключение сего моего отчета по командировке в Амурскую область осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне выработку и представление затем Вашему Высокопревосходительству вышеупомянутого подробного проекта уже после всестороннего лицами Съезда обсуждения и на основании анализа почерпнутых мной таким образом сведений и соображений.

Состоящий при Приамурском генерал-губернаторе
Запасной лесничий коллежский ассессор Пястужкевич.
г. Хабаровка
9 янв. 1886 г. к рапорту за № 1.

М.И. Пястухевич

**КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ОСМОТРЕННОЙ
ЧАСТИ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ**

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ОСМОТРЕННОЙ ЧАСТИ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ

Его Высокопревосходительству
Господину Приамурскому генерал-губернатору
Состоящего при Приамурском генерал-губернаторе
запасного лесничего коллежского асессора Пястужкевича

Рапорт

На основании предписания Вашего Высокопревосходительства от 27 февраля сего года за № 623 имею честь почтительнейше Вашему Высокопревосходительству доложить, как это приказано пока в самых главных чертах, о нынешнем состоянии лесов и лесного дела в осмотренной и исследованной мною части Южно-Уссурийского края.

По настоящее время с должной <...> подробностью успел осмотреть в лесном отношении сравнительно весьма значительную часть площади – именно часть края; с наибольшим русским населением, а также наиболее хлебодородную и удобную, по количеству еще свободных земель, для будущего хлебопашества.

Действительно, по количеству русского сельского элемента, без сомнения, это важнейшая часть Южно-Уссурийского края; а между тем, в которой, без всякого преувеличения, тяжелый кризис в хозяйстве для многих местностей оной вследствие недостатка лесов настолько уже резко определился (в чем можно убедиться осмотром местности и опросов населения), что возможно скорейшее разрешение лесного вопроса для целого края, а в особенности для некоторых нижеуказанных и еще недавно частью покрытых хотя кое-какими лесами, а ныне окончательно обезлесенных местностей, является для населения насущным вопросом, вопросом, так сказать, быть или не быть – ныне существующему населению; не говоря уже несколько о том, что необходимо и желательно возможно больше заселить эту часть края посредством новых переселенцев.

Эту осмотренную часть Южно-Уссурийского края составляют три полицейских участка, именно: Посъетский, Суйфунский и Ханкайский, а также казачьи земли Уссурийского пешего полубатальона.

Точнее выражаясь, это пространство края, заключающееся в границах от Рыболова по побережью Ханка до Турьего Рога, далее по китайской границе до залива Петра Великого, отсюда по морскому побережью почти до устья Суйфуна, далее по Суйфуну до Раздольного и далее наконец почтовым трактом до Рыболова.

Что касается состояния лесов в вышеупомянутой части Южно-Уссурийского края, то имею честь почтительнейше Вашему Высокопревосходительству доложить нижеследующее:

1. Что всю эту часть Южно-Уссурийского края, в общем, даже для ныне существующего населения следует признать совершенно малолесной. Это потому, что именно там, где только существует более значительное и более давнее по времени заселения крестьянское, казачье или корейское население, там положительно ощущается уже большой недостаток в строевом лесе, а местами даже в необходимом топливе (Турий Рог, Усачи, Астраханка, Рыболов, Полтавка, Посъет, Ново-Киевск, Красное село и проч.).

Насколько поражающе быстрыми шагами эта часть края с каждым годом приближается к безусловному безлесью по причине ежегодных лесных палов, хищнической вырубki и увеличивающегося населения, в чем я имел полную возможность достаточно убедиться, еще нагляднее всего это видно из следующих фактов.

Многие старожилы крестьянских селений: Турий Рог, Усачи, Ильинское, Троицкое, Камень-Рыболов и Астраханки в один голос говорят, что не далее 15–20 лет тому назад, когда впервые поселялись они по берегу озера Ханка, почти весь этот берег и все склоны, хребты и увалы ближайших гор были покрыты хорошими лесами разных лиственных и частью хвойных пород. Нужный им для построек строевой лес они находили в достаточном количестве поблизости и тут же же поселялись. А теперь от всего этого, кроме жалкого кое-где кустарника и плохого даже топлива, на значительном расстоянии от селений ничего уже, что бы можно было назвать лесом, – не осталось.

Еще более поразительным является факт относительно казачьих станиц, которых переселение с Усури в Южно-Уссурийский край относится к самому недавнему времени, именно к 1879 году.

В большинстве станиц раздаются те же жалобы на безлесье, хотя при самом расселении они находили поблизости нужный им строевой лес.

И вот ныне, только семь лет спустя, такая картина, что в некоторых станицах добыть для поправки построек хоть несколько штук годных строевых бревен положительно неоткуда; приходится терять дня три, а то и пять (станции: Нестерово, Благодатная и прочие), дабы привести одно годное и не Бог знает какое бревно (дл. 7 ар. толщ. 5 и 6 верш.), или, как в Полтавской станице, покупать на китайской стороне недешево, ибо по рублю за каждую погонную сажень длины бревна.

Вследствие подобного положения, многие жители как из казачьего, так и крестьянского населения многих местностей сознают сами вполне ясно и уже поговаривают, что еще через несколько лет, а придет время, что хоть все бросай и выселяйся, потому что не только строиться, но скоро и топить в избе будет нечем.

Почти повсюду мне приходилось выслушивать жалобы на сильно ощущаемый недостаток в лесе и воспоминания о том, что еще в недалеком прошлом было всяких нужных по хозяйству лесов достаточно.

Некоторые даже станции и селения (Комиссаровская, Благодатная, Платонов-Александровская и село Ильинское), узнав, что я чиновник по лесной части, просили меня ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о добавочной им прирезке значительных площадей, даже не с лучшими кустарниками, какие и у них в обрезках имеются, из соседних пока свободных государственных земель, якобы ради того, чтобы казна помогла им и наделила хотя бы кое-каким годным на топливо лесом.

Со своей стороны, по поводу этих просьб считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что удовлетворение оных прирезкой из свободных пока государственных земель, на которых почти тоже поблизости от жилых мест годного ничего из леса не осталось, кроме расходов, сопряженных с этими отводами, в боль-

шинстве случаев беды не поправить, разве на каких-нибудь несколько лет; а затем опять будет то же самое. Здесь положение уже весьма серьезное, и чтобы прийти населению поскорее с возможной и действительной помощью, требуются радикальные меры совершенно другого свойства. Тем более, что просьбы эти, как я имею возможность несколько убедиться, вытекают отчасти и из других совершенно побуждений, именно, как мне кажется, из желания захватить при разрешенной под предлогом леса нарезке (так как куртинки леса остались более всего по горам, а по падам чаще всего сенокосы) бóльшую еще площадь земли, и этим самым косвенно без шума, но фактически отчасти парализовать усилия правительства по заселению этой части края и таким образом воспрепятствовать наплыву и занятию земель новыми, крайне нежелательными им переселенцами.

2. Что только благодаря полному отсутствию или незначительности населения, а также отдаленности или недоступности – леса более всего сохранились вблизи китайской границы; т.е. по верхнему течению рек и притоков: Тизен-хэ, Рязановой, Сядими, Адэми, Левого Монгугая, Амбабэллы, Ильдуги, Грязной, Шуфана, Ушагу и отсюда через верховья Шуфана, не доходя к Раздольному, а также по верховьям речек Раковки, Супутинки и Чахэзы.

Сейчас перечисленные леса в общем представляют редколесья дуба и черной березы с незначительной и только местами примесью разнообразных лиственных и частью хвойных пород. По количеству стволов господство принадлежит между лиственными породами дубом и черной березой, а между хвойными от Посьета до Суйфуна кедру и ели; а от караула Молодецкого по реке Сиян-хэ и всем ее притокам сосне с отдельными даже насаждениями вполне строевой лиственницы. По речкам же Раковке и Супутинке из хвойных господство принадлежит кедру и только местами ели.

Лиственница впервые мной найдена хотя незначительными насаждениями, но вполне строевых качеств, двигаясь в направлении с юга на север, по среднему течению Ушагу (Хубту) и затем по некоторым притокам Сиян-хэ. Сосна же впервые единичными экземплярами в верховьях речки Фаташи и затем уже хороших строевых качеств по притокам Сиян-хэ.

Вообще же, все уцелевшие еще леса в общей их массе представляют из себя материал весьма посредственных технических качеств, хотя в отдельности наберется и даже много леса, пригодного как для кораблестроения, так и для мебели, поделок, построек и т.п.

Лучшие для построек леса во всей этой местности мне удалось видеть только по реке Супутинке, а также частью по притокам Сиян-хэ и Рязановой.

Все эти, так сказать, еще уцелевшие леса, за исключением самых незначительных, в особенно благоприятных условиях находящихся площадок, сильно повреждены и постепенно уничтожаются, не пополняясь, периодически повторяющимися ежегодными лесными палами.

Даже эти действительно значительно удаленные леса представились бы нам в совершенно другом виде, если бы не ежегодные повсюду проникающие палы.

Насколько сильно лесными палами, или все равно выражаясь принятым в науке термином, беглыми лесными пожарами, систематически ежегодно уничтожаются и повреждаются леса, на всем пространстве осмотренной мной части края, видно из того, что только в тех исключительных местностях, где в силу естественных условий лесные палы не доходили (некоторые редкие склоны особенно северных гор, пади и острова), там действительно леса представляются во всей своей красе и, достигая

глубокой старости, не суховершинны, не дупловаты и не корявы, представляя собой материал высокой технической годности и ценности.

Но таких счастливых уголков не много, только местами по верховьям Ушагу, Сиян-хэ и Супутинки.

На основании вышеизложенного, а также прямых с этой целью наблюдений, по морскому побережью мной произведенных, оказывается, что вредное влияние морских ветров на древесную растительность (леса) не может быть распространено на все пространство края в той степени, как это обыкновенно утверждают. Оказывается, что это влияние ограничивается незначительной лесной полосой берега, и что гораздо сильнее на рост деревьев и качество их древесины оказывают вредное влияние ежегодные лесные палы.

Не распространяясь более по этому, кажется, уже доказанному мной ранее относительно палов, предмету, осмеливаюсь перед Вашим Высокопревосходительством еще констатировать тот факт, что в осмотренной мной части края, нарочно при всем старании и внимании к тому, мне удалось отыскать только крайне незначительное количество экземпляров хвойных пород моложе 50 и 60-летнего возраста.

Этот факт сам по себе доказывает, что если об этом не позаботится немедленно надлежащее лесное хозяйство, то хвойные породы леса, столь ценные для края как главный строевой материал, через каких-нибудь десяток лет окончательно исчезнут.

Причина этому палы.

Что действительно: корявость, суховершинность и преждевременная гниль древесины, а также смерть дерева обуславливаются главным образом палами – это и не может быть иначе, потому что даже в самых недоступных, казалось бы, по хребтам и падам для огня местах (за исключением вышеупомянутых клочков леса), мне иногда только как редкость какую удавалось из многих деревьев изыскать одно, которое не носило бы более или менее ясных признаков повреждения, а следовательно, нарушенного <...> огнем, т.е. лесными палами.

И это не может быть иначе, потому что, ехавши в начале марта по дороге с Раздольного к Ново-Киевску, когда еще был толстый слой снега в глубоких падах и логах, я увидел уже почерневшие во многих местах от огня (осенние палы) горы и был свидетелем повсюду палов и дыма постоянного днем, а ночью зарева от горящих вокруг на горизонте, покрытых крайне итак жалкими лесками увалов и гор. За исключением нескольких дождливых дней, после которых на короткое время открылся ясный и дальний горизонт, более всего из-за дыма видно было только мерцающее солнце, а по ночам, буквально почти каждый день, куда бы я ни переезжал до первых чисел мая (от Посьета до Ханка) печальную иллюминацию.

Это ужасное зрелище давило как кошмар до самого начала мая, т.е. пока не выросла свежая сочная трава, и пока старая сухая ветошь, лист, хворост и все, что только способно гореть, не выгорело.

И это имеет место в той части края, где, как выше имел честь докладывать Вашему Высокопревосходительству, недостаток леса так сильно дает себя чувствовать даже нынешнему населению.

4. Относительно поступлений сумм лесного сбора за первую половину сего года, то имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что это поступление лесного сбора следует признать весьма удачным.

Так, из последних (26 мая) официальных сведений, почерпнутых мной из Южно-Уссурийского окружного полицейского управления, оказывается, что с 1 января настоящего года по 26 число мая поступило в управление от господ заседателей

наличными деньгами (кроме незначительной части, находящейся на руках заседателей и не взысканной еще по свидетельствам), а именно:

(для удобства копейки пропускаю)

По участкам	в 1885 году	за $\frac{1}{2}$ 1886 г.
Ханкайскому	447 р.	1224 р.
Посъетскому	1995 р.	3198 р.
Суйфунскому	5356 р.	3262 р.
Сучанскому	4138 р.	2100 р.
Верхнеуссурийскому	0	255
Ольгинскому	736 р.	нет сведений

По Сучанскому участку, кроме вышеуказанной суммы, согласно произведенного свидетельства и правил на рубку леса об отсрочке, поступит или уже даже поступило, около 8 т. рублей. Поэтому итог всех известных данных по ведению Южно-Уссурийского полицейского управления, поступлений сумм лесного сбора выразится так:

Итого – 12 673 р. и 17 938 р.

То есть, другими словами, что даже без Ольгинского участка и таких же Владивостокского и Хабаровского, лесной сбор только за первую половину настоящего года превысил на 5000 рублей такой же сбор за весь 1885 год. Это столь значительное увеличение за настоящее полугодие сумм лесного сбора между прочим следует отнести к особенно проявившимся в сем году энергии и внимания к лесному делу господ заседателей, а также тому, что вовсе не по примеру прежних лет почти все более значительные заготовки, особенно строевого леса, были более или менее точно освидетельствованы.

4. Что заседатели, по осуществлению на деле даже несложного установленного относительно лесов Приморской области порядка, встречаются много затруднений и недоразумений, которые к пользе дела могли бы быть вовсе устранены и своевременно во время ежегодных ревизий лесного ревизора.

5. Что лесная стража в вышесказанной мной части края, состоящая всего из 7 лесных объездчиков, до сих пор мало знает обязанности своей службы. Мало видно таковую и тем, в коих непосредственном распоряжении состоит лесная стража, когда, вопреки предписанию военного губернатора Приморской области от 18 февраля 1883 года за №1355 на имя Южно-Уссурийского исправника, который своевременно всем заседателям разослал вышесказанное предписание в копиях, таковая везде оказалась не приведенную по настоящее время к установленной законом присяге. Полагаю состояние существующей ныне уже третий год почти лесной стражи весьма ненормальным, когда она:

а) не сознает даже того, что состоит на государственной службе; б) не знает хоть сколько-нибудь обязанностей своей службы; в) не носит (одного только видела в форме) при исполнении служебных обязанностей установленной вышесказанным предписанием форменной одежды; г) мало знакома или вовсе не знакома с расположением лесов и величиной и границами участка, который поручен ее охранению; д) не будучи контролируемой в надлежащей степени, почти даром получает жалованье, потому что редко бывая в лесу, в большинстве случаев не знает в районе своего участка: кто? где? и сколько рубит? по дозволяющему ли билету? или нет?

Докладывая Вашему Высокопревосходительству, по моему крайнему разумению и долгу службы, истинную правду про это действительно серьезное и печаль-

ное состояние лесов и лесного дела, в осмотренной мной части Южно-Уссурийского края, я совершенно далек от мысли послать упрек по адресу кого бы то ни было, а тем более господина начальника области генерала Баранова, исключительно и действительно заботами которого, как уже имел честь Вашему Высокопревосходительству и в прошлом году докладывать, частью по Амурской, а особенно по Приморской области по крайней мере относительно извлечения дохода от лесов ради скорейшего образования капитала для устройства лесной части сделано весьма и весьма много.

В настоящем печальном для населения результате состояния лесов виновато более всего темное, не сознающее опасности и не заботящееся о завтрашнем дне население, а не администрация, которая, будучи обремененной многими непосредственными обязанностями по службе, не имела и ныне не имеет необходимых времени, сил и средств, дабы вовремя предупредить и не допустить население до подобного печального исхода.

Поэтому, докладывая по долгу службы Вашему Высокопревосходительству истинное положение лесов и лесного дела печальным и таким, каким оно по моему убеждению есть, не могу не сознавать и не ходатайствовать перед Вашим Высокопревосходительством о том, что настало неотложное время сделать далее шаг вперед по направлению к настоящему лесному хозяйству, потому что невозможно допустить мысли, чтобы довольно сложные задачи настоящего лесного хозяйства, а также успешная борьба с вошедшими почти в привычку населения лесными палами, как по запасу необходимых специальных знаний, так и по количеству свободного времени, были по плечу местным все-таки донныне решителям судеб лесного дела, господам заседателям.

Для успешного впредь ведения лесного дела требуются свежие специальные силы, которые бы овладели этой трудной задачей и если не сразу прекратили, то по крайней мере в должной степени приостановили там, где это особенно нужно, зло, выражающееся постепенным, но все-таки быстрым изведением вконец нужных тому же населению лесов.

Имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что бессознательное, но систематическое (огонь) изведение лесов посредством палов и рубки в осмотренной мной части края настолько пустило сильные корни и почти вошло в привычку населения, что для борьбы с этим злом требуются непосредственно к лесному делу приставленные лица, которые бы действительно были ответственны за ход этого дела и за рациональное сбережение для блага населения государственных лесов.

Поэтому на основании всего вышесказанного мной Вашему Высокопревосходительству, а также довольно подробного ознакомления с положением лесного дела в осмотренной части Южно-Уссурийского края, полагал бы необходимым:

1. Объявить существующие еще леса и заросли в Приморской области, на чьей бы земле ни были (за исключением лесов и зарослей на землях, отведенных в полную собственность) исключительным государственным достоянием, пользование которым может производиться на основании только регламентированных правилами правил.

2. Не наделять никому под видом неудобных для хлебопашества и сенокоса земель: хребтов, гор, склонов и увалов, когда угол поднятия у подошвы более 5°; а также для большего округления границ и некоторого запаса удобных земель, ради обеспечения хлебопашеством будущей лесной стражи, не наделять никому долины речек и рек, которых ширина между подошвами ближайших гор менее $\frac{1}{2}$ версты.

Это потому, что все вышеупомянутое представляет собой безусловно лесную почву, ни под что другое, кроме леса, не пригодную, а вследствие того и должно быть

утилизировано посредством лесов. Достигнуть этого, значит навсегда гарантировать до некоторой степени край от грядущего ему безусловного безлесья.

3. На имеющиеся уже и поступающие ежегодно, значительно увеличиваясь, суммы лесного сбора применительно к местным условиям следует учредить надлежащую лесную администрацию.

4. Что в настоящее время ввиду серьезности и критического положения лесного дела, разнообразия местных условий и обширности края является преждевременным предпосылать будущей лесной администрации подробные планы действий относительно лесоохранительных и лесохозяйственных, не для всех местностей края одинаковых мероприятий.

5. Что наиболее правильным и полезным полагал бы:

Если бы приглашенные в состав будущей лесной администрации новые специальные силы на первый год своего здесь служения поддержали только установленный и ныне действующий относительно лесов Приморской области порядок, а затем уже по истечении года, разглядевшись за это время, каждый из них по своему району в местных условиях, совместно и при участии лиц, до сего времени достаточно ознакомившихся с общим положением и требованиями лесного дела, во всем Приамурском крае составили бы общий и подробные на несколько лет планы действий, как относительно сбережения, так и подлежащей во всех случаях утилизации лесов. Можно вполне рассчитывать, что только таким образом составленный план общих по всему Приамурскому краю, и частных по отдельным районам оного, лесохозяйственных мероприятий – план, рассчитанный и действительно возможный к исполнению по наличности всех сил и средств, когда затем будет одобрен и утвержден Вашим Высокопревосходительством, принесет несомненно большую пользу краю, а впоследствии и чистый денежный доход казне.

6. До сего же времени полагаю самым полезным оставить в силе по Приморской области ныне относительно лесов действующий порядок только с тем, чтобы:

а) Действия заседателей и лесной стражи, как это следует, лесным ревизором Приморской области ежегодно проверялись.

б) Заседателям были разосланы заготовленные на деньги из лесного сбора железные для клеймления лесных материалов двоякие клейма. Одно с буквой «О» для отпускаемого леса, а другие с буквой «К» для арестованного, значит, казенного леса.

в) Снабдить лесных объездчиков области в количестве ныне 11 ружьями бердана пехотного образца, уплатив их стоимость артиллерийскому складу из сумм лесного сбора и выдав таковые объездчикам не в собственность, а как казенное имущество для употребления и сдачи выбывающим следующему поступающему на должность лесному объездчику.

Состоящий при Приамурском генерал-губернаторе
запасной лесничий коллежский ассессор Пястухевич

г. Хабаровка

12 июня 1886 года

Приложение к рапорту М.И. Пястухевича
от 24 августа 1888 г. № 41

Во исполнение предписаний Вашего Высокопревосходительства, от 27 февраля и 1 июня 1886 года за №№ 623 и 57, я уже имел честь почтительнейше докладывать Вашему Высокопревосходительству в городе Владивостоке, а затем Хабаровке, как главнейшие результаты и выводы, к которым пришел, по исследованию вообще положения лесного дела в Южно-Уссурийском крае, так равно и проект, по моему мнению, необходимой на будущее время для вышеупомянутого края лесной организации.

Ныне, приступая к остальной части отчета, по командировке моей весной и летом 1886 года в Южно-Уссурийский край, то есть, к возможно сжато описанию осмотренных лесов Южно-Уссурийского края, предварительно считаю долгом доложить:

во-первых, что настоящее описание осмотренных мной лесов будет относиться только к лесам, произрастающим на всем пространстве края в следующих границах:

От Камень-Рыболова, по южному берегу озера Ханка, до китайской границы; далее Китайской границей до граничной с Кореей реки Тюмень-Ула; далее морским побережьем с островами Русским и Попова включительно до бухты Конгоуза залива Уссурийского; затем по перевалу между реками Май-хэ и Тудогу до Лоренцевой телеграфной станции и наконец от последней до Камень-Рыболова.

и во-вторых, что для ясности и удобства группировки, сюда относящейся части материалов, собранных насколько это оказалось возможным в этом громадном по пространству, но мало населенном крае, при встречаемых на каждом шагу трудностях и невероятных лишениях, для посильного и исключительно личного моего труда, без содействия необходимых для того рабочих и межевых сил, которыми, к сожалению, я не располагал, – буду по возможности придерживаться составленной в 1883 году карты Южно-Уссурийского края (Издание Воен. Топогр. Отдела Глав. Штаба в 15-верстном масштабе), и кроме того стараться ради более удобной ориентировки приурочить важнейшие леса вышеупомянутой части края, к естественным путям их сплава, то есть рекам и речкам или же к пунктам их потребления и сбыта.

ГЛАВА I. КЛИМАТ

Вышеупомянутый и исследованный мной возможно подробно в лесном отношении, довольно значительный по пространству район Южно-Уссурийского края, как составная часть южной половины обширнейшей Приморской области (границей, разделяющей Приморскую область на северную и южную части, считаю параллель 48° северной широты, приблизительно проходящую через устье реки Уссури и г. Хабаровку), во всем, что касается уяснения и хотя бы самой краткой и поверхностной только характеристики свойственного ему климата, представлять будет серьезные затруднения, если его рассматривать в отдельности от всей вышеупомянутой южной части области.

Поэтому полагаю за лучшее ограничиться кратким описанием климата последней в том предположении, что все выяснившееся по отношению целого, будет вполне применимо также к исследованной мной части Южно-Уссурийского края.

По причине того, что вся южная часть Приморской области от города Хабаровки до пограничной с Кореей реки Тюмень-Ула находится между 48° и 42° градусами северной широты, то по такому одному ее географическому положению на вышесказанном пространстве области следовало бы ожидать и действительно встретить здесь климат, если не совершенно близкий к тропическому, то, по крайней мере подобный, и свойственный на той же широте находящимся: южной Франции с Россией и северной Италии с Испанией.

А между тем, на самом деле мы имеем здесь климат гораздо и без сравнения суровее и хуже.

Эта поразительная и кажущаяся аномалия ничем более другим достаточно объяснена быть не может, как только положением всей вышеуказанной южной части Приморской области по отношению господствующих ветров, их температурой, напряженностью, относительной влажностью, а также топографическим характером всей страны.

В силу общего физического закона, что летом материк скорее и больше нагревается солнцем, чем море, а также зимой скорее последнего теряет приобретенную теплоту, иначе охлаждается; являются близ поверхности земли преобладающими течения нижнего воздуха, или ветры из более холодного места в теплое, то есть летом с моря или океана на материк, а зимой, напротив, с материка в море или океан.

На этом основании в Западной Европе во время лета преобладающим теплым и влажным ветром, благодаря еще усиливающемуся и благотворному влиянию теплого течения Гольфстрима, бывает ветер юго-западный и западный, тогда как зимой сухим и холодным, хотя таки и достаточно в резкости смягченным влиянием того же Гольфстрима, ветер из материка в океан – северо-восточный и восточный.

Совершенно другое имеет место, хотя и в силу того же физического закона, относительно южной части Приморской области.

К западу от нас находится не океан, а громаднейший материк с ближайшим суровым и безводным Даурским плоскогорьем.

Это плоскогорье, при соучастии ближайшего к нему и необъятных континентальных пространств Сибири, зимой благодаря своего высокому над уровнем моря положению и безоблачности неба очень сильно охлаждается и посылает по пути в Тихий океан к нам весьма холодный и сухой западный ветер, результатом которого наша зима совершенно несоответственно градусам географической широты является весьма суровой, продолжительной, постоянной и сухой при преобладающем безоблачном небе.

Эта суровость зимы только весьма незначительно умеряет влияние ближайшего Тихого океана, воды которого, однако, следует прибавить, у наших прибрежий никогда до подобной температуры, как это на западном берегу Европы производит Гольфстримом, не нагреваются, а, напротив, еще к худшему даже сильно охлаждаются двумя холодными из Охотского моря и Берингова пролива течениями, приносящими из арктических стран массу льдин, при таянии которых близ побережий Приморской области поглощается этим процессом из окружающего воздуха, уже и так охлажденного, еще громаднейшее количество теплоты.

Летом же вышеупомянутое плоскогорье, накаляясь в сильнейшей степени солнцем, притягивает более холодный ток воздуха, иначе ветер из Тихого океана, в результате чего получается лето более холодное и дождливое, чем по географической широте бы следовало с преобладающими восточными влажными и холодными ветрами. К довершению всего, летние восточные из океана ветры оказываются сильно насыщенными испарениями морских солей, которые в виде постоянных туманов и дождя, особенно в прибрежной полосе, осаждаясь в значительном количестве, вредно вообще действуют на растительность, а в том числе и на древесную.

Это вредное на культуру хлебов и древесную растительность влияние, за пока трудно объяснимым исключением местностей по долинам рек: Циму-хэ, Май-хэ, и Сучана; постепенно с удалением от морского берега ослабевает и уже совершенно малозаметно по сю сторону высоких и лесистых западных отрогов главного хребта Сихотэ-Алинь, тянущуюся по материку вдоль берега моря в расстоянии от 50–150 верст.

Всем мной вышедоложенным, а по преимуществу, сравнительно чрезвычайно большой относительной влажностью, обуславливается преобладающее господство вообще в Южно-Уссурийском крае лиственных пород леса, при замечательно роскошном их росте, тогда как суровостью зимы и краткостью лета, присутствие особенно с поднятием над уровнем моря, в горы, первобытных и прекраснейших, более всего по западным склонам хребта Сихотэ-Алинь, смешанных и даже чистых хвойных лесов.

Подобным охарактеризованным выше и не в пользу Южно-Уссурийского края соглашением общих климатических условий с более местными как: качеством почвы, высотой поднятия над уровнем моря, расположением относительно солнца, присутствием и близостью лесов, гор, рек, озер, болот и т.п. – может быть объяснено поражающее разнообразие местного климата, а в теснейшей зависимости от последнего такое же разнообразие местной флоры и фауны.

Поэтому не должно показаться странным, увидевши в Южно-Уссурийском крае успешное прозябание наряду с сосной, кедром, лиственницей, елью, березой и осиной, этими главными представителями более северного климата, массу лиственных различных видов древесных, кустарных и полукустарных пород, свойственных более теплому климату как то: ореховое дерево (*Juglans mandshurica*, *stenocarpa* Maxim.), пробковое дерево, или бархат (*Phellodendron amurense* Rupr.), аралию (*Aralia mandshurica* Rupr. et Maxim.), панакс (*Panax sexti et quinque folius*), дикий амурский виноград (*Vitis vinifera amurensis* Rupr.), – или из царства животных рядом с медведем барса или тигра, ни в чем не уступающего королевскому или бенгальскому.

Характерная особенность Южно-Уссурийских вообще лесов это густой из кустарного орешника (*Corylus heterophylla et mandshurica*) и молодого дуба (*Quercus mongolica* Fisch.) подлесок, нередко переплетенный амурским диким виноградом (*Vitis vinifera amurensis* Rupr.) и коломиктой (*Actinidia kolomicta* Rupr.) под пологом более возмужалых и самых разнообразных по составу, полноте, возрасту смешанных насаждений, по преимуществу лиственных, затем лиственно-хвойных и хвойно-лиственных.

Крутые обрывы гор, скалистые утесы и каменные осыпи в начале весны буквально бывают почти сплошную залиты ярко-малиновым цветом здешнего багула (*Rhododendron davuricum* L.).

Дуб монгольский (*Quercus davurica vel mongolica*), а затем черная береза (*Betula dahurica* Pall.), как породы самые выносливые и более всех прочих выдерживающие упорную борьбу (понятно, в ущерб роста и качества) со страшным и ежегодным для всего края бичом – лесными палами, по пространству занятой площади и количеству экземпляров занимают первое место, характеризуясь отсутствием молодняка, редким расположением, поврежденностью и положительным отсутствием всяких других лиственных, а тем более хвойных древесных пород, самые наиболее других на громадных пространствах края поврежденные прежде и повреждаемые еще ныне палами местности.

Только с удалением на значительное расстояние от жилых мест, а также по мере поднятия на высокие хребты малодоступных и удаленных от поселений гор, постепенно к дубу и черной березе подмешиваются прочие лиственные, как: липа, осина, клен, ясень, ильм, ореховое дерево, пробковое дерево (бархат), а затем уже и хвойные: кедр, ель, лиственница, сосна, пихта, которым на самых высоких точках гор принадлежит исключительное господство.

До чего своеобразна и разнообразна древесная растительность Южно-Уссурийского края в зависимости от местных условий климата, легко убедиться еще из нижеследующего перечня часто встречающихся, за исключением вышеприведенных видов, древесных и кустарных пород.

Так, из рода клен (*Acer*) я встречал в лесах Южно-Уссурийского края четыре вида его: *A. mono* Maxim. *A. tataricum* var. *ginnala* Maxim., *A. lactum parviflorum* Reu. *A. tegmentosum* Maxim.; из рода ильм или вяз 2 вида: *Ulmus montana*, *U. campestris* с двумя разновидностями *vulgaris et suberosa*; из рода липы 2 главных *Tilia argenta mandshurica* Rupr. и *T. cordata* Mill.; из рода черемуха 3 вида *Prunus maximoviczii*, *P. grandifolia*, *P. Maackii*; из рода бересклет

3 вида *Euonymus alatus* Turnb., *E. verrucosus et pauciflorus* Maxim.; из рода боярышник 2 вида *Crataegus sanguisorba* Pall., *C. pinatifida*; из рода жимолость 3 вида *Lonicera chrysantha* Turcz., *L. maximoviczii* Rupr., *L. xylostemum* L.

ГЛАВА II. ПЛОЩАДЬ ЛЕСОВ

По отсутствию вообще сюда относящихся и достаточно достоверных материалов, точной величины собственно лесной площади в осмотренной и описываемой части Южно-Уссурийского края, здесь привести невозможно, а потому нахожусь вынужденным, ради большой ее важности, на основании произведенных мной осмотров и исследований, определить оную хоть сколько-нибудь приблизительно, но все-таки с некоторой долей вероятности.

Итак.

Принимая во внимание, что леса частью строевых, а в большинстве дровяных качеств более или менее сохранились только:

Во-первых, в узкой полосе вдоль нашей с Китаем границы, т.е. более всего в самых верховьях рек и речек: Чуру-хэ, Фаташи, Янчихэ, Тизенхэ, Рязановой, Адэми, Кедровке, Сэдими, Мангугая, Амбабеллы, Грязной, Эльдогоу, Кедровой, Клепочной, Шуфана, Лючихэзы, Ушагоу или Хубту, Тахэяжа, Бэйчихэ, а в особенности около урочища Атамановского по речкам: Нанча, Тунча, Пейча, Березовой, и что ниже этой указанной узкой полосы леса спускаются только по долинам: Рязановой, Кедровки, Амбабеллы, Грязной; а также от верховьев Ушагоу по некоторым падам и возвышенностям по направлению к Раздольному.

Во-вторых, сохранились частью на островах Попова и Русском (бухты Новик, Воевода и Рында), затем полуострове Муравьев-Амурском в верховьях речек Лянчихэ, Шаморы и Черной, представляя собой самые незначительные по площади, истощенные огнем и хищнической рубкой редколесья, почти исключительно лиственных пород и дровяных качеств.

В-третьих, на большом расстоянии (до 80 и более верст) и с условиями весьма трудной по малодоступности заготовки, но зато весьма хороших строевых поделочных и даже корабельных качеств (кедр, ель, дуб, ясень, клен, ореховое дерево, пробковое дерево) и сравнительно на значительных площадях леса сохранились: по речке Шмитовке в Тигровой пади (падает около Тигровой почт. станц. в залив Угловой), Перевозочной (около Раздольного в Суйфун), Супутинке, Раковке, Панахэзе (берут начало из западных склонов хребта Сихотэ-Алинь), часть по верхнему течению Лэфы, Цимухэ, Конгоузы, а в особенности по перевалу с Лэфы на реку Майхэ.

И в-четвертых, изреженными исключительно дровяных качеств насаждениями, по обеим сторонам почтового тракта от станции Тигровой к Раздольному, далее около Барановской почтовой станции и затем весьма незначительными по площади островками – рединами, дотла на дрова вырубаемыми ближайшим населением деревень: Красного-Яра, Ильинской, Турьего Рога, Рыболова, Никольского, Покровки, Астраханки и казачьих станиц: Платоно-Александровской, Комиссаровской, Алексе-Никольской, Нестеровой и Лесовой. Всегда, как все

остальное громадное сравнительно пространство описываемой части Южно-Уссурийского края, представляется совершенно без большой ошибки, по соображению всего вышесказанного и виденного в натуре, принять, что вся в совокупности под лесами ныне находящаяся площадь, по отношению к общей площади описываемой части края, кроме того, будучи самым неравномерным образом распределенной, составляет не более $\frac{1}{20}$ части или 5% последней, то есть менее на 20% общепризнанной нормальной площади лесов.

ГЛАВА III. РАСПОЛОЖЕНИЕ ЛЕСОВ

На вышеприведенной 5%, собственно, лесной площади расположение лесов, по причине преобладающей вообще гористости в крае (около, а пожалуй не более $\frac{3}{4}$ всей площади края, занято горами, возвышенностями и увалами) является весьма разнообразным.

Затрудняясь рамками сего отчета и не имея потому возможности рассмотреть многих весьма существенных различных по влиянию на рост леса местных условий, полагаю, однако, необходимым доложить Вашему Высокопревосходительству о трех главнейших расположениях лесов и отдельных насаждений, в значительной зависимости от которых более всего находятся, как присущий им ныне характер, то есть: их состав, количество и качество, так с другой стороны, большая или меньшая их доступность для заготовки и всякого истребления.

Расположения лесов, которые теперь подлежат краткому рассмотрению, суть:

1. Расположение лесов в долинах.
2. Расположение лесов на солнопёках.
3. Расположение лесов в сиверах.

1. Расположение в долинах.

Уцелевшие в долинах, оврагах, паднях и вообще в низменных местах леса, предпочтительно пред всеми остальными расположениями в описываемой мной местности, более всего сохранились в первобытном своем виде, ... величии и красоте. Причем, представляя собою самое богатое разнообразие всевозможных свойственных здешнему климату древесных и кустарниковых пород, их размеров и возрастов, эти леса вышею напряженностью своих растительных процессов упорнее всех прочих лесов при всех их других расположениях противостоят и борются, несмотря на все большую их доступность вообще к хищническим вторжениям человека и все разрушающего огня ежегодных палов.

Важнейшими причинами этого явления служит большая относительная влажность и защищенность положения, которое, в свою очередь, благотворно влияет на рост лесов, ибо благоприятствует все больше с каждым годом выработке и накоплению необходимого им для роскошного роста питательного фонда или чернозема.

Подобных исключительно самых выгодных при настоящих имеющих место условиях в Южно-Уссурийском крае местоположений, которые качеством сво-

их лесов вполне доказывают всю справедливость высказанного, приходилось в описанной части края встречать уже очень мало, а именно только в долинах и по верховьям рек и речек, более удаленных от района поселений: Раздольной, Кедровки, Грязной, Шмитовки, Ушагоу, Пейчэ, Нанчэ, Супутинки, Перевозной и Майхэ.

2. Расположение на солнопёках.

Употребленный сейчас мною для большей ясности местный народный термин выражает собою расположение лесов возвышенное и с непременно уклонном горной возвышенности или плоскогорья к югу, юго-востоку или юго-западу.

Казалось бы, что указанное расположение лесов на так называемых солнопёках, в особенности для лиственных пород, при преобладающей в крае глинистой почве и подпочве, как известно, сильно задерживающих влагу и конденсирующих водяные пары из окружающего воздуха, в сущности, должно бы считаться самым выгодным, как относительно количества, так и качества лесов.

Но, однако, это расположение лесов, по крайней мере, теперь и, вероятно, еще значительное время в будущем для описываемой мной местности, при существующих условиях нельзя не признать самым пагубным и невыгодным для экономии страны. Дело в том, что согласно данного выше определения относительно солнопёчного расположения лесов, оно является благодаря более против остальных получаемому количеству солнечного света и тепла, а также в большей степени малоудерживаемой и стекающей по уклонам сырости в гораздо большей степени сухим против всех прочих расположений леса. Но, однако, подобная более значительная относительная сухость является конечным результатом всякого солнопёчного расположения лесов, не мешает же ему быть общепризнанным за самое выгодное и желательное, для лиственных пород, которые для этого края являются безусловно преобладающим и как по количеству родов, видов, так и единичных экземпляров.

Очевидно, что ко всему сказанному выше недостает какого-то особенного фактора, который был бы в состоянии из ожидаемого лучшего результата превратить его в самый нежелательный.

И действительно, во всех рационально охраняемых лесах Европы и России эта сравнительно с другими большая сухость солнопёчных расположений леса служит только к выгоде, не представляя собой особенной опасности.

Между тем в описываемой местности благодаря именно этой большей сухости почвы, лесной подстилки и леса самым ужасным фактором, не только не влияющим благоприятно на рост лесов, а, напротив, систематически и ежегодно истребляющим их, являются пускаемые свободно населением, как это до сих пор было весной и осенью ради выжигания покосов, и так просто без всякой надобности, а проходящими для невежественной потехи, напольные пожары или палы, которые, заходя в леса, превращаются в беглые лесные пожары.

В силу вышесказанных неблагоприятно сложившихся уже давным-давно для описываемой местности условий, леса на всех солнопёках настолько уже пострадали и постоянно страдают от огня теперь, что вообще в самых отдаленных и малодоступных даже местностях края (одно исключение по особым на то причинам представляет Майхинский перевал), – солнопёки в большинстве случаев

представляются совершенно безлесными или же с весьма поврежденными рединами одного старшего возраста, без молодняков дуба и черной березы.

Вот вследствие чего и солнопёки по причине пока существующих неблагоприятных им в Южно-Уссурийском крае условий, рассчитывать на быстрое устранение которых без соответственно организованного лесоохранения невозможно, являются пока самыми невыгодными для нас из всех прочих расположенный леса.

3. Расположение лесов в сиверах.

Этот термин тоже местный и выражает возвышенное расположение леса, но с неперменным уклоном: к северу, северо-западу и северо-востоку.

Лесорасположение в сиверах занимает средину по удобствам и недостаткам между вышеописанными расположениями леса и более всего благоприятно для хвойных пород. Действительно, своей сравнительно с солнопёчным большей степени влажности, благодаря меньшему количеству света и тепла, леса при подобном расположении в описываемой местности от периодически ежегодно повторяющихся лесных палов пострадали и страдают гораздо меньше (в чем легко убедиться осмотром, за незначительными исключениями, любой горы Южно-Уссурийского края), и хоть сколько-нибудь сохранились здесь еще ценные деревья как хвойных, так и лиственных пород.

ГЛАВА IV. ПОРОДЫ ЛЕСА

В описываемой и исследованной мной части Южно-Уссурийского края встречаем самое большое разнообразие лесных древесных пород. По преобладающему количеству экземпляров последние, по моему мнению, идут в следующем порядке: дуб, черная береза, ильм, ива, липа, клен, ясень, кедр, ель, белая береза, ольха, осина, ореховое дерево, пробковое дерево, сосна, лиственница, пихта, тополь и граб.

Из приведенного в последовательном порядке перечня главнейших древесных пород видно, что господство в описываемой части края принадлежит дубу и отчасти черной березе, а остальные породы леса являются более или менее подчиненными. По причине того, что несколько более подробное описание каждой отдельной из вышеперечисленных пород леса заняло бы более места, чем позволяют рамки сего отчета, постараюсь почтительнейше доложить Вашему Высокопревосходительству существенно необходимые по отношению лесохозяйственного и технического их значения.

Предпочтительно перед другими, главным образом вследствие употребления местным населением края в постройку, заслуживают особенного внимания: кедр, ель, сосна и лиственница.

Только за недостатком этих пород население, вынуждаемое к тому крайностью и необходимостью, прибегает к постройке жилища из лиственных: дуба, черной березы, иногда ясеня и еще реже липы и осины.

А. ХВОЙНЫЕ

1. КЕДР

Во всей описываемой части Южно-Уссурийского края кедр чистыми насаждениями и тем более лесами нигде не встречается, а всегда в большем или меньшем смешении с прочими как хвойными, так и лиственными породами. Даже в смешанных лучших во всей осмотренной части края, можно сказать первобытных лесах при самых благоприятных вообще для хвойных условиях, именно на высших точках перевала с реки Лэфы на Майхэ, в этой положительно исключительной местности, кедр является все-таки не чистым, а только преобладающим в насаждениях по количеству особей, между прочими как хвойными, так и лиственными породами.

Кроме этого случая кедр весьма незначительными по площади насаждениями (от 2 до 5 десятин), в разной, однако, с прочими хвойными и лиственными степени смешения, встречается еще в верховьях: Супутинки, Эльдогоу, Грязной, Перевозочной, Шмитовки и Май-хэ.

По преимуществу же одиночно вкрапленной породой в самых разнообразных насаждениях он попадает кроме указанных рек и речек, еще и то в общем весьма ограниченном количестве по: Рязановой, Мангугаю, Амбабелле и менее всего по Лянчи-хэ.

По причинам в прежнее время чрезмерных и теперь еще все-таки по сравнению с наличным оставшимся его количеством значительных заготовок и повсеместно до сих пор практикуемой вырубке самых лучших его деревьев, ради сбора шишек, а затем орехов, – кедр представляет собой породу леса, которая несмотря на всю великую свою важность для местного населения, к сожалению, очень вероятно, через еще несколько лет, если против этого не будет принято рациональных мер, окончательно и безвозвратно до последнего экземпляра исчезнет.

И теперь уже во многих местностях осмотренной и описываемой в лесном отношении части Южно-Уссурийского края, там где как раз двадцать лет тому назад, производившим описание лесов капитаном корпуса лесничих Будищевым, указано и отмечено особо обилие кедровых лесов, а вовсе не отдельных экземпляров, в настоящее время по моему осмотру не оказывается не только что кедров, а просто никаких лесов.

На выражаемое мной удивление и расспросы, как это могло в столь короткий промежуток для жизни лесов случиться, я почти всегда получал от старожилков один ответ, – «это верно, все мы знаем и помним, что лесов было всяких много, – да как-то теперь совсем не стало».

Только и слышишь повсюду как разговор коснется лесов: «что вот было, да на глазах не стало».

И все только это одно, «не стало», да – «не стало». Что же в самом деле останется в Южно-Уссурийском крае для будущих поколений из нынешних лесов, если еще более с большим и необходимым заселением края, все так же вперед будет продолжаться это печальнейшее «не стало».

А что это не исключение, то в доказательство вышесказанного могу привести, что в весьма многих местностях описываемой части края мне приходилось встречать значительное количество таких урочищ, которые по-народному называясь «кедровниками», «сосняками», «листвягами», а также «кедровыми», «сосновыми» и «лиственными» падами, от прежде бывших там лесов представляют собой только по названию одно воспоминание. Меня сначала весьма озадачивало и поражало, когда, осматривая такой «кедровник», я в нем не находил даже на показ ни одного кедра, и от местных жителей узнавал, что еще недавно кедра было много да не стало.

Полагаю, что крайне необходимо, пока еще возможно хоть что-нибудь спасти, более рационально организовать лесную стражу, и во имя блага того же населения Южно-Уссурийского края и его будущих поколений, охранять леса, особенно строевые, более серьезно и фактически, чем до сего времени.

Возвращаясь, однако, к краткой характеристике кедра, считаю целесообразным Вашему Высокопревосходительству доложить, что хвойные леса не в осмотренной части Южно-Уссурийского края, а вообще повсюду в распределение представителей флоры на земной поверхности, являются преобладающими по количеству особей на возвышенностях и почти исключительными на высоких возвышенностях, тогда как лиственные породы, наоборот, в долинах.

Приняв это за основное правило и таким образом признав присутствие хвойных в долинах, а лиственных на высоких возвышенностях за явление случайное, станет совершенно ясным, почему, как выше было мной Вашему Высокопревосходительству докладываемо, в описываемой части Южно-Уссурийского края, так мало по сравнению с другими породами сохранилось вообще хвойных лесов, а в особенности кедра.

Дело в том, что прежние хвойные леса гор и возвышенностей, составляющих в общем приблизительно, как выше сказано, около $\frac{3}{4}$ всей поверхности описываемой части края, как издавна, так и теперь ежегодно повторяющимися лесными палами по причине их смолистости, истреблялись и истреблены в столь уже сильной степени, что сказанные горы и возвышенности за небольшими исключениями по отношению сиверов ныне представляются в общем не только лишенными совершенно хвойных лесов, но даже просто безлесными, если не считать попадающиеся на них кое-где редины и редколесья дупловатого и испорченного дуба с черной березой.

Таким образом, посредством огня лишившись с оголением гор и возвышенностей главного запаса и массы хвойных лесов, мы в настоящее время располагаем в некоторых долинах только и сиверах столь в общем незначительным их количеством, что ввиду еще с года на год увеличивающейся согласно спросу заготовки, положительно и наверно можно утверждать, что эти столь важные породы леса, а в особенности тщательно разыскиваемый и заготавливаемый кедр, будет в самом скором времени вырублен до последнего экземпляра.

Насколько поразительно быстрыми шагами идет вообще лесоистребление, а в особенности вырубка до последнего бревна лучшего для построек кедра в Южно-Уссурийском крае, видно из того, как ради больших барышей от высоких

проданных цен, практиковавшаяся ежегодно до последнего времени для города Владивостока значительная его заготовка (до 25 000 штук) по Посьетскому участку притокам Суйфуна, побережьям около заливов Амурского и Уссурийского, полуострову Муравьев-Амурскому, острову Русскому, бухтам Тавайза, Амбазоза и Конгоузы, по мере его окончательного истощения со всей своей разрушительностью постепенно подвигалась и подвигается вглубь материка дальше и дальше, в несравненно более для нее трудные условия, так что в настоящее время понятно опять-таки только до окончательной его вырубки, заготовку строительных материалов вообще, а кедра в особенности, следует считать главным образом сосредоточившейся по верховьям рек Май-хэ, Циму-хэ и Сучана.

На основании всего вышесказанного следует полагать, что за истощением строевых лесов на Май-хэ и Сучане, недалеко уже то время, когда для строительных надобностей города Владивостока, придется по необходимости с громадными жертвами привозить лес на кораблях из Николаевска, а пожалуй, чего доброго, по причине дороговизны у нас вообще рабочих рук и фрахта, из Японии, Китая и Америки; тогда как, в сущности, при рациональном устройстве и ведении лесного дела, мы не только что из других стран привозить, а положительно могли бы все рынки Китая завалить в общем колоссальной массой лесов Приамурского края.

Но для этого также нужны значительные капиталы и энергия предпринимателей, чтобы находящиеся ныне вне пределов возможности пользования и накопленные веками богатства более северных и незаселенных местностей, хотя бы Приморской области, могли быть двинуты к огромной выгоде казны и населения края на международные особенно китайские рынки.

Что вышеизложенное мной действительно характеризует серьезное положение лесного дела, особенно для Южно-Уссурийского края, доказывает это уже начавшийся сам собой, почему бы то ни было привоз из Японии, Китая и Америки во Владивосток, – не покажется ли странным? – лесных материалов.

Дабы убедиться в этом, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство обратиться к последнему Всеподданнейшему отчету Владивостокского военного губернатора за 1884 год.

Там между прочим в ведомости о количестве товаров, привезенных к Владивостокскому порту в навигацию 1884 года, значится привоз:

1. Лесного материала из Америки, Китая и Японии на сумму 3167 руб.
2. Смолы и дегтя из Германии на сумму 5477 руб.
3. Скипидара из Германии и России на сумму 1480 руб.
4. Поташа из Германии и Англии на сумму 173 руб.
5. Деревянных изделий из Германии на сумму 2445 руб.
6. Рам оконных из Германии и Америки на сумму 9803 руб.
7. Паркета из Германии и Америки на сумму 10 456 руб.
8. Досок для белья из Германии и Китая на сумму 600 руб.
9. Тачек из Америки на сумму 2800 руб.

А всего на сумму 37 131 рублей, не считая при этом массы лесного материала, привезенного в один только Владивосток под видом: спичек, разных укупороч-

ных ящиков, рогож, мебели, орудий, кухонных и хозяйственных принадлежностей, инструментов и т.п.

Между тем как по приложенной к вышесказанному отчету ведомости вывоза товаров за границу в 1884 году оказывается, что мы не только из лесных материалов, как бы следовало ничего не вывезли, но, напротив, еще вели в крае самое хищническое лесоистребление, что усматривается из вывоза по ведомости 199 пудов сушеных древесных грибков, собранных хищниками манзами из срубленных нарочно затем в громаднейшем количестве дубов.

Ценность вывоза вышеупомянутых 199 пудов грибков определена по ведомости ничтожной суммой всего 1424 рубля.

Но возвращаясь опять к характеристике кедра, полагаю нелишним упомянуть что древесина его, уступая во многом только сосне из более северных местностей Приморской области, отличается все-таки весьма хорошими техническими качествами, а сам он достигает нередко самых крупных, даже корабельных размеров. Во время осмотра лесов края, а в особенности по Майхинскому на Лэфу перевалу и отчасти в малодоступных лесных урочищах, по речкам Супутинке и Рязановой мне встречались вполне здоровые кедры до трехсотлетнего возраста при толщине диаметра дерева на высоте груди человека до полтора аршина и более.

Так, по реке Рязановой между прочими сплаваемыми и заготовленными как материал на постройку для Посыета и Владивостока лесами, большинство из которого было: кедра, ели, ясеня, ореха и дуба около в среднем 10 аршин длинной и от 8 до 12 вершков толщиной в верхнем отрубе, мне пришлось видеть два совершенно здоровых и заготовленных на бока для самых больших корейских шаланд (морских лодок) кедра, по измерению которых оказалось, что один из них был гладко обтесанным без сучьев $8\frac{1}{2}$ сажень длинной и 19 вершков толщиной в верхнем отрубе, причем диаметр его на высоте груди оказался один аршин одиннадцать вершков, а возраст 280 лет.

Другой же, еще более крупный и также здоровый, оказался, $9\frac{1}{4}$ сажень длинной в верхнем отрубе при диаметре на высоте груди один аршин 15 вершков, и возрасте триста двадцать шесть лет.

2. ЕЛЬ*

Ель по своим гораздо худшим, чем кедр, техническим качествам во всем Южно-Уссурийском крае составляет породу, которая заготавливается как строевой материал только по мере истощения и недостатка последнего.

Встречаясь совместно с кедром в смешанных насаждениях хвойных и хвойно-лиственных, она значительными, а тем более чистыми насаждениями подобно кедру нигде не встречается. Ель растет в тех же самых местах края, которые указаны выше относительно кедра.

* При характеристике ели и пихты речь идет в значительной степени о пихте цельнолистной (*Abies holophylla* Maxim.), которая долгое время принималась за ель. Это прежде всего относится к бассейнам Эльдоогоу, Рязановой и др. — *Прим. Ю.И. Манько.*

Сначала везде вырубался кедр, а затем уже за недостатком его приступали к вырубке ели.

В зависимости от этого там, где уже кедров вовсе не осталось, ели вырубается сильнее и подобно тому, как прежде кедр, преимущественно перед другими породами, именно: по реке Сэдими, Эльдогоу, Адэми, Рязановой, Грязной, Лянчи-хэ.

В остальных же лесистых местностях, в которых еще, как указано выше, кедр довольно часто таки встречается, вырубка ели идет, хотя и наряду с кедром, но слабее, и она сравнительно больше попадает, хотя к этому необходимо прибавить, что вообще из хвойных: кедр, ель, пихты, сосны и лиственница, ель по числу экземпляров на известной площади даже в самых лучших хвойно-лиственных лесах (по Майхинскому перевалу) занимает второе место, за которым уже следует пихта. Возраста и размеров ель в описываемой части Южно-Уссурийского края достигает таких же, как кедр, предпочитая до некоторой степени возвышенности, в долине она опускается ниже, чем кедр.

3. ПИХТА

Эта порода хвойных лесов является только подмешанной и вкрапленной в насаждения хвойных и хвойно-лиственных. Она не достигает столь крупных размеров, как кедр и ель, и во Владивостоке в продаже особенно не отличается покупателями от ели и потому часто сходит за ель.

Вообще, сама по себе это порода неважная в лесохозяйственном отношении и только представляет некоторый интерес совместно с елью, с которой как небольшой прочностью древесины, так и во многом другом, имеет большое сходство и употребляется на некоторые специальные кораблестроительные надобности.

4. СОСНА

В достойном внимания количестве сосна во всей описываемой мной части края встречается ныне только в трех местностях, а именно: около Атаманского урочища; далее по верхним притокам реки Ушагоу или Хубту и затем хребтом около деревни Николаевки при поднятии на Майхинский с Лэфы перевал.

Во всех сейчас указанных местностях сосна представляется деревьями весьма хороших строевых качеств и растет на самых верхушках и обрывах гор на почвах песчаных, щебенистых и каменистых, где никакая другая порода леса безусловно расти не может.

На почвах лучших и глубоких, вытесняемая другими породами, она почти не встречается, предпочитая расти стройными чистыми, но весьма незначительными по площади куртинками, от десяти деревьев самое большое до тысячи. По причинам малого распространения круг пользования ею также весьма ограничен.

Растущая около Атамановского урочища сосна ныне заготавливается на местные нужды и постройки квартирующей в урочище конной Уссурийской сотни и населения деревни Барабаш-Левада, станицы Комиссаровской и Богуславки. Прежде, когда с обилием лесов река Сиян-хэ была более многоводной, по ней

сплавлялся строевой сосновый лес почти от самой нынешней деревни Барабаш-Левада для селений: Ильинского, Усачи, Троицкого и поста Камень-Рыболов. Почти все прежде возведенные постройки в Камень-Рыболове, срублены из лесов, заготовленных как солдатами, так и жителями по реке Сиян-хэ. Тогда, в то время заготовка лесов была весьма удобна. Сосну во множестве рубили в ближайших горах, скатывали и плавилы по реке. Например, для Рыболова до самого устья в озеро Ханка, а затем, кое-как в связке бревна, плотами в тихую погоду по отмелому берегу озера тащили уже на быках. Ныне, по причинам мелководья и ухудшившегося сплава и вырубке поблизости к реке Сиян-хэ всей сосны, этот способ заготовки особенно Рыболовом оставлен, и заготовка лесов для последнего производится по реке Лэфе, откуда заготовленный лес доставляется подобно вышесказанному сплавом по озеру.

Относительно второй указанной выше местности произрастания сосны почитаю долгом Вашему Высокопревосходительству доложить, что за вырубкой станицей Полтавской ближайших по Ушагоу сосновых куртин, отсутствием дорог, невозможностью сплава по каменистой и чрезвычайно быстрой реке Ушагоу, сосновые леса из верховьев последней реки даже на местные нужды Полтавской станицы почти не вырубаются, хотя в не меньшей зато степени страдают от ежегодно и неоднократно повторяющихся лесных палов.

Не лишним, полагаю, будет доложить здесь Вашему Высокопревосходительству очень важный факт, свидетельствующий, до чего может довести хищническое истребление ближайших лесов, а в результате затем крайняя трудность по малодоступности и отдаленности их заготовки.

В Полтавской станице, расположенной на устье реки Ушагоу в Суйфун, не дальше как два года тому назад понадобился строевой лес для постройки желанной давно казачьим населением и возводимой на средства его церкви.

Порешив в своей станице строить Храм Божий, население несколько раз предпринимало экскурсии и поездки с целью разыскать места в окрестности, в том числе и по реке Ушагоу, откуда бы можно было навозить для постройки предположенной церкви годного строевого леса. Но все розыски этого леса в окрестностях Полтавки до шестидесяти и более верст в наших пределах не дали удовлетворительного результата. Тогда учинены были розыски нужного леса за границей в китайской территории.

С помощью задобренных китайцев, лес у них недалеко от нашей границы нашелся и был куплен станичниками, ценой по одному, как мне сами сообщали, серебряному рублю за каждую сажень длины лиственничного бревна без вырубki и вывозки.

И вот прежде у себя беречь лесов хоть сколько-нибудь не хотим, не считая это вовсе нужным, а теперь уже пришло время, что те же полтавцы покупают бревна сравнительно по весьма высоким ценам на китайской стороне, хотя время заселения станицы Полтавской относится только к 1879 году, когда лесов было множество, и избы себе они рубили в то время с тут же растущих лесов. Ныне недостаток леса дает им себя уже сильно чувствовать, и помыслы многих полтавцев сосредоточены теперь на том, как бы упросить начальство, чтобы разрешило

им переселиться опять в более лесистые местности, дабы продолжать то же, бросив прекраснейшие урожаями хлебов и трав ныне занимаемые земли.

Что же касается сосны около деревни Николаевки, то не только на сторону, но даже на местные нужды этой деревни она почти не вырубается, потому что поселенные только в 1885 году в ней казеннокоштные переселенцы, оглядываясь больше на выдаваемый казной паек, как сами говорят, еще не обжились, а потому, не достроив почти ни одной хлевушки, живут пока в избушках, выстроенных им от казны даром солдатами из Анучина кое-как и на скорую руку из тут же растущих лиственных пород, как ильма, липы, березы, дуба и других.

По описанию капитана корпуса лесничих Будищева (20 лет тому назад), сосна в большом количестве и во многих местах встречалась в описываемой части Южно-Уссурийского края. Так по всему берегу озера Ханка от Турьего-Рога до Камень-Рыболова и далее внутрь края особенно поныне уже совершенно голым горам, совместно с другими лиственными породами, как то: дубом, липой, кленом, березой и другими породами, росла строевых и частью дровяных качества сосна.

Справедливость этого подтверждают многие старожилы и первые поселенцы деревень и станиц: Астраханки, Рыболова, Ильинского, Троицкого, Платоно-Александровской, Усачей, Турьего-Рога, Нестеревой, Лесовой, Благодатной, Фадеевки, Барановки, так и виденные мной во многом числе повсюду громадные пни вырубленных прежде дерев.

Этих уцелевших из недавней вырубке пней так много, что просто поражает этот столь быстрый и печальный результат.

И действительно, теперь на всем пространстве южного берега озера Ханка и поблизости вышесказанных деревень и станиц за исключением кустарника и кое-каких редких и незначительных дровяных редколесий настоящих лесов нет вовсе.

Из всех мест произрастания сосны она лучших качеств и притом строевых встречается около урочища Атамановского, но и здесь даже не достигает столь преклонного возраста, таких крупных размеров, как кедр и ель.

Обыкновенно куртины сосны представляются одновозрастными от 90 до 130 лет, причем из большинства деревьев заготавливаются весьма чистые бревна от 3 до 5 сажен, и от 5 до 8, а иногда 10 вершков в верхнем отрубе.

5. ЛИСТВЕННИЦА

Хотя в весьма ограниченном, но заслуживающем внимания количестве лиственница встречается ныне в исследованной мной части края только в двух местах, чистыми, хотя и маленькими насаждениями (до 2 десятин, не более), на отлогостях гор к долинам: в Лиственничной пади и некоторых других по верхним притокам Сиян-хэ (около Атамановского урочища), и по верхним притокам реки пограничной с Китаем Ушагоу или Хубту, около ныне существующего Верхне-Ушагальского караула.

По причине беспощадной вырубке, а также ежегодных палов, более всех повреждающих хвойные леса, а в особенности лиственничные, благодаря смолисто-

сти эта порода подобно всем вышеописанным принадлежит к быстро исчезающим на всем большом исследованном мной пространстве Южно-Уссурийского края.

Возраста лиственница достигает более преклонного (до 200 лет) и размеров более крупных, чем сосна. Уступая последней в пригодности для надземных построек, она несмотря на гладкость и прямизну и хорошие размеры бревен (4 до 5 сажен длины и 6 до 12 вер. толщины в верхнем отрубе), по причинам того, что еще достаточно около Атамановского урочища сохранилась еще частью сосна, лиственница для построек конной Уссурийской сотней заготавливается весьма мало, а благодаря, напротив, в легкой колкости и сравнительно большому пламени, лучшие лиственничные бревна, которые в самом недалеком будущем оказались бы после истощения сосны весьма желательными и очень тогда пригодными для построек, ныне сотней совершенно непроизводительно при избытках всякого другого леса вырубаются и сжигаются на дрова, между тем как тут же рядом растут вполне дровяных качеств дуб и береза.

Что же касается лиственницы, растущей в верховьях реки Ушагоу, то она все не заготавливается по своей удаленности и недоступности, а также по причине, которые подробнее указаны при описании вместе с ней тут же произрастающей сосны.

Б. ЛИСТВЕННЫЕ

1. ДУБ И ЧЕРНАЯ БЕРЕЗА

Дуб в смеси с лиственными: ильмом, кленом, ореховым деревом, белой березой и другими, порядком встречается в долинах на почвах плодородных и глубоких, где достигает отличных даже корабельных размеров и качеств.

По долинам верхнего течения рек и речек: Рязановой, Супутинки, Шмитовки и Перевозной мне встречались отдельные экземпляры роскошных дубов, из которых свободно могли бы для кораблестроительного дела выйти весьма ценные брусья 3 до 4 и более сажен длиной при 12 и более вершков по каждой стороне квадрата.

В более предыдущего значительном количестве, хотя далеко не столь крупных размеров, дуб встречается в смешанных насаждениях: лиственных, лиственно-хвойных и хвойно-лиственных особенно в сиверах.

В преобладающем же количестве и даже иногда чистыми рединами, а более всего совместно с черной березой, он занимает многие возвышенные солнпоёчные склоны гор довольно значительными площадями. Это почти исключительное с черной березой его присутствие при столь неблагоприятном относительно лесных палов солнпоёчном расположении доказывает, что дуб и черная береза являются из всех прочих пород самыми выносливыми и до последнего отстаивающими свое существование в упорной борьбе со всепожирающим огнем, хотя, конечно, в ущерб роста размеров и качеств их древесины, в конце концов они изнемогают в борьбе и постепенно делаются его жертвой.

Благодаря этой все-таки довольно еще слабо охарактеризованной борьбе с лесными палами, мы и видим на больших пространствах края издали по бли-

жайшим горам как будто и вполне хорошие леса. Но стоит только подойти ближе и войти внутрь подобных лесов, чтобы убедиться, что кажущееся издалика при поверхностном взгляде хорошим совершенно лесом, имеет очень мало общего связанного с этим понятием.

На самом деле, это в общем редкая, если можно так выразиться, редица, в которой в большинстве случаев по пробным моим исчислениям, если не все деревья дуба и черной березы, то по крайней мере $\frac{4}{5}$, или сильно с корнями попалено огнем, или гнило, или дупловато, или безвершинно, или источено червями и повреждено дятлами.

Подобные деревья избегаются всеми даже при самой невзыскательной заготовке дров, а совершенно основательно, потому что из негодного материала невозможно получить даже хороших дров.

А между тем, однако, подобными редицами покрыто большинство гор и возвышенностей Южно-Уссурийского края, не исключая и той полосы, где леса следует признать более или менее уцелевшими, о чем уже имел честь докладывать Вашему Высокопревосходительству в начале сего отчета.

Хорошие и здоровые экземпляры дуба в описываемой части края идут как строевые бревна длиной около $2\frac{1}{2}$ сажень и толщиной от 3 до 10 и более вершков, в постройку жилищ и хозяйственных строений везде там, где хвойных строевых лесов совсем не стало, или же где заготовка их весьма удалена и затруднительна.

2. ЛИПА И КЛЕН

Обе породы, хотя и встречаются в долинах и увалах в смешанных насаждениях других лиственных пород, но в общем мало, а гораздо более на отлогих склонах возвышенностей и гор к долинам, а частью в сиверах на почвах глинистых и со значительным количеством камней и гальки.

Липа, отличаясь быстрым ростом, достигает нередко 2 аршин и более толщины в диаметре.

Клен, в свою очередь, ни одним из четырех его видов, встречающихся в Южно-Уссурийском крае, не дорастает до подобных размеров, а обыкновенно бывает в диаметре на высоте груди редко толще $\frac{3}{4}$ аршина.

3. ИЛЬМ, ОЛЬХА, ИВА И ТОПОЛЬ

Первые три породы встречаются очень часто в Южно-Уссурийском крае и сопровождают почти все русла рек и речек. Тополь же, придерживаясь также только самых влажных долин, попадает кое-где по падам: Мангугая, Рязановой и немногим другим единоличными экземплярами.

Из перечисленных в заголовке пород ильм и тополь достигают часто глубокой старости и весьма крупных размеров ствола даже до 2 аршин в диаметре, тогда как ива с ольхой до $\frac{1}{2}$ аршина и то весьма редко.

4. ЯСЕНЬ, ОРЕХОВОЕ И ПРОБКОВОЕ (БАРХАТ) ДЕРЕВО

Все растут в смешанных насаждениях исключительно плодородных долин и достигают нередко размеров строевых бревен от трех до четырех сажен и пяти до восьми вершков и более в верхнем отрубе. По причинам весьма малочисленного и очень слабого надзора за лесами и неустановившимся еще по сортировке требованиям Владивостокского главнейшего в крае лесного рынка, эти столь ценные для кораблестроительного, мебельного и всякого другого поделочного дела породы леса беспощадно даже лучших строевых качеств, которые в ближайшем будущем могли бы составить одну из важных и ценных статей вывоза леса за границу, а также удовлетворять все более увеличивающимся требованиям в корабельном лесе быстро развивающегося Владивостокского порта, в настоящее время вырубаются и заготавливаются на дрова.

По всем тем долинам осмотренных мной рек и речек, где еще как в начале сего отчета мной Вашему Высокопревосходительству было доложено, хоть сколько-нибудь сохранились леса, наряду с прочими самыми хищническими заготовками вообще лесных материалов на нужды Владивостока, так и ближайших корейских и наших русских деревень, а также расквартированных по краю войск, я часто встречал (особенно по Мангугаю) по лесам заготовленные вразброс большие поленицы дров их самых крупных и лучших по древесине качества: ясеня, ореха и бархата, а часть клена, ильма и липы.

Ближе познакомившись с условиями и характером практикующихся ныне по всему Южно-Уссурийскому краю заготовок леса, я прихожу к этому заключению, что вообще заготовщики лесов, а в особенности его рубщики, то есть самый простой люд по какому-то непонятному, даже безотчетному и дикому инстинкту разрушения всего окружающего, положительно в запуски один перед другим, благо по малочисленности существующей лесной стражи его никто не контролирует, а в руках, не отдающих себе отчета, имеется топор и огонь, стараются в большинстве случаев бесцельно и непроизводительно, имея тут же массу другого более пригодного леса, уничтожить дотла все, что только есть самого лучшего, ценного и прекрасного в лесах.

В подтверждение сказанного, но дабы не утруждать благосклонного внимания Вашего Высокопревосходительства подробным докладом собранных и имеющихся у меня по этому поводу фактов, ограничусь только одним официальным вполне документом, чем, конечно, для большей доказательности будет совершенно устраним мой личный, как специалиста по лесной части, взгляд на это дело.

Этим документом служит представление Южно-Уссурийского исправника господину военному губернатору Приморской области от 20 августа 1886 года за № 3685, по поводу хищнической вырубке кедра ради сбора шишек и затем орехов, в котором между прочим значится:

«В Южно-Уссурийском округе постоянно ведется борьба с тем, чтобы жители и нижние чины не рубили деревьев, дабы собрать с них кедровые и грецкие орехи (ореховое дерево). В последнее же время подобное истребление лесов начало увеличиваться; переселенцы из Черниговской губернии как бы поставили

себе задачей истреблять все, – они несмотря на запрещения и внушение рубят деревья и черемховые кусты, уследить же за этим нет никакой возможности».

5. БЕЛАЯ БЕРЕЗА, ОСИНА И ГРАБ

Относительно последних пород считаю долгом доложить, что только в немногих местностях края они встречаются среди различных насаждений и более всего единичными экземплярами, причем граб гораздо менее двух первых.

По малочисленности и небольшим размерам, которых достигают вышеупомянутые породы леса, они вообще, кроме климатического, в смысле эксплуатации сами по себе имеют малозначительные и употребляются в незначительном количестве Владивостокским портом при кораблестроительном деле, а в описываемой части Южно-Уссурийского края при самых разнообразных хозяйственных поделках.

Запасной лесничий при Приамурском генерал-губернаторе
Пястускевич
к рапорту от 24 августа 1888 г.
№ 41.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

БУДИЩЕВ Алексей (Александр)* Федорович родился 12 декабря 1830 г. в семье небогатых дворян Саратовской губернии (имения у родителей не было). Его отец, бывший морской офицер, пожалованный за отличную службу золотой медалью, был внесен вместе с детьми в «Дворянскую родословную книгу Саратовской губернии» [3]. Алексей рано лишился родителей и воспитывался у дяди. Окончив курс наук в Лесном и межевом институте Санкт-Петербурга с «правами 1-го разряда», уже в 1850 г. он был произведен в прапорщики (в 20 лет!). Сразу же был командирован во Владимирскую губернию на таксационные работы. В сентябре этого же года поступил в лесной и межевой класс Лесного и межевого института, после окончания которого произведен в подпоручики (1851 г.). В этом же году командирован на лесоустроительные работы в Московскую, а в 1852 г. (после назначения запасным лесничим) – в Калужскую губернию. В 1855 г. был откомандирован в департамент корабельных лесов – все это было связано с лесоустроительными работами. В 1855 г. за отличия по службе произведен в поручики. В 1856 и 1858 гг. занимался устройством крестьянских и заказных лесов в Самарской и Вятской губерниях, а в 1857 г. его командировуют в Черниговскую губернию для ревизии лесоустройства. В марте 1859 г. А.Ф. Будищев был вызван в Санкт-Петербург «для занятий в специальном по лесной части комитете» (РГИА ДВ. Ф. 1. О. 1. Д. 4100), и в том же году произведен в штабс-капитаны.

В мае 1859 г. А.Ф. Будищев командирован в Восточную Сибирь во главе лесоустроительной партии для приведения в известность лесов около берегов Восточного океана, на Амуре и его притоках. К этому времени он был уже опытным таксатором, поработавшим в лесах многих губерний европейской России. В 1860 г. специальная лесная партия под его руководством начала работы по исследованию лесов Приамурья.

В 1862 г., уже во время работы на Дальнем Востоке, его производят в капитаны, а в 1867 г. – в подполковники корпуса лесничих. В декабре 1864 г. – начале 1865 г. Будищев был в отпуске в Санкт-Петербурге, а также в Саратовской, Орловской и Московской губерниях. Во время отпуска Алексей Федорович якобы женился на больной невесте, которая вскоре после свадьбы умерла. О грустной истории было рассказано в саратовской газете [3], но документально эта история не подтверждена. После отпуска Будищев был снова назначен на Дальний Восток на 5-летний срок для продолжения работы по изучению лесов. 20 августа 1868 г., после окончания маршрута по Южному Приморью, он скончался в станции Казакевичево.

* В отдельных документах встречается имя Александр. – *Прим. Ю.И. Манько.*

В начале 1868 г. А.Ф. Будищев оформлял увольнение в 4-месячный отпуск, о чем свидетельствует запись в «Архивной описи делов Приморского областного правления» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 441). К этому времени у него ухудшилось здоровье, в связи с чем он ходатайствовал перед Лесным департаментом о переводе его во внутренние губернии России. Министр государственных имуществ по этому поводу не возражал, о чем он уведомил генерал-губернатора Восточной Сибири письмом № 457 от сентября 1868 г. (ОГКУ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 40), когда Будищева уже не было в живых

У Алексея Федоровича Будищева очевидно не сложились отношения с военным губернатором Приморской области И.В. Фуругельмом: в рапорте генерал-губернатору Восточной Сибири 29 декабря 1867 г. по вопросу размежевания земель Фуругельм докладывал, что от подполковника Будищева, которому было предписано выделить корабельные леса, ничего, кроме рапортов о болезни, не получено. В октябре Будищеву было предписано первым зимним путем возвратиться в Николаевск и представить отчет. В рапорте от 10 января 1868 г. военный губернатор писал о том, что Будищев «с возвращения из С-Петербурга, находясь большею частью в болезненном состоянии, не имеет возможности исполнять лежащие на нем обязанности, и я, кроме рапортов о болезни, никаких от него сведений не получаю. По сему, находя совершенно излишним иметь на службе во вверенной мне области такого чиновника, я имею честь почтительнейше просить ... вместо подполковника Будищева назначить лесничего надзирателя» Петровича (ОГКУ ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 40). Этот рапорт, категоричный по форме, вызывает ряд вопросов. Прежде всего удивляет, что еще ранее в ответ на рапорт А.Г. Петровича от 3 июля 1867 г., военный губернатор предписал ему отправиться во Владивосток для совместного окончания возложенных на подполковника Будищева работ по описанию лесов Приамурского края и южных гаваней. Одновременно Будищеву предписывалось: «командировать Петровича для совместного окончания возложенных на Вас работ...» и «занять Петровича по Вашему усмотрению... Прошу донести мне, что Вами сделано и когда именно предполагаете закончить возложенное на Вас поручение» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 36). Будищев это предписание не получил, ибо с 14 июня он интенсивно работал в Южно-Уссурийском крае на пространстве от Владивостока до Посьета, по Уссури и в районе оз. Ханка [2]: для поездок с целью осмотра лесов в этом году, согласно предписанию военного губернатора, ему было выделено 500 руб.

В сборнике статей, посвященном памяти А.Ф. Будищева и его сподвижников, Б.П. Колесников [8] обращал внимание на то, что личная судьба первоисследователя дальневосточных лесов почти неизвестна. И это действительно так. В научной литературе укоренилось имя Будищева как **Александр**. К столетию экспедиции А.Ф. Будищева была издана брошюра «Александр Федорович Будищев – первоисследователь лесов Дальнего Востока» [9] со статьей Б.П. Колесникова.

Началось это, вероятно, с небольшой статьи Н.А. Пальчевского [18], помещенной в газете «Приамурские ведомости» и посвященной памяти лесничего Александра Федоровича Будищева. Статья была подготовлена в связи с выходом второго издания трудов экспедиции Будищева. Кроме того, Н.А. Пальчевский [19], занимавшийся делами по организации установки надгробного памятника Будищеву, сообщал, что по его запросу были получены сведения из Благовещенской духовной консистории, согласно которым в метрической книге Усть-Уссурийской церкви за 1868 год в части 3 «о умерших», в ст. под № 22, муж. п., значится:

«подполковник корпуса лесничих Александр Федорович Будищев, 38 лет, умер 20 августа 1868 г. и погребен 22 числа того же месяца и года. Смерть произошла от воспаления спинного мозга». Погребён Будищев на общем кладбище при станции Казакевичево. Обряд погребения совершали священник И. Петрологинов с диаконом Н. Добровидовым, которые впоследствии присматривали за могилой. В справке Благовещенской духовной консистории, скорее всего, было приведено каноническое имя: по святцам 12 декабря (день рождения Будищева) – Александр.

«Роковую» роль в ошибочном имени Будищева, по-видимому, сыграла небольшая статья Л.П. Хомякова «Памяти первого исследователя лесов Приморья ученого лесоведа Александра Федоровича Будищева», опубликованная в журнале «Приморский хозяин» в 1919 г. Под этим именем Будищев помещен в биографо-библиографическом словаре «Русские ботаники», составленном С.Ю. Липшицем [10]. В числе библиографических источников в этом словаре приведена статья Л.П. Хомякова с пометкой, как содержащая очень важную информацию о Будищеве. Л.П. Хомяков [30] на одном из заседаний Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела РГО прочитал доклад «Биографический очерк первого лесоведа Приморской области А.Ф. Будищева». К сожалению, доклад не был опубликован даже в виде тезисов.

Казалось бы, что сомнений в подлинном имени Будищева не должно быть. Но позже, на основе вновь открытых архивных документов, журналисту А. Сердюку [23] удалось установить действительное имя Будищева – Алексей Федорович – и привести сведения о его жизни и деятельности. Но в публикации Сердюка не были приведены конкретные ссылки на архивные материалы, а некоторые неточности (о якобы причастности Будищева к организации лесничества в Императорской Гавани, о месте первой публикации материалов экспедиции, и т.д.) наводили на мысль о вольном изложении событий, что обычно не возбраняется в художественной литературе. К этому добавлялись большие сомнения в ошибочной записи в церковной книге о смерти далеко не рядового человека.

Эти обстоятельства вызвали необходимость обратиться в архивы. В Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ) имеется переписка Сибирского отдела ИРГО с военным губернатором Приморской области по поводу награждения медалями Алексея Федоровича Будищева (малой золотой) и Аркадия Григорьевича Петровича (серебряной) – за исследования лесов Приамурья. В письме от 22 марта 1868 г. № 67 (а не от 22 августа 1868 г., как писал А. Сердюк) содержалась просьба вручить медали награжденным и уведомить об этом Сибирский отдел ИРГО (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2095). В копии формулярного списка А.Ф. Будищева, где имелась запись о том, что он был награжден светло-бронзовой медалью на Андреевской ленте в память о войне 1853–1856 гг., его имя – Алексей Федорович (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4100, 4112). Все это подтверждает правоту А. Сердюка.

Судьба первого исследователя лесов Приамурья была трагичной. Н.А. Пальчевский так писал об А.Ф. Будищеве: «...непосильный труд сломил этого беззаветного труженика, и он так разболелся в конце экспедиции, что умер в том крае, которому отдал свои силы и знания, умер вдали от родины и семьи!» [18]. Б.П. Колесников [8] высказал предположение, что причиной смерти Будищева мог быть клещевой энцефалит; случаи смерти в таежных условиях края от воспаления

спинного мозга наблюдались и позже – в июле 1910 г. в лесоустроительной партии умер практикант с таким же диагнозом (РГИА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 254).

Смерть А.Ф. Будищева была неожиданной. Материалы, связанные с его деятельностью, частично попали в правительственные учреждения, а частично разошлись по рукам. Н.А. Пальчевский [18] писал о том, что он видел в Приморской областной чертежной брульены съемки всех посещенных экспедицией местностей с обозначением таксационными знаками насаждений, а также с указанием мест, удобных для заселения, и жилых. Рукопись ботанического описания древесных пород была передана М.И. Пястужкевичем Обществу изучения Амурского края (ОИАК). Таксационные материалы были отданы областному лесничему, а таксационные заметки переданы И.П. Надаровым в ОИАК. Л.П. Хомяков [29] писал о том, что имущество Будищева было продано с аукциона, в том числе и гербарий, оцененный в 10 копеек.

Н.А. Пальчевский назвал адреса, где могли находиться рукописи Будищева: архивы Уссурийского дивизиона, Приморского областного правления, канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Судя по содержанию письма из Министерства государственных имуществ на имя генерал-губернатора Восточной Сибири (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 3), материалы последних лет работы Будищева и Петровича не были представлены в главное управление. По-видимому, искать их там не следует.

Б.П. Колесников [7] подтверждал наличие «Ботанического описания древесных и кустарниковых пород, произрастающих в Амурском, Уссурийском и Зауссурийском краях» в архиве ОИАК. Кроме того, он сообщил о наличии в описи рукописных карт архива Географического общества СССР (г. Ленинград) «Карты части Приморской области, заключающей Приамурский и Приуссурийский края и побережье Восточного океана» в масштабе 1:210 000, составленной Будищевым в 1864 г. Приамурский (Хабаровский) филиал географического общества, основываясь на сообщении Б.П. Колесникова, по запросу в Ленинград, получил фотокопию и негативы с оригинала карты А.Ф. Будищева, и сейчас они находятся в г. Хабаровске [25, 26]. Эта карта, как первое документальное свидетельство о лесах на обширной территории Приамурья и Приморья, бесценна. Но она не была «первой картой суши Дальнего Востока», как считал А.С. Шейнгауз [30. С. 45], и этой картой не могли «широко пользоваться» М.И. Венюков (путешествовавший по Уссурийскому краю в 1858 г. – до работ лесоустроительной партии Будищева) и Н.М. Пржевальский, который совершал путешествия по Южно-Уссурийскому краю, руководствуясь картой, составленной чинами Генерального штаба, постоянно пополняемой новыми данными. Об использовании чинами Генерального штаба данных Будищева свидетельствует его рапорт военному губернатору области от 3.VI.1863 г., в котором он сообщал о том, что представляет общую карту края с обозначением качества лесов на 4 больших листах и 3 четвертушках, остальные 3 больших листа находятся у инженер-полковника Романова из Генерального штаба. Позже в карту лесов вносил коррективы А.Г. Петрович, о чем он докладывал военному губернатору в апреле 1871 г. Однако запрос военного губернатора Эрдмана в 1876 г. – прислать ему эту карту на прозрачном коленкоре, не был удовлетворен – карта не была найдена (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 521, ч. 2).

В «Описи картам, планшетам, планам и чертежам архива Приморской областной чертежной», составленной в 1881 г. (РГИА ДВ. Ф. 6. Оп.1. Д. 83), значились: «Лесная карта Приуссурийского края», составленная капитаном Будищевым в 1863 г. (1 лист), «Карта окрестностей Императорской Гавани» (1863 г.), «Карта нижнего

течения р. Тумджи и морского побережья между р. Тумджи и заливом Уй» (1863 г.), «Карта русла р. Уссури между реками Дауби и Сунгача» (1860 г.), «Карта русла р. Дауби – притока р. Уссури от устья на протяжении 160 верст ее течения» (1860 г.), «План лесов в окрестностях Николаевска» (1864 г.), а также чертеж окрестностей Николаевска того же автора. Кроме того, под № 99 значилась «Лесная карта Приуссурийского края», на 3 листах без указания автора и года составления. Несомненно, автором этого документа был Будищев. Сейчас эти единицы хранения в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока отсутствуют.

А.Ф. Будищев «по праву, должен быть назван первым исследователем лесов Уссурийского края», писал Б.А. Ивашкевич [6. С. 24]. Б.П. Колесников [7], соглашаясь с этим, считал, что Будищева следует включить в число активных деятелей общегеографического изучения Дальнего Востока, наряду с К.И. Максимовичем, М.И. Венюковым, Р.К. Мааком, Ф.Б. Шмидтом и Н.М. Пржевальским. Более того, он предложил весь дореволюционный период лесного хозяйства в Приамурье назвать «будищевским» [8. С. 10]. Истоки самобытности дальневосточного лесоведения были заложены трудами лесоустроительной партии под его руководством.

КОРЗУН (Корзон) Антон Иванович* родился в 1836 г. в семье небогатых дворян, вероисповедания римско-католического. Учился в Лесном и межевом институте на казенном содержании. После окончания института в 1855 г. со званием инженера-практиканта назначен в корпус межевщиков и отправлен на учебную съемку в Тверскую губернию. В 1856 г. по распоряжению Департамента сельского хозяйства откомандирован на строительные работы в Гродненскую палату государственных имуществ. По распоряжению министра государственных имуществ в 1856 г. назначен в корпус межевщиков сверхштатным топографом, в 1857 г. откомандирован на Тверскую учебную съемку, в мае следующего года отправлен в Тамбовскую палату в распоряжение начальника партии. В мае 1859 г. А.И. Корзун в составе лесоустроительной партии А.Ф. Будищева откомандирован в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. Его маршруты по Приморью, связанные с изучением лесов, проходили в бассейнах рек Иман, Бикин, Вак и Хор, а позже в бассейне оз. Эворон.

В 1862 г., как и всех участников лесоустроительной партии, его повысили в должности – он стал младшим запасным топографом, а на следующий год – младшим землемером Приморской области. С февраля 1868 г. по 1 сентября 1869 г. по приказу военного губернатора Приморской области он исполнял должность областного землемера. В 1870 г., в возрасте 34 лет, Корзун был уволен со службы согласно его прошению. Вероятно, у него были проблемы со здоровьем, о чем свидетельствует запись в формулярном списке о том, что в 1864 г. он был в 6-месячном отпуске, который был продлен на такой же срок (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4648). Работая в Приморском областном правлении, Корзун «состоял по корпусу лесничих». В 1877 г. он «увольняется со службы по расстроенному здоровью с мундиром» (Приказы корпуса лесничих, № 1 от января 1877 г.). В г. Николаевске-на-Амуре А.И. Корзуну принадлежали два деревянных одноэтажных дома. В описи материалов Приморской

* В первых рапортах Будищева фамилия Антона Ивановича была указана как Корзон. – Прим. Ю.И. Манько.

областной чертежной на 1881 год имелись указания о наличии планов ряда местностей, выполненных А.И. Корзуном в 1863–1870 гг. (РГИА ДВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 83).

А.И. Корзун награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, в 1865 г. ему присвоен чин титулярного советника. Он был женат на дочери старшего учителя Томской гимназии; ко времени составления формулярного списка (1870 г.) детей в их семье не было.

ЛЮБЕНСКИЙ Марцелий Мартынович родился 23 мая 1823 г. в семье потомственных дворян Витебской губернии (РГИА. Ф. 1343. Оп. 24. Д. 3737). Из Лесного и межевого института г. Санкт-Петербурга выпущен в 1845 г. в корпус гражданских топографов в звании практиканта. После преобразования корпуса гражданских топографов в корпус межевщиков (1847 г.) остался в прежнем звании. В 1848 г. назначен в корпус межевщиков топографом, а с 1851 г. – инспектором межевания. В 1856 г. «за усердную и ревностную службу» переведен в младшие запасные землемеры, а к концу года – в младшие запасные топографы. Его работа в этот период была связана с межеванием земель и с денежными сборами с государственных крестьян. В 1858 г. он награжден темнобронзовой медалью на Владимирской ленте. В мае 1859 г. М.М. Любенский откомандирован в составе лесоустроительной партии А.Ф. Будищева в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири. В начале 1860 г., будучи в Николаевске, он активно занимался подготовкой работ лесоустроительной партии, а позже исследовал леса по Амуру на пространстве от Хабаровска до устья реки, в нижней части бассейна Амгуни, в бассейнах озер Кизи, Кади, Удыль и в районе залива Де-Кастри. Им была составлена карта обследованных территорий, переданная в Сибирский отдел Географического общества (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 3).

В 1862 г. М.М. Любенский повышен в должности – он стал старшим запасным топографом, а в 1863 г. назначен землемером Приморской области. Далее его работа была связана с земельными делами: в 1864 г. командирован в Хабаровку для составления проекта городского плана, в 1866 г. занимался разработкой почтового маршрута с промером расстояний между станциями от Софийска до Хабаровки. В сентябре 1866 г. ему был поручен выбор местности для городских планов Владивостока и Посъета. Об этом поручении Н.М. Матвеев [15. С. 51] писал, что Любенский получил указание «выделить годные земли для Посъета и Владивостока». В 1867 г. Любенский назначен областным землемером Приморской области (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4508). В описи материалов Приморской областной чертежной перечислены планы-маршруты, выполненные М.М. Любенским в 1860 г., среди них маршруты на оз. Эворон, р. Хунгари и ее притоки, на р. Горин (РГИА ДВ. Ф. 6. Оп.1. Д. 83).

ПЕТРОВИЧ Аркадий Григорьевич (16.XI.1838–29.IX.1879 гг.) – член лесоустроительной партии А.Ф. Будищева. Один из 6 детей штабс-капитана Григория Фердинандовича Петровича, получившего дворянское звание вместе с семьей в ноябре 1849 г. (РГИА. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 2207). Аркадий Григорьевич окончил Лесной и межевой институт в г. Санкт-Петербурге в 1857 г. и был отправлен на учебную съемку в Тверскую губернию. В 1858 г. зачислен в межевой корпус, а в 1859 г. приказом по корпусу командирован в Восточную Сибирь (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2445). В составе экспедиции Будищева А.Г. Петрович обследовал леса по правому берегу р. Амур

на пространстве от устья р. Анюй до Софийска, а также по р. Тумнин, в районе Де-Кастри и по берегу Татарского пролива до Императорской Гавани.

В 1862 г. А.Г. Петрович назначен надзирателем за рубкой леса в Императорской Гавани. В его формулярном списке имеется запись о том, что в этом году он находился в 6-месячном отпуске по болезни – сказались последствия экспедиции 1861 г. В 1863 г. его деятельность проходила в Императорской Гавани. В рапорте на имя военного губернатора Приморской области от 1 августа А.Г. Петрович писал о расходах, связанных с содержанием строений в Константиновском посту, а также о постройке 2-х сторожевых домов. Кроме того, он просил разрешения выслать ему в Императорскую Гавань корову и быка (для него) и корову (для членов команды) из числа скота, доставленного в 27-й флотский экипаж, с отчислением «за эти 3 головы из моего содержания». Также за его счет он просил высылать журналы, газеты и периодические сочинения для солдатского чтения.

В рапорте от 4 августа 1863 г. А.Г. Петрович сообщал планы работ на текущую осень в poste и по описанию лесов на р. Самальге: часть людей из команды, находящейся в Императорской Гавани, будут исправлять квартиры к зиме, а 4 человека будут занимать до конца осени посты у перешейка Меньшикова и у мыса Муравьева для наблюдения за китобойными судами. Весной следующего года Петрович планировал разбить территорию просеками на участки для частной лесной промышленности, в связи с чем просил выслать ему астрономические данные о широте и долготе для привязки казенных лесных участков (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 344, 354). Одновременно он ходатайствовал об увеличении команды в гавани хотя бы на 5 человек. Военный губернатор одобрил план работ в Императорской Гавани, но увеличить команду не нашел возможности. В рапорте от 16 сентября А.Г. Петрович докладывал об итогах маршрута на Самальгу (Самаргу), куда он 4 августа отправился на гиляцкой лодке с 3 нижними чинами и 2 проводниками. Однако, как он писал: «противные ветры допустили меня только до р. Ыкки». Слухи о возможной войне с западом заставили его вернуться в гавань 4 сентября. В итоге им сделано описание местности и лесов и составлена лесная карта на 2-х листах в масштабе 2,5 версты в английском дюйме, о чем есть запись в «Описи карт, планшетов и планов Приморской областной чертежной».

В декабре 1863 г. А.Г. Петрович докладывал военному губернатору о мерах, которые он предпринял по сплочению коллектива в Императорской Гавани. В число этих мер входила разработка огорода. За успехи в этом деле он назначил из собственных средств премии от 15 до 50 руб., а высшей премии (60 руб.) присвоил имя военного губернатора области. В октябре 1864 г. он писал, что в условиях климата Императорской Гавани у него возобновились ревматические боли в ногах и просил походатайствовать о переводе его в Россию во 2-е отделение Лесного департамента (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 344).

А.Г. Петровичу, помимо надзора за лесами, поручалось произвести подробное описание лесов в Императорской Гавани и ее окрестностях, для чего в 1865 г. ему было отпущено 250 руб. на путевые расходы (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 357).

В докладной записке от 27 августа 1866 г., поданной генерал-губернатору Восточной Сибири, А.Г. Петрович писал о состоянии лесной промышленности в Приморской области и о лесных работах в Южно-Приморском крае [21]. Одновременно он обращался с просьбой о переименовании должности лесного надзирателя, кото-

рую занимал, в должность областного лесничего или чиновника особых поручений по лесной части.

В рапорте от 3 июля 1867 г. на имя военного губернатора Петрович, наряду с текущими делами (РГИА ДВ. Ф.1. Оп. 1. Д. 36), среди которых он ходатайствовал о казенной квартире во Владивостоке, обратил внимание на то, что А.Ф. Будищев не представил отчета по проведенным работам и просил предписать Будищеву составлять отчет совместно с Петровичем. После того, как будет составлен совместный отчет, он просил о направлении на «точнейшее обследование» лесов по правому берегу р. Суйфун, так как Будищевым проведено там «не совершенно подробное описание лесов», что будет иметь важное значение для портов Владивостока и Посъета. Рапорт этот, а особенно ответ на него военного губернатора (см. раздел о Будищеве) свидетельствуют, по меньшей мере, о сложных взаимоотношениях Будищева и военного губернатора Фуругельма. Рапорт Петрович подготовил в г. Николаевске, где размещался военный губернатор, и вопрос о подготовке отчета совместно с Будищевым мог быть решен там в рабочем порядке. Однако рапорт А.Г. Петровича предоставил губернатору повод дать предписание Будищеву о совместном с Петровичем составлении отчета. Вызывает вопросы и поведение Петровича: он стал заложником отношений губернатора и Будищева или хотел выслужиться с целью карьерного роста?

19 апреля 1868 г. А.Г. Петрович участвовал в высадке на о-в Аскольд для устранения беспорядков, учиненных там золотодобытчиками манзами (китайцами). Во время этой операции он был ранен. 2 декабря 1868 г. он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом. В наградном листе было записано: «надзирателю за рубкой лесов в Императорской Гавани подпоручику корпуса лесничих Петровичу за отличие, оказанное при прекращении беспорядков в Южно-Уссурийском крае» (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2193).

В январе 1869 г. на Петровича были возложены обязанности, которые ранее исполнял А.Ф. Будищев: он числился производителем лесных работ в Приморской области и занимался выделением корабельных лесов на полуострове Муравьева-Амурского, а также в бассейне р. Мунгугай. В частности, в одном из рапортов (от 19.X.1869 г.) он докладывал о последствиях урагана с 8 на 9 октября, причинившего большой вред лесным насаждениям в верховьях р. Мунгугай – целые полосы леса были вырваны с корнем, наиболее пострадали пихтовые и еловые насаждения. В начале этого года он просил военного губернатора запретить рубку соснового леса в окрестностях долины р. Мо и в других местах Южно-Уссурийского края, поскольку сосняки занимают незначительные площади. В рапорте № 10 от 28.IV.1871 г. А.Г. Петрович представил ведомость 34 пробных площадей, заложенных им в 1870–1871 гг. в Зауссурийском крае: на п-ве Муравьева-Амурского, в бассейнах оз. Ханка, рек Лефу, Усури, Даубихе, Монгугай и других.

С 1872 г. Петровичу поручалось наблюдение за рубкой лесов в районе Владивостока на полуострове Муравьева, отвод площадей и введение по возможности правильного лесного хозяйства для образования впоследствии Владивостокского лесничества. В 1875 г. (15.XII) Петрович просил военного губернатора области представить его к должности лесного ревизора и ходатайствовать о присылке в область 2-х лесных кондукторов. В феврале 1876 г. генерал-губернатор барон Фредерик на основе представления контр-адмирала Эрдмана ходатайствовал перед министром государственных имуществ о назначении А.Г. Петровича на должность лесного

ревизора Приморской области – по примеру принятой в то время системы лесной администрации в Западной Сибири.

В 1877 г. младший запасной лесничий, губернский секретарь А.Г. Петрович назначен лесным ревизором Приморской области (Приказы корпуса лесничих, № 6 от 23 февраля 1877 г.). В этом же году были утверждены разработанные им правила «Правила при производстве рубки леса». А.А. Хисамутдинов [28] приводит сведения о том, что Петрович принимал участие в озеленении Владивостока, где «заложил сад». Вероятно, речь шла о саде у дома командира портов Восточного океана, заложенном в 1872 г.

8 января 1879 г. Аркадий Григорьевич, проработав в Приамурье 20 лет, подал прошение о том, что по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам не может продолжать службу в крае. Для приведения в порядок отчетов о работе, а также для разрешения главных вопросов относительно лесной администрации в области и плана лесного хозяйства, что должно решаться в его присутствии в Приморском областном правлении, он просил командировать его в г. Николаевск с первым пароходом. Одновременно он ходатайствовал об откомандировании его в Лесной департамент с 22 мая (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 710). Военный губернатор области предписал А.Г. Петровичу привести дела по лесной части в должный порядок, прибыть в Николаевск и передать дела в областное правление. А.Г. Петрович был уволен в отставку приказом от 4 сентября «с мундиром», согласно его прошению (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2377).

В этом же году жизнь первого лесного ревизора Приморской области трагически оборвалась. В телеграмме на имя генерал-губернатора, подписанной контрадмиралом Эрдманом, сообщалось: «Начальник Ханкайского округа полковник Глен 29 сентября доносит, что лесной ревизор Петрович в четырех верстах от Рыболова найден застрелившимся. Следствие производится. Петрович ехал из Николаевска». Как свидетельствует письмо в первое отделение Приморского областного правления, в Николаевске он должен был сдавать дела. Однако, как выяснилось позже, в Николаевске у военного губернатора он не был.

В архивных материалах, посвященных А.Г. Петровичу, имеется рапорт заведующего гражданской частью Ханкайского округа с приложенной описью личных вещей бывшего лесного ревизора, а в материалах о назначении пенсии его вдове, проживавшей в г. Иркутске (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2445), есть доклад полицмейстера г. Владивостока военному губернатору Приморской области о том, что Петрович умер в Камень-Рыболове, а во Владивостоке (месте его размещения) никакого имени, ему принадлежавшего, не было.

Медицинский инспектор, в связи с ходатайством о назначении пенсии вдове Петровича, ознакомившись с актом вскрытия его тела, написал в Приморское областное правление, что на основе акта можно заключить: «...Петрович лишил себя жизни посредством выстрела из револьвера в болезненном припадке от сильного прилива крови к мозгу и полнокровия его».

Толчком к этому могли послужить возможные предстоящие неприятности с денежными средствами, вырученными от управления лесами*. Как выяснилось после

* Возможно, этот случай послужил основанием для того, чтобы с 1879 г. на лесного ревизора в Приморской области возлагались только функции изучения лесов и ведения правильного лесного хозяйства. В его обязанности не входило заведование лесами и сбор податей. По крайней мере, так было сообщено в Иркутскую контрольную палату из канцелярии военного губернатора области (РГИА ДВ, Ф. 77, Оп. 1, Д. 219).

смерти Петровича, от него не поступало средств лесного дохода во Владивостокское казначейство, а в описи личных вещей указания на наличие денег не было. Среди его вещей была конторская книжка с вырванными листами в начале, в таком же состоянии была и записная книжка.

В ходатайстве его супруги о назначении ей пенсии (в ноябре 1866 г. А.Г. Петрович в возрасте 27 лет в Иркутске вступил в брак с дочерью действительного статского советника Н.П. Какуевой) было указано, что Петрович был надзирателем за лесами в Императорской Гавани. Это позволяет предположить, что она, проживая в г. Иркутске, не располагала информацией о последующей (после свадьбы) служебной деятельности супруга. В то же время ей было известно, что Петрович не воспользовался двойными прогонами и пособием на выезд в европейскую часть России, а также, что он не был награжден пенсиями за общую службу и за службу в Амурском крае. Наверное, эти сведения, готовя прошение, получил посредник вдовы капитан Якимов, который вел это дело по ее поручению. Скорее всего, Петрович, живя безвыездно, о чем свидетельствуют не полученные им за длительный период прогонные, был одинок в этом далеком от дома и супруги крае.

Опись вещей Петровича позволяет судить о том, что он пользовался очками, курил, страдал от какой-то болезни (имелись «порошки с неизвестными лекарствами»), а в целом не накопил какого-либо богатства – в его обиходе были самые необходимые бытовые вещи (носильные и постельные), среди них мундир с орденом, шпага, новые погоны, маленький чемодан с 18-ю фотографическими карточками и тюк, зашитый в серое сукно и обмотанный веревкой, где находились расчетная книжка на получение пенсии из Владивостокского казначейства, приказы по корпусу лесничих, бланки, карты и разные бумаги, книги «Ботаника» и по технологической практике. В описи нет упоминания о серебряной медали, которой он был награжден Сибирским отделом ИРГО за исследование лесов, и судя по его расписке, получил в мае 1868 г. Вероятно, он не был охотником – среди его вещей не было ружья и принадлежностей к нему. Вещи Петровича были проданы с аукционного торга для «пополнения сумм округа», из них на погребение было израсходовано 61 руб. 68 коп. Похоронен А.Г. Петрович в Камень-Рыболове.

А.Г. Петровичу принадлежат три очерка лесов, обследованных им в составе лесоустроительной партии А.Ф. Будищева [2], а также описание Императорской Гавани [20].

ПЯСТУШКЕВИЧ Мечеслав-Игнатий Иосифович родился 29 октября 1850 г. Окончил курс наук в Санкт-Петербургском земледельческом институте в 1876 г. и был определен на должность младшего таксатора. С 1878 г. был в должности лесничего в Олонецкой губернии. 26 августа 1884 г. назначен запасным лесничим в только что образовавшееся Приамурское генерал-губернаторство. В 1885–1887 гг. Мечеслав Иосифович находился в командировках по заданию генерал-губернатора с целью выяснения состояния лесов и лесного дела в Амурской, Приморской и Забайкальской областях. Командировки завершались «объемистыми» отчетами, характеризующими леса и древесные породы на посещенных им территориях (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 22). Кроме того, им были рассмотрены основные факторы, влияющие на состояние и динамику лесов, и высказаны принципиальные соображения о ведении лесного хозяйства.

В 1886 г. на одной из секций второго Хабаровского съезда представителей «сведущих людей» М.И. Пятушкевич сделал сообщение о вреде лесных палов. В 1887 г. он составил лесные таксы для Амурской области, утвержденные военным губернатором И.Г. Барановым, и «Правила на заготовку леса и материалов из государственных лесов и земель Амурской области», утвержденные 18 января 1887 г. генерал-губернатором (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 5, 80).

С января 1889 г. Пятушкевич был допущен к исполнению должности лесничего 1-го разряда. На него были возложены обязанности заведования лесами в окрестностях г. Хабаровска и по Уссури – то есть он был первым лесничим Хабаровского лесничества, организованного в этом же году. М.И. Пятушкевич, согласно прошению, ушел в отставку по домашним обстоятельствам в 1890 г. «с мундиром» с должности лесничего Владивостокского лесничества (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2033, 2248; приказ по корпусу лесничих №3 от 7.03.1890 г.), но остался в крае. Он был одним из пионеров садоводства: в Хабаровске у него был сад, который он распродал в связи с отъездом во Владивосток. В южном Приморье в районе с. Никольского он предпринимал попытку разведения большого плодового сада. В июне 1904 г. надворный советник М.И. Пятушкевич был допущен наказным атаманом Уссурийского казачьего войска к исполнению должности войскового агронома (РГИА ДВ. Ф. 165. Оп. 1. Д. 21). В «Отчете о съезде сельских хозяев Приморской области» [17] он представлялся как агроном. М.И. Пятушкевич передал в дар Обществу изучения Амурского края собрание книг по сельскому хозяйству.

*Ю.И. Манько,
доктор биологических наук, профессор*

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Итоговые отчеты А.Ф. Будищева и участников возглавляемой им лесоустроительной партии, помимо прочего, относительно подробно описывают и топонимическую картину, существовавшую полтора века назад на значительной части современных Приморского и Хабаровского краев. Всего в них упоминается более 1200 различных топонимов – названий гор, рек, хребтов, населенных пунктов и т.д. В этом массиве географических названий русские топонимы составляют лишь небольшую часть. Подавляющее же большинство упоминаемых в отчетах топонимов являются китайскими (в Приморье) или аборигенными.

Изучая отчеты А.Ф. Будищева и его подчиненных, современный неподготовленный читатель зачастую не будет понимать, о каких конкретно географических объектах в тексте идет речь – узнаваемы будут лишь некоторые топонимы. Связано это с тем, что за полтора века в силу различных исторических процессов комплекс географических названий на территории современных Приморского и Хабаровского краев претерпел очень большие изменения.

Многие аборигенные названия изменили свою форму от зафиксированной в отчетах, отчего стали трудноузнаваемыми. Очень многие аборигенные названия были заменены на русские и иногда даже на другие аборигенные. Некоторые топонимы были и вовсе утрачены, и теперь носившие их географические объекты являются безымянными как на картах, так и среди местного населения. Более того, исчезли и сами некоторые объекты – фанзы, китайские и аборигенные деревни, казачьи станицы, речные заливы и т.д.

Особенно большие изменения произошли в топонимии на территории современного Приморья. Здесь в 1970–1973 гг. проводилось мероприятие по замене названий китайского (и не только) происхождения. Поводом для него стал советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманском на реке Уссури в 1969 г., после которого было принято решение нивелировать один из главных аргументов для предъявления претензий на наши дальневосточные земли со стороны Китая в случае очередных возможных конфликтов в будущем – китайскую топонимию.

В результате этого мероприятия почти все названия китайского происхождения (порядка 1150 шт.) исчезли с карт края. Всего же в Приморье тогда было заменено до 1800 географических названий. (Аналогичные мероприятия проводились в то же время в Амурской области и Хабаровском крае, но там были переименованы лишь единичные объекты.) Поэтому в отчетах, содержащих описание территории современного Приморского края, узнаваемы лишь некоторые аборигенные (Бикин, Сихотэ-Алинь, Уссури, Ханка и т.д.) и русские (Амурский, Буссе, Владивосток и т.д.) названия, сохранившиеся до настоящего времени.

В ряде случаев обращает на себя внимание не совсем аккуратное отношение авторов к фиксации географических названий. В одном отчете, даже на одной странице иногда используются разные формы аборигенного или китайского названия для обозначения одного и того же географического объекта. Такие случаи нередки, и они

вносят дополнительную путаницу при попытках разобраться, о каком объекте идет речь в том или случае.

Рекордсменом в этом плане по праву можно считать прежнее название реки Шкотовки (на юге Приморского края), которое приводится в отчетах в десяти (!) формах – Циму, Цимухы, Цимухэ, Цумухе, Цыму, Цымухо, Цымухы, Цымухэ, Цыхмухэ, Чымухэ.

Понятно, что аборигенные (тунгусо-маньчжурские, нивхские) и китайские топонимы не совсем привычны для русского уха и их фиксация в единой неискаженной форме неспециалистами по языку затруднительна или даже невозможна. Но в таком случае при окончательной подготовке материала целесообразно было бы упорядочить все упоминаемые в отчетах географические названия – использовать в тексте только их наиболее встречающуюся в полевых материалах форму.

Необходимо отметить, что в отчетах встречаются и некоторые географические ошибки, связанные, очевидно, с использованием не совсем достоверных источников. Так, например, в одном из отчетов под названием Фульдзя имеется в виду современная река Кневичанка, а под Маэ – Артемовка, что неверно – оба эти названия относятся к реке Артемовке. Или, например, в одном месте указывается, что река Веселая/Хомяго (ныне Осиновка) впадает в Лефу (ныне Илистая), что также не совсем верно – Веселая впадает в реку Сыдза (ныне Абрамовка), а уже Сыдза впадает в Лефу. Впрочем, такие ошибки единичны.

В ряде случаев представленные в отчетах топонимические реалии в некоторых местностях Приморья могут несколько отличаться от тех, что позже были зафиксированы на картах другими исследователями и являлись привычными вплоть до мероприятия по замене географических названий 1970–1973 гг. Например, в описании А.Ф. Будищевым бассейна р. Партизанской, протекающей на юге края, приводятся китайские искаженные названия ее притока – реки Мельники (Сяу-Туодогу, Сяо-Туондогу, Ся-Туодогу от Сяотоудаогоу – малая первая падь) и основного русла в верхнем течении (Та-Туодогу от Датоудаогоу – большая первая падь, Туодогу от Тоудаогоу – первая падь). Между тем позже на картах до 1973 г. река Мельники имела название Тудаогоу, а река Партизанская на всем протяжении (от истока до устья) называлась Сучан.

Для понимания того, о каких местностях идет речь в тексте, ниже представлены перечни, в которых некоторые географические объекты из отчетов А.Ф. Будищева (и его подчиненных) и рапортов М.И. Пястускевича идентифицируются с объектами и местами на современных топографических картах.

Вся информация представлена в виде словарных статей, которые построены следующим образом.

В начале (жирным шрифтом) идет название географического объекта.

Затем в скобках, если есть, приводятся все другие названия объекта, менее встречающиеся в тексте.

Далее после запятой указывается род объекта (река, гора, деревня и т.п.).

Затем после тире указывается современное название объекта. В некоторых случаях перед современным названием указывается и современный род объекта. Например, горы Бомдындза, упоминаемые в одном из отчетов А.И. Корзуна, однозначно ассоциируются с горным массивом, высшей точкой которого является гора Бунтарь на современной карте, поэтому перед названием Бунтарь указано, что это гора. Иногда после современного названия в скобках конкретизируется географическое положение объекта, если в этом есть необходимость.

Если географический объект до настоящего времени сохранил свое название (выделенное в начале словарной статьи жирным шрифтом) в первоначальной форме, то оно не дублируется после тире, а указывается, что название сохранилось. Если объект в настоящее время безымянный (по крайней мере, на карте масштаба 1:100000) или же вообще не сохранился, то после тире приводится его положение относительно каких-либо ближайших географических объектов на современной карте.

Далее после точки с запятой указывается регион (Приморский или Хабаровский край РФ, провинция Хэйлунцзян КНР), а затем в скобках – муниципалитет региона (городской округ или район), на территории которого находится (или находился) объект.

В ряде случаев после тире не указывается ни современное название объекта, ни его местоположение, а лишь производится перенаправление на другую словарную статью – после сокращения «см.».

В некоторых словарных статьях для ориентации даны расстояния от идентифицируемых географических объектов до ближайших современных населенных пунктов. Эти расстояния рассчитывались не от центра, а от ближней к объекту окраины населенного пункта.

К сожалению, идентифицировать все географические объекты, упоминаемые в отчетах А.Ф. Будищева и его подчиненных, не представляется возможным. Это связано с тем, что: 1) описание в тексте географического положения многих объектов довольно неопределенно; 2) на карте части Приморской области, составленной А.Ф. Будищевым в 1864 г., эти объекты показаны неточно или не показаны вообще; 3) названия этих объектов не сохранились до настоящего времени. Тем не менее, приведенной далее информации вполне достаточно, чтобы иметь представление (хотя бы примерное), о каких местностях и географических объектах идет речь в тексте в большинстве случаев.

*Н.В. Бабенков,
член Общества изучения Амурского края*

Сокращения

бол. – большой	пер. – перевал
бух. – бухта	прав. – правый
возв. – возвышенность	прол. – пролив
гав. – гавань	прот. – протока
г. – город	р. – река
д. – деревня	р-н - район
зал. – залив	рр. – реки
лев. – левый	руч. – ручей
мал. – малый	с. – село, селение
м-н – микрорайон	ск. – скала
назв. сохр. – название сохранилось	см. – смотри
нежил. – нежилое	слоб. – слобода
оз. – озеро	ст. – станица
о-в – остров	стан. – станок
п. – поселок	ур. – урочище
п-в – полуостров	ф. – фанза
пгт. – поселок городского типа	хр. – хребет

Сокращения названий регионов

пр. Хэйл. – провинция Хэйлунцзян (КНР)

Прим. кр. – Приморский край

Хаб. кр. – Хабаровский край

Сокращения названий муниципалитетов Приморского и Хабаровского краев

Ам. р-н – Амурский район

Ан. р-н – Анучинский район

Арс. г.о. – Арсеньевский городской округ

Арт. г.о. – Артемовский городской округ

Бик. р-н – Бикинский район

Ван. р-н – Ванинский район

Вл. г.о. – Владивостокский городской округ

Вяз. р-н – Вяземский район

г.о. Б. К. – городской округ Большой Камень

г.о. Фок. – городской округ Фокино

Д/г. г.о. – Дальнегорский городской округ

Д/р. р-н – Дальнереченский район

Кав. р-н – Кавалеровский район

Кир. р-н – Кировский район

Ком. р-н – Комсомольский район

Кр. р-н – Красноармейский район

Лаз. р-н – Лазовский район

Лес. г.о. – Лесозаводский городской округ

Мих. р-н – Михайловский район

Над. р-н – Надеждинский район

Нан. р-н – Нанайский район

Нах. г.о. – Находкинский городской округ

Ник. р-н – Николаевский район

Окт. р-н – Октябрьский район

Ол. р-н – Ольгинский район

Пар. г.о. – Партизанский городской округ

Пар. р-н – Партизанский район

Пог. р-н – Пограничный район

Пож. р-н – Пожарский район

р-н им. Лазо – район им. Лазо

р-н им. П. О. – район им. Полины Осипенко

С.-Г. р-н – Советско-Гаванский район

Сол. р-н – Солнечный район

Сп. р-н – Спасский р-н

Тер. р-н – Тернейский р-н

Ул. р-н. – Ульчский район

Ус. г.о. – Уссурийский городской округ

Хаб. р-н – Хабаровский район

Хан. р-н – Ханкайский район

Хас. р-н – Хасанский район

Хор. р-н – Хорольский район

Чер. р-н – Черниговский район

Чуг. р-н – Чугуевский район

Шк. р-н – Шкотовский район

Як. р-н – Яковлевский район

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
ИЗ РАПОРТОВ И ИТогоВЫХ ОТЧЕТОВ А.Ф. БУДИЩЕВА,
А.И. КОРЗУНА, М.М. ЛЮБЕНСКОГО, А.Г. ПЕТРОВИЧА

- Абдери**, р. – Бира; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Абки**, р. – Абуциньхэ; пр. Хэйл.
- Аввакумовка**, р. – р. Аввакумовкой в тексте ошибочно считается ее приток – р. Минеральная и далее сама р. Аввакумовка до впадения в море; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Адеми**, р. – см. Наэми.
- Адзами**, р. – Аджима; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Адзи**, горы – назв. сохр. (в истоке р. Дурал); Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Адзи**, д. – на прав. берегу р. Амур, в 4 км северо-восточнее устья р. Быстрой; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Ай** (Яй), р. – Яй; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Айский**, зал. – назв. сохр. (на оз. Кизи); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Айя-Айя**, р. – Аукамха; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Аку**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Акудани**, р. – Акур; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Акули**, р. – см. Ваку.
- Акчи**, оз. – Акшинское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Александровская**, слоб. – с. Владимиро-Александровское; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Александровский**, пост – на месте п. Де-Кастри; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Алпак**, оз. – юго-восточная часть оз. Дальжа (восточнее мыса Золотая Коса); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Алчидаане**, хр. – ограничен с юга рр. Алчан и Улитка, с севера руч. Лесистым и р. Бيران; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Амба**, горы – по правой стороне р. Бикин, между рр. Амба и Таймень; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Амба** (Амбанбиля, Ампабиля), р. – назв. сохр.; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Амбанбиля**, д. – в р-не с. Занадворовка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Амгунь**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр.
- Америка** (Туне-хай-цао), зал. – Находка; Прим. кр. (Нах. г.о., Пар. р-н).
- Амурская**, прот. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Амурский**, зал. – назв. сохр.; Прим. кр.
- Арбот**, бух. – Опричник; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Арбот**, р. – Мокрая (впадает в зал. Чихачева); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Арчи**, р. – Алчан; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Ауа**, р. – Котиковка; Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Ауча**, оз. – Успенье; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Ауча**, р. – Успенье; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Ацу**, оз. – Койминское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Ачья**, р. – Агья; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Аэмгу**, р. – Амгу; Прим. кр. (Тер. р-н).
- Байдзигоза**, р. – Кленовка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Бай-Дзынь-тхунг** (Пай-дзынь-тхунг), ф. – на прав. берегу р. Усури, в 6,5 км южнее с. Марьяновка; Прим. кр. (Кир. р-н).
- Байсы** (Байчи, Байчи-хы), р. – Студеная; Прим. кр. (Пог. р-н).
- Банихеза**, р. – Заломная; Прим. кр. (Пож. р-н).

- Беленхы**, р. – см. Тур.
- Бидзи**, р. – Бичи; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Бикидайнэ**, д. – в р-не с. Васильевка;
Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Бикин** (Бики), р. – Бикин; Прим. кр.
(Пож. р-н) и Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Бимир**, р. – Бимиль; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Биса**, мыс – Бяча; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Биса**, р. – Бяча; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Бисаца**, р. – руч. Андрея; Хаб. кр.
(С.-Г. р-н).
- Боголяза**, горы – начинаются
от р. Бикин чуть ниже устья
р. Средней и тянутся на юг по лев.
стороне р. Заломи; Прим. кр.
(Пож. р-н).
- Богородское**, с. – назв. сохр.; Хаб. кр.
(Ул. р-н).
- Боктор**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ком.
р-н, Сол. р-н).
- Бокумаша**, горы – по прав. стороне
р. Бикин возле ее устья; Хаб. кр.
(Бик. р-н).
- Болень** (Боленское, Болень-Оджал,
Нори-Оджал), оз. – Болонь; Хаб. кр.
(Ам. р-н, Нан. р-н).
- Боллер**, р. – Бильярд; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Болон**, д. – на месте с. Ачан; Хаб. кр.
(Ам. р-н).
- Болотная**, р. – Березянка; Прим. кр.
(Хор. р-н).
- Больдзе**, р. – Хальзанка; Хаб. кр.
(Ком. р-н).
- Большой Дамаку** (Большой Дам), р. –
Белая; Прим. кр. (Кир. р-н, Сп. р-н).
- Большой Дуран**, р. – Дурал; Хаб. кр.
(Ком. р-н).
- Большой Суйфун**, р. – Дасуйфэньхэ;
пр. Хэйл.
- Большой Хунь-Чун**, р. – Тумыньцзыхэ;
пр. Хэйл.
- Бомдындза**, горы – гора Бунтарь;
Прим. кр. (Пож. р-н).
- Борби**, утес – Больбинский; Хаб. кр.
(Ул. р-н).
- Босфор**, прол. – Босфор Восточный;
Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Брусяной**, мыс – в р-не
с. Воронежское-3; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Будогосского**, ст. – с. Забайкальское;
Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Бульди**, зал. – Тартышевский; Прим. кр.
(Пож. р-н).
- Буссе**, ст. – с. Буссе; Прим. кр. (Лес. г.о.).
- Быйдзуиндза** (Быйгуиндза,
Быйдзуиндза), горы – по прав.
стороне р. Тахало, между рр.
Столбовая и Сактымар; Прим. кр.
(Пож. р-н).
- Бынг-сунг-динза** (Бынг-динза), ф. –
в верховье р. Верхотурки; Прим. кр.
(Хор. р-н).
- Бэльго**, оз. – назв. сохр.; Хаб. кр.
(Ком. р-н).
- Бэльго**, р. – Бэльга; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Вайфудин**, р. – см. Уай-Фудзи.
- Ваку** (Акули), р. – Малиновка; Прим.
кр. (Д/р. р-н).
- Варега**, р. – впадает в р. Амур возле
дома отдыха «Шарголь»; Хаб. кр.
(Ком. р-н).
- Васильева**, р. – руч. Известковый Ключ;
Прим. кр. (Ан. р-н).
- Вассе**, мыс – Вассэ (на прав. берегу
р. Амур); Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Вен**, р. – см. Вэн.
- Венюкова**, ст. – с. Венюково; Хаб. кр.
(Вяз. р-н).
- Верхне-Михайловская**, ст. –
на месте ур. Верхнемихайловка,
чуть севернее устья р. Любавки;
Прим. кр. (Лес. г.о.).
- Верхне-Никольская**, ст. – на месте
ур. Верхненикольского, на прав.
берегу р. Уссури возле истока
р. Мостовки; Прим. кр. (Лес. г.о.).
- Верхне-Суйфунский**, пост – в р-не ж.д.
пл. 9183-й км; Прим. кр. (Ус. г.о.).
- Верхне-Тамбовское**, с. –
Верхнетамбовское; Хаб. кр. (Ком. р-н).

- Веселая** (Хомяго), р. – Осиновка; Прим. кр. (Мих. р-н).
- Видная**, ст. – с. Видное; Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Вирзи**, р. – Вторая (впадает в р. Амур ниже с. Иннокентьевка); Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Владивосток** (порт Мея, Хай-шень-уай), пост – г. Владивосток; Прим. кр.
- Владимира**, зал. – см. Св. Владимира.
- Владимирская**, слоб. – с. Владимиро-Александровское; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Воскресенское**, с. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Восток** (Ундзми-Тунг), зал. – назв. сохр.; Прим. кр. (Нах. г.о., Пар. р-н).
- Восточный**, океан – Тихий.
- Восточный**, о-в – Скребцова; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Вэн** (Вен), р. – Краснояровка; Прим. кр. (Як. р-н).
- Вятское**, с. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Гаануманьза**, горы – между основным руслом р. Бикин, низовьем р. Змеиной и р. Петлянкой, наивысшая вершина – гора Забытая; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Гайта**, прот. – в устьях рр. Верхняя Гайтра и Бол. Гайтер; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Гайтор**, горы – вдоль р. Бол. Гайтер; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Ганка**, хр. – между оз. Болонь и рр. Даухман, Лев. Даухман; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Гапай-дуонэ**, мыс – Андрея; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Гарин**, р. – Горин; Хаб. кр. (Ком. р-н, Сол. р-н).
- Гасе**, оз. – Гасси; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Гейс**, р. – Троицкая Падь (у с. Новотроицкого); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Гера**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Гибельная**, прот. – Эморон; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Гидзю**, мыс – Гыджу; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Гидзю**, р. – Гыджу; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Гион**, хр. – Гионский, между рр. Амур и Манома; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Гиудольги**, о-в – Гиудельген; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Гладкий**, пост – на лев. берегу р. Гладкой, в 10 км северо-западнее с. Андреевка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Глазенапа**, о-в – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Гондзагу**, р. – Пушная; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Грошевка** (Хальби), р. – Бол. Чильба; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Гудзюми**, руч. – р. Гудюму; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Гуми** (Гуминские), горы – хр. Сапун; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Гусиное**, оз. – Татарское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Гяця**, р. – Гяча; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Да-Ауа**, р. – Аван; Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Даба**, р. – Бол. Табо; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Дай** (Дааи), р. – Оморокка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Дай-Гуми**, р. – Бол. Гумин; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Дам**, р. – Тамга; Прим. кр. (Лес. г.о.).
- Дамхо**, ф. – на лев. берегу р. Сунгача, в 3,5 км северо-восточнее с. Марково; пр. Хэйл.
- Дарми**, р. – руч. Медвежий (впадает в р. Амур выше по течению от с. Киселевка); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Дауби** (Даубиху), р. – Арсеньевка; Прим. кр. (Ан. р-н, Як. р-н).
- Де-Кастри** (Кастри, Нянгмор), зал. – Чихачева; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Де-Тернэй**, зал. – бух. Серебрянка; Прим. кр. (Тер. р-н).
- Дедуль**, гора – Дедоли; Хаб. кр. (Ул. р-н).

- Джайские** (Джай, Джай-огды, Джай-Оксы), горы – гора Софийская; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Джаур**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Джаури**, мыс – в р-не с. Джари; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Джафику**, р. – см. Дзябигу.
- Джон-мэ**, д. – на месте м-на Дземги (г. Комсомольск-на-Амуре); Хаб. кр.
- Джонмэя**, р. – руч. Дальний; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Джуанка**, р. – Бол. Дюанка; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Дзаодза**, д. – п. Чжуацзи; пр. Хэйл.
- Дзионгбхузо**, ф. – возле устья р. Заломной; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Дзябигу**, р. – Осиновая; Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Дзябигу**, р. – Охотничья; Прим. кр. (Кир. р-н).
- Дзябигу** (Джафику, Дзяфику, Тьяфику), р. – Мал. Ананьевка; Прим. кр. (Над. р-н).
- Дзябигу** (Дзябигухоуза), ф. – возле устья р. Охотничьей, на ее лев. берегу; Прим. кр. (Кир. р-н).
- Дзягомо**, хр. – тянется по лев. стороне р. Кедрач; Прим. кр. (Бик. р-н).
- Дзягомо**, ф. – на лев. берегу р. Бикин, в р-не ур. Ульяновка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Дзягомо**, р. – Кедрач; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Дзяуготай**, гора – Крутояр; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Дзяфику**, р. – см. Дзябигу.
- Дидальские**, горы – хр. Гидали (между р. Амур и оз. Удыль); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Диепу** (Дзяфу), д. – в р-не с. Диппы; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Дими**, р. – Тыми; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Дипу**, прот. – Диппинская; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Дольдзя**, оз. – Далган; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Доман**, р. – Думухэ; пр. Хэйл.
- Дондас**, зал. – см. Новик.
- Дондон**, р. – Аной; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Дорейерга**, д. – в р-не с. Даерга; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Дорокта**, оз. – Дали; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Ду**, мыс – Опасности; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Ду**, р. – Дуй; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Дуз-Хелэ**, горы – по лев. стороне р. Уссури, в 21-27 км западнее с. Пожарского (Прим. кр.); пр. Хэйл.
- Дускали**, р. – Сяомухэ; пр. Хэйл.
- Дьяченко**, ст. – на прав. берегу р. Уссури, напротив о-ва Дьяченкина; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Дюйга**, мыс – в р-не с. Джуен; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Екатерины**, мыс – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Ельбин**, оз. – см. Эльбин.
- Ерега**, р. – впадает в оз. Падали в его северо-восточной части, в долине реки – водохранилище; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Жеребцовское**, с. – на лев. берегу р. Амур, ниже устья р. Бильярд; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Зарубина**, ст. – на прав. берегу р. Уссури, в 6 км южнее с. Покровка; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Зеленый Бор**, с. – на месте ур. Зеленый Бор, на прав. берегу р. Амур, в 2,5 км выше по течению от с. им. Максима Горького; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Иба-Тунг**, хр. – это часть хр. Синего, которая тянется от низовья р. Крыловки на северо-восток к низовью р. Малиновки; Прим. кр. (Д/р. р-н, Кир. р-н, Лес. г.о.).
- Ильинская**, ст. – с. Ильинка (нежил.); Прим. кр. (Д/р. р-н).
- Иля**, р. – на восточной окраине пгт. Краскино, впадает в море; Прим. кр. (Хас. р-н).

- Има** (Ниман), р. – Бол. Уссурка; Прим. кр. (Д/г. г.о., Д/р. р-н, Кр. р-н).
- Има-Ваку**, д. – в северо-восточной части г. Дальнереченска; Прим. кр.
- Императорская**, гав. – см. Императорский.
- Императорский**, зал. – Советская Гавань; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Индеу**, ф. – в верховье р. Осиновки; Прим. кр. (Мих. р-н).
- Индалада**, утес – гора Сенькина Шапка, в 1,5 км южнее устья р. Лозовый Ключ; Прим. кр. (Пар. г.о., Пар. р-н).
- Иодоми**, р. – см. Уодоми.
- Иомэ**, оз. – Иркутское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Иомэ**, р. – см. Эм.
- Ирца-Гундин**, ф. – на р. Улитке; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Искай-Коль**, р. – Иска; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Ича**, мыс – назв. сохр.; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Ича**, р. – Эс; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Кабач-бах**, д. – в р-не с. Кабачи; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Кабач-бах**, р. – Кабачинская Падь; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Када**, оз. – Кади; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Када**, р. – Кади; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Казакевича** (Казакевичева), ст. – с. Казакевичево; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Кальчи**, р. – Мал. Заломная; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Камень-Рыбалов** (Камень-Рыболов), пост – с. Камень-Рыболов; Прим. кр. (Хан. р-н).
- Камора**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Камхеза**, р. – см. Хамхеза.
- Канго**, р. – см. Канхоуза.
- Кангули**, р. – Дубняковая; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Кандидаде**, р. – руч. Казенный; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Кандидаде** (Кандидадэ), д. – возле устья руч. Казенного; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Канхода**, р. – Отрадная; Прим. кр. (Мих. р-н).
- Канхоуза** (Канго), р. – Суходол; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Канхоуза**, ф. – на правом берегу р. Суходол, напротив с. Речица; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Каргэ**, р. – Карги; Хаб. кр. (Ком. р-н, Ул. р-н).
- Кастри**, зал. – см. Де-Кастри.
- Кахы**, прот. – Вырга; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Кахы**, д. – на лев. берегу р. Масловки, возле ее устья; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Кача**, р. – см. Усачи.
- Качема**, р. – устье в 3 км севернее п. Октябрьского; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Кедровая**, ст. – с. Кедрово; Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Кемугу**, р. – Кема; Прим. кр. (Тер. р-н).
- Кэнтэй-Алинь**, хр. – Кэнтэй-Алинь (водораздел между бассейнами рр. Сунгари и Усури); пр. Хэйл.
- Кизи** (Кизинское), оз. – Бол. Кизи; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Кий** (Кин), р. – Кия; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Киселева**, ст. – с. Аргунское; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Кичер**, зал. – см. Кэчир.
- Клостер-Капм** (Ульмиэ), мыс – Орлова; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Комаровка**, р. – Пей-Хой; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Комаровка** (Сяуча), р. – Первая Речка; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Константиновская**, бух. – Западная; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Константиновский**, пост – возле бух. Западной (в зал. Советская Гавань); Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Кончингоу**, р. – руч. Восточный; Прим. кр. (Арт. г.о.).

- Корзона**, р. – Катэн; Хаб. кр.
(р-н им. Лазо).
- Корсакова**, ст. – с. Корсаково-1; Хаб. кр.
(Хаб. р-н).
- Красная Горка**, ст. – возле зал. Первого
р. Уссури, западнее г. Дальнереченска;
Прим. кр. (Д/р. р-н).
- Красноярская**, ст. – в 2 км северо-
западнее д. Красноярровка; Прим. кр.
(Д/р. р-н).
- Крестовая**, бух. – Юго-Западная;
Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Крутобереговая**, ст. – на прав. берегу
р. Уссури, в 10 км западнее с.
Новостройка; Прим. кр. (Д/р. р-н).
- Кубур**, р. – Кабарга; Прим. кр. (Лес. г.о.).
- Кугатунг** (Кудга-тунг), р. –
Промысловка; Прим. кр. (г.о. Фок.).
- Кукеля**, ст. – с. Кукелево; Хаб. кр.
(Вяз. р-н).
- Кукля**, р. – назв. сохр. (у с.
Константиновка); Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Кулгу**, р. – Туганина; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Кульгу** (Кургу), р. – Курга; Хаб. кр.
(Ком. р-н).
- Кур**, р. – р. Кур (от истока до устья)
и далее р. Тунгуска; Хаб. кр. (Ам. р-н,
Хаб. р-н).
- Кутунгу**, р. – Максимовка; Прим. кр.
(Тер. р-н).
- Кхетен** (Кхэтен), р. – Катан; Прим. кр.
(Пож. р-н).
- Кхетен-линь**, хр. – водораздел между
бассейнами рр. Бикин и Катэн
(в р-не притоков р. Катэн –
рр. Сагдзы и Лев. Катэн); Прим. кр.
(Пож. р-н) и Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Кхетэн-Дабан**, р. – Сагдзы; Хаб. кр.
(р-н им. Лазо).
- Кэпи** (Кыпи), р. – Коппи; Хаб. кр.
(С.-Г. р-н).
- Кэпики**, р. – Копка; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Кэчи**, р. – руч. Первый (в 4 км восточнее
с. Кедрово); Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Кэчи**, р. – Большая (впадает в зал.
Какинская Бухта); Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Кэчир** (Кичер), зал. – Какинская Бухта;
Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Лазарева**, мыс – назв. сохр.; Хаб. кр.
(Ник. р-н).
- Ларионовская**, ст. – на прав. берегу
р. Уссури, в р-не ур. Тарасовка, в 7 км
южнее устья р. Черная Речка;
Прим. кр. (Пож. р-н).
- Лебязье**, оз. – Лебединое; Прим. кр.
(Сп. р-н).
- Лендофу**, ф. – возле устья р.
Арсеньевки, в 10 км юго-западнее
с. Крыловка; Прим. кр. (Як. р-н).
- Лефанчи**, р. – Молоканка; Прим. кр.
(Пог. р-н, Хор. р-н).
- Лефу**, р. – Илистая; Прим. кр.
(Мих. р-н, Чер. р-н).
- Лефу**, оз. – Тростниковое; Прим. кр.
(Хор. р-н, Сп. р-н).
- Ле-Фудзи** (Лефудин), р. – Антоновка;
Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Лефудин**, р. – см. Ле-Фудзи.
- Лианг-Иинг**, ф. – в долине р. Уссури,
в 2 км юго-западнее с. Саратовка;
Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Личи** (Личь), р. – Лича; Хаб. кр.
(Ник. р-н).
- Лон-Мяо** (Лонг-Мяо), ф. – у начала
р. Сунгачи, на ее лев. берегу;
пр. Хэйл.
- Лончакова**, ст. – с. Лончаково;
Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Лоо-Линг**, горы – см. Сихотэ-Алинь.
- Луговая**, ст. – на лев. берегу р. Пешкова,
возле ее устья; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Лючихыэдза**, р. – Гладкая; Прим. кр.
(Хас. р-н).
- Лючихэза**, ф. – п. Люшухэцзы;
пр. Хэйл.
- Ляби**, р. – руч. Ольховый; Хаб. кр.
(Ул. р-н).
- Лян-чи-хы** (Ляндзыхы), р. – Богатая;
Прим. кр. (Вл. г.о.).

- Маго**, д. – п. Маго; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Мадодзи**, утес – у с. Елабуга; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Ма**, р. – Май; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Макаровский** (Мхель), зал. – см. Мхэль.
- Малмыжское**, с. – Малмыж; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Малое Михайловское**, с. – на прав. берегу р. Амур, в 7 км южнее с. Сусанино; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Мальй Дамаку**, р. – Шмаковка; Прим. кр. (Кир. р-н).
- Мальй Дуран**, р. – Мал. Дурал; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Мальй Суйфун** (Сяу-Суйфун), р. – Сяосуйфэньхэ; пр. Хэйл.
- Мальй Хунь-Чун** (Сяу-Хунчун), р. – р. Хуньчунь от истока до впадения р. Тумыньцзыхэ; пр. Хэйл.
- Мальшевское**, с. – Малышево; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Мангугай** (Мангу), р. – Барабашевка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Мангутиэ**, д. – на прав. берегу р. Барабашевки, в р-не руч. Гаккелевского; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Мариинск** (Мариинско-Успенское), с. – Мариинское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Маэ**, мыс – в 1,5 км южнее с. Малмыж; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Маэхы** (Маэ), р. – Артемовка; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Метанхеза**, р. – Леснуха; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Мея**, порт – см. Владивосток.
- Мо** (Мобиля), р. – Мельгуновка; Прим. кр. (Хан. р-н, Хор. р-н).
- Мои**, р. – Майкан; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Мокан**, р. – Дамухэ; пр. Хэйл.
- Море** (Моле, Мурень), р. – Мулинхэ; пр. Хэйл.
- Мочсыза**, горы – между рр. Плоскогорка и Медовая; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Мугдани**, р. – Людю; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Муллидани**, р. – Мули; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Муравьев** (Оанта-священный), утес – ск. Шаман; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Муравьев-Амурский**, п-ов – назв. сохр.; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Муху**, мыс – на южной окраине г. Амурска; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Муху** (Поддали), д. – на лев. берегу прот. Старый Амур, на южной окраине г. Амурска; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Мхэль**, оз. – Гавань; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Мылки**, стан. – в южной оконечности г. Комсомольск-на-Амуре; Хаб. кр.
- Мырх**, р. – Бол. Мырчан; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Найхен**, д. – в р-не с. Найхин; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Найшехо**, р. – Наумовка; Прим. кр. (Кр. р-н).
- Наккага**, р. – Начага; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Науту** (Наутухэ), р. – Журавлевка; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Наутухоуза**, д. – возле устья р. Журавлевки; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Находка**, гав. – зал. Находка; Прим. кр. (Нах. г.о.).
- Наэми**, д. – в р-не с. Ромашка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Наэми** (Адеми), р. – Пойма; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Невельского**, ст. – с. Невельское; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Немпту**, р. – Немпта; Хаб. кр. (Нан. р-н, Хаб. р-н).
- Нергул**, д. – на южном берегу оз. Болонь, напротив мыса Нергуль; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Нижне-Михайловская**, ст. – с. Нижнемихайловка (нежил.); Прим. кр. (Пож. р-н).
- Нижне-Никольская**, ст. – на прав. берегу р. Уссури, возле руч. Никольского; Прим. кр. (Пож. р-н).

- Нижне-Тамбовское**, сел. – Нижнетамбовское; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Николаевск**, г. – Николаевск-на-Амуре; Хаб. кр.
- Ниман**, р. – см. Има.
- Новгородская**, бух. – назв. сохр.; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Новгородский**, пост – см. Посъет.
- Новик** (Дондас), бух. – назв. сохр.; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Ново-Михайловское**, с. – Большемихайловское (нежил., возле оз. Хилка); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Ноквах**, р. – Третья (впадает в р. Амур ниже с. Иннокентьевка); Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Нор**, р. – Наолихэ; пр. Хэйл.
- Норо-Гигху**, д. – на лев. берегу р. Уссури, в 7 км юго-западнее с. Шереметьево (Хаб. кр., Вяз. р-н); пр. Хэйл.
- Нуммуль**, р. – Лимури; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Нучи**, р. – руч. Голый (впадает в прот. Горную в ~15 км ниже по течению от с. Верхнетамбовского); Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Нучь-Гуми**, р. – Мал. Гумин; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Нюмми**, р. – Бол. Хадя от истока до впадения р. Тутто; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Нючъга**, р. – Кушнариха; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Оанда**, р. – руч. Филатов; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Облизна**, о-в – Лисий; Прим. кр. (Нах. г.о.).
- Оджал**, утес – мыс Серебряный (северо-восточнее с. Ачан); Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Оджал** (Оджальские, Одзял), горы – севернее с. Ачан; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Озерный** (Стрелка), мыс – немного юго-западнее с. Петропавловка; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Олондза**, р. – Олонка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Олондзындза**, горы – по прав. стороне р. Бикин, на них находятся истоки рр. Мал. Заломной, Столбовой, Тучной, Вилюйки, Сазаньей, Бол. Берестянки; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Ольги**, зал. – см. Св. Ольги.
- Ольгинский**, пост – пгт. Ольга; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Омуа**, о-в – Крохалев; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Они**, р. – Ченки; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Онмэ** (Онгмуи), возв. – возле с. Омми; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Оня**, р. – Аксян; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Орель**, оз. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Орловское**, с. – п. Орловское; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Оро**, прот. – Синдинская; Хаб. кр. (Нам. р-н).
- Отмелая**, бух. – Северная; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Оты**, оз. – Ауринское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Пай-дзынь-тхунг**, ф. – см. Бай-Дзынь-Тхунг.
- Палялядза**, ф. – на месте с. Тереховка; Прим. кр. (Над. р-н).
- Пейленза**, горы – водораздел между истоками рр. Тамга, Мал. Тамга и Лазаревка, Титовка; Прим. кр. (Лес. г.о., Д/р. р-н).
- Пальво**, прот. – Пальвинская; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Патха**, р. – Патх; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Пейшехо**, р. – Маревка; Прим. кр. (Кр. р-н).
- Пексо**, р. – см. Пехса.
- Перебоевка**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Пермское**, с. – в южной оконечности г. Комсомольск-на-Амуре; Хаб. кр.
- Песчаная**, бух. – назв. сохр.; Прим. кр. (Хас. р-н).

- Песчаный**, пост – на восточном побережье п-ова Песчаного; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Петропавловское**, с. – Петропавловка; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Пехса** (Пексо), р. – Пихца; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Пи-чан-хоуза**, ф. – на р. Верхотурке; Прим. кр. (Хор. р-н).
- Пильду**, р. – Пильда; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Писой**, р. – Писуйчик; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Писхони**, р. – Писуй; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Пича**, р. – Верхотурка; Прим. кр. (Хор. р-н).
- Поворотный**, мыс – назв. сохр.; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Поддали**, оз. – Падали; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Покровская**, ст. – с. Покровка; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Пончалаяза**, горы – между рр. Бикин и Мал. Говорунья; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Пор** (Быстрая, Хоро), р. – Хор; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Посьет** (Новгородский), пост – пгт. Посьет; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Посьета**, зал. – назв. сохр.; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Пояр**, горы – хр. Пуэр; Хаб. кр. (р-н им. П. О., Ул. р-н).
- Приморский**, хр. – см. Сихотэ-Алинь.
- Пронгэ**, мыс – Пронге; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Псю**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Пульса**, оз. – Мал. Кади; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Пунакэ**, мыс – Пуна; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Пунакэ**, р. – Пуна; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Пусу**, р. – Пушю; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Пусунг** (Пусун, Пхусунг), р. – Маргаритовка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Пусунг-хоуза** (Пусунг), д. – в низовье р. Маргаритовки, вероятно, в р-не с. Маргаритовка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Пуяттина**, о-в – назв. сохр.; Прим. кр. (г.о. Фок.).
- Пхусунг**, р. – см. Пусунг.
- Пьинг-Сао**, р. – Фроловка; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Пьинг-Сао** (Пхьинг Шор, Пьинг-Шао, Пынг-Шао, Пьингсао), д. – чуть юго-западнее с. Фроловка; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Пучи** (Пуча), р. – Бол. Пучи; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Пучича**, р. – Мал. Пучи; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Раздольный** (Средне-Суйфунский), пост – в южной части п. Раздольного; Прим. кр. (Над. р-н).
- Речной**, о-в – назв. сохр.; Прим. кр. (Над. р-н).
- Речной**, пост – п. Девятый Вал; Прим. кр. (Над. р-н).
- Рождественская**, ст. – на прав. берегу р. Усури, в р-не ур. Козловка, в 12 км юго-западнее с. Лончаково; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Русский**, о-в – назв. сохр.; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Сабачай**, р. – Первая (впадает слева в р. Амур в 6 км юго-восточнее с. Иннокентьевка); Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Саго** (Чаго), р. – Комаровка; Прим. кр. (Ус. г.о.).
- Саласу**, р. – Силасу; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Самальга**, р. – Самарга; Прим. кр. (Тер. р-н).
- Сангобери** (Саньгобери), р. – Серебрянка; Прим. кр. (Тер. р-н).
- Сандоха**, р. – Спасовка; Прим. кр. (Сп. р-н).
- Саньдогу**, д. – в р-не с. Булыга-Фадеево; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Саньдогу**, р. – Нежинка; Прим. кр. (Над. р-н).

- Саньдогу** (Сендо), р. – Снегуровка; Прим. кр. (Ан. р-н, Мих. р-н, Чер. р-н).
- Саньдогу**, р. – Уссури (между устьями рр. Медведка и Матвеевка); Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Сарапульское**, с. – назв. сохр. (ныне село нежил.); Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Саргу**, оз. – Бол. Шарга; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Сарку-Бокки** (Сарку-Боки), хр. – тянется около 25 км от с. Малмыж на северо-восток; Хаб. кр. (Ам. р-н, Нан. р-н).
- Сахалин**, горы – между с. Губерово и р. Бол. Уссурка; Прим. кр. (Д/р. р-н, Пож. р-н).
- Сахта-яна**, утесы – Сактахонко, Япаканхонко (на северном побережье оз. Болонь); Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Св. Владимира** (Владимира, Хумо Уай), зал. – Владимира; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Св. Ольги** (Ольги, Ольгинский, Фудзин-Уай), зал. – Ольги; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Се-Лефу**, р. – см. Сяу-Лефу.
- Сенда**, прот. – Орловская; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сендо**, р. – см. Саньдогу.
- Сендзя**, р. – Сольджа; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Сепсики**, стан. – возле начала прот. Чепчики; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Сергольм**, р. – Каменская; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сергольмская**, прот. – Шарголь; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сереми**, с. – в р-не с. Дада; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Сеуль**, р. – впадает с юга в оз. Падали; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Сеуля**, р. – Сяумулинхэ; пр. Хэйл.
- Сиан** (Сианхы), р. – Комиссаровка; Прим. кр. (Хан. р-н).
- Сиаху** (Аски-Ханка, Сэухая, Сяу-хая), оз. – Мал. Ханка; пр. Хэйл.
- Сиверга**, гора – Канский Маяк; Прим. кр. (Д/р. р-н).
- Си-гуань-догу**, р. – Казаковская; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Сидаха**, р. – Ситога; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Сидаха-дай-дзиндза**, горы – между р. Бикин и средним течением р. Дальней, на них истоки рр. Лев. Голубицы, Средней, Мал. и Бол. Мом-Биосани, Бурной, наивысшая вершина – гора Предок; Прим. кр. (Кр. р-н, Пож. р-н).
- Сидземи**, д. – вблизи устья р. Лев. Нарва; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Сидземи** (Шидземи), р. – Нарва; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Сидзяпи**, р. – Олхка; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Силасу**, р. – Саласу; Хаб. кр. (Ком. р-н, Ул. р-н).
- Силян**, р. – Бол. Сахалинка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Силясу**, р. – Мал. Ады; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сим** (Хим), р. – Подхоренок; Хаб. кр. (Вяз. р-н, р-н им. Лазо).
- Симасу**, горы – в верхнем течении по лев. стороне р. Симасы; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Симасу**, р. – Симасы; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Симфу**, р. – см. Сымфу.
- Син-Сиен-Дунг** (Цин-Циень-Дунг, Цин-Циень-Ладза), ф. – на лев. берегу р. Павловки, в 3 км от ее устья; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Синда** (Члиба), оз. – Синдинское; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Сипку**, р. – Шивки; Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Ситуха**, р. – Средняя; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Сихотэ-Алинь** (Лоо-Линг, Приморский, Сихотэ), хр. – назв. сохр.; Прим. и Хаб. края
- Сихулин**, р. – Цихулиньхэ; пр. Хэйл.

- Сича** (Сицаэ), р. – Тигровая; Прим. кр. (Пар. г.о.).
- Славянский**, зал. – назв. сохр.; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Славянский**, пост – пгт. Славянка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Солери**, р. – р. Кривая Кенжа (от истока до впадения в нее р. Хановки); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Сомон**, р. – Бол. Сомон; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Софийск**, г. – с. Софийск; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Средне-Суйфунский**, пост – см. Раздольный.
- Стрелок**, прол. – зал. Стрелок; Прим. кр. (г.о. Фок.).
- Суанчинза**, ф. – вблизи впадения р. Комаровки в р. Раздольную; Прим. кр. (Ус. г.о.).
- Судза** (Судзахы, Судзихы), р. – Киевка; Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Судзахоуза**, д. – на прав. берегу р. Киевки, напротив с. Киевка; Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Суйфун**, р. – Раздольная; Прим. кр. (Над. р-н, Окт. р-н, Ус. г.о.).
- Сумур**, хр. – Стрельникова; Прим. кр. (Пож. р-н) и Хаб. кр. (Бик. р-н).
- Сунгача**, р. – назв. сохр.; Прим. кр. (Кир. р-н, Лес. г.о., Сп. р-н).
- Сунгачанский**, пост – в р-не с. Красная Речка (нежил.); Прим. кр. (Сп. р-н).
- Сундакы**, оз. – Петропавловское; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Сундакы**, р. – Сита; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Сурхэ**, оз. – в устье р. Ягодной, в 8 км северо-восточнее с. Нижнетамбовского; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сурхэ**, руч. – р. Ягодная (выше устья р. Шелехова); Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сучан**, р. – Партизанская; Прим. кр. (Пар. г.о., Пар. р-н).
- Сучанхоудза**, д. – в р-не с. Золотая Долина; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Сущева**, мыс – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Сьдза** (Сьдзахы), р. – Абрамовка; Прим. кр. (Мих. р-н, Хор. р-н).
- Сьдогу**, р. – Васильковка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Сьдогу**, р. – Вторая Речка; Прим. кр. (Над. р-н).
- Сымфу** (Симфу), р. – Гячинская; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Сэухая**, оз. – см. Сиаху.
- Сюсу**, р. – Хальзан; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Ся-Туодогу**, р. – см. Сяу-Туодогу.
- Сяо-Туондогу**, р. – см. Сяу-Туодогу.
- Сяу-Лефу** (Се-Лефу), р. – Мал. Илистая; Прим. кр. (Мих. р-н).
- Сяу-нандза**, ф. – вблизи устья р. Изюбринки; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Сяу-Ситухэ** (Сяу-Ситу), р. – Преображенка; Прим. кр. (Кир. р-н).
- Сяу-Суйфун**, р. – см. Малый Суйфун.
- Сяу-Туодогу** (Сяо-Туондогу, Ся-Туодогу), р. – Мельники; Прим. кр. (Пар. г.о.).
- Сяу-Ундзми** (Ся-Ундземи, Сяу-Ундземи), р. – Волчанка; Прим. кр. (Нах. г.о.).
- Сяу-Уса-Го**, р. – Сяоушахэ; пр. Хэйл.
- Сяу-Уу**, р. – Соколовка; Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Сяу-Уу-хы**, д. – в р-не с. Соколовка; Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Сяу-хая**, оз. – см. Сиаху.
- Сяу-Хунчун**, р. – см. Малый Хунь-Чун.
- Сяу-Чуань-фанза**, р. – Чертовка; Прим. кр. (Над. р-н, Ус. г.о.).
- Таба**, бух. – Табо; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Тайдзибери**, р. – Дальняя; Прим. кр. (Кр. р-н).
- Та-дун-гоу**, р. – Арзамасовка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Та-Йих-го**, ф. – в долине р. Тигровой, в 4 км юго-восточнее с. Хмельницкого; Прим. кр. (Пар. г.о.).

- Талень-хоуза** (Та-лин-го), ф. – на лев. берегу р. Партизанской, возле устья р. Анучинской; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Та-Лефан-Хоуза**, д. – фанзы деревни находились на левом берегу р. Илистой на протяжении 10 км, начиная в 3,5 км ниже устья р. Отрадной и заканчивая северо-западной окраиной современного с. Николаевка; Прим. кр. (Мих. р-н).
- Та-лин-го**, ф. – см. Талень-хоуза.
- Тамбовское**, с. – Среднетамбовское; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Танхоуза**, ф. – в низовье р. Краснояровки, по ее левой стороне; Прим. кр. (Як. р-н).
- Тапхоуза-Кэчи**, р. – Каменушка; Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Та-Ситухэ** (Та-Ситу), р. – Крыловка; Прим. кр. (Кир. р-н).
- Тарфун**, р. – скорее всего, под р. Тарфун ошибочно имеется ввиду р. Партизанская; Прим. кр.
- Та-Тундзми**, р. – см. Та-Ундзми.
- Та-Туодогу**, р. – см. Туодогу.
- Та-Уай** (Та-Уай-за), р. – Муравьинка; Прим. кр. (Вл. г.о.).
- Тауби** (Таубы), р. – Изюбринка; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Таудышуй** (Лифулэ), р. – Зеркальная; Прим. кр. (Кав. р-н).
- Та-Ундзми** (Та-Ундзе-ми), р. – Литовка; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Тауруль**, горы – южнее прот. Тоуру (в низовье р. Гур); Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Та-Уса-Го** (Хобиту, Хубиту, Хубту), р. – Гранитная; Прим. кр. (Ус. г.о.).
- Та-Уу** (Та-Уу-хы, Уу-хы), р. – Черная (впадает в море); Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Та-Чуаньфанза**, р. – Перевозная; Прим. кр. (Над. р-н).
- Тизен** (Тизин, Тизинхэ, Тьизенхы), р. – Виноградная; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Ти-ко-лебэ**, ф. – см. Тхаолебэ.
- Тих**, горы – гора Тах (у р. Урпли); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Тоголо**, р. – Тахало; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Тоголо**, д. – на прав. берегу р. Бикин, возле устья р. Тахало; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Тоголо**, горы – между р. Бикин и нижним течением р. Мал. Тахало; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Тока**, р. – Тон; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Топкая**, р. – Гнилая; Прим. кр. (Сп. р-н).
- Торай**, р. – Тигиль (впадает в зал. Чихачева); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Тотьхо** (Тотьхэ), р. – Ягодная (ниже устья р. Шелехова); Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Тоудохеза** (Хульдуки), р. – Улитка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Трехсвятительская**, ст. – в р-не ур. Новосоветское; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Троицкое**, с. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Тудур**, р. – Мачтовая; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Туляму** (Туля, Туляму-Кенгингоу), р. – Брусья; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Тумджи**, р. – Тумнин; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Тумень-Ула** (Тумень, Тумень-дзянь, Тюмень-дзянь), р. – Туманная; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Тунгананча**, р. – Воробьевка; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Туодогу**, р. – Грязная; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Туодогу**, р. – Фурмановка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Туодогу** (Та-Туодогу), р. – р. Партизанская (от истока до впадения р. Сергеевки); Прим. кр. (Пар. р-н).
- Тур** (Беленхы, Белень), р. – Тур; Прим. кр. (Хан. р-н).
- Турий Рог**, пост – с. Турий Рог; Прим. кр. (Хан. р-н).
- Тутта**, р. – Тутто; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).

- Тхаолебэ** (Ти-ко-лебэ, Тэволебэ), ф. – у истока р. Березянки; Прим. кр. (Хор. р-н).
- Тылакэ**, мыс – Баклан; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Тыльм**, оз. – Дыльменское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Тыр**, ст. – п. Тыр; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Тырские**, горы – севернее с. Тыр; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Тызенхы**, р. – см. Тизен.
- Тынзенхы**, пост – в р-не с. Виноградного (нежил.); Прим. кр. (Хас. р-н).
- Тьягоу**, река – Ильмовка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Тэа-санза**, ф. – в верховье р. Мал. Илистой; Прим. кр. (Мих. р-н).
- Тэволебэ**, ф. – см. Тхаолебэ.
- Тюмень-дзянь**, р. – см. Тюмень-Ула.
- Уай-Фудзи** (Вайфудин), р. – Аввакумовка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Уалла**, р. – прот. Узкая, выше устья р. Гур; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Уальчи**, р. – Шелехова; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Уанктен**, горы – возле р. Максимовки; Прим. кр. (Тер. р-н).
- Уань-Чинг**, р. – Милоградовка; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Угловой**, пост – м-н Угловое г. Артема; Прим. кр. (Арт. г.о.).
- Угыдинза**, ф. – на лев. берегу р. Арсеньевки, возле устья р. Заблуждение; Прим. кр. (Як. р-н).
- Удыл-Бидзи** (Ухта), оз. – Удыль; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Удогу**, р. – Первая Речка; Прим. кр. (Над. р-н).
- Уе-чи-динза**, ф. – восточнее пгт. Ярославского, на северо-восточном склоне горы Коваленкова Сопка; Прим. кр. (Хор. р-н).
- Уизго**, р. – Барабашевка (в верхнем течении); Прим. кр. (Хас. р-н).
- Уизго** (Уазго), ф. – на лев. берегу р. Барабашевки, напротив с. Овчинниково; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Уй**, р. – Чистоводная (Уй); Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Уй**, зал. – бух. Ванина; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Уй** (Большой Уй, Ухта), р. – прот. Ухта; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Уксюми**, с. – на о-ве Сарапульском; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Уксюми**, утес – у с. Сарапульского (нежил.); Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Ула**, р. – см. Уляхы.
- Улека**, р. – руч. Шутовский; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Уляхы** (Ула), р. – Уссури (между устьями рр. Матвеевка и Арсеньевка); Прим. кр. (Чуг. р-н, Як. р-н).
- Унса**, зал. – существовал в 1–1,5 км южнее с. Верхний Нерген; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Удоми** (Иодоми), р. – Нижняя Удоми; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Усачи** (Кача, Усачихы), р. – Бол. Усачи; Прим. кр. (Хан. р-н).
- Уссурийский**, зал. – назв. сохр.; Прим. кр.
- Утиное** (Гаси-Хуын), оз. – Галичное; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Уухы**, р. – см. Та-Уу.
- Ухта**, д. – с. Ухта; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Фмагу** (Фомагу), д. – в р-не с. Бельцово; Прим. кр. (Як. р-н).
- Федоровская**, ст. – п. Циммермановка; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Фокинский**, стан. – южнее прот. из оз. Хаванда; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Фондауери**, р. – Контровод; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Фудзи**, р. – Павловка; Прим. кр. (Кав. р-н, Чуг. р-н).
- Фульдзя**, р. – Кневичанка; Прим. кр. (Арт. г.о.).

- Хабаровка**, с. – г. Хабаровск; Хаб. кр.
- Хаджи**, р. – Бол. Ходя; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Хакса**, р. – Какчу; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Халайские**, горы – см. Холанские.
- Хамхеца**, горы – юго-западная часть хр. Стрельникова с истоками рр. Бурлитовки, Контровод, Вороны, Перепелиной; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Хамхеца** (Камхеца), р. – Бурлитовка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Ханка**, мыс – см. Хонко.
- Ханка** (Хинхай), оз. – назв. сохр.; Прим. кр. (Сп. р-н, Хан. р-н, Хор. р-н).
- Ханкайский**, пост – у истока р. Сунгача из оз. Ханка; Прим. кр. (Сп. р-н).
- Хаселго**, р. – Кривая Кенжа (от впадения р. Хановки до устья); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хасему** (Богородское), оз. – Богородское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хеласоми**, оз. – Хаванда; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Херемив**, р. – Кухтерина; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хехцир**, хр. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Хилки**, оз. – Хилка; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хилки**, р. – Хилка; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хоа-ладза** (Хао-ладза, Хоа-ландза), ф. – возле устья р. Дачной; Прим. кр. (Арс. г.о.).
- Хоаньго** (Хоанго, Хоаньхо), р. – Ольга; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Хои**, р. – руч. Бол. Хой; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Хои**, мыс – Хой; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хой**, горы – по лев. стороне р. Амур, в р-не р. Ситога и руч. Медвежьего; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хойдур**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Холан**, прот. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Холанские** (Халайские), горы – гора Холан; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хольсан** (Дайхуэ), оз. – зал. Солонцовый; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хоми**, оз. – Хумми; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хомихы-эдза**, р. – Грязная; Прим. кр. (Пар. г.о.).
- Хомихы-эдза**, д. – в р-не с. Екатериновка; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Хомихэдза**, р. – Шкотовка (от истока до впадения р. Воробьевки); Прим. кр. (Шк. р-н).
- Хомяго**, р. – см. Веселая.
- Хомяго**, р. – Филипповка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Хомяго** (Хомяга), р. – Постышевка; Прим. кр. (Пар. г.о.).
- Хомяхоуза**, д. – возле устья р. Постышевки; Прим. кр. (Пар. г.о.).
- Хомяхы-эдза** (Хамихы-эдза, Хомя-Хы-Эдза, Хонмихы-эдза), р. – Екатериновка; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Хомяхыэдза**, ф. – возле устья р. Филипповки; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Хонгмихыэдза**, р. – Варфоломеевка; Прим. кр. (Як. р-н).
- Хонгнянка**, р. – Хонолика; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Хонко** (Дап-Шанку, Ханка), мыс – Ханку (южнее п. Хумми); Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хонок**, горы – Ханок; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хор**, р. – Хар; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Хорпо**, р. – Литвинцево; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хорсоман**, р. – прот. Хорсомоан; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Хотя**, р. – руч. Известковый (впадает у с. Киселевка); Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хубиту**, р. – см. Та-Уса-Го.
- Хубту**, р. – см. Та-Уса-Го.
- Хунгари**, р. – Гур; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хундо**, возв. – горы по лев. стороне р. Какчу и между рр. Какчу и Майкан; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хунку**, д. – на мысе Нергуль; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Хунку**, утес – Нергуль; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Хунь-Чун**, р. – Хуньчунь; пр. Хэйл.
- Хунци**, р. – Циннивахэ; пр. Хэйл.

- Хунци-хэ**, ф. – на прав. берегу р. Циннивахэ, в 4,5 км северо-западнее горы Смоленцева (гора находится на границе КНР и РФ, возле р. Барабашевки); пр. Хэйл.
- Хур**, р. – Гур (от истока до впадения р. Джаур); Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хур**, оз. – Халбинское; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хур**, р. – Халбинка; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хурбу**, р. – Хурба; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Хуроце**, горы – в истоках р. Сюмнюр; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Хутудани** (Хуту, Хутудами, Хутудомоми), р. – Хуту; Хаб. кр. (Ван. р-н).
- Хух-Хоуза**, д. – в р-не с. Марково; Прим. кр. (Лес. г.о.).
- Хух-Хоуза**, хр. – Синий (часть его, которая тянется от р. Снегуровки на северо-запад до устья р. Арсеньевки); Прим. кр.
- Хуэмэ**, прот. – Челнинская; Хаб. кр. (Хаб. р-н).
- Хывань** (Силасу), оз. – Хаванда; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Хылга**, р. – Холга; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Хытхомо-гу**, р. – Крестовая; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Цеули**, о-в – существовал вокруг горы Чаура, ныне полуостров без назв.; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Циму** (Цимухы, Цимухэ, Цумухе, Цыму, Цымухо, Цымухы, Цымухэ, Цыхмухэ, Чымухэ), р. – Шкотовка; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Цимухэ**, д. – возле устья р. Шкотовки; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Цин-Циень-Дунг**, ф. – см. Син-Сиен-Дунг.
- Цин-Циень-Ладза**, ф. – см. Син-Сиен-Дунг.
- Циульские** (Циули, Циуль-Джай, Циур), горы – гора Тиуль; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Цыфеку**, горы – хр. Черный; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Цыфеку**, д. – возле устья р. Черная Речка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Цыфеку** (Черная), р. – Черная Речка; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Цюки** (Любенское), оз. – Дальжа; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Цянка**, стан. – п. Ченки; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Чаго**, р. – см. Саго.
- Чадбах**, мыс – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Чадбах**, р. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Чальбуха**, горы – хр. Чульбат; Хаб. кр. (р-н им. П. О.).
- Чамудындза** (Чемудындза), д. – в р-не с. Соболиного; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Чамуинза** (Чамуинза), хр. – на прав. берегу р. Бикин, длина 5 км, наивысшая вершина – гора Крутояр; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Чанда** (Ченда), р. – Вайда; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Челачи**, хр. – тянется от с. Иннокентьевка на восток; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Челачи**, мыс – в р-не с. Иннокентьевка; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Ченда**, р. – см. Чанда.
- Чигобоуза**, горы – между устьями рр. Беглянка и Продолинка; Прим. кр. (Кр. р-н).
- Чильва**, оз. – Тильбинское; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Чильчи**, р. – Горная; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Чингхоуза**, ф. – на лев. берегу р. Уссури, в 3 км северо-восточнее с. Красноярровка, вблизи начала прот. Красноярровкой; Прим. кр. (Як. р-н).
- Чирная**, р. – Чирка; Хаб. кр. (р-н им. Лазо, Хаб. р-н).
- Чингхоуза** (Чинхоуза), р. – Седанка; Прим. кр. (Вл. г.о.).

- Чирная**, ст. – в 3 км ниже с. Невельского; Хаб. кр. (р-н им. Лазо).
- Чля**, оз. – назв. сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Чныррах**, мыс – назв сохр.; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Чонгдэсань** (Чонг-дэ-сань, Чондысань), ф. – на северо-восточной окраине с. Утесного; Прим. кр. (Ус. г.о.).
- Чуань-фанза**, ф. – в р-не части п. Раздольного, расположенной на прав. берегу р. Раздольной; Прим. кр. (Над. р-н).
- Чувча**, р. – Щучка; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Чуйбаху**, д. – на прав. берегу р. Уссури, возле хр. Черного; Прим. кр. (Пож. р-н).
- Чупрова** (Благодатная), ст. – на прав. берегу р. Уссури, в 8 км западнее с. Сухановка; Прим. кр. (Д/р. р-н).
- Чуфанли**, р. – Чипали; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Чхонь-миг-динза**, ф. – возле сопки Лузанова, в 7 км севернее с. Сиваковка; Прим. кр. (Хор. р-н).
- Чымухэ**, р. – см. Циму.
- Шереметева**, ст. – с. Шереметьево; Хаб. кр. (Вяз. р-н).
- Шидземи**, р. – см. Сидземи.
- Шимеуза**, р. – Южанка; Прим. кр. (г.о. Фок.).
- Шимеуза**, ф. – на юго-западном берегу бух. Чажма; Прим. кр. (г.о. Фок.).
- Шитухэ** (Шиту), р. – Петровка; Прим. кр. (Шк. р-н).
- Шитухэ**, ф. – на южной окраине с. Петровка; Прим. кр. (г.о. Б. К.).
- Шуфань**, р. – Борисовка; Прим. кр. (Ус. г.о.).
- Шуэйладза**, ф. – на р. Павловке, в 4–6 км восточнее с. Шумного; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Ыкки**, р. – Ботчи; Хаб. кр. (С.-Г. р-н).
- Экспедиции**, бух. – назв. сохр.; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Эльбин** (Ельбин), оз. – Омми; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Эм** (Иомэ), р. – Эма; Хаб. кр. (Ник. р-н).
- Эморон**, горы – на лев. берегу р. Амур, в 15-17 км севернее с. Троицкого; Хаб. кр. (Нан. р-н).
- Эндогу**, р. – см. Эрдогу.
- Эндокса**, хр. – по прав. стороне р. Амур, между руч. Голым и низовьем р. Мачтовой, одна из вершин сохранила название Эндокса; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Эрдиамань**, ф. – в верховье р. Кабанки; Прим. кр. (Хан. р-н).
- Эрдогу**, р. – Форельная; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Эрдогу** (Эндогу, Эхдогу), р. – Сергеевка; Прим. кр. (Пар. р-н).
- Эрдогу** (Эудогу, Эхдогу), р. – Ананьевка; Прим. кр. (Над. р-н).
- Эрдогу** (Эхдогу), р. – Форельная; Прим. кр. (Ол. р-н).
- Эри**, гора – на лев. берегу р. Амур, в 1,5-3,5 км западнее с. Киселевка; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Юсис**, р. – Урпли; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Ючи**, р. – Яучи-Хаяси; Хаб. кр. (Ком. р-н).
- Ядже**, о-в – Ядасен; Хаб. кр. (Ам. р-н).
- Якутская**, прот. – Тахтинская; Хаб. кр. (Ул. р-н).
- Янгбазго**, р. – Обручевка; Прим. кр. (Лаз. р-н).
- Яньчихи** (Яндзи, Янчихы), р. – Цукановка; Прим. кр. (Хас. р-н).
- Яувайза**, д. – в р-не с. Павловка; Прим. кр. (Чуг. р-н).
- Яуци**, р. – Мал. Писуй; Хаб. кр. (Ком. р-н).

ИДЕНТИФИКАЦИЯ НЕКОТОРЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
ИЗ РАПОРТОВ М.И. ПЯСТУШКЕВИЧА

- Адэми**, р. – Пойма; Прим. кр. (Хас. р-н).
Амбабэлла (Амбабелла), р. – Амба;
Прим. кр. (Хас. р-н).
Бэйчихэ, р. – Студеная; Прим. кр.
(Пог. р-н).
Ильдуга, р. – см. Эльдогоу.
Конгоуза, бух. – Суходол; Прим. кр.
(г.о. Б. К., Шк. р-н).
Конгоуза, р. – Суходол; Прим. кр.
(Шк. р-н).
Красное село – на месте ур. Красное
Село (у р. Туманной); Прим. кр.
(Хас. р-н).
Лэфу, р. – Илистая; Прим. кр. (Мих. р-н,
Чер. р-н).
Лючихэза, р. – Казачка; Прим. кр.
(Ус. г.о.).
Лянчихэ, р. – Богатая; Прим. кр.
(Вл. г.о.).
Майхинский, пер. – на водоразделе
между бассейнами рр. Артемовки
(Шк. р-н) и Отрадной (Мих. р-н);
Прим. кр.
Май-хэ, р. – Артемовка; Прим. кр.
(Шк. р-н).
Мангугай, р. – Барабашевка; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Нанча, р. – Мраморная; Прим. кр.
(Пог. р-н).
Ново-Киевск – пгт. Краскино; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Пейча, р. – Комиссаровка от истока
до впадения р. Мраморной; Прим. кр.
(Пог. р-н).
Перевозочная, р. – Перевозная;
Прим. кр. (Над. р-н).
Рыболов, д. – с. Камень-Рыболов;
Прим. кр. (Хан. р-н).
Сиян-хэ, р. – Комиссаровка; Прим. кр.
(Пог. р-н).
Суйфун, р. – Раздольная; Прим. кр.
(Над. р-н, Окт. р-н, Ус. г.о.).
Супутинка, р. – Комаровка; Прим. кр.
(Ус. г.о.).
Сучан, р. – Партизанская; Прим. кр.
(Пар. г.о., Пар. р-н).
Сэдими (Сядими), р. – Нарва; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Тавайза, бух. – Отдыха (в устье
р. Муравьинки); Прим. кр. (Ар. г.о.).
Тахэяж, р. – Нестеровка; Прим. кр.
(Пог. р-н).
Тизен-хэ, р. – Виноградная; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Тудогу, р. – Раковка; Прим. кр. (Ус. г.о.).
Тунча, р. – Решетинка; Прим. кр.
(Пог. р-н).
Тюмень-Ула, р. – Туманная; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Ушагоу (Ушагу, Хубту), р. – Гранитная;
Прим. кр. (Ус. г.о.).
Фаташи, р. – Камышовая; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Цимухэ, р. – Шкотовка; Прим. кр.
(Шк. р-н).
Чуру-хэ, р. – Тесная; Прим. кр.
(Хас. р-н).
Чахэза, р. – Абрамовка; Прим. кр.
(Мих. р-н, Хор. р-н).
Шамора, р. – Лазурная; Прим. кр.
(Вл. г.о.).
Шуфан, р. – Борисовка; Прим. кр.
(Ус. г.о.).
Эльдогоу (Ильдуга), р. – Ананьевка;
Прим. кр. (Над. р-н).
Янчихэ, р. – Цукановка; Прим. кр.
(Хас. р-н).

МЕРЫ ОБЪЕМА, ДЛИНЫ И ПЛОЩАДИ

Аршин – русская мера длины, равная 0,711 метра или 16 вершкам.

Фут – 0,3048 м.

Вершок – русская мера длины, равная примерно 4,4 см.

Сажень – русская мера длины, равная 3 аршинам или 2,134 м.

Верста – русская мера длины, равная 500 сажням, примерно 1,06 км.

Десятина – единица земельной площади, равная 2400 квадратным сажням или 1,092 га.

Таксационная сажень – мера объема, равная 220 куб. ф., – 6,230 м³.

Кубическая сажень – мера объема, равная 9,712 м³.

Кубический фут – мера объема, равная 0,0283 м³.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Будищев, А.Ф. Описание лесов части Приморской области // Записки Сибирского отд. ИРГО. – 1867. – № 9–10. – С. 95–474.
2. Будищев, А.Ф. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. 2-е изд. – Т. 5. Леса Приамурского края. – Вып. 1. Описание лесов Приморской области. – Хабаровск, 1898. – С. 3–49.
3. Гусакова, З. Два Алексея из рода Будищевых // Газета Недели в Саратове. – 2012. – № 2 (181).
4. Дальний Восток. Физико-географическая характеристика. – М.: Изд. АН СССР. – 1961. – 439 с.
5. Делле, П.И. Краткий обзор лесного хозяйства в Приамурском генерал-губернаторстве // Труды съезда лесных чинов Приамурского управления государственных имуществ. – Хабаровск: Тип. тов-ва «Общий Труд». – 1908. – Приложение 2. – С. 3–42.
6. Ивашкевич, Б.А. Что сделано и что надо сделать в области изучения лесов Дальнего Востока // Производительные силы Дальнего Востока. – Вып. 3. Растительный мир. – Хабаровск; Владивосток: Книжное дело. – 1927. – С. 21–52
7. Колесников, Б.П. Новые данные к биографии А.Ф. Будищева // Сообщения ДВ филиала АН СССР. – 1958. – Вып. 9. – С. 123–127.
8. Колесников, Б.П. Столетие первой экспедиции по изучению лесов Приморья и Приамурья // Вопросы сельского и лесного хозяйства Дальнего Востока. – 1961. – Вып. 3. – Владивосток: ДВ филиал СО АН СССР. – С. 5–11.
9. Колесников, Б.П. Александр Федорович Будищев // Александр Федорович Будищев – первоисследователь лесов Дальнего Востока. – Владивосток: Дальневосточное кн. изд., 1965. – С. 1–6.
10. Липшиц, С.Ю. Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. – 1947. – Т. 1. А–Б. – 336 с.
11. Маак, Р.[К.] Путешествие по долине реки Уссури. – СПб: Тип. В. Безобразова и комп. – 1861. – Т. 1. V–VIII + 203 + 21 с. – Т. 2. Регель Э. и Маак Р. О растительности Уссурийской страны. V–XXIV + 344 с.
12. Максимович, К.И. Амурский край (географический очерк). Приложение № 2 ко II т. Записок Имп. Академии наук. – 1862. – 90 с.
13. Манько, Ю.И. Лесное дело на российском Дальнем Востоке. 1859–1922. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 383 с.
14. Манько, Ю.И. Первоисследователь лесов Уссурийского края // Дальневосточный ученый. – 2016. – № 7 (1545).
15. Матвеев, Н.П. Краткий исторический очерк Владивостока. – Владивосток: Уссури, 1990. – 302 с.

16. Миддендорф, А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. 1. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел IV. Растительность Сибири. – СПб, 1867. – 758 с.
- Отчет о съезде сельских хозяев Приморской области 11–14 ноября 1912 г. в г. Никольске-Уссурийском: Материалы по изучению Приамурского края. Под редакцией А.Я. Эггенберга и Д.И. Золотова. – Хабаровск: Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора. – 1913. – Вып. XI. – 410 с.
17. Пальчевский, Н.А. Памяти лесничего Александра Федоровича Будищева (по поводу выхода в свет второго издания его трудов) // Приамурские ведомости. – 1898. – № 228.
18. Пальчевский, Н.А. Сведения о постановке надгробного памятника лесничему А.Ф. Будищеву // Приамурские ведомости. – 1901. – № 375.
19. Петрович, А.Г. Гавань Императора Николая I // Известия географического общества. – 1868. – IV. – С. 152–156.
20. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. V. Леса Приамурского края. Вып. 2. Меры, принимаемые к упорядочению устройства лесов Приамурского края. – Иркутск, 1883. – 162 с. + 3 приложения.
21. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Второе издание. Т. 5. Леса Приамурского края. Вып. 1. Описание лесов Приморской области. – Хабаровск, 1898. – 488 с. + 49 с.
22. Сердюк, А. Человек подвига // Дальневосточные путешествия и приключения. – 1975. – Вып. 6. – С. 252–262.
23. Сосудистые растения советского Дальнего Востока. – Т. 1–8. – 1985–1996.
24. Стариков, Г.Ф. Сто лет дальневосточной карте лесничего А.Ф. Будищева // Лесное хозяйство. – 1964. – № 5. – С. 86.
25. Стариков, Г.Ф., Степанов А.А. Важный памятник дальневосточной картографии / Г.Ф. Стариков, А.А. Степанов // Вопросы географии Дальнего Востока. – 1963. – Сборник 6. – С. 292–300.
26. Столетие учреждения Лесного департамента. 1798–1898. – СПб, 1898. – 252 с. (Факсимильное издание. 1998 г.).
27. Хисамутдинов, А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока (материалы к биобиблиографии исследователей). Вып. 1. (1639–1939). – Владивосток: Дальнаука, 2007. – 667 с.
28. Хомяков, Л.П. Памяти первого исследователя лесов Приамурья ученого лесовода Александра Федоровича Будищева // Приморский хозяин. – 1919. – № 1–10. С. 32–34.
29. Хомяков, Л.П. Биографический очерк первого лесовода Приморской области А.Ф. Будищева // Известия Южно-Уссур. отделения Приамурского отдела РГО. – 1922. – № 4. – С. 83.
30. Шейнгауз, А.С. С заботой о лесе. Беседы о лесном хозяйстве Дальнего Востока. – Хабаровск: Хабаровское кн. изд., 1987. – 240 с.
31. Шмидт, Ф.Б. Исторические отчеты о физико-географических исследованиях начальника физического отдела Сибирской экспедиции и его помощника / Ф.Б. Шмидт, П.П. Глен. – СПб, 1866. – 72 с. + карта.
32. Шперк, Ф. Леса Амурского края // Лесной журнал. – 1882. – Вып. 1. – С. 28–47.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к настоящему изданию. <i>Ю.И. Манько, А.Ж. Пуреховский</i>	3
<i>Ю.И. Манько</i> . Хроника работ специальной лесоустроительной партии по изучению лесов Приморской области (1860–1868 гг.)	8
<i>А.Ф. Будищев</i> . ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ	25
I. Предисловие	27
II. Общий взгляд на главнейшие местные условия Приамурского края как в отношении лесов, так и поселений русских	28
A. По нижнему течению Амура	
III. Описание лесов и мест, удобных для русских поселений, по руслу долины Амурской, от Хабаровки до устья Амура	57
IV. Описание лесов по правому берегу Амура от устья реки Дондона до города Софийска	72
V. От Мариинска до г. Николаевска и Лимана. Леса по реке Хунгари	87
VI. Описание лесов в окрестностях г. Николаевска	94
B. По реке Уссури и ее притокам	
VII. Описание лесов по главному руслу реки Уссури и ее источникам и по притоку ее р. Дауби	99
VIII. Описание лесов по притокам Уссурийской системы реки Бикина и по верховьям рек Пора и Има	125
IX. Описание лесов и местностей по рекам Има и Ваку и по их притокам	137
X. Описание лесов и мест, удобных для Русских поселений, по р. Уссури, выше устья в нее р. Сунгача, до образования первой из речек Фудзи и Саньдогу	151
XI. Описание лесов и мест, удобных для русских поселений, по рекам: Фудзи, Ле-Фудзи и Уай-Фудзи, по прямому сообщению р. Уссури с заливом Св. Ольги	157
B. Описание лесов в системе рек Южно-Уссурийского края	
XII. Описание озера Ханка, его притоков и истока р. Сунгача	167
XIII. Описание лесов по пути от устья р. Сунгача до Владивостока (Порт Мея)	179
XIV. Описание лесов и местности на пути от Владивостока через пост Раздольный до Посьета, оттуда через верхне-Корейское селение на Тизинхэ, р. Тумень и верхне-Корейское селение, по р. Мангугай до поста Раздольного; далее на Саньдогу чрез верховье Даубихэ, по Уссури до ст. Буссе и около озера Ханка	204

XV. Описание лесов по пути от д. Суанчинза на р. Суйфун, через д. Лефу на р. Лефу до русла р. Дауби и по ее руслу	212
XVI. Владивосток и полуостров Муравьев-Амурский	223
XVII Описание лесов и мест, удобных для русских поселений, по пути от дер. Цимухэ у берегов Восточного океана, по речкам: Циму, Маэ, Лефу, Пича, Мо, Лефанчи и вокруг озера Ханка до Сунгачанского поста № 3	238
XVIII. Описание лесов и мест, удобных для русских поселений, на пути от озера Ханка вдоль Государственной границы от Китайской империи до залива Посьета	244
Г. Леса по морскому побережью	
XIX. Описание лесов по берегам р. Тумджи от устья в нее р. Акудани, по берегам Татарского пролива от устья р. Тумджи до Императорского залива и по речкам Хаджи, Ма, Уй и Джуанка	256
XX. Описание лесов по берегам Татарского пролива от залива Де-Кастри до р. Хои и по руслу р. Тумджи до устья в нее р. Акудани	263
XXI Описание лесов, растущих по берегу Татарского пролива между Императорскою гаванью и р. Ыкки	265
XXII. Описание лесов и мест, удобных для русских поселений по морскому побережью от залива Св. Ольги до Посьета и приморских речек: Уай-Фудзи, Сучан, Циму, Маэ, Фульдзя, Суйфун, Амба, Мангу, Сидземи, Наэми, Тизен	282
XXIII. Описание лесов и мест, удобных для русских поселений, по пути от залива Посьета по берегу Восточного океана, долиною Суйфуна и далее к озеру Ханка	310
Приложение. Ботаническое описание древесных и кустарных пород, произрастающих в Амурском, Уссурийском и Южно-Уссурийском краях	319
<i>Ю.И. Манько.</i> Маршруты А.Ф. Будищева и сотрудников лесостроительной партии	356
Избранные документы лесостроительной партии: рапорты, письма, ведомости, карты	358
<i>М.И. Пястушкевич.</i> ОЧЕРК СОСТОЯНИЯ ЛЕСНОЙ ЧАСТИ В АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ	385
<i>М.И. Пястушкевич.</i> КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ЛЕСОВ ОСМОТРЕННОЙ ЧАСТИ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО КРАЯ	447
<i>Ю.И. Манько.</i> Биографические очерки	475
<i>Н.В. Бабенков.</i> Старые и новые географические названия	486
Меры объема, длины и площади	507
Библиографический список	508

Научно-популярное издание
Под научной редакцией Манько Юрия Ивановича

Леса Дальнего Востока глазами первопроходцев

Составители:

Ю.И. Манько, доктор биологических наук, профессор,
заслуженный лесовод Российской Федерации

А.Ж. Пуреховский, координатор информационных проектов
Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы (WWF)

Редактор – Л.Е. Стрикаускас
Дизайн обложки, макет – Л.А. Харитонова
Карта маршрутов – Н.В. Бабенков, О.А. Бердникова

Координатор проекта – С.И. Титова

ИП Львов Дмитрий Владиславович
Формат 70 x 100/16. Усл.печ. л. 30. Уч.-изд. л. 33,79.
Тираж 300. Заказ

Отпечатано в Санкт-Петербургском филиале ФГУП «Издательство "Наука".
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, дом 12.